МАРИЯ
КОЛЕСНИКОВА

ГАДАНИЕ НА ИЕРОГЛИФАХ

ГА-
ДА-
НИЕ
НА
ИЕ-
РОГ-
ЛИ-
ФАХ

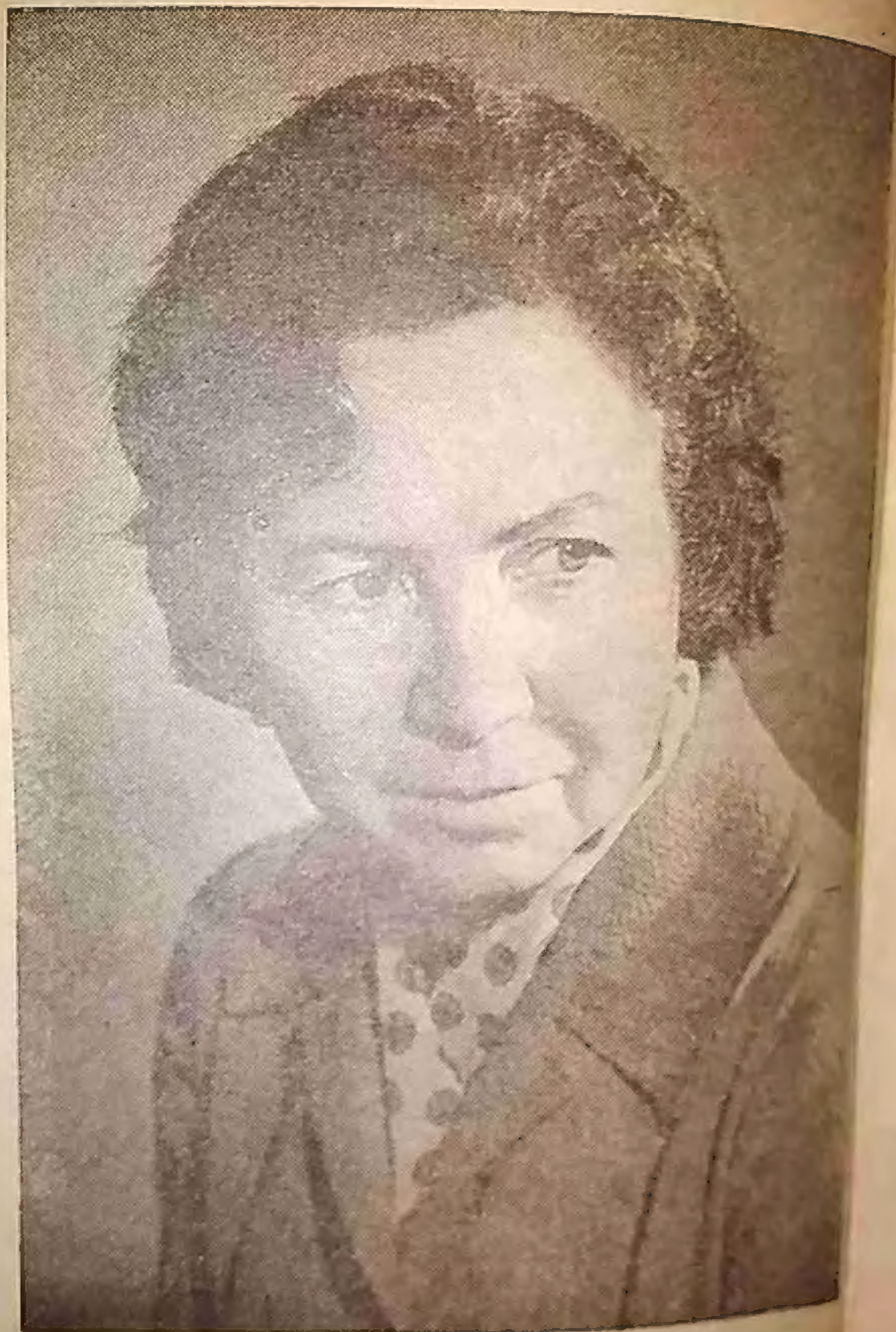

М. Колесникова
Гадание на иероглифах

МАРИЯ КОЛЕСНИКОВА

ГАДАНИЕ НА ИЕРОГЛИФАХ

МАРИЯ КОЛЕСНИКОВА

ГАДАНИЕ НА ИЕРОГЛИФАХ

ПОВЕСТИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

ББК 84.Р7
К 60

Художник
Владимир ФАТЕХОВ

К $\frac{4702010200-453}{083(02)-86}$ 69—86

СЛУГА ЦИНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Мукден напоминал шкатулку, где ящик вкладывается в ящик: здесь имелся старый, или Китайский, город с лабиринтом узких и кривых улочек и переулков-хутунгов; сердцевиной старого города был Шэньян с его огромным шумным базаром; а сердцевиной Шэньяна являлся «китайский кремль», обнесенный высокими и толстыми стенами из черного кирпича; в центре «китайского кремля», куда вели арочные ворота с крылатой надворотной башней, стоял обширный императорский дворец с желтой черепичной крышей и затейливыми башенками. «Сердцевиной» императорского дворца надлежало считать самого императора Маньчжоу-Го. Но наши десантники еще 19 августа задержали Пу И на мукденском аэродроме.

Тогда же, в августе 1945 года, в императорском дворце разместился политотдел штаба фронта. Неподалеку находился штаб 6-й гвардейской танковой армии, занявшей город.

Мы, востоковеды, жили в фешенебельной гостинице «Ямато». Все здесь было приспособлено под японский вкус: раздвижные бумажные перегородки, желтые циновки-татами на полу, низенькие лакированные столики, за которыми сидят, привалившись на гору плоских подушечек. Спали на нарах, в своеобразных раздвижных шкафах, где находилась постель: толстый тюфяк, пышное шелковое одеяло. И деревянная подпорка для шеи (чтоб не испортить прическу). В ванной комнате, в шкафу ви-

сели женские кимоно в белых хризантемах — их следовало надевать после купания. Мне предстояло окунуться с головой в японский образ жизни и конечно же в китайский, который сейчас в Маньчжурии становился преобладающим. В интересах дела. Поскольку познать — значит пережить, отождествиться в некотором роде с тем, что познаешь.

Днем вместе с другими японистами и китаистами я находилась в императорском дворце: нам поручили разобраться в захваченных японских документах, отобрать наиболее ценное. Кроме того, мы писали плакаты, листовки, обращения, помогали двадцати пяти местным газетам, шести журналам и разного рода бюллетеням. Иногда кому-нибудь из нас приходилось выступать устно перед населением.

От нас требовали не только знания восточных языков: мы должны были усвоить историю, экономику и культуру стран Дальнего Востока, особенно Северо-Восточного Китая, то есть Маньчжурии, знать театр военных действий.

Меня привлекала самобытная культура этих стран, их яркая и трагичная история. Особенно интересовала Маньчжурия — своеобразный очаг многовековых международных противоречий, приводивших всякий раз к большим историческим потрясениям.

Война кончилась. Вот-вот начнется демобилизация. Вернулось ощущение полузабытых мирных дней. Из института прислали письмо, посоветовали не терять даром времени: готовить диссертацию о Маньчжурии. Прямо на месте! Я приступила к работе, стала накапливать материал, и загадка маньчжуров не переставала мучить меня. Кто они, маньчжуры, откуда взялись? Как этому малочисленному военному союзу тунгусских племен удалось легко покорить многомиллионный Китай с его тысячелетней культурой и свыше двух с половиной веков держать его в рабстве? Конечно же тут крылась тайна.

До сих пор я не встречала ни одного маньчжура. Где они, эти основатели династии Цин, жестокие властители, так и не растворившиеся до наших дней в китайской массе, не утратившие окончательно ни свой язык, ни свою письменность?.. Я видела их вертикальное письмо, напоминающее старомонгольское или древнеуйгурское. Я даже знала немного их звучный язык, не похожий ни на какой другой. Например, небольшая река называется — бира, а море — мезери. Тайга — воцзи... У меня с детства был

страсть к языкам. Это, наверное, и сделало меня японисткой, но помимо японского я вгрызалась и в китайский, и в монгольский, и в корейский.

Когда стали поговаривать об отводе наших войск из Маньчжурии, забеспокоилась: так и не увижу маньчжуров!

— Раздобудьте мне хоть одного маньчжура! — сказала я лейтенанту Кольцову из советской комендатуры в Мукдене.— Ведь приходят же они к вам с какими-нибудь просьбами?.. Маньчжурский язык здесь считался государственным, но я не нашла ни одного человека, который бы говорил на нем.

Кольцов замялся:

— Видите ли, Вера Васильевна, тут такое дело... маньчжуров, по-моему, в природе не существует.

— Как то есть?! — изумилась я.

— Очень просто. Приходит к нам в комендатуру этакий гражданин в синем халате и заявляет: «Прошу вернуть мне мою национальность! Японцы переименовали меня и всю нашу китайскую деревню в маньчжуров. А когда я однажды назвался китайцем, меня избили бамбуковыми палками...» Вот так-то. Японцы отняли у здешних китайцев не только землю, но и национальную принадлежность. Боюсь, не отыщем мы в Маньчжурии ни одного настоящего маньчжура.

Этот факт, признаться, сильно поразил меня: а я-то воображала, будто хорошо знаю Маньчжурию! Оказывается, здесь до последнего времени существовало узаконенное рабство, продажа людей. Китайцам запрещалось употреблять в пищу рис... А куда все-таки девались маньчжуры, исконные обитатели здешних мест?

Что я знала о них? На севере Ляодунского полуострова испокон веков обитали различные по этническому составу охотничьи тунгусские племена. Китайцы называли их «маньчжоу». В конце XVI века вождь одного из племен — Нурхаци — объединил маньчжуров, стал во главе военного союза и выступил походом в отдаленные земли. Он мечтал покорить Китай. Но осуществить мечту удалось другому маньчжурскому хану — Фулиню, или Шуньчжи. Случилось это в 1644 году. С тех пор на китайском престоле утвердились маньчжурские императоры, вплоть до революции 1911—1913 годов, когда последний император Цинской династии Пу И вынужден был отречься от власти. Так закончила свое существование маньчжурская

династия. Пу И подобрали японцы. Под видом восстановления законных прав Пу И захватили Маньчжурию («фамильные владения маньчжурских императоров»), а властолюбивого Пу И сделали «императором» марионеточного государства Маньчжоу-Го, основанного будто бы на сотрудничестве маньчжуров и японцев. Официальные документы здесь публиковались как на маньчжурском, так и на японском, но отнюдь не на китайском.

Конечно же тем первым маньчжурам нелегко было управлять завоеванным Китаем: ведь их было так мало! Делиться властью с китайцами они не собирались. Китайцев в знак покорности завоеватели заставили отрастить косы. Чем длиннее коса — тем преданнее китаец. Китайцев объявили низшей расой, браки между маньчжурами и китайцами карались смертной казнью. Китайские чиновники, даже усердно выслуживаясь, могли претендовать лишь на второстепенные должности. Маньчжурский язык сделался государственным. Основная масса земель находилась в собственности маньчжурского наследственного дворянства и военной знати. Да, маньчжуры всячески ограждались от ассимиляции. Китайцам запрещалось селиться в Маньчжурии — «фамильных владениях». Маньчжуров было мало, а для укрепления своей власти Цинская династия пользовалась лишь маньчжурскими войсками, и эти войска рассредоточились по всему необъятному Китаю. Маньчжурия опустела.

Вот почему в самом сердце Маньчжурии мне не удалось встретить ни одного маньчжура. Они находились, наверное, где-то там, за Великой китайской стеной.

Когда выпадали свободные часы, я в сопровождении Кольцова отправлялась «изучать жизнь». Эта странная, непонятная жизнь громадного азиатского города пряталась от нас за слепыми глинобитными стенами — малиновыми, бледно-розовыми, желтыми, черными, видны были только черепичные крыши. Маленькие таинственные калитки никогда не открывались. На воротах домов были начертаны крупные иероглифы — заклинания против злых духов. Целые кварталы, обнесенные глинобитной стеной!.. Вот это стремление отгородиться от всего высоченной стеной мы подмечали и в городе, и в деревне. Деревня окружена стеной с башнями и бойницами, в нее можно попасть лишь через ворота. А усадьба крестьянина, в свою очередь, огорожена стеной. Здесь свои ворота. Не знаю, что там происходило за толщей стен, но жизнь

бурно выплескивалась на улицы. До позднего часа не умолкал базар в Шэньяне. Он тянулся на многие километры, заполняя все улицы и переулки, и не было ему конца. Путешественники любят описывать красочность восточных базаров, поражающих изобилием. Здесь тоже наблюдалось изобилие: тюки шелков ярких расцветок, фарфоровая посуда, фотоаппараты, часы, японские шубы военного покроя, кимоно всех расцветок — и женские и мужские, отрезы на костюмы, электроприборы... Все, что удалось населению растащить из японских складов и особняков в те дни, когда склады и коттеджи оставались без присмотра и охраны. Теперь каждый торопился сбыть товар с рук, и бесценные вазы из сацумского фарфора торговцы отдавали почти даром. Мы с Кольцовым никогда ничего такого не покупали, но это не мешало им подолгу бежать за нами, совать товар под самый нос и истошно кричать: «Капитана! Папа-мама нету, куш-куш надо!», «Капитана-шанго!» Тут продавали, но мало кто покупал. Больше спорили, щелкали семечки и орехи, с восхищением наблюдали за извивающимися в пляске бумажными драконами.

Меня привлекали такие пустячки, как японские печатки, целые вороха маленьких японских печаток — квадратные, круглые, из дерева, кости, нефрита. Японец не расписывается, а ставит свою печатку. Их владельцы побросали все, даже печати, и бежали. Я покупала эти ставшие никому не нужными печатки. Если печатка из яшмы, нефрита,— значит, владелец был важной персоной. Он избавился от печати, от военной формы, чтобы не быть опознанным. Покупала старые иллюстрированные японские журналы — это тоже была страсть. На обложках изображались или самураи, дерущиеся на мечах, или знаменитая гейша, или многоярусная пагода, или же прославленный борец, напоминающий жирного будду.

На базаре встречались и японки в своих живописных кимоно с широким поясом — оби, переступающие ногами на деревянных скамеечках — гэта. Они жались к стенам домов, торговали носовыми платками и сигаретами. Кольцов мрачно забирал у них весь товар и совал в руки свою наличность. Платки раздавал сопливым китайчатам. Считалось, что его поступки не требуют комментариев, и я помалкивала.

Тут же, прямо на улице, дымились котлы с рисом и соевыми бобами, на лотках лежали пампушки с мясом,

ломтики ослепительно белого хлеба из рисовой муки. М
внимание привлекали гроздья перца, связки толстых м
но-красных луковиц, горы фиолетовых баклажанов, нен
верно огромные тыквы, словно жернова из мрамора,
шуйчатые ананасы, горы зелени, груды бананов. Толкали
разносчики с огромными корзинами на головах, визгли
переругивались мелкие торговцы, катили коляски велори
ши, посередине улицы с грохотом проносились замызга
нные трамваи. Торговцы всякой снедью звонками и т
щотками стремились привлечь внимание покупателей. Од
раз мы с Кольцовым попробовали красные засахаренн
корни лотоса (для экзотики!) — по вкусу сладкое тесто.

Как мы выяснили, помимо китайского существовал та
же японский базар, где местные служащие продавали св
имущество. Мелкие банды хунхузов с гиканьем и воплям
делали набеги на японский базар и отнимали все — ради
приемники, пианино, велосипеды, веера, вазы, кимон
мужскую одежду, детские курточки и одеяла,— грузили
ручные тачки, увозили на китайский базар. Японцы не со
ротивлялись, не возмущались. Женщины молчаливо, скор
ными глазами провожали грабителей.

Мы не принадлежали к этой жизни и равнодушно пр
ходили мимо всяких товаров. Однажды задержались воз
группы зевак, окруживших столик предсказателя судьб
Предсказатель работал на виду у всех, ничего мистическ
го в его облике не наблюдалось: обыкновенный китаец
кожаной тюбетейке, из-под которой свисала грязная к
сичка. На нем были синий халат и матерчатые туфли
толстой подошве.

В его круглом лице начисто отсутствовала инфернал
ность — типично крестьянское лицо, чуть лукавое, но пр
стецкое, только руки поражали своей выхоленностью
человек никогда не занимался физическим трудом.

Узнать судьбу в те бурные дни охотников было мног
Заметив советских офицеров, предсказатель широко улы
нулся, обнажив короткие желтые зубы, поднялся и ста
отвешивать поклоны. Узкие глаза лукаво поблескивал
мол, понимать надо — игра с судьбой, игра — и тольк
Все без обмана. На столике перед ним лежала засаленна
книжка «Искусство предвидеть будущее», я уже имел
случай прочитать ее.

— Может быть, Вера Васильевна, хотите узнать сво
судьбу? — пошутил Кольцов.

— А почему бы и нет? У меня где-то в глубине созн

ния живет темное суеверие. В черных кошек, разумеется, не верю. Но есть что-то... Иногда кажется, усилием воли можно корректировать события. Горизонты настоящего и будущего соприкасаются и даже могут накладываться друг на друга.

Кольцов искренне возмутился:

— Не ожидал от вас... А еще с высшим образованием!

Это было широко распространенное в Китае гадание на иероглифах. Провидец указал на красный деревянный ящичек, где стопкой лежали бумажки, испещренные крупными иероглифами.

Я опустила руку и вытащила бумажку. Мельком взглянув на нее, прорицатель стал на ломаном русском расточать похвалы моему будущему — счастье, успех, богатство и тому подобное.

— Тут написано: «Едешь на лодке — будь готов промокнуть до нитки». Как это понимать? — спросила я по-китайски.

От неожиданности предсказатель вздрогнул. В толпе дружно рассмеялись. «Потерявший лицо» стал лепетать что-то невразумительное. Никак не ожидал, что я знаю иероглифы. Бумажку с китайской пословицей сохранила на память, щедро расплатившись с незадачливым вещуном.

С тех пор у себя в отделе мы завели эту игру — «гадание на иероглифах». Своеобразная тренировка. Предположим, старший лейтенант Анискин собирается в Чанчунь на доклад к начальству. Тащит билет. Выпадает: «И к дурню может прийти удача». Дружный хохот.. Японист майор Соловьев запоздал с переводом важного документа. Текст попался сложный. Вот и гадает Соловьев: влетит ему или не влетит от начальника отдела? Идет к оракулу — оракул вещает: «Хорошему коню — один кнут, кляче — тысячу». Соловьев озадаченно почесывает лысину... Это как-то скрашивало наши суровые монотонные будни, вносило дух своеобразного, чисто профессионального юмора, когда постороннему трудно понять, над чем так весело смеются. Мы не поленились переписать на ярлычки сотню-другую китайских изречений, пословиц и шуток. Тут встречались такие перлы мудрости: «На вывеске говядина, а в лавке конина» (можно применить к политическому лицемерию); «Змея и в бамбуковой палке пытается извиваться» (комментарии излишни); «Идет по старой

дороге, а поет новую песню»; «Волосатый повар боитс[я] сильного огня»; «Каждая неудача прибавляет ума»; «Мел[...]кая вода шумлива, мелкий человек хвастлив»; «Когда кош[...]ка плачет, мыши притворяются сочувствующими»... Муд[...]рость, отшлифованная тысячелетиями. Афоризмы хорош[...] запоминались, и в разговоре с китайскими должностным[и] лицами мы часто ими пользовались.

В институте я старательно изучала культуру Китая [и] теоретически имела представление о ее богатстве и свое[...]образии. Знала, что еще в древнем Китае получили боль[...]шое развитие философия, искусство, литература, матема[...]тика, механика, астрономия, медицина; что впервые в Ки[...]тае были изобретены порох, бумага, сейсмограф, компас[,] книгопечатание; что за две тысячи лет до нашей эры там уже было развито шелкоткачество и так далее. Но только здесь, в Мукдене, я по-настоящему почувствовала ее на[...]циональное своеобразие и замкнутость. Для меня на прак[...]тике стала понятна конфуцианская философия с ее идея[...]ми исключительности всего китайского, с ее презрением к культурам других народов-«варваров», недостойным под[...]ражания.

Во дворце Пу И я рассматривала вертикальные на[...]стенные свитки, в которых сочетались живопись, калли[...]графия и поэзия, вытканные на шелку картины, долго простаивала перед изделиями из фарфора, перегородча[...]той эмали, резного лака, созерцала буддийскую бронзу и удивлялась высокому вкусу, талантливости мастеров, со[...]здавших эти вещи. Во всем было тонкое изящество и са[...]мобытность. Чувствовалось стремление украсить, сделать утонченным окружающий мир. Это была особая нацио[...]нальная форма, отвлеченно-символический стиль, в кото[...]ром преобладала феодальная тематика.

В Мукдене я бывала на театральных представлениях. Здесь все условно. Театральные костюмы, грим, головные уборы определяют характер роли, которую данный артист исполняет (например, отрицательные персонажи носят красные и голубые бороды). Каждый предмет имеет сим[...]волическое значение, актер с плеткой в руке — «едет вер[...]хом»; служители, машущие черными флагами, изображают сильный ветер. Главное — текст и умение владеть мими[...]кой и жестом.

Правда, в позднейшем искусстве, которое расцвело после революции 1911 года, преобладал уже реализм, со[...]циальные мотивы. В литературу пришли такие писатели,

как Лу Синь, Мао Дунь. И все же во всем чувствовалось влияние старых традиций.

Китайская музыка оказалась просто недоступной моему восприятию, хотя в ней присутствовали и мелодия, и гармония, и ритм. Но у китайцев свое понятие гармонии. Гармонии они уделяли всегда преимущественное внимание. По понятиям их философов, гармония должна быть во всем. Музыка должна быть гармонична не только сама по себе, но обязана находиться в гармонии со светилами небесными, атмосферой, с общественной и политической жизнью, с психологическими и физическими свойствами человека. Попробуй совместить все это! Китайцы ухитряются совмещать. Каждая из двенадцати первоначальных нот китайской музыкальной шкалы соответствует определенному календарному периоду в году, 360 производных нот представляют каждый день года. Нота «гун» — символ правителя. Если «гун» не в гармонии с остальными нотами,— значит, правитель горд и пренебрегает своим народом. Если нота «шан», символизирующая чиновников, не в гармонии с другими,— значит, чиновники не исполняют своих обязанностей. В этих сложностях, по-видимому, разбирались далеко не все. Но, как я заметила, китайцы очень любят и ценят свою музыку. Китайскую песню можно услышать на свадьбах и других празднествах. Ею сопровождались тяжелые полевые работы крестьян, ее пели рабочие, кули.

Оригинальны китайские музыкальные инструменты, оригинальны и их названия. Мне нравится китайское название гуслей — просто и выразительно: «цзинь».

А вот замысловатость китайской музыкальной теории породила в нашем кругу шутки. У себя в отделе мы стали разговаривать примерно так:

— Что-то сегодня нота «гун» хмурится. Держись, ребята! Она, сия нота, наверно, встала не с той ноги. Быть негармоничному шуму!

Или:

— Эй вы, нота «шан», пошли в дансинг-холл на танцы!

В дансинг-холл ходили по вечерам всей ватагой. Здесь можно было танцевать хоть до утра.

В дансинг-холле имелись профессиональные танцоры и танцовщицы — китайцы и китаянки, корейцы и кореянки и даже японки. Иногда к нам присоединялся лейтенант Кольцов, которому всякого рода увеселительные заведения казались «шпионскими гнездами». Он не танцевал, а

угрюмо пил знаменитое пиво, которое подавали в темных пузатых графинах, и ворчал.

Мне нравилось бывать в рабочих кварталах Тецуниса. Именно здесь можно было наблюдать жизнь трудового люда во всей её неприглядности; и я поняла, что «китайская нищета» — это особая нищета, какой, наверное, нет больше нигде. Нищета без надежды на будущее.

Я делала вырезки из гоминьдановских газет. В них за последние месяцы пышно расцвел ничем не прикрытый великодержавный китайский шовинизм: «Мы станем гегемоном мира»; «Наша нация сильна тем, что она, ассимилируя другие национальности, никогда не была побеждена другими нациями». Приводились слова одного известного философа, который еще в начале века, в период господства Цинской династии, вещал: «Китай, безусловно, имеет все данные для того, чтоб воинственно смотреть на мир, устрашать и потрясать земной шар, распоряжаться государствами и теснить пять континентов». Философ Цзоу Жун не скромничал: если уж завоевывать, то все сразу; ведь, по словам того же Цзоу Жуна, китайская раса — «это самая особенная раса в истории Дальнего Востока». Оказывается, «будущая мировая культура станет китайской культурой». На собственном небольшом опыте общения с населением Мукдена я убеждалась не раз, что некоторые китайские интеллигенты стремятся все мировые события приспособить к своей древности, где якобы уже все было, а последующая история человечества — лишь повторение кругов китайской истории. Яростная вспышка национализма на страницах гоминьдановских газет имела свои причины. Газеты изображали дело так, что разгром советскими войсками Квантунской армии стал возможен лишь потому, что гоминьдановская армия измотала японцев в Центральном Китае, а русским осталось лишь захватить Маньчжурию.

Кто-то мудрый посеял во мне еще в институтские годы страсть к размышлениям, к анализу, и вот теперь я стремилась всеми способами выработать в себе чуткое понимание иностранной психологии. Без такого понимания лучше не влезать в международные отношения, а наша практика ежечасно требовала от нас, переводчиков-международников, основательного проникновения в них. Разумеется, как все международники, я знала существующие на этот счет анекдоты: американская система — «добыча — победителю»; английскую политическую теорию называют

лавочнической; у французов юридический склад ума. Немцам-де была присуща «дипломатия неожиданностей». Была, да сплыла. Один из германских журналистов писал, что в каждом немце якобы жива мания самоубийства. Почему? Итальянцы, мол, сначала стараются создать плохие отношения с той страной, с которой хотят договориться, а затем предложить «хорошие отношения», потребовать уступок, которых они не надеются получить. А вот как определить политическую теорию здесь, в Маньчжурии, и там, в застенном Китае?.. Тут анекдотиком не отделаешься... Проглядывается ли здесь в совокупности нечто общее, вопреки диаметрально противоположным политическим установкам, нечто такое, что можно было бы назвать складом ума, системой?

Большую часть суток я проводила во дворце последнего императора могущественной династии. Как бы ни был ничтожен сам по себе Пу И как личность, события его жизни интересовали меня неимоверно. На нем словно бы замыкался многовековой круг истории Китая.

Пу И — чистокровный маньчжур из рода Айсинь Гиоро. Его мать носила маньчжурское имя Гуаэрцзя. Его двоюродная бабушка, знаменитая жестокая владычица Цыси, в ту пору, когда была наложницей императора, звалась Ниласы. Она любила говорить: «Кто мне хоть раз испортит настроение, тому я испорчу его на всю жизнь». Задолго до своей смерти Цыси воздвигла себе неподалеку от Пекина пышный мавзолей-гробницу. Там вместе с ее тщедушным высохшим телом были захоронены несметные сокровища: сотни золотых, нефритовых и изготовленных из жемчуга будд, венки из драгоценных камней, нефритовые чаши — всего не перечесть. В 1928 году один чанкайшистский генерал по имени Сунь Дяньин проводил в этом районе «войсковые маневры» и под их прикрытием начисто ограбил усыпальницу Цыси и гробницу императора Цянь Луна. Трое суток выгребали солдаты сокровища. Генерал-грабитель послал тогда в подарок молодой жене Чан Кайши браслеты из сверкающих алмазов, алмазные подвески, золотые нити и просто слитки золота; на туфельках Сун Мэйлин появились крупные жемчужины, те самые, которые украшали некогда корону царственной Цыси. Протесты газетчиков не помогли. Мародеры поделили награбленное.

Каждый день переходила я из одного сверкающ
зала императорских покоев в другой — и повсюду на ме
лился потоками густой красный цвет: на красных стена
потолках, на креслах и вазах — повсюду извивались же
тые императорские драконы. Всех императоров почт
тельно именовали драконами, и даже ничтожный отпры
Цинов Пу И повелел числить себя драконом, сыном неб
Японцы втихомолку посмеивались над своей марионетко
называли Пу И «дракончиком величиной с палец».

В Чанчуне, новой столице Маньчжоу-Го, имелось е
два императорских дворца: старый — неподалеку от це
трального вокзала, и новый — обширный дворцовый а
самбль в западной части города, строительство которо
так и не было завершено. Но Пу И предпочитал жить
мукденском дворце. Здесь, за городом, находились мо
лы-курганы первых маньчжурских правителей, куда
ездил молиться духам предков. Отсюда в случае неурядиц
легче было и удрать в Японию.

У Пу И имелась «своя» марионеточная армия, поч
двести тысяч солдат. Но с ней он встречался лишь н
парадах. Его дворцы охраняла японская стража. Кажд
его шаг был продиктован японцами, министром двора и
ператора Маньчжоу-Го генералом Есиока.

Среди дворцовых бумаг мне попалась китайская г
зета с подробным описанием поездки Пу И в Харбин. Х
чется воспроизвести это описание без сокращений. О
дает ясное представление о том, как японцы старали
создавать иллюзии, будто их марионетка является ва
ной персоной и подлинным хозяином Маньчжурии.

«Вчера все население Харбина переживало радостн
событие: Его Величество Император Маньчжоу-Го со
волил уже вторично посетить наш город. Готовясь к В
сочайшей встрече, Харбин с раннего утра принял торж
ственно-праздничный вид. Ко времени прибытия Имп
раторского поезда на перроне вокзала собрались пре
ставители высшей военной и гражданской маньчжурск
и японской администрации и организаций, а также нек
торые консулы. На вокзальной площади расположилис
отряды маньчжурских войск и полиции, старейшие пре
ставители маньчжурского населения и др. По пути следов
ния Императорского кортежа, к берегу Сунгари, на тр
туарах выстроились бесконечные ряды представителей о
ваченного радостью встречи населения в лице различны
организаций и школ.

Его Величество Император соизволил прибыть на станцию Харбин со специальным поездом в 11.46 дня. В обычной военной форме, с высшими орденами на груди, Его Величество Император соизволил выйти на перрон в сопровождении генерал-адъютанта маршала Чжан Хайпэна и начальника гвардии господина Кудо и поднятием руки к головному убору милостиво отвечал на почтительные приветствия встречавших, склонившихся в глубоком поклоне.

В 11.57 Е. В. Император соизволил выйти из парадного зала на привокзальную площадь и, отвечая на приветствия, проследовал в ожидавший его блестящий малиновый лимузин. Вся площадь замерла, войска взяли на караул, военный оркестр заиграл гимн Маньчжоу-Цзиго.

Эскортируемый четырьмя малиновыми мотоциклами охраны, Императорский лимузин направился по улицам города к берегу Сунгари. Население города восторженно и почтительно приветствовало Монарха. В 12.05 Императорский кортеж прибыл на берег. Все ожидавшие склонились в почтительном поклоне. Император, милостиво отвечая на приветствия, медленно проследовал на пристань и сел в ожидавший его катер, украшенный в кормовой части желто-черной материей. На носу катера взвился желтый Императорский штандарт. Члены правительства и лица свиты разместились на других катерах, и Императорский кортеж направился вниз по реке, особенно красивой в этот тихий солнечный день.

На рейде против Фудзядяна стояло несколько судов сунгарийской флотилии, расцвеченных гирляндами флагов. С них неслись громовые «вансуй» и «банзай». Строй чинов сунгарийской флотилии вдоль бортов судов и у морского штаба взял на караул. Императорский катер, пройдя мимо пристани морского штаба, повернул к судам. На борт одного из судов Его Величество Император соизволил подняться для дальнейшего следования по Высочайше избранному маршруту...»

День за днем, усевшись за широкий зеркально-полированный стол на кривых драконьих ножках, почти утонув в красном кресле все с теми же красными драконами, я перебирала кипы бумаг, исписанных мелкими иероглифами. Это были преимущественно армейские ведомости, не представляющие никакого интереса. Нудная, утомительная работа, от которой к вечеру ломило затылок, а жизнь на-

чинала казаться бессмысленной. Мы все это определяли как «склерозирование личности». Иногда я отодвигала бумаги и подолгу сидела неподвижно, прикрыв глаза.

В такие моменты меня охватывало странное чувство нереальности всего происходящего. Почему я, родившаяся в русейшем городке Аткарске, японистка? И не просто японистка, а военный переводчик с погонами старшего лейтенанта на плечах. Увы, к военной службе меня никогда не влекло. По всей видимости, я все же была задумана не как лингвист, а как историк. Знание языков, как я начинала догадываться, было нужно мне для непосредственного проникновения в историю стран, манивших мое воображение.

Не кабинетное затворничество, а грубая действительность, обагренная потоками крови погибших товарищей, вовлекла меня в современную историю этих экзотических стран, где нищеты, бесправия, грязи было куда больше, чем экзотики. Я вспоминала, как штурмовали Большой Хинган, который считался неприступным, непреодолимым. Танки, артиллерию, тяжелые грузовики поднимали на отвесные склоны стальными тросами. А перед тем нужно было поднять на те же самые неприступные кручи тягачи. То, что поднимали вверх одним трактором, вниз спускали двумя.

Японцы взрывали все мосты через разлившиеся реки, отравляли водоемы и колодцы, устраивали степные и таежные пожары. Не надеясь на стойкость своих солдат, японские офицеры приковывали их цепями к пулеметам.

На главном направлении одного из наших фронтов тайга стояла стеной: на гектар местности приходилось до трех тысяч стволов деревьев! Деревья валили тяжелыми танками — и все-таки проходили по шестьдесят километров в сутки.

Когда-нибудь все это станет историей. Всё будет подсчитано и конкретизировано. А пока лишь скупые слова листовок: «Тов. Георгий Попов повторил бессмертный подвиг Александра Матросова. Слава герою!» Вот и все. Кто он, этот Попов? Была ли у него жена или невеста? Где его родители? Почему он во имя свободы китайского народа, о котором, наверное, имел самые общие представления, пожертвовал жизнью? Поднялся и закрыл своим телом амбразуру, изрыгавшую смерть...

Или вот еще одна листовка: «Быть такими же бесстрашными в бою, как комсомольцы Василий Колесник

Александр Фирсов!» Ефрейтор Колесник закрыл амбразуру японского дота возле какой-то китайской деревушки (кажется, Шибиньтунь). Младший сержант Фирсов бросился с гранатой на дот у города Дунин.

Сколько русских ребят полегло на этих бесприютных маньчжурских полях! Они совершили невозможное для других армий. Не далее как в мае 1945 года на заседании Высшего военного совета Японии был провозглашен лозунг «столетней войны за империю». И американцы, и англичане, и китайцы не надеялись на скорое окончание войны, не сомневались, что она еще затянется. А советский солдат покончил здесь с войной за двадцать три дня! И конечно же, думалось мне, благодарный китайский народ будет чтить имена героев во веки веков... Ведь они принесли ему самое ценное — свободу!.. А история не баловала китайцев свободой.

— В стране дракона, где нет закона,— любит каламбурить лейтенант Кольцов.

Иногда он донимает меня вопросами:

— Вот объясните, Вера Васильевна, почему так? Мы обращаемся к беднейшему населению, которое живет в тесных, грязных хибарах в Телуниси: занимайте японские особняки, теперь все ваше. А они не хотят занимать. Зато по ночам ломают и растаскивают эти особняки на дрова. Возмутительно! Целые кварталы разрушены.

Что я могла ответить? Пыталась искать причины чисто психологические:

— Боятся, должно быть.

— Чего? Кого?

— У них сейчас историческая неопределенность: мы уйдем, придут гоминьдановцы и все отберут. Их столько раз обманывали, что они изверились во всем.

Такое объяснение, разумеется, не удовлетворило Кольцова. А я снова подумала, что история не баловала китайцев свободой, и, может быть, потому они не научились ею распоряжаться. Восемьсот лет из последнего тысячелетия китайцы находились в рабстве. Китай всегда кто-нибудь завоевывал. С 916 по 1254 год он находился под игом маньчжуро-тунгусских и монгольских племен. С 1280 по 1367 год здесь господствовали монгольские ханы-чингисиды, создавшие династию Юань. А с 1644 по 1911 год Китаем правила та самая Цинская династия, последним императором которой суждено было стать Пу И.

И еще одна особенность истории императорских династий Китая: она круто замешена на предательстве народных интересов. Династии, как правило, кончали свое существование под ударами мощных крестьянских восстаний. Родоначальники новой династии вступали в сговор с феодалами и расправлялись с непокорными крестьянами, из среды которых вышли сами. Личная власть превыше всего. Власть наследственная, династическая. Так, еще в 209 году до нашей эры один из вождей крестьянского восстания, Лю Бан, пошел на сговор с помещиками, предав своих, и сделался императором Первой Ханьской династии. В 618 году нашей эры военачальник Ли Юань напустил на Китай тюрков, которые разграбили страну, и с их помощью стал императором, основав династию Тан. Один из императоров этой династии влюбился в некую Ян Гуйфэй, которая считалась самой красивой женщиной Китая, забросил государственные дела и целиком отдался выполнению капризов красавицы. Адъютант императора поднял мятеж. Мятежники в качестве главного условия мира и сохранения за императором власти потребовали смерти прекрасной Ян Гуйфэй. Император принял это условие безоговорочно. Ян Гуйфэй была задушена.

Но наиболее примечательна, конечно, история завоевания Китая маньчжурами. Как гласят хроники истории династии Цин, в 1644 году в Китае вспыхнуло крестьянское восстание. Повстанцы взяли Пекин. Последний император династии Мин повесился. Крестьяне конфисковали имущество богачей, поделили землю. Народное правительство снизило налоги. Все шло хорошо. Но тут на сцену выступил один из крупнейших китайских феодалов У Саньжуй. Он предал страну, призвав на помощь маньчжуров и объявив себя их вассалом и слугой.

Маньчжуры расправились с восставшими, заняли Пекин и создали свою династию Цин. Цины оказались хорошими психологами, учли, что с древнейших времен все китайские государства были восточными деспотиями, сохранили многие традиционные элементы государственного управления империей. В том числе систему круговой поруки и взаимной ответственности. Если в чем-то перед маньчжурами провинился сын, то головы рубили и отцу и матери, и братьям, и сестрам. Семья провинившегося искоренялась полностью. Зная приверженность китайцев к ритуалу, их стремление раскладывать все по полоч-

кам — «Пять способностей», «Пять одежд», «Пять цветов», «Шесть видов распущенности» и т. п.,— завоеватели широко использовали триста видов китайских церемоний и три тысячи правил достойного поведения. За малейшее нарушение этих правил жестоко наказывали. Так китайцы оказались рабами собственных традиций. Маньчжуры охотно приняли на вооружение формулу времен деспотической ханьской династии: «Где прошел мой конь, там моя земля». Китай — центр вселенной. Остальные народы и страны должны беспрекословно повиноваться китайскому богдыхану. Весь мир — не что иное, как «китайские земли, захваченные варварами». Единственный государь вселенной — китайский император — вправе вмешиваться в дела соседних народов и распоряжаться их территорией. «Нет земли, которая бы не принадлежала императору; все живущие на земле — его подданные и данники».

Это веками вбивалось в головы китайцев, и как-то забывалось, что богдыхан то не китаец, а иноземец, завоеватель. У себя во дворце, в «Запретном городе», он разговаривал только на маньчжурском, туда не допускали китайцев.

Иногда китайский народ восставал против маньчжуров и, случалось, побеждал. Так было с тайпинами, создавшими свое крестьянское государство. Но и эта великая крестьянская война в конце концов потерпела поражение. И не только потому, что на тайпинов обрушились войска маньчжурских феодалов, а также англо-американских и французских интервентов, но еще и в силу внутренней слабости движения. Крестьяне, не руководимые пролетариатом, даже взяв власть, оказались бессильными уничтожить феодализм и построить новое общество, свободное от угнетения. То был прекрасный взлет, революционный взрыв народной энергии. Однако и в данном случае нашлись свои предатели, перерожденцы: купцы и шэньши попрали интересы крестьянства, убили его вождя Ян Сюцина. О тайпинах с большим увлечением рассказывал мне один востоковед, с которым я познакомилась еще в Чите. Он будто разворачивал тяжеленные глыбы тысячелетней истории Китая. Этот человек очень любил китайский народ, его культуру, искусство и пытался привить свою любовь мне. От него я узнала много любопытных подробностей о синьхайской революции, которая смела маньчжурскую династию Цинов, но не при-

несла облегчения трудящимся. Ее погубили генерал Юань Шикай и многие другие генералы — провинциальные «бо-напартики», каждый из которых стремился объявить се-бя императором Китая.

Потом была революция 1925—1927 годов, которую предал Чан Кайши вкупе с новыми «бонапартиками» У Пэйфу, Чжан Цзолином, Сунь Чуаньфэном, Чжан Цзун-чаном — имя им легион. Эти пауки в банке, «собачьи ге-нералы», как окрестили их журналисты, воевали друг с другом за личную власть, за место на троне.

Чжан Цзолин, сидя в Пекине, возглавлял тогда все реакционные силы Китая. Могла ли я предполагать, что познакомлюсь с его сыном. Здесь, в Мукдене!..

За мной как-то заехал лейтенант Кольцов: ему, ви-дите ли, поручено доставить меня на банкет к новому губернатору провинции господину Чжану Сюэсяню. На банкете будет кое-кто из нашего командования — нужен переводчик.

— Губернатор — сын того самого Чжан Цзолина,— пояснил Кольцов.— Рекомендовали его нам на этот пост коммунисты Китая. Папу его убили японцы, старший брат — маршал Чжан Сюэлян, когда управлял Маньчжу-рией, тоже конфликтовал с японцами, а теперь сидит в гоминьдановской тюрьме.

— Но зато, когда японцы начали оккупацию Мань-чжурии, именно Чжан Сюэлян запретил своим войскам оказывать сопротивление, без единого выстрела сдал Маньчжурию японцам. Потом повел наступление проти[в] советских районов,— напомнила я.

— Таких тонкостей не знаю,— признался Кольцов.

А мне-то эти «тонкости» были известны достаточно хорошо. Конечно же Чжан Сюэлян — сложная политиче-ская фигура. В 1930 году он спас Чан Кайши от мятеж[а] генералов, а в 1936 году сам поднял мятеж против Ча[н] Кайши, даже арестовал его. Впоследствии же Чан Кайши арестовал Чжан Сюэляна. А вот что представляет собо[й] его младший брат Сюэсянь, я не знала. Думалось, одна-ко, что там, в Яньани, могли бы порекомендовать на от-ветственный пост губернатора огромной Ляонинской про-винции, куда входит и Мукден, первый город в Маньчжу-рии, человека с более прочной политической репутацией.

Тут очень трудно разобраться, кто кому друг, кто кому враг. «Собачьи генералы», обычно люди с темным про-шлым, беспрестанно воюют между собой. Тот же Чжа[н]

Цзунчан был названым братом одного из сыновей Чжан Цзолина. Другой его сын, объединившись с Чан Кайши, разбил армию Чжан Цзунчана и заставил его бежать. Война всех против всех! В такой войне временные союзы — всего-навсего тактическая уловка. Борьба не за убеждения, а за господствующее положение отдельного лица. Народ лишь игрушка в руках «собачьих генералов». Междоусобицы — способ их существования. Своеобразная «профессия» — воевать, то побеждая, то проигрывая. Мир им не нужен.

Не буду описывать банкет, где было много официальных лиц и с нашей и с китайской стороны. Я оказалась там единственной женщиной, и хозяин всячески старался проявлять ко мне внимание. С его круглого, лоснящегося лица не сходила приторная улыбка, глаза превратились в две узкие, масленно блестевшие щелки. И все же в поведении Чжан Сюэсяня угадывалась напряженность. Вопреки этикету говорили о делах, и только о делах. Господин Чжан Сюэсянь сказал:

— В Маньчжурии издавна существуют банды хунхузов, я знаю их главарей. Это просто грабители. Но сейчас появилось много новых банд, куда влились японцы и остатки марионеточных войск. Вот эти беспокоят меня больше всего. Им помогают гоминьдановцы. Политические банды.

Да, губернатор был озабочен. Он рассказал нам, что гоминьдановцы тайно формируют в Мукдене отряды под видом «коммунистических», и просил разоружить их.

В последнее время все мы чувствовали, как атмосфера в Мукдене накаляется. Конечно же здесь полно было гоминьдановских шпионов. Сюда часто наведывались официальные лица из гоминьдановского Китая, они вели переговоры с представителями местной крупной буржуазии. Прикатил гоминьдановский министр финансов Кун Сянси с тайной целью подорвать денежное обращение в Маньчжурии: вначале здесь расплачивались маньчжурскими гоби, фэнями, серебряными долларами, иенами. Потом появились большие синие банкноты, и они, эти демократические юани, очень не нравились гоминьдановцам. В конце концов Чан Кайши прислал из Чунцина некоего Дуна, который стал мэром Мукдена. Дун повсюду стал насаждать своих людей, расправляться с демократическими элементами.

О визите к губернатору Чжану можно было бы и не

упоминать, но именно этот визит помог мне отыскать в
Маньчжурии маньчжура.

Когда господин Чжан Сюэсянь любезно спросил, бу
дут ли у меня к нему просьбы, я сказала по-китайски:

— Чрезмерная учтивость влечет просьбу. К вам н
прием, наверное, приходят не только китайцы, но и мань
чжуры. Мне очень важно познакомиться с маньчжуром
попрактиковаться в языке, узнать, как маньчжурам жи
лось при японцах. Я готовлю диссертацию по Маньчжу
рии.

Губернатор к просьбе отнесся с полным сочувствием

— Я вас хорошо понимаю. До недавнего времен
очень хотелось повидать людей из СССР. Я следил з
тем, как вы воюете против Гитлера, и восхищался вам
Первого же маньчжура, который придет на прием, от
правлю к вам...

Вспомнилось институтское, кажется, древнегреческое
каждый человек носит четыре маски: маску просто чел
века, маску конкретной индивидуальности, маску обще
ственного положения и маску профессии. Какую маск
показал мне господин Чжан Сюэсянь?

Признаться, я не очень надеялась, что губернатор, за
нятый наведением порядка в целой провинции, вспо
мнит о моей просьбе. Однако он меня не забыл. Вскор
через комендатуру передал для «мадам старшего лейте
нанта» прекрасно изданный сборник древних китайски
текстов. Это была редкая книга философского содер
жания, и я с удовольствием просматривала ее по вечера
Запомнились кое-какие рассуждения древнего мудрец
Например: «Путь совершенно мудрого таков, что он из
живает в себе умствование и хитрость. Когда народ про
являет умствование и хитрость, он сталкивается с много
численными несчастьями; когда их проявляет правител
его государство попадает в опасность и погибает». Или
«Не обогащай людей, а то сам будешь просить у ни
взаймы; не возноси людей высоко, а то они сами буду
тебя теснить», «не полагайся целиком на кого-то одног
а то утеряешь и столицу и государство», «когда мног
кормчих, корабль разбивается». Все это нужно запомнит
чтобы прикоснуться к замкнутой в себе душе народа.

Я наизусть знала «Цзацзуань» — изречения прошл
столетий — и неизменно убеждалась, что в разговоре с ки
тайцем цитата из «Цзацзуань» производит впечатлен
Мое знакомство с «Цзацзуань» сразу заинтересовало

господина Чжана. То был своеобразный пароль авгуров. Посмеиваясь, губернатор сказал, что в таком случае я должна знать, «против чего невольно протестует душа». Не подумав о возможной ловушке, я выпалила:

— «Душа невольно протестует, когда у грубого человека приятная милая жена; когда бездарный человек занимает высокий пост...»

Господин Чжан Сюэсянь покатился со смеху.

— Это сказано про меня. Малый квадрат — подобие большого квадрата, маленькая лошадь — подобие большой лошади, но малый ум отнюдь не подобие большого ума. Я ленивый удачник.

Он обладал чувством юмора.

Секретарем у губернатора был серьезный, молчаливый человек лет тридцати пяти по имени Го Янь. Говорили, будто он прибыл в Мукден из Яньани. Этого было достаточно, чтобы у меня появился повышенный интерес к нему.

Мы дважды встречались у губернатора и считались знакомыми, хотя ни разу не заговаривали. Вскоре случай такой все же представился. Го Янь по какому-то делу очутился в нашем штабе. Мы раскланялись.

— Вот уезжаю...— сказал он мне на правах знакомого.— Отзывают из Мукдена.

— В Яньань? — с любопытством спросила я и, позабыв о китайском этикете, предписывающем сдержанность, нетерпеливо воскликнула: — Ну, как там?!

— Наверное, хуже, чем в Москве,— шутливо ответил он по-русски.

— Вы хорошо владеете русским,— похвалила его я.

— А вы — китайским,— сделал он комплимент мне.

— У вас в Яньани многие говорят по-русски? — не унималась я.

Го Янь как-то неопределенно усмехнулся:

— У советских товарищей не совсем точное представление об Особом районе. Русский у нас знают немногие. Я овладел им в Москве, когда учился там на экономиста.

— Вот оно что... А теперь возвращаетесь в Яньань?

Он помолчал, потом медленно, словно бы нехотя, произнес:

— Нет... Возвращаться в Яньань — значит возвра-

щаться в прошлое. А я еду в будущее — в Харбин, пото еще дальше на восток, в распоряжение товарища Г Гана!..

В его ответах на мои вопросы были сплошные загад и недомолвки. А мне так хотелось откровенно поговори с человеком из Особого района.

Еще в Чите, в штабе фронта, ходили неясные слу о каком-то неблагополучии там, о разногласиях меж руководителями КПК, о чистке кадров. Загадочные в сказывания Го Яня усилили смутную тревогу. Что озн чали его слова о прошлом и будущем? Как это понимат Почему он радуется отъезду «в распоряжение товарищ Гао Гана»? Настаивать на разъяснениях было бы нета тично, китайцу просьбу не надо повторять дважды. Т мы и расстались — очень сдержанно, хоть и с внутрен симпатией друг к другу (это я почувствовала).

Он уехал, а я все продолжала думать над его словам Иногда клала на ладонь потертую рыжую ассигнац «бяньби» — ее подарил мне Го Янь на прощание. Так кредитки имели хождение в Особом районе. Одна сор ковая часть американского доллара...

Особый район... государство в государстве: своя в люта, своя армия. Правда, еще в 1937 году, когда японц напали на Китай, между гоминьданом и КПК было д говорено: революционная армия составляет часть общ национальных вооруженных сил и должна подчинять Чан Кайши. Но то было формальное подчинение, скор существовало только намерение в наиболее острые м менты войны координировать общие усилия.

А тем временем во всем мире шла сложная и остр дипломатическая борьба за Китай. Пока — мирное пр тивоборство. Еще 14 августа мы подписали договор дружбе и союзе между СССР и Китаем. Газета «Цзеф жибао», выходящая в Особом районе, бурно приветст вала этот договор как свидетельство укрепления меж народных позиций Китая. И в то же время в наш шт и политотдел поступали сведения, будто там, в Особ районе, скрытно ведется кампания против договора: де укрепляет правительство Чан Кайши. Попробуй р берись во всем этом!

Жаль все-таки, что уехал Го Янь. Впрочем, я уже чинала догадываться: не стал бы он ничего разъясн мне. Случайно узнала, что, занимая скромную должно секретаря мукденского губернатора, Го Янь выпол

здесь и другую, более важную работу — формировал партизанские отряды, которые должны влиться в Объединенную демократическую армию! Наверное, с этим делом он успешно справился, потому и отозвали его в штаб армии, в город Цзямусы. Вот, оказывается, какой ты, Го Янь! Ну что ж, успеха тебе, китайский коммунист...

Однажды под вечер за мной заехал на мотоцикле лейтенант Кольцов.

— Губернатор Чжан приглашает вас заглянуть на минутку в его резиденцию: раздобыл маньчжура!

Мы поехали к губернатору.

Господин Чжан выглядел замотанным. На столе стояли бутылки с подкрепляющим напитком «тоникум Байер».

Меня встретил любезно, я бы даже сказала, обрадованно. Пошутил:

— Если не приглашаешь к себе, не будут приглашать и тебя. Решил подать пример. Увлекся буйвол молодой травкой и в пропасть свалился... Чай, тоникум?

Я отказалась и от того и от другого. Из учтивости полюбопытствовала, как ему живется.

Он невесело рассмеялся:

— У вас говорят: положение хуже губернаторского. Теперь я понимаю, что это такое. Гоминьдановцы пытаются заигрывать со мной: «Перейдешь на нашу сторону — выпустим брата на свободу». Но я-то знаю: Чан Кайши никогда не выпустит Чжан Сюэляна — они злейшие и непримиримые враги. Это я раньше смотрел на мир из кувшина, а теперь понял: если собрался бить в барабан, в гонг не бей.

И вдруг словно бы спохватился, понял — наговорил лишнего. Переменил тему:

— Вашу просьбу выполнил без особых усилий. Сегодня сюда пришел старик — чистокровный маньчжур из старинного рода татала. Его зовут Тань Чэнжун. Был одним из воспитателей маленького императора Пу И. Сейчас охраняет могилы маньчжурских правителей в Бэйлине. Это неподалеку от Мукдена. Тань добрался оттуда пешком, несмотря на свой преклонный возраст. Его не хотели пускать ко мне, но он добился аудиенции. Японцы, видите ли, украли у него гроб. Теперь Тань требует, чтобы новые власти помогли вернуть этот гроб... Кроме того, он сообщил еще кое-что... Думаю, что его сообщение заинтересует советскую администрацию.

— Где и когда могу встретиться с ним? — нетерпеливо воскликнула я, забыв об этикете.

Господин Чжан устало провел рукой по воспаленным глазам, взял со стола серебряный колокольчик, позвонил. На пороге возник молодой китаец спортивного вида.

— Мы ждем почтенного Таня,— сказал губернатор.

Через несколько минут в кабинет вошел высокий седоусый старик в длинном черном халате. Держался он прямо, гордо, без малейшего подобострастия. Большие карие глаза с «монгольским» верхним веком смотрели спокойно. В них светился ум.

Я научилась отличать японцев от китайцев или корейцев — это только поначалу восточные лица разных национальностей кажутся схожими. Так вот: старик не походил ни на китайца, ни на корейца, ни на японца — его отличало особое строение губ, толстых, словно бы собранных в узелок; нос длинный, прямой.

Господин Чжан указал ему на кресло, и старик молча сел.

Я заговорила с ним на маньчжурском. Это, по всей видимости, было для него полной неожиданностью. Он оживился, заулыбался и, к моему удивлению, сказал мне по-русски, правда, с акцентом:

— Я понимаю ваш язык.

Так состоялось наше знакомство. Чтобы не мешать губернатору, мы перешли в соседнюю комнату. Туда нам подали чай.

— Вас, как мне сообщили, постигло несчастье? — начала я.

Он печально кивнул.

Мне было понятно его состояние. Из книг я знала: китаец всю жизнь копит деньги на добротный гроб, в котором его тело должно сохраниться на долгие времена. Гроб покупают заблаговременно. Самым преданным сыном считался тот, который в день рождения родителя дарил ему хороший гроб. И хотя старый Тань Чэнжуй не был китайцем, он давно перенял китайские обряды и в подражание своим императорам долго готовил себе посмертное жилище. К потусторонней жизни следует готовиться тщательно, заранее.

— Гроб был из «досок долголетия»? — спросила я.

— Да. Тисовый гроб. Я привез его сюда из Пекина, из «Запретного города».

— Вы родственник императора?

Старик задумался.

— В некотором роде — да. Я знал его двоюродную бабушку императрицу Цыси и был у нее в чести. Эту властную женщину мы за глаза величали «старой Буддой». Я знал императора Гуан Сюя. Великий князь Чунь назначил меня заведующим складом рисовой бумаги и канцелярских принадлежностей императорского дворца.

Старик говорил неторопливо. Найдя во мне заинтересованную и терпеливую слушательницу, он погрузился в далекие воспоминания, словно бы вернулся в те времена, когда был придворным, жил в том самом «Запретном городе», куда китайцев не пускали. Если бы какой-то смельчак отважился проникнуть туда, ему отрубили бы голову... В большие праздники трижды в год императора выносили в желтом паланкине с золотым верхом из внутренних покоев для поклонения в Храме неба. Паланкин несли сто слуг, сменявшихся у каждых из пяти ворот. По пути кортежа дымилось двадцать четыре курильницы с дорогими благовониями. Курильницы символизировали двадцать четыре провинции императорского Китая. Завоевав новую провинцию, маньчжурский «дракон», «сын неба», прибавлял новую курильницу. Но с 1759 года, со времен императора Цяньлуна, завоевавшего две провинции, курильниц больше не прибавлялось...

Во время императорского выхода придворные располагались соответственно их рангам и чинам. Придворные низших степеней не имели права ходить по мраморным плитам, а ходили только по каменным, которые чередовались с мраморными.

— Мне самой императрицей было даровано право ступать по мраморным плитам,— объявил старик с гордостью...

В эпоху Мин только евнухов при дворе насчитывалось десять тысяч. При Цыси число их превышало три тысячи. Пу И даже после синьхайской революции держал при своем дворце свыше тысячи евнухов, обслуживавших наложниц и жену бывшего императора. Сохраняя многочисленную свиту, он продолжал жить в «Запретном городе», в своем дворце. Республиканское правительство ежегодно выплачивало на содержание двора четыре миллиона китайских долларов.

— Когда генерал Юань Шикай, президент республики, провозгласил себя императором, он запретил Пу И появляться в тронном зале, а сам часто приходил туда

и сидел на красном троне,— сообщил мой собеседник.— До революции трон стоял прямо под золотым куполом с драконами. Юань Шикай отдал приказ отодвинуть его в глубь зала: опасался, чтобы драконы, свидетели славы маньчжурских императоров, не убили из мести обнаглевшего китайца, посмевшего сесть на трон Цинов.

В 1924 году, во время первой гражданской войны, Пу И со всей его свитой был изгнан не только из дворца, а и вообще из Пекина. Лишь заведующему складом рисовой бумаги и канцелярских принадлежностей разрешили остаться здесь. «Запретный город» распахнул ворота для экскурсантов. За один юань и пятьдесят фэней каждый мог осмотреть Гугун («Древние дворцы»), побывать в Тронном зале, во Дворце математики, где некогда астрологи предсказывали будущее, в экзаменационном зале, где раз в три года держали экзамены мандарины.

Тань Чэнжун сделался гидом и копил деньги на приличный красный гроб. Впоследствии о нем вспомнил продавшийся японцам и утвердившийся в Маньчжурии Пу И, призвал его в Мукден и сделал хранителем императорских могил и реликвий.

— От чего умерла вдовствующая императрица Цыси? — полюбопытствовала я.

Старику мой вопрос был, кажется, неприятен. Ответил не сразу:

— От дизентерии скончалась... Она отмечала в парке Ихэюань свое семидесятитрехлетие, съела сливу и заболела.

— Пу И часто посещал здешние могилы предков?

— В первые годы — часто. Совершал обряд жертвоприношений на гробницах. Потом перестал приезжать.

— Почему?

— Принял японскую веру синто. А эта вера позволяет молиться только на японского императора... Пу И изменил духам своих предков, за это и покарали его,— добавил Тань убежденно и, немного подумав, продолжал: — Если бы он один молился японскому божеству Небесного Сияния, то не стоило бы, пожалуй, осуждать его: можно молиться и голове селедки, лишь бы была вера. Но он объявил синто государственной религией Маньчжоу-Го, все мы обязаны были отвешивать поклоны Стране восходящего солнца. Пу И осквернил веру предков, обменял их на японских предков, как в меняльной лавке. Постро

из белого японского дерева возле своего дворца Храм укрепления основ нации, создал специальную Палату поклонения японской богине, где совершал жертвоприношения. Такие же храмы из белых столбов и досок были построены во всех селениях Маньчжурии, и каждого из проживающих здесь под страхом жестокого наказания обязали поклоняться этим белым столбам. Я едва не лишился рассудка, когда рядом с могилой великого Нурхаци соорудили Храм укрепления основ нации. Проходя мимо этого храма, мы всегда плевались и посылали проклятия отступнику Пу И и его фальшивому флагу.

Он задумчиво пожевал губами, будто припоминая что-то, и, припомнив, сказал:

— В первые годы существования Маньчжоу-Го была мода посещать Бэйлин. Всех иностранных гостей привозили к императорским могилам. Как-то приехал испанский принц Хуан Бурбон со своей женой Марией Орлеанской. Они только что сочетались браком в Риме и совершали кругосветное свадебное путешествие. Адъютант принца виконт де Рокамора был милостив ко мне и приглашал в Лондон.

— Почему в Лондон?

— Принц Хуан получил образование в Англии и был офицером английского флота. Он собирался пожить в Лондоне...

Испанский принц — офицер английского флота. Трудно понять капиталистический мир. Впрочем, испанские Бурбоны меня интересовали меньше всего. Ясно было одно: старик сохранил ясную память о мельчайших событиях своей жизни. Он помнил даже, что тот самый принц испанский и его супруга жили в гостинице «Ямато», где теперь размещались мы, советские офицеры.

— А куда дели японцы ваш прекрасный гроб? Увезли с собой? — вернулась я к тому, ради чего он шел сюда пешком из Бэйлина.

Впервые за все время нашей беседы Тань Чэнжун скупо улыбнулся.

— О нет. Зачем увозить? Они зарыли его. Раскопали один могильный курган и спихнули туда.

Я ничего не понимала.

— Гроб нужно выкопать! — решительно произнес старик. — Я пришел за помощью, так как дряхл и одному такая работа не под силу, а все мои помощники-монахи погибли...

— Погибли? Отчего?

— Их расстреляли японцы.

Тань Чэнжун, должно быть, догадался, что я не мог уловить, в чем суть дела, сосредоточился и все рассказа по порядку.

Когда 20 августа распространился слух, будто русск взяли Мукден, Тань Чэнжун поднялся на верхнюю гале рею храма и стал наблюдать за дорогой. Дорога был пустынной. В течение дня он поднимался еще нескольк раз, но только к вечеру показались две закрытые грузо вые машины и одна легковая. Все монахи попрятались павильонах, а Тань Чэнжун притаился на верхней галере и стал наблюдать, что будет дальше. Когда машины въеха ли в арочные ворота, из них повыскакивали военные. Э были японцы, вооруженные автоматами и пистолетам Они врывались в павильоны, вытаскивали оттуда мона хов и тут же на месте расстреливали.

По всей видимости, японцы спешили, так как никто н догадался подняться на верхнюю галерею, и это спас Тань Чэнжуна.

Солдаты вытащили из павильона его тяжелый кра ный гроб, заполнили какими-то бумагами, папками и з крыли крышкой. Тань Чэнжун едва не закричал от уж са, когда увидел, что они раскапывают могилу велико Абахая, сына величайшего Нурхаци,— это было невида ное кощунство!.. Столкнув в глубокую яму гроб, япон засыпали его землей, сверху уложили каменные плит Офицер что-то резко крикнул, все кинулись по машина

Два дня Тань Чэнжун пролежал неподвижно — оп сался, что японцы вернутся. Только на третью ночь спустился вниз и отправился в Мукден, стараясь не в ходить на дорогу. В Мукдене разыскал знакомого мань жура, поселился у него. Убедившись, что японцы око чательно изгнаны, пошел к губернатору и рассказал о всем.

— А теперь надо возвращаться в Бэйлин,— сказал напоследок.— Смерть мне не страшна, но человек мое возраста должен быть похоронен в своем гробу...

Я пересказала всю эту историю лейтенанту Кольцов Выслушав меня, он даже присвистнул.

— Скажите старику, что гроб свой он получит за тра же... Интересно, какие бумаги японцы схоронили древней могиле? Наверное, что-нибудь очень ценное Ведь могли бы просто сжечь...

Наутро мы выехали в Бэйлин. Старик был с нами — на «виллисе». А позади нас следовал грузовик с солдатами.

Тань Чэнжун все время подсказывал водителю «виллиса» сержанту Акимову, где лучше ехать. Акимов — веселый паренек в кубанке набекрень — благодарно похлопывал слугу цинских императоров по плечу, называл его папашей и совал сигареты. К концу пути старик почтительно именовал Акимова «товарищ сержант Алексей».

В сосновой роще Бэйлина, где находились храмовые постройки, павильоны и могильные курганы, как и следовало ожидать, было пустынно и тихо. Да и кого могло в эти грозовые дни привлечь сюда? И все же мы взяли автоматы на изготовку. Тут могли скрываться хунхузы или же уцелевшие японские смертники.

— Бандитское местечко! — сказал лейтенант Кольцов убежденно.

К туннельным воротам с многоярусной башенной надстройкой вела дорога, выложенная выщербленными каменными плитами. По обеим ее сторонам стояли каменные львы с разинутыми пастями.

Меня всегда охватывает непонятная печаль, когда вдруг окажусь у какой-нибудь древней стены с почерневшими пятнами сырости. Черепичные рогатые крыши павильонов и храмовых сооружений поднимались над кронами темных маньчжурских сосен и над мрачными поржавевшими стенами.

Мы въехали в ворота, выскочили на широкий двор и остановились. Звенела тишина в ушах, и с этим внутренним звоном перекликались мелодичные колокольчики, подвешенные к углам крыши и звучащие от малейших порывов ветра.

На террасы павильонов вели мраморные лесенки.

— Осмотреть помещения! — приказал Кольцов.

Солдаты разделились по двое, рассыпались по всей обширной территории кладбища.

Но тревоги наши оказались напрасными: здесь не было ни души.

Заработали лопаты, и вскоре мы увидели массивный красный саркофаг с золотыми иероглифами на крышке.

— Это мой гроб! — радостно воскликнул старый маньчжур.— Вы открыли двери милосердия...

Гроб действительно оказался набитым доверху бумагами.

4754

— В штабе разберетесь,— сказал Кольцов,— а сейчас вытряхивайте все в кузов грузовика — и по коням!

Бойцы выполнили его распоряжение, перенесли гроб в павильон, засыпали ханскую могилу. Сержант Акимов добродушно сказал Тань Чэнжуну:

— Ну, папаша, полезай в «виллис». Пора в обратный путь.

Маньчжур склонился в глубоком поклоне. Лицо его озарила широкая морщинистая улыбка.

— Я останусь здесь охранять великие могилы. Я слуга мертвых императоров. Прощайте!

Отговаривать его было бесполезно. Мы простились. У ворот я оглянулась. Старый Тань Чэнжун безмолвно стоял посреди двора — высокий, сухой, как жердь,— смотрел нам вслед.

Оказалось, мы привезли из Бэйлина интересные бумаги. Кому принадлежали эти записки — неизвестно; в них было намешано все — и политика, и история, и культура. Видимо, японцы в спешке решили припрятать эти бумаги до лучших времен в цинском некрополе, куда, наверное, в течение десятилетий никто из китайцев не заглядывал. Это было самое непопулярное место в Маньчжурии. Если бы не Тань Чэнжун, никому не пришло бы в голову раскапывать могильный курган.

О находке доложили в штаб Забайкальского фронта и оттуда последовал приказ: доставить ее в Чанчунь.

Через некоторое время начальник политотдела вызвал меня к себе и сообщил, что я тоже откомандировываюсь в Чанчунь.

Радостно забилось сердце: еще в прошлом месяце мне сказали, что в скором времени буду уволена из армии. Война окончена. В Москве ждет научная работа. Все согласовано в начальственных верхах. Должно быть, затем и отзывают...

Ну вот и прощай, Мукден. Все произошло так скоропалительно. Лейтенант Кольцов был искренне опечален.

— Мертвый хватает живого! — произнес он мрачно, вкладывая в эти слова какой-то свой смысл.— Вспоминайте нас там, в своем Чанчуне. Чанчунь... и звучит-то смешно. То ли дело Мукден!

— Почему же смешно? Чанчунь — значит Долгая весна. Город Долгой весны.

— Хотите, подарю вам свою карточку на память?

— Конечно же хочу, Степан Петрович!

Он вынул удостоверение личности, где хранилась фотография с готовой уже дарственной надписью: «Вере Васильевне — на память о Мукдене!»

— У меня, Степан Петрович, к сожалению, фотографии нет.

— Чем еще могу быть полезен? Может быть, отвезти к губернатору попрощаться?

— Спасибо. Не стоит. Не будем отрывать господина Чжан Сюэсяня от дел. Лучше бы навестить того старика маньчжура, в Бэйлине.

Кольцов пожал плечами.

— Как вам будет угодно. Сейчас вызову Акимова.

И вот мы снова поехали в Бэйлин, где вечным сном спят первые маньчжурские правители. Я должна была замкнуть некое кольцо. Этот старик унесет с собой последние кровавые тайны цинских императоров, и многое из того, что я хотела бы знать, канет в вечность. Он снова и снова провел бы меня по мраморным плитам мощеных дворов «Запретного города», мимо огромных бронзовых львов со страшно разинутыми пастями, черно-зеленых от древности, мимо бронзовых черепах и бронзовых курильниц, мы сидели бы под красными резными колоннами, подпирающими резные потолки, в ажурных бронзовых креслах на оленьих рогах — трофеях былых императорских охот...

Тань Чэнжун, казалось, не удивился моему приезду. Он молча принял теплые вещи, которые я купила ему на базаре Шэньяна, слегка поклонился и повел в один из павильонов. Там находились бронзовые ширмы в несколько створок, стояло зеркало из отполированного черного дерева, глубокое, как омут. На алтаре — курительные свечи, жертвенные деньги, таблички духов предков, исписанные маньчжурской вертикальной вязью, а также иероглифами. Их называют «лоцзу-цзун». Старик привычно отдал троекратный поклон табличкам и сказал:

— Здесь похоронены те, кто умер задолго до покорения Китая. Очень давние предки.— Кивнул на иззубренный меч, лежащий на красной шелковой подушке: — Говорят, что он принадлежал самому Нурхаци — это Меч черного дракона и изогнутого месяца...

Мы присели на скамеечку.

— Мне хотелось бы выяснить верования маньчжуров,— сказала я.— Есть ли у вас свои, сугубо маньчжурские праздники? Не китайские, а маньчжурские.

На его губах узко наметилась улыбка.

— Праздник Нянь-Нянь.

— А в чем его суть?

— Поезжайте в Дашицяо. Это между Мукденом и Дайреном. Маленький город, населенный маньчжурами.

Значит, маньчжуры в Маньчжурии все-таки есть! И совсем неподалеку.

— Ну и в чем суть праздника Нянь-Нянь?

Старик неизвестно отчего развеселился, поглядывая на меня лукаво.

— Вам следовало бы побывать в Дашицяо в апреле, когда туда съезжаются девушки со всех поселений Маньчжурии. Более ста тысяч девушек в белых кофтах с вплетенными в волосы большими цветами. Они входят в храм богини Нянь-Нянь, оставив за порогом родителей. Говорят, что богиня исцеляет от болезней, дарует долговечность, способствует успеху в делах. Но девушки приходят к ее алтарю не за этим. Нянь-Нянь помогает устройству счастливых браков. Это праздник невест. Нужно только загадать на какого-нибудь молодого человека, возжечь перед алтарем курительные свечи, и жених обеспечен.

Все это было очень интересно. Мне хотелось бы посмотреть на праздник невест, к числу которых старый Тань Чэнжун, без сомнения, относил и меня. Но... увы! Я должна была вечером уехать в Чанчунь и конечно же никогда не поднимусь по каменным ступеням крутой лестницы к бронзовой статуе Нянь-Нянь.

Тань Чэнжун умел шутить и ценил шутку. Сказал, что маньчжурские женщины энергичнее своих мужей. Окажись на китайском троне какая-нибудь новая Ниласы или же Ехэнала, а не Пу И, никакой революции не было бы. Женщины неподкупны, а придворные князья-чиновники только тем и озабочены, как бы побольше получить у двора денег «на воспитание чувства неподкупности».

— Сегодня вечером уезжаю в Чанчунь,— сообщила я.— Пришла проститься с вами.

Трудно было понять, опечалило ли Тань Чэнжуна это известие. Люди по-разному встречаются и расстаются навсегда. Когда масло кончается, светильники гаснут...

— Спасибо вам за все,— сказал он в ответ с заметной теплотой.— Не знаю, чем отблагодарить... Все эти вещи принадлежат императорам...

— Ничего мне не нужно! — запротестовала я.

Но старик уже открыл небольшой сундучок, украше

ный вылинявшим орнаментом, вынул оттуда бронзовый таз с двумя ручками, налил в него воды и стал тереть ручки своими высохшими ладонями. К моему изумлению, вода в холодном тазу начала бурно кипеть, а выгравированный на дне дракон зашевелился. Довольный произведенным эффектом, Тань Чэнжун сказал:

— Это фамильная ценность. Она передавалась из рода в род. Но наш род кончился, мне некому передать ее. Возьмите вы!

Он выплеснул воду и торжественно поднес мне этот таз. Я мягко отвела его руку. В Китае принято класть в гроб все те вещи, которые умерший любил при жизни, чтоб и там, в ином мире, они могли служить ему вечно. По-видимому, для того Тань Чэнжун и сберегал свою фамильную ценность.

— Не могу, не смею принять такой драгоценный подарок,— сказала я твердо. То, что принадлежит вашему роду, должно остаться навсегда в вашем высоком роду. Не хочу, чтобы духи ваших предков разгневались на меня и преследовали повсюду.

Мой взгляд упал на японский журнал, небрежно брошенный на пол. На обложке его была красочная фотография императора Пу И в парадной форме генералиссимуса морских, воздушных и сухопутных войск Маньчжоу-Го. Мундир с золотыми эполетами, золотой пояс, широкая красная перевязь через плечо, массивные ордена, сабля на боку придавали сухопарой фигуре значительность. Но в его лице изнеженного аристократа не было ничего императорского! Сквозь огромные круглые очки задумчиво и отрешенно смотрели удлиненные глаза.

— Подарите мне этот журнал,— попросила я.— Если, конечно, он вам не нужен.

Старик усмехнулся:

— Этот император — дракон без головы — теперь никому не нужен. Возьмите, пожалуйста. Ему не место здесь — рядом с великими предками.

Он строго поджал губы, но тут же смягчился. И вдруг признался:

— Вы принесли мне воспоминания. Когда я вижу молодых людей, то вспоминаю свою внучку Юй Лин...

— А где она?

Глаза старика затуманились.

— Юй Лин умерла три года назад. Ей шел тогда двадцать второй.

— Она болела?..

Черты его лица внезапно исказились, но он быстр справился с собой и продолжал уже обычным голосом будто отстраняя от себя все пережитое:

— Подозреваю, что ее преднамеренно убили японцы. Сделали укол, и она скончалась.

— Зачем?! — вырвалось у меня.

— Вот здесь, на алтаре, табличка ее духа.— Стари указал на одну из табличек.— Все произошло потому, чт Пу И вызвал ее из Пекина, где она училась, и в сем надцать лет сделал ее своей младшей наложницей. В ра говорах с императором Юй Лин плохо отзывалась о япон цах, на зверства которых насмотрелась в Пекине. Гене ралы из Квантунской армии каким-то образом проведал об этом. А они и без того хотели окружить Пу И япо скими женщинами, сделать императрицей японку... П этому и убили мой корень, древний корень знамените рода татала, так как после Тань Юй Лин у меня нико не осталось...

Старик закрыл лицо сухими длинными пальцами так сидел некоторое время.

Потом мы вышли из павильона. Яркое солнце полы нуло по глазурованной черепице прогнутых крыш. Сол ца было много, оно пронизывало кроны траурных сосе Но башенка солнечных часов с большим белым диско не показывала время.

Я села в машину рядом с водителем Акимовым. О бросил быстрый взгляд на обложку подаренного мне жу пала и сказал насмешливо:

— Эк размалевали Пушшку! А похож...

— А вы откуда знаете? — удивилась я.

— Кому ж знать, как не Акимову! — подал голос заднего сиденья лейтенант Кольцов.— Ведь это он зад жал Пу И на аэродроме — был одним из двухсот двад ти пяти десантников нашей гвардейской танковой!.. разве не знали?..

В ЧАНЧУНЕ

Все мы творим историю, правда, на разных уровня а какой из этих уровней важнее — трудно сказать... Е ли бы я не обратилась с просьбой к губернатору Чж ну Сюэсяню отыскать маньчжура... если бы у старо

Тань Чэнжуна японцы не отобрали гроб... если бы Тань Чэнжун не обратился за помощью к губернатору... возможно, моя судьба потекла бы по другому руслу. Я ждала приказа о демобилизации, рвалась в Москву и вдруг оказалась откомандированной в штаб Забайкальского фронта, сюда, в Чанчунь; здесь меня перевели в другой отдел и повысили в должности.

— У вас хорошие рекомендации...— скупо, официальным тоном сказал мой новый начальник.— Будете переводить. От вас потребуется оперативность!

Я поняла: об увольнении из армии нечего и думать. Придется терпеливо ждать. Не время...

Чанчунь... Город Долгой весны. Но он мог бы считаться и городом Долгой осени. В октябре здесь еще цвели цветы. Я ходила по бесконечным аллеям парка, и высокие спокойные клены, пронизанные насквозь солнцем, осеняли меня. Пронзительно пахла трава. Деревья с ярко-зелеными зубчатыми листьями были покрыты пурпурными цветами. Китайские розы цвели сами по себе, и никому до них не было дела — рви сколько душе угодно! В кабинет я приносила целые охапки цветов. После пыльного, закопченного древностью Мукдена Чанчунь казался просторным, свежим, словно бы умытым. Парк примыкал прямо к штабу. Каких-нибудь три месяца назад по этим аллеям прогуливались японские генералы. Любители рыбной ловли сидели на берегу озера с удочками. Через ручьи были перекинуты изящные горбатые металлические и каменные мостики. Может быть, этот парк скопирован с какого-нибудь токийского парка: Хибия, Уэно?.. Японцы любят копировать. Во всяком случае, в основу планирования Чанчуня они взяли русский план строительства города Дальнего с его круглыми площадями, соединенными между собой прямыми проспектами. Правда, здесь имелись здания, скопированные с японского парламента, и вообще в архитектуру был внесен «японский модерн». Здание центрального банка очень напоминало своими величавыми формами японский парламент.

Широкий, прямой как стрела, асфальтированный проспект разрезал Чанчунь надвое. Начинался проспект у привокзальной площади и уводил куда-то на юг, в густое мерцающее марево. На этом магистральном проспекте, застроенном современными многоэтажными домами в стиле «Азия над Европой», находился штаб Забайкальского фронта — массивное трехэтажное здание в том са-

мом стиле: с двухэтажной надстройкой и двухъярусной прогнутой крышей. Здесь совсем недавно была штаб-квартира Квантунской армии, а потому «японский модерн» был несколько нарушен: во двор вели ворота-доты. И конечно же при японцах в дотах день и ночь сидели солдаты, нацелив пулеметы на многолюдный проспект.

Из окна комнаты, которую мне отвели для работы, видна была многоярусная пагода, изящная и тонкая, как свеча. Она как бы господствовала над Чанчунем. Я познакомилась с ней давно: по картинкам. Не китайская, а сугубо японская постройка, скопированная, по всей видимости, с пятиярусной пагоды монастыря Хорюдзи в Японии или же с пагоды храма Якусидзи периода Нара. Китайские пагоды очень часто имеют вид круглой башни, японские — никогда: они или четырехугольные, или многоугольные.

Мне нравились эти ввинчивающиеся в небо пагоды с четырехскатными черепичными крышами, с длинными шпилями, изукрашенными бронзовыми кольцами; и кажется, будто пагода нарисована, так как воспринимается она только в двух измерениях. Говорят, что шпиль по своему сложному и неспокойному силуэту напоминает шаманские жезлы островов Океании.

Пагода беспричинно влекла, притягивала меня, и я отправилась к ней. У первого попавшегося пожилого японца спросила, что это за храм.

— Это храм «преданных душ»,— ответил он и тут же пояснил: — Все этажи храма набиты ящичками с прахом японских солдат и офицеров, погибших в Китае. По верованиям японцев, они превратились в демонов — хранителей Японии.

Мне стало жутко. «Преданные души»... сложили свои головы на полях Китая, возможно так и не поняв, за что воюют.

Мы с японцем разговорились.

Он назвал себя инженером электросилового хозяйства железной дороги Судзуки. Не может пока выбраться из Маньчжурии на родину. Продолжает работать на железной дороге. Нужно кормить семью. У него пятеро детей.

Сперва он показался мне весьма пожилым, но, приглядевшись как следует, я поняла — не больше сорока пяти. Просто переживания последних месяцев наложили свой отпечаток.

— Ваших мы не боимся,— сказал он,— боимся к

тайской солдатни. Я страшусь за детей. Если бы удалось отправить жену с детьми в безопасное место... Ваши солдаты, когда они не воюют,— добродушные люди, они не имеют личного, я бы выразился, национального отношения к нам, лишены садизма победителей.

— Вы хорошо уловили сущность натуры наших солдат: они не воюют с мирным населением и не мстительны.

— Да, да, я об этом догадался. Нет ни одного случая ограбления. Удивительно. Ваши законы, как я слышал, жестоко карают за грабеж.

— Да, у нас такой закон существует.

— С ужасом думаю о вашем уходе.

— Гоминьдановцы лояльны к японцам.

Он грустно улыбнулся.

— Гоминьдановские солдаты не занимаются политикой. Они грабят. Это большая шайка грабителей и убийц. Они беспощадны. Я их хорошо знаю. Даже своих грабят и убивают.

— Ну, а если здесь возьмут верх китайские демократические силы?

Он на минуту задумался. Произнес тихо:

— Я, наверное, заражен предрассудками: не верю в китайскую демократию.

— Почему? — удивилась я.

— Невозможно объяснить.

Я не стала настаивать, хотя было бы весьма интересно послушать его суждения на этот счет.

— У моей жены бери-бери. Такая болезнь,— неожиданно сказал он.— Распухли ноги. Я рад, что все мы отвоевались. Хоть и не политик, но догадывался, что все плохо кончится для Японии. Кончилось оно гораздо раньше, чем мы могли предполагать. И так неожиданно... Полное крушение всех идеалов. Ваша армия заняла Чанчунь, и никто не обратил внимания на то, что рядовой Хаяма Иосики продолжает охранять склады с электрооборудованием. Все разбежались, а Хаяма знай себе расхаживает с винтовкой. Пришел ваш офицер, я как раз сопровождал его, приказывает Иосики передать пост советскому солдату. Офицер есть офицер, если это даже офицер армии противника. Иосики приложил винтовку к ноге и потребовал, чтобы склад у него приняли как положено, по описи, и дали расписку в том, что все сдал без недостачи. Ваш офицер даже не улыбнулся, не накричал, а назначил Иосики заведовать складом...

Так до сих пор Иосики и стережет электроимущест
выдаст нам строго по приказу и непременно треб
расписки. Как вы думаете, что это? Ограниченность?

— Ваш Иосики, так же, как и вы, не хочет занима
ся политикой. Он считает себя просто солдатом — и
А быть просто солдатом нельзя. Ему, как и вам, нет де
до того, что рушатся империи и государства, что гиб
дети и женщины, что на его Хиросиму и Нагасаки сб
сили атомную бомбу...

Он, казалось, обиделся. Призадумался. Потом т
сказал:

— У меня в Нагасаки сестра. Была. Не знаю, жи
ли? Наверное, погибла. Может быть, вы правы...

Если по императорским покоям в Мукдене я хо
с чувством удивления и некоторого восхищения, то дл
ные, путаные коридоры бывшей штаб-квартиры К
тунской армии наводили тоску и уныние. Здесь б
гнездо воинственных японских генералов, которые вы
шивали планы агрессии против моей страны. Именно
в этом обширном кабинете восседал за полирован
столом подлинный хозяин Маньчжоу-Го, ее диктат
главнокомандующий Квантунской армией генерал Я
да, сухонький, кривоногий старикашка с козьими
зами. Это он диктовал свою волю императору Пу
его министрам, хотя считался всего-навсего послом
нии в Маньчжоу-Го. Но он был не только послом: он
чился членом Высшего военного совета Японской им
рии. А до приезда в Чанчунь командовал японской э
пационной армией в Центральном Китае, возглавлял
рону Японии и числился к тому же начальником
ральной инспекции по обучению японской армии. На
главнокомандующего Квантунской армией назнача
наиболее доверенные и влиятельные члены японской
вящей верхушки. Теперь его отправили вслед за Пу
лагерь военнопленных. Было странно сознавать, что
всем недавно этот человек распоряжался судьбой
японской армии, всеми ресурсами Маньчжурии, ме
о великой континентальной Японии. И наверное, уже
метил, куда следует перенести столицу империи: в П
в Чанчунь, во Владивосток? С Гитлером рассчит
встретиться в Омске. Но Гитлеру пришел капут (ка
то). Когда в тот момент у премьер-министра Су

спросили о самочувствии, он якобы произнес загадочную фразу: «Има фуйтэ иру ва китакадзэ дэс» («Сейчас дует северный ветер»). Нет сомнения, фраза была брошена «для истории». В словаре японских генералов понятие «север» означало Советский Союз. Но Ямада был другого мнения: помнил пословицу «северный ветер делает коего безумным». Ямада в противовес «миротворцам» — премьеру Судзуки, бывшим премьерам — князю Коноэ, Окада, Вахацуки, бывшим министрам иностранных дел — Того, Сигэмицу, считавшим, что война проиграна, продолжал настойчиво уточнять «кантокуэн» — план вторжения Квантунской армии на территорию Советского Союза. Япония в состоянии вести войну против США, Англии и Китая еще сто лет! Она боеспособна, ее главные силы не израсходованы. Если американцы дерзнут высадить свои десанты на острова метрополии, то против них можно бросить крупные соединения Квантунской армии. В его распоряжении — около двух тысяч самолетов, свыше тысячи танков, более пяти тысяч орудий... «Миротворцы» раньше времени поддались панике. Американцы и англичане войну на Тихом океане ведут вяло, считают, что закончится она не раньше сорок седьмого года. Так думает Черчилль. Японские войска продолжают оккупировать громадные территории. Американцы высадились лишь на мелких островах. Правда, совсем недавно американцы и англичане захватили Окинаву. Но что из того? Японские соединения сдерживали превосходящие в шесть раз силы противника почти три месяца. Противник потерял восемьсот самолетов, пятьсот кораблей разных классов. Восемьсот самолетов за один островок — почти половина того, чем располагает Квантунская армия — главный оплот империи!.. Пиррова победа!

Особенно генерал Ямада негодовал, когда узнал, что премьер-министром Японии назначен дряхлый, глухой и к тому же полуслепой старец адмирал Судзуки, который, по всей видимости, не совсем понимал, что происходит в мире, и часто шел на поводу у того же князя Коноэ, развязавшего в тридцать седьмом войну против Китая, а теперь вдруг превратившегося в «миротворца». В такой ответственный момент для империи... Судзуки, не имеющий ровно никакого опыта государственной деятельности!..

Судзуки считался национальным героем: во время русско-японской войны он командовал крейсером и уничто-

жил в Цусимском бою два корабля русского Балт
ского флота. По нынешним временам это даже подвиг
назвать нельзя. С тех пор много воды утекло, и остр
меч нации превратился в старую кочергу; сам импера
величает восьмидесятилетнего Судзуки «дядюшкой».

Еще в 1929 году Судзуки назначили главным кам
гером двора императора, до недавнего времени он ве
всякого рода придворными церемониями. «Дядюшка»
тал отвращение к политике и военным, гласно испове
вал даосизм с его непротивлением злу и кастовым от
шением к миру. Более неудачную кандидатуру на
премьера, по мнению Ямада, трудно было подыскать
сейчас, когда требовались волевые качества, опера
ность в принятии решений. Судзуки, верный своему д
сизму, считал, что «лучший способ управления — это в
ще не управлять».

До того как Ямада стал главнокомандующим К
тунской армией, эту должность занимал его близкий
варищ генерал Умэдзу. В 1905 году Умэдзу осаж
русских в Порт-Артуре. За создание Маньчжоу-Го им
ратор наградил его орденом «Двенадцать лучей восх
щего солнца» и орденом «Священного сокровища»
вого класса. Это он, Умэдзу, еще в сорок первом за
ся разработкой плана «кантокуэн». Это он в осно
чертах создал маньчжурский плацдарм для нападения
СССР. Теперь Умэдзу стал начальником генштаба
нии, членом Высшего совета по руководству вой
Умэдзу — генерал с душой смертника-камикадзе. В
распоряжении пять миллионов солдат и офицеров. Ям
не сомневался, что, пока в Японии есть такие генер
как Умэдзу, Анами, Тоёда, Тодзио, барон Хиранума,
ки, Сугияма, Итагаки, Танака, Доихара, Ямасита,
рия может вести «столетнюю войну».

Что на самом деле происходит в Токио?..

Ямада обрадовался, когда в июне 1945 года в Чан
из Токио прилетел генерал Умэдзу. Во всем облике У
зу было нечто успокаивающее: генерал не любил н
показного, военная форма была помята и свободно
талась на его небольшой, коренастой фигуре. Кор
подстриженные седые волосы, кроткая улыбка делали
каким-то домашним, незначительным. И только в жи
подвижных глазах бегали злые огоньки. В генерале
лась скрытая энергия, о которой хорошо знал Ям
О таких говорят: легче найти тысячу солдат, чем од

настоящего генерала. Они сидели в кабинете Ямада, пригласив сюда также начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата.

— Я прибыл к вам как инспектор,— сказал Умэдзу.— Готова ли Квантунская армия к войне с Россией?!

Вопрос не требовал ответа: конечно же готова.

— Князь Коноэ склоняет его императорское величество к тому, чтобы искать почетного мира, то есть договориться с американцами и англичанами на основе антикоммунизма,— продолжал Умэдзу.— Князь считает, будто продолжение войны с Англией, США и Китаем сыграет только на руку коммунистам. Он послал императору памятную записку: «Наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением...» — Спокойно, не повышая голоса, генерал Умэдзу рассказал о том, что происходило в те дни в Токио, вернее, в правящих кругах Японии.

К сожалению, «клика мира» имеет влияние на императора. Его величество готов заключить почетный компромиссный мир, чтобы не потерять все. Революции он боится больше, чем высадки американцев на территорию собственно Японии. Кабинет Судзуки ведет закулисные переговоры с официальными лицами США и Англии, в частности с руководителем Управления стратегических служб США Алленом Даллесом. Князь Коноэ готов был немедленно отправиться в Москву в поисках посредничества. Но Москва в категоричной форме отказалась принять Коноэ. Секретные переговоры ведутся в Швейцарии, Швеции и Португалии.

— Предатели! — не выдержал охваченный яростью генерал Хата.

— Пусть предают,— печально произнес Умэдзу.— Командуем историей мы! Намечено изолировать Атлантический флот американцев от Тихоокеанского, разрушив Панамский канал нашими подводными лодками! — закончил он уже с пафосом.

В Японии идет спешный массовый набор в отряды смертников. Они получат самолеты, торпеды, микролодки, взрывчатку и с радостью умрут за императора. Где-то в тиши лабораторий ученые под руководством профессора Нисина создают «космические лучи смерти»...

Ямада тоже имел чем похвастать. Завершено строительство семнадцати укрепленных районов по границам

с СССР и Внешней Монголией: они прикрывают подс пы к главным проходам через горные хребты. Кажд укрепрайон достигает почти пятидесяти километров в бину и двадцати — ста километров по фронту. Это преодолимые крепости. Но дело вовсе не в обороне: зд созданы наиболее выгодные условия для сосредоточени развертывания войск. Сформированы две бригады сме ников — камикадзе. Формирование отрядов спецназна ния продолжается. За последний год Квантунская ар удвоила свои силы...

Все это, в общем-то, Умэдзу знал. Его интересов другое: готовность к войне секретных бактериологичес формирований Квантунской армии. Чума — испытан средство. В свое время, стремясь облегчить захват Ма журии, японцы напустили на китайские войска чум крыс. Китайцы в панике разбежались. В бытность с главнокомандующим Квантунской армии Умэдзу нем затратил усилий, создавая отряды, подготавливаю оружие для бактериологической войны: напустить СССР, Монголию, Китай чуму, холеру, сибирскую я тиф! Один из таких отрядов гнездился в тридцати ки метрах от Харбина на станции Пинфань; филиал отр находился в самом Харбине. Прямо из Харбинской тю мы сюда перевозили заключенных китайцев, маньчжур монголов и русских и на них производили опыты. Зак ченные, попавшие в отряд, живыми оттуда не выход В официальных документах они именовались «брев ми». Испытательный полигон, над которым сбрасыв с самолетов фарфоровые бактериологические бомбы, ходился близ станции Аньда. Бомбы взрывались на вы те двухсот метров от земли, из них тучами выле чумные блохи. Блохи набрасывались на людей, привя ных к столбам. В десяти километрах от Чанчуня та имелись базы одного из бактериологических отрядов.

— Мы создали густую сеть филиалов, располо ных на основных стратегических направлениях по нице с Советским Союзом,— сказал Ямада. Он выну нагрудного кармана автоматическую ручку и положи стол.— Это модель распылителя бактерий. Он принят ми на вооружение.

И Ямада, и Умэдзу, и Хата были твердо увере одном: теперь, после победы над Германией, америк и англичане продиктуют свои условия истощенной во России. В единство США, Англии и СССР они не вер

Советский Союз никогда первым не выступал против Японии, вряд ли осмелится выступить и на этот раз.

Почетный мир... Смешно!

— Почетный мир возможен лишь после внушительной победы Японии. После такой победы с нами вынуждены будут считаться. Мы должны продемонстрировать всему миру вооруженную ненависть к коммунизму,— сказал генерал Умэдзу.— Если мы сейчас нападем на СССР, США и Англия вряд ли будут нам мешать... Они будут радоваться. Никто не хочет усиления России, никто не будет делить с ней добычу.

Возможно, все так и было бы. Но ни США, ни Великобритания не верили в японский вариант. Гитлер провозгласил «тысячелетний рейх», а просуществовал он каких-нибудь двенадцать лет! Распался под ударами Красной Армии. Японцы собираются вести «столетнюю войну». А если Красная Армия уничтожит Квантунскую армию, а она ее конечно же уничтожит, то это поможет американцам сохранить жизнь миллионам своих солдат. Черчилль также готов воевать до последнего советского солдата... У него единственная надежда на русских.

Разумеется, многое из того, о чем здесь рассказываю, я узнала гораздо позже. Хотя бумаги, над которыми трудились мои товарищи и я, давали широкий простор для размышлений. Казалось почти неправдоподобным, что закулисные шашни японских генералов происходили всего за каких-нибудь два-три месяца до нашего прихода в Маньчжурию.

Пока японские стратеги обсуждали планы нападения на СССР, а американские и английские политические деятели подсчитывали, сколько жизней своих солдат удастся сохранить за счет русского Ивана, в Москве, в Генеральном штабе, умы, обостренные и умудренные опытом битв Советской Армии на Западе, разрабатывали и приводили в действие план разгрома Японии. Помимо союзнического долга, у нас имелись и свои интересы: вернуть территории, захваченные Японией у России, закрепить существующее положение Монгольской Народной Республики как суверенного государства.

Стратегические умы искали и нашли то главное звено, с ликвидацией которого рухнула бы вся система военного сопротивления Японии. Таким звеном была Квантунская армия — стратегическая группировка войск, предназначенная для агрессии против СССР, продолжения войны

против Китая и удержания в руках Кореи и других за
ченных японцами территорий в Азии. Намечалось о
временное нанесение трех сокрушительных ударов,
дящихся в центре Маньчжурии. Изолировать и унич
жить Квантунскую армию!.. Главной ударной си
должны были стать танки,— японцам никогда не прихо
лось отражать крупных танковых атак. С падением М
дена вся оборона японцев оказалась разрушенной, во
за каких-нибудь двадцать три дня. Вести «столетнюю в
ну» не пришлось.

Из политических деятелей Японии меня почему
больше всего привлекала фигура князя Фумимаро Ко
В японских журналах встречались его фотографии: кн
можно было дать лет пятьдесят с небольшим. Хищный,
«японский» нос, «гитлеровские» усики, узкие глаза
густыми, высоко взметенными бровями — в этом лице
дывалась недобрая энергия; густые черные волосы, сло
бы взъерошенные, только усы портили его впечатление.
не расставался с традиционным кимоно, по-видимому
черкивая свою приверженность ко всему японскому,
циональному, даже в одежде. Бывший премьер
правительств Японии, Коноэ считался главным пропа
дистом лозунга «Азия для азиатов» и так называем
«желтого» расизма. Каждый японец призван не щадя
вота распространять дух японизма на земле. Совет
Союз Коноэ объявлял «практической лабораторией
мунизма» и, как человек, судя по всему, проницатель
побаивался этой «практической лаборатории», потому
знал заразительную силу коммунистических идей. Если
рить документам, Коноэ был убежден, что в случае п
жения Японии и США и Англия постараются сохрани
военно-промышленный потенциал, а также императо
власть. Он «верил» в янки и в туманный Альбион. Ги
ровскую Германию еще в прошлом году назвал «жи
трупом». И когда князю Коноэ дали деликатное пору
поехать в Москву с посланием императора, он сн
наотрез отказался. Не то чтобы ему не хотелось идти
поклон в «практическую лабораторию коммунизма»,
доказывал, что время упущено, ехать в Москву беспо
но. В правительственных же кругах не могли отказ
от мысли, что разлад между союзниками будет углуб
ся и что «успех русских в Берлине, наоборот, усилит
тиворечия между ними и может даже привести к ра
ву». Дескать, поездка Коноэ в Москву будет носить

кационный характер: всеми способами обострить отношения между союзниками по антифашистской коалиции и тем самым затянуть войну! В конце концов князя уговорили. Но там, в Москве, разгадав коварный замысел японских политиканов, отказались принять миссию Коноэ. Ничего другого князь и не ожидал. Игра была проиграна.

Коноэ потерпел, если так можно выразиться, и «личное» поражение: это он втянул Японию в войну с Китаем. Можно ли спасти положение Японии в Китае?.. Князь не хотел полного проигрыша. А что, если предложить Чан Кайши объединить силы для борьбы против КПК, 8-й и Новой 4-й армий?! Идея, правда, была не нова: она вызрела в Токио еще в самом начале японской агрессии в Китае и приносила иногда свои плоды. Но почему не вернуться к старой идее, если она кажется надежной, втравить гоминьдановцев в кровопролитную гражданскую войну, отвлечь Чан Кайши от американцев, пообещав ему все?.. Купить его! На территории Китая, помимо центрального правительства в Чунцине, существует также прояпонское «национальное» правительство в Нанкине, которое до прошлого года возглавлял Ван Цзиньвэй. Чан Кайши люто ненавидел Ван Цзиньвэя и его марионеточное правительство. Теперь Ван Цзиньвэй умер, а вместо него — некий Чэн Гуаньбо, которому в интересах дела можно дать хорошего пинка и распустить «национальное» правительство. На эту удочку Чан Кайши должен клюнуть: он мечтает стать единственным правителем Китая, его неограниченным диктатором, а возможно, и императором! У китайских генералов неистребимая мания «богдыханства». Любой генералишка метит в императоры...

Для Коноэ было очень важно сохранить независимость Маньчжурии от Чан Кайши, и, как было известно, генералиссимус терпимо относился к пребыванию в Маньчжурии японских войск, считая их «антикоммунистическим барьером».

Тонкий психолог, наделенный сугубо европейским и американским образом мышления, Коноэ прекрасно разбирался в предательской сущности генералиссимуса Чан Кайши. Актер и ханжа: не курит, не пьет, даже от чая отказался; любовниц и наложниц не имеет. Под влиянием последней жены Сун Мэйлин принял христианство. Носит крестик на груди, справляет христианские праздники, целует руку пастору, приставленному к нему американцами.

Жизнь Чан Кайши была наполнена самыми голово-

3 М. Колесникова

кружительными политическими взлетами и падения
Сначала он втерся в доверие к Сунь Ятсену, выдавая с
за человека, преданного революции. После смерти С
Ятсена устроил переворот, уничтожив левогоминьдан
ское правительство и расправившись с коммунистами.
перь его группа представляла интересы крупной кит
ской буржуазии и феодалов, она была связана с прест
ными банкирами. Вся военная, партийная и гражданск
власть сосредоточилась в руках четырех семейств Цзян
(представителем которых являлся сам Чан Кайши), С
Цзывэня и Кун Сянси, а также семейства братьев Чэ
Почти все они связаны родственными узами: Чан Кайш
и Кун Сянси женаты на родных сестрах Сун Цзывэ.
Суны, с которыми породнился Чан Кайши, являются кр
ными капиталистами — компрадорами, теснейшим образ
связанными с деловыми кругами США и Великобритан
Да, к сожалению, американцы глубоко запустили рук
экономику Китая. Князю было известно, что командую
щий американской авиацией в Китае генерал Ченно
возглавлял китайско-американскую авиатранспортную комп
нию совместно с женой Чан Кайши Сун Мэйлин. Все э
было так. Но Коноэ хорошо помнил, что тот же Чан Ка
ши бурно приветствовал приход Гитлера к власти. Он ст
президентом и главнокомандующим всеми вооруженны
силами, присвоив себе звание генералиссимуса. А что,
ли японское правительство предоставит ему право бы
диктатором и неограниченным властелином Китая, а т
же сохранит в неприкосновенности его традиционные св
зи с американским бизнесом? Нужно повести «мирное
ступление» на Чан Кайши, решил Коноэ.

Гоминьдановские генералы были податливым матер
лом: оружие, которое поставляли им американцы, гене
лы продавали по спекулятивной цене японцам. На фро
шла бойкая торговля американскими пушками, автома
ми и даже танками. Генералы с войсками охотно пере
дили на сторону японцев. Каждый обогащался как
Когда член ЦИК гоминьдана Пан Бинсюнь перешел
сторону Ван Цзинвэя, японцы назначили его на пост гла
нокомандующего операциями по истреблению комму
стов.

Теперь Коноэ, полный исторического смирения, хо
немногого — добиться от Чана хотя бы посредничест
мол, Япония в переговорах с Америкой и Англией гот
на компромиссы...

Как повел Коноэ «мирное наступление» на Чунцин? Это я узнала несколько лет спустя, когда многие тайны перестали быть тайнами, сделались достоянием гласности.

Коноэ посоветовал своему сводному брату Миягаве создать в Шанхае специальный «центр по изучению международных проблем». Вот этот «центр» и повел «мирное наступление», стремясь вступить в прямую связь с Чан Кайши. А в генеральном штабе в Токио и в штабе японских экспедиционных войск в Китае удалось сколотить подпольную группу генералов и офицеров-«миротворцев», которые завязали переговоры с гоминьдановскими генералами, имеющими влияние на Чан Кайши.

Началась осада генералиссимуса. Во-первых, японцы «повесили замок на входных дверях» в Особый район — перебросили туда войска. Освобожденные районы кишмя кишели японскими агентами, и они доносили о разброде, растерянности и неуверенности в соединениях и частях 8-й и Новой 4-й армий в связи с недавней кампанией «исправления стиля работы партии», проведенной Мао Цзэдуном и его сторонниками. Деморализованы местные партийные организации. Территория освобожденных районов все сужается и сужается, она сократилась вдвое. Мао усиленно пытается перетянуть американцев на свою сторону, доказывая им, что нужно иметь дело только с яньаньскими руководителями, так как они и есть решающая сила во внутренней политике Китая: мол, Советский Союз ослаблен войной и не в состоянии уже серьезно влиять на развитие политических событий на Дальнем Востоке и судьба Дальнего Востока, да и всей Азии, теперь находится в руках США. И только США! Яньаньское руководство готово быть союзником американцев, открыть им двери в Китай.

Все это не могло не радовать Коноэ.

Во-вторых, доверенные люди Коноэ дали понять Чан Кайши, что он всегда может рассчитывать на японскую армию в дипломатической игре с союзниками, если даже Япония вынуждена будет капитулировать. Чан Кайши должен в любом случае сберечь японскую армию! Генералиссимус может хоть сегодня «очистить Северный Китай», опираясь на японские штыки...

Но как явствовало из документов, хитроумная затея князя Коноэ провалилась. Его агенты доносили: «Чан Кайши портить отношения с СССР в нынешней ситуации боится».

3*

Ситуация, конечно, была не из приятных для Коноэ. Советский Союз одерживал одну блестящую победу за другой, примечательны были успехи и союзных войск. Вот почему обрел такую гордую независимость Чан Кайши.

Гордая независимость перешла в гордыню — Чан выставил японцам свои жесткие условия: «Немедленно ликвидировать нанкинский режим, признать Чунцинское правительство единственным законным правительством Китая, вывести японские войска и возместить потери, нанесенные Китаю в результате навязанной войны». Условия смахивали на требование безоговорочной капитуляции. Члены Высшего совета в Токио взвыли от негодования. Так провалилась идея сепаратного мира с Чан Кайши.

Мы, переводчики, сидя в бывшем штабе Квантунской армии, работали очень много, и в то же время каждый из нас краем уха прислушивался к тому, что творится в окружающем мире. Связывая прошлое с настоящим, мы пытались строить прогнозы на будущее. И все-таки нам, например, не удавалось охватить проблему в целом: слишком уж из неоднородного материала выстроена она! Там, где мне чудилась полная иррациональность, отсутствие четкой политической линии, на самом деле таилась железная логика, угадывалась давняя социально-психологическая традиция и то, что китайские политические стратеги называют «моулюэ» — военная хитрость, рассчитанная на длительный период, даже на века. В этой иезуитской своеобразной стратегии учитывается лишь свой корыстный интерес, национальный эгоизм: прикидываться другом в длительное время, а потом того, к кому записался в друзья, кем расчищена для тебя дорога, вероломно предать, вонзить ему нож в спину. «Подавлять варваров руками варваров». Японские оккупанты говорили: «Расправляться с китайцами руками китайцев». «Моулюэ» — слово скользкое, как мокрое мыло. И вовсе не военную хитрость обозначает оно, а разновидность предательства: предательство на длительный срок. Можно обманывать другие государства, умышленно делая свою страну яблоком раздора. А вот когда те враждующие стороны истощатся, показать оскал зубов...

Что сейчас творится во внутреннем Китае?

Мы, переводчики, занимались Маньчжурией, которая пока ни экономически, ни политически, ни психологически не стала частью Китая, а продолжала существовать как отдельное государство. Оттуда, из внутреннего Китая,

ходили отрывочные сведения. Судя по всему, Чан Кайши не намеревался создавать коалиционное правительство, куда вошли бы коммунисты, а судорожно готовился к развязыванию гражданской войны, он держал под ружьем сто пятьдесят тысяч японских солдат, рассчитывая бросить их на освобожденные районы; пять дивизий предназначались для высадки в Маньчжурии; семь армий, оснащенных американской техникой, сохранялись для ведения гражданской войны во всем Китае. Американская морская пехота под предлогом оказания помощи Китаю в разоружении японцев продолжала высаживаться в портах Северного Китая: Дагу, Тангу, Циньхуандао и Вэйхайвэй.

Но я по-прежнему многого не понимала: почему мирной демократизации Китая не хотят ни Чан Кайши, ни Мао? Оба стараются столкнуться лбами с американцами. Трижды приглашает Чан Кайши Мао Цзэдуна в Чунцин на переговоры, и трижды Мао дает отказ.

У каждого иероглифа есть свой ключ, у каждой политической проблемы — тоже.

Постепенно я уперлась лбом в проблему коалиционного правительства. Почему о нем так много говорят и почему его не хотят ни Чан, ни Мао, хотя на словах оба ратуют именно за создание такого правительства?

На Московском совещании министров иностранных дел, где были представлены США и Великобритания, Советский Союз настойчиво поставил вопрос: не вмешиваться во внутренние дела Китая, вывести все иностранные войска — американские и советские — одновременно. Указал на необходимость объединения, демократизации Китая и прекращения гражданской войны как на позицию, которой должны придерживаться участники совещания и другие иностранные государства в своей политике в отношении Китая.

Советский Союз готов хоть сейчас вывести свои войска, а американцы все подтягивают и подтягивают силы. Вряд ли они пекутся только о том, чтобы сделать Чану приятное. У янки дальний прицел: превратить Китай в колониальный придаток США! Кажется, звездный час настал... Шанхай уже превращен в базу 7-го Тихоокеанского флота и в крупнейшую авиабазу. В Тяньцзине закрепились части американской морской пехоты, установили контроль над Северным Китаем. Порт Циндао также превращен в базу американского флота. Американские

инструкторы наводнили армию Чан Кайши, беспрестанно подвозится оружие. Американская авиация и морской транспорт переправляют из Бирмы к границам Маньчжурии полумиллионную гоминьдановскую армию, подготовленную и снаряженную американцами. И еще одна подлость: Чан Кайши не разоружил японские части, он взял их к себе на службу. С американскими автоматами они маршируют по дорогам Китая и во все горло распевают те самые песни, которые пели, когда занимали китайские провинции:

В тот день, когда явиться
На фронт микадо мне велел,
Во славу жизни пели птицы
И утренний восток алел...

И Чан и Мао пытаются столкнуть двух «тигров» — США и СССР. Оба они идут на сознательное обострение военной обстановки.

Я все больше стала задумываться над глубинным смыслом, казалось бы, устоявшихся представлений. Так как интерес к Особому району у меня не угасал, раздобыла брошюру Мао «О коалиционном правительстве», вышедшую в мае сорок пятого года. Раньше я читала другую его работу — «О новой демократии», но тогда мало что поняла из нее. А вот эта брошюра меня сильно озадачила: в ней были такие установки, как отказ от «диктатуры одного класса и монопольного положения одной партии в правительстве». Короче говоря, автор отказывался и от главной движущей силы революции — диктатуры пролетариата — и от ведущего положения коммунистической партии в коалиционном правительстве. Он обещал сохранение и развитие частнокапиталистического хозяйства. А как же быть с социализмом? Социализм подождет. «Это будет власть союза нескольких демократических классов». Не социализм, а «новая демократия», иными словами — буржуазно-демократическая республика!

Теперь смысл загадочных слов Го Яня о поездке из прошлого в будущее для меня прояснился. Сюда, в Маньчжурию, переместилось сейчас сердце китайской революции! Вот ключ ко всему.

Размышляла я и о поведении американцев. «Нью-Йорк геральд трибюн» открыто пишет, что политика генерала Хэрли в Чунцине представляет собой вмешательство во внутренние дела и поощрение гражданской войны в Китае. Член палаты представителей США негодует

поводу того, что генерал Ведемейер и Хэрли хотят втянуть США в интервенцию. А один из представителей госдепартамента заявляет журналистам, что США могут дополнительно обучить и экипировать девятнадцать гоминьдановских дивизий, сверх уже обученных и экипированных. Янки не стесняются. Они откровенны...

Хэрли все-таки прогнали. В Чунцин прибыл с посредническими целями в качестве личного представителя президента Трумэна начальник штаба армии США Маршалл. Он, глава специальной миссии в Китае, должен участвовать в переговорах между гоминьданом и КПК. Но многим все это представляется политическим маневрированием, и ни у кого нет твердой уверенности, что руководители КПК договорятся с гоминьдановцами. Повсюду дымятся очажки будущей гражданской войны.

Гражданская война... Значит, снова убитые, кровь, развалины жилищ... Зачем? Неужто не навоевались?.. Ведь все зависит от людей, только от самих людей. И не от двоих или троих, не от толстого и тонкого. За толстым и тонким опять же стоит кто-то, жаждущий личной власти, личного могущества. Но неужели так силен субъективный фактор? Да и что он такое — субъективный фактор? Ведь не только воля отдельных личностей? Может быть, его и в расчет принимать не надо, этот субъективный фактор? Но, как я знала еще по институту, субъективный фактор — не только воля личности, а прежде всего сознательная практическая деятельность людей, классов, политических организаций; сюда относятся и настроения, и намерения, и классовый гнев, и национальные чувства... Разумеется, мне хорошо было известно о том, что решающая роль принадлежит все же объективным условиям. Вот это взаимодействие между сознательной деятельностью людей и объективными условиями было темой постоянных споров в студенческом общежитии. Мы хотели понять, уяснить, разложить все по полкам. Ведь в повседневной жизни изо дня в день мы сталкиваемся с причудливой игрой субъективных факторов. Ну а если рассуждать о высоких материях? Скажем, революционная ситуация? Достаточно ли одной революционной ситуации для начала революции, ее возникновения? И какие факторы обеспечивают победу революции? Профессора терпеливо разъясняли: революционная ситуация суть объективное условие. Но для победы социалистической революции недостаточно только наличия революци-

онной ситуации. Необходимо, чтобы к объективным ус... виям присоединились субъективные: способность рево... ционного класса к смелой, самоотверженной борьбе, на... чие опытной революционной партии, осуществляющей пр... вильное стратегическое и тактическое руководство. И я невольно приходили к выводу, что роль субъективно... фактора подчас настолько велика в развитии общест... что даже при наличии объективных условий победа ре... люции невозможна, пока субъективный фактор не ... зрел!

Дорогие профессора-эрудиты, где вы? Если бы к... нибудь из вас был рядом и объяснил мне, почему, к пр... меру, несмотря на бесчисленные восстания и революц... китайский народ так и не добился окончательной побе... Экономическая отсталость? Может быть.

Но разве мы не помогали Китаю? В самые тяжел... годы для судеб Китайского государства мы предостав... ли большие займы, давали современную боевую техн... и вооружение, посылали на китайские фронты своих лу... ших летчиков, и многие из них погибли в боях за неза... симость Китая. Погибли с глубокой верой в важност... своего интернационального долга. Все было, было, и э... го не вычеркнешь из истории.

Да, самолеты мы поставляли Китаю в кредит. Люд... в кредит не дают: летчики отправлялись в Китай доб... вольно. Они дрались за китайскую землю, как за св... собственную. Они верили в конечное торжество китайск... революции, в наше братство...

Объективные условия, как мне казалось, теперь на... цо. Ну, а что касается субъективного фактора, то хот... лось бы иметь «магический кристалл», чтобы сквозь не... увидеть будущее Китая.

Меня терзало сознание собственной интеллектуальной ограниченности, неумение раскладывать факты по логи... ческим ящичкам-полочкам. Рассуждая о политике, я по прежнему лишь «гадала на иероглифах».

У многих китайцев очень крепка связь между поколе... ниями и историческими эпохами. Они одной ногой про... стоят в своих древнейших эпохах, всех этих трудно за... минаемых царствах и империях — Цинь, Хань, Вэй, Ш... У, Цзинь — и несть им числа. Они убеждены в том, что все, что было в отдаленные времена, повторяется в на... время, воспроизводя одновременно сущность челове... Как я убеждалась не раз в разговоре с самыми разны...

людьми, подобное убеждение почти интуитивное. Некоторые китайские интеллигенты связаны со своим прошлым больше, чем с окружающим миром, от которого сознательно отгородились еще за два века до нашей эры Великой китайской стеной. В такой изоляции, насчитывающей два тысячелетия, а то и больше, не могли не развиться национальный эгоизм, шовинизм, идеи превосходства азиатской расы над другими народами и странами, дух национальной кичливости. Изоляционизм сделался своего рода политической и социально-психологической традицией.

У великого Сунь Ятсена вычитала: «Изоляционизм Китая и его высокомерие имеют длительную историю. Китай никогда не знал выгод международной взаимопомощи, поэтому он не умеет заимствовать лучшее у других, чтобы восполнить свои недостатки. То, чего китайцы не знают и не в состоянии сделать, они признают вообще невыполнимым... Китай очень высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства. Это вошло в привычку и стало считаться чем-то совершенно естественным!»

В начале века видный буржуазный реформатор Кан Ювэй откровенно заявил: «Если в дальнейшем в стране не возникнет бунт, то безразлично, какие марионетки у нас будут сидеть в правительстве, мы станем гегемоном мира». Вон еще когда извивался драконом китайский гегемонизм, еще в ту пору, когда жестокая маньчжурка Цыси не ставила китайцев ни во что!

Вот это и есть субъективный фактор, который вдруг вырос передо мной во всей своей неприглядной обнаженности, как мифический предок китайцев Паньгу, гигант с телом змеи и головой дракона, порожденный хаосом. Я понимала: в моих рассуждениях, разумеется, есть преувеличение: и Китай сегодня не тот, и китайцы не те, у миллионов людей появилось классовое сознание. Все нужно брать в развитии. Так-то оно так. Но и корни, истоки забывать нельзя...

Я никогда не считала себя особо восприимчивой к международным делам, а теперь от них голова шла кругом. Ясное представление о теме диссертации вдруг раскололось вдребезги. Маньчжурию оказалось просто невозможно изолировать от остального мира: японцы, американцы и загадочный для меня Чан Кайши. Иногда он представлялся мифом, злым духом истории.

Он вел какую-то странную игру с нашим командованием: то Чан Кайши неоступленно настаивает, чтобы наша армия немедленно ушла из Маньчжурии, открывает против нас клеветническую кампанию: русские, дескать, не ли не захватчики; то вдруг умоляет не уходить. Где логика? Но логика, разумеется, была. Железная логика, мной пока не разгаданная.

А возможно, все гораздо проще, чем кажется?

Над логикой политических себялюбцев стоит неумолимая логика иностранных держав, или, вернее сказать, империалистическая логика США. Еще в 1932 году миссией пресловутой Лиги Наций высказывалась мысль о том, что Китай де не способен к самоуправлению, ему, мол, больше подходит метод «международного управления»: в Китае избыток дешевой рабочей силы, но без иностранного капитала, техники, иностранных специалистов он не сможет развиваться. Концепция развивалась из года в год американцами и англичанами. В конце концов янки пришли к выводу: чтобы Китай развивался, он должен стать полуколонией США. Китай должен сделаться проамериканским! Цинично откровенные слова! Они считали, что приход к власти в Китае коалиционного демократического правительства нарушил бы все равновесие сил на Тихом океане. Этого ни в коем случае нельзя допустить! Готовы были даже заигрывать с Мао, с его «китайским марксизмом». Готовы были даже ввести представителей КПК в коалиционное правительство, которое по их замыслу должно стать правительством марионеток. Ввести с одним условием: КПК должна распустить народно-освободительные войска! Но поняли: армию КПК не распустишь, ведь афоризм «винтовка рождает власть» принадлежит Мао.

Вопрос о будущем Китая высиживается, словно в стальном яйце. Здесь, в Маньчжурии, что-то зреет... двигается что-то неумолимое, и мы сознаем это.

Но нам пора уходить. Мы свое дело сделали. Ведь еще в августе Советское правительство заявило, что Красная Армия может быть выведена из Маньчжурии через три месяца после окончания военных действий. Вот они и прошли, три месяца... В общем-то постепенный отвод наших войск уже начался,— правда, пока из южной части Маньчжурии. Скоро очередь дойдет и до нас.

Бог ты мой, еще никогда ностальгия не терзала меня с такой яростью, как в Чанчуне!

Серый камень, серый камень,
Серый камень душу жмет...—

тихо напевает кто-то из переводчиков. Город и впрямь кажется серым. Листья облетают, и выступает серый камень домов. По ночам я долго ворочалась, не могла уснуть. Грезилась увалистая степь с полынью и ковылем. То была степь моего детства, и в ней цвели необыкновенные фиолетовые и лиловые цветы, звенели кузнечики.

Нервишки мои стали пошаливать. Сказывалась усталость. Иероглифы преследовали даже во сне: низенькие, приземистые, они назойливыми лентами, походными колоннами выстраивались в затылок друг другу, тянулись сверху вниз по листу бумаги, будто шли по дороге, и каждый выкрикивал что-то свое — злое, беспощадное. Я поймала себя на том, что начинаю думать на японском: «Раппо кэн ва коккайни атаэрарэтэ иру» («Законодательная власть предоставлена парламенту»)... «Коно нику ва мада табэрарэмас» («Это мясо еще пригодно для еды»)...

Заглянув в мои глаза, начальник отдела, толстенький, рябоватый генерал, сказал с сочувствием:

— Вам нужно отдохнуть!

Это была сакраментальная фраза, чисто человеческое участие. Всем нам не мешало бы отдохнуть, но времени для отдыха не было. Еще несколько усилий... и с документами будет покончено. Кому из нас не знакома иссушающая природа служебного долга!..

И неожиданно начальник добавил с улыбкой, которая так шла к его по-детски круглому лицу:

— Приглашаю вас завтра вечером на бал!

— Что-то не хочется...— пытаюсь уклониться я.

Мне и в самом деле не хотелось веселиться — отоспаться бы!

— Ну, ну. Это — официальное приглашение. Между прочим, будет мадам Сун. Вечер с танцами. Форма одежды... быть в цивильном.

Наконец-то я сообразила: мадам Сун... жена Чан Кайши, та самая Сун Мэйлин, которая обратила его в христианскую веру.

Вот так по рассеянности едва не упустила «исторический» момент.

О приезде жены Чан Кайши в Чанчунь, разумеется,

слышала, но известие как-то не задело сознания: мало [ли] прилетает в Чанчунь высокопоставленных гоминьдановцев!.. На всех домах вдруг появились темно-синие фла[ги] с белым зубчатым солнцем. С каждой стены, с каж[дой] тумбы улыбался замороженной улыбкой генералиссим[ус] Чан. Даже на парадных портретах в своей красочной фор[ме] генералиссимуса он не выглядел солидно, хотя ну[ж]но такие портреты, по моим наблюдениям, придают человеку величавость.

Все портреты, висевшие на стенах, [в з]алах, были в аккуратных синих рамочках. Лысая грушеобразная голова генералиссимуса смотрела из этих рамок настороженно зло, усики сердито топорщились. Его [д]авно окрестили «великим казнокрадом» — он обворовывал собственную армию, наживаясь на солдатских [illegible]. И теперь, рассматривая портреты, я думала, что в его облике ес[ть] что-то «казнокрадское»: возможно, [illegible], злые глаза.

Сун Мэйлин была третьей по счету женой Чан Кайши. Молва наделяла ее выдающимися дипломатическими способностями. Нет, никаких дипломатических школ [она] не кончала: все шло от природы.

Жили-были три сестры из очень богатого дома. Старшая из них, Сун Айлин, миллионерша, ворочала крупными финансовыми операциями; своего мужа Куна, человека пустого, никчемного, навязала Чан Кайши на роль министра финансов. Средняя сестра, Сун Цинлин, избрала путь революционерки, вышла замуж за Сунь Ятсена. После его смерти осталась верна заветам революции, возглавила «Всекитайскую ассоциацию национального спасения». Ну, а младшая, Сун Мэйлин, прилетала вот теперь в Чанчунь представлять Чунцинское правительство и своего супруга Чан Кайши, главу Китайского государства. Неофициально, разумеется.

Во мне проснулся чисто женский интерес: какая она, Сун Мэйлин? Молодая, старая, красивая? Слышала, что у Чан Кайши есть сын Цзян Цзинго. Когда он узнал, что его папа в двадцать седьмом совершил контрреволюционный переворот в Шанхае, осудил папу за предательство и порвал с ним. Правда, лет через десять отец и сын помирились, Цзян Цзинго сделался верным помощником отца. Яблоко от яблони...

Казалось бы, какое мне дело до всего этого? И все-таки на вечер отправилась в возбужденном состоянии, использовав перед этим все свои возможности «не удар[ить]

в грязь лицом», то есть выглядеть соответственно такому торжественному случаю.

— Вас нужно срочно демобилизовать! — сказал начальник отдела, оглядев меня с ног до головы.— Поезжайте с богом в Москву и немедленно выходите замуж. Это приказ!

Комплимент начальника, сделанный хоть и в шутливой форме, придал мне уверенности.

У подъезда отеля «Сеул» машин было не так уж много. Догадалась: приглашены по строгому отбору. Всегда приятно оказаться в числе избранных.

Мы прошли в холл гостиницы и сразу же увидели знатную гостью. Госпожа Сун Мэйлин разговаривала с высоким моложавым китайцем в отлично сшитом европейском костюме. Китайцу можно было дать и тридцать пять и все сорок, но в нем сразу угадывалась энергия молодости.

— Представитель китайского правительства в Чанчуне,— шепнул мне на ухо генерал.

Но мои глаза были прикованы к Сун Мэйлин. На ней было длинное вечернее платье из черного бархата, плотно облегавшее фигуру. Она выглядела удивительно изящной и молодой. Не верилось, что перед вами зрелая, умудренная политическими интригами женщина, прибывшая сюда, как я уже слышала, с каким-то очень корректным и важным заданием, требующим для успешного его выполнения и ума и личного обаяния. На открытой шее блестело, вспыхивая то зелеными, то малиновыми огнями, алмазное колье. «Может быть, то самое... Из гробницы Цыси»,— подумала я.

Генерал любезно поприветствовал ее:

— Мы счастливы видеть у себя такую блистательную гостью.

Я перевела по-английски (так подсказало мне чутье). Приветливая улыбка осветила лицо мадам Сун Мэйлин. Она слегка наклонила голову и с непередаваемой грацией протянула генералу руку. Не была обойдена ее вниманием и я — быстрым, оценивающим взглядом она окинула мой скромный туалет и милостиво кивнула.

Тут громко заиграл джаз, и к Сун Мэйлин подлетел наш бравый майор, высокий, красивый, пахнущий табаком и одеколоном, в военной форме с полным набором орденов и медалей. На правах кавалера он пригласил ее на танец.

Моложавый китаец, который только что разговаривал с мадам, сделал полшага ко мне и вопросительно посмотрел на генерала: мол, разрешите?

— Да, да, конечно,— с улыбкой закивал мой начальник, и неожиданный кавалер ловко повел меня в плавное танго.

— Как принято говорить у нас в Китае, моя ничтожная фамилия Цзян Цзинго,— представился он мне на чистейшем русском языке, показывая в улыбке ряд крепких белых зубов.

— Вы сын господина Чан Кайши?

— Да,— подтвердил он, наслаждаясь произведенным эффектом.— А госпожа Сун Мэйлин в некотором роде моя мачеха. Теперь я представляю Чунцинское правительство в Чанчуне.

Это я уже знала и вполне оценила значительность моего кавалера. А он продолжал:

— Я ведь тоже в некотором роде полиглот. И дети мои полиглоты, они владеют несколькими языками. В их жилах течет и русская кровь.

«Ба! Да мы чуть ли не родственники!» — с насмешкой подумала я, улавливая желание Цзян Цзинго завоевать мое доверие.

— Если хотите знать, я как представитель Чунцинского правительства занят сейчас важным делом: созданием административного аппарата здесь, в Маньчжурии. На КВЖД нужны квалифицированные переводчики. Такие, как вы. Может быть, потому, что нет хороших переводчиков, затягиваются межгосударственные переговоры. Русские эмигранты никуда не годятся как переводчики. У них отсталые представления...

Я молчала, не зная, как отнестись к его словам.

— Ах да...— спохватился он.— Вы, по-видимому, служите в штабе фронта. Все можно уладить: я поговорю с маршалом Малиновским... Мог бы предложить вам должность в моем аппарате.

— Благодарю, но это не входит в мои дальнейшие жизненные планы,— серьезно ответила я.

Он разочарованно пожал плечами.

— Жаль... Все же подумайте.

Бесконечный, как мне показалось, танец закончился. Джаз умолк.

— Буду надеяться, это не последняя наша с вами встреча,— с улыбкой произнес Цзян Цзинго, слегка

жимая мне пальцы.— Нам хотелось бы, чтобы русские не уходили из Маньчжурии как можно дольше.

В эти дни в Чанчуне дебютировал приехавший из Харбина балетный ансамбль театра «Модерн». Наше командование пригласило артистов поразвлечь мадам Сун и ее свиту.

Представление состоялось в небольшом зале. Я сидела в первом ряду с мадам Сун и господином Цзяном. Это был русский театр. Балетмейстер, солидная, красивая чисто русской красотой женщина, представила нам своих воспитанниц. Они охотно танцевали на «бис» отрывки из «Сказки зачарованных вод», из «Грез Востока». Большой успех имела молодая балерина в пламенном «потустороннем» «китайском танце». Другая покорила всех в «Бельгийском марше». Бездна вкуса и изобретательности! И я почему-то подумала: пора этим талантливым артисткам вернуться домой... Зачем они здесь?

Под занавес кто-то, уже «из другой оперы», читал стихи, от которых повеяло нафталином:

Шаги замолкли в отдаленье,
Не слышен шелест светлых риз...
Склонился над своею тенью
Задумавшийся кипарис.
И тихий шепот слышен чаще
Луною озаренных роз...
Здесь только что молил о Чаше
Тоскою раненный Христос...

Стихотворение называлось «В Гефсиманском саду» и явно предназначалось для мадам Сун, исповедующей христианство.

Было еще что-то, но я сделалась рассеянной, думала о неприглядной судьбе русских эмигрантов. А среди них очень часто встречались по-настоящему талантливые люди. Но талант, оторванный от родной земли, становится космополитическим, как бы стерилизованным...

Потом все ели, пили, провозглашали тосты, а мы с Петей Головановым переводили то с китайского на русский, то с русского на китайский.

По окончании вечера я была уверена, что распрощалась с госпожой Чан Кайши и господином Цзян Цзинго навсегда. Однако на следующий день меня вызвал к себе начальник отдела и сообщил, что предстоит неожиданный визит к мадам Сун Мэйлин и я должна поехать с ним в качестве переводчицы.

За нами прислали роскошную машину. В тихом особняке, куда мы приехали, слуга-китаец провел нас по лестнице наверх в большую, неброско убранную комнату, где уже были гости. Я слегка растерялась, увидя среди них представителей нашего фронтового командования.

Госпожа Сун Мэйлин приветливо поднялась нам навстречу, предложила удобные кресла. Цзян Цзинго сдержанно поклонился мне. В комнате был еще один представитель Чунцинского правительства, его называли господином Цзяао.

На столе — фрукты, легкое вино, сладости. На отдельном столике — библия в кожаном переплете и распятие из слоновой кости.

Все молчаливо ждали, когда начнет говорить мадам. Сегодня на ней был скромный, но тщательно продуманный туалет без всяких драгоценностей — он очень гармонировал со всем убранством комнаты.

Наконец она заговорила своим мелодичным, завораживающим голосом. На этот раз мадам выбрала китайский. Я старалась переводить ее речь как можно точнее, учитывая и интонацию. Да, она прибыла сюда как частное лицо. Благодарна за радушный прием, который ей оказало советское командование. Советские люди — милые люди. Вчера на маленьком балу она имела возможность лишний раз убедиться в этом. Сердца китайцев расположены к дружбе и взаимопониманию. Генералиссимус просил передать благодарность советскому командованию за то, что оно вняло его просьбе отложить вывод советских войск до февраля будущего года. Договор договором, но есть обстоятельства...

Обстоятельства мне были известны: дескать, советские войска так поспешно отходят, что гоминьдановская администрация не успевает занимать города и районы. Помнится, я была очень озадачена тем, что наше командование согласилось по просьбе Чан Кайши на отсрочку эвакуации.

— Зачем же нам укреплять здесь силы Чан Кайши? — задала я полемический вопрос Пете Голованову.— Гоминьдановцы, пользуясь поддержкой США, успеют под прикрытием наших войск перебросить в Маньчжурию свои войска, технику. Начнется гражданская война...

— Этого-то как раз Советский Союз и не хочет! — оптимистически ответил Петя.— Наши войска задерживаются не ради гоминьдановцев, а ради того, чтобы дать

возможность окрепнуть демократическим силам во всех провинциях Маньчжурии. Народ приветствует задержку наших войск. В гоминьдановских войсках разброд, они целыми частями переходят на сторону Объединенной демократической армии. Советский Союз старается воспрепятствовать военному вмешательству США во внутренние дела Китая и дать возможность китайскому народу взять власть в свои руки.

В общем, Петя тогда здорово меня просветил. Он всегда очень ясно мыслил. И сейчас в этом высоком собрании я не только переводила, но и умела уловить то, что скрывалось за словами.

— Некоторые члены правительства в Чунцине недоумевают,— вкрадчиво продолжала мадам Чан Кайши, перейдя вдруг с китайского на английский,— почему советское командование возражает против транспортировки правительственных войск через порт Дальний в Маньчжурию. Ведь в Дальнем существует китайский суверенитет... Не ставится ли таким образом Китай на одну доску с разгромленной Японией?

— Не ставится! — резко отозвался старший из наших генералов.— Порт-Артур и Дальний по Соглашению от четырнадцатого августа сего года являются договорной зоной расположения советских войск. Мы несем ответственность за оборону базы! Кроме того, по условиям Соглашения порт Дальний не может быть использован для перевозки войск, он является торговым портом. Так и передайте господам, муссирующим этот вопрос: мы строго выполняем Соглашение и никому не позволим нарушить его!

Невозмутимая, блистательная мадам на миг стушевалась, легкий румянец окрасил ее щеки, но она тут же овладела собой. Сказала ровным, спокойным голосом:

— Позволю себе задать еще один вопрос, вызывающий недоумение у некоторых наших правительственных чиновников. Почему вы не разрешаете национальному правительству использовать железнодорожную линию севернее Мукдена, ведущую в Чанчунь?

— С удовольствием вам отвечу, хотя господин Цзян Цзинго уже обращался к нам с этим вопросом,— учтиво улыбнулся генерал.— Мы осуществляем по этой линии эвакуацию своих войск. Согласно договору, как вы понимаете. А ваше правительство хочет перебрасывать по этой линии свои войска к Чанчуню. Зачем? Мы ведь пока

находимся здесь! И будем до февраля, как о том просил господин генералиссимус. Согласитесь: ваши правительственные чиновники в данном случае мыслят нелогично.

Лицо госпожи Сун исказилось гневом, хотя она и пыталась тоже улыбаться. А я в душе злорадствовала — загнали-таки мадам в угол! Она даже не могла найти ответную фразу и резко поднялась. За ней дружно встали мужчины. Все. Аудиенция окончена.

Тот же молчаливый китаец проводил нас к выходу.

Роскошной машины не было. Фронтовое начальство любезно предложило подбросить нас до штаба на своей. Дорогой генералы обсуждали свой визит к мадам и то горячо возмущались, то весело посмеивались. А я уверилась окончательно, что присутствие советских войск в Маньчжурии замедляет продвижение гоминьдановских войск в эти районы и способствует укреплению Объединенной демократической армии. Чан Кайши просчитался.

В ту же ночь мадам Сун покинула Чанчунь. Ее самолет сделал короткую остановку на мукденском аэродроме, но из самолета она там не вышла. В самолете принимала мэра города Мукдена господина Дуна, министра без портфеля чанкайшистского правительства Мо Дэгуя и других высокопоставленных гоминьдановцев, о чем-то с ними толковала. Потом самолет взял курс на Чунцин.

Позже пришло известие: гоминьдановцы с помощью японцев устроили провокационное выступление в Мукдене, осадили нашу комендатуру, есть раненые и убитые! Это было как гром среди ясного неба. Какой-то гоминьдановско-японский сброд посмел... Провокация, разумеется, была пресечена нашими мотоциклистами. Организатором провокационного выступления оказалось командование 5-й чанкайшистской армии, которая собиралась занять Мукден после ухода наших.

Отношения с гоминьдановцами портились все больше и больше. Несомненно, некоторые политические интриги плелись госпожой Сун Мэйлин.

30 октября гоминьдановские части, еще раньше высадившиеся в порту Инкоу, сделали попытку с ходу ворваться в пределы Маньчжурии. К пирсу подошли американские транспорты и под прикрытием боевых кораблей США стали высаживать десант, который должен был закрепить успех пехоты! Но увы! Объединенная демократическая армия навалилась всей своей тяжестью на гоминь-

дановскую пехоту, раздавила ее, а потом, развивая успех, вышибла десантников из Инкоу и Хулудао. Это был успех, получивший резонанс по всей Маньчжурии. И не только. О первых успехах демократической армии узнали за океаном. В Чунцине мадам Сун объявила траур и зажгла восковые свечи в своей молельне.

БАРАБАНЫ И ФЛЕЙТЫ СУДЬБЫ

Я сознавала неповторимость событий, больших и маленьких, которые происходили вокруг меня здесь, в чужой стране, и старалась запоминать, запоминать...

Рикша в ватных штанах, в меховой шапке и матерчатых, легких не по сезону туфлях везет важного гоминьдановского чиновника. Японка с ребенком за спиной стучит по тротуару деревянными гэта, зябко кутаясь в свое кимоно. Черно-синяя толпа, не убывающая никогда в сквере у высоченного обелиска, увенчанного моделью самолета — памятника в честь летчиков-забайкальцев (его построили китайцы). Наши патрули, на мотоциклах разъезжающие по улицам китайского города. Ядовито-яркие вывески кабаре, кукольные гейши. Настоятель православной церкви в Чанчуне отец Яков Тахей, чистокровный японец, аскетически худой, бородатый, с крестом на груди — он зачем-то пожаловал в советский штаб, его внимательно выслушивают. Переплетчик Павел Данилов, в прошлом есаул Уссурийского казачьего войска, усиленно доказывающий, что он праправнук Емельяна Пугачева и что-де внук умер совсем недавно в Харбине. Захлебываясь от желания объяснить все сразу, он говорит капитану Сташихину:

— Запишите: Пугачев не был самозванцем, никогда не называл себя Петром Третьим.

— Любопытно. Мы в школе учили другое.

— Нет, нет. Как могли казаки верить в то, что человек, родившийся и выросший в их станице,— Петр Третий? Такого обмана станичники и не простили бы никогда. Казачий быт — строгий быт!

— Ну, а как же?..

Лицо Данилова хмурится, он шевелит усами и убежденно повторяет:

— Мой прапрадед никогда себя императором не называл. Все это выдумки! Ловкий тактический ход, чтобы возбудить население против Пугачева и легче подавить

восстание, возникшее как протест против крепостничест-
ва. Семейное предание...

Теперь хмурится Ставолихин: сумасшедший или в самом деле потомок?

— Ну а вы-то как очутились в эмиграции, потомок бунтаря?

Данилов невозмутим.

— С моим отцом, то есть внуком Пугачева, бежали сюда от большевиков. На Уссури я был депутатом последних войсковых кругов, кроме того, редактировал «Уссурийский казачий вестник», ну, испугался — доберутся! А у меня семья. Сам сейчас инвалид.

— Так чего же вы хотите? — сурово спрашивает капитан.

— Как чего? Чтоб детей пустили в Россию.

— А вы сами?

— А разве меня пустят? О таком и мечтать не могу. Грешен и наказан поделом. Впрочем, если бы... Только б на родину... Я искуплю.

— Где вы живете? — любопытствует Ставолихин.

— Да тут же, в русском поселке Каученцзы, за железной дорогой. Раньше жил в Харбине...

Типичный эмигрант. Как ни странно, у нас нет к ним интереса. Русских в Маньчжурии много, особенно в Харбине — сугубо русском городе. В Трехречье — целые казачьи районы, станицы, где до недавнего времени занимались лихой джигитовкой, а седоусые казаки подогревали молодых злыми мечтами об «освобождении России от советских большевиков». Японцы формировали из молодежи белогвардейские отряды. Тут существовал Христианский союз молодых людей, кружок военной молодежи. Издавался белогвардейский журнальчик «Голос Захинганья». А российский интеллигент, томясь бесплодностью жизни и ее бесперспективностью, в Новый год зажигал на столе елку и тихо гнусавил себе под нос:

Маленькая беженская елка
В комнате убогой зажжена...

Они жили в вечном страхе. Боялись японцев, хунхузов, бесконечных гражданских войн между китайцами, боялись своего прошлого, а еще больше — будущего. Они просчитались, и большинство из них влачило жалкое существование. Мы освободили Маньчжурию, ну и их «заодно». Теперь все они, спасая будущность своих детей,

решили немедленно вернуться «домой», на Родину. О своей зыбкой, до крайности обособленной жизни рассказывали с тупым отвращением. Но что-то понимали, помнили. Даже Пугачев потребовался. Конечно же тут нашелся потомок Бибикова, того самого, который первым нанес удар Пугачеву. Все они жили какими-то мифами и сказками о своем высокородном прошлом, которого на самом деле никогда не было...

Мне бы наблюдать, наблюдать и записывать, накручивать на фоторолики историческую неповторимость, но я все торопилась докопаться до чего-то самого главного. А главное, как сообразила позже, был страх за судьбы китайской революции. Что произойдет потом, когда мы уйдем отсюда? А мы скоро уйдем, очень скоро. Будет ли Маньчжурия иметь будущее?.. Концепция некой единой Маньчжурии для моей диссертации, как уже говорила, окончательно рухнула, распалась; теперь я судорожным усилием воли пыталась собрать осколки, кое-как слепить их, а вернее, «прозреть» для самой себя.

Будоражили вести о недавней провокации в Мукдене. И вдруг в штабе нос к носу столкнулась с лейтенантом Кольцовым. Левая рука у него была в гипсе, забинтована до локтя и подвешена к шее. Завидев меня, он обрадовался, прямо-таки закричал:

— А я вас, Вера Васильевна, ищу-ищу!

Я тоже искренне обрадовалась этой встрече, неловко обняла его, поцеловала. Вроде бы недавно расстались, а соскучилась. Кольцов был мне симпатичен, и он догадывался об этом. Мы присели на диван здесь же, в коридоре штаба. Он блаженно улыбался глупой улыбкой влюбленного. Ах, Кольцов, Кольцов!..

— Что у вас с рукой?

Кольцов согнал улыбку, поморщился:

— Прострелена. Задело кость. Вот еду в Хабаровск для поправки. Можно бы и не ехать, а врач накричал.

— Где вас угораздило?

— Разве не слыхали о провокации? — с удивлением спросил он.

— Кое-что сюда просочилось...

Он поправил бинт, согнулся, положил руку на колено. Спросил:

— Генерала Пэна помните? Ну того, курносого, вертлявого. Весь как на пружинах. Тот, кто учился в Соединенных Штатах...

Разумеется, генерала Пэна Бишена, командующего 5-й гоминьдановской армией, я помнила. Он приезжал к нам в штаб, в императорский дворец, договориться о вводе передовых частей своей армии в Мукден. Его армия до недавнего времени дислоцировалась в Бирме. Это была отборная, гвардейская армия Чан Кайши, обученная американскими инструкторами и оснащенная лучшей американской техникой.

Запомнилась наружность генерала Пэна: небольшого роста, сравнительно молодой; глаза сильно вздернуты к вискам: казалось, будто генерал беспрестанно улыбается. На самом деле он редко улыбался. Не скрывал своих намерений: «обеспечить» коммуникацию Пекин — Мукден, другими словами, отрезать войска Объединенной демократической армии от освобожденных районов внутреннего Китая. Пэн, выполняющий частную задачу, негодовал на медлительность Чан Кайши, воспротивившегося выводу советских войск. Генералу хотелось, чтобы советские войска немедленно «освободили» Мукден для его армии. А они не освобождали.

— Вот этот гоминьдановский карлик устроил провокацию, подговорив всякий сброд,— сказал Кольцов.— Всю ночь стреляли по нас. Мне на руке автограф оставили. Ну и всыпали ж мы им! Пэн потом отнекивался: я, мол, не я, но нам-то все известно. Отказался остановить эшелон со своими войсками для проверки. Пришлось опять всыпать... Для порядка.

Обо всем Кольцов рассказывал восторженно, с нервным подъемом, так как чувствовал себя героем дня, а во мне росла тревога. Значит, первые конфликты налицо... Дурной симптом. Сами по себе гоминьдановцы мало значили, если бы за ними не стояли американцы. Любопытная эволюция. Я бы сказала, потрясающий зигзаг. Когда в августе наши войска заняли Мукден, неподалеку обнаружился большой лагерь военнопленных — солдат, офицеров и даже генералов США и Англии. Были тут, за колючей проволокой под дулами японских автоматов, такие крупные фигуры, как вице-маршал авиации Великобритании Малтби, генералы Соединенных Штатов Паркер, Джонс, Чиновет. Военнопленных выпустили, обласкали, отмыли, одели во все новенькое. Братание было бурным, американцы и англичане клялись в вечной дружбе. Оказывается, советские войска спасли их от издевательства, а возможно, и от смерти.

На банкете по поводу освобождения вице-маршал и генералы выразились в том смысле, что советский солдат спас мир от воинствующего средневековья и что Советская Армия «одним щелчком вышибла Японию из войны».

— Мы думали, что война закончится не скоро,— говорил генерал Паркер.— По оптимистическим прикидкам — не раньше конца сорок шестого, а то и в сорок седьмом. Нам казалось, что для оккупации Японии потребуется более пяти миллионов наших солдат и офицеров. Вы совершили чудо, и мы навсегда у вас в долгу.

Очень все были растроганы. Генерал Джонс даже прослезился и зачем-то совал всем фотографию своей красавицы жены.

— Плен — это не только позор,— сказал он.— Плен равен тысяче смертей. Японские офицеры — законченные садисты, потерявшие человеческий облик. Вы знаете, что такое ритуальное людоедство? Среди японских солдат и офицеров имеют место случаи ритуального каннибализма, когда съедают печень врага.

— Этого не может быть! — ужаснулась я, переводя его рассказ.

— Увы! Мы очень опасались за себя. Они практиковали массовые убийства военнопленных. Мы находились во власти жесточайшего произвола. На наши протесты японцы отвечали новыми издевательствами и насмешками. Лейтенанта Нейлсона подвязали в наручниках к потолку, и он висел до тех пор, пока не потерял сознания... Лейтенант Холлмарк был распят на специальной машине, ему вывернули руки и ноги. Нашим летчикам, захваченным в плен, без суда отсекали головы.

— Поэтому вы и сбросили атомную бомбу на Хиросиму? — не глядя на него, спросил мой начальник ровным голосом.

Выслушав вопрос в моем переводе, генерал Джонс смешался:

— Этого я не знаю. Я был в плену и не несу ответственности за стратегические шаги своего правительства.

Запомнился лейтенант Маккелрой, высокий, худой, с копной слежавшихся рыжеватых волос. Глаза ввалились, челюсти выпирали, как лемехи плуга. Не глядя на генерала Джонса, он сказал:

— Русские обошлись без атомной бомбы. За варварство все мы несем ответственность!

Меня поразила его смелость. За такие высказывания

могут, пожалуй, немедленно уволить из армии. А Маккелрою, возможно, только того и нужно. Он больше всего сейчас беспокоился о своей семье, о своей маленькой дочери. На банкете мы сидели напротив. Маккелрой воспользовался такой ситуацией и заинтересованно расспрашивал наших офицеров о том, как дошли до Мукдена, много ли было убитых и раненых, восхищался подвигами советских солдат.

— Если бы не вы, война никогда не кончилась бы... Мы, американцы, заносчивы и спесивы,— сказал он грустно.— Я служил под началом генерала Макартура на Филиппинах. Потом Макартура назначили главнокомандующим объединенными силами США на Дальнем Востоке. Этот генерал ни во что не ставил японцев, считая их чем-то вроде ученых собачек, а себя мнил Наполеоном. Однако нам очень быстро пришлось убраться с Филиппин. За каких-нибудь полгода японцы прибрали к рукам Малайю и Сингапур, Индонезию, Бирму, Гонконг, Соломоновы острова, Новую Гвинею, остров Гуам и еще много кое-чего. Находясь в плену, я много думал и во многом разобрался...

Он говорил быстро и горячо. Я едва успевала переводить. Я видела его словно бы прозрачное лицо, двигающиеся острые челюсти, бескровные, нервно вздрагивающие губы и ввалившиеся глаза, белые от пережитых страданий, и мне искренне было жаль его. Слава богу, лейтенант Маккелрой, кажется, уяснил главное: если бы советские войска не уничтожили молниеносным ударом Квантунскую армию, долго бы ему и его генералам пришлось сидеть за колючей проволокой. Ведь ни американцы, ни англичане не торопились заканчивать войну на Тихом океане: лишь в конце 1943 года они начали наступательные операции в центральной части Тихого океана. За всю войну на японские военные предприятия в Маньчжурии не было сброшено ни одной американской бомбы.

Об атомной бомбе Маккелрой знал понаслышке.

— Что вам известно о новом американском оружии? — спросил он с жадным интересом у моего начальника.

— Вы имеете в виду атомную бомбу? — отозвался генерал.

— Странное название.

— Непривычное... Взрыв первой атомной бомбы стер с лица земли Хиросиму. Говорят, погибло свыше ста пя-

тидесяти тысяч человек. Кто их считал?.. В Нагасаки разрушений меньше, но и там жертвы огромны — чуть ли не восемьдесят тысяч мирных жителей.

Лейтенант провел ладонью по лицу, словно стараясь снять невидимую пелену.

— Чудовищно! Я не верю. Это не война, а крематорий!.. Единым ударом уничтожить десятки и сотни тысяч беззащитных детей и женщин!.. Зачем? Какая в том необходимость? Ведь вопрос о капитуляции Японии, судя по всему, был предрешен?..

В самом деле, зачем американцам потребовались атомные удары в тот момент, когда война на Тихом океане была на исходе? Американцы были в курсе всего, что происходит в Японии. А происходило там, как потом стало известно, вот что: в правительственных кругах и в среде верховного командования обсуждали текст Потсдамской декларации. Экстремисты уповали на мощь Квантунской армии, более трезвые головы понимали, что Япония находится накануне капитуляции, и призывали не отвергать Потсдамскую декларацию.

Американские летчики затеяли своеобразную «игру» с мирным населением японских городов: сперва сбрасывали листовки, в которых предупреждали о предполагаемых ударах с воздуха, затем начинали массированные налеты бомбардировщиков. Бомбили день и ночь. Правда, бомбы почему-то падали на жилые кварталы, а не на промышленные объекты. Вооруженные силы Японии, находившиеся в метрополии, не в состоянии были защитить города, избранные американцами в качестве целей.

Так зачем все-таки американцам потребовалось подвергать Хиросиму и Нагасаки атомной бомбардировке?..

Лейтенант Маккелрой явно был озадачен.

— Вы спасли не только нас, но все человечество! — пылко воскликнул лейтенант, когда стали прощаться.— Этого мы не забудем никогда...

Попросил мою фотографию на память, но фотографии у меня не было.

— В другой раз,— сказала я.

Он улыбнулся.

— Я терпеливый. Будете в Филадельфии, заходите в гости, познакомлю вас с жёной и дочерью.

Расстались с американцами и англичанами добрыми друзьями. Ведь их в самом деле могли при допросе подвесить к потолку или распять, а то и убедиться в том, по

выражению Пьèра Лоти, что мясо белого человека пахнет спелым бананом. Путь воина — бусидо — включает в себя «японский метод ведения войны», который мало чем отличается от гитлеровского. Что касается каннибализма, то я как-то не могла в это поверить, пока не была найдена запись допроса японца, взятого в плен. Он заявил: «10 декабря 1944 года штаб 16-й армии издал приказ о том, что войскам разрешается есть мясо погибших граждан союзных держав, но что они не должны есть мясо своих соотечественников».

Оказывается, в ритуальном людоедстве принимали участие даже японские генералы и адмиралы.

— Вашей жене повезло,— сказал мой начальник генералу Джонсу на прощание.

Их отправили к Маршаллу и к Макартуру. А теперь стало известно: некоторые из американских офицеров вдруг очутились в 5-й «бирманской» армии генерала Пэна. Круг замкнулся для английских и американских парней: воевали против японцев, попали в плен, теперь готовы воевать против своих освободителей — русских. Хэрли получил отставку, а Маршалл начинает действовать.

В застенном Китае продолжала клубиться непонятная для меня политика: КПК и гоминьдан договорились о прекращении военных действий. В Пекине создан исполнительный штаб из представителей освобожденных районов, гоминьдана и... США! КПК вынуждена пойти на вывод из Южного и Центрального Китая войск Новой 4-й армии, а также официально согласиться на переброску в Маньчжурию гоминьдановских армий по мере отхода советских войск для того, чтобы Центральное правительство могло «принять» Маньчжурию.

...Я пошла на вокзал провожать Кольцова. В зале весь пол был усеян шелухой семечек. Морозный ветер врывался в окна с выбитыми стеклами. Суровая зима входила в силу, а температуры тут случаются ниже, чем в Гренландии. Здешнее население по ночам, как и в Мукдене, разрушало прекрасные коттеджи на дрова. В лавках, магазинах и на базаре продукты постепенно исчезли. В ход почему-то пошли иены, гоби, чунцинские доллары.

— Скорее бы увольняли вас из армии,— сказал Кольцов неожиданно.— Тут будет у них заваруха, носом чую. Американцы Шанхай своей главной квартирой сделали. Эк выискались квартиранты! Говорят, в Китае шурует

стодесятитысячный американский экспедиционный корпус, перебрасывает на своих самолетах и судах гоминьдановцев поближе к Маньчжурии.

— Совершенно верно,— подтвердила я.— Американцы дали Чан Кайши миллиард долларов на вооружение, подарили почти тысячу самолетов и много тысяч автомобилей. Вооружают. Недавно стало кое-что известно о боях гоминьдановцев против частей Народно-освободительной армии в сентябре и октябре. Оказывается, с одобрения госдепартамента и министерства обороны США японцы принимали участие в боевых операциях на стороне Чан Кайши! Понимаешь, что это значит?

Но Кольцов даже не возмутился. Лишь иронически хмыкнул:

— А чего еще ждать от них? Сколько лет водили за нос с открытием второго фронта? Им кажется: уйди мы отсюда — и они сразу же станут тут хозяевами. А скажите: где, в каких боях показали себя американцы? То-то же. Все больше на испуг берут. Будут, будут еще дела...

— Взрыва не миновать,— согласилась я.— Здесь, в Маньчжурии, или, как они ее называют, в Дунбэе, будут решаться судьбы Китая — быть ему народной республикой или не быть...

Я знала то, чего, вероятно, не знал Кольцов: Объединенная демократическая армия Дунбэя создана! Ее главный штаб находится на востоке, в присунгарийском городе Цзямусы, неподалеку от границы с Советским Союзом. Она располагает сильной боевой техникой, оставшейся от разбитой Квантунской армии,— сотни и тысячи орудий, самолетов, танков, пулеметов; Сунгарийская речная военная флотилия; продовольствие и фураж, реквизированные у японцев обмундирование, лошади, горючее. Все это трофейное оружие и имущество передало частям демократической армии командование советских войск.

Это была та самая мощь, которую японские генералы считали главной опорой Японии и нового порядка в Азии. Даже если бы не существовало Освобожденных районов во внутреннем Китае, это вооруженное демократическое ядро Дунбэя в состоянии было выдержать натиск гоминьдановцев, жить, развиваться, расти. И гоминьдановцы конечно же понимали, что именно в Маньчжурии находится основная ударная сила революционных войск всего Китая. Объединенная армия распоряжалась огромной территорией и большими людскими ресурсами; силами осво-

бождения практически была занята вся Маньчжурия. Лишь в Мукдене и его окрестностях копошились гоминдановцы во главе с генералами Пэном и неким Ду Юймином, который назначен командующим всей группировкой гоминьдановских войск в Маньчжурии.

Нам поговорить бы с Кольцовым о будущих встречах, о видах на жизнь, помечтать, как и положено молодым, но мы, наверное, оба принадлежали к тем, кому и в огне прохладно: бубнили все про то же, не отрывая себя ни на мгновение от здешних забот. Уход наших войск из Маньчжурии казался нам почти немыслимым. Все не верилось, что народные силы укрепились, все беспокоились, что не выдержат натиска гоминьдановских войск, что американская военная волна докатится и сюда.

На прощание поцеловались — опять же не как молодые люди перед разлукой, а как два товарища, уверенные в близкой встрече.

Меня охватила жестокая грусть. Будто ушло что-то надежное и осталась лишь одна бесприютность.

Улицы-аллеи Чанчуня были пустынны. Деревья облетели, город без главного наряда сделался тоскливо-унылым. Пепельно-серые пятиэтажные здания казались голыми, над ними — башни и башенки, покрытые черепичными шляпами. Плетутся заиндевелые лошадки извозчиков-китайцев. Город уселся на равнине, гладкой, как стол. Над деревьями и домами фиолетовый морозный ветер...

Теперь, когда Чанчунь вошел в мое сердце, я стала лучше понимать его: японцы намеревались превратить этот ничем не примечательный населенный пункт в красивейший город Восточной Азии и во многом преуспели. Несмотря на свою странную архитектуру в стиле «Азия над Европой», он меньше всего походил на азиатский город. Мукден был китайским и только китайским. Чанчунь хотелось назвать городом-миражем, великолепным видением, которое может исчезнуть при первом дуновении ветра. Зеленый простор, нечто фантастическое в высоких светло-серых ребристых зданиях, обширные кварталы уютных коттеджей, утопающих в зарослях райского дерева. При строительстве были снесены целые кварталы китайской бедноты, китайцев изгнали на окраины. Это была столица, и суть ее составляли правительственные дворцы, парки, озера. Город заселяли в основном японцы и корейцы, их обслуживавшие. Японцы называли его

Синцзинь — «Новая столица», вкладывая в это название особый смысл: столица стала главным центром идеологического завоевания Китая. Отсюда, из Датунской академии, Университета государственного строительства, Университета права, Японо-маньчжурской ассоциации информации, Маньчжурского географического общества, Дома народного просвещения, киностудии и многих других организаций профашистского толка, источался идеологический яд во все концы Китая и Восточной Азии. Студенты высших учебных заведений носили военизированную форму.

Теперь «идеологическая» сердцевина города разрушена, он должен выполнять другую функцию, служить иной идеологии. А пока что сюда хлынули китайцы,— здесь они намного смелее, чем в Мукдене.

Но сказочная призрачность чудо-города осталась. Былая праздничность сменилась новой: с шумными манифестациями, митингами, с пляской матерчатых драконов на улицах, с приветственными выкриками «шанго» и «ваньсуй» в честь советского солдата. Все цветы Маньчжурии были брошены на броню наших танков; потом и эта новая праздничность как бы рассеялась. Появилась угрюмая настороженность, сумрачность. В притаившихся домах — особая тайна надвигающейся грозы.

Ночью на улицах глухо, как в глубоком колодце. И темно. Мертвое безмолвие заколдованного страхом города. Раньше по ночам хоть слышались выстрелы и раздавался топот ног. Теперь нет даже этого.

Улицы просыпаются как бы внезапно: над табачной фабрикой за скованной льдом Итунхэ поднимается малиновый шар солнца и кто-то, будто бы только и поджидавший этого мига, начинает весело-истошно кричать, коверкая русские слова:

— Сигареты ести, яйса ести, виски ести!..

Появляются вереницы легковых и грузовых извозчиков. Они что-то и кого-то куда-то везут. Японцев здесь еще очень много. Мужчины куда-то спешат, хотя, казалось бы, им уже некуда торопиться. Все они одеты на один манер: в пыжиковые малахаи с бледно-зеленым верхом, такие же бледно-зеленые толстые шубы и огромные меховые башмаки — явно не по ноге; узкие брючки дудочкой делают их похожими на диковинных насекомых.

Город живет своей жизнью, замаскированной крупными иероглифами вывесок. Смотришь в его улицы, сквозя-

щие фиолетовым маревом, а ощущение — будто глядишь в бездонную пропасть. Тут в каждом доме непонятные людские судьбы. Китайцы, японцы, корейцы, маньчжуры. Особенно деятельны корейцы: они не потерпели никакого урона, хотя и служили японцам. У них богатые, обеспеченные дома. Корейцы — это специалисты: электрики, связисты, врачи, конторские служащие, огородники, железнодорожники, и в них всегда нужда. Они ходят с важным видом и на гоминьдановских чиновников поглядывают с снисходительным презрением. Корейцы охотно помогают советскому командованию. Их незаменимость ощущается всякий раз. По сути, сейчас они цементируют хозяйственную жизнь города, чувствуя себя в полной безопасности. В Корею возвращаться не собираются. Им и тут хорошо. Японцы называли Маньчжурию «страной процветания». Для корейцев она продолжает оставаться таковой. Они процветают, как, пожалуй, не процветали до этого.

Да, город живет... С грохотом проносятся замызганные трамваи, приходят и уходят поезда. Кто-то подвозит уголь и продовольствие. Работают кафе и рестораны. Но я ощущаю, как пульс жизни словно бы замедляется.

Над Чанчунем висит тень неуверенности: русские скоро уйдут, и кто знает, что тогда будет. Гоминьдановская администрация уже пытается наложить лапу на торговлю, идут беспрестанные обыски — ищут сторонников народной власти. Тюрьмы полны будто бы грабителями и хулиганами. В кварталах бедноты — «старом китайском городе» — гоминьдановцев встречают нелюбезно: нападают всем скопом и избивают.

Нашего ухода не хочет никто, кроме гоминьдановцев. Да и они побаиваются, что сюда сразу же вступят части Объединенной демократической армии — она совсем рядом, в Яомыни. На северо-восток от Чанчуня гоминьдановцам ходу нет.

Напряжение растет и растет. Идет некий подспудный процесс неприятия власти Чан Кайши. Кто-то ночью сорвал все его портреты, кто-то прячет оружие, кто-то поддерживает связь с Объединенной армией; окрестное население организует крестьянские отряды самообороны. Никто не желает отдавать свободу и землю, с которой Советская Красная Армия согнала японцев. Крестьяне начинают отбирать землю у помещиков, идет классовое расслоение в деревне, борьба обостряется. В Чанчуне появились профсоюзы, чего раньше не было и не могло быть.

На базаре я заговаривала с крестьянами, приехавшими издалека. С яростным восторгом говорили они о том, что скоро-скоро начнется раздел между безземельными и малоземельными крестьянами земли, которая принадлежала японцам и предателям народа. Большие надежды связывали с получением натуральных ссуд для посева. Когда земля засеяна, за нее можно постоять.

Я словно бы окуналась в историю двадцатых годов своей Родины. Землица... она всюду дорога. Мозолистые руки одинаковы и у русского и у китайского труженика. Даже самый темный понимает: возврата к прошлому не должно быть!

Маленький эпизод.

Кривой Цзо И все двадцать семь ли от своей деревни до Чанчуня тащил на спине мешок с рисом. Надеялся выгодно продать его в городе и купить кое-что для своей многочисленной семьи. У входа в город его остановили два человека в синих стеганых куртках, меховых шапках и добротных японских оранжевых сапогах. Это были гоминьдановские полицейские.

— Что несешь, старик? — сурово спросил один из них и ухватился за мешок.

— Рис на продажу,— спокойно ответил Цзо И. Он не боялся этих людей, так как не нарушал закон.

— Ты украл этот рис? — допытывался полицейский.

Цзо И обиделся:

— Я никогда ничего не крал. Рис нам раздали солдаты.

— Какие солдаты?

— Русские, конечно. Они сказали, что весь рис и земля японского общества принадлежат теперь нам, крестьянам.

— Вас надули красные,— зло сказал полицейский.— Все земли и весь рис принадлежат гоминьдановской власти. Запомни это и передай своим землякам! Русские скоро уйдут из Чанчуня. Клади мешок на землю! Мы дадим тебе расписку, что ты сдал этот рис для нужд нашей армии.

— Я не знаю вашей армии, это мой рис, и я его никому не отдам!

Гоминьдановский полицейский ударил Цзо И бамбуковой палкой по голове. Но старик устоял на ногах и принялся кричать, созывая народ. Скоро собралась огромная толпа. Полицейские пытались разогнать ее, но только озлобили. Кто-то запустил в полицейских камнем, когда

один из них упал, его схватили за ноги и поволокли в ров. Другому так наломали бока, что он бежал вприпрыжку и вопил во весь голос, а толпа хохотала.

— Только глупые люди не могут понять, что русские солдаты отдали рис и землю мне, а не гоминьдану! — убежденно сказал Цзо И. — Мы собрались в ополчение против таких вот непрошеных хозяев. Пусть только сунутся... У нас и винтовки есть...

Я шла по обсаженной деревьями главной улице Чанчуня и вбирала в себя маленькие эпизоды чужой жизни.

Раза два Петя Голованов приглашал меня в клуб железнодорожников, где выступали наши артисты, приехавшие из Москвы. Они спели свои песни, показали балетные номера и уехали, а мы остались. Непостижимые расстояния отделяют меня от Москвы, где мое мирное будущее. Это будущее почему-то всякий раз представляется в виде Тверского бульвара, где можно спокойно сидеть на скамеечке и читать книгу.

Неужели все ураганы пронеслись и стихли навеки?.. В какое сложное время мы живем. Для многих все очаги войны погашены, а то, что происходит здесь, в Маньчжурии, представляется частным эпизодом истории. Ведь все раз и навсегда закончено! Осталось судить этих самых, фамилии которых трудно запомнить: Хата, Хирота, Сато, Нагано, Муто, Хосино, Араки, Итагаки, Ока и Мацуока... Претенденты на мировое господство...

Мне и еще двум девушкам из штаба — Ирине Котовой и Клавдии Зозулиной — отвели двухэтажный серый, словно ласточкино гнездо, особняк, где, как и в мукденской гостинице «Ямато», все было на японский лад: раздвижные стены, нары для спанья, ширмы, желтые циновки на полу. И все-таки особняк имел некоторые отличия: здесь висели хрустальные люстры, мебель была инкрустирована перламутром; в узких нишах стояли лаковые шкатулки. Мы поселились на первом этаже, второй пустовал.

Еще недавно наш особняк утопал в зелени, лепестки запоздалых цветов усыпали ступени. Теперь и он выглядел как-то бесприютно. Снега не было, была только холодная удушливая пыль.

Дома было тепло и уютно. С некоторых пор здесь хозяйничала Эйко, наша добровольная помощница. Она убирала комнаты, готовила нам ванну, подавала по вечерам чай. Познакомилась я с ней в той самой православной церкви, в которой совершал службы японский поп Яков

Тахей, представляющий японскую церковь Христа в Маньчжурии. В церкви еще в августе поселились с детьми жены японских офицеров, попавших к нам в плен. Они терпеливо ждали отправки в метрополию. Начальство послало меня выяснить, в чем нуждаются семьи военнопленных. Задание было не из приятных, но я отправилась. Одна. В военной форме.

В храме горели свечи. На полу лежали соломенные циновки. Каждая семья занимала две-три циновки, отгороженные раздвижными ширмами. Укрывались толстыми одеялами. Повсюду тлел уголь в обогревательных горшках-хибати.

Женщины, сидя на корточках, смотрели на меня безучастными глазами. К ним жались малыши, укутанные в теплое. Японки не ждали от нас ничего хорошего. Дети постарше бросали на меня недоброжелательные взгляды и настороженно наблюдали за каждым моим движением. Кто-то выкрикнул испуганное «арра!». Я поздоровалась. Они, как по команде, стали отвешивать низкие поклоны.

Откуда-то из-за клироса, где обычно размещаются певчие, вышел отец Яков. Неизвестно почему извинился:

— Гомэн насай!

Обрадовался, когда я заговорила по-японски. Узнав, зачем пришла, совсем повеселел и, остановившись посреди храма, высоким, слегка визгливым голосом объявил о цели моего визита. Женщины, потеряв сдержанность, все разом загалдели. Я заткнула уши.

Тогда вперед выступила Эйко и заявила, что она здесь за старшую. Она хорошо знает, кто в чем нуждается. Все хотят вернуться в Японию.

Эйко говорила грубоватым, решительным голосом. Красавицей ее назвать я бы не отважилась, но чем-то привлекало живое, умное лицо с большими коричневыми глазами.

Со мной она сразу взяла доверительный тон, и я превратилась в «Веру-сан». Японских церемоний с поклонами и комплиментами Эйко не любила и откровенно заявила об этом: «Когда много кланяются, смешно!»

— И все же, будь добра, обучи меня этим церемониям,— попросила я.

Она рассмеялась и пообещала выполнить мою просьбу.

Эйко-сан была женой поручика Косаку из штаба Квантунской армии, сильно переживала за мужа и откровенно ругала микадо, который сдал ее Косаку в плен к больше-

викам. Потом, спохватываясь, начинала доказывать, что во всех несчастьях виноваты не отдельные люди, а обстоятельства. Истинное терпение — терпеть нестерпимое.

— Нам с Косаку не везет, — призналась она. — Его долго не повышали по службе — был на побегушках у начальства. Потом вдруг объявили, что отсылают на острова, где идет война с американцами. Я испугалась. Он сказал, что мне лучше всего вернуться в Токио, к родителям. А Токио беспрестанно бомбили, там голод, пожары. В нашем токийском доме нет ни горячей воды, ни отопления. После привольной жизни в Чанчуне не хотелось возвращаться туда. Говорят, американцы сбросили на Хиросиму какую-то особую бомбу. Может быть, и лучше, что в Маньчжурию пришли вы. Косаку — начальник небольшой, пусть лучше побудет в плену, пока в Японии все не образуется...

Эйко-сан отличалась трезвостью суждений. Когда я заговаривала о прелестях Никко, о храмах Киото и Нары, о японском пантеоне богов, о вековых криптомериях, об экзотичности японских обычаев, она смотрела на меня насмешливо, даже чуть с презрением.

— Это для туристов, — небрежно роняла Эйко. — У жрецов всех храмов почки заросли жиром. Японец молится всем богам без разбору, потому что верит плохо. Боги ему нужны как помощники, а не для почитания. Когда мы кашляем, то просим помощи у сострадательного Дзидзо или у милосердной целительницы богини Каннон. А если они глухи к молитвам, упрашиваем властителя ада Емма-о, или мартышек Косин, или бога грома, похожего на лягушку с ослиными ушами: не так уж важно, кто поможет, если ты попал в беду. Думаю, сейчас боги отвернулись от Японии и нужно просить помощи у советского командования.

Вначале мне подумалось, что в православном храме собрались японки, верующие в Христа. Но это было не так. Их всех собрал здесь невзрачный, но энергичный Тахей: мол, в православной церкви безопаснее, так как русские — православные. Церковь в Чанчуне, должно быть, существовала давно, еще с той поры, когда Чанчунь был небольшим уездным городком. Сперва в ней молились русские эмигранты из пригорода Каученцзы. Потом командование Квантунской армии приспособило ее для своих пропагандистских нужд, поскольку среди японских военнослужащих встречались и христиане. Еще в 1936 году папа римский разрешил японским католикам совершать обряды в синтоистских храмах, молиться богине Аматэрасу. В пра-

вославной церкви Тахея имелась так называемая камидана — полочка с маленьким алтарем «прародительницы» богини Аматэрасу. Всякий раз, прежде чем начать православную службу, отец Яков посвящал молебен религии «восьми миллионов богов» синто, прося их ниспослать благословение священной власти императора.

На мой недоуменный вопрос, как все это сочетается, отец Яков Тахей кротко отвечал, что он, мол, не волен в своих действиях, ибо руководствовался ежемесячными тематическими разработками и указаниями штаба Квантунской армии: все боги хороши, когда они помогают священной миссии Японии объединить страны Азии под властью императора, который сам является живым богом. Какую бы религию ни исповедовал японец, он обязан почитать «солнечную прародительницу», так как синто стоит над всеми религиями.

Тахея держали при штабе Квантунской армии вовсе не для православных японцев, которых в Чанчуне было не так уж много. Его предназначали вести прояпонскую пропаганду среди русского населения Забайкалья, после того как оно будет оккупировано Квантунской армией. Постепенно выяснилось, что этот скромный пастырь прекрасно владеет русским языком. Воистину иезуитское дело — приспособить все религии для своих захватнических целей! Японцам не откажешь в политической гибкости!

И я пришла к выводу, что и японцы и китайцы в своих богов мало верят. Они верят в начальство, того же императора и почитают предков, которые могут быть добрыми и злобно-мстительными, если их перестанут почитать. Это, по сути, вера не в богов, а в духов, нечто близкое к шаманизму, облагороженному красочным мифотворчеством. Северные народности перед охотой смазывали своим деревянным божкам губы жиром, а если охота оказывалась неудачной, секли их ремнями за плохое усердие. Пусть очень отдаленная аналогия, но она все же улавливается...

— Император признался в том, что он простой смертный, а не бог,— сказал Тахей.— Армии больше нет. Значит, нет смысла кланяться Аматэрасу Омиками. Мы теперь молимся только Христу и святой деве Марии. Наш мир — это Берег, где страдают дети, и все живое, что пришло в мир от колен великой матери нашей,— это дети Берега страданий...

Сперва по делам, заботам, потом просто так, в силу возникшей обоюдной симпатии, Эйко стала заходить к нам в

4*

особняк. Она как-то незаметно сделалась необходимой. Бегала на базар, убирала дом, варила на всю ватагу клейкий рис и со смехом учила нас пользоваться хаси — палочками для еды.

— Здесь жило большое начальство, — сказала она, тщательно осмотрев особняк. — Эта улица называлась Правительственной. Если идти по ней на север, то выйдешь прямо к большому императорскому дворцу. Мы с Косаку занимали одну комнату в доме неподалеку от жандармского управления.

Возможно, до нас особняк в самом деле занимал какой-нибудь финансовый или железнодорожный туз. Мы очутились в зеленом аристократическом районе по воле случая. Наверное, у туза была молодая жена: в спальне на туалетном столике стояло затейливое зеркало кагамидан с ящичками из карельской березы, повсюду валялись женские безделушки. В стенных шкафах висели женские кимоно всевозможных расцветок и рисунков, накидки-хаори с гербами дома. Мы ничего не трогали, нам и в голову не приходило рыться в чужом барахле.

— Выбирай все, что тебе нравится, — сказала я Эйко.

Она рассмеялась:

— У меня длинные прямые ноги, зачем их прятать в кимоно?

Так ничего и не взяла.

Японское жилище не загромождается вещами, и дом туза не являлся исключением. Здесь конечно же оставляли обувь за порогом и по комнатам ходили в носках. Наверное, и туз сидел в белых, с выделенным большим пальцем матерчатых носочках на циновках, попивал чаек, сакэ и закусывал обсахаренной рыбой. Он сидел на корточках в своем широком, как сутана, черном кимоно, поглядывал на свой самурайский меч, лежащий на алтаре, или же, лениво позевывая, наблюдал за игрой рыбок в аквариуме, угрюмо любовался картиной — свитком в нише, изящной вазой с корявой веткой сливы. Дома он редко с кем разговаривал, боясь уронить мужское достоинство, и в сеги — японские шахматы — играл сам с собой.

Он бежал из Чанчуня без оглядки, побросав святыни Аматэрасу — бронзовое зеркало, изогнутую пластину из нефрита и меч особой закалки. Портрет Хирохито сорвался с какого-то гвоздя и висел вверх ногами. Мы не стали снимать — пусть себе висит!

Ах, самурайский меч! Вот он лежит передо мной, ино-

гда им Эйко рубит мясо. У нее это ловко получается. Хозяин побросал святыни, предал их, и они потеряли свою святость. И алтарь предков, и алтарь Аматэрасу — все выглядело сиротливо; их святость была попрана трусостью. Взмахами меча разрубая бараньи кости, Эйко, словно эрудированный экскурсовод, неторопливо рассказывала, откуда берутся самурайские мечи.

У каждого почтенного японца, если он из рода самураев, у которого в доме есть и радио и телефон, который ездит на автомобилях и играет на бирже, есть священный меч и белое кимоно с гербом рода. Изготовление самурайских мечей до сих пор сопровождается старинными обрядами. Их кует ограниченное число всеми почитаемых ремесленников-тоджиси, которые работают строго в согласии с традициями многих веков. Мечи обоюдоострые и режут легче самой острой бритвы. Их делают из стали, закаленной способом, неизвестным европейцам и тщательно сохраняемым в тайне мастерами. В то время, когда куется добела накаленный меч, помощники мастера поют песню, в которой восхваляется доблесть древних героев Страны восходящего солнца. Выкованный меч покрывают смесью золы, растительных соков, благовоний и крови самого самурая. После специальной церемонии отец вручает меч своему сыну — меч становится его святыней. Потеря меча считается величайшим позором даже сейчас; человек, потерявший меч, обязан совершить над собой харакири. Наш меч был, судя по всему, старинный, украшенный красивыми рисунками, вероятно эпохи Ашикага. Ножны простые, без инкрустации, а это первый признак эпохи. Чем драгоценнее было оружие, тем скромнее ножны: прекрасный символ безукоризненного воина, который культивировал свою душу, но презирал тело — ничтожную оболочку души. Мечи служили не только для битв, но и для дуэлей. Прежде чем вступить в бой, самурай душил свое оружие и шлем амброй. Срубив противнику голову, он клал ее в свой шлем, как в корзину; и запах амбры заглушал запах крови. Сколько красивой ритуальности — и все в конечном итоге лишь для того, чтобы сдать самурайский меч сержанту Иванову. Я видела горы сданных японских мечей, кучи японских орденов и медалей.

Наш самурай, по всей видимости, небрежно относился к оружию: его меч был туповат и годился разве что для разделки баранины.

Висит в шкафу и белое кимоно с гербами рода его вла-

дельца. Наверное, он никогда его не надевал. Белое кимоно обычно надевают перед смертью, когда хотят совершить харакири. Дикая романтика предков, должно быть, не привлекала нашего туза. Век бусидо кончился.

— У богатых самураев,— продолжала свой рассказ Эйко,— существовала даже специальная комната, где стояло чучело предка в роскошных доспехах, его окуривали благовониями. Косаку всегда сердился и говорил, что чучелу его начальника, генерала Есимура, живется просторнее, чем нам.

В особняке остались альбомы с открытками и фотографиями. Открытки прославляли красоты Японии, знаменитых гейш и борцов.

Так проводили мы досуг, перетряхивая альбомчики, открыточки и перемывая кости сбежавшим хозяевам особняка.

При всей обнаженности своего отношения к жизни Эйко была чуткой, поэтичной натурой. Разбиралась в японском искусстве, почитая Огата Корина за его «36 прославленных поэтов» и за то, что он создал для жены правительственного чиновника Курано-сукэ изысканный костюм, состоявший из двойного черного кимоно с черным широким поясом-оби и белоснежным нижним кимоно, выглядывающим из ворота и внизу у ног. Оказывается, в те далекие времена костюм завоевал пальму первенства на конкурсе мод. Кому-нибудь подобные сведения были бы просто ни к чему, а я через Эйко вживалась в прошлое Японии.

Эйко хорошо знала хайку — стихи классиков и романы эпохи Мейдзи.

Неужели когда-то
Эти цветущие склоны
Видали битвы?
(Хайку Ватанабэ Кадзана)

Осенняя луна.
Замерали в ее сиянии
Крылья стрекозы.
(Хайку Моэна)

Сидя прямо на полу, на собственных пятках, Эйко приятным негромким голосом читала нараспев что-то очень старинное, хрестоматийно знакомое.

В наш серый замороженный особняк влетели синие стрекозы, «скользящие над озерной гладью в закатном солнце», «бабочки в цветах»; текли и текли стихи, словно сотканные из летящего снега:

Как будто там кто-то стоит,
Рассыпая жемчужные перлы...
И беспрерывно летят все они,
Рукав же мой узок...

Она оказалась искусной художницей. Учила меня рисовать, и я удивлялась, как непринужденно, словно бы без всяких усилий, Эйко взмахами кисти изображала пышно распустившиеся розовые цветы лотоса и сочные зеленые листья. Она умела рисовать сырые ветки, тростник, засыпанный снегом, тонконогих птиц.

Иногда Эйко приносила сямисэн — струнный инструмент — и пела островные песни, очень протяжные и печальные. В них билась тоска по несбыточному:

Чем было бы возможно
Непоправимое исправить?!
Быть может, лишь одним — слезами!

Вольно или невольно, до знакомства с Эйко-сан, я воспринимала Японию не столько по сухим справочникам и даже не по рассказам революционных писателей — Кобаяси, Катаока, Хаяси, Фудзимори, сколько по смягченным экзотикой путевым запискам туристов и романам Пьера Лоти, хотя и догадывалась, что поддаюсь сладостному обману, идеализируя грубую, конкретную жизнь. Я воспринимала все через некие пласты красочной культуры: золотые и серебряные павильоны; величественные белые феодальные замки, словно стремящиеся улететь в небо на своих крылатых крышах; представления бугаку в страшных раскрашенных деревянных масках, на берегу океана, перед воротами тории; живопись в жанре сандзуйга, что значит «горы — вода»; картины Хиросигэ, Утамаро, великого Хокусая... Жизнь меняется, а культура лишь обрастает новыми слоями — она как кольца дерева на сердцевине народной души. Меня всегда поражали высокий художественный вкус, самобытность и тонкость японской культуры.

Эйко-сан была представительницей экзотического островного народа, чье происхождение затеряно в тумане веков. Откуда они пришли? Во всяком случае, есть одно любопытное обстоятельство: японцы — единственный народ в мире, не имеющий и не имевший никогда домашнего скота. Значит, приплыли откуда-то, захватили острова... Их дети не знают коровьего молока.

Но у Эйко-сан на «экзотичность» имелся свой собствен-

ный взгляд: самым экзотическим народом ей казались русские.

— Ни у кого нет таких веселых танцев! — сказала она. — Я видела, как пляшут ваши солдаты. Захватывает дух. Такие люди не могут быть злыми.

Поговорив с начальством, я решила узаконить пребывание Эйко в нашем особняке. Пусть получает заработную плату. Когда заговорила с ней об этом, она рассердилась.

— Эйко не нужно никаких денег. Пусть Вера-сан позаботится о тех женщинах из храма: когда в Японию уедет последняя семья, с ней уедет и Эйко.

Эйко совсем прижилась, и, судя по ее поведению, ей вовсе не хотелось возвращаться в разрушенный Токио. Прислугой она себя не чувствовала, скорее компаньонкой. По вечерам развлекались игрой ханафуда — карты с изображением цветов.

— У японцев нет привязанности к родным местам, — как-то сказала она. — В поисках работы целые семьи перебрались в Америку, в Индокитай, Индию, Индонезию. А сейчас в Японии особенно трудно найти работу. Да я ничего путного и не умею делать. Быть обузой родным не хочу. Они торговали шелковичными коконами. Теперь, наверное, разорились и бедствуют. Мне с Верой-сан хорошо.

Что можно было ответить на это? Все мотивировано здравым смыслом Эйко. Ей хотелось одного: выжить, дождаться своего Косаку. О жерновах истории она думала меньше всего.

Иногда на Эйко находила хандра. Она сидела безучастная ко всему, сникшая. Или же с болезненным интересом начинала расспрашивать о том, что происходит сейчас в Японии: Вера-сан — офицер и должна все знать.

Что я могла рассказать ей? Только то, о чем пишут в сводках. Политика... Доступна ли она Эйко-сан? А рассказывать о Японии этих дней, обходя политику, прямо-таки невозможно. Второго сентября на борту линкора «Миссури» подписан акт о безоговорочной капитуляции. В Японии — американцы, Макартур. Сейчас американцы наползли в Китай, рвутся в Маньчжурию. Но в Японию никого не пускают. Когда 18 августа Советский Союз вызвался помочь своими войсками в оккупации северной половины острова Хоккайдо, американское правительство отвергло наше предложение в грубой и категоричной форме. Даже англичан не пускают. Япония должна находиться в распоряжении Соединенных Штатов, и только Соединенных Штатов!

Тут будет основная база американской политики в Азии... Что я могла рассказать жене японского поручика Эйко? Она озабочена участью родных в метрополии, ей нет дела до глобальной политики напыщенных американских генералов, выигравших победу мужеством советских солдат.

Может быть, Эйко-сан интересует судьба политических деятелей Японии? Кое-кто из них ушел от ответственности. Военный министр генерал Анами, как и положено по театральным канонам самурайства, сделал себе кинжалом харакири или сэппуку. Прямо у себя в кабинете. Для истории оставил записочку: «Убежден в несокрушимости страны, созданной богами». Сделали себе харакири маршал Сугияма, генерал Танака, контр-адмирал Ониси. Тот самый Ониси, который командовал всеми камикадзе — солдатами-смертниками. Он предлагал не подписывать капитуляцию, а превратить двадцать миллионов японцев в камикадзе — пусть пожертвуют собой! Теперь настал его черед. Самоубийств в те дни было много. Задумавший сделать себе это самое сэппуку отправлялся или в специальный «дом самоубийц», где за плату ему давали кинжал и сакэ, обещали похоронить с почестями, или же выходил на дворцовую площадь в сопровождении своих родственников и друзей, садился на землю и, обратив лицо к императорскому дворцу, где живет «венценосный журавль», то есть Хирохито, вспарывал мечом себе живот.

Тодзио решил застрелиться, но почему-то промахнулся.

Дольше всех держался князь Коноэ. Этот старый политикан был слишком американизирован, чтобы прибегнуть к варварскому харакири. Пятнадцатого декабря, когда на него уже собирались надеть наручники, он созвал в свою загородную виллу друзей; до позднего часа пили, развлекались с гейшами, ругались и строили планы возрождения Японии. Князь был внешне спокоен, молча пил свое любимое пиво или же отпускал политические остроты. Он, должно быть, понимал: поражение Японии в общем-то дело его рук. Это он, Коноэ, развязал войну в Китае. А тем самым положил, по сути, начало второй мировой войне за два года до того, как она началась на Западе. Война Соединенных Штатов и Японии — это главным образом война за тот же самый Китай. Китай нужен был американцам как крупный рынок и сфера приложения капитала для монополий. Теперь янки и Японию превратят в свой стратегический плацдарм в Азии. Игра Коноэ окончательно проиграна. США не отступятся ни от Китая, ни от Японии...

Какое блестящее начало и какой жалкий конец! Идея, вдохновлявшая Коноэ, разбита, уничтожена. Американцы Китаем никогда не поступятся. Да, все раздавлено, лук сломан, и стрелы кончились. Жизнь утратила смысл. Нужно красиво уйти в страну Омиками...

Во втором часу ночи князь оставил гостей, удалился в спальню, где прямо на циновках была его постель; простился с младшим сыном, передал ему памятную записку и попросил выйти к гостям. Когда двадцатичетырехлетний Мититака вышел, князь принял яд кураре.

Мой рассказ Эйко приняла совершенно спокойно.

— Я слышала об этих высокопоставленных господах, но никогда их не видела,— сказала она.— Яд все-таки лучше. Мой Косаку не стал бы делать харакири. Зачем? Пусть вспарывают себе животы большие начальники, если им так нравится, или камикадзе, которым за это платят при жизни.

Мое сообщение о том, что совсем недавно создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока — будут судить всех этих Тодзио, Умэдзу, Итагаки, Хирота и других загубивших в войне почти шесть с половиной миллионов японцев, также не произвело впечатления на Эйко. Вот то что американцы налетами своих бомбардировщиков оставили без крова почти десять миллионов семей, вот это ее возмутило.

— Зачем бомбить дома, где старики, женщины и дети?.. Ваши не разрушили ни одного дома в Чанчуне.

А меня известие о создании Международного военного трибунала прямо-таки взбудоражило: вот где будут замкнуты все круги международной политики! Мне как японистке с историческим уклоном очень хотелось бы стать свидетелем заключительной драмы: я ведь тоже принимала кое-какое участие в подготовке материалов для процесса... Увидеть собственными глазами главных актеров... Но увы. Там и без меня найдутся в избытке зрители.

Будут ли давать показания Хирохито, Пу И, знаменитый японский шпион Доихара? Как поведут себя дипломаты Мацуока, Того, Осима, Сиратори? Конечно же на судебных заседаниях завяжется жесточайшая борьба между обвинителями и адвокатами. И не только. Расстановка сил уже сейчас ясна. Американцы, как и на Нюрнбергском процессе, будут гнуть свое, конечно же постараются сохранить монархический строй, императора, а мы на весь мир станем изобличать агрессию...

Всего этого не объяснишь японке Эйко, никогда не со-

прикасавшейся с высокой политикой и не пекущейся о судьбах мира. Она слишком далека от всего. О Советском Союзе у Эйко самые дикие представления; где находится Америка — представляет очень смутно. В свои двадцать лет она полна оптимизма молодости. Знает марки французских духов, но Франция для нее — страна сказочной парфюмерии и галантереи. Еще ей известны духи фабрики «Велка»: «Моя дорогая», «Я люблю вас», «Черный нарцисс» и тому подобное.

— А где находится фабрика, в какой стране? — лукаво спросила я.

— Где-нибудь есть. Если духи хорошие, не все ли равно, где их делают! Японские духи очень плохие.

— Во Франции тоже была война. Дамы носят веревочные сандалии. Духи «Коти» исчезли,— попробовала я просветить Эйко.

— Такого не может быть! — с уверенностью сказала она.

Но, как мне кажется, за последнее время Эйко стала кое-что понимать и погрустнела. Живы ли мать, отец, братишка и сестренка? Жив ли старший брат, которого угнали на войну? Он где-то на Филиппинах...

Да, конечно, многого она не понимала и не могла понять. Она была дочерью своей страны, где существовало, а возможно, существует и сейчас временное рабство, когда девочек продают на многолетний срок владельцам текстильных фабрик и публичных домов. Все делается официально, заключаются договора. До политики ли им?

Как-то я спросила:

— Какие книги читал твой муж?

Эйко была озадачена. Ей и в голову не приходило интересоваться такими вещами.

— Он в последнее время ничего не читал,— сказала она уверенно. Однако, подумав, добавила:— Остались какие-то книги — принесу.

Было любопытно: что читал молодой японский офицер? Уставы? Шовинистические заповеди японизма «нихонсюги» — восхваление всего японского?

В общем-то, Косаку не обманул мои ожидания: книжки были любопытные и, я бы сказала, даже «вышибающие из седла» человека, привыкшего мыслить прямолинейно, раскладывая по полочкам «белое» и «красное». Одну из них написал генерал Араки, фашист и закоренелый враг Советского Союза. Называлась книжка «Сёва дэидай дай-

ниппон томэн но нинму», что значит «Задача Японии в эпоху Сёву», то есть в настоящее время. Не веря своим глазам, я читала: «Капиталисты заботятся только о своих интересах, не обращая внимания на общественную жизнь; политики часто забывают общее положение страны, увлекаясь интересами своей партии... Государство стоит над классовыми и партийными интересами, защищая интересы нации в целом, и именно государству должно быть предоставлено решающее слово по всем вопросам, затрагивающим жизнь общества». И фашистский генерал делал вывод: «японский капитализм капитулирует перед государством». Автор другой книги, бывший военный атташе в Советском Союзе полковник Касахара, уверенно заявлял: «Японии не подходит ни капитализм, ни коммунизм, а государственный социализм!»

Вот тут я споткнулась: где-то уже читала нечто подобное. Что бы это значило? Во всяком случае, полковник Касахара знает, что это такое. Военная диктатура! В интересах войны обуздать финансовых хищников, подчинить их капиталы своим агрессивным целям: раскошеливайтесь! Полковник Касахара успокаивал: «государственный социализм» не исключает частных капиталовложений. Тоже что-то очень уж знакомое из арсенала яньаньских теоретиков. Хозяевами предприятий, их директорами, остаются люди, работавшие на них еще до установления «государственного социализма». Государство лишь берет на себя функцию снабжать эти предприятия сырьем и получает от них продукцию. Прибыль пополам!

Особенно заинтересовало меня «Пособие по политико-моральному воспитанию солдата». Составители его сразу же брали быка за рога: «Идеалом коммунизма является не что иное, как создание такого общества, где весь народ будет пользоваться одинаковым счастьем и где не будет насилия и произвола денежной силы и власти». Можно было только позавидовать четкости мышления авторов. Но дальше теоретики делали зигзаг: «Однако, как это ни странно, таким обществом, где можно осуществить все эти идеалы, является не коммунистическое общество, а наш императорский государственный строй...» Как ни странно...

Я искренне удивлялась способности японских иезуитов приспосабливать к своим целям чужие идеалы. Чтобы уничтожить коммунизм, они готовы были называть себя социалистами и коммунистами, ратовать за коммунистические идеалы, а под всем этим черным дракончиком ползал

шовинистический «дух японизма», «дух Ямато», который-де нужно распространять по всей земле, так как японская раса — высшая раса, а все остальные — варвары.

Фашиствующие составители пособия запугивали японского лавочника, предпринимателя, помещика и кулака, кустаря-собственника: «И социализм и коммунизм считают частную собственность злом и стремятся к тому, чтобы, отняв частную собственность у отдельных лиц, превратить ее в общественную».

Все верно, не придерешься. Но социализм, оказывается, вреден для трудящегося человека: «Если людям запретить частное владение имуществом, то они будут избегать работы, считая труд глупостью. Можно себе представить, каковы будут результаты этого: хозяйственная жизнь страны приостановится, заводы и фабрики закроются, крестьянские поля придут в запустение, людям нечем будет поддерживать свое существование, нечем себя прокормить».

Бедный Косаку! Ему прихватить бы «пособие» в плен и на досуге поразмыслить, сравнить.

Нет, для меня все эти книжонки в желтых обложках с кроваво-красным пятном посредине не были развлекательным чтением, хотя теперь, когда «императорский путь» не выдержал проверки на прочность, можно было бы посмеяться, даже поглумиться над незадачливыми теоретиками. Но я не испытывала чувства злорадства, как не испытываешь его, раздавив скорпиона, который готов был влить тебе в ногу смертельный яд.

Я читала и холодно суммировала. Слишком уж много претендентов на звание «высшей расы», на «избранность», на мировое господство! Оставить бы их один на один, пусть выясняют, кто из них «выше», кто хитрее в обмане своего народа. Гитлер претендовал на «тысячелетний рейх». Очень скромно по сравнению с аппетитами китайских и японских политиков — этим подавай «десять тысяч лет», «сто тысяч лет». И даже войны они готовы вести «сто лет».

Пророки лозунга «Азия для азиатов» вкрадчиво говорят: «Не «красные» и «белые», а «белые» и «желтые». Все желтые, цветные должны объединиться в борьбе против белых. Пролетарский интернационализм разоружает цветных рабочих перед лицом «белого» империализма — вот такая казуистическая формулировочка.

С грустью убеждалась: яд продолжает действовать. Подменить классовый гнев расовым... Сплошная подмена

понятий, как с этим бороться и возможно ли?.. Змея даже в бамбуковой трубке пытается извиваться...

И пока я терзалась мировой скорбью, Эйко старалась помочь подругам, попавшим в тяжелое положение по вине своих мужей и недальновидного начальства.

Этих женщин никто не выселял из их квартир, никто не прикасался к их имуществу. Для нашей администрации они вообще не существовали бы, если бы не нужно было о них заботиться. Русские и на этот раз, как то было в Германии, оказались в роли победителей, которым нужно кормить целую ораву побежденных и их семей. Советская администрация снабжала их углем, рисом, теплыми одеялами и детской одеждой, изыскивала пароходы, чтобы поскорее отправить в Японию. Она нажила себе кучу забот.

Чанкайшистские представители с наглыми улыбочками выясняли, хорошо ли содержатся японские военнопленные. Жены и дети военнопленных их мало заботили. Представители дотошно искали соринку в нашем глазу, чтобы поднять очередную шумиху на весь мир, изобличить русских в жестокости, в антигуманности. Во внутреннем Китае военнопленных японских офицеров содержали даже очень хорошо: откармливали, готовили к войне с коммунистами; солдатам не давали только что умереть с голоду: иногда японские войска бросали на усмирение местного китайского населения. Сила есть сила, и ее нужно беречь, лелеять, как берегут тягловый скот. В Южной Корее командующий американской оккупационной зоной генерал Ходж тоже по прямому назначению использовал японских военнопленных: когда корейцы, познавшие первый день свободы, потребовали разоружения и изгнания из их страны японских поработителей, генерал Ходж бросил против демонстрантов тех же японцев. Корейцев расстреляли, их комитеты разогнали.

Да, да, Эйко-сан, тебе не разобраться во всех переплетениях и хитросплетениях политики, в судорожной суматохе нынешней жизни.

Тяжелая зима наконец кончилась. Советские войска уходили из Маньчжурии, уезжали и многие мои товарищи переводчики.

— А зима-то и впрямь прошла,— весна наступила, братцы! — радовались они.— Весна! Скорее бы домой...

Меня вызвал начальник отдела. Молча указал на

стул. Вид у него был какой-то смущенный, будто хотел что-то сказать и не решался.

Наконец заговорил:

— Пришел приказ об увольнении из армии ваших подруг Зозулиной и Котовой. Так-то...

— А на меня, товарищ генерал? — обескураженно спросила я.

Он помедлил с ответом, отвел глаза. Сказал мягко:

— А вас, Вера Васильевна, мы пока увольнять не будем.

— Почему? — требовательно спросила я.

— Рано вас увольнять. Вы пока здесь нужны...

— Но, Петр Акимович...— В моем голосе были слезы.

— Не могу я вас отпустить, не могу! — испугавшись, что я заплачу, повысил голос генерал.— Это не моя прихоть. У высшего начальства какие-то виды на вас, а какие — не знаю. Да, да, не знаю. И не допытывайтесь — все равно не скажу! Военная тайна. Все! Можете идти!

Я была ошеломлена, сбита с толку. И заинтригована. Заподозрить генерала в том, что он хитрит, не могла. Генерал никогда не хитрил. Конечно же ему кое-что известно. Но не скажет.

Итак, значит, прощайте мечты об увольнении из армии. Ирине и Клавдии повезло. В своем переводческом деле они звезд с неба не хватают. А я полиглот. Полиглоты нужны. Перестаралась... Хватаю звезды и складываю в сундучок...

Совсем опустошенная, вышла из кабинета начальника. Не заметила, как очутилась на проспекте. Побрела куда глаза глядят. Удар оказался чересчур сильным. Прощайте мечты о Москве, об институте. В Москву поедут другие, а я буду прозябать в Чанчуне еще неизвестно сколько месяцев, а возможно, даже лет. Начальству некуда торопиться...

Чанчунь вдруг показался отвратительным. Боже мой, как я ненавидела его в тот момент. Ира и Клавдия уедут, а я останусь одна в огромном особняке, буду спать, зажав рукой пистолет под подушкой, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому выстрелу за окном... По ночам в Чанчуне все еще постреливали, и трудно было понять, кто в кого стреляет. В бесконечные часы чужой глухой ночи меня всякий раз охватывала тревога, жизнь казалась непрочной, подверженной всяким случайностям. В штабе нам выдали пистолеты, и по ночам мы клали их

под головы и, проснувшись от непонятного шороха, судорожно нащупывали рукоятку оружия, готовые драться до последнего патрона. Как я устала! Смертельно устала. Для других война давно кончилась, а я все хожу по ее зыбким тропинкам, и нет этому конца. Бедная моя мама — никак не дождется меня.

Я возненавидела все военные тайны, иероглифы, которые впутали меня в нескончаемую историю. Войны в таких странах, как Китай, могут тянуться десятилетиями, и я с репутацией квалифицированного переводчика никогда не вырвусь из этой западни. Разговоры о выводе наших войск из Маньчжурии что-то стихли, все замерло.

Ирина и Клавдия всячески старались меня утешить.

— Не расстраивайся. Мы ведь не расстаемся навсегда,— сказала Ирина,— будем встречаться. Если хочешь, каждый день.

— Это каким же образом? Ведь вы уезжаете?

— Никуда мы не уезжаем! — отрезала Зозулина.

— Как так? — не поняла я.

— Очень просто. Вызывают в отдел кадров Китайской Чанчуньской железной дороги. Предлагают работу. Очень хорошая зарплата. Ну, подъемные.

— Переводчицами? — Я вспомнила разговор с Цзян Цзинго.

— Да. Им переводчики сейчас нужны вот так! — Ирина чиркнула ребром ладони по горлу.— Обещают присвоить железнодорожные звания. Ну, мы посоветовались и решили остаться. Люди мы вольные, торопиться некуда, женихи нас не ждут. Заграничная командировка все-таки... Особняк дают у самого вокзала. Хочешь, переезжай к нам. Во всяком случае, Эйко мы заберем к себе.

— Вы уже говорили с ней? Она согласна?

— Уломаем. Она ведь в Японию не рвется. Там с голоду мрут. А тут устроится на работу.

Девушки предложили поехать с ними в отдел кадров КЧЖД. Мол, увидишь, что это такое.

— Вдруг самой потребуется! Придет приказ о демобилизации... Мы ведь тоже не надеялись...

— Ну, мне вряд ли потребуется.

Все-таки поехала с ними. Было любопытно. Какая-то новая сторона маньчжурской действительности. Возможно, пригодится для диссертации. Впрочем, при чем здесь диссертация? До диссертации еще дожить нужно.

Мы взяли извозчика и поехали по главному проспекту

в направлении вокзала. Я все никак не могла прийти в себя от удара. Все произошло так неожиданно. И коварные девчата помалкивали, что с ними был предварительный разговор железнодорожного начальства. И наш Петр Акимович, разумеется, знал обо всем. Не хотели меня травмировать. Поставили, что называется, перед фактом. Придется перебираться в другой, более населенный штабными работниками особняк, или ко мне кого-нибудь подселят. Нельзя же одной занимать целый коттедж. Наконец мы приехали. Расплатились с извозчиком, сунув ему огромную синюю банкноту.

Я смотрела на бледно-розовое многоэтажное здание посреди обширной площади и думала о смелом поступке Ирины и Клавдии. Здание было еще одним призрачным замком Чанчуня: здесь находилось Управление Китайской Чанчуньской железной дороги, КЧЖД!

Четырнадцатого августа, то есть почти полгода назад, между СССР и Китаем было подписано соглашение о совместной эксплуатации в течение тридцати лет Китайской Чанчуньской железной дороги.

Эту дорогу построили еще в 1903 году русские, тем самым «открыв» Маньчжурию для остального мира, в том числе и для внутреннего Китая. Построили, заключив договор о порядке эксплуатации дороги — все по закону. Тогда магистраль называлась КВЖД — Китайская Восточная железная дорога. Роль ее в быстром экономическом развитии Маньчжурии трудно переоценить. Не будь ее, не бывать бы здесь миллионам китайских колонистов. Появились узлы железных дорог, города, вырос русский город Харбин (ведь раньше в Маньчжурии не было больших современных городов). После Октябрьской революции КВЖД была захвачена иностранными интервентами. В 1924 году между РСФСР и Китаем было достигнуто соглашение, по которому КВЖД стала совместно управляемым коммерческим предприятием. Потом, в 1929 году, Чжан Сюэлян, сговорившись с Чан Кайши, решил захватить КВЖД. Он арестовал советских железнодорожников, заменив их белогвардейцами, устроил налет на советское генеральное консульство в Харбине. КВЖД была захвачена. Белокитайцы стали лезть на советскую территорию, нападать на пограничные посты, обстреливать наши пароходы на Амуре.

Вот тогда-то, в ноябре 1929 года, Особая Дальневосточная армия в ответ на провокации китайской военщи-

ны перешла в наступление и наголову разбила основную группировку Чжан Сюэляна, с братцем которого я имела случай познакомиться в Мукдене. Бои шли на маньчжурской территории. Белокитайцы признали свое поражение. На КВЖД были восстановлены прежние порядки.

Теперь мы согласились считать железную дорогу совместной собственностью, договорились о равноправном управлении ею в течение тридцати лет. Тридцать лет — немалый срок. И даже три года из них в такой обстановке, как здесь,— большой срок. Одумайтесь, девочки, остановитесь! Бегите, пока не поздно...

Мы стояли на площади, и злой ветер продувал шинели насквозь. Тут же рядом, за спиной, была та самая железнодорожная магистраль, не раз политая кровью русских железнодорожников. Слышался лязг автосцепки. Подходили поезда из Харбина к Центральному вокзалу.

Когда трамвай, делая плавный поворот на круге, едва не задел нас, мы опомнились, побежали к подъезду бледно-розового замка. Отдел кадров находился на первом этаже. Его осаждала разноплеменная толпа, жаждущая получить работу на дороге. Слышались крики:

— Кунзо! Кунзо!..

«Кунзо» — по-китайски работа. Если бы мы попытались пробиться в комнату, где шла вербовка рабочих, нам, наверное, не хватило бы и месяца. Но девочки вовремя сообразили, что их «кунзо» несколько иного рода, и направились прямо к начальнику отдела кадров. На минуту задержались у дверей. Преодолев внутреннее сопротивление, вошли в комнату.

— С кем тут поговорить насчет «кунзо»? — спросила Ирина.

Начальник отдела кадров, инженер-капитан, оказался молодым, приветливым человеком. Украинский выговор придавал особую прелесть его речи. Узнав, что Ира и Клавдия — уволенные из армии китаистки, прямо-таки упился за них.

— Так вы ж сказочные райские птицы! — воскликнул он в восторге.— Я тоже умею говорить по-китайски: «Папа-мама нету, куш-куш надо». У вас, товарищи, расстроенный вид. Жалко расставаться с армией? Все-таки старшие лейтенанты. Я тоже ношу три звездочки, а зовусь инженер-капитаном. Доходит? У нас три звездочки ценятся выше. Договоримся так: сегодня же свяжусь с кем надо и гарантирую, что через неделю вам присвоят

железнодорожное звание «инженер-капитан»! Так что свои три звездочки вы сохраните. Сегодня же можете получить подъемные — по восемь тысяч юаней.

Получив согласие Иры и Клавдии работать на дороге, кадровики развили бешеную энергию. Анкеты, бланки договора... Девочки заполняли, подписывали. Появился китаец-портной, снял с девчат мерку и обещал через три дня одеть их в железнодорожную форму.

Деятельные кадровики еще только разворачивались по-настоящему. Комендант предложил Ире и Клаве переселиться в колонию советских железнодорожников: ведь никто не мог гарантировать безопасность сотрудницам, проживающим где-то у черта на куличках. Колония находилась в северной части города, сразу же за парком, примыкающим к нашему штабу, неподалеку от вокзала и управления. Ходить на работу близко. Девочек поселили в такой же стандартный серый особняк, в каком жили мы. Я зашла к ним. С непонятным страхом смотрела в окно. Видела химерически огромную серую водонапорную башню, над которой кружило воронье, холодные деревья в котловине парка, фиолетовое небо над черепичными крышами. Строгими, мрачными линиями, своими узкими, продолговатыми оконцами башня напоминала средневековую башню с бойницами. Оттуда, сверху, легко было обстреливать окрестности. Мне казалось, будто башня заглядывает в окно. А воронье с громким карканьем заслоняло небо. Особенно жуткое впечатление производила башня в ясные лунные ночи. В этом я убедилась потом, как-то задержавшись у девочек допоздна. Белый чистый круг луны висел над башней, и казалось, будто она беспрестанно падает на меня.

Подружки радовались, что хорошо устроили свою послевоенную судьбу. А мною все больше овладевала тревога. Опять остро припомнились кровавые события на КВЖД в 1929 году. Тогда многие советские люди поплатились жизнью. Не повторится ли это, когда наши войска уйдут отсюда? О разногласиях между советской и китайской администрацией мне кто-то рассказывал. В дни, когда мы праздновали 27-ю годовщину Красной Армии, гоминьдановцы организовали в Чунцине массовые антисоветские демонстрации; демонстранты осадили посольство СССР.

В администрации окопались гоминьдановские, гестаповцы.

Как-то под вечер, забежав в управление проведать Ирину и Клаву, я в коридоре увидела Цзян Цзинго. Встречаться с ним не хотелось. Однако деваться было некуда! Он устремился мне навстречу с распростертыми объятиями, воскликнул по-русски:

— Счастлив приветствовать вас, Вера Васильевна! Какими судьбами?.. А я ведь недавно был в Москве. Да, да. По делам железной дороги и разных промышленных обществ. Никак не можем договориться.

Внешне он был сама любезность.

— А я ведь искренне хотел договориться. До сих пор считаю Москву своей. Снова хочу повторить специально для вас: на КЧЖД нужны такие квалифицированные переводчики, как вы,— сказал Цзян.— Открою секрет: называл вашу фамилию вашему маршалу! Чжан Цзяао, наш представитель в правлении КЧЖД, поддержал меня. Маршал обещал изучить вопрос... Идите в мою администрацию, Вера Васильевна, не прогадаете!..

«Этого еще не хватало!» — испугалась я.

Мы любезно болтали с господином Цзяном о том о сем, хотя мне хотелось послать его ко всем чертям. Наконец я не вытерпела, извинилась и, сославшись на занятость, распрощалась с ним. Взяла извозчика и помчалась в штаб. Ворвалась в кабинет генерала без разрешения.

— Что-нибудь случилось? — встревожился начальник отдела.— Вы так взволнованы...

— Оградите меня от Цзян Цзинго! — взмолилась я.

Генерал ничего не понял.

— Кто такой? Ах да... сын Чан Кайши. Он вам угрожает?

— Почти что. Цзян Цзинго хочет, чтобы я работала на КЧЖД, обращался к маршалу.

Начальник отдела рассмеялся.

— Успокойтесь. Мы не глупее господина Цзяна. Вас ему не дадим. Разговор был. Но разговор остается разговором. На вас совсем другие виды. Совсем другие. Так уж и быть, открою тайну. Под честное слово, согласны? В Японию полетите! Готовьтесь...

— В Японию?! Когда? Зачем?

Он укоризненно покачал головой, внезапно перешел на «ты»:

— Хочешь, чтоб я выложил все тайны сразу?! Нет, матушка! Придет время — все узнаешь... Наберись терпения еще на несколько месяцев.

Со второго этажа на первый я съехала по перилам лестницы. Как в детстве.

В Японию... Может быть, я все-таки сплю? В Японию, на Гинзу, в парк Уэно... Храм Феникса в Удзи, замок в Мацумото...

И вновь пробудилась во мне с небывалой силой страсть к той неведомой жизни. Я готова ждать сколько угодно... Даже затяжка с увольнением из армии казалась теперь закономерной. И из Маньчжурии уезжать пока нет смысла, если вдуматься хорошенько... Что, собственно, произошло? Ну, а если бы тебя уволили, а после увольнения предложили остаться в Маньчжурии еще на какое-то время? Скажем, с определенной целью: собрать дополнительный материал для той же самой диссертации? Как бы ты поступила?

То, что с тобой происходит как бы само собой,— вовсе не случайность, а особое, нужное тебе стечение обстоятельств. Люди большой цели, пренебрегая опасностями, служебной карьерой, удобствами, рвались в тот же Китай, в Тибет, на Новую Гвинею, где легко было угодить в котел к каннибалам,— и ничто не могло их остановить, ибо в жизни может быть лишь одна большая цель. Не две, а одна. Большая цель — как стержень, на который накручиваются все твои страсти, все беды, страдания и радости, бесконечные мытарства, бессонные ночи и безрадостные дни, исступленная работа до изнеможения, до преждевременной смерти! Большая цель — тот огонь, кружа возле которого невозможно не обжечь крылышки. Большую цель не подносят на праздничном блюде.

Тебе захотелось поскорее к маменьке и в Москву. Мол, потом там, в Москве, вычитаю все, что нужно для диссертации, из чужих умных книжек. Благородная компиляция заменит личные переживания и размышления. Кому охота изучать огонь, сидя в раскаленной печи?

Кто-то из великих, кажется, композитор Скрябин, сказал, что познать — значит пережить. Познать — значит отождествляться с познаваемым. Ну, а если неохота отождествляться? Если мелочные расчеты сильнее?.. Случай сработал на тебя. Ты оказалась «на чаше весов истории». «Чаша весов» замерла... Признайся: была бы ты счастлива, вернувшись сейчас в Москву, в свой Институт востоковедения с сознанием того, что Маньчжурия, да и весь Китай, переживает свои «минуты роковые», а ты остаешься как бы в стороне? Не потянет ли тебя обрат-

но? А если потянет, то пустят ли? Не такая уж важная ты персона, чтоб с тобой нянчились, исполняя каждое твое желание...

Начинается самое интересное в твоей жизни. Возможно, и задержка здесь, в Маньчжурии, необходима как пролог перед поездкой в Японию... Начальству виднее.

Еще в августе я прочитала в газете о гибели одного человека, которого хорошо знала по Москве, по институту, а потом по Чите, где находился штаб Забайкальского фронта. Этот человек носил майорские погоны, так как в начале войны добровольцем вступил в армию. Он был китаеведом-историком, профессором, написавшим проникновенную книгу о восстании тайпинов, — в институте мы все зачитывались ею. И когда начался наш освободительный поход в Маньчжурию, он, томимый жаждой познания, ринулся сюда, оставив короткую записку: «Я увижу страну, о которой вот уже 15 лет читаю лекции, пишу книги, приму участие в освобождении народа, который люблю, талантливого, сильного, угнетенного веками народа. И что бы со мной ни случилось — война есть война, — я счастлив; что так сложилась жизнь. Начинается новый этап. Шагнем в это новое».

Но шагнуть ему не довелось. Когда профессор летел в Маньчжурию, самолет разбился над Ваньемяо. Профессору не было и сорока. Он верил в важность своей миссии, он хотел припасть к первоисточнику истории, творить ее, так как не привык пить из чужих ладоней.

Но судьба обошлась с ним слишком жестоко. За любовь к истине иногда приходится расплачиваться жизнью. Без поиска истины жизнь утрачивает высокий смысл.

Вот тогда-то, в августе, и возникло у меня жгучее желание стать своеобразной преемницей трудов молодого профессора, познать историю Китая до сегодняшнего дня; а так как Маньчжурия и маньчжуры занимали в ней особое место, я увлеклась маньчжурами, несколько охладев к японистике. Но чтоб познать китайскую историю до конца, я должна была побывать в Японии, где замкнутся некие круги.

Профессор был убежден, что все страны с огромным прошлым имеют такое же будущее. Тогда я не спорила. Но теперь в этом не уверена. Не хочу называть страны и народы с великим прошлым, не хочу сравнивать прошлое с настоящим, а тем более предсказывать будущее. Пока я лишь гадаю на иероглифах.

Эйко-сан переселилась в особняк к Ирине и Клавдии. Здесь к ее хозяйственным заботам прибавилась еще одна — присматривать за котельной, где дежурили кочегары-японцы. У каждого особняка имелась своя котельная, куда подвозили уголь. Я видела этих кочегаров, и они мне не очень понравились. Кто они такие, почему заходят в дом в любое время суток? Возможно, бывшие хозяева особняка, переодетые, сменившие документы? Сильные, молодые парни спортивного вида, все время переглядываются, словно заговорщики.

Эйко успокоила:

— Я их знаю: они всегда были в этом доме истопниками. Думаю, укрывались от военной службы.

Ирине и Клавдии присвоили железнодорожное звание — «инженер-капитан». Теперь обе носили темно-синие кители с белыми пуговицами, шинели такого же цвета и фуражки с молоточками. Второго марта я зашла к ним попрощаться, сказала, что завтра уезжаю вместе с нашим штабом, они не поверили. Забеспокоились.

— В Союз? — спросила Ирина.

— Пока в Харбин.

Клавдия всплакнула.

— Страшно!..— сказала она.— Пока тут были наши, ничего не боялась. А теперь какая-то жуть...

Да, настала пора уходить. О том, что мы уходим, узнал весь Чанчунь. Мы больше не могли здесь оставаться. И хотя в Чанчунь пришла весна — японские дети бегали без чулок на своих гэта,— жизнь в городе приостановилась, словно бы угасла. Не слышно было звонков и выкриков разносчиков, предлагающих свой товар. На дверях магазинов висели тяжелые замки. Окна домов были забиты ржавой жестью и фанерой. Непонятная давящая тишина нависла над Чанчунем. Лишь временами раздавались гулкие шаги гоминьдановских патрулей. Холодно и нагло поблескивали дула их автоматов. Над серой водонапорной башней с узкими, продолговатыми оконцами развевался темный флаг с белым, ощетинившимся солнцем. Гоминьдановцы ввели комендантский час. Улицы были опутаны колючей проволокой. Появились баррикады из мешков с песком. Говорили, что Чанчунь окружен войсками Объединенной демократической

армии. Намечается штурм города. Гоминьдановцы спешно готовились к обороне.

А Ирина и Клавдия оставались здесь. Конечно же они вдруг поняли, что будут без прямой защиты. Вспомнилось недавнее провокационное выступление гоминьдановцев в Мукдене, и сделалось зябко. Опять приходили на память события 1929 года на Китайской Восточной железной дороге. Тогда КВЖД была захвачена китайскими войсками; советские служащие подвергались неслыханным насилиям со стороны китайских властей: наших железнодорожников заковали в кандалы; более двух тысяч советских граждан были брошены в Сумбитский концлагерь, бараки которого зимой не отапливались, заключенным не давали горячей пищи. Обезглавленные трупы советских людей, казненных без суда и следствия, китайцы бросали в реку Сунгари. В конце концов обнаглевшие китайские провокаторы полезли на восточные границы СССР.

Я с тревогой смотрела на Иру и Клаву. И лишь одна мысль приносила успокоение: не посмеют!.. Советский народ сокрушил и немецких фашистов, и японских милитаристов, неужели у гоминьдановцев хватит наглости поднять на беззащитных советских граждан руку?.. Или, может быть, гоминьдановцы запамятовали, чем закончились те события на КВЖД?.. В газетах тех лет были опубликованы фотографии: студенческий отряд «уничтожения СССР», молодчики со свастикой на рукавах...

На вокзал пришла и Эйко-сан. Улыбалась, неловко смахивая слезы.

— Вера-сан, приезжай! До свидани...

Я оставляла Чанчунь навсегда. Проскочили мимо окон вагона тяжелые черепичные крыши старого дворца Пу И, растаяли в белесой мгле узорчатые верхушки пагод и серая водонапорная башня, промелькнул русский поселок Каученцзы, прогремел мост через Итунхэ; потом потянулись поля, уже по-весеннему почерневшие, от земли поднимался пар. Сухие стебли кукурузы и гаоляна, вербы; китайцы в огромных рыжих шапках, в ватных куртках и неуклюжих стеганых штанах. Иногда промелькнет небольшая кумирня с открытыми настежь дверями, а там, внутри,— колокол и конечно же таблички предков. Будто разворачивался пейзажный свиток. Унылая маньчжурская равнина с редкими группами деревьев. Тут была зона гоминьдановских войск. Но от станции Яомынь и чуть ли

же до Харбина простиралась зона Объединенной демократической армии. Она тянулась и дальше, до границ с Советским Союзом. Харбин с его гоминьдановской администрацией представлял как бы чанкайшистский островок в народном революционном океане.

На остановках в наш вагон врывались китаянки и китайчата в лохмотьях, с грязными, покрытыми коростой руками.

— Яйса ести, виски ести! — голосили на все лады и совали под нос невесть когда зажаренную курицу.

От этих китаянок я узнала, что в Сыпингае и в Гирине есть случаи заболевания чумой. Ранней весной в Маньчжурии всякий раз вспыхивали эпидемии чумы. Но об этом я знала только из книг, а теперь чума была рядом, в двух крупных городах. Может быть, диверсия? Попытка задержать продвижение Объединенной демократической армии к Чанчуню, не совсем готовому к обороне?

Поезд удалялся от Чанчуня. Рельсы блестели в лунном свете. Мелькали зеленые фонари стрелок, и в окнах станций светились огни. Гирин с его чумой остался где-то там позади, а тревога за оставшихся в городе Долгой весны подружек росла и росла. Что-то было не совсем правильным в том, что я уехала, а они остались на неведомые испытания. От Чанчуня до Сыпингая рукой подать; до Гирина — тоже. Эти два города находятся под мышками у Чанчуня. От Харбина до советской границы было не так уж далеко, и от ощущения, что я приближаюсь к Родине, сладко ныло сердце. Как давно не была я дома!.. Как давно... События чужой жизни закрутили, завертели меня.

В Яомыни, самой крупной станции между Чанчунем и Харбином, поезд остановился. Вышла на перрон размяться, посмотреть, что тут происходит. Яомынь... Этот город находился в руках народной армии. На путях стоял состав длинных черных платформ, и тут впервые я увидела их... Да, это были солдаты Объединенной демократической армии. Некоторые сидели на платформах, другие толпились на перроне. На всех были трофейные японские полушубки, меховые шапки. Знаков различия не приметила. Теплое чувство затопило сердце, будто встретила близких, родных, товарищей...

Меня сразу же окружили. Пожилой боец, по всей видимости их командир, спросил на довольно сносном русском:

— Вы из Чанчуня?

— Да,— ответила я по-китайски.— Только что оттуда.

Солдаты, заслышав родную речь, оживились, загалдели.

— Много ли в Чанчуне гоминьдановских солдат? — допытывался пожилой.— Мы собираемся штурмовать Чанчунь и подтягиваем силы.

Я задумалась.

— Вам будет трудно. Гоминьдановцы каждый день перебрасывают на самолетах в Чанчунь своих солдат. У них есть артиллерия. Это я точно знаю. Вокруг города возводятся укрепления.

— Спасибо. Пушки у нас тоже есть. Найдем и танки. И самолеты найдем, если потребуется.

Внимательнее всех наш разговор слушал паренек лет шестнадцати. На нем была форма советского солдата. «Кто-то из наших отдал свою...» — догадалась я.

— Мой сын Цзыю,— сказал пожилой с теплотой в голосе.— Из него выйдет настоящий разведчик. Он всегда просится в разведку...

Запомнилась детская мягкость скуластых щек этого паренька, орешины раскосых глаз. Мимолетная встреча на перроне. Через несколько дней они двинутся штурмовать Чанчунь, где остались Ирина и Клавдия, а мне ехать и ехать в Харбин... Имелся у меня маленький трофейный браунинг, который всегда носила в полевой сумке. Вынула это бельгийское оружие и отдала Цзыю:

— Возьми. Может, пригодится.

В глазах у паренька вспыхнула радость. Он прямо-таки вцепился в пистолет.

Раздался свисток нашего паровоза, состав дернулся. Я вскочила на подножку вагона, так и не успев проститься с новыми знакомыми. Они махали мне вслед шапками.

Маленький эпизод, но здесь, в Яомыни, я ощутила первое дыхание гражданской войны. Она развернется в Маньчжурии, и, судя по всему, очень скоро. Развернется и конечно же сметет гоминьдановцев.

В самой архитектуре Харбинского вокзала было что-то провинциально-русское. Да и вообще мне показалось, будто вдруг очутилась в провинциальном городке дореволюционной России, какие видела в кино. Вывески, всюду вывески на русском языке. Они бросались в глаза прежде

всего. И названия улиц были русские: Новоторговая, Конная, Артиллерийская, Гоголевская. Имелась тут и своя реклама: «Нет лучше водки № 50 завода Г. Антипас!», «Седых больше нет! В аптеке Д. М. Федченко, Диагональная, 50, между 1-й и 2-й линией. Тел. 53-85»; «Марсельское мыло Слон. Продажа в магазинах «Торгового дома И. Я. Чурин и К°»; «Вы будете всегда одеты по последней моде, если сделаете свои покупки в магазине Л. Каредин и К°. Китайская, 103»; «Преподаватель музыки скрипач В. Дмитриев (С.-Петербургская консерватория) дает уроки скрипки. Диагональная, 59, кв. 4»... Было тут и «Книжное монархическое объединение». Если в Мукдене и Чанчуне я коллекционировала японские печатки, то в Харбине появилась новая страсть: стала коллекционировать вот такие рекламные объявления, буклеты. Попался шедеврик: «Нам каждый гость дается Богом! — Этот лозунг свято хранит ресторан «Иверия» и потому делает все, чтобы каждый гость получил только все самое лучшее и вкусное. Непревзойденные шашлыки. Китайская, угол Саманной, дом Аспетян».

Не поленилась, разыскала «Иверию». Очень уж захотелось «непревзойденного» кавказского шашлыка. Вышел старичок армянин, закутанный в теплый халат, спросил, чего угодно. Показала рекламный буклет. Он расхохотался дребезжащим смехом.

— Госпожа-барышня офицер! Я давно забыл, как выглядят шашлыки. Японцы выгребли все в свою метрополию, на потребности войны. Железные могильные ограды и то забрали. Мы ели кошек и собак... Если бы не вы — всем бы нам каюк. Пусть благословит вас господь!

Удивительное ощущение: русский город в сердце Маньчжурии... Откуда он взялся, почему? Здесь имелись православные церкви и «Пушкинская аптека», повсюду встречались русские лица. Город просторно раскинулся вдоль берега Сунгари. Старый Харбин, Новый город, Харбин-Пристань. Были еще Модягоу и Фуцзядянь... Асфальтированные улицы прямые, широкие; дома каменные или деревянные, в два-три этажа, русской архитектуры. Встречались даже купеческие «терема». Был тут городской сад с горбатыми мостиками и пустынными аллеями. Смешно, но факт: Харбин чем-то напоминал мне милый сердцу Аткарск и Саратов одновременно. Столица северной Маньчжурии — так называли Харбин. Город был основан русскими в 1898 году как железнодорожный узел. Я встре-

чала старожилов, разговаривала с ними. По их мнению, русских осталось в Харбине не более сорока тысяч, в основном это интеллигенция, поселившаяся здесь еще до революции. Ну и конечно же белогвардейцы, всякая нечисть.

Я как-то сразу поняла этот город и научилась ориентироваться в путанице его улиц и переулков: если от вокзала идти строго на север, то выйдешь к мосту через Сунгари. Справа — китайский район Фуцзядянь, западнее — огромный район Пристань, который сильно страдает от наводнений.

Нас поместили в гостинице «Нью Харбин», за вокзалом, в Новом городе. Тут был центр, так сказать, деловая часть города. В окно увидела магазин Чурина, кафе «Марс» и ту самую «Пушкинскую аптеку».

В своем стремлении узнать, чем здесь жили русские люди, завела знакомство со многими из них. Ведь в Харбине имелись русские гимназии, институты, даже свой университет. Как относились к русским японцы? Целый эмигрантский город!.. Появились поколения, которые знали о России лишь понаслышке, и эта Россия, бывшая родина их родителей, изображалась японской пропагандой как их главный враг. Но именно над русской молодежью по приказу японского военного командования проводились бесчеловечные опыты по заражению чумой, газовой гангреной, брюшным тифом, холерой, сибирской язвой. Постепенно русские эмигранты кое-что поняли. Озлобились.

Когда в прошлом году из Саньсиня в Харбин по Сунгари пришли наши речные корабли, навстречу им вышел катер с начальником японского штаба Сунгарийской военной флотилии генерал-майором Цау, который заявил о капитуляции флотилии и харбинского гарнизона.

Отряды наших моряков под бурные овации русских и китайцев прошли по улицам города — они шагали по букетам цветов, русские девушки и парни исступленно обнимали их, старушки осеняли крестным знамением.

Боже ты мой! Как сложна жизнь человеческая... Ну что им, русским, этот Харбин, клоповник, замкнутый в себе?! Нищенская, беспросветная жизнь вечного эмигранта... Руководил тут общественной жизнью молодежи Христианский союз молодых людей — ХСМЛ; ежегодно устраивал «Розовые балы», «Белые балы». Эти люди, оторванные от родины, на «Розовых балах» пытались имитировать дореволюционную Россию: в павильоне «Трактир на перекрестке» заливалась тальянка, именитым толстосумам,

представителям банковского и коммерческого мира, подносили «чарочку». Был тут танец «коктейль судьбы», во время которого сводились знакомства между дамами и кавалерами; выступал ансамбль балерин-любительниц Клуба водников. Иногда появлялись и представительницы балетного мира, побывавшие в Европе,— Кожевникова, Островская, Недзвецкая.

Танцевали на балу до четырех утра. Сбор с бала поступал на «освобождение от платы за правоучение неимущих учащихся» гимназии и института. Правда, «неимущих» было чересчур много и редко кто мог продолжать учебу. Были тут Бюро по делам российских эмигрантов, Союз казаков — белогвардейские организации. Эти тоже «заботились» о школьниках, готовя их к будущим боям с СССР. Главенствовало над всеми организациями японское фашистское общество Киова-Кай. Общество гоняло молодежь на «благоустройство империи», заставляя трудиться на полях японских землевладельцев. Харбинское коммерческое собрание занималось театром. Тут имелись свои звезды: артисты Стягин, Трофимов, Панова, Ольгин. Ставили «Царя Федора Иоанновича», «Дармоедку», «Грозу», «Свои люди — сочтемся». В залах Коммерческого собрания кружок военной молодежи тоже устраивал балы. Председатель кружка сотник Скрипкин-Торцов, со свастикой на рукаве, зорко следил за тем, чтобы на балу царствовал антисоветский дух. Почетными гостями были японские офицеры. Под звуки военного марша перед японскими гостями проходили ряженые в «идейно» оформленных костюмах: «Закованная Россия», «За веру, царя и отечество», «Самурай». Такие костюмы награждались призами.

Целая армия попов — архиепископы Мелетий, Нестор, епископы Дмитрий, Ювеналий и другие — усердно прислуживали японцам. Христианский союз молодых людей был резервом, из которого японцы отбирали молодежь для обучения в разведывательных школах. В самой Японии, в Готембо, у подножия Фудзиямы находился так называемый образцовый лагерь ХСМЛ, где давали шпионскую подготовку. Когда русских на пароходе «Кейфукумару» привозили в Японию, то прежде всего заставляли совершать поклонение императорскому дворцу.

Ежегодно 26 мая, в день рождения Пушкина, в Харбине проводился День русской культуры. То было любопытное зрелище. У собора собирались школьники со знаменами и флажками. На паперти владыка Мелетий в окружении

духовенства совершал молебствие. Начальник Бюро по делам российских эмигрантов генерал Кислицын произнесил приветственную речь:

— Русскую культуру, русский дух не могут сломить никакие вражеские силы. Воскресение нашей родины близко. Будем же хранить порученное нам сокровище русской культуры, чтобы передать его великой императорской России будущего.

Так шла обработка молодежи, так в ней укоренялась ненависть к Советскому Союзу. Праздник заканчивался парадом, на котором ученики проходили церемониальным маршем перед тем же Кислицыным. Свастика, свастика — она повсюду мелькала перед глазами. И золотой двуглавый орел. Начальники Харбинского железнодорожного управления господа Усами, Оказаки, Хонда водили русских служащих в Госпитальный городок к памятнику японским солдатам, погибшим в 1932 году при взятии Харбина. Российских эмигрантов, которыми руководил генерал Кислицын, японцы выгоняли на сбор металлолома. Цель: «На деньги, вырученные от сбора, порадовать подарками доблестных ниппонских воинов. Сбор всяческого хлама и старья показывает, что русское население Маньчжу-Ди-Го не осталось неблагодарным в отношении героической ниппонской армии, благодаря которой мы, русские изгнанники, ведем мирную и спокойную жизнь в приютившей нас стране...» Маленький штрих из жизни эмиграции.

И вот все это рухнуло, ушло. Где белогвардейцы, где казаки и военная молодежь со свастикой на рукавах? То было копошение пауков в банке. Пауки, не ведающие о мощи России. Их постепенно истребили бы японцы, делая из них шпионов, диверсантов, производя на них опыты по заражению чумой и холерой. Не с молодых людей, а с их отцов спросить бы за все...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября прошлого года устанавливалось, что лица, состоявшие к 7 ноября 1917 года в подданстве бывшей Российской империи, а также лица, имевшие советское гражданство и утратившие его, а равно их дети, проживающие на территории Маньчжурии, могут восстановить гражданство СССР.

Первой бросилась в наше консульство за советскими паспортами семья Кислицына. А затем волна российских эмигрантов захлестнула консульство. И все же кое с кого

спросили. По самому большому счету. Арестовали атамана Семенова и других оголтелых белогвардейцев, японских шпионов. К моему приезду почти все русское население Харбина приняло советское подданство. Русская фирма «Торговый дом И. Я. Чурин и К°», основанная в свое время иркутским купцом Иваном Яковлевичем Чуриным, перешла во владение советских внешнеторговых организаций. А совсем недавно фирмой владели различные японские компании. Русская эмиграция в Маньчжурии не была однородной. В 1944 году японская секретная полиция совершила на универмаг Чурина налет, подозревая русских служащих в заговоре против японского владычества. Управляющий фирмой спасся бегством, а многие продавцы оказались в специальной тюрьме японской военной миссии. Было здесь среди молодежи подпольное движение в нашу сторону, было... Молодежь хотела иметь родину, служить ей. Но о Советском Союзе она не знала ничего.

На берегу Сунгари я познакомилась с русским парнем лет двадцати. Он сам подошел ко мне, назвался Володей Коршуновым и стал расспрашивать о жизни в Советском Союзе.

— Наша семья получила советские паспорта. Готовимся ехать в Россию. Однако боязно. Нам так много всякой всячины говорили о России и большевиках. Расскажите всю правду.

— Что тебя интересует?

— Все.

— Так-таки все? Кем хочешь стать? — снисходительно спросила я.

— Хотел стать продавцом в магазине Чурина, но японцы не приняли на работу. Слышал, что в СССР — государственная торговля. Это как? Меня возьмут? Мне нравится стоять за прилавком.

Я долго ему объясняла, что такое советская торговля. Он ничего не понял.

— Магазин без владельца? Такого не может быть! Наверное, у вас все же чуринские магазины. Они есть во всех странах...

Каким анахронизмом будет этот молодой человек в Москве или в любом другом нашем городе! Ему придется начинать с самого начала. Как они мало знали о нас! Ничего не знали. Хотелось бы встретить этого парня лет этак через десять...

Эмигранты, или «беженцы», как они себя называли, перестали быть эмигрантами, и не они занимали сейчас наше внимание.

В Харбине имелась чанкайшистская администрация, и она, несмотря на присутствие наших войск, хотела задавать тон. Считалось, что советские войска вот-вот уйдут.

Ставленником Чан Кайши, его доверенным лицом, эмиссаром в Харбине был генерал Ян. Он прекрасно владел английским, так как получил военную подготовку в Соединенных Штатах. Он обивал пороги нашего главного штаба, умоляя маршала повременить с выводом советских войск из Харбина. Беспокойство Яна имело свою причину: кроме гоминьдановской администрации и небольшого гарнизона, сил для отпора народной армии у Яна не имелось; ее подразделения зажали Харбин в железное кольцо.

Генерал Ян прикидывался чуть ли не другом Советского Союза, устраивал в честь советского командования приемы и балы. Его словно бы обеспизвеченное, выхоленное лицо казалось сплошной улыбкой. Иногда он напускал на себя этакую философичную меланхолию, и улыбка становилась неопределенной — так улыбается страдающий человек, вынужденный нести непосильное бремя государственных забот. Лицо генерала Яна я назвала бы притворно-благородным. Он умел красиво курить сигару и рассуждать о «трудах» и идеях Чан Кайши. Имелась в виду книжка Чан Кайши «Судьба Китая». Генерал даже подарил мне эту книжку, и я в свободные минуты ее перелистывала, чтобы уяснить идеологические основы гоминьдановской политики. Автор обвинял всех и вся в непонимании «вечных качеств китайской культуры»; марксизм-де противоречит духу китайской цивилизации; основную тяжесть войны против Японии вынес Китай, а не союзники. Началом всех преобразований в Китае должно явиться психологическое и этическое перевоспитание населения. Нужно выработать свою, чисто китайскую «независимую идеологию», в которой упор следует сделать на оживление древней культуры китайской нации, развивать «древнюю традицию чистоты, аскетизма, практичности и серьезности в делах». И этот богач патетически восклицал: «Не засиживайтесь в городах, соблазняясь пустой славой, живите простой и бедной жизнью и включайтесь в низовую

работу по национальной реконструкции!» Дух национализма должен пронизывать все. Все политические партии во имя национального единства должны подчиняться гоминьдановцам, отказаться от вооруженных сил, ибо «пока существует гоминьдан, до тех пор будет существовать Китай». В силу своих особых качеств китайцы в течение тысячелетий были руководителями народов Азии в спасении погибающих. Природа китайского человека есть общественная, а западного — индивидуалистическая. Крупными мазками Чан Кайши набрасывал проект «идеального» гоминьдановского государства, в котором каждый человек должен сознавать себя винтиком, «частью общего мы». Чан Кайши был за «кооперативный строй», но без ликвидации помещиков и кулаков. Члены каждого кооператива могли бы рассматриваться как группы солдат. То была проповедь некоего государственного крепостного права, при котором человек, не вдаваясь в классовую сущность государственного строя, во имя националистической идеи должен молчаливо и безропотно тянуть лямку. Признаться, меня несколько удивили концепции Чан Кайши: они во многом совпадали с высказываниями некоторых руководителей КПК. Например, отождествление культуры с народным благосостоянием, а благосостояния — с готовностью к войне.

«Нужно вернуться к древнему идеалу»,— напевал генерал Ян. А я уже знала, что генерал Ян является главным организатором гоминьдановского подполья в Харбине. Именно в Фуцзядяне он организовал террористические банды, которые называли себя «отрядами народной самообороны». Во главе их стоял налетчик Чжен, в свое время наводивший ужас на харбинских обывателей. Генерал Ян исподволь пытался развертывать так называемую 6-ю повстанческую армию. Наряду с налетчиком Чженом тут действовал некий полковник, возглавлявший подпольную фашистскую организацию «синерубашечников». Полковник имел собственный штаб, свою радиостанцию и начал было выступать по радио с призывами объединяться против коммунистической опасности. Так как полковник заслал своих лазутчиков в советские воинские части, пришлось его задержать. Тут-то и выяснилось, что он послан самим Чан Кайши и поддерживает с ним регулярную связь.

Советское командование подозревало, что генерал Ян руководит и самой опасной китайской террористической

организацией «Братья по крови». За несколько дней до моего приезда в Харбин террористами был убит видный руководитель партизанского движения в Маньчжурии Ли Чжаолин.

А солнце пригревало все сильнее, и по Сунгари поплыли льдины метровой толщины. Весна... В каждом городе есть свои излюбленные места. В Харбине — это левый берег Сунгари, с ее пляжами, многочисленными протоками. В знойные дни за реку переправлялось чуть ли не все население разноплеменного города. Перевозили на лодках. Весной случались наводнения. Затон, расположенный против Харбина на левом берегу реки, страдал чаще всего. Тут обитала беднота. Деваться некуда — переселялись на чердаки и ждали, пока спадет вода.

Я выходила на берег Сунгари и часами наблюдала, как льдины медленно уплывают на северо-восток, к Амуру, к Хабаровску. Становилось грустно. Недавно прочитала стихи местного поэта, и они застряли в памяти, наверное, потому, что выражали в какой-то мере сущность суженной до предела эмигрантской жизни:

Нет ничего печальней этих дач
С угрюмыми следами наводненья.
Осенний дождь, как долгий-долгий плач,—
До исступленья, до отупленья!

И здесь, на самом берегу реки,
Которой в мире нет непостоянней,
В глухом окаменении тоски
Живут стареющие россияне.

И здесь же, здесь, в соседстве бритых лам,
В селенье, исчезающем бесследно,
По воскресеньям православный храм
Растерянно подъемлет голос медный.

Но хищно желтоводная река
Кусает берег, дни жестоко числит,
И горестно мы наблюдаем, как
Строения подмытые повисли.

И через несколько летящих лет
Ни россиян, ни дач, ни храма нет,
И только память обо всем об этом
Да двадцать строк, оставленных поэтом!

Китайцы называли Сунгари по-своему: Сунхуа-цзян, что значит река кедрового ореха. В этом был свой смысл:

от истоков до Гирина она течет среди Восточно-Маньчжурских гор, покрытых тайгой.

По многопролетному металлическому мосту можно было перейти на левый берег, но такого желания не появлялось. Справа виднелись выгнутые, словно спина кошки, темно-красные стильные крыши зловещего Фуцзядяня, где окопались гоминьдановские банды. Работы в штабе поубавилось, и меня стала одолевать скука. Известий из Чанчуня не поступало. Что там сейчас происходит? Когда народные войска перейдут в наступление? Наступление — значит артиллерийский обстрел, стрельба на улицах, штурм каждого дома...

Неожиданно вызвали в штаб. Начальник отдела сказал:

— Получите командировочное предписание в город Цзямусы. Там большая нужда в толковых переводчиках. С вами поедет майор Голованов.

Петя был тут как тут.

— Мы направляемся в штаб Объединенной демократической армии,— пояснил он.— Зачем? На месте все узнаем.

Петя насупился, закурил сигаретку и, что-то взвесив в уме, сказал:

— Не скрою, я обрадовался, когда узнал, что поедем вместе. И в то же время,— лучше уж послали бы кого-нибудь из мужиков...

— Это еще почему?

Он сердито швырнул недокуренную сигарету в урну.

— Дорога-то очень уж опасная! Или вы думаете, гоминьдановская контрразведка сидит и дремлет? За участком Харбин — Цзямусы у них, нужно полагать, особое наблюдение. Они знают, что их песенка спета, и готовы на всякие пакости.

— С божьей помощью, Петя, как говорит архиепископ Мелетий.

Вскоре все прояснилось. Напутствуя нас, начальник отдела сказал:

— Ехать по железной дороге опасно. Вас перебросят на «Р-5». Завтра в шесть утра. Будете переводить важные документы. Поскольку американцы нарушили союзнические обязательства и войска США открыто выступают на стороне гоминьдановцев, всячески способствуя развязыванию гражданской войны, мы по просьбе Северо-Восточного комитета согласились рассмотреть вопрос о помо-

щи народно-демократическим силам. Возможно, наши внешнеторговые организации подпишут с ними торговый контракт.

Цзямусы, вопреки моим ожиданиям, оказался большим городом. До недавнего времени тут была твердыня японской армии, место размещения крупных воинских соединений. И неудивительно: Цзямусы — речной порт и узел стратегических железных дорог, важная перевалочная база и торговый центр Нижнесунгарийской равнины. Цзямусы как бы отгорожен от остальной Маньчжурии отрогами Малого Хингана и хребтами Восточно-Маньчжурских гор. До советской границы отсюда — километров двести пятьдесят. Сплошная равнина, кое-где заболоченная. Более удобное место для базирования штаба народной армии и Северо-Восточного бюро ЦК партии трудно было подыскать. Огромное гнездо, защищенное горными кряжами.

В августе прошлого года на подступах к Цзямусы завязались ожесточенные бои. Японцы напустили на наши бронекатера бревна, затопили свои баржи, подорвали железнодорожный мост через Сунгари, чтобы разрушенные фермы преградили путь кораблям. В Цзямусы было много военных городков и госпиталей, складов. Отступая, японцы подожгли их. Первыми на рейд Цзямусы ворвались бронекатера и монитор «Ленин». В самом городе завязалась рукопашная схватка. К исходу дня моряки овладели городом. Была разоружена японская бригада численностью в три тысячи пятьсот человек. И на всем пути своего отступления по Сунгари, вплоть до Харбина, японцы бросили огромное количество оружия, военного снаряжения, продовольствия. Пушки, танки, самолеты, автомашины, фураж, склады с обмундированием... Все это досталось маньчжурским партизанам и 8-й народной армии.

Город напоминал крепость, и все здесь, как в крепости, было строго, четко. Гражданских лиц почти не встречалось. Пока мы ехали в легковой машине с аэродрома по улицам, я всюду видела зенитные орудия, бронеавтомобили, легкие и средние японские танки, тяжелые пулеметы на повозках; бойцы были вооружены винтовками Арисака. На плацах проводились строевые занятия. Когда машина шла по набережной Сунгари, я видела полуза-

топленные суда на фарватере, искореженные фермы железнодорожного моста через реку; на рейде стояли уцелевшие японские катера, на них деловито суетились китайские моряки.

Когда машина останавливалась, я пытливо вглядывалась в лица бойцов. Одеты они были в желтое японское обмундирование, но у каждого на головном уборе сияла красная звездочка. Бойцы улыбались нам, в знак приветствия поднимали руки, что-то выкрикивали. Это был веселый, молодой, энергичный народ. В груди у меня поднималось радостное чувство, я испытывала почти восторг. Здесь родилась и крепла день ото дня новая сила — Объединенная демократическая армия... Цзямусы... Может быть, именно этому городу суждено стать отправной точкой грандиозных событий в истории китайской революции... И вот я разъезжаю по его улицам, дышу его предгрозовым воздухом...

Штаб, куда нас привезли, размещался в высоком желтом здании бывшего жандармского управления. Железобетонные доты с пустыми сейчас амбразурами прикрывали вход в здание, и странно было сознавать, что совсем недавно здесь лютовали японские жандармы. Это был не главный штаб, а один из штабов.

— Здесь размещается штаб товарища Измайлова, — сказал сопровождавший нас офицер, — он ждет вас!

Мы с Петей переглянулись, но не стали расспрашивать, кто такой этот Измайлов и чем занимается в Цзямусы. За столиком дежурного сидел Го Янь в военной форме без погон. Это был тот самый Го Янь, с которым я познакомилась в Мукдене, — секретарь губернатора. Он быстро поднялся и откозырял.

— Я знал, что мы с вами рано или поздно встретимся! — сказал он пылко, с нотками сугубо восточного фатализма.

— Не преувеличивайте, Го Янь. Простая случайность. Но я рада, что мы встретились.

— Случайность? Нам всегда так кажется. Я почему-то часто вас вспоминал, гадал, где вы.

— Лучше скажите, чем вы здесь занимаетесь?

— Помогаю товарищу Чжан Вэньтяню. Он просит вас к себе!

— Но нам сказали, что сперва мы должны представиться товарищу Измайлову! — проговорил Петя.

Го Янь весело рассмеялся и объяснил:

— Чжан Вэньтянь и Измайлов — одно и то же лицо.

— Он русский? — удивились мы.

— Нет, нет, китаец. Он, как и я, учился в Советском Союзе и в целях конспирации носил фамилию Измайлов. Все так делали. Вот эта русская фамилия и закрепилась за ним.

Чжан Вэньтянь встретил нас очень сердечно, усадил в кресла. Боец поставил перед нами поднос с чаем. Чжан Вэньтянь говорил по-русски, хотя кое-какие слова приходилось ему подсказывать. Он пригласил в кабинет Го Яня. Тот внес стопу каких-то папок, положил на стол и уселся в кресло рядом со мной.

За последние месяцы перед моими глазами прошли сотни, если не тысячи китайских лиц, одни запоминались, другие начисто забывались. Но лицо Чжан Вэньтяня сохранилось в памяти: чуть скуластое, волевое, с завораживающе спокойным взглядом синевато-черных глаз... По всей видимости, этот человек привык жестко дисциплинировать себя, сохранять спокойствие в самых трудных ситуациях, так как знал: всякая неуверенность и истерика руководителя порождают панику у подчиненных. Таково было первое впечатление о нем. Мы пили чай и разговаривали. Вернее, говорил Чжан Вэньтянь, а мы с Петей Головановым внимательно слушали.

О чем он говорил? О том, что сейчас занят созданием военно-политических училищ, военных школ. Приходится заботиться о госпиталях и складах. Работы хватает. Некоторые товарищи немедленно рвутся в бой (он бросил быстрый взгляд на Го Яня), и это говорит об их высоком моральном духе. Но нужна выдержка. Как известно, Соединенные Штаты спешно снабжают гоминьдановскую армию первоклассным оружием, подстрекают Чан Кайши к развязыванию гражданской войны. По всей видимости, избежать гражданской войны не удастся. Гоминьдановцы готовятся к общему наступлению. Войска США вопреки решению Московского совещания министров иностранных дел не хотят уходить из Китая и конечно же вмешаются в гражданскую войну на стороне Чан Кайши.

— Мы находимся в трудном положении,— сказал Чжан Вэньтянь.— Потому и торопимся создать здесь крупную, хорошо вооруженную группировку войск. К выступлению мы готовы уже сейчас. Но война может оказаться затяжной, и нужно готовиться к ней основательно. Нам потребуется много горючего, потребуются медикаменты, одеж-

ды, обувь, продовольствие, автомашины, паровозы. И много еще чего потребуется для нужд армии и населения. Война будет до победного конца.

Он говорил неторопливо, подводя нас к чему-то главному.

— Так вот. Заблаговременно мы решили обратиться к советским организациям с просьбой о дополнительной помощи. У нас должен быть прочный, надежный тыл.

Он положил ладонь на груду папок:

— Здесь перечислено все, что нам может в скором времени потребоваться. Вы все прочтете, переведете. Работы много.— И добавил: — Работа сверхспешная: в этом месяце советские войска уйдут из Маньчжурии.

Он отпил из чашки остывший чай, раскрыл одну из папок.

— Мы просили ваш главный штаб прислать квалифицированных переводчиков для уточнений и дополнительной доработки заявок. Вы будете как бы связующим звеном между вашим и нашим штабами. Точное знание языка в данном случае очень важно. Особенно когда начнутся консультации. Вам отведено помещение для работы. Помогать будет Го Янь. Ну и я, разумеется...

Наконец-то мы поняли, зачем нас сюда командировали. Вскоре прибудут наши специалисты, и мы вместе будем уточнять заявки, давать консультации.

Нас устроили в гостиницу. Мы изъявили желание приступить к работе немедленно, так как знали, что тянуть с этим нельзя: гражданская война вот-вот начнется. Работали по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки, не делая перерывов на обед. В общем-то документы были важного характера, и допуск к ним имел ограниченный круг лиц. За дверью нашего кабинета всегда стояли часовые. То, что мне оказано такое доверие, меня не удивило. Начальник отдела всегда считал меня рабочей лошадью, которая сдюжит в любых обстоятельствах.

В документах речь шла не только о нуждах армии. Тут был целый комплекс, рассчитанный на экономическое возрождение Маньчжурии с помощью Советского Союза. Предполагалось, что все военно-политические учебные заведения и военные школы, госпитали материально будет обеспечивать Советский Союз, укрепит их своими инструкторами, учебными пособиями. Неподалеку от Цзямусы, в предгорьях Малого Хингана, находилось Хэганское месторождение хороших коксующихся углей. Японцы

при отступлении взорвали и затопили шахты. Народно-демократическая администрация просила наших специалистов восстановить добычу угля на шахтах. Так как у китайцев не было квалифицированных кадров, они просили восстановить взорванные японцами мосты и железнодорожные сооружения. Требовались ремонтно-восстановительные поезда, подъемные механизмы, рельсы, сваи, балки. К тому и сводилась пространная заявка с комментариями и разъяснениями.

— Как только последняя советская часть покинет Харбин, мы возьмем его. Возьмем без боя, так как гоминьдановский гарнизон в городе ничтожен. Мы уже подтянули к Харбину свои части,— сказал нам Го Янь.

Иногда случались перерывы в работе, и мы с Петей и Го Янем выходили на пирс подышать речной свежестью, понаблюдать за бесконечным стадом бегущих льдин.

Го Янь охотно рассказывал, чем живет революционная Маньчжурия. Если бы у нас было время, мы смогли бы побывать в соседних деревнях, посмотреть, как идут полевые работы. Принцип «земля — хлебопашцу» очень пришелся крестьянам по душе, и они готовы за него драться. Народно-демократическая администрация аннулировала все долговые обязательства в селах и деревнях, а также права собственности на землю храмов и монастырей. Производился раздел между безземельными и малоземельными крестьянами земли, принадлежавшей японцам и предателям народа — помещикам. В директивном указании, составленном Гао Ганом, имелись такие слова: «Все находящиеся в пределах Северо-Восточного Китая земельные угодья, принадлежавшие ранее японским резидентам и изменникам народа, должны быть немедленно безвозмездно распределены между неимущими и малоимущими крестьянами». Это был волевой голос революции. Крестьянам выдали зерно, ссуды, солдаты и офицеры помогали на полевых работах. Тут готовились к земельной реформе, которая полностью уничтожит феодальную собственность на землю. Сразу же у помещиков изъяли золото, серебро, отобрали быков, лошадей, инвентарь, запасы зерна. Считалось, что жители освобожденных районов, мужчины и женщины от 18 до 35 лет, а также принадлежащий им домашний скот, пригодный для перевозок, телеги, лодки — все привлекается для нужд войны. Тут широко в ходу была так называемая кампания «сведения счетов с предателями народа и злостными эксплуататорами». Кре-

стьяне стихийно создавали отряды самообороны и упорно проводили «сведение счетов». Помещики и кулаки трепетали.

— Мы стараемся кампанию «сведения счетов» взять в свои руки, чтоб не было перегибов,— говорил Го Янь.

— Ваша база имеет связь с Яньанью? — полюбопытствовала я.

— Мы иногда получаем директивные указания. Но они делаются без учета местных условий. Мы тут как бы предоставлены сами себе, и все, что происходит здесь, в Маньчжурии, вернее отражает ход революции. Разумеется, мы хотели бы избежать гражданской войны, но все равно ничего из этого не выйдет. Формально с гоминьданом подписано перемирие. Еще в январе Чан Кайши согласился создать коалиционное правительство, куда должны войти коммунисты. Но все это обман, уловка. Наша разведка доносит о том, что Чан Кайши усиленно готовится к общему наступлению. Сейчас ему нужно выиграть время.

То, что говорил Го Янь, соответствовало действительности. Гоминьдан саботировал выполнение резолюций Политического консультативного совета. Когда в Чунцине возник митинг в поддержку решений совета, полиция и жандармерия разогнали его. Американский флот и авиация осуществляли переброску в Маньчжурию трех дополнительных гоминьдановских армий, доставляли технику и снаряжение. В Нанкине создана американская миссия военных советников, занявшаяся реорганизацией, обучением и оснащением гоминьдановской армии. Первого апреля Чан Кайши заявил, что не признает Объединенной демократической армии, считает незаконной администрацию, избранную населением Маньчжурии. Это уже можно было расценивать как вызов на развязывание гражданской войны. Фактически Чан Кайши уже начал наступление. После ожесточенных боев гоминьдановские войска заняли города Бэньси и Ляоюань. Вот тогда-то нас с Петей и командировали срочно в Цзямусы. В штабе Забайкальского округа знали, что благодаря помощи американцев армии Чан Кайши получили значительный военный перевес над народными силами. Потому-то и возник вопрос о срочной помощи Объединенной демократической армии. Знали мы также и подлинные цели американской политики: полное овладение Маньчжурией после того, как ее покинут наши войска. Американцы не собирались отда-

вать коммунистам природные богатства и сильно развитую промышленность Маньчжурии. Маньчжурия — стальной индустриальный орех; кто разгрызет его, тот и будет владеть всем Китаем.

— Надо немедленно брать Чанчунь! Там мало гоминьдановских войск,— горячился Го Янь.— Почему наши медлят?

— Ваши части давно на подступах к Чанчуню,— успокоила его я.

— Вы их видели?

— Да.

— Скорее бы...

В Цзямусы прибыли советские специалисты. Они занялись изучением документов, переведенных нами.

Раз под вечер в кабинет, где мы с Петей Головановым «добивали» последнюю папку по нефтепродуктам, вошел в сопровождении Го Яня китаец в темном кителе без знаков различия, в больших круглых очках. Смуглое лицо было обожжено суровым маньчжурским ветром, в густых, высоко взбитых черных волосах проглядывала седина.

— Товарищ Гао Ган! — представил его Го Янь.

Мы поднялись. Гао Ган сдержанно поздоровался, усадил нас на наши стулья. И сам присел. Облокотился о стол, уткнув острый подбородок в сжатые кулаки.

— Го Янь говорил мне о вас,— сказал он, обращаясь ко мне.— Вот и зашел познакомиться.

Неожиданно улыбнулся и стал совсем молодым. Я заметила, что он несколько сутуловат, иногда слегка вбирает голову в плечи. Когда улыбается, высокие скулы словно бы подпирают очки в железных ободочках.

Мы с Петей сознавали важность момента и не знали, как себя вести. Этот человек возглавлял партийную организацию Маньчжурии, создавал из разрозненных отрядов армию, которая будет противостоять гоминьдановцам.

У меня вовсе не было ощущения, будто Гао Ган прост, легко доступен. Вряд ли солдаты докучали ему всякими мелочами. В нем угадывалась аскетическая суровость, властная самостоятельность.

Конечно же не ради знакомства со мной пришел он к нам. Времени у него, по всей видимости, было в обрез, и он сразу же перешел к делу.

— Сегодня удалось поговорить по радио с вашим

командованием,— сказал он.— Вас срочно отзывают в Харбин. Товарищ Голованов останется в Цзямусы еще на некоторое время... А вы, Вера Васильевна, собирайтесь.

Срочно? Что бы это значило?

— Повезете очень важный пакет. Его вручит вам завтра утром на аэродроме Го Янь. А в Харбине передадите пакет из рук в руки маршалу. Так нужно.

Он словно наложил на меня каменную плиту: я не могла произнести ни слова. Гао Ган не говорил, а сурово внушал.

— Вы своей работой очень помогли нам,— добавил он уже мягче. Наверное, для того чтобы я не подумала, будто меня выдворяют из Цзямусы.— Я не знаю, зачем вас отзывают так спешно. Возможно, это как-то связано с событиями в Чанчуне. Ну, а пакет решили передать с вами, раз подвернулся такой случай.

Я затаила дыхание. Гао Ган резким движением положил сжатые кулаки на стол.

— Да, вы ведь ничего не знаете... В Чанчуне гоминьдановцы расстреляли десять советских железнодорожников, ранили вашего консула. Они бесчинствуют в Мукдене, Сыпингае и в других городах.

Сердце у меня оборвалось. Сразу представились улицы Чанчуня, перегороженные мешками с песком. И конечно же подумала об Ирине и Клаве. Они до недавнего времени носили военную форму, и, возможно, с них решила начать гоминьдановская охранка?..

Я не могла унять дрожи в руках. Гао Ган, разумеется, не подозревал, как близко касаются меня события в Чанчуне. Значит, началось!..

Наверное, я побледнела, потому что Го Янь поспешил подать мне кружку с водой.

За всю ночь не сомкнула глаз, осмысливала случившееся. Все-таки они посмели... Как будто и не было многолетнего политического, экономического и военного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом! Чан, по всей видимости, запамятовал, что именно оно, это сотрудничество, сдвинуло китайскую революцию с мертвой точки, вывело ее на общекитайский простор. В те далекие годы, да и намного позже, мы отдавали им самое лучшее: лучших специалистов, лучшую технику — помогали создавать Народно-революционную армию. В школе Вампу советские инструкторы готовили офицеров. Тут читал лекции Бубнов, тут вел работу в армии Блюхер. Наши военные

советники Бородин, Черепанов, Чуйков, Перемятов, Дратвин, Наумов, Рогачев, Горев и многие другие не жалели сил своих, чтобы сделать национальную армию боеспособной в интересах китайского народа. Мы сами еще были небогаты, но не скупились на интернациональную помощь. И они устояли на ногах... Румынская буржуазная газета «Моман», которую трудно было заподозрить в симпатиях к СССР, отмечала в 1928 году: «Значительные успехи в строительстве китайских вооруженных сил стали возможны только благодаря материальной и моральной помощи Советского Союза». Чан Кайши попрал все...

Вышла на пирс и слушала, как со звоном тают плывущие льдины. Чужая ночь, глухая темнота без единой звезды... Да, мой дух навсегда слит с историей Китая, такой зыбкой, полной коварных поворотов и кровавых измен...

Если бы взглянуть на все с высот вечности, увидеть конечный результат! А ведь он должен быть!..

Зачем я так срочно потребовалась в главном штабе?.. Значит, что-то чрезвычайное. Гадать было бесполезно.

Утро выдалось туманное. Облака опустились на землю. На аэродром ехали с зажженными фарами. Казалось, полет отменят. Но «Р-5» уже ждал меня. Го Янь вручил совершенно секретный пакет, напомнил: в случае, если гоминьдановцы подобьют самолет или совершат нападение на машину в Харбине, пакет уничтожить. Пакет был из желтоватой прозрачной рисовой бумаги, со многими сургучными печатями, он легко влезал в полевую сумку.

Тяжелая задумчивость не сходила с лица Го Яня. Он хмурился, сердито щурил глаза, и кожа на его смуглых скулах натягивалась.

— Расстрелом советских людей гоминьдановцы подписали себе смертный приговор,— убежденно сказал он.— Чан Кайши не хочет делиться властью с коммунистами. Под разговорами о коалиционном правительстве поставлена точка.

Он помолчал. И когда я протянула руку для прощания, добавил:

— Приезжайте в Китай, когда мы победим. Будет социализм в Китае, будет!..

В Харбине на аэродроме ждала специальная машина с сильной охраной. В штабе я наконец-то избавилась от совершенно секретного пакета. Облегченно вздохнула. Все обошлось. Гоминьдановские банды даже не обстреляли

самолет. Какие документы доставила, никогда не узнаю.

В штабе на меня обрушили ураган новостей. Гоминьдановцы бесчинствуют на КЧЖД! Отстранили советскую администрацию и советских железнодорожников от работы. Захватили все склады. Особняки, в которых живут наши железнодорожники, оцеплены. В Чанчуне расстреляно десять советских граждан, одиннадцать пропали без вести. Солдатня врывается в особняки и грабит железнодорожников. Работников советской внешнеторговой организации чанкайшисты загнали в подвал и забросали гранатами. Уцелевших из подвала вывела японка, некая Эйко Хасегава.

Хасегава... Она или не она? Удивительное дело, за все время нашего знакомства с Эйко я ни разу не спросила, какую фамилию она носит. Передо мной возникло улыбающееся лицо Эйко-сан, и я подумала, что она конечно же не прошла бы мимо подвала, откуда доносятся стоны тяжело раненных.

В Мукдене гоминьдановцы застрелили четырех советских граждан. На станции Ляоян озверевшая солдатня во главе с офицерами охранки ворвалась в кабинет начальника станции Горбачева. Горбачеву скрутили руки. Такая же участь постигла начальника дистанции пути Агапова, его жену; инженера Целиковскую и еще троих железнодорожников. Их водили по улицам городка на веревке, избивали бамбуковыми палками, забрасывали нечистотами. Прежде чем расстрелять советских людей, их подвергали зверским истязаниям. Американские офицеры были свидетелями неслыханных издевательств, но никто из них не вступился за советских граждан. Возможно даже, среди офицеров были и те, кого мы освободили из японских концлагерей под Мукденом. Может быть, тот же генерал Джонс, который беспокоился, как бы японцы не съели его печень. Американские офицеры преспокойно разъезжали на своих «виллисах» и фотографировали «эксцессы». Вот, мол, как относятся к советским людям.

Всего чанкайшистская охранка убила шестьдесят советских железнодорожников.

Я пыталась узнать о судьбе моих подруг Иры и Клавы, но никто ничего определенного сказать не мог.

Цзянь Цзинг показал себя в полный рост. Его папа Чан будет доволен. И мадам Сун — тоже.

Я живо представила сумрачную серую башню, на которой болтается темно-синий гоминьдановский флаг, уз-

кие, словно бойницы, оконца, где конечно же сидел чанкайшист и стрелял по особнякам железнодорожников, а в особняках прятались женщины и дети. Мерещились картины расстрела советских граждан: как их, беззащитных, волокут по улицам Чанчуня, а потом на «китайский» манер усаживают на землю и стреляют в затылок.

А нам-то казалось, что война кончилась!..

Что происходило в те дни в Чанчуне? Там не было специальных корреспондентов газет и журналов, чтобы запечатлеть для истории кровавые события. Впрочем, несколько дней спустя в Харбине я встретила женщину, с которой свела близкое знакомство еще в Чанчуне, в колонии советских железнодорожников. Она была свидетельницей того, как 14 апреля, вечером, части народной армии перешли в наступление на Чанчунь. Железнодорожники над своими коттеджами вывесили красные флаги. Гоминьдановские солдаты сорвали их.

— Мы не думали, что выберемся живыми из Чанчуня,— сказала она.— Мой муж на складе раздобыл тол и заминировал особняк. Между нами было решено: если гоминьдановцы вломятся в дом — подожжем шнур и все взлетим на воздух. Было жаль сынишку: ему только что исполнилось полтора годика...

По всей видимости, моя знакомая оказалась единственным человеком, кто вел дневник в эти страшные дни. Она дала мне почитать свои записки, лаконичные, как отчет. Хочу привести несколько страничек:

«18 апреля 1946 года. Вот уже четыре дня продолжаются бои между 8-й[1] и гоминьданом. На второй день гоминьдановцы начали заходить к советским железнодорожникам в квартиры, отбирать деньги, вещи. Четверых ограбили начисто, вплоть до чулок. Чуть не убили советского вице-консула, встретив и задержав на улице его машину. Ему прострелили ноги, машину отобрали. Гоминьдановцы расстреляли нескольких наших в Чанчуне. В Мукдене будто бы расстреляно 8 человек. Мы одну ночь ночевали у Гвоздевых, мужчины дежурили до утра. Грохотало орудие, и беспрестанно трещали выстрелы, сливаясь в один адский грохот. Утром было три артиллерийских залпа со стороны 8-й в гоминьдановцев. Вчера весь день два американских самолета сбрасывали вооружение на парашю-

[1] Армия, входившая в состав Объединенной демократической армии.

тах в расположение гоминьдановских частей. Бойцы 8-й подстреливали парашюты и охотились за боеприпасами. Как будто 8-й удалось забрать 72 ящика гранат таким способом. Сегодня американский самолет снова сбрасывал вооружение.

Вчера вечером мы наблюдали, как бойцы 8-й группами пробирались по соседнему с нами переулку к центральным улицам города; в смутном лунном освещении они казались легкими бесшумными тенями. Наш район уже в руках 8-й. Некоторые наши товарищи сегодня разговаривали с бойцами. Они сказали, что испытывают трудности с питанием и боеприпасами. Японцы постреливают из окон домов в русских и в бойцов 8-й. Много японцев служат военными инструкторами у гоминьдановцев.

20 апреля 8-я армия взяла Чанчунь, а 23-го все советские железнодорожники получили приказ выехать из Маньчжурии в Читу и Хабаровск. Мы поспешно свернули свои манатки, так как 24-го утром должны были грузиться в эшелон. В доме был ужасный беспорядок и холод. Ночевали, сдвинув два дивана. Днем приходили японцы забрать кое-что из мебели. Я вошла с улицы в комнату, не обращая на них внимания, хотела заняться своим делом, но муж остановил меня и, указав на пожилого полного японца, произнес: «Мария, вот Судзуки-сан. Во время боев его сыну пробило пулей грудь навылет. Мальчик остался жив, но сильно страдает...» Мы отдали Судзуки весь запас муки. Японец был явно смущен, но муку все же взял. Голод не тетка. Утром мы пошли на вокзал. Нас провожали японцы, тащили багаж. Прямо напротив нашего состава пылали авторемонтные мастерские. Нас впихнули в теплушку на груду чемоданов и узлов. Я сидела на узлах, обняв сынишку. Чанчунь медленно скрывался из виду... От Чанчуня почти до Харбина нас сопровождал отряд бойцов 8-й армии».

Вот так чужими глазами я увидела события тех дней.

У начальника отдела я пыталась выяснить, зачем меня срочно отозвали из Цзямусы. Он уклонился от ответа:

— Так нужно. Скоро узнаете. Заполните вот эти анкеты.

И я заполняла анкеты, писала автобиографию, пытаясь придать значительность ничтожным фактам своей в

общем-то короткой жизни. Самое нудное дело — заполнять анкеты.

А начальник отдела все поглядывал на меня с тревожащей многозначительностью. Подбрасывал загадочные вопросики: как я переношу влажный климат, чем болела в детстве, слежу ли за материалами Нюрнбергского процесса над главными немецкими преступниками, достаточно ли я знакома с японским правом, судопроизводством? Иногда мне казалось, что он подсмеивается надо мной, хотя это было не в характере генерала.

И вдруг в памяти всплыли слова, сказанные генералом еще в Чанчуне: «В Японию полетишь! Готовься...» Неужели в Японию?.. Я прямо-таки замерла от такой догадки. И тут же попыталась ее отбросить: почему в таком случае генерал уклоняется от прямого ответа? Мысль о поездке в Японию всегда казалась мне несбыточной: слишком уж маленькой шестеренкой была я среди гигантских военных жерновов. Таких, как я, обычно посылают в составе большой группы, где индивидуальность не имеет значения. По китайской пословице: работающий дурень важнее спящего мудреца. И все же догадка о Японии переходила в уверенность.

Пришло сообщение: народными войсками взят Чанчунь! Гоминьдановцы бегут к Сыпингаю и Мукдену. У нас в штабе царило оживление: упаковывали бумаги, имущество. Первый штабной состав отправился в Советский Союз, в Хабаровск. Мы вот-вот должны были покинуть Харбин, чтобы открыть дорогу народным войскам. Все нервничали, считали часы. Последние часы на маньчжурской земле... А приказа о новой погрузке все не поступало.

Эшелон с железнодорожниками прибыл в Харбин 25 апреля. Мы встретили их, словно героев. Гоминьдановцы в городе куда-то попрятались. Даже генерала Яна не было видно. Наши солдаты с автоматами стояли вдоль всего эшелона. Я переходила из одной теплушки в другую, искала Иру и Клаву. Их нигде не было. Тогда я настойчиво стала расспрашивать о них, но все как-то странно молчали, каждый делал вид, что вопрос обращен не к нему. Я чувствовала, как сумасшедшими толчками бьется мое сердце, как стынут от страха руки, подкашиваются ноги. Наконец глухой голос из дальнего угла теплушки проговорил: «Нет их. И больше не будет...» Громко всхлипнула женщина, за ней другая. И вот уже все низко-низко скло-

шили голову. Тогда я поняла. Перед глазами у меня пошли темные круги, ноги подкосились. Кто-то поддержал меня, усадил, кто-то подал воды. Зубы мои стучали о край стакана, я не в силах была сдержать рыдания. Все смотрели на меня со скорбным сочувствием, но никто ни о чем не спрашивал. Я была им благодарна за это.

Не помню, как добралась домой, бросилась на диван и предалась полному отчаянию. Я рыдала до изнеможения, до сердечных колик. Бедные, несчастные мои подружки... Такие молодые. Строили какие-то планы на будущее, а смерть, подлая, коварная, исподтишка подкарауливала их. Вспоминались разные эпизоды из нашей совместной жизни в особняке, веселые вечера, наши разговоры, наши мечты... «Нет их. И больше не будет...» — преследовал меня глухой голос. На сердце навалилась тоска, мучительная и острая. И когда на следующий день меня вызвал к себе начальник отдела и сообщил, что срочно лечу во Владивосток, а оттуда в Японию, я приняла это известие со спокойной отрешенностью — не все ли равно, куда лететь?..

— Что с вами? — встревожился генерал, заметив мой тусклый вид.

— Котова и Зозулина погибли.— Я заплакала.

— Что же делать? — растерянно сказал он.— На войне как на войне. Жаль, конечно...

Нахмурился, как-то подозрительно кашлянул, закурил папироску. Заговорил суровее, чем, вероятно, хотел:

— В Токио через несколько дней начнет работу Международный военный трибунал, который будет судить японских военных преступников. Там нужны переводчики высокой квалификации. Вы справились со всеми сложными заданиями, проявили оперативность, настойчивость. Хотели послать Мисюрова или Соловьева, потом все-таки остановились на вашей кандидатуре. Желаю вам успеха, Вера Васильевна! Не сомневаюсь, что не подведете нас...

В «ДОМЕ САМОУБИЙЦ»

Первым, кого я встретила на японской земле, был лейтенант Маккелрой. Тот самый, которого советские войска освободили из плена под Мукденом. Я даже не сразу узнала лейтенанта, так он изменился: теперь это был упитанный, розовощекий атлет, военная форма ладно сидела

на нем, придавая всему его облику официальную представительность. И лицо обрело сытую значительность. Взгляд сделался повелительным, строгим.

Мы сели на аэродроме близ Йокохамы. Мне все еще не верилось, что после четырехчасового перелета из Владивостока я очутилась в Японии!.. Остров Хонсю. Йокохама. А рядом Токио... Я упорно шла к своей мечте и пришла...

Восторг, однако, быстро улетучился, когда спустилась по трапу на землю. Наш самолет оказался плотно оцепленным рослыми американскими полицейскими в железных касках и белых перчатках. Полицейские протянули веревку, и мы оказались как бы в силке. Я ничего не понимала. Почему союзники зажали в полицейское кольцо советский самолет? По идее нас должны встречать цветами, приветственными речами. Мы полномочные представители, прибывшие на Международный военный трибунал судить японских военных преступников. Разве не Советский Союз разгромил основную военную силу японского империализма — Квантунскую армию?

Кто-то грубо схватил меня за рукав гимнастерки: это был американский офицер с фотоаппаратом. Этакий хомяк в военной форме.

— Стойте спокойно! Я должен вас сфотографировать в профиль и анфас...

— Зачем?

— Таков порядок для всех прибывающих...

— Мне нет никакого дела до ваших порядков.

Я резко выдернула рукав гимнастерки, за который все еще цепко держался американский офицер-фотограф. От неожиданности он уронил фотоаппарат. Фотоаппарат попал мне под сапожок. Раздался хруст.

Фотограф пришел в бешенство.

И тут я заметила лейтенанта Маккелроя. Он спокойно наблюдал за всей сценой, а когда наши взгляды встретились, галантно поклонился:

— Мисс Вера?! Такое случается лишь в голливудских боевиках. Самая приятная неожиданность в моей жизни.

Он сделал шаг ко мне, отгородил своей мощной фигурой беснующегося фотографа.

— Что здесь происходит, лейтенант? За каким чертом понадобилась моя фотография в профиль и анфас? Или, может быть, вы хотите иметь мой портрет на память?

Он усмехнулся:

— Эти парни работают слишком грубо. Их здесь называют «джиту». Второй отдел штаба американских оккупационных войск. Занимается официальным шпионажем.

Я сразу обрела ироническую твердость.

— Вы тоже из их числа? А мне казалось, что вы давно в Штатах. Значит, «джиту».

Он смутился:

— Ну, не совсем так. Мне поручено встречать и обслуживать русских, вас то есть. Советских представителей.

— Обслуживать? Или сопровождать?

Он совсем смешался:

— Начальство решило: поскольку русские вызволили Маккелроя из японского плена, Маккелрой обязан ограждать своих спасителей от японских провокаций. Азиаты коварны...

— Спасибо вашему начальству за заботу. Но мы привыкли сами ограждать себя от провокаций. Как вижу, пообщавшись с нами в Мукдене несколько часов, вы сделались специалистом по русскому вопросу.

Это был, в общем-то, пустой разговор. И гадать не стоило: Маккелрой — военный разведчик, приставлен к нам, советским представителям. Симпатии и антипатии здесь ни при чем. Захотелось немедленно избавиться от мордастого «джиту».

За полицейским оцеплением нас ждали советские товарищи. С облегчением вздохнула, когда уселась в машину. Маккелрой остался на аэродроме. Но это еще не значило, что мы не встретимся в скором времени. Он махал нам вслед перчаткой: до новых встреч!

— Американцы сразу же дали нам понять: в Японии хозяева они! — сказал кто-то из моих спутников.

Еще во Владивостоке я слыхала о том, что генерал Макартур, главнокомандующий американскими войсками в Японии, всячески игнорирует советских представителей, единолично принимает решения по важнейшим политическим вопросам, касающимся послевоенного устройства Японии. Он смотрит на Японию как на свою вотчину, чувствует себя здесь некоронованным владыкой. Одним словом, американцы стремятся установить единоличный контроль над Японией, игнорируя прежнюю договоренность. И все-таки встреча на аэродроме возмутила меня до глубины души. Генерал Макартур, не выигравший в этой войне ни одного сражения, мнит себя единоличным победите-

лем! Эти спесивые американские вояки любят загребать жар чужими руками. Теперь они узурпировали все плоды победы над Японией. Когда приходит победа, всякий шакал становится львом...

Все были до крайности возмущены.

Машина катила по шоссейной дороге в Токио. Не розовое и белое половодье цветущей сакуры встречало меня: повсюду виднелись следы пожарищ — сплошное пепелище от Йокохамы до Токио. Не так давно здесь тянулись поселения, на их месте остались кучи пепла. Толпы нищих. Вдоль дороги стояли дети с протянутыми руками. Вспомнила: совсем рядом с Йокохамой, километрах в двадцати, находится знаменитая Камакура с ее гигантской статуей будды — Дайбуцу; внутри статуи — небольшой храм; прическа божества изображает улиток, которые, согласно легенде, должны были защищать его голый череп от солнечного зноя. В пятнадцатом веке эту двенадцатиметровую статую чуть не смыло гигантской волной цунами; во время землетрясения 1923 года был расшатан фундамент, на котором стоит статуя. То была японская экзотика. О гигантской бронзовой статуе помнила всегда. И мечтала: если когда-нибудь окажусь в Японии, первым делом поеду в Камакуру, дотронусь рукой до древнего бронзового божества. Теперь будда был рядом, но я вспомнила о нем равнодушно, без интереса. Я вглядывалась в лица беспризорных детей и думала, думала. За свою историю человечество обзавелось дипломатией, искусством, гуманизмом, религией, но до каких пор люди будут стрелять друг в друга из-за ничтожных интересов кучки негодяев, которых раздувает или страсть к наживе, или непомерное честолюбие, или националистический дурман? В конечном итоге за все расплачиваются дети. Если мы не в силах оградить детей от бомб, от ужасов войны и вандализма, то все те институты, которыми обзавелось человечество, можно считать всего лишь маскировкой жестокой действительности. Я вспомнила Хиросиму, Нагасаки и содрогнулась... Это ведь тоже находилось не так уж далеко.

Гинза, по которой я еще вчера, сидя в самолете, собиралась совершать прогулки, была полностью разрушена американской авиацией. Развалины заросли бурьяном. Странное дело: раньше казалось — стоит очутиться в Токио, знакомом мне по многим описаниям, сразу найду там

и мосты реки Сумиды, и парк Уэно, знаменитый своими вишневыми деревьями величиной с лиственницу или сосну, и деловой центр Маруноути, и холмы аристократического района Кодзимати с его императорским дворцом, зданием парламента, посольским кварталом. Издали «восточная столица» представлялась этакой уютной корзиночкой с цветами. Увы! Передо мной был хаос, в котором я совершенно утратила ориентировку.

С изумлением всматривалась в неведомый мне мрачный, замусоренный, обожженный бомбами и пожарами город, вызывающий чувство отчуждения. Толпы бездомных людей на площадях. Даже на зеленой площади перед императорским дворцом. Из расспросов узнала: им негде приклонить голову, дома разрушены, целыми семьями спят здесь же, на площади, укрываясь тряпьем, во время дождя прячутся в подземных галереях вокзалов. Заводы парализованы. Безработица, голод, очереди за скудным пайком. Оккупационные власти ничего не делают, чтобы облегчить положение безработных.

Императорский дворец, где обитал «священный журавль» — император, был все так же великолепен, каким знала его по открыткам и журнальным иллюстрациям. За рвом с густой зеленой водой поднималась высоченная стена, сложенная из громадных темно-серых камней, а над стеной вставал пирамидальный дворец со множеством изогнутых крыш — словно там, в чистой голубизне весеннего неба, летела стая диковинных птиц. Говорят, в мае прошлого года американская бомба угодила все-таки в этот светлый дворец, и многие помещения пострадали от пожара. Якобы «священный журавль» нисколько не огорчился. «Я разделил несчастье тысяч погорельцев!» — патетически воскликнул он. Правда, дворец быстро отстроили, а тысячи погорельцев продолжали сидеть на зеленом плацу перед императорским дворцом.

Тут, за этими массивными стенами, жил император Японии, которого до недавнего времени японцы почитали как живого бога. Теперь, проиграв войну, он лишился своего божественного ореола. Бог не имеет права на поражение, а потому не так давно, в новогодний день, «священный журавль» в изданном им рескрипте публично отрекся от своей божественности. Я сохранила эту желтенькую бумажку. Там есть такие фразы: «Мы стоим вместе с народом и желаем всегда разделить с ним и радость и горе. Узы, связывающие нас, всегда покоились на обоюдном

доверии и привязанности, а не только на легендах, мифах и ложных концепциях о божественности императора, и о том, что японская нация поставлена выше всех остальных и ей суждено править миром». Все так просто: концепции о божественности императора и призвании японской нации править миром ложны, а потому и не получилось ничего с мировым господством. О том, что концепции ложны, раньше не догадывались. Все эти генералы, оказавшиеся в тюрьме Сугамо, чтоб пересесть на скамью подсудимых Международного трибунала, прямо-таки невежественные люди, ввели всю нацию в заблуждение. И «журавль» был не священным, а обыкновенным журавлем. Генералы, лишенные чувства юмора, прилепили ему эту нелепую кличку, а он вовсе не виноват. Он, Хирохито, никакого отношения к военщине не имеет, к этим проклятым военным преступникам, приведшим страну к краху.

И хотя Япония капитулировала, высочайший рескрипт вызвал шок в стране — миллионы людей поняли: их долго и сознательно обманывали. Кто вернет им сыновей и отцов, погибших на войне?! На дворцовой площади и у национального храма Ясукуни, где обожествлены два с половиной миллиона душ солдат, отдавших жизни за императора и за те самые ложные концепции, о которых говорилось в рескрипте, не прекращались манифестации и демонстрации. Даже генерал Макартур, ознакомившись с рескриптом, испытал своеобразный шок.

— Вечно он торопится! — воскликнул генерал.

Макартур был недоволен. Все шло не так, как хотелось генералу и его хозяевам. Во-первых, японцы явно поспешили с капитуляцией: напуганные молниеносным разгромом Квантунской армии, они бросились под защиту «теки-сан» — господина неприятеля, то есть американцев, и заявили 14 августа прошлого года о безоговорочной капитуляции. Император в своем обращении к японским вооруженным силам указывал основную причину окончания войны: наступление советских войск! «Советский Союз вступил в войну, и, принимая во внимание положение дел в стране и за границей, мы полагаем, что продолжать борьбу — значит служить дальнейшему бедствию...» И ни слова об американских атомных бомбах.

Американцы находились в растерянности: они прямо-таки не были готовы к принятию безоговорочной капитуляции, собирались воевать и воевать: ведь у японцев в метрополии находилось четыре миллиона солдат! Счита-

лось, что Япония может капитулировать только в 1947 году.

Макартур медлил с высадкой своего десанта. Несколько раз переносил сроки высадки. И только 28 августа высадка началась. За те две недели, пока Япония была предоставлена самой себе, здесь происходили любопытные дела: прямо на площадях сжигали военные архивы, списки, документы; материальные ценности стоимостью около ста миллиардов иен были в спешном порядке розданы военно-промышленным компаниям и монополиям, им же отдали армейские деньги, свыше десяти миллиардов иен. Офицеры переодевались в цивильное, получали фальшивые документы и устраивались на работу в государственные учреждения. Таким образом, основной костяк армии, офицерские кадры были сохранены. Все сделано чисто, не придерешься. Спрятано все, что только можно было спрятать. Военная мощь сохранена, промышленная — тоже.

Императорский рескрипт о снятии с себя божественного сана, с точки зрения Макартура, был преждевременным. Ведь до сих пор велись споры: сажать микадо на скамью военных преступников или не сажать? В самих Штатах находились люди, которые требовали судебного процесса над императором либо высылки его в Китай. Императора-бога привлечь к судебной ответственности труднее, чем просто августейшую особу. Макартур делал все возможное, чтоб оградить микадо от суда. Журналистам заявил:

— Это я предложил императору отказаться от божественности! С какой целью? Чтобы «демократизировать» его. Если хотите знать, император-бог обладает силой двадцати дивизий. Сняв с него божественность, я разоружил его. И предлагаю сохранить императора только в качестве символа.

Но сам император, стараясь, по всей видимости, выгородить себя, только усугублял неблагоприятную ситуацию: он вдруг напросился в гости к Макартуру. Дескать, хочу нанести визит верховному командующему войск союзников. И нанес. Американское посольство, где проходила встреча, осаждали журналисты. Утаить от них ничего было нельзя. Император приехал в автомобиле, его сопровождали главный камергер, переводчик и врач. Журналисты увидели, как из автомобиля вышел человек невысокого роста в цилиндре, визитке, стоячем воротничке и

полосатых брюках. Сын неба, который перестал быть сыном неба...

Якобы он сказал Макартуру:

— Я пришел к вам, генерал Макартур, чтобы отдать себя на суд держав, которые вы представляете, как единственный человек, несущий ответственность за все политические и военные решения и все действия, предпринятые моим народом в ходе войны.

Свалив все на свой народ, император спокойно уселся в кресло.

— По складу мышления я ученый, и только ученый,— поспешил заверить генерала император,— я занимаюсь грибами и биологией моря. Я обожаю Дарвина и Линкольна, их бюсты стоят в моей лаборатории.

Макартуру говорили, что в лаборатории императора находится также бюст Наполеона, но великого полководца микадо почему-то не назвал.

— Мне приходится в силу положения заниматься и политикой,— сказал микадо.— Я до сих пор нахожусь под глубоким впечатлением конституционной монархии, которую имел счастье наблюдать в Великобритании...

Макартур угрюмо слушал. Потом заверил императора, что никакая опасность ему не угрожает, на скамью подсудимых Международного трибунала его не посадят. (Позже Дуглас Макартур напишет в своих воспоминаниях: «Я полагал, что если бы император был осужден и, возможно, повешен как военный преступник, то потребовалось бы установить в Японии военное положение; вероятно, вспыхнула бы партизанская война».)

Судя по всему, они поладили. Наши дипломаты о многом лишь догадывались. Но впереди был международный процесс главных японских военных преступников, и никто не мог сказать, как повернутся события.

А пока что я бродила по разрушенному Токио, и никому до меня не было дела. Мной овладело странное ощущение: вот хожу здесь среди руин и пустырей этого города, вижу хибарки, шалаши, сколоченные из фанерных ящиков и кровельного железа, а там, внутри хибар, шевелится нечто живое, человеческое, страдающее и думающее. В историю Японии все это, наверное, войдет как период американской оккупации. Потом досужие историки, которым до всего есть дело, подсчитают: людские потери Японии за время войны составили, скажем, шесть с половиной миллионов, сто девятнадцать городов подверг-

лось разрушению во время налета американской авиации, два города снесены с лица земли атомными бомбами. Разрушено три миллиона домов, осталось без крова почти девять миллионов человек, и так далее и так далее...

Я трогаю руками обгорелые стены домов, вижу черные голодные глаза детей, а мимо беспрестанно идут демонстранты с желтыми щитами, испещренными иероглифами, что-то выкрикивают ораторы на митингах. Толпы кипят, бурлят.

— Долой реакционное правительство Иосида!

— Рабочие, объединяйтесь в борьбе против капиталистов и дзайбацу!

— Нам нужно истинно демократическое правительство!

— Долой предателей из дзиюто и минаюто![1]

— Мы требуем работы! Мы хотим есть!

Здесь рождается что-то новое. Что?.. Я — у самых истоков. Я была одна-одинешенька среди разъяренных толп, в своей гимнастерке с погонами старшего лейтенанта Красной Армии, все понимали, что я — «собэто», советская. Но страха не испытывала, не боялась провокаций. В бедах японцев была повинна не я, а их правители, военщина, все эти крупные монополии — дзайбацу, приведшие Японию к краху. Вчера генерал Макартур опубликовал «Предупреждение в связи с массовыми демонстрациями и выступлениями бунтовщиков». Генерал угрожал «бунтовщикам» тюрьмой, репрессиями, увольнениями. Но демонстранты шли, текли по улицам, растекались по площадям, требовали.

Как я начинала догадываться, американцам за девять месяцев удалось совершить все, что они намечали: сохранить в Японии монархический строй, создать послушные парламент и правительство, куда вошли все те же представители реакционных кругов, промышленников, замаскированной военщины. Премьером стал тот самый Иосида Сигэру, который не так давно призывал организовать сопротивление Советскому Союзу и заключить компромиссный мир с Англией и США. Военно-промышленный потенциал — в целости. Офицерский корпус растворился среди служащих, но по первому призыву готов надеть мундиры и извлечь припрятанные самурайские мечи. Крупные монополии остались нетронутыми. Коммунисты преследуются оккупационными властями.

---

[1] Дзиюто и минаюто — профашистские партии в Японии.

Не скажу, чтобы те японцы, с которыми я заговаривала, расплывались в радостных улыбках. Они были угрюмы, не сгибались в поклонах. Но на мои вопросы отвечали охотно, откровенно. Они внимательно разглядывали орден Красной Звезды и медали на моей гимнастерке, звездочку на фуражке, погоны. Я была без оружия. В город выходить с оружием запретили. Они не расспрашивали о Советском Союзе, а торопились поделиться своими горестями. Их даже не удивляло, что я свободно говорю по-японски. Знала: пройдет какое-то время — и среди этих людей у меня появятся друзья. Слишком пока все здесь раскалено, дымится, и мы для них остаемся «господами неприятелями». Намозолили глаза вывески «Японцам вход воспрещен». Но здесь имелись также районы бедноты, куда вход был запрещен нам, советским. Кем запрещен? Все тем же штабом Макартура.

Рикша предлагал мне свои услуги, я улыбалась и отрицательно покачивала головой. Глупо было объяснять этому несчастному, лишенному заработка, что ездить на людях безнравственно. На рикшах разъезжают американские солдаты. Эти не стесняются. Я наблюдала за ними — сытыми, откормленными, по всей видимости, так и не понюхавшими за всю войну пороха. Они сидели в колясках развалясь, как настоящие колонизаторы, о которых я знала только по книжкам.

Гостиница, куда поместили всех советских представителей, находилась на территории штаба нашей воинской части Союзного совета. Гостиница мало чем отличалась от той, в какой я жила в Мукдене: все те же циновки-татами, раздвижные стены, нары для спанья, плоские подушки и толстые одеяла. Моими соседями были наши офицеры. Это была твердая основа моего пребывания в Японии.

Наши офицеры отвезли меня на холмы Итигая, где раньше помещалось военное министерство Японии, а теперь заседал Международный военный трибунал. Журналисты успели окрестить это мрачное пепельно-серое здание за высокой железной оградой «домом самоубийц», имея в виду японских генералов, которые совсем недавно руководили отсюда «сопроцветанием Великой Восточной Азии», то есть захватами в Азии и подготовкой к войне против Советского Союза.

Здание было внушительное, строгой архитектуры, в нем чувствовалась массивная устойчивость. Холмы Итигая — это, собственно, район Токио, где размещались важнейшие военные учреждения, своеобразный кулак агрессии — военное министерство, генштаб, императорская ставка. Отсюда на многие километры просматривался разрушенный город. Здесь, на холмах Итигая, в августе прошлого года пылали костры — в огонь летели папки с грифами «секретно» и «совершенно секретно». Целый батальон солдат и офицеров день и ночь очищал сейфы от документов.

Я вошла в «дом самоубийц» с некоторым трепетом: гнездо японского милитаризма... До сих пор мне приходилось иметь дело только с Маньчжурией, которая воспринималась как опытный военный плацдарм и своеобразная «лаборатория» колониальной политики Японии в Азии. Теперь я находилась в самом сердце Японии, в Токио, в главном очаге агрессии. Правда, поджигатели сидели в тюрьме Сугамо, которая находилась в пяти километрах отсюда. Прогуливаясь по городу, я останавливалась у ворот тюрьмы Сугамо: высокие каменные стены, колючая проволока наверху, по которой, по-видимому, пропущен ток высокого напряжения, и вышки с американскими часовыми. Во время налетов авиации сгорело много тюрем по всей Японии вместе с заключенными, но Сугамо уцелела, хотя тоже горела от зажигательных бомб. Странно было сознавать, что всего каких-нибудь девять-десять месяцев назад в этой тюрьме томились политические заключенные, антифашисты, жертвы политической полиции и жандармерии; их умерщвляли особым способом — надевали корсет-сакун и затягивали его до тех пор, пока жертва не испускала дух. Надеть бы такой корсетик на бывшего жандарма Тодзио, чтоб на себе испытал собственное изобретение... В одной из камер тюрьмы Сугамо сидел генерал Тодзио. Он знал: корсет-сакун на него не наденут. А вот удастся ли избежать петли?.. В камерах Сугамо сидели такие фигуры, как знаменитый японский разведчик Доихара, Хиранума, Хата, Мацуи, Сигемицу, Того, Умэдзу, Судзуки, Араки, Хирота и другие главные военные преступники. Так сказать, цвет японского милитаризма. Я слыхала о них чуть ли не со школьной скамьи. Это они разрабатывали планы войны против СССР, развязывали военные инциденты у озера Хасан, на Халхин-Голе, засылали к нам пачками шпионов и диверсантов, заключали с Гитлером и Муссолини всевозможные пакты, направ-

ленные против нас. В то время как наша армия обливалась кровью на западных фронтах, они на Дальнем Востоке не давали нам передышки своими провокациями ни на минуту. В институте и позже я должна была усвоить их человеконенавистнические концепции, всю систему японизма, и вот я нахожусь в цитадели этого японизма, потерпевшего тотальное поражение...

Конференц-зал бывшего военного министерства, переоборудованный американцами для судебных заседаний, показался мне огромным. На высоком помосте величаво и строго громоздился длинный судейский стол, за которым стояло одиннадцать кресел. Над креслами висели флаги одиннадцати государств — участников Трибунала. Пульт был оборудован целым набором микрофонов. Имелся стол президиума защиты и стол обвинителей. Мне указали на стол судебных переводчиков, вклинившийся между свидетельской скамьей и столом обвинителей. Напротив судейского помоста, у другой стены зала, были расположены амфитеатром скамья подсудимых и скамьи защиты.

В Нюрнберге до сих пор велся процесс главных немецких военных преступников, велся он на русском, английском, французском и немецком; здесь, в Токио, решили ограничиться английским и японским.

Все подготовлено для важного международного события. Взоры людей всего мира сейчас конечно же прикованы к этой точке на холмах Итигая. От Международного трибунала ждут справедливого возмездия главным военным преступникам. День за днем будет твориться история, зримо выявляться позиции стран; развернутся самые настоящие бои между сторонниками мира и защитниками преступной агрессии. Еще не было ни одного открытого заседания Токийского трибунала, но расстановка сил уже нащупывалась. Становилось ясно одно: американцы хотели безраздельно господствовать на заседаниях Трибунала, не считаясь с Советским Союзом. Взять хотя бы такой факт: если Нюрнбергский трибунал был создан соглашением четырех держав-победительниц, то Трибунал в Токио учрежден единоличным приказом генерала Макартура, он же в нарушение всех правил назначил своего председательствующего, а главным обвинителем поставил отъявленного реакционера, человека, близкого Трумэну, крупного американского адвоката Джозефа Кинана.

Главных японских военных преступников будут защи-

шать около ста адвокатов: по три-четыре защитника на подсудимого! Такого еще не бывало в судебной практике. На том же Нюрнбергском процессе каждый подсудимый имеет только одного защитника из немцев, не принадлежащих к нацистам. Тут все будет наоборот: генерала Умэдзу станет защищать его бывший подчиненный генерал Икеда, заклятый враг Советского Союза, которому место на скамье подсудимых; генерал Тодзио выбрал себе в защитники доктора юридических наук некоего Киосе, который не так давно занимался разработкой планов захвата Советского Приморья и Забайкалья. Каждому подсудимому Макартур назначил также американского адвоката в офицерской форме.

На Токийском процессе будут господствовать правила англо-американского судопроизводства. В разработке устава Трибунала участвовали исключительно американские юристы, не признающие никакой паритетности. Советский Союз для них словно бы не существовал. Наших юристов не пригласили.

Находясь в судебном зале, я видела лишь сам театр действий. Действующие лица пока отсутствовали. Главным противником Советского Союза следовало считать генерала Дугласа Макартура, который без единого выстрела прибрал Японию к рукам. Потому что Япония, напуганная разгромом Квантунской армии, сама бросилась ему в объятия.

На каждом шагу я слышала об этом человеке, им были полны газеты, о нем говорили по радио, его показывали на экране, все устрашающие приказы были подписаны им. В Японии было два феномена, о которых беспрестанно звонили американские газетчики,— атомная бомба и генерал Макартур. Иногда мне казалось, что это одно и то же лицо. Мерзавцы газетчики из листка для американских войск «Старс энд страйс» не переставали восторгаться теми разрушениями, которые произвели две атомные бомбы в Хиросиме и Нагасаки. Прямо-таки пели осанну атомной бомбе. Изуверский акт, какого еще не знала история, они именовали «экспериментом», «возмездием», утверждали, что-де лишь атомная бомба «вышибла» Японию из войны. Газетчики словно бы лишились памяти: они вдруг забыли, что после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки японское правительство как ни в чем не бывало 10 августа 1945 года направило американскому правительству ноту, в которой отвергало требование

о безоговорочной капитуляции; а вот когда советские войска взяли Мукден, Чанчунь...

Чем они гордятся? — недоумевала я. Как можно с циничной откровенностью заявлять, что-де лишь благодаря массовому убийству женщин, детей, стариков были сохранены жизни многих американских солдат, которые, возможно, погибли бы при высадке в Японии американского десанта? Во всем этом проглядывала тупая, наглая сила, уверенная в полной своей безнаказанности. Говорили, что даже могильщики в Хиросиме и Нагасаки заболевают от радиации, испускаемой трупами погибших от атомной бомбы... Якобы пилот американского бомбардировщика Изерли через несколько минут после того, как была сброшена бомба на Хиросиму, в ужасе воскликнул:

— Боже, что мы натворили!

О Макартуре я уже знала кое-что: происходил он из родовитой шотландской семьи, близкой ко двору английских королей. Его отец был первым генерал-губернатором Филиппин, крупным плантатором. В 1904 году отец и сын участвовали в войне в Маньчжурии на стороне Японии. Позже Дуглас Макартур стал личным адъютантом президента США Теодора Рузвельта. Ему всегда везло: почти невероятное восхождение от лейтенанта до генерала армии США и фельдмаршала Филиппинской армии. Он любил носить фельдмаршальские знаки различия. Славился жестокостью и непреклонностью: в 1932 году приказал расстрелять мирную демонстрацию ветеранов первой мировой войны — безногих и безруких инвалидов. Дуглас Макартур считал агрессию генетическим инстинктом, сидящим в человеке, путь к успеху всегда идет через насилие, а XX век — «век насилия». В кругу таких же, как он, человеконенавистников Макартур любил угрюмо развивать свою «философию насилия». У него сильно проявлялась склонность к философствованию. Человеку изначально присуща склонность к агрессии — это не поддающаяся уничтожению черта человеческой природы. Войну следует понимать как попытку психологического сохранения государственного строя... Теперь он сделался человеком, близким президенту Трумэну.

Дуглас Макартур, судя по некоторым наблюдениям, хотел быть крупномасштабной исторической личностью и делал все, чтобы его облик был запечатлен для последующих поколений. Его тщеславие не знало границ. Откуда-то вот приходят такие человеки и, получив власть, начинают

утверждать себя, доказывая каждым поступком свою значительность. Собственно, никаких военных подвигов генерал Макартур не совершил, но старался представить себя чуть ли не Наполеоном Тихого океана. Истый американец, он знал цену рекламе и всячески рекламировал свою особу. Публика любит дешевые эффекты.

— Япония и Китай — это наша сфера действий! — заявил он открыто. И газетчики подхватили этот сомнительный афоризм.

Конечно же в нем жил артист. Его «артистизм» проявлялся не только в том, что он любил фотографироваться (подобная слабость была и у Гитлера); он проявлялся в умении, если можно так выразиться, срежиссировать любое событие, придать ему красочность, монументальность. Капитуляция Японии проходила помпезно — зрелище, полное исторической значимости.

Лет девяносто с лишним назад американский коммодор Перри привел свою эскадру «четырех кораблей» к берегам Японии. Коммодор вручил японским властям письмо американского президента, предъявлявшего Японии требование заключить с США торговый договор и открыть для американских судов некоторые японские порты. Нужно сказать, до этого Япония не пускала иностранцев в свои порты. Японцы было заартачились, но Перри пригрозил артиллерийским обстрелом. Неравноправный договор был подписан, а Перри сделался национальным героем.

Таким же национальным героем, как бы прямым наследником коммодора Перри, пожелал стать генерал Макартур. Он в спешном порядке вытребовал из музея флаг Перри. Флаг подняли на линкоре «Миссури», на борту которого должно было состояться подписание акта безоговорочной капитуляции, — все это символизировало вторичное завоевание американцами Японии.

Линкор вошел в Токийский залив и стал на рейде у Йокохамы. Здесь же выстроились десятки американских военных кораблей, над заливом со свистом проносились истребители.

Второго сентября сорок пятого года на борт «Миссури» в сопровождении американских полицейских поднялись японские представители. Группу возглавляли бывший министр иностранных дел Сигэмицу и бывший начальник генштаба генерал Умэдзу.

Макартур стоял на палубе, заложив руку за бортик

мундира, и с презрительной усмешкой наблюдал, как японцы подходят к столу, покрытому зеленым сукном, и застывают в почтительных позах.

В этой церемонии была продумана и такая деталь, как «минута позора», чтобы поверженный враг еще острее почувствовал свое унижение: хромой Сигэмицу и остальные японцы должны были некоторое время стоять у стола, пока представители союзных держав рассядутся.

Потом у генерала Умэдзу сломалась ручка и он не мог подписать акт о капитуляции; Сигэмицу протянул ему свою.

Когда Сигэмицу и Умэдзу поставили свои подписи под актом безоговорочной капитуляции, их по знаку Макартура выдворили с линкора. Говорят, Сигэмицу попросил Макартура отказаться от введения в Японии американской военной администрации: пусть Японией управляют сами японцы.

— Если эти японцы будут послушны мне,— сказал генерал.

И у власти остались все те же воротилы дзайбацу, военные преступники. Интересы других союзных держав в Японии Макартур просто игнорировал. Он признавал только личный контроль, словно бы Япония была его собственностью.

Дугласа Макартура я впервые увидела на одном из судебных заседаний, куда он пожаловал в сопровождении своей свиты. Ни с кем не поздоровавшись, генерал уселся в кресло, широко расставив ноги, и угрюмо застыл в такой позе. На нем был тщательно выглаженный мундир с аккуратными рядами широких орденских планок; воротничок белой накрахмаленной рубашки туго стягивал черный галстук. Взгляд у Макартура был тяжелый, злой. Сразу можно было догадаться, что этот человек с твердым угловатым лицом презирает всех и не желает ни с кем иметь дела. И невольно подумалось: на одном из наших западных фронтов этот генерал выглядел бы весьма скромно, ибо привык, чтобы победы подносили ему на блюдечке. Там с него быстро слетела бы спесь. А здесь он сидел как восточный владыка и не слушал, о чем говорят высокопоставленные представители союзных держав. У наших представителей, боевых генералов, он вызывал недоумение, на него смотрели как на не совсем здорового человека, возможно параноика. Рассказывали о

его мелочном, вздорном характере. Он мог в присутствии посторонних распекать своих подчиненных, от редакторов газет требовал, чтобы помещали его портреты и статьи о нем. Мстительный и злопамятный, он не прощал нанесенных обид, чуть ли не главным врагом Америки считал талантливого японского генерала Ямасита, который еще в 1942 году разгромил в пух и прах Макартура на Филиппинах, а потом захватил Сингапур. На словах генерал Макартур стоял за демократизацию Японии, а на деле бросал в тюрьмы коммунистов, закрывал прогрессивные издания, запрещал отмечать международные революционные праздники. Разумеется, за воинственным генералом стояли определенные круги и сам президент. Сейчас Макартур со своим штабом был занят разработкой новой японской конституции; союзников к этому делу не допускал.

Из разговоров, из общей атмосферы, которую создавали оккупанты в Токио — изнасилования, убийства, жестокое обращение с японцами, — создавалось определенное представление о человеке, которому Япония была отдана, по сути, в единоличное распоряжение. Нормы международной морали для него были весьма условны. Он всеми фибрами души ненавидел «красных» и ярился оттого, что приходится вступать с ними в отношения, отчитываться в своих поступках перед Союзным советом. На заседания Союзного совета он предпочитал не являться, даже не объясняя причин. Это был политический хулиган, если можно так выразиться, хулиган разнузданный, твердо уверенный в своей безнаказанности. Из всех его деяний проглядывала мелочная душонка, вздорный характер деспота.

Подготовка к Токийскому процессу началась с января 1946 года. Суду были преданы двадцать восемь бывших руководящих государственных деятелей Японии: тут были премьер-министры, военные деятели, дипломаты, хозяйственные и финансовые деятели, идеологи японского империализма. Первое открытое заседание Международного военного трибунала состоялось лишь 3 мая.

Публика располагалась на галерее. Военные полицейские следили за тем, чтобы японцы не подсаживались к американцам. В конце концов галерею разделили на две части: американскую и японскую. В партере была сле-

лапа выгородка для журналистов. Нам раздали текст обвинения и краткие биографические справки о подсудимых.

Все ждали появления обвиняемых, зал приглушенно гудел. Я сидела за столом почти рядом с монитором — главой всех переводчиков, в обязанность которому вменялось оперативно разрешать затруднения и споры, которые могли возникнуть в случае неточного перевода.

И вот рослые солдаты из подразделения охраны Трибунала в белых касках, с белыми ремнями, с белыми дубинками в руках ввели их в зал... Они привычно деловито расселись, так как недавняя жизнь многих из них состояла из разного рода заседаний в этом конференц-зале, где решались вопросы военной стратегии. Надели массивные наушники, предварительно отрегулировав их по своей голове.

— Который из них Тодзио? — спросила я у монитора.

Тодзио считался преступником номер один, а потому и вызывал повышенный интерес публики и журналистов. Он был такой и не такой, каким представлялся мне по документам и фотографиям в Маньчжурии: лысый, безбровый старичок с узким, острым подбородком и носом, напоминающим птичий клюв. Сидел, слегка прикрыв глаза от яркого света, внешне был спокоен, и только длинные гибкие пальцы, которые то выпрямлялись, то сжимались в кулак, выдавали его волнение. Должно быть, не легко после всех взлетов, какие отпустила ему на долю японская история, вот так вдруг очутиться на скамье военных преступников... Еще совсем недавно, полный лицемерия, которое тут носит название харагей, он произносил воинственные речи, театрально вскидывая руки, лающим голосом троекратно провозглашал:

— Императору десять тысяч лет жизни!

Сейчас он, по всей видимости, был погружен в воспоминания. Возможно даже, он готовил очередную речь. Вот он судорожно вскинул руки, потом, придя в себя, бессильно их опустил.

В жизни этого безобидного на вид старичка были блестящие страницы, какими не могут похвастаться даже японские императоры. Казалось бы, прошли времена всесильных диктаторов сёгунов, у которых императоры находились на побегушках, влачили жалкое, полунищенское существование. Но Тодзио следовало бы назвать таким всемогущим сёгуном, полновластным диктатором, перед

которым заискивал даже сам божественный микадо, опасаясь, что Тодзио может низложить его и провозгласить императором наследного принца. Во время войны Тодзио совмещал в своем лице посты премьера, военного министра и министра внутренних дел. Еще в ту пору, когда он был первым жандармом Квантунской армии, его стали называть Бритвой. Тодзио безжалостно «выбривал» своих врагов, расправлялся с ними. За какие-нибудь три года он превратился в могущественнейшего человека в государстве. Трех постов ему показалось мало: Тодзио сделал себя министром иностранных дел, министром образования и торговли, министром военного снабжения, начальником генерального штаба... Вероятно, в конце концов он вернул бы Японию к сёгунату, но все в мире крепко связано невидимой диалектикой: союзник Японии Гитлер терпел жестокие поражения от советских войск, пришлось похоронить планы на «использование благоприятной ситуации» на дальневосточных границах СССР. И хотя операции англо-американских войск на Тихом океане долгое время носили вялый характер, как только обозначилась окончательная победа Советского Союза над Германией, союзники оживились, начали наступательные операции. В сражении за Гуадалканал[1] японцы потерпели поражение. В самой Японии росло недовольство. На Тодзио свалили ответственность и за военные неудачи, и за продовольственный кризис, и за высокую смертность в стране. Борьба клик закончилась свержением правительства Тодзио летом 1944 года. На смену всесильному Тодзио пришел бесцветный Койсо, генерал-губернатор Кореи, которого называли «самой лысой головой Японии».

На скамье военных преступников они сидели рядом — Тодзио и Койсо, два бильярдных шара. В последнее время начальником генштаба и членом Высшего совета по руководству войной был Умэдзу, теперь он сидел возле Койсо, и я могла внимательно разглядеть высокопоставленного генерала, которому выпала позорная доля подписать вместе с дипломатом Сигэмицу акт о безоговорочной капитуляции. Умэдзу было шестьдесят три, он и выглядел на свои шестьдесят три. Сидел, высоко задрав голову, и чему-то улыбался, длинные руки покоились на коленях. Седые, коротко подстриженные волосы и прямой, «не японский», нос придавали всему его виду интеллигент-

[1] Гуадалканал — остров в группе Соломоновых островов.

ность. Можно было подумать, что перед вами некий муж науки. Глаза у него были подвижные, зоркие. Он командовал оккупационной армией в Китае, был заместителем военного министра, командующим Квантунской армией и вице-королем Маньчжурии. Это по его приказу готовились специальные боевые группы диверсантов для заброски на советскую территорию, это он разрабатывал план установления оккупационного режима в нашей стране и подстрекал японское правительство к немедленному нападению на СССР. Как это ни смешно, Умэдзу, судя по документам, мечтал стать ханом Сибири и советского Приморья. Он был самым близким другом и доверенным Тодзио.

Я пристально вглядывалась в каждого из подсудимых, выискивала глазами тех, с кем давно была знакома по документам: Араки, Итагаки, Хирота, Сигэмицу, Судзуки, Того, Осима... Долговязый Араки с орлиным носом, пышными черными усами и длинной шеей мало походил на японца. В нем было что-то от араба или грека. Крупный лоб с залысинами, волосы на голове густые, черные. И глаза большие, прямо поставленные, под четкими дугами бровей. В общем-то его вид вызывал невольную симпатию. Но мне было известно: Араки — непримиримый враг СССР, карьеру свою начал главой японской военной миссии при Колчаке; еще в 1933 году призывал «военным путем овладеть территориями Приморья, Забайкалья и Сибири», а в 1941 году требовал ускорить нападение Японии на нашу страну. Реакционные газеты называли его «мозгом нации и армии». Он находился во главе многих террористических военно-фашистских организаций. Вокруг него группировались наиболее авантюристические элементы, мечтавшие о военно-фашистской диктатуре в Японии. Одно время Араки занимал пост военного министра...

В первом же ряду на скамье подсудимых сидел широкоплечий, грузный мужчина с откровенно раскосыми, четко разрезанными глазами под пучками бровей. Его можно было бы принять за японского борца сумо. У рта застыла ироническая складочка, придававшая тяжелому лицу с мясистым носом надменное выражение. Этот привык играть со смертью в карты и всегда выигрывал. Его называли «японским Лоуренсом». Сменялись правительства, подавали в отставку премьеры и министры, а глава японской разведки Доихара оставался. Каждый кабинет награждал его высшими орденами — «Тигра», «Золотого

коршуна», «Священного сокровища всех пяти степеней», «Двойных лучей восходящего солнца». Дослужился до полного генерала. За ним тянулся кровавый след. Он был причастен ко всем преступлениям японского империализма. Мне Доихара всегда казался фигурой вымышленной, легендарной, а теперь он сидел прямо передо мной со всей своей носорожьей тяжеловесностью, с короткими мясистыми руками, с огромными оттопыренными ушами и злобными раскосыми глазами — самурай плаща и кинжала. Самый хитрый и изворотливый человек страны Ямато, одаренный лингвист, свободно владеющий русским и другими европейскими языками. Какие мысли клубились сейчас за его широким лбом? Возможно, он считал, что на этот раз попался глупо, но сохранял полную уверенность в своей юридической неуязвимости. Ведь он никогда не оставлял документов. Он специализировался по шпионажу и подрывной деятельности против Советского Союза и Китая, но где прямые доказательства?..

То ли явь, то ли сон... У них у всех имелась возможность скрыться, так как джентльмен Макартур долго держал военных преступников на свободе, под условным «домашним» арестом. Их даже допрашивали на дому. При допросах Хиранумы всегда присутствовала его жена, с которой главный военный преступник советовался, как отвечать. Протоколы допроса Хиранума не подписывал, следовательно, мог их оспаривать.

Почему они не разбежались? Наверное, не сомневались в том, что американцы возьмут их под защиту. На вопрос председателя Трибунала, признают ли они себя виновными, каждый категорично ответил: «Нет. Не признаю». Они знали, что делали, на что шли. Разве изменились законы империализма? Разве в других капиталистических странах не превращают милитаристскую идеологию в государственную категорию? И разве можно в современных условиях решить свои захватнические планы без установления террористической фашистской диктатуры?

Наши представители в период предварительного расследования пытались получить разрешение Трибунала допросить хотя бы по одному разу всех обвиняемых, но Трибунал разрешения не дал. Остались, таким образом, вовсе не допрошенными Умэдзу и Сигэмицу, главные зачинщики агрессии против Советского Союза.

И все-таки судебное разбирательство началось. Сколь-

ко оно будет продолжаться, не знал никто. Во всяком случае, комендант суда, или, как тут его называли, маршал, огласил обвинительный акт. На это потребовалось два дня. Еще через два дня был произведен опрос подсудимых — признают ли они себя виновными? Как я уже отметила, все подсудимые заявили, что виновными себя не признают.

Теперь подсудимым полагалось дать время для подготовки к защите. Вот тут-то и засело. По регламенту им должны были дать четырнадцать дней, а вместо этого предоставили целый месяц. Готовьтесь обстоятельней!

Если тебе не придется больше участвовать ни на одном из последующих заседаний, говорила себе я, то все равно этот исторический момент навсегда вписан в твою биографию!

Да, я испытывала вполне понятный восторг. Чувство причастности...

Откуда было знать, что я в самом начале пути? Это будет самый продолжительный за всю историю суд: он затянется на целых два с половиной года! И мне придется присутствовать почти на всех заседаниях.

Штаб Макартура разрешил советским представителям двухнедельную поездку по югу Японии, хотя никто из нас не просил о такой милости. Время было, и все мы согласились на поездку. Я ехала как переводчица при наших юридических представителях.

Юг Японии... Три основных острова — Хонсю, Сикоку, Кюсю...

— Мы побываем в Хиросиме и Нагасаки, — пообещал лейтенант Маккелрой. — Советские представители должны видеть это... Не воображайте только, мисс Вера, будто мне поручено наблюдать за вами. Нет и нет. Просто я еду к месту новой службы, и нам по пути.

— А где место вашей новой службы? — поинтересовалась я.

— Нагасаки! Там специально организована гостиница для русских корреспондентов и представителей. Меня поставили заведовать ею. Я вызвался сопровождать вас до Нагасаки. Там распрощаемся.

— Понятно. Со временем вас поставят во главе русского отдела вашего разведывательного управления. Начинаю думать: не совершили ли советские солдаты ошибку, освободив вас из японского плена?

Он улыбнулся:

— У вас хорошо развито чувство юмора. Каждый делает свою работу. Я всерьез занялся русским языком, и, надеюсь, вы мне поможете.

— Не надейтесь!

— Тише едешь — дальше будешь, — неожиданно сказал он по-русски, правда, с большим акцентом.

— От того места, куда едешь, — отпарировала я.

Предстоящая поездка, если говорить откровенно, страшила. Увидеть своими глазами сожженные города... Зачем американцы хотят повезти туда советских представителей?

Вагон наш находился в хвосте состава. Это был комфортабельный вагон с американским часовым в тамбуре, японцам ехать вместе с советскими запрещалось. Когда на остановках выходили на перрон, полицейские поспешно отгоняли от нас публику. Здесь, в японской глубинке, как и в Токио, мужчины и женщины носили «национальную форму» — синие комбинезоны, френчи и брюки; может быть, просто потому, что другой одежды не имелось.

— Мы гарантируем вам удобства и безопасность, — пояснил Маккелрой нашим представителям. — Нужно всегда помнить: мы — в оккупированной стране, где союзников ненавидят. Япония — страна фанатиков, смертников. Они оккупировали территории с населением почти полмиллиарда человек, силой оружия навязывали покоренным свою волю, а теперь вдруг потеряли все... Бирма, Таиланд, Индонезия, Гонконг, Сингапур, Новая Гвинея, Филиппины, Корея, Маньчжурия, Сахалин, Курилы, Алеутские острова, Тайвань... Даже божественность своего микадо потеряли. Они свирепы и беспощадны... Я-то успел их изучить. Японец как злой ребенок — у него отсутствует чувство ответственности.

В его словах имелась определенная логика, но в сложившейся ситуации приходилось больше опасаться коварства американцев, чем японцев, которые сейчас были в основном заняты своей бедой и борьбой с предпринимателями. Кое-где рабочие захватили заводы и фабрики и установили на них свой контроль. Все проходило под красными знаменами, с участием коммунистов. Недавно впервые открыто состоялся съезд компартии, и коммунисты потребовали упразднить помещичье землевладение. Но коммунистов осталось мало — во время войны их бес-

пощадно истребляли в тюрьмах. Вряд ли они возьмут верх.

Больные вопросы политики... они как-то отгораживали меня от экзотических красот Японии. А ведь я совершала фантастическую поездку, о какой совсем недавно даже не смела мечтать. Нагоя, Киото, Осака, Кобе, Хиросима, Фукуока, Нагасаки... сверкающий маршрут, расцвеченный экзотикой.

Но в эти роковые для Японии минуты я хотела увидеть не красоты дворцов и пагод, а изнанку жизни таинственного островного народа, когда его душа, скрытая доселе обрядами и этикетом, выступает сейчас в горестном обнажении. Страдающие, обманутые люди, миллионы людей... На «священного журавля» никто не покушался, многие продолжали ему верить до последнего, считая непогрешимым, главой нации. Даже в день, когда началась оккупация, воинственные генералы продолжали не верить в поражение и подстрекали народ на сопротивление. Тогда-то на улицах Токио и других городов появились огромные желтые плакаты с крупными черными иероглифами: «Никогда еще великая Япония не терпела поражения. Нынешние трудности — только ступенька к будущему. Сплотившись вокруг императорского трона, продолжим борьбу»; «Мы проиграли, но это только временно. Ошибку исправим».

А потом все оказалось блефом: нет великой божественной расы Ямато, призванной править миром, — это миф, заявил император. Все миф. Матерым политиканам и воинственным генералам пришлось, не дожидаясь позорной расплаты, принять яд или делать в срочном порядке театрально-ритуальное сэппуку, харакири. Находились горячие головы, которые предлагали всем офицерам и генералам вспороть себе животы. Говорят, военный министр Анами, прежде чем проткнуть себе кинжалом брюхо, отправил императору послание, сочиненное в стихотворной форме Вака: тридцать один слог — ни меньше ни больше!

На каждой станции я видела нищету и разорение, обгорелые постройки, ватажки голодных ребятишек; дети смотрели на нас молчаливо и ничего не просили. В их головенки просто не укладывалось: а что же все-таки случилось, почему нет еды, откуда взялись высокие рыжие люди в незнакомых мундирах? Японию никогда и

...не оккупировал. Здесь со школьной скамьи вбивали в мозги мысль о непобедимости народа Ямато.

Теперь Япония в самом деле потеряла все свои колониальные владения. Власть японского правительства фиктивна: она контролируется штабом Макартура. Новой конституции пока нет. По всей видимости, дело идет к замене абсолютной монархии парламентарной. Только-то и всего. Ну, а император станет «символом государства и единства японского народа».

Я смотрела в окно вагона, и меня преследовало видение горы Фудзи, вершина которой то исчезала за громадами прибрежных гранитных утесов, то вновь возникала, занимая полнеба. Она напоминала седого великана, раскинувшего руки.

...Улица Сакае-мати, деловой центр Нагои, короткие и длинные каналы, морской порт. Я задыхалась от влажности, словно очутилась в парной бане. И здесь пожары оставили свои черные следы. Безработные заполняли все улицы и площади, среди них почему-то больше всего было женщин — все как одна в синих комбинезонах. Красивые смуглые девушки с овальными прическами и безобразные, сморщенные старухи. Жизнь словно бы остановилась в хмуром городе, где не было ни одного парка, ни одного сквера.

В северо-западной части города возвышался белый, почти нереальный средневековый замок династии Токугава, о котором я знала из книг, пагода с золотыми дельфинами. Шедевр японской архитектуры пятнадцатого века. Он, подобно бронзовому Дайбуцу из Камакуры, жил в моих мечтах как нечто недосягаемое. И вот я стояла у его высоченных вогнутых стен, крылатые этажи взлетали один над другим на высоту сорока пяти метров.

Отсюда, собственно, и началось объединение Японии, создание единого централизованного государства. Некто Ода Нобунага построил город Нагоя, подчинил своей власти половину Японии. При нем выдвинулся полководец Хидэёси, выходец из крестьян. Когда Нобунага был убит, Хидэёси захватил власть и завершил объединение Японии. Его называют «японским Наполеоном».

Наверное, в другое время я замерла бы от восторга, пощупала бы базальтовые глыбы, которыми облицованы стены, но сейчас смотрела на архитектурный феномен

феодальных времен равнодушно и торопилась уйти. Пришлось ходить по всем этажам замка, осматривать картины японских и китайских художников, подняться на седьмой этаж, чтобы увидеть руины города.

— Завтра поедем в Удзи-Ямада, в эту «японскую Мекку», с двумя великими храмами Исэ-Дайдзингу. Вы увидите громадные парки, побываете в наиболее почитаемом синтоистском святом месте! — говорил лейтенант Маккелрой, обращаясь к нашим представителям.

— А нельзя ли сразу в Хиросиму? — спросила я: не было сил любоваться красотами священных парков.

— Нельзя. Ваш маршрут утвержден штабом. Вы должны убедиться в том, что центры древней культуры Японии не пострадали от американских бомб.

— Мы не собираемся [illegible] по этому вопросу, — сказал один из журналистов.

— Программа есть программа, — строго ответил лейтенант.

Все эти древние храмы и замки, гигантские статуи, музеи, священные рощи с золотыми и серебряными павильонами сейчас показались мне почти неодолимой преградой на пути в Хиросиму. Раньше я жила представлениями об оригинальной японской культуре. Замок Химэдзи в Хего рисовался волшебным замком, где обитают души средневековых самураев. А теперь интерес ко всему экзотическому внезапно умер: ведь это была всего лишь красивая ширма, за которой прятались обугленные города. Нельзя любоваться фарфоровой вазой Номуры Нинсэя, если на тебя смотрят голодные, безгрешные глаза детей... Потом, когда время залижет раны, может быть, я вернусь к красотам пятиярусных пагод и старинных танцев эры Гэнроку...

А впереди были еще Киото с его императорским дворцом, храмом Киемидзу на решетчатых сваях, храмовыми ансамблями; были порт Кобе, Осака — крупный промышленный центр Японии, «японская Венеция», «японский Манчестер»; лейтенант Маккелрой обещал свозить нас в город-музей Нару, где находится величайшая в мире статуя Будды; там же — изумительный по своей красоте и древнейший в мире деревянный храм Хорюдзи. Храмы Нары славятся своими деревянными статуями, равных которым нет нигде. Я увижу знаменитые изваяния плакальщиков из Хорюдзи, деревянного Будду Мироку, стража Хасара с пламенеющими волосами — я увижу все

о чем знала по книгам. Конечно же было время, когда знала и видела пятиярусную пагоду золотого храма Хорюдзи, образец совершенства, мерило красоты...

Ты стоишь на пороге своей давнишней мечты! — говорила я себе. Поездка может оказаться неповторимой... Спеши все увидеть. Спеши! И я увидела все это. Мерно покачивали верхушками многовековые темно-зеленые криптомерии. Я ходила по улицам старинных бамбуковых городов, наполненных горячей влажностью.

Путь до Хиросимы казался бесконечным. В каждом городе и в каждом городке нас ждала «гостиница для русских». И наряды полицейских в белых касках и гетрах. Мы рвались на заводы, на верфи, в железнодорожные депо, хотели встретиться с простым людом, расспросить о нуждах, а лейтенант Маккелрой и его помощники везли нас в чайный дом созерцать декоративную чайную церемонию, где бледные, хрупкие девочки-подростки в кимоно подносили в чашах зеленую пенистую массу, застревающую в горле, исполняли унылые, неторопливые танцы.

Боже мой! Сколько написано про чайную церемонию... Это не просто чаепитие. Собственно, никакого чаепития нет. Есть ритуальное священнодействие, когда считается, что человек должен во время церемонии погрузиться в глубочайшее самосозерцание. В этом деле были свои великие мастера чайной церемонии — Мура, Сюко или же Сэн-но Рикю. В те времена в чайный павильон нужно было пролезать в узкое отверстие. Мы вошли в широко раскрытые двери, которые отворила не гостеприимная хозяйка дома, а американский сержант. То была полная профанация чайной церемонии. Сержант указал нам на соломенные туфли — дзори, — мол, снимите сапоги! В чайном домике не задержались долго: лейтенант Маккелрой потребовал от хозяев водки (да, да, самой настоящей русской водки!) и национальное блюдо скияки — мясо, жаренное в сое с сахаром и приправами. Мы выпили немного, закусили ломтиками сырой рыбы, съели скияки и отправились в кукольный театр Бунраку.

Мы в Киото.

— Киото — город гейш! — восклицает лейтенант Маккелрой. — Здесь самые знаменитые гейши. Здесь самые дорогие шелка, лучшие в мире фарфоровые и лакирован-

ные изделия. Командование приготовило вам подарки. Мы побываем в художественных школах. Киото — старая японская столица. Мы осмотрим живописные окрестности, посетим живописное озеро Бива. Нельзя не побывать в императорском дворце и тем более — в знаменитом «Золотом павильоне» — он находится у подножия вон той высокой горы. Поедем в Хигасияму в парк Мураяма...

Нас мотают и мотают по всем этим Накакио, Симокио, Камикио, Сакио. Хиросима где-то здесь, совсем рядом, но дорога к ней извилиста. Киото, Оцу, Удзи, Нара, Осака, Кобе и еще какие-то места. Парки, замки, озера, реки, названия которых просто не упомнить. Над живописным озером Бива, окруженном горами, клубился туман. Было неприветливо и скучно. Зачем я здесь?..

И снова я ходила среди руин и пепла — гигантский город Осака был наполовину разрушен; не сохранилось ни одного моста, сиротливо торчали одинокие заводские трубы. Люди рылись в кучах мусора.

Но и здесь имелся свой пятиэтажный замок, построенный якобы самим Хидэёси. Сторож объяснил нам, что еще до войны все деревянные конструкции замка были заменены стальными и железобетонными.

— При бомбежке американцами устоял! — сказал сторож с гордостью. — Все сгорело, а он устоял.

На замок смотрела равнодушно — устоял, и ладно.

— Скоро ли прибудем в Хиросиму? — перевела я вопрос одного из наших представителей.

— Скоро, немного терпения, господа, — ответил Макелрой. — Разве вы не хотите побывать в оленьем парке Нары? Нара — первая постоянная столица Японии. Не побывать в первой столице?.. Знаменитый олений парк...

И мы утонули в оленьем парке с его многочисленными храмами, затерянными среди высоких кедров. Макелрой как заправский гид вытанцовывал нечто шаманское в храме Тодайдзи возле самой большой в мире бронзовой статуи верховного Будды, весящей якобы свыше пятисот тонн. Отлита она в семьсот сорок девятом году.

— А где же священные олени? — спрашивает кто-то.

— Их или прячут, или съели бонзы, — невозмутимо отвечает лейтенант.

Из всей нашей «закрученной» поездки мне, пожалуй, больше всего врезался в память, казалось бы, незначительный эпизод: венчание молодых японцев в синтоист-

ском храме среди развалин Осаки. Сквозь дым от курящихся сандаловых палочек я видела юные серьезные лица молодоженов. Мальчик и девочка. Они были в своих кимоно. Их окружала молодежь. Стариков не было. Может быть, их родители погибли во время бомбежек? Я даже не вникала в сущность обряда, а смотрела на лица новобрачных. Их обмахивали зеленой ветвью, они делали каждый по девять глотков подогретого сакэ, согласно ритуалу, но все это словно бы шло мимо них. Они смотрели друг на друга доверчиво, влюбленно. Я-то знала: в Японии невесту выбирают родители. Жениха — тоже. А тут было что-то другое. Да, родители отсутствовали. И обрядность особого значения не имела. И вообще в Японии раньше брачный обряд не имел отношения к религии, соединяла новобрачных сваха прямо на дому. Что же привело этих молодых людей в храм? Может быть, приверженность к религии? Я спросила об этом у одного молодого японца, по всей видимости свата.

— Их дома разрушены, родители погибли, — сказал он. — Вот мы и решили собраться здесь. Каннуси отказался брать деньги, поверил в долг. Да и откуда могут быть у Ханако и Киоси деньги, если мы все ищем и не можем найти работу?

Каннуси — жрец в белом кимоно, в черной шапочке и в громоздких черных башмаках — делал свое дело старательно: читал молитву громко, словно бы пел. Я не могла понять ни слова, пока не догадалась: молитва на древнеяпонском, которого не понимает никто, даже сам каннуси.

Потом танцовщица — мико — исполняла тут же, в храме, у алтаря священный танец кагура. Нас жрец слегка осыпал солью, по-видимому желая очистить от мирской скверны.

Молодые люди явно не торопились уходить из храма. Потом вышли в садик, примыкающий к храму, и уселись на траву.

Они удивились, даже изумились, когда узнали, что я из Советского Союза. С русскими они встречаются впервые, хотя слышали о Москве. В Москве живут казаки. В войну 1904 года японцы разбили в Маньчжурии русских. А теперь, говорят, русские разбили японцев в Маньчжурии. Одним словом, квиты. Русская авиация никогда не делала налетов на японские города. У японцев нет чувства вражды к русским.

— Мы потеряли родных, близких, потеряли жилища, работу. Мы все работали на тепловых электростанциях в Амагасаки — это рабочий район. Нам крепко досталось. Наш пригород бомбили беспрестанно в течение года. Но никто не защитил нас. Куда девалась наша авиация? Почему наши летчики не дрались с ними? Мы до сих пор не знаем, почему все так случилось, — рассказывали они.

Я не знала, чем одарить молодых. В Маньчжурии было принято дарить часы, меняться часами. Часы считались чуть ли не предметом роскоши. Сняла свои миниатюрные часики, которые служили мне еще в Чите, и протянула невесте. Ханако застеснялась: она никогда не носила часов. Во время войны все жили очень бедно.

— Возьми на память о встрече с русскими, — сказала я.

Ханако стала кланяться, взяла часы и надела их на руку.

— Мы с Киеси не можем сейчас пригласить вас в гости, — сказала она тихо. — Но скоро все образуется, так как война кончилась. Через мико и каннуси этого храма нас всегда можно найти. Приезжайте!

Молодые люди все время улыбались, улыбалась и я. Наш разговор лейтенант Маккелрой, по всей видимости, принимал за светскую беседу: он стоял отвернувшись и нетерпеливо ждал, когда же я распрощаюсь с молодоженами.

— Как видите, счастье и несчастье свиты в одну веревочку, — произнес Маккелрой глубокомысленно, когда мы оставили молодоженов.

Мы еще куда-то ездили и что-то осматривали. Мне казалось, что Хиросима находится сразу же за Кобе, как это было обозначено на карте, но мы проезжали города Химедзи, Окаяма, Курасаки, Фукуяма, Ономити — и несть им числа. Мы ехали, ехали — и все еще находились в индустриальном районе Консай. А стремились мы, оказывается, в район Тюгоку.

— Хиросима находится в одноименной провинции, на так называемой «Солнечной» стороне Тюгоку, — пояснил Маккелрой. — Понимаю: вы рветесь в Хиросиму. Но вам придется набраться терпения, поезд приходит в Хиросиму поздно вечером. Что делать в Хиросиме ночью? Не лучше ли продолжить путь? К утру будем в Нагасаки. Хиросиму можно осмотреть на обратном пути. Так сказать, экономия времени. Тише едешь — дальше будешь...

И поезд, остановившись в Хиросиме всего на несколько минут, ринулся, словно испуганный, в кромешную тьму беззвездной ночи. Напрасно я вглядывалась в черное окно: там, за окном, не было ни одного огонька, будто весь мир ослеп.

Хиросима осталась позади. Да и была ли она?..

Я настойчиво продолжала всматриваться в тяжелый сумрак, насыщенный испарениями. Ну, а если все подстроено коварными американскими «джиту» и мы вообще не попадем в Хиросиму на обратном пути? И доедем ли мы вообще до Нагасаки? Возможно, нам не хотят показывать ни Хиросиму, ни Нагасаки? Нам могут предложить вернуться в Токио по другой дороге, вдоль западного побережья. Хиросима останется в стороне...

И хотя лейтенант заверил, что к утру будем в Нагасаки, я продолжала сомневаться. Нагасаки... Некогда для меня название этого японского поселения звучало музыкой из «Чио-Чио-Сан», пронизанной острой печалью. Именно там, в Нагасаки, мадам Баттерфляй испытала муки любви и разлуки. Вместе с Пьером Лоти и госпожой Кризантем я в суровые, трескучие сибирские ночи шаг за шагом по узкой отвесной тропинке гор Нагасаки поднималась куда-то туда, в темно-зеленую благоухающую вышину, к бумажному домику с маленькими ширмочками, причудливыми табуретами и алтарем, на котором восседает позолоченный Будда. Или я взбиралась по гигантской гранитной лестнице великого храма Озиева, прикрываясь бумажным зонтиком с розовыми бабочками по черному полю, входила в тенистый сад, где находится Донко-Тча — «Чайный домик Жаб». Эти жабы прыгали по мягким мхам, среди очаровательных искусственных островков, украшенных цветущими гардениями. Глубоко внизу я различала рейд — косую полосу в страшном темном разрезе среди громад зеленых гор... Тенистый коридор между двумя рядами очень высоких вершин, гигантская воронка из зелени, — трудно было отделаться от такого красочного представления о Нагасаки, городе, повисшем на краю острова Кюсю; и звон огромного монастырского колокола Ниппон Канэ продолжал звучать в моих ушах. Ночью мы перескочили с острова Хонсю на остров Кюсю.

...Мы стояли возле огромного монумента, изображающего хвостовое оперение бомбы; на этом странном памятнике была надпись на английском: «Нагасаки. Это точка, где [illegible] на Японию американская атомная бом-

бы. Взрыв произошел на высоте 1500 футов 9-го августа 1945 г. Сразу же было убито 22 тысячи человек».

— Им еще повезло, — сказал лейтенант Маккелрой, — то, что находилось в складках горы, уцелело.

— А кто их считал, жертвы? — спросил майор юстиции.

Маккелрой задумался. Затем сказал:

— Эту надпись сделали наспех, ее нужно убрать и сделать другую: «Толстячок» убил не менее ста тысяч японцев!» Посудите сами: 9 августа, когда произошел взрыв, в Нагасаки насчитывалось двести семьдесят пять тысяч жителей, а после [illegible] августа их осталось сто пятьдесят шесть тысяч!

То была арифметика людоеда. Страшные цифры Маккелрой назвал совершенно спокойно, даже с нотками некоторого восхищения в голосе.

— Мы уберем глупый [illegible] и поставим новый, не так раздражающий [illegible] прямолинейностью, — откровенно разглагольство[illegible]. — Скажем, огромная мраморная плита с правдивым [illegible] событий. Чтобы япошки запомнили на века. Это был их судный день, или, как они говорят, гекосай.

Увы, в Мукдене лейтенант Маккелрой возмущался варварством американцев, сбросивших атомные бомбы на Японию. Сейчас он все позабыл. Никто не стал возвращать его к прошлому. «Толстячком» он любовно называл атомную бомбу. Ах этот «Толстячок»! Майор Суини должен был сбросить бомбу на Кокуру, но над Кокурой висело облако. Пришлось выбрать Нагасаки. Знаменательно: на борту «летающей крепости» находилось в то утро тринадцать человек! Тринадцать. Апокалипсис... Теперь рядом с этим местом строят модный ресторан. От туристов не будет отбоя.

Судя по всему, Маккелроя успели поднатаскать. Специально для встреч с советскими представителями и корреспондентами — ведь они будут приезжать и приезжать. Он знал, например, что изготовление атомной бомбы обошлось в два миллиарда долларов.

— «Толстячок» стоит того!

Место, где проводились испытания, называется символично — «шествие смерти». Те, кто проводил испытания, даже цитировали древнеиндийский эпос: «Я становлюсь смертью, сокрушительницей миров».

— Сравните: в Токио при одном из налетов сотен на-

ших самолетов с обычными зажигательными бомбами от пожаров погибло восемьдесят четыре тысячи японцев. А тут один «Толстячок» натворил такое!

— А вы слышали о том, что Советское правительство предложило заключить международное соглашение о запрещении производства и применения атомного оружия? — спросил кто-то из нас.

Маккелрой пожал плечами:

— У русских нет атомной бомбы, так что соглашение не будет иметь смысла.

— А сколько в то утро девятого августа прошлого года в Нагасаки было женщин и детей? — все же, не утерпев, спросила я. — Как самочувствие вашей дочурки, лейтенант Маккелрой? Она в Штатах или здесь?

Маккелрой покраснел. Потом воскликнул:

— Господа! Ленч, ленч... Пора в гостиницу.

Но никто не откликнулся на его призыв. Все молча наблюдали, как неподалеку от рокового места, где сейчас торчал хвост бутафорской атомной бомбы, японские рабочие сооружали ресторан. Щемящая боль переполняла мое сердце. Я готова была заплакать. Атомная бомба по прихоти случая взорвалась над католическим собором Ураками. Собор обуглился, рухнул. Среди черных руин стоял обезглавленный каменный Христос с прижатыми к груди руками — ударной волной ему снесло голову, и она валялась тут же, скорбная, слепая. Я вспомнила: Нагасаки — родина японского христианства.

— Этому парню не повезло! — сказал лейтенант, указывая на Христа.

Где-то здесь находился домик мадам Баттерфляй, или Чио-Чио-Сан, той самой нежной японочки, которую грубо обманул американский военный моряк. Сюда приходили туристы, убежденные в реальности вымысла. Теперь здесь высились груды пепла и оплавившихся камней, валялись вырванные с корнем деревья. Всего лишь каких-нибудь десять месяцев тому назад улицы разрушенного города были забиты обгорелыми трупами. А те, кто остались живыми, корчились в страшных судорогах или, обезумев от боли и ужаса, с обугленными руками, выжженными глазами, бродили среди дымящихся развалин. И никто не мог облегчить им страдания.

На дне залива лежали триста кораблей, затонувших при атомном взрыве. Их можно было бы разглядеть отсюда, сверху...

Программа, составленная в штабе Макартура, продолжала действовать исправно: в Нагасаки советские представители простились с лейтенантом Маккелроем и двинулись обратно в Хиросиму. Теперь нашу группу сопровождал некто мистер Бредли, личность занудливая и бесцветная. Да никому и не было никакого дела до него. Никто не обращал больше внимания на «джиту», посещали те места, какие находили нужным, вели длинные разговоры с японцами. Когда «джиту» протестовали, мы грозились пожаловаться в Дальневосточную комиссию и Союзный совет.

Первая атомная бомба была сброшена именно на Хиросиму. Шестого августа. В восемь часов пятнадцать минут утра.

Город лежал в плоской речной дельте, напоминающей тарелку или блюдце. Тут не было горных складок, и мало кто уцелел. От вокзала осталась небольшая стена, она сиротливо поднималась над грудами обгорелых, искореженных паровозов и вагонов. Здесь все еще остро пахло горелым железом.

Дальше, за этой одинокой стеной, тянулись обугленные пламенем развалины домов, напоминающие издали кладбищенские памятники. Под ногами похрустывал щебень.

Мистер Бредли деловито пояснил: из трехсот пятнадцати тысяч жителей уцелело очень мало. Во всяком случае, погибло наверняка тысяч двести, а то и больше. Домов не осталось.

Мы осторожно шагали по каменному хрящу и пеплу. Было страшно сознавать, что это человеческий пепел, как в крематории. Мы опустились на самое дно «блюдца» и увидели гигантскую площадь, ровную, как стол: здесь прошлась взрывная волна невиданной силы. Температура, достигавшая нескольких тысяч градусов, расплавила камни, обесцветила их.

У реки Оти высился остов здания с куполом. Тут была Торговая палата. Именно в этом месте горящие люди бросались в реку. Оти оказалась сплошь заваленной трупами. Более двухсот сорока тысяч погибших! За всю многолетнюю войну на Тихом океане американцы не потеряли столько.

Разум отказывался верить в хиросимскую трагедию. Зачем? В последние дни войны?.. И если бы даже не в последние, а вообще? Американцы нарушили междуна-

родное право, и японцы могли бы привлечь их к суду... Могли бы... ха!

Я подняла бесцветный камень, положила страшный сувенир в полевую сумку. Господа японцы, приходите через двадцать лет: я отдам вам камень вашей Хиросимы! Может быть, к тому времени вы позабудете обо всем и бесцветный камень воскресит в вашей памяти эти жестокие дни. Может быть, ваши бизнесмены соорудят на берегу Ота шикарные рестораны, с веранд которых удобно будет любоваться на сохраненные для туристов развалины? «Уютный ресторан с прекрасным воздухом, тонкими блюдами и красивым видом на атомные развалины». Цинизм торгашей беспределен. И вы, оглушенные Макартуром и его «джиту», всей системой американской пропаганды, будете тупо слушать гида о том, в каких муках гибли дети, старики и женщины и как полезны были атомные бомбардировки для японского народа. Скажем, туристские проспекты и путеводители, рекламирующие Хиросиму как город устриц и... атомной бомбы! Или магазины и магазинчики с вывесками: «Сувениры атомной бомбы». Да, да, а вдруг Хиросима превратится в туристскую достопримечательность? Я, конечно, не могу поверить в такое, но все же сохраню этот обесцвеченный камень.

Я слышала кое-что о лучевой болезни. Японцы называли ее «итай-итай» — детское слово — «больно-больно». Откуда мне было знать, что каждая железная балка таит в себе повышенную дозу радиации, опасную для окружающих?!

Мистер Бредли добросовестно знакомил нас со всеми «достопримечательностями»: вот тут, у дверей банка Сумитомо, на ступеньке сидел вкладчик. От него после взрыва осталась черная тень. Сам человек испарился. Приходите разговаривать с тенью. Кто он был, человек, присевший на ступеньки? Наверное, ждал открытия банка. Ждал с нетерпением. Не успел даже подняться. Атомный «Малыш», как любовно американцы называют бомбу, «сфотографировал» его. У входа в кафедральный собор остались тени двух нищих. Наверное, они стояли с протянутыми руками.

Говорят, летчик, полковник Пол Тибэтс, сбросивший бомбу, назвал свою «летающую крепость» в честь матери «Энола Гей». «Малыш» до сих пор совершал «тайре-одори», что значит «пляску большой добычи»: каждый день в

Хиросиме умирали люди от лучевой болезни, и, когда это кончится, не знал никто.

Чудом уцелевшие японцы говорили нам, что большая часть погибших — дети до десяти лет. Они рвали на себе обуглившуюся кожу и погибали в мучениях.

Это была не война против японцев — это было преступление против человечества. Мы собираемся судить японских военных преступников, но почему американские остаются на свободе?

Высоколобые ученые, наделенные холодной логикой, произвели на свет оружие, перед которым померкли все вымыслы фантастов. Тепловые лучи марсиан Уэллса кажутся жалкой игрушкой в сравнении со смертоносным атомным грибом, уничтожающим саму основу жизни на земле.

Ночью я корчилась на неудобном вагонном ложе, затянутом черным бархатом. До утра терзали кошмары. Видела высоченные обугленные здания, которые черно смотрели пустыми глазницами окон, бежала по обесцвеченному щебню в багровую даль, откуда слабо доносились детские крики:

— Итай-итай!.. Больно...

Наверное, пылала вся вселенная, хрупкий, ничем не защищенный мир. Белые клубящиеся космические грибы поднимались на горизонте. По сторонам рушились дома, их железные конструкции скручивались в конвульсивные узлы. Бегущие человеческие фигурки у меня на глазах превращались в облачко дыма, в кучи белесого пепла. Вся земля превратилась в высушенную пустыню с грудами развалин. Это были не камни, а белые кости камней.

Я срывала с собственного лица дымящуюся кожу и кричала, кричала на весь вагон...

О пепел смерти,
Медленно разрушающий кости!..

В Токио вернулась больная, разбитая. Вид американцев в мундирах вызывал озноб и чувство отвращения. Почему нам сперва показали Нагасаки, а потом Хиросиму, может быть, американцы сознательно действовали, так сказать, по методу наращивания психологического воздействия?..

В прошлом году в Чанчуне попался один документ, которому я тогда как-то не придала значения. Это было за-

сaлeние Чан Кайши: американские бомбы служат предупреждением не только Советскому Союзу, но и коммунистам Китая...

ЭПИЛОГ С ПРОЕКЦИЕЙ НА СОВРЕМЕННОСТЬ

Изо дня в день присутствовала я на заседаниях Международного военного трибунала в Токио, была свидетельницей острых конфликтов между обвинителями и защитниками. Здесь случалось много такого, что наводило на размышления. Я хотела понять, быть объективной. Отсюда, из зала на холмах Итигая, тянулись нити к Маньчжурии, к застенному Китаю, ко всей Юго-Восточной Азии.

Обвинителем от Китая был главный прокурор шанхайского Верховного суда, господин Сянг, который, по всей видимости, верил, что люди, творившие массовые зверства в Китае, а теперь сидящие на скамье подсудимых, наконец-то получат по заслугам. В высокую международную политику он не вдавался, а все больше приводил факты зверств. Он даже составил диаграммку японских зверств в разных китайских провинциях. И ни слова о японской агрессии! Американцы просто запретили господину Сянгу рассуждать об этом, взяв роль обвинителей на себя. Сянг помалкивал: мол, американцам виднее... Но у господина Сянга был помощник, некто Лю, человек смелый, решительный, который не хотел мириться с таким положением и в выступлениях называл вещи своими именами. Он не страшился, например, с трибуны разоблачать незаконные действия Макартура, попытки генерала навязать Трибуналу свою волю.

Мне запомнился этот задиристый китаец, с хорошо развитым чувством собственного достоинства. У него было узкое интеллигентное лицо, высоко подстриженные на висках блестящие черные волосы и живые, азартные глаза. Когда он разоблачал Макартура, то неизменно поворачивался к советским обвинителям, словно бы ища у них поддержку. С советскими он всегда любезно раскланивался, обнажая в улыбке неровные белые зубы.

А раскланиваться нам, собственно говоря, оснований не было: в Маньчжурии бушевала гражданская война, в которую открыто вмешалась Америка. Народно-освободительная армия, оснащенная трофейным японским оружием, полученным от советского командования, оказывала

упорное сопротивление гоминьдановцам, маньчжурская революционная база, родившаяся на моих глазах, была жива, действовала, сопротивлялась, набирала силы. И невольно возникало убеждение: именно ей, маньчжурской революционной базе, будет принадлежать главная роль в грядущих победах китайцев; отныне здесь — военно-стратегический плацдарм революционных сил всего Китая и, несомненно, здесь находится новый политический центр китайской революции. Да, да, если судить по тем скудным сведениям, которые доходили до нас, центр революционной борьбы и политической деятельности коммунистов практически переместился в Маньчжурию... Мао не управлял да и не мог управлять процессом.

В эти странные дни и месяцы, а затем годы мои взгляды словно бы отвердевали и обретали четкость. То, что совсем недавно казалось загадочным, вдруг раскрылось в полной своей неприглядной определенности, обнаженности.

Так, я наконец поняла: ничем не оправданные атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки — политический шантаж, попытка американцев заставить Советский Союз подчиниться диктату, не допустить нас к решению дальневосточных проблем. Потрясая атомной бомбой, разжигая атомную истерию, они хотели установить мировую гегемонию США, провозгласить «американский век».

Позже в своих мемуарах Черчилль напишет: «Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой». Но в ту пору, когда я бродила среди развалин Токио, вся американская печать старалась создать именно такое впечатление. Не о судьбах беззащитного населения Хиросимы и Нагасаки думали хозяева атомной бомбы: им нужно было показать атомное оружие всему миру, вселить ужас в человечество, диктовать свою волю, стать лидером...

Пройдет какое-то время, и президент США Трумэн скажет, что он «не испытывает угрызений совести» за то, что им был отдан «приказ об атомном нападении на Японию». Конечно же не испытывает.

Еще до того как мы появились на холмах Итигая, в ноябре 1945 года Макартур встретился в Токио с английским фельдмаршалом Аланом Бруком. Военные мужи говорили о мировой политике, о том, как превратить Тихий океан в англосакское озеро. И о том, что весь личный состав американской армии словно бы взбесился: все тре-

буют срочной демобилизации, солдаты избивают офицеров, устраивают демонстрации и митинги.

— Эта сволочь в конце концов может взбунтоваться,— сказал генерал Макартур.— А мы должны готовиться к войне. Сегодня, сейчас! Да, да, мы должны собрать по крайней мере тысячу атомных бомб в Англии и Соединенных Штатах. Мы должны подготовить безопасные аэродромы, укрыв их в туннелях в горах, с тем чтобы иметь возможность действовать из Англии, даже если она подвергнется ударам. На Тихом океане, используя новые бомбардировщики, мы должны напасть на Россию из Америки (с заправкой на Окинаве). Такой объединенный удар с востока и запада приведет Россию в чувство...

Макартур считал, что главным врагом является не капитулировавшая Япония, а Советский Союз.

Я пыталась понять мотивы поступков американских сторонников «мягкого подхода» к Японии, а к ним принадлежали генерал Макартур и Джон Даллес. Еще в 1942 году, когда война Японии и США была в полном разгаре, некто Спайктман, американский историк, открыто писал: «Опасность нового завоевания Азии Японией должна быть устранена. Но это вовсе не означает полного уничтожения военной мощи Японии. Ибо это могло бы привести в будущем к переходу западной части Тихого океана под руководство России или Китая. Для США большую трудность в послевоенные годы будет представлять не Япония, а Китай, чья потенциальная сила больше, чем сила Японии. Если равновесие сил на Дальнем Востоке должно быть сохранено в будущем, США должны будут принять политику поддержки и защиты Японии». И это писалось в 1942 году!..

Можно было подумать, что сейчас Макартур и все те, кто стоит за ним, руководствуются именно такими соображениями.

А Китай? Каково их истинное отношение к Китаю? Несколько месяцев назад, в ноябре сорок пятого, здесь, в Токио, объявился бывший посол США в Китае Кларенс Гаус. На пресс-конференции он заявил:

— Несмотря на разрушения военных лет, Япония в промышленном отношении стоит далеко впереди Китая, и он не сможет заменить Японию даже через много лет.

Бывший посол хорошо знал Китай.

Гораздо позже другой американец, ученый-социолог, скажет: «С точки зрения управляемости Китай уже давно

был не стратегическим плацдармом, а скорее стратегическим болотом... Это огромный, разъединенный, плохо организованный континент, населенный обнищавшим, крайне индивидуалистичным народом».

Американцы никогда не считали Китай великой державой, и только президент Рузвельт так числил его по дипломатическим соображениям.

Как выяснилось, американцы замыслили совсем уж гнусное дело — использовать китайские ресурсы для восстановления военной промышленности Японии! Макартур послал в Китай некоего [illegible], который должен был изучить ресурсы Китая и [illegible] заставить Чан Кайши отказаться от репараций с [illegible]. Не побежденная страна Япония, а победитель Китай [illegible] широко открыть рынки для японских промышленных товаров, дабы за счет Китая разрешить проблему [illegible] на мировом рынке; Китай должен поставлять [illegible] для японской промышленности.

И Чан Кайши согласился. А какой-то там ничтожный прокуроришка Лю не соглашался, считая, что все это противоречит здравому смыслу и что Макартур не имеет права распоряжаться ресурсами Китая... Он-то не догадывался, что Макартур все может. Лю казалось, будто Макартур занимается самоуправством; прокурору и в голову не приходило, что в планах США Китаю отводится место колонии, сырьевой базы, что Япония для американцев уже заняла место Китая как новый стратегический плацдарм в Азии; главная опора здесь, в Японии.

О, Макартур и его штаб знали, как обращаться с японскими реакционерами.

— Не будем заблуждаться,— рассуждали американские стратеги.— Нам нужна сильная Япония, ибо настанет день, когда нам придется столкнуться с Россией, и для этого потребуется союзник. Таким союзником будет Япония.

Была, правда, и «китайская группировка», которая считала, что цели США в Азии могут быть достигнуты путем «воспитания националистической третьей силы». Тут уж нельзя пренебрегать ни Чан Кайши, ни Мао Цзэдуном.

Все четко и ясно.

Когда я вернулась из поездки по югу Японии, то была ошеломлена новостью: в тюремной больнице умер подсудимый Мацуока. Ему были устроены пышные похороны. Офицеры армии США по распоряжению Макартура яви-

лись на похороны и возложили венки на могилу этого матерого военного преступника!

Два с половиной года длилась война нервов. К советским представителям относились не как к союзникам, а как к потенциальным противникам, старались изо всех сил отстранить СССР от контроля. Американские и японские защитники, объединившись, стремились любыми путями выгородить подсудимых и свести на нет усилия советского обвинения.

Американские адвокаты запугивали свидетелей, склоняли их к ложным показаниям, подтасовывали документы, прямо на суде открыли клеветническую кампанию против СССР. Они выдвинули сто одиннадцать возражений против наших доказательств. Они нагло требовали вообще снять все обвинения и закрыть Трибунал. Японский адвокат Такаянаги выступил с речью, прославляющей японскую агрессию.

Наконец-то я увидела бывшего императора Маньчжоу-Го Пу И. Он должен был выступать как свидетель обвинения. В августе 1946 года его привезли из Советского Союза, где он находился как военнопленный. Вот он, человек, черты жизни которого мне уже были известны! Сильно выпуклый лоб, сугубо «маньчжурский» затылок, полные, резко очерченные губы, широкие клочковатые брови. Он косил на оба глаза, что придавало взгляду неопределенность. Рядом с низкорослыми японскими генералами Пу И казался высоким. Одет он был очень элегантно: в черную пару и белоснежную рубашку с черным галстуком. Сопровождал его наш майор. Майор подозвал меня. Пу И галантно поклонился.

Перед этим у нас с майором состоялся следующий разговор:

— Допрашивать свидетеля будет сам Кинан. Вы, Вера Васильевна, должны очень внимательно следить за речью свидетеля. В случае искажения перевода американцами немедленно обращаться с протестом к монитору.

— Все поняла,— заверила я майора.

— Вы должны поговорить со свидетелем на китайском, английском и японском: вам нужно усвоить строй его речи, дикцию.

Я долго думала, как сделать беседу с Пу И более непосредственной и эмоциональной. И вдруг вспомнила о портрете экс-императора в военной форме, который достался мне от Тань Чэнжуна. Вот хороший повод!

Для порядка попросила у майора разрешения обратиться к свидетелю. Затем извлекла из своей полевой сумки портрет и, протянув его Пу И, попросила по-английски поставить свою печатку как автограф. Он растерянно смотрел на портрет. Усмехнувшись, спросил:

— Это что, одна из улик против меня?

— Я выпросила его у Тань Чэнжуна,— спокойно сказала я. Пу И был удивлен до крайности.

— Вы встречались с Тань Чэнжуном? Где? Когда? Он жив?

— Да,— ответила я, переходя на китайский.— Он остался в Бэйлине и по-прежнему охраняет могилы императоров.

— Это невероятно! — воскликнул Пу И, механически переходя на китайский.— Он был моим воспитателем.

— Старик рассказывал мне,— сказала я по-маньчжурски. Звук родной речи произвел странное действие на Пу И, он слегка отшатнулся, как от удара, и тихо произнес:

— Не надо...

— Пожалуйста, не забудьте поставить свой автограф,— напомнила я ему по-японски.

Он быстро взглянул на меня, усмехнулся уже понимающе достал из кармана печатку и приложил к портрету. Я поблагодарила.

— Госпожа старший лейтенант — истинный полиглот,— сказал он по-японски.

Разговор был исчерпан. Я откланялась.

Допрашивал Пу И главный обвинитель Кинан. Зал был набит до отказа, журналисты вопреки всем запретам старались протиснуться к свидетельскому пульту, заглядывали в рот бывшему императору. Ведь это была сенсация: допрашивают экс-императора Маньчжоу-Го!.. Вот в таком грозном обличье наконец-то пришла к Пу И мировая известность.

Допрашивали его восемь дней. Пу И давал подробные показания о планах Японии по порабощению Маньчжурии. Американский адвокат Логан прямо-таки выходил из себя.

— Мы требуем, чтобы свидетелю было дано указание говорить только о фактах, беседах, событиях! — кричал он.

Председательствующий австралийский судья Уильям Уэбб резко осадил зарвавшегося адвоката:

— Человек, занимавший такой пост, имеет право делать свои заключения!

Адвокаты всячески старались вывести Пу И из равновесия. Когда он заговорил о том, как японцы, генерал Умэдзу, насильственным путем ввели в Маньчжоу-Го культ богини Аматэрасу, японский адвокат писклявым голосом закричал, что оскорбления богини Аматэрасу — предка японского императора — совершенно несовместимы с восточной моралью. Пу И взорвался и в свою очередь крикнул:

— Но я же не заставлял японцев поклоняться моим предкам!

По залу прошла волна смеха, а японский адвокат сконфуженно замолчал.

Потом Пу И рассказал о том, как японцы отравили его наложницу Тань Юй Лин.

— Вы валите всю вину на японцев, но вы сами преступник, и в конечном итоге вас будет судить китайское правительство! — грубо оборвал его американский адвокат Блэкни. Этот же адвокат предъявил для опознания письмо, якобы написанное Пу И подсудимому Минами.— Узнаете свое письмо?!— допытывался Блэкни.— Оно изобличает вас... Ваше место на скамье подсудимых!

Мельком взглянув на письмо, Пу И ответил:

— Письмо подложное. Я никогда не писал писем Минами.

Письмо в самом деле оказалось фальшивкой, а Блэкни как ни в чем не бывало продолжал свои наскоки на свидетеля.

Через восемь дней я простилась с Пу И. Навсегда.

Здесь уместно сказать несколько слов о его дальнейшей судьбе. Тридцать первого июля тысяча девятьсот пятидесятого года Пу И передали властям Китайской Народной Республики. В Китае его сначала посадили в тюрьму, потом объявили амнистию и разрешили проживание в Пекине. Сперва он работал в Пекинском ботаническом саду, затем стал сотрудником Комитета по изучению исторических материалов при Всекитайском народно-политическом консультативном совете. Написал мемуары. Был обласкан Мао Цзэдуном, по рекомендации которого Пу И избрали депутатом Всекитайского народно-политического консультативного совета. Стал бывать на официальных приемах и банкетах и, говорят, не раз сидел за одним столом с Мао.

Так замкнулся еще один круг: традиционный враг ки-

тайского народа, военный преступник превратился в консультанта по обычаям императорского двора.

Нет смысла рассказывать о всех 818 открытых судебных заседаниях, на которых мне пришлось присутствовать. За окнами конференц-зала неизменно изо дня в день валились с низкого неба тропические ливни, одежда и обувь не успевали просыхать. Тяжелые испарения огромного города душили меня по ночам. И каждую ночь мне грезился прекрасный храм Ураками, от которого осталась груда обожженных камней, мерещились пожары, улицы, забитые обломками и трупами. И пока мы заседали на холмах Итигая, невидимая радиация, разрушающая красные кровяные тельца, сводила в могилу тысячи японцев. Болезнь итай-итай — грозный дракон или годзилла из древних японских мифов, пожирающая страну целиком... Злые духи тьмы — магацухи витают над каждым японским ребенком...

За эти тяжелые два с половиной года у меня созрело ясное представление о том, как развязываются современные войны. Заговор! Новая форма международной политики. Заговор Германии против всего человечества. Заговор Японии... Заговор клик. Конечно же юридическая природа заговора клики отлична от юридической природы уголовной шайки воров. Клика — это сверхбанда, захватившая управление государством и весь государственный аппарат. Это клика заговорщиков. Захватив государственный аппарат, она мобилизует его на службу своим преступным целям. Клика осуществляет заговор международных преступников. Банда остается бандой, преступным объединением.

Американская клика стремится создать «ситуацию силы». Это ясно как день. Атомный шантаж. Заговор против мира зреет. Опять вытащили на свет затасканную идею мирового господства. Два претендента на мировое господство побиты, сидят на скамье подсудимых. А Трумэн, Макартур и остальные из их клики все не могут поверить, что песенка капитализма спета и мечтать о мировом господстве — глубокий исторический провинциализм. Власть над стратегией принадлежит Советскому Союзу, какие бы там доктрины они ни выдумывали. Мне думается, что пресловутая «холодная война» впервые явно обнажила клыки именно на международных процессах военных преступников в Нюрнберге и в Токио, одним из первых ее теоретиков стал Джозеф Кинан. С одной стороны, политика с «по-

...шкии силы», с другой — «психологическая война», борьба против социалистической идеологии.

Американская стратегия превентивной войны зарождалась у нас на глазах. Отцом ее можно считать президента Трумэна. Война на Западе еще не кончилась, а он призывал немедленно произвести «пробу сил» с помощью «абсолютного оружия — атомного блицкрига против СССР» в целях искоренения большевизма. И это на пороге нашего вступления в войну с Японией!

В тот самый момент, когда мы напрягали все силы, стараясь не опоздать с выступлением на Дальнем Востоке, Трумэн отдал распоряжение прекратить с мая 1945 года поставки Советскому Союзу по ленд-лизу, срочно взыскать с нас все, что мы задолжали Америке. Была прекращена американская помощь районам, пострадавшим от войны,— Белоруссии, Украине.

Потом у американцев появилась доктрина «массированного возмездия», «подавления международного коммунизма».

Удивительное дело: словно бы уроки Нюрнбергского и Токийского процессов не произвели никакого впечатления на американских стратегов и геополитиков. Они без устали придумывают «равновесие страха», «центральную войну», под которой подразумевается ядерное военное столкновение между США и СССР; «периферийные войны между малыми странами», особые «национальные цели США», «мировой порядок» на американских условиях. Геополитики положили Мировой океан под микроскоп, и Мировой океан превратился в непрерывную географическую среду, имеющую узкие места, ключевые пункты коммуникаций между океанами, за которые нужно драться: Малаккский пролив, соединяющий Тихий и Индийский океаны, Красное море, Суэцкий канал и Панамский канал. Военные конфликты здесь якобы неизбежны...

На что надеялись американские адвокаты японских военных преступников, умышленно затягивая до бесконечности Токийский процесс? Может быть, на изменение международной обстановки, на «пробу сил»? Возможно. Но никакие уловки им не помогли. Даже то, что преступников защищали преступники. Не помогли провокационные выступления лжесвидетелей Блэйка, Гуна, Хасимото, американского адвоката Кеннихэма; другого американского адвоката, Смита, защищавшего Хироту, Трибунал изгнал

«за оскорбление суда», за подтасовку фактов. Перерыв для вынесения приговора длился свыше полугода. Ни один из подсудимых оправдан не был. Трибунал приговорил к смертной казни через повешение Тодзио, Итагаки, Хирота, Доихара, Кимура, Муто, Мацуи...

Того получил двадцать лет лишения свободы, Сигэмицу — семь. Остальные подсудимые были приговорены к пожизненному заключению. Мацуока и Нагано умерли в ходе процесса, Окава был признан невменяемым.

Таким образом, несмотря на ухищрения международной реакции, Трибунал сделал свое дело, хоть и не всегда проявлял последовательность. Так, заклятый враг СССР Сигэмицу отделался легким испугом: его осудили только к семи годам тюремного заключения. Этого матерого поджигателя войны выгораживали адвокаты государственного департамента США и японского министерства иностранных дел. Запомнились слова песенки, которую мы распевали чуть ли не на школьной скамье:

Не грозитесь, Сигэмицу,—
Мелко плаваете вы...

Приговор оглашен, стал достоянием газетчиков. Осталось привести его в исполнение. Но не тут-то было! Макартур не захотел отдать приказ о приведении в исполнение приговора Международного военного трибунала. Не захотел — и все. Доихара, Хирота, Кидо, Ока, Сато, Симада, Того подали апелляции. Вместо того чтобы представить их Трибуналу, генерал направил апелляции в Верховный суд США. Почему в Верховный суд? Разве он более высокая инстанция, чем Международный трибунал?

И, как ни странно, Верховный суд США в нарушение всех законов назначил разбор дела военных преступников. Эти беспрецедентные действия вызвали взрыв негодования всей мировой общественности и даже в некоторых японских кругах. Китайский член Трибунала Мэй и помощник обвинителя Лю выступили с решительным протестом, заявив, что Макартур злоупотребил своей властью, ущемляя этим права других наций. Возмутились филиппинцы, голландцы. Вашингтонский корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс громогласно заявил, что решение Верховного суда США пересмотреть приговор, вынесенный Токийским трибуналом, означает вмешательство в международные дела. Американское правительство вынуждено было отступить — Верховный суд не стал пере-

сматривать приговор. Макартур оказался посрамленным. Осужденным, находившимся в камере смертников, объявили, что они будут повешены.

В эти дни в здании суда я встретила Маккелроя. С ним был плотный, среднего роста плечистый сержант с тройным подбородком. Крупные черты его лица, решительный рот и острые, пронизывающие вас глаза сразу же привлекали внимание. Я решила, что сержант сопровождает лейтенанта Маккелроя. Но все оказалось наоборот.

— Это тот самый Джон Вудд! Мне поручено его сопровождать,— сказал лейтенант многозначительно.

Сержант расплылся в добродушной улыбке.

— Я знаю русских по Нюрнбергу,— сказал он,— все вы симпатичные люди. Твердые, как железо...

Наконец-то до меня дошло: Джон Вудд... тот самый... Сержант, которому поручили привести в исполнение приговор над немецкими военными преступниками... Это он повесил Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Йодля и других. Теперь его привезли в Токио для исполнения приговора над японскими военными преступниками...

Мне почему-то сделалось жутко. Но этот парень, в котором нашла воплощение высшая справедливость, воля истерзанных народов, был доволен новым поручением. Он уже не принадлежал себе, своим родным, знакомым: он был почти символом — здоровый фермер, представитель своего народа, со стальными нервами, готовый карать зло собственными руками. Он душил злобную гадину, и ему не было дела до международных интриг генерала Макартура. Встреча с таким человеком тоже была своеобразным историческим моментом. «Респектабельность» начисто отсутствовала в Джоне Вудде — он считал, что всех, кто развязывает грабительскую войну, надо уничтожать.

И все-таки я наконец поняла: нервишки у меня слабые. Я видела, как на поле боя умирают наши ребята, и сердце разрывалось от скорби. Но сейчас не могла представить, как завтра вот этот Джон Вудд накинет петлю на шею Тодзио...

— Я преподнесу им новогодний подарочек! — сказал Вудд весело.

Первым на казнь должен был идти Тодзио. Он считался лидером японских милитаристов, самым главным преступником, душой клики.

В ночь с 22 на 23 декабря 1948 года в половине пер-

вого по токийскому времени в камеру Тодзио вошли солдаты охраны, американский офицер, переводчик и буддийский священник.

Офицер для формальности спросил фамилию, возраст и местожительство смертника. Затем объявил, что сейчас состоится казнь.

— Если вы хотите оставить завещание, устное или письменное, объявите его,— сказал офицер.

Тодзио слушал его стоя. Когда офицер закончил, Тодзио поклонился и протянул ему листок, испещренный иероглифами.

— Я не силен в английском,— извинился он осекшимся голосом,— но хочу, чтобы меня поняли прежде всего американцы. Смысл завещания вот в чем: «Не надо травмировать чувств японцев. Я прошу вас не допускать превращения Японии в коммунистическую страну. Американские лидеры сделали большую ошибку, разрушая антикоммунистические силы Японии. Разоружить Японию — это все равно что лишить ее помощи, когда воры готовы забраться к ней в дом. По вине США и Англии коммунизм делает успехи в Азии...»

Его провели через двор тюрьмы Сугамо, где уже толпились журналисты и члены Союзного совета для Японии. В небольшой железобетонной комнате с высокими стенами находился алтарь будды Амиды. Священник прочитал три завета Дай Мирйодзю Кйо. А потом сержант Джон Вудд накинул на голову смертника черный колпак...

В ту же ночь были повешены все приговоренные. Колесо истории сделало еще один оборот. На ободе колеса крупными буквами было написано: «Предостережение!..»

В те декабрьские дни я прощалась с Японией. Слова громоздились буддийские храмы, сияющие красным лаком и позолотой; их тяжелые черепичные крыши парили над бренным миром; я проходила через обгорелые во время пожаров священные арки-ворота тории, символы Японии, останавливалась у многоярусных пагод; в глубоком раздумье застывала у ступеней синтоистского храма Ясукуни дзиндзя, что в переводе значит «Храм мира в стране». Милитаристы как-то незаметно превратили его в «Храм войны» — здесь почитаются души воинов, погибших за императора. А душ только за последнюю войну накопилось шесть миллионов! Храм до отказа набит белыми урнами

прахом погибших. Я видела, как люди в белом молчаливо стояли у колонн храма.

Новая конституция, составленная штабом генерала Макартура, запретила Японии вооружаться. Неужели все так и будет?.. Или это очередное американское лицемерие? Императора не отстранили от власти, и он раз в год присутствует в храме Ясукуни дзиндзя, поминая тех, кто погиб за него и «Великую святую богиню, освещающую небо» Аматэрасу Омиками — богиню империализма. Никто за все время не потрудился содрать со стен храма пропагандистские плакаты, рекламирующие «новый порядок» в Азии и «всеобщую мобилизацию национального духа».

Имелось у меня излюбленное местечко в парке Уэно. Но сейчас там было пустынно. До цветения сакуры еще далеко...

Простившись с парком Уэно, снова очутилась на узких улицах без тротуаров, где на каждом шагу преграждали путь ящики с отбросами.

В свое время я много читала о знаменитом Токийском университете, но за все тридцать месяцев так и не смогла побывать в нем: он находился далеко от центра города. Но я все-таки поехала туда, так как не знала, удастся ли еще когда побывать в Японии. Это был обширный городок в парке. Летом здесь шумела листва, а сейчас было пустынно и неуютно. Молчали четырехэтажные красные кирпичные корпуса, построенные под готику; плющ на их стенах был мертв. И вообще весь городок был мертв. Здесь никто не учился. А возможно, кто-то все-таки учился там, в глубине корпусов, но я не стала заходить в корпуса. Мне нужно было зрительное ощущение — только и всего, ибо я любила Японию рационально, как объект изучения. Но постепенно подобное отношение ко всему сменилось чем-то новым, незнакомым.

Почему-то здесь, в Токио, я часто думала об Эйко-сан. Удалось ли ей выбраться из Маньчжурии, охваченной гражданской войной?.. Маленькое хрупкое зернышко среди грозных жерновов истории... Я помнила ее улыбку, всегда благожелательную, приветливую. А может быть, я встречу ее на какой-нибудь из улиц Токио? Но увы... Эйко потеряна для меня навсегда. Так и не узнаю, вернулся ли ее муж Косаку из плена.

Что происходит сейчас в Маньчжурии, в Китае? Маньчжурия якобы полностью очищена от гоминьдановцев, их

полумиллионная армия разбита, взят Чанчунь, Мукден. То была главная победа. Именно отсюда, из Маньчжурии, шло наступление на застенный Китай, как неумолимая волна. Занят после осады важнейший порт Северного Китая Тяньцзинь. И вот мы все были взбудоражены новостью: народными войсками взят Пекин! Гоминьдановский генерал Фу сдался со всем гарнизоном.

Воодушевление мое было так велико, что я окончательно поверила в победу китайской революции. Значит, не зря пролили кровь советские бойцы на полях Маньчжурии! Мы вложили в китайскую революцию заряд необыкновенной силы, заряд идейный и материальный. Маньчжурская революционная база стала-таки военно-стратегическим плацдармом китайской революции! На фоне побед народа как-то сбивалась установка Мао на буржуазную республику. Народ не позволит... Было время, когда Трумэн не возражал против участия коммунистов в китайском правительстве. Теперь он исступленно вопил:

— Мы не хотим никаких коммунистов в китайском правительстве или в какой-либо другой стране, если можем этому воспрепятствовать!

Я изжила себя в Японии. Пора, пора домой. А потом буду проситься в Китай, в самую гущу событий. Говорили, что не так давно госпожа Сун Мэйлин, жена Чан Кайши, отправилась в Соединенные Штаты и попросила три миллиарда долларов у американцев. Госпожа Сун пыталась сыграть на антикоммунистических настроениях Трумэна. Но президент остался глух к ее мольбам. Общественность тоже. Больше того, Америка отозвала из Китая своих военных советников и офицеров.

— Проклятые торгаши, предатели! — бесновалась госпожа Сун Мэйлин.

А Трумэн и государственный секретарь Маршалл в это время прикидывали на счетах, во что им обошлась недавняя интервенция в Греции. Обошлась она в кругленькую сумму. На усмирение американцами Китая потребуется почти тридцать миллионов долларов! Решили больше не вкладывать средства в столь ненадежное дело. Лучше уж вложить их в Западную Европу, направить острие меча против СССР. Одним словом, дружба дружбой, а денежки — врозь... Широкая гражданская война в Китае подходила к концу — такое было ощущение.

Еще в сороковом году Мао Цзэдун писал: «Если не политика союза с Россией, если не союз с социалистическими государствами, то непременно политика союза с империалистами, непременно союз с империализмом». Эти слова мы принимали тогда как позитивную программу китайских коммунистов и иначе принимать их не могли. Мы не верили во вторую часть этого афоризма да и не могли поверить. Оказывается, уже тогда для его автора в этом высказывании содержались равноценные альтернативы.

Но когда пришла весть о падении гоминьдановского Пекина, нам показалось: гадание на иероглифах кончилось. Революция в Китае обрела устойчивые социалистические формы. Она победила раз и навсегда!

Могла ли я предполагать тогда на узких улицах Токио, что гадание на иероглифах затянется на многие годы.

Было одно стремление: поскорее уехать из Японии. Ностальгия задавила меня. Наверное, с самого начала я выбрала неправильно: знание языков будет неизбежно увлекать меня в другие страны, где нужно жить, работать, а неистребимая тяга домой, на Родину, превратит месяцы и годы за границей в жестокую пытку.

Прощай, Япония! Прощай... Ты готовишься встретить Новый год: под крутыми черепичными крышами с навесами появились толстые бамбуковые палки и зеленые бамбуковые стебли. Над тротуарами и развалинами повисли гирлянды разноцветных фонариков. Пьяные американские солдаты орут во все горло «Джингл белл» — старую песню о рождественских колоколах.

Я прожила с тобой, Япония, самое трудное для тебя время. Признаюсь, была у меня и своя, сугубо личная цель: понять, осмыслить. И вся эта жизнь — Хиросима, Нагасаки, Токийский процесс,— думалось, станет лишь разделом в моей диссертации, а возможно, монографии. Я прояснила кое-что для себя. И все же предстояло замкнуть самый большой круг, вернуться в Маньчжурию, Китай. Как говорят японцы: если хочешь отведать мяса дракона, полезай в море.

Два международных процесса военных преступников на памяти человечества... Они шли почти одновременно. Неужели двух процессов мало, чтоб навсегда отбить охоту к международным военным заговорам? Конечно же и в

7*

Нюрнберге и здесь, в Токио, судили вояк, дипломатов, бывших министров. А главные преступники — промышленники, все эти толстосумы — дзайбацу — разгуливают на свободе. И не явятся ли они ядром новых клик заговорщиков на новые времена?.. Причина неизбежно порождает следствие.

Клика заговорщиков... Существует ли она в Соединенных Штатах или только нарождается, ищет свою основную доктрину? Как повернутся дела в Китае?..

С такими мыслями я покинула Японию.

А в ушах звучали пророческие стихи бессмертного Исикава Такубоку, умершего еще до первой мировой войны:

[illegible] мировая война!
[illegible] ксн,
В [illegible] корабли
[illegible] по небу —
И погибнут [illegible] все города!..

О, [illegible] потом
Мы построим
«Новую столицу» свою?
На обломках истории?
На вымысле?

На любви?
Нет, о нет! На земле,
Только здесь.
На земле...

* * *

На этом можно было бы закончить мой репортаж из прошлого. Главное место в моих воспоминаниях занимают события тех лет в Маньчжурии. Не в Японии, а в Маньчжурии. И это понятно: я была свидетельницей рождения и становления такого исторического феномена, как Маньчжурская революционная база, которая в то время сделалась новым политическим центром революции. Пока Мао скрывался от гоминьдановцев в горах, именно здесь с помощью нашей страны создавалась основная ударная сила китайской революции, разгромившая потом гоминьдановские войска, оснащенные американским оружием. Здесь, в Маньчжурии, мы прежде всего передавали китайцам свой политический, военный, хозяйственный опыт, восстанавливали крупные предприятия, железные

[illegible], готовили специалистов. Потерпев поражение в Китае, американцы потерпели его в Корее, во Вьетнаме, в других местах земного шара. То была полоса поражений. Крупные поражения американского империализма, исчерпавшего себя. Его политика носит ныне конвульсивный характер... Империалисты пытаются брать реванш, потому и обратили снова взоры на Китай...

Япония осталась моей любовью. Я, как и в те давние времена, восхищаюсь моральной творческой энергией японцев, их культурой, их способностью возрождаться из пепла. К сожалению, американцам удалось многое по превращению Японии в свою военную базу. Конституция запрещает японцам иметь свою армию. Но они нашли лазейку: создали с помощью Макартура «войска самообороны». Полным ходом идет милитаризация экономики страны, пропаганда реваншизма, гонка вооружений. И за всем этим — монополистический капитал Соединенных Штатов. Японские офицеры проходят военную подготовку в США, изучают тактику и стратегию Пентагона. Один из премьер-министров Японии заявил, что-де «Японии, опираясь на свою экономическую мощь, необходимо быть готовой к тому, чтобы, заменив США, играть главную роль в Азии»... Сперва генерал Макартур разрешил японцам создать так называемый «резервный полицейский корпус», а потом корпус реорганизовался в «силы обороны», в состав которых входят сухопутные, морские и воздушные войска.

Я видела их танки, оснащенные электроникой и лазерной техникой. Они вовсю выпускают военные самолеты. Мало кто знаѐт, что еще в 1970 году Япония вывела на орбиту Земли искусственный спутник. У них несколько атомных станций и десятка два, если не больше, атомных реакторов — в короткие сроки японцы могут изготовить десятки атомных бомб. В войсках ведется подготовка к применению ядерного оружия. Президент компании «Мицубиси дэнки» Кэндзо Окубо несколько лет тому назад откровенно заявил: «Я теперь убежден: Японии необходимо ядерное оружие...» Возродилась пропаганда милитаризма и самурайского духа. США имеют на территории Японии полторы сотни военных баз...

Одна беда у японских милитаристов: молодежь отказывается служить в армии. Не хотят повторять ошибки отцов. В одной из книг японских авторов Хосино Ясусабуро и Хояси Сигэо приводится любопытный случай.

В сочинении на тему «Защищайте мир» один из уча-

щихся средней школы написал: «В настоящее время на земле противостоят друг другу страны «свободного мира» и страны коммунизма. У них есть большие запасы атомных и водородных бомб, у них есть крупные армии. Если между ними произойдет конфликт, это приведет к большой войне. Таким образом, взрослые люди своими руками могут нарушить мир, а ведь они должны быть друзьями. Растет ненависть между взрослыми людьми, но этого не хотят мальчики и девочки. Дети Японии, Америки, Советского Союза, дети всей земли хотят мира. И мы можем только сожалеть, что есть такие взрослые, которые хотят войны, и что нам, детям, приходится учиться у них и среди них. Но строить мир на всей земле будем мы — дети».

Сочинение попало к одному из крупных руководителей японских вооруженных сил. Случай был расценен как «подрывающий основы правильного воспитания в школе» и «наносящий ущерб авторитету вооруженных сил».

Корреспонденты газет беседовали по этому вопросу с учителем того школьника. Учитель с возмущением заявил, что ничего абсурдного во взглядах своего ученика он не видит и что школа стремится воспитать у учащихся правильные взгляды на жизнь. Он добавил, что бюрократы в министерстве просвещения «упорно пытаются столкнуть школу с правильного пути на ложный». И он решительно осудил действия упомянутого военачальника.

Большую сенсацию вызвало заявление генерала Макартура в американском конгрессе в июне 1951 года: «Я говорю вам, что война поставила вне закона те самые основные предпосылки, господа, исходя из которых ее использовали как конечное слово, когда политика оказывалась бессильной урегулировать международные споры. Война ныне несостоятельна в силу самой своей сути. Последние две войны показали это. Победитель должен был тащить побежденного на своем горбу. Если будет еще одна мировая война, то вы столкнетесь с такой разрушительной силой и с такими разрушениями, в условиях которых только те будут счастливы, кто будет мертв». Это уж, как говорится, из личного опыта. Японский школьник и американский генерал пришли к одному и тому же выводу. А устами младенца, как известно, глаголет истина.

Уж не под воздействием ли своих личных неудач сделал Макартур подобное заявление? Ему не повезло: президент Трумэн сместил его с поста главнокомандующего

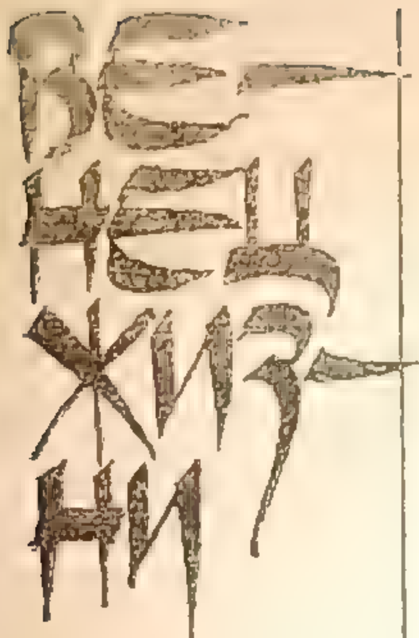
вооруженными силами США на Дальнем Востоке в ходе корейской войны. Увы, воинственный генерал потерпел тогда поражение, сенат привлек Макартура к ответственности. «Дело Макартура» в свое время вызвало большой шум.

А возможно, генерал учуял, что изменилась сама структура времени.

...Я иду по Тверскому бульвару. Падают листья, одевая землю в холодный огонь осени. Здесь жизнь кажется устойчивой, как будто и не было никогда исторических потрясений, горячих и холодных войн.

Отсюда Китай кажется далеким, словно бы не имеющим ко мне отношения. Но это не так. Я мучительно продолжаю думать о Китае, пытаюсь осмыслить то, что произошло и происходит там.

И снова я гадаю на иероглифах.

— Умерла...— как-то устало и безразлично произнес пожилой врач-англичанин, откладывая в сторону стетоскоп.

— Господи! — ужаснулась Анна, остановившимися глазами рассматривая умершую.— Такая славная женщина... Лицо как у святой. Русская, между прочим, Евдокией Петровной звали. Всю ночь горела, билась в бреду. Английской миссионеркой была где-то в глухой провинции, проповедовала христианское православие. Чем только не приходится заниматься русскому эмигранту. Английские волонтеры, английские миссионеры... Ехала в Шанхай по каким-то делам, вот и приехала. В Шанхае заболела амебной дизентерией.

Женщину унесли. Анна автоматически переменила постель, содрогаясь от мысли, что на освободившуюся койку сейчас положат нового пациента. Но слава богу, дежурство кончилось. С нее хватит на сегодня. Что и говорить! Работа сиделки не из приятных, но в ее положении выбирать не приходится.

Каких только людей не повидала в этом госпитале! Чаще всего это были матросы из разных стран. Шанхай — открытый порт, в него заходят суда со всего света. Приходят они и из далеких колоний, откуда-нибудь с Самоа, с Филиппин, с Голландского Борнео, где душные испарения Яванского моря, где лианы, каучуковые деревья, диковинные цветы и смертоносные болезни.

На улице шел мелкий дождь, словно стоял и таял в воздухе пар. Анна торопливо прошла два коротких квартала, вдыхая свежий воздух. Остановилась на углу улицы. Куда идти? Домой? У нее, в сущности, нет дома. Вчера вечером она поссорилась с хозяйкой, этой скандальной толстой венгеркой, для которой существует только выгода. Ей, видите ли, выгоднее сдать весь верх одному жильцу, который живет у нее на втором этаже, кстати, в прекрасной комнате. Чего ему еще надо? Мол, он только что приехал из Германии и не привык еще к жаркому климату, а на чердаке ему будет прохладнее! Скажите пожалуйста! А она, значит, выметайся куда хочешь? Не платить же ей, в самом деле, сорок долларов за его комнату на втором этаже, если она получает всего восемьдесят, да еще китайских, а не американских. Двадцать долларов, которые она платит за свой чердак, вполне приличная цена. Пользуются тем, что в Шанхае трудно найти квартиру, и дерут три шкуры. «Разве я неисправно плачу?» — спросила она у хозяйки. Да нет, мол, госпожа Валениус аккуратная плательщица, тихая, мужчин к себе не водит, но выгода есть выгода.

— Значит, у вас нет ко мне претензий?— спросила Анна.

— Нет,— ответила хозяйка.

— Тогда — ауфвидерзейн.

И Анна ушла на дежурство. Но разговор, как видно, не окончен, мадам Буклай от нее не отступится. Но пусть они все катятся к черту: и мадам Буклай со своей выгодой, и этот привередливый немец — она никуда не уйдет из своей комнаты.

Анна вышла на набережную. Мимо нее текла густая сине-черная толпа китайских рабочих — портовых грузчиков. Мелькали роскошные лимузины директоров банков, менеджеров, спешащих в свои офисы. На реке, задавленной иностранными крейсерами, кипела своя обычная жизнь: сновали во все стороны джонки, похожие на розвальни, деловито пыхтели катера, медленно уползали в море перегруженные пароходы. На пристанях, облепив их грязной, галдящей толпой, работали тысячи грузчиков. Остро пахло смолой, плесенью, нефтью, углем. Сесть бы сейчас на пароход и уехать куда-нибудь далеко-далеко из этого проклятого вонючего города, от тупой бессмысленной жизни...

Анна шла по набережной, стараясь рассеять кошмар прошедшей ночи. Но перед ней снова и снова возникало лицо умершей. «Где я ее видела?— вдруг подумала она.— Это знакомое выражение лица...»

И тут из глубин памяти всплыли слова: «Все забудется, особенно зло, которое тебе причинили. Для того чтобы жить, девочка, нужно забывать». Ах, вот она кого ей напомнила: давнюю знакомую, пожилую шведку, у которой она обучалась шитью. То же характерное выражение доброй, благостной печали на лице, та же отрешенная улыбка. Она возглавляла секту евангелистских христиан. Там проповедовали всепрощение, любовь к ближнему, любовь ко всем людям...

Всепрощение... Нет уж, увольте, она давно поняла, что к чему. Может, Поповым ли простить, которые молились и тут же тянули из нее жилы? Или Валениусу, этому трусливому подлецу, заевшему ее молодость?

Анна всегда удивлялась причудам судьбы, которая одному человеку дает все, у другого все отнимает. Ее рождение стоило матери жизни. Отец остался с четверыми на руках. Кто-то выкормил Анну, какая то добрая душа спасла ей жизнь. А зачем?

Нужда заставила отца отдать трехлетнюю Аню на воспитание бездетной купеческой чете Поповых. Наверное, хотел как лучше. Думал, дочь будет жить в сытости, в богатстве. А они сделали из нее даровую прислугу. Жена купца была маленькая, щупленькая, конопатенькая и не то чтобы злая, а какая-то по-детски беспощадная. Особенно Анна не любила ее смех, тонкий, заливчатый, дурацки издевательский. Бывало, посмотрит на Анну этак вприщур своими очень светлыми глазами и зальется высоким смехом: «Ха, ха, ха! Вы только посмотрите на Нюркины щеки — выспаться можно! Ну, красотка!..»

Ее язык не был ядовитым, но яд как-то невольно капал с него капля за каплей, убивая в девчонке радость жизни, уверенность в себе.

Так и росла Анна с сознанием того, что она некрасивая, уродливая, и очень удивлялась, когда на посиделках к ней приставали ребята. А однажды сам Попов окинул ее с головы до ног каким-то особым, пугающим взглядом, удивленно произнес: «А ты, Нюрка, ничего, замуж отдавать можно».

Попов имел большой магазин — торговал мехами в основном. Тут-то они, по-видимому, и сошлись с отцом

[illegible]ается чуть не до самых глаз теплой шалью и выходит на улицу.

На улице глухая ночь и ледяной холод. Страшно оторваться от крыльца. Она пристально вглядывается в темноту, боясь что-либо там увидеть.

До сарая, где хранятся дрова, нужно пройти через весь двор. Пугающе громко скрипит под ногами морозный снег. Слава богу, вот и сарай. Слабыми руками в толстых варежках отодвигает длинный засов. Набирает звонкие березовые поленья...

До рассвета таскает дрова,— в доме пять печей. Руки и ноги слегка дрожат от напряжения. Сколько же ей лет? Да лет восемь, не больше. В ту [illegible], помнится, она выпросилась ходить в школу. Уж очень хотелось учиться. Но на первом же уроке [illegible] мертвецким сном на потеху своим сверстникам. И [illegible]ено: учиться-то ей разрешили, но по-прежнему [illegible] пять часов утра, чтобы успела натаскать дров [illegible] печи, помочь на кухне старой кухарке и вообще сделать по дому массу всякой работы.

Ученье продвигалось плохо. Ребятишки потешались над ней, давали обидные прозвища: Н[illegible]рка-придурка, Сонуля, Пельменя, Чухоня.

Через три зимы школу пришлось оставить.

— Не барыня, чтобы учиться,— сказала приемная мать.— Расписаться умеешь — и ладно, нам твоя грамота ни к чему.

И действительно, зачем нужна грамота прислуге? Мыть полы, стирать, толочься на кухне, вязать и штопать можно и без грамоты.

Сам Попов, кажется, любил только одних лошадей. На масленичных катаниях именитые купцы города щеголяли друг перед другом своими многотысячными выездами и рысаками. Попов не отставал от них. У него были великолепные породистые кони, не кони, а звери. Да и сам он походил на породистого жеребца: темноликий, гладкий, с крупным носом и узкими, маслено блестевшими черными глазами.

За конями ухаживал работник Мишка Афанасьев, веселый, озорной парень, мастер на все руки, отличный гармонист. Весь точно из жил связанный, большой, широкий, русый, Мишка всегда добродушно улыбался, подмигивал,

сричал. Он был любимцем, душой всей улицы, девки только что не молились на него...

На красную горку молодежь любила потанцевать под лихие переборы Мишкиной гармошки. Как сейчас видит его Анна по-праздничному нарядного, в длинных сапогах с галошами, в голубой гарусной рубахе, вышитой по вороту и подолу цветной шерстью и подпоясанной поясом с толстыми шелковыми кистями. На голове — картуз суконный со светлым козырьком...

Летом Мишка водил девок в тайгу по ягоды и орехи.

— Айдате, толстомясые, на промослы! — весело говорил он, и пестрая ватага девчат в розовых, желтых, голубых платьях, с березовыми околотнями через плечо боязливо вступала в прохладную, сумеречную глубь тайги. Не ровен час, напорешься на медведя или еще на какого зверя. Каждый треск пугал словно выстрел. Однажды прямо на Анну из чащобы выскочил горбатый кабан, похрюкал, пособал носом воздух, почесался о корявый пень и снова исчез, потонув в чащобе. Анна стояла ни жива ни мертва.

И вот этот-то лихой парень Мишка стал ее мужем...

Поповы очень боялись, как бы Афанасьева не сманили другие купцы. Многие завидовали им: «Ну и работник у тебя, Георгий Аркадьевич!»

— Отобьют, подлецы,— забеспокоился Попов.

Чтобы накрепко привязать работника к своему дому, Поповы решили женить его на Анне. В ту весну ей исполнилось шестнадцать лет.

— Вот что, Нюра,— ласково сказал Попов,— ты уже не маленькая, пора определяться... Жениха тебе подыскали, красивого, самостоятельного.

— Жениха? Мне? — удивилась она.

— Тебе, тебе... Кому же еще?

— А... кто он? — спросила осторожно.

— Миша Афанасьев! — гордо сообщил купец.— Орел, красавец.

Сердце Анны упало: вот тебе и раз, за работника... А она-то думала!

— Но я не хочу замуж! — запротестовала она.

— А тебя никто и не спрашивает,— отрезала приемная мать.— Принцесса какая. Нам с отцом виднее, что делать. Сто целковых за тобой даем да справу всякую...

Всю ночь тогда проплакала Анна. За работника... Раз и навсегда определили ей место. Всю жизнь будет ломить

на них. Даровая работница... Никогда уж ей не вырваться из этого постылого дома, от этих опостылевших людей.

На красную горку их обвенчали. И пошла жизнь Анны опять своим обычным путем: работа, работа с утра до ночи.

Михаил оказался куражливым. На первой же неделе совместной жизни побил ее — чтобы не задавалась, не воображала, что она купецкая дочь, а он работник. Сто целковых замотал в платок и спрятал за икону, строго наказав не трогать. Был он старше на десять лет и уже искушен в любви, а она — девчонка, несмышленыш. Наработается за день и спит как убитая. А Мишке любовные утехи нужны.

— Ты думаешь, я на тебе женился, чтобы спать за компанию, да? — сердился муж.

Правда, в добрые минуты весело говаривал:

— Погоди, мы еще заживем! Будешь у меня кралечкой бубновой ходить в шелках, батистах!

Заветной его мечтой было купить коня и сани с меховым пологом и заделаться первым извозчиком в Новониколаевске. Но грянула война, Михаила сразу забрали в армию. А через три месяца Анна получила извещение: «Погиб смертью храбрых...» Три месяца длилась ее семейная жизнь. Всего три месяца, и вспомнить нечего.

Поповы словно осатанели: потребовали вернуть сто целковых приданого. Раз не состоялось, то и нечего...

Вытащила из-за иконы замотанные в платок деньги. Николай-угодник уставился на нее суровым взглядом: дура ты, мол, дура... «Ладно...» — отмахнулась она. Отнесла. Нате, ешьте. Познакомилась с одной модисткой, стала ходить к ней учиться шитью с тайным намерением получить самостоятельность и уйти от Поповых.

Молодых парней на войну позабирали, и нового работника найти было трудно. Да и боялись Поповы — наймешь какого-нибудь проходимца, убьет, ограбит. Время военное, гляди в оба. И Анна работала за двоих. Работа все силы выматывала. А Поповы все больше наглели — отрабатывай, мол, приданое. Шубу, крытую сукном, тебе дали? Дали. Пальто плюшевое, платьев разных, белья постельного. Как же? Задарма никто ничего не даст.

Маменька родная! Куда же деваться-то? Кому она нужна? В шестнадцать лет — ни девка, ни баба... Грамоте — едва-едва расписаться только. Темнота, одним словом.

Когда стало совсем невмоготу — хоть вешайся, поплакалась модистке. Анну подкупило выражение ее лица, доброе, кроткое, благостно-печальное, точь-в-точь как у этой умершей миссионерки. Добрая патронесса выслушала ее очень внимательно, подумала, очевидно подбирая слова утешения, сказала:

— Все забудется, особенно зло, которое тебе причинили. Для того чтобы жить, девочка, нужно научиться прощать. Бог есть любовь, а зло родит сатана. Побороть сатану может только любовь, всепрощение...

— Любить! Их! — возмутилась Анна.— Да я их ненавижу! Ненавижу...— И она разрыдалась.

— Ничего, ничего...— поглаживая ее по волосам своей легкой рукой, вкрадчиво говорила патронесса.— Посещай собрания нашей общины — и ты укрепишь свою веру в бога, в Христа нашего спасителя...

И Анна стала посещать секту евангелистов. Ее гипнотизировали непонятные и страшные слова проповедей о царстве божьем, о бренности всего земного, о том, что человек лишь гость на этой скорбной земле.

По ночам она истово молилась в своей тесной и душной комнатушке, стоя на коленях перед Николаем-угодником. Фитилек лампадки перед иконой странно потрескивал, кидая тень и свет попеременно, и казалось, что Николай-угодник смотрит то влево, то вправо, одобрительно покачивая головой.

Но молитвы не помогали, и чувство всепрощения не приходило. Что ей царство божье? Она хотела быть счастливой на земле. В семнадцать лет трудно отрешиться от мечты о счастье.

Все же продолжала ходить на собрания. Ей нравилось быть среди людей, не похожих на ее приемных родителей. А проповеди как-то утешали, успокаивали.

Народ собирался самый разнообразный: приказчики, мастеровые, служащие. Все больше не русские — финны, шведы. Тут-то она и познакомилась с финном Эдуардом Валениусом. Голубоглазый блондин с аккуратной бородкой стал провожать ее домой. Ей, конечно, льстило внимание такого человека. Не из простых. Одет всегда как барин, говорит складно, так бы и слушала его речи про жизнь, про то про се. Опять же обхождение: все ласково, вкрадчиво, галантно. Голос тихий, так в душу и проникает. Это тебе не Афанасьев с его матюками да тычками. Валениус был инженером! Инженером-электриком, вла-

дел небольшим кожевенным заводом у них в Новониколаевске. Одно только смущало Анну: его всегдашние разговоры о том, как бы разбогатеть, нажить в Сибири капитал. «Здесь можно развернуться!» — с какой-то пугающей страстностью говорил он, и глаза его становились неприятно трезвыми. В такие минуты в нем было что-то от Поповых.

Однажды он заговорил с ней о холостяцкой своей жизни.

— Мне бы теперь хозяюшку в дом, тихую, скромную, религиозную...

Сердце Анны дрогнуло: к чему это он? Сказала, скромно потупясь:

— За чем же дело стало? Любая сочтет за честь...

— А мне «любую» не нужно. Мне нужна такая, как ты. Пойдешь за меня?

Его ласковый голос был искренен и серьезен. И Анна сразу поверила, смутилась, растерялась: предложение? Ей? Такой человек? И тут же с отчаянием подумала, что Поповы будут против. Валенкус им не нужен, им нужен хороший работник в дом, а она как приманка и тоже работница даровая.

— Меня не отдадут за вас,— сказала упавшим голосом. Деликатно объяснила почему: родители, мол, у меня строгие, работать дома некому.

— А я тебя умыкну! Знаешь, как женщин умыкают? Конечно, если ты согласна.

— А как же община? — испугалась Анна.— Верующий не должен совершать плохих поступков. В заповеди сказано — «не укради», а убежать из дому все равно что украсть.

— Ерунда! — горячо возразил Валенкус.— Мы с тобой люди одной веры, следовательно, никакого греха не совершим, если поженимся.

— Ой, не знаю, что вам и ответить...— растерянно бормотала она. А бес внутри нее искушал: «Соглашайся, дура... Ты навсегда избавишься от рабства Поповых... Не упускай момента».

И она согласно кивнула головой.

Темной ночью связала в узел свое добришко, истово перекрестилась перед иконой, пугаясь суровой непреклонности взгляда Николая-угодника, и крадучись вышла за ворота, где ждал ее на извозчике Валенкус.

Мстительная радость прибавила ей решимости. «Вот

вам, черти окаянные! Поищите себе другую рабу...» — думала она о Поповых.

Тайно обвенчались в православной церкви. Валениусу было тридцать пять, а ей семнадцать. О любви она не думала, да и не понимала, что это такое, просто устраивала свою судьбу. Что же, что Валениус в два раза старше ее? Зато ученый, инженер... Она была благодарна ему за избавление от Поповых.

После свадьбы сразу уехали в Финляндию, на родину мужа. Валениус опасался скандала — все-таки Анна считалась дочерью богатого купца, и Попов мог предъявить на нее свои родительские права.

Кругом бушевала война, а она чувствовала себя так, будто перед ней распахнулась дверь тюрьмы, за которой были весна, пение птиц, надежды.

Два месяца жили у родственников мужа в небольшом приморском городке. Валениус что-то закупал, привозил домой большие ящики из толстых, шершавых досок, таинственно подмигивал и говорил: «Электромотор...»

Анна радовалась своему счастью: «Это мне за долготерпение...» — набожно думала она. Иногда подолгу простаивала перед зеркалом и, немного смущенная, изучала свое лицо. А что? Разве она так уж дурна? Глаза хорошие, рот не слишком большой, зубы белые и ровные, лицо свежее, с румянцем во всю щеку...

Погрузили на пароход ящики с электромотором и поехали домой, в Новониколаевск. Муж давно решил продать кожевенный завод и уехать в Семипалатинск, где, по слухам, можно было выгодно заняться мукомольным делом. Край богатый, хлебный, а мельниц не хватает. «Мукомолы там самые уважаемые люди,— говорил он Анне.— Вместо кожевенного завода у нас будет мельница».

Анна обрадовалась: вот хорошо! Подальше от Поповых. Пропала, словно в воду канула. Так-то лучше!

Она во всем полагалась на мужа. Все, что он говорил и делал, казалось ей страшно умным.

Люди болтали о какой-то революции, которая будто бы надвигалась на Сибирь из России, но Анну это не волновало — она была далека от политики.

И вот они в Семипалатинске. Знойный, пыльный город. Под беспощадным солнцем дремлют слепые дома. Окна в затейливых резных наличниках плотно закрыты ставнями. За домами сады сплошным валом, тоже при-

давленные зноем, пыльные, обвисшие. На улицах ни души, лишь бродят гуси, пощипывая редкую, жухлую мураву и роняя пух и перья. Пахнет нагретой лебедой, гусиным пометом. Иногда по улицам гордо прошествуют верблюды в сопровождении погонщика. Азия...

Сняли полдома у богатого казака, давнего знакомого Валенниуса, поставщика сырых шкур для кожевенного завода. У казака вместо ноги деревяшка — только что вернулся с фронта.

— Много, много убито людей в эту войну, а будет их убито еще больше...— пророческим голосом говорил казак.

— Армагеддон! — торжественно вещал Валенниус.— В Откровении апостола сказано как? «Некогда народы сойдутся на месте, нарицаемом «Армагеддон!», и битва будет продолжаться целый день». Вот они и сошлись.

— Если бы на день! А то на годы... И конца нет этой проклятой войне. Предательства много. Большевики какие-то объявились на фронте. Мутят народ. Нет, мол, ни бога, ни черта. Богатеев надо бить, землю у них отбирать и отдавать бедным. А царя, мол, в шею! Ишь чего захотели! — сетовал казак и зло добавлял: — Мужичье голоштанное. Слава богу, у нас здесь тихо.

Анна занялась домом. Все хотела сделать сама, но муж запротестовал:

— Ты — барыня, если будешь возиться с хозяйством, нас уважать перестанут.

Пришлось нанять девку-казачку.

— Кожами не хошь больше заниматься? А то давай, на прежних условиях,— предложил казак.

— Да нет,— уклончиво ответил Валенниус.— Мельницу думаю купить.

— Мельницу! — обрадовался казак.— И то дело! Ездим черт-те куда молоть. Дерут три шкуры. Была тут верстах в пятнадцати мельничка, да мужик на войне сгинул, а баба какой делец? Запустила все, забросила.

— Может, продаст? — заинтересовался муж.

— А что? И продаст! — оживился казак.— Я эту бабу знаю, мигом уговорю. Только уж магарыч, барин...

С помощью разбитного хозяина мельницу приобре действительно задешево. Валенниус привел ее в порядо поставил электромотор, и он заработал на радость ным хлеборобам.

Летом жили на мельнице, как на даче. Под в

какой-то немчик, ему потребовался весь верх. Я послала хозяйку к чертям, как вы думаете, а?

— А что тут придумаешь? — усмехнулся харбинец.— Право всегда на стороне хозяина, хочет — держит, хочет — выбросит на улицу, особенно по отношению к нам, эмигрантам. Придется тебе искать другую квартиру...

«Да, вот так...— печально думала Анна, попрощавшись с харбинцем.— Другую квартиру... Попробуй найди ее...»

Она свернула на улицу Жоффр. Вся улица была занята русскими магазинами, кафе, публичными домами. Здесь было целое поселение русских белогвардейцев. Шла мимо ярких витрин, сверкавших драгоценностями, шелками, мехами... А вот и меховой магазин богатых купцов Дарановских, где она тоже работала. «Мадам, этот каракуль самого лучшего качества. Обратите внимание на рисунок и блеск меха!» «Возьмите шубу из ондатры, мадам. Видите, как она подобрана? Темные хребты находятся точно посредине...» «Мадам, этот скунс высшего качества. Посмотрите, какой он легкий и шелковистый...» И так целый десятичасовой рабочий день на ногах, а платили всего двадцать пять обесцененных китайских долларов в месяц — едва-едва на хлеб.

Как мучительно припоминать все с самого начала...

Валениус где-то на Филиппинах. Она узнала об этом совершенно случайно от русских эмигрантов, приехавших из Манилы. Он открыл дело по изготовлению банановой муки и, как всегда, прогорел.

Если Банд — шанхайская набережная — является деловой частью города, где высятся громады иностранных банков, офисов, то Нанкин-роуд, куда забрела Анна, являлась центром торговли международного сеттльмента. Шанхай — город-колония, он буквально наводнен иностранцами. Американский, французский, английский сеттльменты, богатые благоустроенные районы со своей полицией, войсками, муниципалитетами. Китайцы живут в Чапее, Путуне — самых нищенских районах китайской части Шанхая. Немощеные пыльные улицы, закопченные лачуги, мастерские, лавочки, страшная нищета.

В Шанхае они сняли скромную квартиру, обзавелись знакомствами. В большинстве это были русские эмигранты, которые охотно принимали у себя «преуспевающего» коммерсанта Валениуса с его молодой женой. Правда, никто толком не знал, чем занимается этот коммерсант,

но он являлся в общество всегда прилично одетым, был вежлив, любезен, умел поговорить. Обычно встречались по вечерам у кого-нибудь из знакомых, играли в карты, устраивали танцы. Один из вечеров особенно запомнился Анне...

...В. скромной квартире банковского служащего Сергея Николаевича Дашкова собрались гости по случаю дня ангела его супруги. В маленькой гостиной с ярким дешевым ковром стояло пианино, поблескивая полированной крышкой.

Хозяин дома был широкоплеч и высок, с продолговатым сухим лицом, таким бесстрастным, что особенный, злой блеск его серых глаз еще больше выделялся на нем. Дашков в прошлом — полковник царской армии. Его жена — важная толстая дама с тяжелым пучком рыжевато-каштановых волос — оживленно болтала с худощавой средних лет женщиной, довольно известной на шанхайском горизонте русской танцовщицей Полянской, выступающей на подмостках какого-то французского кабаре. Ходили слухи, что она танцевала на сцене Мариинского театра и была как-то связана с царским двором. Полянская не отличалась красотой, но чем-то привлекала, может быть, большими печальными глазами.

— Господи, какая прелесть! — говорила Полянская, с наслаждением зарываясь в букет фиалок, который стоял на маленьком столике в низкой хрустальной вазе.— Фиалки — мои любимые цветы. В свое время мой будуар утопал в фиалках...

— Сергей преподнес мне по случаю дня ангела. Кучу денег небось ухлопал,— с грубоватым добродушием сказала хозяйка, но в ее голосе слышалось удовольствие.

— Счастливица вы,— вздохнула Полянская.— У вас есть муж, друг, который любит вас, заботится... А я так устала от одиночества, от унизительной работы в кабаре, от канканов. А когда-то я танцевала Армиду, Марию, Жизель...

В ее голосе звучали тоска и безнадежность.

Кроме балерины были и другие гости: Федорченко, добродушный на вид толстяк с пышной, окладистой рыжей бородой. В прошлом профессор одного из русских университетов, теперь он был специалистом по выработке водки, имел небольшое дело и, как говорили, преуспевал; бывший генерал Черновский — высокий, костлявый старик, затянутый в военный мундир, желчный и чванный;

бывший поручик Жужубов — мужиковатый, коренастый крепыш, вспыльчивый и резкий; бывший морской офицер Кучимов с женой, оба — латыши по национальности. К финнам — Валениусу и Анне — они относились с особой теплотой. Кучимов работал капитаном на английском пароходе. Все только «бывшие» — выброшенные на свалку истории, как иногда говаривал Дашков, щуря свои злые глаза.

Мужчины говорили о политике. Разговор был очень оживленным, и Анна, заслышав голос мужа, стала невольно к нему прислушиваться.

— Большевистская власть долго не продержится,— убежденно говорил ее муж.— Власть, которая насаждает безбожество, свальную любовь, безнравственность, не имеет права на существование. Да и вообще... Коммунистическое государство — абсолютная утопия...

— Насчет божественного я не мастак, - усмехнулся генерал Черновский,— что касается будущего России — уверен, она, конечно, не останется большевистской. Коммунизм — это прокрустово ложе: какие-то рамки, ограничения, это можно, то нельзя... Нет, прокрустово ложе не удержится. Нельзя мне запретить по субботам рыбу ловить, если это любимое мое занятие.

— Вы правы, генерал,— поддержал Черновского Федорченко, солидно поглаживая свою рыжую бороду.— Террор, расстрелы... А русский народ волю любит. Россия — это Илья Муромец, который сиднем просидел тридцать три года, а потом встал, встряхнулся и пошел совершать подвиги... Смахнет он и большевиков...

— Большевистская власть — это небывалый еще в человеческой истории жуткий «опыт» над миллионами русских людей, вот что это такое,— с возмущением произнес Дашков, перекатывая из одного угла рта в другой дымящуюся папиросу.

— Да, черт возьми,— пробурчал поручик Жужубов,— Россия встряхнулась... Да так, что мы полетели в разные стороны. Как бы и отсюда не полетели. «Жуткий опыт», как видно, очень заразителен. С тех пор как правительство Китая подписало дипломатическое соглашение с РСФСР, в Шанхае не прекращаются рабочие забастовки.

— Как же! Свобода, равенство, братство...— вмешался генерал.— В России Ленин, здесь — Сунь Ятсен, своего рода китайский Ленин.

— Да... Китай зашевелился,— задумчиво сказал Ку-

чимов.— В провинции Гуандун гоминьдановцы во главе с Сунь Ятсеном. Кстати, в армии Сунь Ятсена появился очень толковый военный советник, какой-то генерал Гален, я от англичан слыхал, они только об этом и толкуют.

— Гален? — переспросил хозяин.— Француз?

— Да не Гален, а Галин! — поправил Черновский.— И не Галин, а советский генерал Блюхер,— уточнил он.

— Блюхер? — воскликнул поручик Жужубов.— Старый знакомый... Как же, встречались в восемнадцатом на Южном Урале... Значит, Блюхер? А вы откуда знаете? — вдруг остро заинтересовался он и подозрительно посмотрел на Черновского.

— Да уж будьте уверены! — самодовольно ответил тот, форся своей осведомленностью.

— Знавал я Блюхера, знавал...— с задумчивой многозначительностью проговорил Жужубов.— Я ведь пошел добровольцем на фронт. Мне тогда едва исполнилось двадцать лет, но я успел пережить войну, а потом переживал революцию и горькое поражение... Наш полк был начисто разгромлен партизанами Блюхера, они как черти были вездесущими. Остатки полка пробирались кто поодиночке, кто группами к станции, которая находилась в руках белой армии. Стояла холодная, дождливая осень. Я еще не вполне оправился от ранения и минутами почти терял сознание. Мы никак не могли добраться до железнодорожного пути — партизаны буквально наступали нам на пятки. Наконец добрались до маленькой степной станции, увидели вагоны, палатки, в которых, как мы узнали, расположился штаб белой армии.

Наша группа штурмом захватила состав. Вагоны были переполнены, но я решил не отступать. В проходе вагона меня остановил адъютант, чистенький такой, благородный. «Погучик,— сказал он холодно, брезгливо оглядывая меня с головы до ног,— во избежание непгиятностей пгошу покинуть вагон. Поезд и без того набит до отказа, количество пговианта огганичено, и совегшенно невозможно давать пгиют пгишлым...» Понимаете? — Жужубов поглядел на окружающих.— «Пгишлым»... Этакий картавый хлыщ в расстегнутом кителе. Ему жарко... Я выхватил пистолет, заорал: «Ах ты, штабная крыса, жить хочешь? А я, значит, не хочу?! Убью!..»

Поручик замолчал и уставился в пол отсутствующим взглядом.

— А дальше? — робко спросила Полянская.

— Дальше? — встрепенулся Жужубов.— Дальше я не стал больше спорить, а как был в шинели, с винтовкой, с ручными гранатами у пояса, повалился на пол прямо в проходе и заснул непробудным сном. Ночью нас настигли партизаны. Многих перебили, а кто остался жив, уносили ноги...

— Адъютанта убили? — не унималась Полянская.

— Черт его знает,— равнодушно ответил поручик.

— Была и у меня памятная встреча...— с кривой усмешкой проговорил полковник.— Помнится, я прямо-таки жаждал подобной встречи, думал: «Попадись мне хоть один комиссаришка, я ему перочинным ножом не только погоны на плечах, лампасы на ляжках вырежу!» И ведь попался, голубчик! Я, говорит, член Ре Ке Пе и тебя, бандит, презираю... Ладно, говорю, презирай себе на том свете, сволочь... Поставили его перед выкопанной заранее могилой, руки за спиной ремнем скрутили. Я уж хотел скомандовать: «Пли!» — да тут один солдатишка как завопит под руку: «Господин полковник, на нем же новый полушубок. Зачем же вещию-то губить!» Я ему кричу: «Пошел вон, посажу под арест!» А большевичок: «Пусть возьмет, мне теперь не надо...» Солдат подбежал к нему, развязал руки, дернул полушубок, а комиссаришка как прыгнет из полушубка, словно блоха, и побежал...

— Хлопнули? — скороговоркой спросил генерал.

— Черта с два...— усмехнулся полковник.

— Убежал? — радостно ахнула Полянская.

— То-то и оно... До сих пор не пойму, как это ему удалось... Простить себе не могу такую оплошность.

Анну покоробил откровенный цинизм полковника. «Вот вы какие!» — враждебно подумала она, как-то по-новому взглянув на всю компанию.

— Равенство, братство...— с недоброй иронией проговорил Федорченко.— А кто они такие, эти большевики? Привилегированная каста. Иначе не бывает, всегда имеются выделяющиеся и... челядь.

— Правильно! — поддержала его Полянская.— Помню, первым человеком в нашем дворе стал сапожник Михейкин. Раньше я его и за человека не считала, а тут ходит самоуверенный, в кожанке, с браунингом у пояса, на голове шлем с красной звездой, на всех покрикивает. Что за начальство? Начальник ГПУ...

— Ах, господа, как надоели подобные разговоры! —

8*

сказала хозяйка.— Политика, политика без конца... Ольга Александровна,— любезно обратилась она к Полянской,— сыграйте нам что-нибудь, мы давно не слыхали вашей чудесной игры.

— Да, да! Просим,— поддержали мужчины.

Полянская не заставила себя долго упрашивать, она подсела к пианино, и ее длинные тонкие пальцы уверенно заскользили по клавишам.

Неожиданно Полянская бросила играть. Она встала, стремительно подошла к ящику с сигаретами и закурила. Все посмотрели на нее с удивлением.

— Умирающий лебедь...— заговорила она взволнованно.— Я танцевала его в Мариинском театре в день своего бенефиса. Сам император присутствовал на спектакле...— Она глубоко вздохнула, задумалась, затянувшись сигаретой. И вдруг сказала совсем другим, несколько даже озорным тоном: — А знаете, господа, я ведь выступала перед красногвардейцами Петрограда в восемнадцатом году! Не верите? Так забавно получилось... Пришли двое с винтовками, в военной форме — у меня душа в пятки, думаю: «Все. Расстрел». А они: «Просим вас, дорогой товарищ, выступить в нашем клубе...» Я сразу воскресла. Пожалуйста, говорю, с полным моим удовольствием. Трясущимися руками надеваю манто, они мне любезно помогают. На улице сажают на... броневик,— да, да! И мы куда-то едем по жуткому, ночному Петрограду.

Помню, какая тишина была в зале, когда я танцевала, а потом — бешеные аплодисменты. Я тогда удивилась: неужели они понимают?

— Хе-хе-хе,— ядовито рассмеялся генерал.— Какую благодарную публику вы потеряли, Ольга Александровна.

— Все-таки я часто вспоминаю этот эпизод,— не обращая внимания на слова генерала, продолжала Полянская.— Вспоминаю и думаю, что, пока твоя нога стоит на земле родины, ты человек. Без родины ты — ничто, это хуже смерти.

Генерал нахмурился, проговорил сердито:

— Все вы — жалкие нытики. Нужно бороться с большевиками, а не ныть. Русский интеллигент всегда был горазд ныть, потому и прошляпил Россию.

— А как бороться? — угрюмо поинтересовался поручик.

— Очень просто,— жестко ответил Черновский.— Винтовку в руки и ать, два...

— На службу, в волонтеры? — усмехнулся Жужубов.

— Да хоть к черту! Не все ли равно? Лишь бы против большевиков...

В словах генерала сквозила ненависть.

— Да, мы слишком заблагодушествовали,— поддержал его полковник.

— Господа, перестаньте...— умоляюще проговорила жена полковника.— Давайте лучше пить шампанское.

Все развеселились. Полянская стала рассказывать анекдоты, связанные с балетным миром. Она вся была в прошлом. Беспрестанно повторяла имена знаменитостей, названия партий, которые танцевала. Постепенно все как-то расчувствовались и стали наперебой вспоминать все дорогое, утраченное в жизни. Вспоминали свои живописные усадьбы, уютные квартиры, балы, карнавалы, родные березки и все сокрушались о том, что не отстояли Россию от большевиков.

Анна слушала и думала про себя: «А мне-то чего вспоминать? Постылых Поповых? То, как работала на них с утра до ночи, засучив рукава и подоткнув юбчонку?» И вдруг острая неприязнь пронзила ее сердце против вот этих чистеньких, в прошлом богатых, на которых тоже небось ломили такие, как она, Нюрки, Дуньки, Ваньки... «Правильно сделали большевики, что прогнали вас. Я бы своими руками душила таких мироедов, как Поповы».

Разговор перешел на знакомых, на жизнь в эмиграции.

— Интересная встреча произошла у меня на днях,— начал генерал Черновский.— Иду это я по Банду, а навстречу мне очень знакомый человек, шагает тяжело, словно волочит привязанные к ногам гири. Небрит, в каких-то коротких, вспученных на коленях брюках и засаленном пиджаке. На голове старая кепка, а стоптанные ботинки перевязаны обрывками шнурков. Всматриваюсь попристальнее: ба! полковник Шумилин! Он меня тоже узнал, остановился и с этакой угрюмой фамильярностью проговорил: «А! Генерал... В мундире... Забавно, забавно...» — «Что за маскарад? — спрашиваю.— На секретной службе, что ли?» Он безнадежно махнул рукой: «Да нет, говорит, это не маскарад, а самая натуральная нищета...» Подумать только! Полковник Шумилин! Дво-

рянин, блестящий офицер, гаер и дуэлянт... Мы служили с ним в одном полку. «Как же это вы так?» — бормочу смущенный. «А так, говорит, все на свете меняется — и люди тоже. А вы, мол, преуспеваете, как видно? Нет ли у вас какой службы? Я мог бы и дворником, если нет ничего другого». Мне стало ужасно горько за нас, за Россию, и я подумал: «Не-ет... Я не сдамся. Буду мстить, мстить...» Мы не можем ныне жить воспоминаниями, не имеем права! Русь распята! Мы должны ее спасать...

Все удрученно молчали, несколько смущенные пафосом генерала.

— Как страшен мир нужды! — произнесла трагическим голосом Полянская.— Со мной тоже был случай... Во время сезона я посещаю все постановки русского балета в Шанхае. В театре часто встречала одну довольно немолодую даму, одетую всегда одинаково: в черное платье с необыкновенно широкими рукавами. Дама всегда занимала первое место от входа. Я приняла ее за любительницу балета, за родственную, так сказать, душу. Придя в театр, невольно искала ее глазами, а найдя, говорила себе: «Все в порядке, значит, есть с кем разделить свой молчаливый восторг». Потом я стала замечать, что дама незадолго до окончания последнего действия всегда уходит. Это меня заинтересовало, и я начала за ней наблюдать. Однажды она села рядом со мной. Мне захотелось заговорить с ней, но что-то меня удержало.

Шел балет «Дафнис и Хлоя» Равеля. Кто видел эту вещь, тот, конечно, помнит волнующие картины античной эпохи, когда судьбой пастуха и пастушки интересовались небожители. Дафниса танцевал Лифарь. Его прыжки, взлеты, пируэты были великолепны. Краем глаза я иногда наблюдала за своей соседкой: как она реагирует на искусство прославленного танцовщика? И вдруг в самый торжественный момент кульминации танца она встает и уходит... Хочу взять платок из сумочки, чтобы вытереть слезы восторга, а сумочки нет. Шарю на полу — нет! И тут меня осенило: широкие рукава! Я сейчас же выскочила из зала и увидела в дверях ее спину. «Задержите!» — крикнула я швейцару. Позвали полицейского. Сумочка моя была при ней. Она не успела ее извлечь из широкого рукава платья. В полиции я узнала, кто она такая,— бывшая фрейлина двора. В эмиграции стала проституткой, а позже — театральной воровкой...

— Анекдот какой-то,— мрачно проговорил Дашков.

— Так ей и надо! Привыкли паразитировать,— проворчал поручик.

— Как вы можете так говорить! — возмутился генерал.— Плакать надо, что большевики довели до такого состояния цвет России.

— Как же! — насмешливо воскликнул Жужубов.— Сейчас зарыдаю, стану безутешно оплакивать этих проституток, которые валялись под Распутиным и продавали Россию немцам оптом и по частям...

— Фи, поручик,— поморщилась Полянская.

А хозяйка дома сердито воскликнула:

— Перестаньте, господа! Как вам не стыдно! Неужели нельзя спорить прилично?

— Неправда, что ли? Там были проститутки и здесь пошли по проторенной дорожке. Голубая кровь... Хе, хе-с...

— Ну уж вас-то, поручик, не заподозришь в принадлежности к голубой крови,— съязвил Черновский.

— И слава богу,— усмехнулся Жужубов.— Я здорового купеческого звания. Если бы дохлое дворянство отдало власть в наши руки...

— Власть не отдают, ее отбирают. Вы попробовали отобрать, да не сумели удержать, ротозеи, отдали большевикам... Ваш Керенский просто болван...

— Он такой же наш, как и ваш. Вместо того чтобы провести земельную реформу, он пытался сохранить ваши поместья, на чем и погорел...

Жужубов говорил странно срывающимся, хриплым голосом, и женщины испуганно посмотрели на хозяйку.

— Господа,— поспешил на помощь хозяйке молчавший до этого капитан Кучимов,— господа, к чему эти запоздалые споры? Будем бодро смотреть вперед! Давайте поднимем бокалы за матушку-Русь. Я лично оптимистически смотрю на ее будущее, хотя и не знаю — кому из нашего поколения найдется там место.

— Браво! — иронически сказал Черновский и трескуче похлопал сухими ладонями.

Все эти споры и разговоры для Анны не были новостью. Бродяга-полковник, фрейлина-проститутка... Все они погрязли в трясине эмиграции. Хулиганят, злобствуют, бьют окна в советском посольстве и мечтают въехать в Россию на белом коне. И ее муж туда же. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней... Коммерсант...

Ее мучила затаенная тоска. Как странно сложилась

судьба... Эмигрантка, наравне с этими... Хотя что ей большевики? Могла бы жить на родине.

— И все же, господа,— продолжал между тем Кучимов,— в России происходит что-то любопытное... Я часто встречаюсь в порту с советскими моряками — они рассказывают удивительные вещи.

— Судя по договору с Китаем, «удивительные»...— насмешливо произнес Черновский.— Советская Россия отказывается от всех контрибуций, прав и привилегий царской России в Китае... Скажите пожалуйста, как щедры большевики! Да и то сказать — не ими завоевывалось, не жалко!

— Дипломатия — штука тонкая,— неопределенно возразил капитан.

— Однако ваши встречи с советскими моряками не прошли бесследно,— возвысил голос Черновский, неодобрительно поглядев на капитана.

— Возможно,— несколько вызывающе ответил Кучимов и демонстративно отвернулся от генерала.

«Какой симпатичный человек,— подумала Анна, исподтишка рассматривая капитана.— Какие умные, проницательные глаза...»

Ночью Анна долго не могла заснуть. Она ворочалась, вздыхала и все думала о своей странной судьбе, которая свела ее с людьми, совершенно чуждыми ей.

Муж наконец поинтересовался, отчего ей не спится.

— Да так...— ответила нехотя, не желая почему-то делиться с ним своими мыслями.

— А у этого рыжебородого, видать, денег куры не клюют,— после некоторого молчания неожиданно произнес муж.— Нужно его потрясти...

Анне был противен этот разговор, и она промолчала, притворившись засыпающей.

Муж сумел-таки занять крупную сумму денег у Федорченко. Кто-то из эмигрантов свел его с дельцами судоремонтной фирмы, и через некоторое время Валенкус открыл лесопильный завод на улице Байкал, где обосновались одни русские, сибиряки.

И снова по вечерам он щелкал на счетах, подсчитывал барыши и мечтал разбогатеть.

Анна вдруг почувствовала, что не может больше жить

с Валенпусом, он ей опостылел. Опостылели его нечестные махинации, вечные разговоры о деньгах. Они часто ссорились последнее время. Анна упрекала его за нечестность в делах, за то, что занимает деньги, не намереваясь их отдавать. Муж злился: мол, подумаешь, какая честная... А в последней ссоре он довольно резко сказал ей: «Можешь оставаться при своих убеждениях, и пусть тебе помогут благотворительные комитеты».

Анна почувствовала, что тупеет, теряет интерес к жизни. И однажды за завтраком объявила:

— Я ухожу от тебя.

Может, это было неожиданно для нее самой. Но мысль уйти, убежать от этой жизни овладела ею давно. Пусть нужда, голод, чужбина,— она больше не может! Душа жаждет освобождения...

Муж изумленно посмотрел на нее, язвительно спросил:

— Куда, позвольте узнать?

— Неважно...— упрямо ответила Анна.

— Значит, надоели мои заботы? Надоела сытая жизнь? — продолжал язвить муж.— На панель захотела? Муж староват стал...

— Прекрати! — вспылила Анна, она не хотела выслушивать еще и пошлости.

— Что ж, уходи,— мстительно проговорил Валенипус.— Только без документов ты далеко не уйдешь, а развода я тебе не дам.

— Ну и ладно...— ответила пренебрежительно.

Встала из-за стола, прошла в спальню. В страшном возбуждении, почти не сознавая, что делает, стала кидать из шкафа на кровать какие-то вещи. Запихала все в чемодан, огляделась. Сердце невольно сжалось от тоски и тревоги. Господи, что же это она делает? Но остановиться уже не могла. Какая-то неведомая злая сила влекла ее из этого дома.

Вышла на улицу. Город шумел враждебно и отчужденно. Куда же идти? Вспомнила о Кучимовых. Эти не прогонят. Она почему-то верила в них. Из всех знакомых они казались ей наиболее порядочными.

Взяла такси и поехала на улицу Хэйг, где жили Кучимовы. Дома была одна жена капитана. Выслушав взволнованный рассказ Анны о ссоре с мужем, о том, что больше не вернется к нему, Кучимова призадумалась.

— А не погорячились ли вы, милочка? — обратилась

она к Анне.— Пока не поздно, может, помириться вам?

— Нет,— твердо сказала Анна.— К Валенпусу я больше не вернусь.

Она заплакала.

— Ну, ну, успокойтесь,— начала утешать Кучимова.— Живите у нас сколько хотите. Только вот я думаю о превратностях эмигрантской жизни — трудно вам придется.

— Жилье я себе найду,— обрадовалась Анна,— и работу найду... Я всего на несколько дней... Буду вам помогать по хозяйству, я ведь все умею делать...

— Ну, хорошо, хорошо, только не плачьте,— улыбнулась Кучимова.

Две недели она прожила в семье капитана. Устроиться на работу оказалось делом нелегким. Пошла в финское консульство, попросила отдельный паспорт. Но ей ответили, что без разрешения мужа паспорт выдать не могут. Нужно развестись.

Валенпус не давал ей развода, надеясь тем самым принудить к возвращению. Без паспорта не брали на работу. Вот тогда-то она и нанялась посудомойкой в кабаре «Кристалл» на рю Чу Пао Сан. Приняли без всяких документов, потому что мало кто задерживался в этом страшном месте.

И жилье нашла — жалкий угол у русского домовладельца-эмигранта.

Иногда к ним в кабаре заходил полицейский харбинец выпить кружку пива — он часто дежурил на рю Чу Пао Сан. Он-то и научил ее, как обзавестись документом. Пойди, мол, в русское эмигрантское бюро и попроси выдать тебе как эмигрантке удостоверение личности.

Так она и сделала. Сказала, что бежала от большевиков из России без всяких документов. Удостоверение выдали.

И хотя в Шанхае было очень трудно найти приличную работу, ей все же удалось поступить в магазин русских купцов Дарановских. У Поповых она научилась разбираться в мехах, и это ей очень помогло.

Двадцать пять долларов в месяц у Дарановских было слишком мало — едва на хлеб. Анна стала искать другую работу. А потом с помощью капитана устроилась на двухмесячные курсы госпитальных работников в профессиональную школу, которую содержало благотворительное общество, возглавляемое дочерьми английского короля. По совету капитана стала изучать разговорный англий-

ский язык. «Всегда легче устроиться на работу, если знаешь язык»,— сказал он Анне.

По окончании курсов ее направили в английский госпиталь сиделкой в инфекционное отделение. Кроме того, ходила по частным квартирам по госпитальному обслуживанию. Платили хорошо, и она воскресла.

Пять лет живет одна. За эти пять лет много испытала горя, своего и чужого, но ни разу не пожалела о том, что ушла от Валенцуса. Анна очень сдружилась с семьей капитана, стала для них своим человеком. У капитана было два взрослых сына, старший служил в английской полиции, младший учился в американской школе. Оба проявляли глубокий интерес к жизни в Советской России. Была еще дочь, которая вышла замуж за инспектора английской полиции и жила отдельно от родителей.

— Так уж получилось,— развела руками Кучимова.— Любовь...

И все-таки Анну мучило одиночество. Неужели так и будет всю жизнь одна?..

Теперь ей отказывают в квартире, а у нее бронхит, самочувствие неважное, особенно в такую ненастную погоду. Вот уже несколько месяцев ее донимает эта коварная болезнь.

Сейчас бы на родину, в Сибирь с ее чистым, звонким воздухом, напоенным ароматом тайги. Или в уральскую степь, сухую, душистую, насквозь прокаленную знойным солнцем.

Да, одиннадцать лет беженской жизни не отучили Анну от России. Вернуться бы... Но как?

Дождь усилился, он разогнал праздных зевак и пешеходов. Анна тоже поспешила под крышу автобусной остановки. Надо ехать домой. Объяснение с хозяйкой все равно неизбежно. Ехать далеко, за город, в Гонконг, а нужно еще отдохнуть после ночного дежурства.

И тут Анна подумала: а не поговорить ли ей с самим немцем?

Она представила себе рыжего, мутноглазого толстяка, страдающего одышкой от ожирения. Вряд ли с таким договоришься!

Но все получилось не так, как воображала Анна.

Он постучался. Вошел в ее комнату, внимательно оглядел убогое жилище. Стол, кровать, два старых облез-

лых стула, на одном из них чемодан, а из него, будто нарочно, чтобы подчеркнуть все это убожество, до самого пола свисала ярко-розовая лента. Анна рылась в чемодане и едва успела его захлопнуть.

— Макс Клаузен, живу под вами. Зашел поговорить насчет комнаты,— сказал он по-английски.

Как ни смущена была Анна,— перед ней стоял симпатичный молодой человек, сероглазый, темноволосый, стройный,— она сразу же ринулась в бой.

— Ничего не выйдет,— ответила она сердито.— Вам жарко, а мне жить негде... Вы из-за непонятного каприза богача вышибаете на улицу бедную женщину. Стыдитесь!

Говоря эти слова, она яростно, словно гадюку, запихивала под крышку чемодана злополучную ленту. А он стоял и улыбался.

— Кто вам сказал, что я вас «вышибаю»? — все с той же улыбкой спросил он, без приглашения усаживаясь на скрипучий стул.— Я предлагаю вам обмен. У меня прекрасная комната.

— А чем я буду платить за эту «прекрасную» комнату? Вы думаете, я миллионерша? — вызывающе спросила Анна, задвигая под кровать чемодан. Всем своим видом она выражала пренебрежение к «пустому разговору».— Чтоб тебе провалиться,— проворчала тихо по-русски.

— Как бы не так! — ответил он ей тоже по-русски и громко захохотал, забавляясь ее смущением.

Анна невольно рассмеялась.

— Интересно получается...

— Еще бы! — продолжал он на довольно сносном русском языке.— Я предлагаю вам обмен, а разницу в оплате беру на себя!

Анна растерянно поглядела на его улыбающееся лицо. Что за чудак? Так настойчиво обеспечивает себе прохладу. Здесь что-то кроется...

— Нет,— твердо сказала она.

Ее упорство удивило его и огорчило.

— Тогда извините...— Поднялся со стула, подумал и вдруг опять улыбнулся.— Но, я надеюсь, вы разрешите иногда по соседству заходить к вам?

— Что ж, заходите,— милостиво разрешила Анна.

Странный разговор на смеси плохого английского и русского! Коммерсант? Непохож. Скорее всего моряк. По перу Чу Пао Сан Анна научилась угадывать моряка с пер-

вого взгляда. И это знание русского языка. Кто, кроме моряка, может разговаривать на всех языках мира?

На следующий день сосед опять позвонил в дверь Анны.

— Можно? — учтиво спросил он по-русски, а сам уже смело входил в комнату.— Скучно одному. Я приглашаю вас на чай, ведь русские любят чай, не так ли?

«А вот возьму и пойду!» — озорно подумала Анна, с любопытством поглядев на немца. Она честно призналась себе, что он понравился ей с первой встречи.

Его комната показалась ей прямо-таки роскошными апартаментами по сравнению с ее чердачной клетушкой. Приличная мягкая мебель, туалетный столик с большим зеркалом, на окнах нарядные шторы. Особенно Анну привлекла маленькая, сверкающая белым кафелем ванная комната.

— Хорошо? — весело спросил он.

— Очень, очень хорошо! — закивала она головой.

— Тогда — обмен. Вам здесь хорошо, мне — там. Я снимаю весь чердак у госпожи Буклай.

— Нет,— упрямо возразила Анна. — Вы за меня будете платить, это нехорошо. Я такой подарок не могу от вас принять.

— О! Это пусть вас не волнует. Я коммерсант и могу вам помогать,— он умоляюще смотрел на Анну.

— Нет, нет,— решительно отказывалась Анна, направляясь к двери.

— А чай? — растерянно спросил он.

— В другой раз.

Анна поняла, что чай был лишь предлогом, чтобы залучить ее к себе и показать ей свою комнату. На его лице отражалась явная досада, кажется, он даже сердился.

— Хорошо,— будто пересиливая себя, заговорил он опять.— Я вас накажу — сам приду к вам на чай.

Они подружились. Он стал называть ее просто Анни, а она его — Максом.

Макс часто заходил к ней в гости. Он с интересом выслушивал все, что она рассказывала о себе, о своей жизни в Сибири.

— Знаете, Макс, иногда такая тоска по родине одолевает... Хочется в ночь под рождество сесть на тройку и очутиться в своем родном Новониколаевске. Пушистый

вого взгляда. И это знание русского языка. Кто, кроме моряка, может разговаривать на всех языках мира?

На следующий день сосед опять позвонил в дверь Анны.

— Можно? — учтиво спросил он по-русски, а сам уже смело входил в комнату.— Скучно одному. Я приглашаю вас на чай, ведь русские любят чай, не так ли?

«А вот возьму и пойду!» — озорно подумала Анна, с любопытством поглядев на немца. Она честно призналась себе, что он понравился ей с первой встречи.

Его комната показалась ей прямо-таки роскошными апартаментами по сравнению с ее чердачной клетушкой. Приличная мягкая мебель, туалетный столик с большим зеркалом, на окнах нарядные шторы. Особенно Анну привлекла маленькая, сверкающая белым кафелем ванная комната.

— Хорошо? — весело спросил он.

— Очень, очень хорошо! — закивала она головой.

— Тогда — обмен. Вам здесь хорошо, мне — там. Я снимаю весь чердак у госпожи Буклай.

— Нет,— упрямо возразила Анна.— Вы за меня будете платить, это нехорошо. Я такой подарок не могу от вас принять.

— О! Это пусть вас не волнует. Я коммерсант и могу вам помогать,— он умоляюще смотрел на Анну.

— Нет, нет,— решительно отказывалась Анна, направляясь к двери.

— А чай? — растерянно спросил он.

— В другой раз.

Анна поняла, что чай был лишь предлогом, чтобы залучить ее к себе и показать ей свою комнату. На его лице отражалась явная досада, кажется, он даже сердился.

— Хорошо,— будто пересиливая себя, заговорил он опять.— Я вас накажу — сам приду к вам на чай.

Они подружились. Он стал называть ее просто Анни, а она его — Максом.

Макс часто заходил к ней в гости. Он с интересом выслушивал все, что она рассказывала о себе, о своей жизни в Сибири.

— Знаете, Макс, иногда такая тоска по родине одолевает... Хочется в ночь под рождество сесть на тройку и очутиться в своем родном Новониколаевске. Пушистый

снег, от мороза захватывает дыхание. Лошади мчатся во всю прыть. Звенят колокольцы, бренчат балалайки, запорашивает снегом глаза. Хорошо! А первые весенние дни? Солнце. С крыш каплет. Масленица... Блинный дух, переборы гармошки, на площади — карусели, качели, балаганы... Вы когда-нибудь ели русские блины, Макс? Нет? Я вас обязательно угощу.

— Вы так хорошо рассказываете, Анни, что я готов вас слушать хоть до утра. А блины... Я, конечно, с удовольствием...

— Мой отец Георгий Аркадьевич Попов любил поесть. «Анна, подай там настоечки по моему рецептику. А затем простых гречневых блинов,— говорил он, потирая руки.— Но чтобы свежей амурской паюсной — гора! И маслица со сметанкой — море».

Собирались гости, и начиналась пьянка. Тогда я незаметно убегала из дома на площадь, на каруселях кататься с девчатами.

А на красную горку — праздник весны, багульник горит на холмах, появляются первые цветы. Собирается молодежь, девчата и парни, все нарядные. Играют в гармонь, поют песни, хороводы водят, в горелки играют...

— Вы такая русская, Анни, зачем вам Шанхай, почему вы эмигрировали? — поинтересовался Макс.

— Обстоятельства жизни, Макс, больше ничего. Если бы не обстоятельства... Когда-нибудь я все вам расскажу...

— А я родился на острове,— начал свой рассказ Макс.— На острове Нордштранде в Северном море у побережья округа Шлезвиг-Гольштейн. Это на самом севере Германии. Там много островов, и больших и маленьких. Нордштранде — один из наиболее крупных островов. В нашем местечке, где я родился, была даже церковь и ремесленная школа, в которой обучали разному мастерству. Мы, островитяне, жителей материка презирали — они казались нам слишком крикливыми. У нас на острове жизнь протекала тихо, спокойно, без происшествий, каждый знал, чего хотел. А хотел каждый разбогатеть, заиметь хорошую многовесельную лодку, снасти, ловить рыбу и продавать ее. На острове в основном жили рыбаки.

Вы спрашиваете, Анни, пробовал ли я русские блины? А вы пробовали сушеную камбалу, копченую корюшку или свежую жареную навагу, только что пойманную? То-то же!

Я любил свой остров. Этот вечный гул океана, дневное сияние, белые ночи, оглушительный гомон птиц. Мы, молодежь, развлекались почти так же, как и вы, только танцевали под губную гармонь. Собирались у кого-нибудь дома на праздник. Девушки знакомились с парнями, выбирали себе по сердцу милого. Старались выйти за того, кто побогаче. Пожалуй, практичность всегда брала верх над чувствами.

Мой отец слыл богатым и уважаемым человеком, потому что имел лавочку. Лавочка была крошечная, с разной мелочью: нитки, иголки, пуговицы, кружевца для девушек, но на взгляд жителей местечка считалась роскошным магазином.

Кроме того, отец был хорошим механиком, то есть ценным человеком в местечке. Умел починить велосипед, лодочный мотор, какой-нибудь нужный механизм на рыболовном судне. Я тоже пристрастился к механике. Вечно мы с отцом возились в сарае, все в масле, что-нибудь чинили.

По окончании школы сначала помогал отцу в лавке, а потом меня отдали в ученье кузнецу. По вечерам занимался еще в ремесленной школе. Мне хотелось стать моряком. По ночам я с завистью смотрел на огни кораблей в открытом море. «Вот изучу механику и сам буду водить такие корабли»,— мечтал я.

— Я сразу угадала, что вы моряк,— сказала Анна.

— Верно, моряк! Но почему вы так подумали?

Анна засмеялась и ничего не ответила. Макс продолжал свой рассказ:

— В семнадцатом году меня призвали в армию. Я попал в корпус связи и служил на Западном фронте, воевал с французами. Неделями жили в земле, подчас по колено в грязи, каждый день теряли то того, то другого товарища...

Войне и конца не предвиделось. Залегли в окопы по всем фронтам: и на Западе, и на Востоке, вроде обессилели все, а прекратить кровавую игру не знают как. А тут революция в России... Солдаты братаются, немцы кричат: «Frieden!» Французы кричат: «Paix»! Дисциплина к чертям. «Долой войну! Пора по домам!» Особенно активными были солдаты, вернувшиеся с Восточного фронта, они сеяли антивоенные настроения.

Многие сочувствовали русской революции. Отец пи-

сал, что жизнь стала очень трудной, все забирают на фронт — и хлеб, и скот.

Два года я проторчал в окопах. Потом вернулся домой. Вернулся и пошел работать к своему прежнему мастеру-кузнецу.

«Ну как, Макс, навоевался? — спрашивает.— Небось чувствуешь себя героем, патриотом?»

«По горло сыт»,— отвечаю... Чудной был старик, хороший человек. Кроме ремесла я многому у него научился.— Макс загадочно усмехнулся.

— А как вы моряком стали? — спросила Анна.

— Уехал в Гамбург и устроился механиком на торговое судно. Мечта моя исполнилась. Но у меня была и вторая мечта — разбогатеть.— Макс лукаво посмотрел на Анну.— Я стал приторговывать и заделался коммерсантом. Сейчас сотрудничаю с немецкой фирмой по продаже мотоциклов «Цундап».

Анне было по сердцу, что оба они трудовые люди, он так же, как и она, боролся с суровостью жизни.

Макс все чаще и чаще заходил на чашку чаю. Анна чувствовала, что нравится ему. Они становились добрыми друзьями. Встречи, длительные беседы стали потребностью с той и другой стороны. Анна с тоской думала о том дне, когда он закончит свои дела в Шанхае и уедет в свой фатерлянд, а она снова останется совершенно одна.

Шанхай бурлил беспрестанными забастовками, битвами, Анну это не волновало — у китайцев свои дела, сам черт не разберется, кто против кого воюет. Эмигранты жили своей обособленной жизнью. Макс объяснял:

— Китай — «золотое дно», из-за которого дерутся такие страны, как Япония, Америка, Англия. Каждая из этих стран борется за свое влияние. Все это может в конце концов привести к новой мировой войне.

— А кто такие коммунисты и чего они хотят? — спросила однажды Анна. Ее давно уже мучил этот вопрос.

Макс посмотрел на нее с нескрываемым интересом.

— Коммунисты — это люди, которые хотят счастья для всех.

— Да? — недоверчиво удивилась Анна.— Как это понимать?

Макс пояснил:

— Я, например, коммерсант и борюсь только за свое счастье и благополучие. Ваш папаша, купец, тоже бо-

ролся за свое личное счастье, приумножая свои капиталы, а эти чудаки коммунисты хотят, чтобы все на земле были равны и счастливы.

— Разве такое возможно? — усмехнулась Анна.

— Они считают, что возможно, у них есть свое учение — марксизм.

— Если коммунисты такие добрые, зачем же они расстреливают людей?

— Кто сказал, что расстреливают?

— Эмигранты рассказывают. В России, мол, сейчас террор, расстреливают невинных людей.

— Эмигранты... Они же ничего не знают.

— А вы, Макс, знаете?

— Откуда же, — усмехнулся он. — Я — честный коммерсант и с коммунистами не якшаюсь.

— А мне почему-то кажется, что они вам по душе, а, Макс?

Макс хохотал и обращал все в шутку.

Однажды сказал:

— Хватит серьезных разговоров! Что вы собираетесь делать сегодня вечером?

— А что вы предложите? — Анна немножко кокетничала, снова почувствовав себя молодой женщиной.

— Сегодня пойдем в кино.

Макс взял билеты на лучшие места, купил ей коробку шоколаду, словом, «ухаживал».

После кино зашли к Анне на чай.

В этот вечер между ними возникли какие-то особо интимные отношения.

— Знаете, Анни, — говорил Макс, — мне показалось, вот, наверно, думает: скуки ради ищет этот немец какое-нибудь приключение. Покраснели? Значит, думали так? Нет?

Анна отрицательно качала головой и беспричинно смеялась.

— Правда? — допытывался он. — Ну, если — нет, то я очень рад. Потому что совсем это не то... Просто мне с вами... Вы... — он запнулся, — мне с вами очень хорошо.

Смущенно посмеиваясь, она ответила:

— Вот теперь, Макс, когда мы стали друзьями, я готова поменяться с вами комнатами, раз уж вам этого так хочется...

— Да? — обрадовался он. — Ловлю вас на слове.

На другой день Макс отнес ее вещи на второй этаж,

а свои — на третий. Анна стала обладательницей чудесной комнаты с ванной, а Макс снял у мадам Буклай весь чердак.

В один из воскресных дней он пригласил ее в ресторан.

— Я хочу познакомить вас со своим другом.

— Что это вы придумали, зачем? — застеснялась она.

— У вас очень усталый вид,— сказал он серьезно.

— Спасибо...

— Значит, вам нравится идея встряхнуться? — обрадовался Макс.

Анна действительно чувствовала себя усталой — госпиталь высасывал все силы, особенно трудно приходилось в ночные дежурства. Донимала жара, влажная, душная. Свежекрахмальное платье сразу превращалось в мокрую тряпку. Больные стонали, беспрестанно просили пить, требовали специального внимания.

После его ухода заглянула в зеркало. Оттуда навстречу ей посмотрело отражение — осунувшееся лицо, синева под глазами и уже тонко наметившаяся вертикальная морщинка на лбу.

Стоя среди комнаты, задумалась: что надеть? Давно уж ничего себе не покупала. Перебрала в шкафу свой скромный гардероб. Остановилась на простом черном шелковом платье. Пожалуй, наиболее приличное из всех имеющихся, но какое старомодное! Разве можно пойти в ресторан с мужчиной в таком платье? Анна чуть не плакала от огорченья. И вдруг вспомнила... Она совсем забыла про шаль, про черную кашемировую шаль в алых розах. Кинулась к чемодану. Вынула шаль, бережно развернула ее, набросила на плечи. «Именно то, что надо!» — обрадованно подумала она, любуясь на себя в зеркало. Шаль была подарена ей Поповыми к свадьбе, когда Анна должна была венчаться с Мишкой Афанасьевым. Каким-то чудом сохранилась!.. У нее где-то есть шелковые чулки и пара вполне приличных туфель.

Макс ничего не сказал по поводу шали, но по его одобрительному взгляду Анна поняла, что одета вполне прилично.

Робко ступила в сверкающий огнями зал ресторана.

Гремел джаз-банд, и нарядные пары кружились в вихре танца. Макс подвел ее к столу, за которым сидел мужчина. При виде Анны он тут же встал.

— Рихард,— представил своего друга Макс.

Рихард понравился Анне — он был очень представительный со своими прямыми плечами, высокой фигурой и мужественным лицом. Его серо-голубые глаза улыбались и, казалось, видели все сразу.

— О, вот это экзотика! Русская шаль...— воскликнул он.

Анна смутилась, не зная, как расценить его восклицание. Робко спросила:

— Она вам нравится?

— Конечно! Очень красивая и очень вам к лицу.

Он пригласил ее на танец.

Анна сразу определила, что Рихард не простой человек. Подметила также, что хоть Макс и обращался с ним запросто, по-товарищески, но с оттенком особого уважения. И еще она подметила, что оба они мало походили на коммерсантов. Рихард был очень оживлен и весел. Макс сказал, что он в прошлом моряк, а сейчас, мол, занялся коммерцией. Анна танцевала то с Рихардом, то с Максом. Давно она не испытывала такого удовольствия.

Они наперебой ухаживали за ней.

— Вы должны заказать любимое блюдо,— обратился к ней за столом Рихард.— В китайском ресторане так принято.

— Спасибо, здесь всего достаточно,— скромно ответила Анна.

— А знаете ли вы, как называется самое изысканное китайское блюдо? — Рихард посмотрел на всех смеющимися глазами.— «Битва тигра с драконом», готовится из мяса кошки и змеи.

— Ты ел? — поинтересовался Макс.

— А как же! Быть в Китае и не попробовать коронного блюда?

— Ты смелый парень!

— Хотите попробовать? — не унимался Рихард.

— В другой раз,— засмеялась Анна.

А Макс добавил:

— Чересчур экзотично...

По дороге домой Макс сказал Анне, что она очень понравилась его другу.

— А он тебе понравился?

— Очень славный. Только Рихард хоть и кажется рубахой-парнем, однако все это напускное.

— Почему ты так думаешь? — озадаченно спросил Макс.

— Не знаю... Но мне так показалось. Он тоже коммерсант?

— Угу. Глава фирмы.

— Тогда все ясно: хотел казаться попроще.

По обыкновению они зашли к ней. И тут за чашкой чая Макс взял ее за руку и тихо заговорил:

— Анни, помните, я сказал вам, что мне с вами очень хорошо?

— Помню...— дружески улыбнулась она.

— Так вот... Я хотел бы, чтобы мы всегда были вместе...

От неожиданности она не находила слов. Потом спросила с таким достоинством, какое могла придать себе, чувствуя, однако, что щеки ее горят:

— Как это понимать — «вместе»?

— Я предлагаю вам стать моей женой,— торжественно проговорил Макс.

Наверное, он что-то уловил в ее взгляде — сомнение, внезапно мелькнувшую тень? Потому что спросил с горечью в голосе:

— Вы сомневаетесь во мне, Анни? Ведь вам тоже со мной хорошо, правда?

— Правда, Макс,— честно призналась она.

— Спасибо.— Он поцеловал ей руку.— Я не требую немедленного ответа. Обдумайте мое предложение...

Он встал, смущенный не меньше, чем она.

И когда дверь за ним закрылась, Анна еще долго сидела в оцепенении, а потом, не отдавая себе отчета в том, что с ней, стала плакать. Слезы катились из глаз, и она даже не пыталась их унять, потому что от них становилось легче. Казалось, слезы уносят ее страх, ее горе, неприятности, смывают прошлое.

Совершенно разбитая усталостью, но счастливая, легла она наконец в постель. Но сон не приходил, лежала с открытыми глазами, вспоминала все подробности этого чудесного вечера и думала, думала о Максе...

...Они стали жить вместе. Анна привела в порядок их маленькое хозяйство. Было огромным счастьем заботиться о Максе, доставлять ему всякие маленькие радости. Какой нелепой казалась ей теперь жизнь с Валениусом, ради которой она пожертвовала всей своей молодостью.

Однажды встретилась на улице с Кучимовыми. Увидя ее, они очень обрадовались, кинулись целоваться по русскому обычаю.

— Вы выглядите счастливой,— заметила жена Кучимова.

— Я вышла замуж! — ликующим голосом сказала Анна.

Супруги сердечно поздравили ее, пригласили в гости. Разговорились. Анна узнала, что генерал Черновский прошлой осенью погиб на КВЖД. Он командовал белогвардейскими частями.

«Туда ему и дорога»,— с неприязнью подумала Анна, вспоминая неприятного чванливого генерала. Но как гром среди ясного неба прозвучала для нее новость — умерла Полянская... Хотела уехать в СССР. Уже оформила документы, но в день отъезда была сбита какой-то машиной. Жужубов подался к генералу Семенову.

Смерть Полянской потрясла Анну. Неужели сбили нарочно, чтобы запугать других? И кто это сделал? Может быть, тот же Жужубов по заданию белогвардейцев? Полянская была известной балериной, и ее отъезд в СССР имел бы резонанс среди эмигрантов.

Макс не отказался от чердачных комнат. Он сказал, что они нужны ему как рабочие помещения. К нему, мол, будут приходить клиенты, деловые люди. Однако не старался обставить эти комнаты поприличней — все оставалось по-прежнему: старые скрипучие стулья, убогие столы, диваны не первой свежести. «Успеется»,— сказал он Анне. Свои частые отлучки объяснял поездками по делам фирмы. Из поездок возвращался усталым. По вечерам иногда уединялся и просил ее никого не принимать, будто его нет дома.

Все это наводило Анну на мысль, что Макс занимается чем-то запретным. Помня, как Валениус торговал опиумом, она очень волновалась — не занимается ли и Макс чем-то подобным? Однажды прямо спросила его об этом. Он рассмеялся, но смех его показался ей не вполне искренним.

— Успокойся, Анни, твой муж самый положительный человек и никогда не будет заниматься плохими делами,— полушутя-полусерьезно сказал он ей. А вскоре объявил, что уезжает в Кантон, и, возможно, надолго. Но пусть она не волнуется и терпеливо ждет.

...Душное шанхайское лето было уже на исходе, а Макс все не возвращался. И хотя он часто писал, присы-

лал деньги, Анна была в тревожном сомнении относительно своей дальнейшей семейной жизни. Он уехал в апреле, а сейчас подходил к концу уже август.

Уезжая, Макс советовал ей уйти из госпиталя: работа, мол, трудная, опасная и незачем рисковать, уж он о ней сумеет позаботиться. Но Анна, с таким трудом получившая эту работу, боялась ее оставить, она давала ей полную самостоятельность.

Работа была действительно очень трудная и опасная, особенно летом, когда в госпиталь поступало много больных инфекционными болезнями — тропической дизентерией, холерой. Были случаи, когда сиделки заражались и даже умирали. И все-таки Анна не хотела терять восемьдесят долларов в месяц — где еще столько заработаешь?

Шанхай жил своей обычной жизнью,— днем демонстрации рабочих, студентов, перестрелка с полицией, ночью — бредовый пламень вывесок, огни ночных кафе, истерические выкрики, гремящие джаз-банды, бегущие автомобили и люди, гоняющиеся за несбыточным и далеким и забывающие о том, что близко и дорого.

Иногда Анна наведывалась в порт и подолгу ждала пароход в надежде встретить Макса. На реке, у самого берега, качались на воде сампаны, в которых семьями ютилась китайская беднота. Пьяные американские матросы покупали у родителей несовершеннолетних девочек и с хохотом волокли их на свои корабли. Анна с ненавистью и омерзением провожала глазами этих здоровенных, красномордых парней, в руках которых бились худенькие, плачущие подростки. Хотелось пристыдить их, закричать: «Что же вы делаете, негодяи?!»

У причалов и складов толпились сотни безработных китайцев. Иногда между ними возникали жестокие, кровавые побоища.

Он приехал совершенно неожиданно. Два коротких знакомых звонка заставили Анну задрожать от радости — так звонил только Макс! Не помнила, как распахнула дверь, даже не спросив кто. В дверях стоял Макс, ее Макс, целый и невредимый, улыбающийся во весь рот.

— Рискованно открываешь, а вдруг злой человек? — шутливо сказал он, роняя на пол чемодан и заключая Анну в крепкие объятия.

Минуту разглядывали друг друга. Он выглядел все таким же сильным и здоровым, но лицо его осунулось и вроде постарело. На висках пробилась легкая седина, а в уголках глаз появились тонкие лучики морщин.

— Соскучилась? — весело спрашивал он.

— Ох, Макс, не то слово... Я просто не жила без тебя...

— Я — тоже...

Анна в счастливом порыве ухитрялась делать все сразу: чистила и убирала вещи Макса в шкаф, искала ему свежее белье, готовила ванну. Мимоходом заглянула в зеркало, подмигнула себе, засмеялась.

— Анни, я приехал за тобой. Теперь мы будем жить в Кантоне,— несколько позже сообщил ей Макс.

— Да?! — удивилась Анна.

— Завтра уезжаем.

— Так скоро? — растерялась она.

— Дела. Сама понимаешь, для коммерсанта время — деньги.

— А как же с работой?

— Ты не ушла из госпиталя, как я тебя просил?

— Нет...

— Разве тебе мало было тех денег, что я присылал?

— Что ты, Макс! Они же все целы!

Анна открыла шкаф.

— Вот они, эти деньги,— показала Максу солидную пачку.

— Майн готт! — воскликнул он.— Зачем же ты их копила? Истратила бы на покупки, тебе давно пора купить себе что-нибудь новенькое. Ты очень скупишься для себя...

— Я подумала... Да мне ничего и не надо, все есть...

— Ты подумала, что если я, паче чаяния, не вернусь, деньги пригодятся на черный день. Так-то ты веришь своему лучшему другу?

— В жизни всякое бывает, Макс,— сказала Анна трезвым голосом.

— Ах ты, мой бедный философ,— улыбнулся он,— нет уж, теперь ты от меня никуда не денешься, я тебя не отпущу...

— До завтра я не успею взять расчет,— сказала Анна жалобно.

— Так и быть — поедем послезавтра, но не позже!

— Мы больше не вернемся в Шанхай? — спросила она.

— Возможно, вернемся, дела покажут.

— А как же квартира? Жаль оставить — так трудно найти, а мы с тобой славно устроились.

— Насчет квартиры не волнуйся, найдем, если понадобится. В Кантоне мы будем жить в огромном, шикарном доме. Скучно тебе не будет, в доме живет еще мой помощник с женой. Очень милая пара. Между прочим, русские.

— Из эмигрантов?

— Да, он белогвардейский офицер, бежал от большевиков в восемнадцатом году. Сильно бедствовал. Ходил по ресторанам, играл на мандолине и пел песни, этим и зарабатывал на жизнь. У него еще старуха мать и сын, они живут здесь, в Шанхае.

— Игрой и пением зарабатывал? Я знавала одного такого; тоже бывший офицер.

— Хороший человек, между прочим,— продолжал рассказывать Макс,— только очень больной. Много лет был офеней — торговал вразнос мелким товаром. Исколесил всю Маньчжурию, Северный и Южный Китай, хорошо знает жизнь страны, говорит по-французски, по-английски, по-китайски и даже по-японски. Представляешь себе? Целыми днями бродил со своим коробом в любую погоду, сильно простудился, заболел. Теперь — чахотка. Мечтает вернуться в Россию, но трусит; боится большевиков. Он хороший помощник, очень честный.

На следующий день Анна взяла расчет. Без сожаления покинула госпиталь,— прощайте ночные горшки, судна, клизмы, страдальческие лица больных, пусть кто-нибудь другой просиживает здесь бессонные ночи. Она достаточно повидала в этих стенах чужих страданий, слез, смертей. Пожалуй, с нее действительно довольно.

Рассчитались и с мадам Буклай. Венгерка лицемерно жалела, что «теряет таких порядочных, уважаемых жильцов».

Путь в Кантон лежал через Гонконг.

— В молодости каждый моряк мечтает увидеть Гонконг, мечтал и я,— рассказывал Макс.— Бывалые моряки восторженно расписывали тамошнюю жизнь, всякие увеселительные места, портовых экзотических красавиц, встречи с моряками всего мира. Я ведь плавал по строго ограниченному маршруту: Гамбург — порты Балтийского мо-

ря. Серые, холодные краски, будничная деловая обстановка. А там — океан, пальмы... Одним словом, мечта...

Сказочный остров действительно превзошел все мои ожидания. Ты сама увидишь, только вот насчет веселой жизни... В порту беспрестанные столкновения китайских грузчиков с английскими войсками и полицией, пьяная матросня, проститутки, все та же беднота, живущая в сампанах...

Что такое Гонконг? Английская колония, военно-морская база Британской империи, ворота Англии в Китай. А веселые гонконгские моряки устроили тут в двадцать втором году такую стачку вместе с грузчиками, что и у нас в Европе всех матросов подняли на ноги.

— Ты говоришь словно красный! — изумлялась Анна.

— Да? — спохватывался он. Но ему хотелось рассказать Анне все, что он знал о Гонконге.— Раньше это был китайский остров Сянган. В девятнадцатом веке в Китай начали проникать иностранцы, главным образом англичане. Они стали ввозить в страну опиум. Китайское правительство распорядилось уничтожить запас опиума английских купцов. Это послужило поводом к войне между китайцами и англичанами, англичане победили и заставили китайцев подписать всякие кабальные договора. Остров Сянган они сделали своей колонией и военно морской базой, назвали его Гонг-Конг. Позже прихватили еще полуостров Коулун, который отделяется от Гонконга проливом, да полосу материка километров тридцать. В Коулуне нас будут трясти английские таможенники.

Пароход качался на могучих прозрачно-синих волнах беспредельного океана. Было жутко смотреть в эту волнующуюся беспредельность, то неправдоподобно синюю, то изумрудно-зеленую.

— Для Балтийского моря такие волны уже шторм, а для батюшки Тихого океана всего-навсего жалкая рябь! — восхищался Макс.

Когда-то Анна совершила длинное путешествие по Северному морю в Финляндию в обществе другого человека...

Тогда была война, но до нее, семнадцатилетней женщины, как-то не доходила мысль об опасности этого путешествия. Она чувствовала себя счастливой, радовалась тому, что вырвалась от Поповых, что у нее такой солидный муж, ученый человек. Каким нелепым и смешным казалось ей сейчас ее прежнее понятие о счастье.

В сущности, ее никто никогда не любил, всю жизнь окружали постылые люди. Если бы не Макс, она, пожалуй, утратила бы веру в людей.

На подходе к Гонконгу пароход медленно лавировал среди рифов и скал.

— Вот и Гонконг!

Макс указал Анне на огромную скалу-остров. У подножия красных холмов, на выбитых в скале террасах, раскинулись белые дома и утопающие в зелени виллы города Виктории. Широкий пролив, отделяющий остров от пирса на материке, был усеян многочисленными судами — пароходами, джонками, иностранными крейсерами. К берегу беспрестанно приставали и отваливали маленькие катера, чисто выскобленные сампаны, совсем не похожие на шанхайские с их «рыбьими глазами».

Пароход остановился, спустили трап, и Анна с Максом сошли на набережную.

День склонялся к вечеру, но было невыносимо душно — здесь чувствовались тропики. Всюду сновали полуголые грузчики и рикши, женщины-кули перетаскивали на коромыслах и на грузовых платформах с колесами разные тяжести. Было шумно и очень людно. С важным видом расхаживали полицейские-индусы и английские военные.

До Кантона можно было ехать пароходом по реке Сицзян или на поезде, что было значительно быстрее.

Поезд на Кантон отправлялся прямо из порта поздно вечером. Из окна вагона виднелось море и огни пароходов. Поезд то и дело нырял в туннели, словно проваливался в преисподнюю, выскакивал и снова бежал по самому берегу моря. Иногда он так изгибался, что Анна видела весь состав, сверкающий огнями окон.

— Мы будем жить на территории английской концессии Шамянь,— сообщил ей Макс.— Это небольшой островок на реке Чжуцзян в самом центре города. Там находятся все консульства, иностранные фирмы, шикарные магазины, так что тебе будет где истратить сбереженные деньги! В общем, район аристократический. Дом очень большой, сама увидишь. Мы сняли его у одной богатой индийской фирмы.

Квартира была подавляюще шикарная. Холл, картины, камин... Анна робко ходила по комнатам, боясь присесть на нарядную мягкую мебель. Осторожно справилась:

— Наверно, очень дорогая квартира?

— Сто семьдесят пять долларов в месяц...

— Сто семьдесят пять долларов! — ахнула Анна.

— Эту нашли с большим трудом,— сказал Макс.— На второй половине дома живут Мишины, так что полная изоляция!

На другой день Макс познакомил ее с Мишиными. Анна глазам своим не поверила, когда в Мишине узнала человека с улочки рю Чу Пао Сан. Это он играл на гитаре и пел романсы! Господи, как же он сделался помощником Макса?

Несколько дней Зина, жена Мишина, знакомила Анну с городом. В отличие от колониального Шанхая, где на каждом шагу маячили английские вывески магазинов, Кантон был чисто китайским торговым городом. Вдоль набережной тянулась главная улица, шумная, оживленная, переполненная народом. Днем и ночью здесь шла бойкая торговля всевозможными товарами, которые лоточники разносили на коромыслах в легких бамбуковых корзинах. В ярко освещенных магазинах всегда толпился народ. Грубо накрашенные проститутки, еле прикрытые цветными тряпками, густо фланировали по набережной. На реке, так же, как и в Шанхае, жили в лодках целые семьи бедноты — речные кули.

Зато на острове Шамянь жизнь протекала тихо и спокойно. Здесь была Европа в миниатюре, представленная главным образом англичанами. Остров Шамянь всей своей обстановкой жизни символизировал господство Англии в Южном Китае.

Через несколько дней Макс с озабоченным видом сказал Анне, что ему очень нужно поговорить с ней. Анна удивилась и встревожилась.

— Что-нибудь случилось, Макс? — испуганно спросила она.

— Нет, нет, успокойся. Просто я должен кое-что рассказать тебе.

Он усадил ее на диван, сам устроился напротив в глубоком кресле.

— Видишь ли, Анни,— начал Макс напряженным голосом,— я работаю нелегально для СССР. В Китай прибыл по особому заданию.

Анна словно онемела от изумления и только смотрела на него широко открытыми глазами. Ее Макс красный! Невероятно...

— А тот, с которым ты познакомил меня в ресторане? — наконец хрипло произнесла она.

— Он — тоже. Рихард со дня на день должен приехать в Кантон.

— Значит, ты тоже хочешь счастья для всех людей? — проговорила она с насмешливой отчужденностью.

— Да, Анни. И прежде всего я не хочу новой мировой войны. Для того я и мои товарищи приехали сюда.

— Только этого мне не хватало! — сказала она разочарованно.

— Пойми, я не мог признаться тебе сразу, не имел права...

— Ну да, ты изучал меня, словно подопытную крысу... Теперь я понимаю, почему ты женился на мне, — из-за квартиры! Тебе нужен был чердак для нелегальной работы.— Анна чувствовала себя глубоко несчастной — опять обман...

— Ты не права, Анни. Я бесконечно счастлив, что встретил тебя. Мне показалось, что я нашел именно то, что до сих пор искал,— верную подругу жизни, готовую разделить со мной нашу общую судьбу... Если я ошибся — прости...

— Не знаю, Макс,— в растерянности пролепетала Анна. Господи боже мой, только бы он действительно любил ее...— И ты был в СССР? — уже с любопытством спросила она, внимательно разглядывая его, будто впервые видя.

— Не только был, но и жил там некоторое время.

— Расскажи мне все по порядку, Макс,— попросила она.

— Война всему причиной. Началось еще там, на фронте. После одной жестокой атаки, когда почти весь наш батальон полег за какую-то высоту, я вдруг задумался: за что мы воюем? Ради чего месяцами гнием в мокрых земляных пещерах? Отец писал о повальном голоде там, в тылу, о болезнях, которые косят ослабевших людей, о том, что сутками простаивает за скудными продуктами, а я воюю за какие-то колонии для богачей, за рынки сбыта, чтобы всякие Круппы еще больше разбогатели, за чужие земли для помещиков. И я сделал открытие для себя: нас просто надули! Купили высокими словами: «нация», «отечество», «Германия превыше всего»!

И когда в России произошла революция, мне стало ясно, за какое отечество нужно драться: за свое, трудовое, а не за кайзеровское и крупповское. Но не только я

один оказался таким догадливым. Возмущение бессмысленной бойней уже охватило всю армию. Дисциплина полетела к черту. Солдаты разоружали офицеров, срывали с них погоны. В городах бастовали рабочие. А в ноябре восемнадцатого года разразилась революция. Мы еще воевали, когда до нас дошла весть о победе рабочих, о том, что кайзер удрал за границу. Солдаты ликовали: конец войне! Вся власть рабочим и солдатским Советам! Но оказалось, ликовать было рано,— нашлись влиятельные предатели, которые передали власть буржуазии, восстание берлинских рабочих было подавлено. Коммунистическая партия только еще организовывалась и не смогла возглавить революцию.

Мы были разбиты Антантой. Война завершилась, я наконец вернулся домой. Отец совсем разорился, обветшал, впал в уныние. Да и как было не впасть — в стране черт знает что творилось: голод, безработица, бесконечные забастовки, полная неразбериха во всем. Никто не знал, что делать. Вся молодежь в нашем округе полегла на войне, а кто и вернулся, так калекой. Пришлось мне стать во главе семьи. Пошел опять к кузнецу,— возьми, мол, в помощники. Взял, хотя сам кое-как перебивался. «Перекуем мечи на плуги?» — пошутил я. «Да нет, говорит, пока еще рано. Тебе, говорит, Макс, нужно в город подаваться, чего тут сидеть? Ты молодой, сильный. Найдешь там себе хороших друзей, которые научат тебя, где приложить свои силы». И я уехал в Гамбург.

Мне посчастливилось устроиться механиком на торговое судно. Я вступил в Союз германских моряков, участвовал в забастовках механиков. Отсидел за это три месяца в тюрьме, а потом опять за свое... Предатели уговаривали: «Хотите американского сала, тушенки, папирос — кончайте с беспорядками». Но мы не продавались! Нам нужна была вся наша Германия. Наша! — понимаешь, Анни?

Макс перевел дух, жадно затянулся сигаретой и продолжал, то расхаживая по комнате, то садясь в кресло напротив Анны.

— Ты спрашиваешь, как я попал в Советский Союз? Конечно, не без помощи своих друзей. Меня взяли механиком на шхуну, которую нужно было перегнать в Мурманский порт. Эту шхуну Советский Союз купил у Германии для своего промыслового флота. Представляешь,

Анни, мою радость, мое волнение, когда я узнал, что еду «туда», увижу все собственными глазами...

Советские моряки встретили нас как друзей. По нашей просьбе показали нам порт, подробно рассказали об условиях труда. Нас поразила величина порта и хорошая оснащенность. На рейде стояло много судов с разными грузами. А как они гордились своим портом, своими успехами! Все ведь было разрушено войной. Четыре года войны да три года внутренней междоусобицы, интервенция... Рассказывали, какие трудности пришлось переживать. Голод, нехватка всего. А теперь, мол, прочно стоим на ногах! Пригласили нас в клуб моряков. Музыка, танцы, веселье... Люди хорошо одеты, шутят, смеются. Совсем другая, чем у нас, атмосфера, атмосфера свободы. А главное — всеобщий энтузиазм: на себя работают, на свое государство! Очень меня вдохновила эта поездка, словно глотнул свежего воздуха в ясный морозный день. Я понял тогда, что только такая система может восстановить Германию, обеспечить мир. Через год у меня появилась возможность поехать в Москву. Это соответствовало моему давнему желанию. В Москве поступил на курсы радистов. А когда на КВЖД возник инцидент, я согласился стать советским военным разведчиком и поехал в Китай.

Анна сидела, опустив голову на руки, и молча слушала. Она вдруг с ясной определенностью поняла, что перед ней человек трудной судьбы и жизнь с ним будет нелегкой.

— Как все это неожиданно, Макс! — задумчиво сказала она, поднимая на него глаза.— Не ошибся ли ты, выбрав именно меня в свои подруги?

— Думаю, что нет, Анни! — горячо возразил он.— Я верю в тебя, верю в то, что ты можешь стать моим истинным другом на всю жизнь.

— Спасибо, Макс. Я тоже верю в тебя, верю, что ты не поведешь меня по плохому пути. Я всегда с тобой...

— Спасибо, Анни. С тобой я чувствую себя вдвое сильней...

Он ушел. Анна подошла к окну, раздвинула занавески. Над крышами домов чуть-чуть оранжевел закат. Под окнами шелестели листья платанов. Она чувствовала себя безумно усталой. Ее жизнь... Какая она запутанная! Все эти годы она словно блуждала в тумане. Только сейчас вдруг осознала оторванность и бедность своей челове-

ской судьбы. Но теперь у нее есть Макс, и она пойдет за ним до конца...

Ночью долго не могла уснуть. Лежа неподвижно с закрытыми глазами, обдумывала все рассказанное Максом. Как-то сразу, совершенно неожиданно вспомнились Поповы, их жестокость по отношению к ней, бедному приемышу, вспомнила компанию «бывших» у Дашковых и то, как они жалели о своей прошлой жизни, вспомнила желчного, злобного генерала Черновского, с его ненавистью к большевикам, к Советской России, и насмешливо-презрительные слова Полянской насчет какого-то сапожника, который стал «первым человеком». Мучительный жизненный опыт давно подсказывал ей, что в мире не все справедливо. Но она считала, что, очевидно, так уж устроена жизнь и с этим ничего не поделаешь. А Макс вдруг распахнул перед ней двери в какой-то сказочный мир справедливости. И этим миром оказалась ее родина, ее страна. А такие, как Макс, Рихард, оберегали этот мир от войны, от врагов. А они ведь иностранцы, так неужели она, русская, останется в стороне?

Когда-то в поисках истины и справедливости она пришла в христианскую секту евангелистов. По их вероучению человека спасает только бог. Всякие жизненные переживания, как и сам человек, имеют временный, преходящий характер, а потому нужно переносить все страдания безропотно и покорно. Но вся ее жизнь опровергла это вероучение.

В Кантон приехал Рихард, но к Клаузенам не зашел, Анна поняла — конспирация. Япония, пользуясь тем, что в Китае сложная политическая обстановка, стремилась расчленить Китай на отдельные автономные провинции и поставить во главе таких провинций подкупленных ею китайских генералов-марионеток. Англия намеренно не препятствовала Японии в военных приготовлениях.

— Хотят подсунуть СССР опасного соседа, а потом спровоцировать войну с Советским Союзом,— говорил Макс.— Провокация на КВЖД не удалась, так они делают ставку на японских милитаристов.

Кантон бурлил забастовками и демонстрациями. Улицы были наводнены полицией, которая не стеснялась в расправах. Слышались частая перестрелка, рокот мотоциклов и вой сирен. Здесь еще жила память о трагических событиях кантонской коммуны, когда восставших рабочих вешали на деревьях, сотнями расстреливали на

улицах города. У Макса сохранились фотографии, на которых были видны повешенные.

Мишин очень страдал от влажной кантонской жары. Он таял на глазах, и его жена была в постоянной тревоге. Зина, как видно, не очень одобряла деятельность своего мужа, но он добросовестно помогал Максу и настойчиво овладевал радиоделом.

— Мишин красный? — спросила Анна у Макса.

— Патриот, так сказать. Верю, мол, в свою Россию, в свой русский народ. Одним словом, романтик со здравым смыслом... Хороший мужик

И действительно, однажды в разговоре Мишин так высказался: «Только дураки думают, что Россия пропадет. Гадают, гадают, какова же ее будущность. Всюду печатают свои прогнозы, мечтают о возврате к старому... Нет, господа, народ, вкусивший свободы, обратно ее не отдаст. А Россия вечна».

Связь с Центром из Кантона была очень плохой, удавалось связаться лишь поздно ночью, и все же очень трудно было безошибочно передать радиограмму. Иногда приходилось передавать бо́льшую часть текста по два-три раза. В такие ночи не спала и Анна — она приносила в комнату холодные напитки, пиво, что-нибудь из еды.

А вскоре Макс получил приказ покинуть Кантон и вернуться в Шанхай...

Прежде всего нужно было незаметно провезти аппаратуру через английские таможни. Это больше всего волновало Макса.

— Может, ее легче уничтожить, а в Шанхае приобрести новую? — предложила Анна.

— Для того чтобы приобрести другую аппаратуру, потребуется масса времени,— наставительно заметил Макс.

— Почему? — удивилась Анна.

Макс терпеливо объяснил:

— Потому что я не могу сразу в одном магазине закупить все детали — это вызовет подозрение, значит, в Шанхае мне придется ходить по всем магазинам и покупать по одной детали. А Центр ждать не может.

— Поняла,— коротко сказала Анна.

— А не могла бы ты, Анни, провезти часть аппаратуры? — Макс испытующе поглядел на нее.

— Надо, так провезу...— просто ответила она.

— Надо, Анни, ох как надо...— обрадовался он.— В данном случае твоя помощь просто необходима.

Стали думать, куда спрятать детали аппаратуры. Макс и Мишин предлагали всякие сложные варианты.

— Нужно проще,— решительно сказала Анна.— Я повезу в двух ящиках посуду, туда и упакуем детали. Не будут же контролеры перекладывать все кастрюли и тарелки?

— Верно! — одобрил Мишин.— Женщины страшно изобретательный народ.

Так все и сделали. Анна ловко упаковала посуду, спрятав между тарелками и кастрюлями детали аппаратуры.

Первыми уехали Мишин с Зиной. Макс должен был на некоторое время задержаться в Кантоне, чтобы ликвидировать кое-какие дела и сдать дом. Он посадил Анну на английский пароход, отплывающий в Шанхай. По реке Жемчужной пароход спустился в порт Коулун, где была английская таможня.

Анна наблюдала за контролерами, которые проверяли багажи пассажиров. Они неумолимо продвигались к ее ящикам. Она ждала их и старалась овладеть собой. Сердце ее колотилось, руки стали влажными.

— Что в ящиках? — строгим, служебным голосом спросил долговязый рыжий контролер, бегло взглянув на Анну.

— Посуда,— как можно безразличней ответила она и стала медленно перечислять по памяти, старательно выговаривая английские слова:— Плейтз, сосез, фраинпенс...

— Придется открыть,— нетерпеливо перебил ее контролер. Он позвал матроса и велел ему принести инструменты. Тот со всех ног кинулся выполнять приказание.

«Спокойно!» — строго сказала себе Анна, подавляя волнение.

Ящики вскрыли. Наверху лежали тарелки, блюдца, чайные чашки. Контролер начал перебирать мелочи. Лицо Анны выразило озабоченность, мол, не побейте посуду. Контролер взглянул на ее озабоченное лицо, спросил:

— Скажите правду, что лежит в ящиках?

— Кроме посуды — ничего! — заверила Анна.

Контролер распорядился забить ящики. Поставил печать. Все! Пронесло...

Через лабиринт маленьких коридоров Анна пробралась на верхнюю палубу. Узкая полоса воды уже отделяла пароход от берега. По палубе прогуливалась богатая ки-

тайская публика, одетая по-европейски: элегантные мужчины, нарядные женщины, сильно накрашенные, причесанные по последней моде. С берега доносилась музыка, Гонконг провожал пароход песнями: «Типперэри» и «Rule, Britania». Прощай, беспокойный, бурный Кантон! Прощай, Гонконг! На душе у Анны было легко и весело.

В Шанхае встретил Мишин и отвез на заранее приготовленную квартиру во французском секторе.

Через несколько дней приехал Макс. Он сказал Анне, чтобы она пока не распаковывала багаж, так как, возможно, им придется срочно ехать в Маньчжурию.

— Но там японцы! — испугалась Анна.

— Ну и что же? Немецкому коммерсанту это только на руку,— насмешливо ответил Макс.— У меня хороший контакт с немецкой фирмой «Мельхерс и К°» здесь, в Шанхае. Поеду как представитель от этой фирмы.

Макс явно устал. Полтора года напряженной работы в Кантоне в тяжелых климатических условиях не прошли даром. Он стал нервным, быстро утомлялся, иногда жаловался на сердце. Анна старалась помогать ему — закупала в магазинах нужные для работы мелочи, охраняла их с Мишиным, прогуливаясь возле дома, когда они вели радиопередачи. Ходила на связь с курьером. Она чувствовала себя нужной в большом ответственном деле, и сознание этого наполняло ее гордостью, делало жизнь богаче, целеустремленней.

— Как легко и удобно мне с тобой работать, Анни! — благодарно говорил Макс.— Ты незаменимый помощник и самый верный друг...

— Ну, ну! — смущалась польщенная Анна.— Что я такого делаю...

Среди своих знакомых в доме она рассказывала, что муж ее техник, очень способный человек, имеет связь с немецкой фирмой, хорошо зарабатывает на мотоциклетном деле. Они выглядели солидной немецкой четой и ни у кого не возбуждали подозрений.

Неожиданно к ним приехал Рихард. Анна сразу узнала его, хоть и видела всего однажды.

— Мне необходимо исчезнуть дня на три,— сказал он Максу.— Придется у вас пожить, не возражаете?

С Анной он как-то сразу нашел общий язык. Предложил ей говорить только по-русски, и она забавлялась его неправильным произношением.

— Читать читаю, а произношение подкачало, хотя наполовину русский,— признался он.

— То есть как русский?! — изумилась Анна. Макс никогда ничего не рассказывал ей о Рихарде, а она не расспрашивала.

— Моя мать, Нина Семеновна Кобелева, русская, а отец — немец. Родился я в России, в Азербайджане. Но когда мне исполнилось три года, родители уехали в Германию. Все же я от матери научился говорить по-русски. Отец мой был техник-нефтяник. Разбогател в Азербайджане. Его первая жена умерла там, в России, от холеры, и он женился на совсем простой девушке, дочери железнодорожного рабочего Нине Кобелевой.

Все это для Анны явилось чистейшим откровением. В чем-то их судьбы схожи: у нее отец русский, мать финка. Но Рихард по воспитанию все же немец, а она — чистейшая русская. Может быть, это и привлекало к ней Рихарда, делало его таким откровенным с ней. Он считал Россию своей родиной.

За те три дня, которые он у них скрывался, они очень подружились. Вспоминали первую встречу в ресторане, шутили, смеялись.

— Это были смотрины, Анни. Не могу, говорит, без нее, женюсь.

— Смотрины были что надо! — посменвался Макс.— А ты завидовал мне, старый холостяк...

— Завидовал, честное слово, завидовал, прямо-таки черной завистью...— смеялся и Рихард.— Завидовал и в то же время радовался за тебя, Макс, мол, хоть один прибьется к тихой гавани, и нам будет где голову иногда приклонить...

Все три дня Рихард что-то писал, закрывшись в рабочей комнате Макса. А когда собрался уходить, попросил Анну выйти на улицу, посмотреть, не крутятся ли возле дома подозрительные типы или полицейские.

— Будьте осторожней, Анни. Берегите себя и Макса,— сказал он ей на прощание.

В начале сентября Макс получил приказ срочно выехать в Циндао. Он поручил Анне покончить со всеми делами в Шанхае, затем приехать к нему в Циндао, где предполагался для них трехнедельный отпуск.

9*

На английском пароходе Анна добралась до Циндао. Город встретил их ароматом белых акаций, которыми было обсажено прекрасно вымощенное шоссе. Улицы утопали в зелени, повсюду росли высокие зонтичные сосны. Аккуратные дома в готическом стиле под ярко-красными черепичными крышами напоминали Максу Германию.

Макс снял комнату на вилле богатой немецкой четы. Комната Анне очень понравилась. Она была обставлена чисто по-немецки: все удобно, практично, солидно. Огромная кровать с горой подушек и перинами, мягкое кресло, дубовый столик, шкаф с зеркалом, резные стулья. В прогалины между деревьями мелькало море.

— Полный пансион! — похвастался Макс.— Утром кофе, молоко, масло.

Достали купальные вещи и сразу побежали на пляж.

Золотым потоком заливало солнце голубое море, белые скалы. Выбрали укромное местечко и с наслаждением бросились в прозрачную зеленую воду. Хорошо качаться на тяжелой, густой волне, ни о чем не думать, не тревожиться. Впервые за много месяцев они наслаждались жизнью. Как все отдыхающие, посещали фешенебельное «Циндао-кафе», пляж Странд-бич, Яхт-клуб. До войны китайская провинция Шаньдун была немецкой колонией, и в Циндао осталось много немецких колонистов. Макс заходил в немецкие бары выпить настоящего немецкого пива и поболтать с барменом на родном диалекте. Анна понимала, что он тоскует по родине.

По ночам, сидя на веранде, любовались огромной, красной луной, висящей над морем. Древняя луна, ночное море, отливающее сталью, навевали чувство глубокого покоя. Не верилось, что впереди снова напряженная, полная опасности жизнь.

По всему приходит конец, настал конец и их чудесному отпуску.

Япония оккупировала Маньчжурию, за двенадцать часов заняла все главные города: Мукден, Харбин, Чанчунь, Цицикар...

Макс получил указание поехать в Харбин, выяснить обстановку и наладить в новых условиях радиосвязь с Центром. Анна последовала за ним.

Харбин напоминал Новониколаевск: русские право-

славные церкви, деревянные дома, русские вывески магазинов, русские названия улиц и в толпе русский говор. Анне стало даже не по себе — вот сейчас выйдет из магазина ее названый отец Георгий Аркадьевич Попов и строго скажет: «Явилась, пропащая душа! Уж я тебя...» И действительно, из магазина под вывеской «Чурин. Меха, меховые вещи» выскочил молодой приказчик в плисовой жилетке, похожий на всех приказчиков сразу, постоял в дверях, поскреб пятерней русый чуб и снова скрылся. Приказчик чем-то напомнил Анне Мишку Афанасьева, ее сердце вдруг тоскливо сжалось. Видно, прошлое не уходит бесследно. Где-то теперь Поповы, может быть, здесь, в Харбине, может, удрали в Монголию. Этот жох, Георгий Аркадьевич, не стал бы ждать, когда разворошат его гнездышко. Несколько дней она колесила по городу, опасливо вглядываясь в лица прохожих. Улицы: Гоголевская, Сквозная, Участковая, Новоторговая, Большой проспект, Биржевая... Вдоль улиц деревянные и каменные двухэтажные дома, совсем как в Новониколаевске. Святой Николаевский собор с резным деревянным входом... Русские ребятишки играют в лапту. У заборов, на вкопанных в землю скамейках, сидят взрослые и с интересом наблюдают за игрой.

Среди русских явное оживление. По улицам ватагами расхаживали пьяные казаки в полной амуниции, при саблях, громко орали «Банзай!», «Смерть большевизму!».

— Обрадовались, сволочи,— ругался Макс,— рассчитывают на новую интервенцию. Появилась, видишь ли, «российская фашистская партия», а попросту — семеновские бандиты, шпионский резерв для засылки шпионов и диверсантов на советскую сторону.

В Харбине они пробыли недолго. Макс помог новому радисту наладить связь, затем получил указание выехать в Мукден и заново организовать там радиостанцию.

Мукден был похож на все китайские города. Он состоял из четырех частей: старого Мукдена, обнесенного полуразвалившейся глинобитной стеной с четырехугольным «кремлем» в центре, Нового Мукдена, Мукденского арсенала и Тецуниси.

Старый город — Шэньян — был сплошным базаром. С утра до поздней ночи не затихал шум толпы, слышались пронзительные выкрики торговцев. Шэньян с его узкими, кривыми улочками и базарами напоминал Анне и Урумчи, и Пекин, и шанхайский Чапэй.

Новый город резко отличался от старого Шэньяна, он выглядел вполне по-европейски: широкие, асфальтированные улицы, многоэтажные дома, большие магазины, иностранные консульства, банки, конторы. Многие здания европейской архитектуры были под крышами в китайском стиле пагод, это создавало какой-то особый колорит улиц. Оккупанты, как видно, не терялись: на многих улицах уже зажглись характерные японские рекламы, вывески магазинов, кафе, кабаре. Всюду по-хозяйски разгуливали японские военные, в городе чувствовалось напряженное положение.

В тихом местечке, на краю Нового города сняли небольшой уютный домик. За домиком во все стороны простиралось пустынное поле.

— Что и требовалось! — довольно приговаривал Макс, осматривая чистенькие, пустые комнаты.— Уют уж по твоей части,— обратился он к Анне.— Только имей в виду — денег в обрез. Нужно еще арендовать помещение под магазин.

Купили подержанную, но вполне приличную мебель и вселились в дом. Он сразу ожил, преобразился,— Анна умела создавать тот домашний уют, который сразу делал дом «своим».

Ближе к центру Нового города Макс нашел помещение и для магазина. Он действовал как представитель шанхайской фирмы «Мельхерс и К°». Компания должна была за соответствующий взнос прислать для магазина Макса определенное количество мотоциклов. Вскоре прибыли из Шанхая мотоциклы, и Макс выставил пять штук на продажу.

— Вот, Анни, и у нас с тобой фирма,— посмеивался он.

Торговля шла плохо — кто в такое смутное время хотел покупать мотоциклы!

В Мукдене они прежде всего явились в немецкую колонию. Консул, узнав, что Макс играет в скат, очень обрадовался. Он оказался страстным игроком и искал себе достойного партнера. Два раза в неделю консул приходил в клуб, и они часами состязались в игре.

Анну приняли в свой круг немецкие фрау — жены коммерсантов, мелких торговцев, консульских работников. Через этих добродетельных, по-немецки расчетливых, дрожавших над каждым пфеннигом фрау Анна знакомила Макса с их мужьями, деловыми людьми, которые давали

ему заработать комиссионные на продаже всякой мелочи. Немецкая колония насчитывала всего около трехсот человек, поэтому в клубе существовала довольно интимная обстановка.

Вскоре представилась возможность перебраться в немецкую колонию и занять более удобную для работы квартиру. На верхнем этаже Макс развернул радиостанцию, а внизу Анна устроила что-то вроде гостиной, где можно было принимать гостей. Кстати, не замедлил появиться и первый гость — японский генерал, который, оказывается, поселился по соседству с ними. Генерал решил нанести визит вежливости своим милым соседям. Он был очень любезен, все время почтительно кланялся, «шипел». После его ухода Анна долго хохотала над обескураженным видом Макса.

— Нашли квартиру! — приговаривала она.— Прямо волку в пасть...

Некоторое время пристально следили за домом генерала, за ним самим. Пришли к выводу, что дома он почти не бывает и вообще ему до них нет никакого дела. Макс успокоился.

Несколько дней Анна без всяких приключений ездила в Харбин на связь, отвозила пленки, документы, привозила деньги. Паспорт русской эмигрантки обеспечивал ей полную безопасность.

Советское правительство держалось строгого нейтралитета относительно событий в Маньчжурии. Макс объяснил:

— Если бы Советский Союз ввязался в конфликт против Японии, вспыхнул бы крупный военный инцидент, который мог превратиться в мировой пожар. Англия на это и рассчитывала, потому и вела себя так пассивно на юге, в Гонконге.

В середине июня Клаузены поехали в Дайрен — Макс должен был выполнить какое-то поручение шанхайской фирмы.

В Дайрене русская эмиграция отмечала годовщину обороны Порт-Артура. Был удобный момент увидеть всех главарей эмиграции и солидных представителей из японской военщины. Макс и Анна поехали на военное кладбище, куда устремилось чуть ли не все русское население города.

Делегацию для возложения венков возглавлял началь-

ник бюро эмиграции генерал Кислицын. Он был при полном параде, в мундире с аксельбантами. Много было других белогвардейских генералов, тоже при параде.

— Сколько их, однако! — удивилась Анна.

Вдруг Макс крепко схватил ее за руку.

— Видишь вон того толстенького кургузого японца с мохнатыми бровями? — зашептал он ей на ухо.— Запомни его, это глава японской разведки генерал Доихара!

На военном кладбище царила благоговейная тишина и образцовый порядок, и о прошлом говорили только надписи на могильных крестах.

— 17 822 праха! — ужаснулась Анна, увидев цифру на одном кресте.— А таких могил здесь десятки... Сколько же русских людей полегло за Порт-Артур!

— Думаешь, японцы зря пришли сюда? — спросил Макс.— Эти могилы — гордость их победы над Россией, смотрите, мол, на что способна Япония! Здесь же сейчас присутствуют представители всей западной прессы. Это своеобразная угроза англичанам и американцам.

Началась торжественная панихида. Все тихо возносили молитвы за сынов былой императорской России, положивших живот свой за веру, царя и отечество.

В конце лета 1932 года Макс уехал в Шанхай. Он должен был встретиться с Рихардом, передать ему деньги и забрать пленки.

Вернулся расстроенный — умер Мишин.

— Жена его рассказывала, что работал он до самого конца. Ему бы лечиться... Говорят, в Калгане есть хороший санаторий для легочников,— сокрушался он.

— Что теперь говорить...— печально возразила Анна. Она представила себе Зину, еще довольно молодую, обреченную на долгое одиночество, с ребенком и старой матерью на руках.

— Перед смертью настойчиво предлагал ей уехать в Россию, мол, у сына должно быть будущее, иначе его ждет жалкая, нищенская эмигрантская жизнь.

— А она? — спросила Анна, имея в виду Зину.

— Струсила. У меня, говорит, там никого нет, а здесь я вроде обжилась, друзья, знакомые.

— На что же она рассчитывает?

— Рихард помог ей купить овощную лавку, дал денег,— будет торговать помаленьку. Жаль мальчишку...

Япония объявила Маньчжурию самостоятельным государством Маньчжоу-Го во главе с наследником маньчжурской династии императором Пу И. Императора якобы похитили из его резиденции в Тяньцзине и торжественно возвели на престол. Все японские газеты вопили о том, что японские войска введены в Маньчжурию по просьбе императора для охраны Маньчжурского государства от китайского посягательства.

Портреты Пу И были во всех газетах, на обложках иллюстрированных журналов. Молодой человек в огромных очках. Он не был похож ни на японца, ни на китайца — это был чистокровный маньчжур.

Столицей Маньчжоу-Го с резиденцией Пу И стал город Чанчунь.

Маленькую немецкую колонию в Мукдене потрясли январские события 1933 года — к власти в Германии пришли фашисты во главе с Гитлером. Общество резко разделилось: одни сразу стали нацистами, другие были настроены недоверчиво, третьи резко выражали свое неприятие. Клуб бурлил в криках, спорах, говорили друг другу очень резкие вещи.

— Что вы можете понимать? — кричал толстый краснолицый коммерсант, брызжа слюной в лицо приглаженного, миниатюрного господина.— Германия должна взять реванш! Мы — великая нация! Наша страна, обогатившись за счет побежденного, увеличит свою армию и побьет другого соседа, побьет третьего и так далее, может быть, до владычества над всем миром!

Миниатюрный господин, утираясь белоснежным платочком, иронически улыбался:

— Вы забываете пословицу: самого сильного не бывает, всегда найдется сильнейший.

— Ты коммунист! — вытаращив белесые глаза, орал толстяк, снова оплевывая лицо противника.— Коммунисты — злейшие враги всего человечества. Мы должны помнить, что спасение от коммунизма только в новой войне...

Толстяк что-то еще кричал о нации, об ее воле к жизни и победе, о подвиге и долге. А по углам шептались о том, что в фатерлянде сейчас еврейские погромы, и кто не дурак — обогащается, делает карьеру.

Генеральный консул Тикес глубокомысленно помалкивал и только яростнее сражался в скат с Максом. Максу нравился такой молчаливый партнер.

Прошла вся зима и почти все лето. В июле Макс неожиданно объявил:

— Все, Анни, уезжаем в Советский Союз, в Москву...

— Как? — не поняла она.

— Совсем. Наша миссия здесь закончена.

— Ты шутишь? — не поверила Анна.

— Вовсе нет, уезжаем в Советский Союз, понимаешь?

— Ой... Я так ждала этого дня... Неужели он настал? — Анна даже прослезилась от радости.— Хоть одним глазком взглянуть на родную землю...

От волнения Анна не спала всю ночь. Сразу припомнились дорогие сердцу родные картины, память о которых столько лет жгла душу. «Живи хоть всю жизнь на чужбине, все равно будешь думать, что это временно»,— думала она про себя. Разом все как-то отодвинулось далеко-далеко, будто и не было всех этих лет в Китае.

По версии Макс якобы возвращался в Германию через Советский Союз. Эмигрантка Анна Валенниус не имела заграничного паспорта и не могла ехать с Максом. Нужно было особое разрешение немецкого консула.

— Неужели мы с тобой должны расстаться? — волновалась Анна.

— Без тебя не уеду...— успокаивал Макс.— Пойду за содействием к генеральному консулу Тикесу.

— Ты уезжаешь в фатерлянд? — удивился консул.

— Когда-нибудь надо же уезжать...— уклончиво ответил Макс и объяснил цель своего прихода.

— Задал ты мне задачу,— проворчал Тикес.— Я-то паспорт выдать не могу, не правомочен, нужно обращаться к генеральному консулу в Харбине.

— Без вашей помощи, герр консул, нам не обойтись,— смиренно проговорил Макс.— В Харбине нас и слушать не станут. Вот если бы вы написали рекомендацию... Этакий проект на получение паспорта...

Тикес задумался.

— Ладно,— решительно сказал он,— так и быть, по старой дружбе... Жаль, теряю такого партнера по скату.

— Мне тоже жаль,— улыбнулся Макс.

Надежда вновь окрылила Анну. И хотя день отъезда еще не был обозначен, она уже начала складывать вещи. Один за другим выставлялись в переднюю упакованные

чемоданы, их квартира принимала какой-то опустевший вид.

Наконец распрощались со всеми знакомыми.

— Правильно делаете,— подмигивали Максу нацисты.— Германии сейчас нужны такие крепкие парни.

— Богатеть едете? — иронизировали другие.

Макс отшучивался, стараясь не задеть ни тех, ни других, он строил из себя лояльного немца.

В Харбине Клаузен пошел к генеральному консулу насчет заграничного паспорта для Анны. Отдал ему проект документа и рекомендации от Тикеса.

— Придется делать запрос на Вильгельмштрассе,— официально сказал консул.

Макс знал: Вильгельмштрассе — улица в Берлине, где находилось министерство иностранных дел.

— Так и за год не получишь паспорта! — воскликнул он.

— Вполне вам сочувствую, но таковы правила,— красноречиво развел руками консул.— Она как иностранка должна получить разрешение на въезд в Германию.

— Нам нужно ехать,— решительно сказал Макс.— Я рвусь в фатерлянд. Германии нужны солдаты. Хайль Гитлер!

Против такого аргумента консул не стал возражать. Он хитро поглядел на Макса мудрыми, старыми глазами, сказал добродушно:

— Только благодаря рекомендации Тикеса...

И оформил Анне паспорт как иностранке для проживания в Германии в течение шести месяцев.

— И скат сыграл свою роль,— весело говорил Макс, помахивая паспортом перед глазами Анны.

В тот же день Макс сделал запрос в Центр и получил разрешение на въезд Анны в Советский Союз.

Теперь уже ничто не задерживало их в Харбине.

На пограничной станции Маньчжурия японские таможенники долго и тщательно осматривали их багаж. Перебрали, что называется, все до нитки. Наткнулись на фотографии, которыми Макс очень дорожил. Снимки были сделаны в разных городах: в Кантоне, Шанхае, Мукдене. Это были документальные подтверждения жестокости колонизаторов в Китае. Расправа англичан с демонстранта-

ми. Убитые китайцы на улицах Шанхая. Повешенные на улицах Кантона. Японские солдаты в Мукдене.

Низкорослый, тщедушный таможенник в форменной фуражке вздел огромные очки и стал внимательно рассматривать фотографии. Его узкие глазки за очками зажглись интересом. Отложив последнюю фотографию, он, не глядя на Макса, лаконично сказал по-немецки:

— Es ist verboten (это запрещено).

— Но позвольте...— возмутился Макс.

— Man darf nicht (нельзя).— [illegible] остановил его таможенник и бросил фотографии в [illegible] стола.

— Черт,— ругался после Мак[illegible] я не догадался запрятать их подальше? Такие фот[illegible]! — Он был сильно раздосадован.

На советской стороне их отпустили очень быстро. Молоденький, румяный пограничник, [illegible] им паспорта, вежливо взял под козырек.

За окном купе международного вагона как бесконечный зеленый сон тянулась великая сибирская тайга. Анна и Макс занимали отдельное купе. Большую часть времени Анна проводила у окна. Тихо плыли мимо поезда мохнатые шапки сопок, бежали кусты, обгоняя друг друга, растворялись в ночном спокойствии города... Поезд стремился вперед, к ее родному Новониколаевску. Сердце замирало от радости — неужели это не сон и она на родной земле?

В соседнем купе ехала пожилая английская чета, он — холеный, толстый господин с седыми усами, она — длинноносая, зубастая дама. Англичанка при встрече благосклонно улыбалась Анне и слегка наклоняла голову. Познакомились в вагоне-ресторане, оказавшись за одним столиком.

— Москва? — как бы между прочим спросил англичанин.

— Берлин,— просто ответил Макс.

— Дойч? — обрадовался толстяк, взгляд его утратил остроту, стал мягким и дружелюбным.

— Дойче коммерсант,— отрекомендовался Макс.— Едем с женой из Шанхая в свой фатерлянд.

— О, очень хорошо...— Лицо англичанина расцвело улыбкой.— Я тоже коммерсант, а это моя жена, леди Кросби.

Леди показала в улыбке свои длинные зубы.

— Ваш Гитлер, несомненно, великий человек,— продолжал мистер Кросби.— Он широко мыслит. А главное,— мистер Кросби оглянулся и, заговорщически подмигнув Максу, тихо продолжил:— А главное — непримиримый враг России и большевизма!

— Да, да,— согласно улыбался Макс.

— Я ненавижу свое правительство за крохоборство, Гитлеру надо помогать! — убежденно продолжал мистер Кросби.

— Ну, положим, ваше правительство гораздо щедрее по отношению к нам, немцам, чем это может показаться с первого взгляда,— возразил ему Макс.— Гитлеру нужна прежде всего моральная поддержка. И тут он на Англию обижаться не может. Я иногда просматриваю английские газеты. Так, совсем недавно ваша «Дейли мейл» писала, что переход политического влияния в Германии в руки наци выгоден остальной Европе: он воздвигает еще один оплот против большевизма.

Мистер Кросби рассмеялся, шутливо погрозил Максу пальцем.

— Теперь убеждаюсь, как вы, немцы, пристально следите за каждым нашим шагом. Мы всячески поддержим Гитлера! — воскликнул он с жаром.— Большевиков нужно загнать в тиски. Японцы сделали свое дело: оккупировав Маньчжурию, они вышли к границам СССР! Я приветствую такой шаг. Гитлер и японцы — вот те самые тиски, которые раздавят СССР!

— Согласен с вами,— добродушно, как политический дилетант, откликнулся Макс.— Британское правительство поддержало Японию. «Таймс» заявила, что Япония может не считаться с Китаем, который даже не представляет собой «целостного государства»...

— Правильно... э..?

— Клаузен.

— Правильно, мистер Клаузен! Именно не представляет собой целостного государства, здорово, черт возьми, сказано!

Он рассмеялся довольным смехом.

После Макс возмущался:

— Так хотелось достойно ответить этому толстому лорду.

А поезд стремился вперед... И однажды утром проводник объявил: «Новосибирск! Стоянка пятнадцать минут...»

Анна прилипла к окну. До боли знакомый вокзал. Все такой же, только название станции изменено: вместо «Новониколаевска» «Новосибирск». На перроне встречающие. Молодо машет соломенной шляпой пожилой мужчина, парень с пестрым букетом цветов напряженно всматривается в проплывающие окна вагонов.

— Я выйду, подышу,— быстро говорит Анна еще сонному Максу и устремляется к выходу.

Она хочет побыть одна в эти короткие минуты свидания со своим родным городом. Поезд замедляет ход, скрипнув тормозами. Анна быстро спускается по ступенькам, прыгает на перрон. Она идет по перрону и пристально всматривается в каждое лицо — землячки... А за вокзалом город, и она знает там каждую улочку. Вон и колокольня собора виднеется — уцелел, а говорили, что большевики все церкви разрушили. Кто-то живет теперь в доме Поповых?..

Все, что было плохого с ней в этом городе, уже не бередило душу, осталось только дорогое чувство родины.

Зазвонил станционный колокол. Анна поднялась на площадку вагона. На площадке пахло угольным дымом от паровоза и тайгой, или это так казалось. Родина всегда имеет какие-то свои запахи.

Поезд тронулся. Искры, погасая, бежали по откосу насыпи. Вот и свершилось. Куда же она теперь едет? А не все ли равно? Ведь она на родине!

Макс умел покорять людей, покорил он и мистера Кросби. Англичанин пригласил его сотрудничать в свою фирму, которая выполняла какие-то военные заказы Германии.

— Будете моим представителем в Берлине,— решил Кросби и дал свою визитную карточку.

Макс сделал вид, что страшно доволен и счастлив.

— Они уже вкладывают свои капиталы в Германию.. Натирают Гитлера силовыми мазями против СССР,— задумчиво говорил он потом Анне.

— Неужели опять война? — тревожно спрашивала она.

— Что-то зреет...

В Москве мистер Кросби долго тряс руку Макса, потом наклонился и тихо сказал ему на ухо: «Хайль Гитлер!» Так они и расстались, как два заговорщика. Кросби поехал в Ленинград, чтобы оттуда плыть в Англию. Клаузенов усадили в машину и отвезли в гостиницу «Москва»

Пока Макс улаживал служебные дела, Анна осматривала столицу. Какая она величественная и... русская. После затейливых китайских храмов глаз отдыхал на древних соборах Кремля. Несмотря на августовскую жару, на улицах было шумно и людно. По карнизам многоэтажных зданий аршинными буквами кричали лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!», «Да здравствует Коммунистический Интернационал!» Можно было свободно прогуливаться по улицам, не боясь, что из-за угла дома в тебя прицеливаются, не опасаясь ни английских полицейских, ни военных, которые в Китае торчат на каждом шагу. Здесь же не часто встретишь даже милиционера.

Сразу после возвращения из Китая они получили длительный отпуск, который провели на Черном море под Одессой. Целых шесть недель жили самой беззаботной жизнью. Их окружали друзья, товарищи... У Макса еще с войны была на ноге рана, которая никак не заживала и причиняла ему большие страдания. В Шанхае он долго лечился у очень дорогого врача, но безуспешно. Вода Черного моря избавила его от недуга.

Далекими и нелепыми казались ей рассказы белоэмигрантов о зверствах большевиков, о красном терроре. Она с удовольствием произносила слово «товарищ», такое теплое, сердечное и вместе с тем уважительное. «Товарищ»... Удивительное слово!

После краткого пребывания в Москве они уехали на жительство в Республику немцев Поволжья, в город Красный Кут.

Маленький степной городишко вызвал целый рой воспоминаний. Семипалатинск, мельница, вся их с Валентинусом жизнь... Как давно это было! Какая она была наивная и легковерная... Какой длинный жизненный путь проделала, чтобы снова вернуться туда, откуда этот путь начался. Как она была молода, неразвита и доверчива. С грустной усмешкой смотрела она из своего далека на прежнюю Анну.

Макс устроился слесарем в Краснокутскую МТС. Затем его назначили инструктором политотдела в колхоз «Розенфельд». Он решил воспитывать людей не только

словом, но и делом. Освоил трактор и выполнял на не-
но три-четыре рабочие нормы в день. Его портрет пове-
сили на Доску почета. Он весь отдавался работе. Анн
даже протестовала против такой нагрузки, опасаясь з
его здоровье. Он только посмеивался.

— Ты представляешь, где мы находимся? В Советско
Союзе! Всю жизнь мечтал об этом! Я приехал сюда стро-
ить социализм, вот и строю, своими руками...

Однажды он пахал тридцать [illegible] часов подряд. Ег
премировали крупной денежной суммой. На премию Анн
купила целый выводок инкубаторских цыплят, овцу, ко-
рову. Давно мечтала о такой простой, спокойной жизни
В ней проснулась крестьянская жилка.

— Оказывается, в тебе сидит крупная собственница!—
шутил Макс.

Анне нравилось выгонять по утрам свою буренку в ста-
до, когда из-за кромки горизонта едва показывался алый
край солнечного диска и зябкая ночная прохлада сменя-
лась приятной утренней свежестью. Пахло отсыревшей
пылью, парным молоком, кизячным дымом. Просторно
орали петухи. Все дышало миром и покоем... Потом она
провожала Макса на работу. Он садился на мотоцикл
распугивая на улице кур и гусей, мчался в колхоз «Ро-
зенфельд».

С разрешения директора МТС Макс организовал шко-
лу радистов. В кабинете директора установил селектор и
наладил связь с тракторными бригадами.

Слава о делах нового инструктора политотдела дока-
тилась до Энгельса — столицы республики. Секретарь Эн-
гельсского обкома вызвал его к себе и поручил ему радио-
фикацию всего Немецкого Поволжья. Анна хоть и ворчала
для виду, что муж совсем ее забыл, скитаясь по команди-
ровкам, но втайне гордилась им — ее Макс сумел стать
необходимым человеком по всей республике.

И вдруг... Ох уж это пугающее «вдруг»! Телеграмма —
срочно выехать в Москву, явиться в управление.

— Не хочу больше, я устала,— решительно сказала
Анна.— Откажись, Макс, нам здесь так хорошо...

— Не могу, Анни,— возразил он,— я антифашист, и
мой долг быть там, где во мне нуждаются. Не забывай
что я был военным разведчиком.

И он уехал в Москву.

Вернулся строгий, озабоченный.

— Угадай, кого я встретил в Москве,— интригующе спросил он Анну.

— Мистера Кросби,— неожиданно для себя выпалила она.

— Тьфу,— засмеялся Макс,— я встретил Рихарда Зорге!

— Да?! — изумилась и встревожилась Анна.

— Он был страшно рад нашей встрече. Затащил меня к себе в номер гостиницы, и мы целый вечер болтали, вспоминали старые времена.

— Господи, да скажешь ты наконец, зачем тебя вызывали в Москву?

— Едем в Токио, Анни! Вместе с Рихардом.

Анна почувствовала такую слабость в ногах, что вынуждена была присесть.

— В Токио! — прошептала помертвевшими губами.— Опять туда...

— Рихард сказал, что только со мной он может кое-что сделать,— гордо продолжал Макс, не замечая мрачного вида Анны.— Так и заявил в управлении, что будет работать только со мной, и ни с кем больше. Ты чем-то недовольна? — заметил он наконец унылое выражение ее лица.

Анна видела, как Макс гордится доверием Рихарда, и, не желая омрачать его боевое настроение, сдержанно ответила:

— Все в порядке. Когда едем?

— Завтра же увольняюсь, и мы немедленно уезжаем в Москву. Так что укладывайся!

— Немедленно? А как же корова?

— Какая корова? — не понял Макс.

— Наша. И куры?

Макс расхохотался:

— С коровой придется распрощаться, сдадим в колхоз. Не горюй! — шутливо хлопнул он ее по плечу.— Вернемся — заведем еще лучше...

— Да уж с тобой заведешь,— добродушно проворчала Анна.

В Москве решили, что Клаузен поедет в Токио пока один, устроится там и вызовет жену.

Всю зиму Анна жила в столице, ожидая выезда в Токио, и только в марте ее вызвали в управление. Она

почти бежала по длинному бульвару с радостной надеждой на то, что, может быть, настал конец ее мучительному ожиданию. Глубокая весенняя синева затопила город. Ветки тополей с набухшими коричневыми почками густо облепили звонкие воробьи. «Все будет хорошо!» — подбадривала себя Анна, с наслаждением вдыхая влажный весенний воздух, и вдруг подумала, что этот день останется в ее памяти, останется каким-то своим особенным ощущением.

В управлении ее встретили очень сердечно.

— Готовьтесь к длительному путешествию,— дружелюбно поблескивая длинными восточными глазами, сказал ей генерал Урицкий.

Анна впервые была у такого высокого начальства. От волнения она не могла вымолвить ни слова и только согласно кивнула головой.

— Ну, ну, не волнуйтесь,— с улыбкой проговорил генерал.— Скоро увидитесь с мужем. Поездом поедете до Владивостока, а оттуда на советском пароходе поплывете в Шанхай. В Шанхае в туристическом бюро на ваше имя будет письмо, в котором ваш муж сообщит вам о дне и месте встречи.

Ей выдали ее просроченный немецкий паспорт, объяснили, как с ним поступить в Шанхае, снабдили транзитным билетом до Владивостока, деньгами.

Ярким весенним днем Анна снова ступила на китайскую землю.

Шанхай жил своей обычной беспокойной жизнью колониального города. Глухо гудели огромные океанские пароходы, возле которых шла суета торопливой погрузки. Слышался заунывный, ритмический, своеобразный напев грузчиков. На рейде стояли иностранные крейсера с развевающимися по ветру флагами. У причалов важно расхаживали английские патрули. Все до тошноты знакомо и постыло. Вернется ли она когда-нибудь снова на родину?

В гостинице «Эмбаси», где она остановилась, служащие были русские, говорящие по-английски. Представительный портье, с явной военной выправкой («из белогвардейцев»,— определила Анна), повертел в руках ее паспорт, спросил:

— Дойч?

— Я, я...— нетерпеливо закивала она головой, показывая этим, что очень устала.

— Фрау?..

— Анна Клаузен.

Портье записал в книгу ее имя, вернул паспорт и выдал ключ от номера.

«Везет же тебе, фрау Клаузен! — ликовала Анна, поднимаясь по лестнице к себе в номер.— Если бы портье понимал по-немецки...»

Нужно было исчезнуть из гостиницы. Но куда? «Кучимовы!» — подумала обрадованно.

Жена капитана была в глубоком трауре — недавно похоронила мужа. Она искренне обрадовалась Анне. Вместе поплакали, отвели душу в разговорах. Кучимова жаловалась на трудности жизни, сетовала на детей.

— Что мне с ними делать? Они бредят Россией. Может, они и правы. Муж постоянно твердил, что оторванность от родины принижает дух, измельчает человека, развивает болезнь души.

«Как это верно! — подумала Анна.— Побыв на родине, я будто заново родилась». Вслух ничего не сказала, просто не имела права признаться, что прибыла из России. Сообщила, что жили в Мукдене.

Узнав, что Анна в ожидании приезда своего мужа из Японии живет в гостинице, Кучимова тут же предложила ей переселиться к ним.

От Кучимовых Анна поехала в туристическое бюро в полной уверенности, что ее ожидает письмо Макса.

Девушка за конторкой перебрала всю корреспонденцию и отрицательно покачала головой.

Анна в каком-то тупом недоумении отошла от конторки.

Не помнила, как очутилась на улице. Улица шумела, кричала ревом автомобилей, захлебывалась голосами толпы, но она ничего не слышала, совершенно отключившись от внешнего мира. «Господи, господи...» — бессмысленно шептала она, выражая этим свой страх за Макса, за себя, оставшуюся в одиночестве на чужбине, без надежды получить какую-нибудь весточку со стороны. Кто мог сообщить ей что-нибудь о Максе? Никто... Связаться с Центром не было никакой возможности. Анна чувствовала себя так, словно очутилась в холодной жуткой пустоте, лицом к лицу с жизнью, которая утратила

для нее всякий смысл. Зачем ей жизнь без Макса, без того, что наполняло ее? До щемящей тоски ощутила вдруг всю полноту утраченного счастья. Все глубинное в ее душе протестовало против такой несправедливости судьбы. Неужели ей на роду написано терять самое дорогое?

Бесцельно побрела по улице, погруженная в мрачные думы. Незаметно перешла мост там, где река Сучжоу впадает в Вампу, и остановилась перед зданием советского консульства. Красный флаг с серпом и молотом приветливо развевался над входом. Сразу стало как-то легче на душе. «Почему я должна предполагать самое худшее? — подумала она.— Мало ли какие случайности?»

Ее страх куда-то исчез. Возбуждение и порыв к действию подавили его. «Нужно раздобыть новый паспорт! И тогда можно будет сколько угодно ждать Макса». Он обязательно найдет ее...

Медленно прошла вдоль здания, провожаемая острым взглядом полицейского. Накануне произошли столкновения между китайскими рабочими и полицией. Была пролита кровь. По городу расставлены патрули. То и дело проезжали в автомобилях полицейские. В самом воздухе, казалось, была разлита тревога. Анна снова вышла на Банд. Нужно было добраться до эмигрантского бюро.

Начальник эмигрантского бюро, типичный белогвардеец, равнодушно кивнул ей, указал на стул. И когда Анна рассказала вымышленную историю, что-де проживала в Мукдене по чужому паспорту и что ему как эмигранту это должно быть понятно, он без обиняков сказал:

— Пятьдесят долларов, и ты будешь с паспортом.

Анна молча выложила деньги. Через несколько минут вышла из бюро с паспортом на имя Юхлиной Анны Георгиевны, родившейся в Шанхае. Это была крупная удача, и она очень подбодрила ее, придала уверенности.

Поздно вечером вернулась в гостиницу, незаметно проскользнула в номер.

Всю ночь ее мучили кошмары. Воображение рисовало картины одну страшнее другой. То она представляла себе Макса одинокого, больного, заброшенного, то видела, что его окружают полицейские, один из них стреляет в него из револьвера, и он, Макс, падает.

За окном едва забрезжил рассвет, а она была уже на

ногах. Решила до завтрака покинуть отель, опасаясь какой-нибудь неожиданности.

Сама снесла свой чемодан вниз, расплатилась за номер. Швейцар с любопытством посмотрел на нее красноватыми от бессонных ночей глазами, услужливо распахнул дверь.

Город уже проснулся. С грохотом катили переполненные трамваи с вагонами, окрашенными в два цвета: белый для европейцев, зеленый — для китайцев. Монументальные регулировщики-индийцы в высоких чалмах стояли на перекрестках. Торопливо шагали китайцы-поденщики в синих до колен рубахах с застежкой на боку, в синих, доходящих до щиколоток шароварах, ковыляли на изуродованных ногах плоскогрудые китаянки. Напротив еще горела ночным малиновым огнем реклама парфюмерного французского магазина фирмы «Forvil».

От всего веяло холодом чужбины и тоской. А где-то была Москва с ее веселой сутолокой улиц, наполненных по утрам оживленным говором спешащих на работу людей, молодым, беззаботным смехом студентов, радостным гомоном бегущих в школу детей...

Услужливо подкатило такси. Анна назвала адрес Кучимовых.

Шла неделя за неделей, а от Макса не было никаких известий. Анна чувствовала себя растерянной и подавленной, не знала, что и думать. Девушка из турпстбюро неизменно отвечала: «Нет!»

В глубине души Анна не верила в гибель Макса,— не мог он вот так исчезнуть из ее жизни. По ночам ее бесконечные думы летели к нему. Вспоминала их жизнь в родном краю, такую мирную, незатейливую внешне, но полную внутреннего содержания. Думала, если Макс погиб, если все они погибли, она обязательно вернется в Советский Союз и будет работать там, не жалея сил, и за себя и за Макса. По-другому она уже не сможет жить.

Кучимовой сказала, что получила от мужа письмо — он немного задерживается, но, должно быть, скоро приедет за ней. На всякий случай просматривала все эмигрантские газетки на русском языке. Эти злобные сплетники наверняка не пропустили бы ни одно сенсационное сообщение, а разоблачение советских разведчиков было бы громкой сенсацией.

Все радостное, так же как и страшное, приходит неожиданно. Был самый обыкновенный, ничем не примечательный день. Анна вернулась из туристического бюро, еще раз испытав разочарование. Позвонила. Дверь распахнулась, и перед ней собственной персоной предстал Макс! Она покачнулась — такая волна радости захлестнула ее.

— Макс! — прошептала одними губами, уткнувшись в его плечо.— Макс! — плача и смеясь, повторяла она.

— Как только получил сообщение, первым же пароходом выехал в Шанхай. Мне [illegible] везло.

— Как только получил сообщение? — удивленно и недоверчиво переспросила Анна.

— Ну да! А что?

— Ох, Макс, я уже три недели жду тебя в Шанхае, не дай бог никому того, что пережила я.

— Три недели! — ужаснулся Макс.— Представляю, как ты волновалась. Виноваты прежние радисты, не могли наладить связь.

В это время вошла хозяйка. Увидев Анну, заулыбалась.

— Этот молодой человек едва не покалечил меня. Я хотела пошутить, мол, не дождалась, уехала, а он как схватит меня за руку, как закричит: «Куда!» — чуть руку мне не оторвал.

Макс и Анна состояли в гражданском браке. Для того чтобы выехать в Японию, нужно было по всем правилам узаконить брак в германском консульстве и получить заграничные паспорта. Макс боялся осложнений — в Германии у власти были нацисты во главе с Гитлером, и в консульстве могли не зарегистрировать брак немца с «расово неполноценной» русской. Но все обошлось. В Шанхае, вероятно, еще не прониклись духом нацизма. Лишь потребовали трех свидетелей.

С помощью жены капитана нашлись и свидетели. Брак зарегистрировали. Консул хотел записать Анну в паспорт мужа, но Макс уговорил его выдать жене отдельный паспорт.

Анна была радостно возбуждена тем, что все ее мучения кончились. Она снова с Максом и на правах законной жены, фрау Клаузен, выезжает с ним в Японию.

Пароход медленно и осторожно входил в переполненную судами и плавучими доками гавань Йокохамы. Вдали синели горы, а ниже, на плоской равнине, вытянулся вдоль берега одноэтажный город. Лишь на переднем плане громоздились высокие каменные здания.

Маневрируя между судами, пароход постепенно сбавлял скорость, пока не остановился совсем. Непрерывно гудели пароходы, ожидая причала, на рейде слегка дымили трубы огромных лайнеров.

Порт Йокохамы показался Анне грандиознее шанхайского.

Клаузены без особых хлопот покончили с таможенным досмотром, немецкие паспорта избавляли их от садистской придирчивости японских чиновников.

— Уже за своих считают,— иронизировал Макс.— С Гитлером альянс намечается...

Коренастый носильщик в черных штанах и белой распашонке с иероглифами на спине подхватил их чемодан, вынес на набережную.

...Электропоезд мчал их в Токио. Мелькали черно-зеленые ступени рисовых полей, синие изломы горных хребтов, четырехногие столбы телеграфа, причудливо изогнутые сосны с красными стволами, поселки с тесно прильнувшими друг к другу бумажными домишками.

Здесь, как и в Китае, был тщательно возделан каждый клочок земли. Рисовые поля маленькими террасками карабкались на склоны гор. Но если жизнь китайской деревни спрятана за высокой глинобитной стеной, которой она окружена, то здесь все было на виду. Стены легких домиков раздвинуты, и их внутренняя жизнь видна как на ладони. И все это — миниатюрные поля, бумажные домишки, низкие, кривые деревья — производило впечатление какой-то искусственной жизни.

Через час с небольшим электропоезд въехал под своды громадного токийского вокзала Стэшен.

— Вот мы и дома,— весело сказал Макс.

Едва успели выйти из вагона, как сейчас же к ним прицепился полицейский в черном мундире с погонами и саблей на боку. Анна испуганно дернула Макса за руку.

— Не обращай внимания, здесь следят за каждым иностранцем,— тихо предупредил он ее.

Полицейский проводил их до самого такси; нахально осклабился на прощанье. Анна едва успела охватить

взглядом привокзальную площадь с ее громадами билдингов и пестрым многолюдьем.

Они мчались по нарядной Гинзе, сплошь увешанной вертикальными полотнищами вывесок, исписанных гигантскими иероглифами, украшенной яркими рекламами, цветными фонариками. Мимо них проносились роскошные лимузины, между машинами ловко лавировали велосипедисты и рикши. От пестрых зонтиков фланирующей публики рябило в глазах.

После сдержанных тонов Китая, где на улице преобладал сине-черный колорит, подобное буйство красок ошеломило Анну, привело в какой-то детский восторг.

Макс посмеивался:

— Это тебе не Шанхай, а Токио! Здесь ты редко встретишь англичанина или американца, здесь все японцы и все японское...

И вдруг... Что это? Исчезли билдинги, прямые магистрали улиц. Машина катит по каким-то немыслимо запутанным лабиринтам среди приземистых, двухэтажных деревянных домиков. Анна испуганно смотрит на Макса, он смеется.

— Вот такой он и есть, Токио. Билдинги только в центре, а в основном деревянные домишки без конца и края...

Китайские города имеют строгую квартальную планировку, и хаотичность Токио озадачила Анну.

— Темный лес какой-то,— удивилась она,— как же здесь можно найти адресата?

— Как-то находят. Здесь по районам ориентируются. Наш район называется Адзабу-ку, а улица Синрюдё-тё.

Водитель остановил машину возле двухэтажного каменного особняка.

— Приехали,— сказал Макс.

Дом был довольно просторным и очень понравился Анне. Внизу прихожая, кухня и гостиная, наверху, куда вела крутая деревянная лестница,— спальня, кабинет Макса, ванная комната и туалет. В кабинете стены были облицованы деревянными панелями, над письменным столом висел портрет Гитлера.

— А это зачем? — изумленно подняла брови Анна.

— Для конспирации,— улыбнулся Макс.— Рихард, когда заходит сюда, первым делом плюет на портрет.

— Может, слишком, а? Терпеть такую образину.

— Настоящему немцу положено иметь портрет своего

обожаемого фюрера. Хайль Гитлер! — дурашливо закричал он.

В окно виднеется высокая, длинная глинобитная стена. Анна испуганно спрашивает:

— Тюрьма, что ли?

— Хуже,— смеется Макс.— Казармы гвардейского полка.

— Везет как утопленникам! В Мукдене хоть один генерал был, а здесь целый полк солдат.

— Обнаружил после вселения. Но мы друг другу не мешаем! Зато я теперь наизусть знаю национальный гимн.

И он, смешно открывая рот, поет басом:

— «Нихон кими га ё» (Япония всегда впереди!). Не горюй,— шутливо говорит он,— Рихард снял квартиру под самым боком у районной инспекции полиции! Вид с его балкона открывается как раз на это прелестное учреждение... Такая же глинобитная стена. Полицейские его признали и каждый раз низко кланяются.

В первый же воскресный день к ним зашел Рихард.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогая Анни,— с искренней радостью приветствовал он ее, широко улыбаясь и по-братски чмокая в щеку.— А мы уж заждались вас!

— Три недели жила в Шанхае, а я ничего не знал! — сообщил ему Макс.

— Надеюсь, все обошлось благополучно? — заботливо спросил он Анну.

— Как видите! — улыбнулась она.

Анну поразил вид Рихарда — как изменился! Уже не было того блеска молодости, как в Шанхае, он словно бы слинял. Черты лица стали резкими, лоб избороздили крупные морщины, рот совсем изменил рисунок, стал суше и строже, от ноздрей к углам рта залегли глубокие складки. А главное — глаза холодноватые, мудрые и в то же время острые.

— Ну что? Постарел? — усмехнулся он, перехватив ее внимательный взгляд.— Совсем старый ворон.

— Что вы?! — смутилась Анна.— Просто возмужали...

Рихард снисходительно рассмеялся.

— Возмужал! А? Макс, что ты на это скажешь?

— Я скажу, что мы сейчас будем обедать. Анни приготовила нам что-то чертовски вкусненькое!

— Да, да,— обрадовалась Анна,— пирожки, борщ...

— Борщ?! Вот это да! С удовольствием... А то меня моя старая Оина-сан уморила сушеными каракатицами и сырой рыбой в сахаре.

— Кто это — Оина-сан? — спросила Анна.

— Приходящая прислуга, старая японка. Варит обед, убирается, готовит ванну. Да, кстати, Анни, вам тоже придется иметь прислугу, здесь так положено. Постарайтесь нанять приходящую.

— Я уже думал над этим,— сказал Макс.— Дело в том,— обратился он к Анне,— что японская прислуга вся на службе у полиции и докладывает обо всем.

— Что-нибудь придумаем,— сердечно отозвалась Анна.— А сейчас прошу в столовую.

— Но прежде я вручу вам подарок как новоселам,— таинственно улыбнулся Рихард и вышел в прихожую.

Вернулся с большим коричневым пакетом. Содрал бумагу, и Анна увидела великолепную вазу из керамики с нежной росписью,— по светло-коричневому фону ветка цветущей розовой сакуры.

— Какая прелесть! — Анна залюбовалась вазой.

— Правда, красивая? Очень люблю всякие японские штучки, у японцев обостренное чувство красоты.

Вазу Анна поставила на самое видное место, и комната сразу же приобрела особый уют.

За обедом Рихард расспрашивал Анну о Москве.

— А хорошо у вас! — без всякого перехода сказал он.— По-настоящему отдыхаешь, расслабляешься. Страшно устаешь от этой проклятой двойной жизни, поэтому и стареешь...

— Приходите к нам почаще,— живо отозвалась Анна,— мы будем только рады... Наш дом — ваш дом...

— Спасибо,— просто ответил Рихард и вдруг улыбнулся хорошей, светлой улыбкой.— А знаете, Анни, я ведь в последнюю поездку в Москву женился...

— Да?! — искренне изумилась Анна.

— Ее зовут Катя, Катюша...— Он с удовольствием произнес это имя, и глаза его при этом обрели особую темную глубину. «Влюблен»,— отметила про себя Анна, внутренне улыбаясь.

— Так берите ее сюда! — со всей непосредственностью выпалила она.

Рихард грустно усмехнулся:

— Если бы было возможно! Придется ждать и ей и мне...

— А пока ухаживай за фрау Отт,— пошутил Макс.

— Как! Вы ухаживаете за какой-то женщиной! — с негодованием воскликнула Анна.

— Это она за ним ухаживает,— засмеялся Макс.— И не «какая-то», а высокопоставленная дама, жена военного атташе Эйгена Отта.

— Меня от нее тошнит,— с отвращением проговорил Рихард.— Но приходится быть внимательным, чего не сделаешь, если надо. Вам, Анни, я советую вступить в женское немецкое общество при немецком клубе и заделаться активной нацисткой. Председательствует там эта рыжая гадина, ярая нацистка фрау Этер, постарайтесь ей понравиться, для пользы дела, как вы понимаете.

В тот же вечер Анна попросила Макса рассказать ей все о Рихарде.

— О, это большой человек,— сказал Макс.— Как ты уже, наверное, догадываешься, он — глава нашей организации...

— Глава фирмы, как ты выразился однажды...

— Вот-вот,— без тени улыбки согласился Макс.— Из буржуазной семьи. Отец сначала был обыкновенным техником-нефтяником на Апшероне в России, затем стал владельцем нефтеперегонного завода,— видно, парень был не промах. Он тебе уже рассказывал, что родился в России, и мать у него русская, из очень бедной семьи, по бедности и вышла за отца с четырьмя детьми, Рихард был пятым ребенком в их семье. Разбогатев, папаша решил вернуться в фатерлянд с молодой женой и детишками. Как верноподданный немец, воспитал Рихарда в духе германофильства. В четырнадцатом году, поддавшись националистической пропаганде, Рихард прямо из школы убежал на фронт, даже не поставив в известность родителей. Был ранен,— хромота у него с войны осталась. А потом, как многие из нас, понял, что такое война и кто и для чего ее развязывает.

После фронта учился в университете. Он ведь доктор права и социологических наук, до всего докопался, изучал философию, марксизм, революционное рабочее движение в Германии. Сам работал шахтером в Аахене, чтобы снизу, изнутри постичь жизнь рабочих. Стал активным подпольщиком. Неоднократно встречался с Эрнстом Тельманом. Как видишь, война многих просветила. Большое значение, конечно, имела русская революция.

После поражения революции в Германии Зорге начала

но он являлся в общество всегда прилично одетым, был вежлив, любезен, умел поговорить. Обычно встречались по вечерам у кого-нибудь из знакомых, играли в карты, устраивали танцы. Один из вечеров особенно запомнился Анне...

...В скромной квартире банковского служащего Сергея Николаевича Дашкова собрались гости по случаю дня ангела его супруги. В маленькой гостиной с ярким дешевым ковром стояло пианино, поблескивая полированной крышкой.

Хозяин дома был широкоплеч и высок, с продолговатым сухим лицом, таким бесстрастным, что особенный, злой блеск его серых глаз еще больше выделялся на нем. Дашков в прошлом — полковник царской армии. Его жена — важная толстая дама с тяжелым пучком рыжевато-каштановых волос — оживленно болтала с худощавой средних лет женщиной, довольно известной на шанхайском горизонте русской танцовщицей Полянской, выступающей на подмостках какого-то французского кабаре. Ходили слухи, что она танцевала на сцене Мариинского театра и была как-то связана с царским двором. Полянская не отличалась красотой, но чем-то привлекала, может быть, большими печальными глазами.

— Господи, какая прелесть! — говорила Полянская, с наслаждением зарываясь в букет фиалок, который стоял на маленьком столике в низкой хрустальной вазе.— Фиалки — мои любимые цветы. В свое время мой будуар утопал в фиалках...

— Сергей преподнес мне по случаю дня ангела. Кучу денег небось ухлопал,— с грубоватым добродушием сказала хозяйка, но в ее голосе слышалось удовольствие.

— Счастливица вы,— вздохнула Полянская.— У вас есть муж, друг, который любит вас, заботится... А я так устала от одиночества, от унизительной работы в кабаре, от канканов. А когда-то я танцевала Армиду, Марию, Жизель...

В ее голосе звучали тоска и безнадежность.

Кроме балерины были и другие гости: Федорченко, добродушный на вид толстяк с пышной, окладистой рыжей бородой. В прошлом профессор одного из русских университетов, теперь он был специалистом по выработке водки, имел небольшое дело и, как говорили, преуспевал; бывший генерал Черновский — высокий, костлявый старик, затянутый в военный мундир, желчный и чванный;

бывший поручик Жужубов — мужиковатый, коренастый крепыш, вспыльчивый и резкий; бывший морской офицер Кучимов с женой, оба — латыши по национальности. К финнам — Валениусу и Анне — они относились с особой теплотой. Кучимов работал капитаном на английском пароходе. Все только «бывшие» — выброшенные на свалку истории, как иногда говаривал Дашков, щуря свои злые глаза.

Мужчины говорили о политике. Разговор был очень оживленным, и Анна, заслышав голос мужа, стала невольно к нему прислушиваться.

— Большевистская власть долго не продержится,— убежденно говорил ее муж.— Власть, которая насаждает безбожество, свальную любовь, безнравственность, не имеет права на существование. Да и вообще. Коммунистическое государство — абсолютная утопия...

— Насчет божественного я не мастак,— усмехнулся генерал Черновский,— что касается будущего России — уверен, она, конечно, не останется большевистской. Коммунизм — это прокрустово ложе, какие-то рамки, ограничения, это можно, то нельзя... Нет, прокрустово ложе не удержится. Нельзя мне запретить по субботам рыбу ловить, если это любимое мое занятие.

— Вы правы, генерал,— поддержал Черновского Федорченко, солидно поглаживая свою рыжую бороду.— Террор, расстрелы... А русский народ волю любит. Россия — это Илья Муромец, который сиднем просидел тридцать три года, а потом встал, встряхнулся и пошел совершать подвиги... Смахнет он и большевиков...

— Большевистская власть — это небывалый еще в человеческой истории жуткий «опыт» над миллионами русских людей, вот что это такое,— с возмущением произнес Дашков, перекатывая из одного угла рта в другой дымящуюся папиросу.

— Да, черт возьми,— пробурчал поручик Жужубов,— Россия встряхнулась... Да так, что мы полетели в разные стороны. Как бы и отсюда не полетели. «Жуткий опыт», как видно, очень заразителен. С тех пор как правительство Китая подписало дипломатическое соглашение с РСФСР, в Шанхае не прекращаются рабочие забастовки.

— Как же! Свобода, равенство, братство...— вмешался генерал.— В России Ленин, здесь — Сунь Ятсен, своего рода китайский Ленин.

— Да... Китай зашевелился,— задумчиво сказал Ку-

чинов.— В провинции Гуандун гоминьдановцы во главе с Сунь Ятсеном. Кстати, в армии Сунь Ятсена появился очень толковый военный советник, какой-то генерал Гален, я от англичан слыхал, они только об этом и толкуют.

— Гален? — переспросил хозяин.— Француз?

— Да не Гален, а Галин! — поправил Черновский.— И не Галин, а советский генерал Блюхер,— уточнил он.

— Блюхер? — воскликнул поручик Жужубов.— Старый знакомый... Как же, встречались в восемнадцатом на Южном Урале... Значит, Блюхер? А вы откуда знаете? — вдруг остро заинтересовался он и подозрительно посмотрел на Черновского.

— Да уж будьте уверены! — самодовольно ответил тот, форся своей осведомленностью.

— Знавал я Блюхера, знавал...— с задумчивой многозначительностью проговорил Жужубов.— Я ведь пошел добровольцем на фронт. Мне тогда едва исполнилось двадцать лет, но я успел пережить войну, а потом пережил революцию и горькое поражение... Наш полк был начисто разгромлен партизанами Блюхера, они как черти были вездесущими. Остатки полка пробирались кто поодиночке, кто группами к станции, которая находилась в руках белой армии. Стояла холодная, дождливая осень. Я еще не вполне оправился от ранения и минутами почти терял сознание. Мы никак не могли добраться до железнодорожного пути — партизаны буквально наступали нам на пятки. Наконец добрались до маленькой степной станции, увидели вагоны, палатки, в которых, как мы узнали, расположился штаб белой армии.

Наша группа штурмом захватила состав. Вагоны были переполнены, но я решил не отступать. В проходе вагона меня остановил адъютант, чистенький такой, благородный. «Погучик,— сказал он холодно, брезгливо оглядывая меня с головы до ног,— во избежание непгиятностей пгошу покинуть вагон. Поезд и без того набит до отказа, количество пговианта огганичено, и совегшенно невозможно давать пгиют пгишлым...» Понимаете? — Жужубов поглядел на окружающих.— «Пгишлым»... Этакий картавый хлыщ в расстегнутом кителе. Ему жарко... Я выхватил пистолет, заорал: «Ах ты, штабная крыса, жить хочешь? А я, значит, не хочу?! Убью!..»

Поручик замолчал и уставился в пол отсутствующим взглядом.

— А дальше? — робко спросила Полянская.

— Дальше? — встрепенулся Жужубов.— Дальше я не стал больше спорить, а как был в шинели, с винтовкой, с ручными гранатами у пояса, повалился на пол прямо в проходе и заснул непробудным сном. Ночью нас настигли партизаны. Многих перебили, а кто остался жив, уносили ноги...

— Адъютанта убили? — не унималась Полянская.

— Черт его знает,— равнодушно ответил поручик.

— Была и у меня памятная встреча...— с кривой усмешкой проговорил полковник.— Помнится, я прямо-таки жаждал подобной встречи, думал: «Попадись мне хоть один комиссаришка, я ему перочинным ножом не только погоны на плечах, лампасы на ляжках вырежу!» И ведь попался, голубчик! Я, говорит, член Ре Ке Пе и тебя, бандит, презираю... Ладно, говорю, презирай себе на том свете, сволочь... Поставили его перед выкопанной заранее могилой, руки за спиной ремнем скрутили. Я уж хотел скомандовать: «Пли!» — да тут один солдатишка как завопит под руку: «Господин полковник, на нем же новый полушубок. Зачем же вещию-то губить!» Я ему кричу: «Пошел вон, посажу под арест!» А большевичок: «Пусть возьмет, мне теперь не надо...» Солдат подбежал к нему, развязал руки, дернул полушубок, а комиссаришка как прыгнет из полушубка, словно блоха, и побежал...

— Хлопнули? — скороговоркой спросил генерал.

— Черта с два...— усмехнулся полковник.

— Убежал? — радостно ахнула Полянская.

— То-то и оно... До сих пор не пойму, как это ему удалось... Простить себе не могу такую оплошность.

Анну покоробил откровенный цинизм полковника. «Вот вы какие!» — враждебно подумала она, как-то по-новому взглянув на всю компанию.

— Равенство, братство...— с недоброй иронией проговорил Федорченко.— А кто они такие, эти большевики? Привилегированная каста. Иначе не бывает, всегда имеются выделяющиеся и... челядь.

— Правильно! — поддержала его Полянская.— Помню, первым человеком в нашем дворе стал сапожник Михейкин. Раньше я его и за человека не считала, а тут ходит самоуверенный, в кожанке, с браунингом у пояса, на голове шлем с красной звездой, на всех покрикивает. Что за начальство? Начальник ГПУ...

— Ах, господа, как надоели подобные разговоры! —

8*

сказала хозяйка.— Политика, политика без конца... Ольга Александровна,— любезно обратилась она к Полянской,— сыграйте нам что-нибудь, мы давно не слыхали вашей чудесной игры.

— Да, да! Просим,— поддержали мужчины.

Полянская не заставила себя долго упрашивать, она подсела к пианино, и ее длинные тонкие пальцы уверенно заскользили по клавишам.

Неожиданно Полянская бросила играть. Она встала, стремительно подошла к ящику с сигаретами и закурила. Все посмотрели на нее с удивлением.

— Умирающий лебедь...— заговорила она взволнованно.— Я танцевала его в Мариинском театре в день своего бенефиса. Сам император присутствовал на спектакле...— Она глубоко вздохнула, задумалась, затянувшись сигаретой. И вдруг сказала совсем другим, несколько даже озорным тоном: — А знаете, господа, я ведь выступала перед красногвардейцами Петрограда в восемнадцатом году! Не верите? Так забавно получилось... Пришли двое с винтовками, в военной форме — у меня душа в пятки, думаю: «Все. Расстрел». А они: «Просим вас, дорогой товарищ, выступить в нашем клубе...» Я сразу воскресла. Пожалуйста, говорю, с полным моим удовольствием. Трясущимися руками надеваю манто, они мне любезно помогают. На улице сажают на... броневик,— да, да! И мы куда-то едем по жуткому, ночному Петрограду.

Помню, какая тишина была в зале, когда я танцевала, а потом — бешеные аплодисменты. Я тогда удивилась: неужели они понимают?

— Хе-хе-хе,— ядовито рассмеялся генерал.— Какую благодарную публику вы потеряли, Ольга Александровна.

— Все-таки я часто вспоминаю этот эпизод,— не обращая внимания на слова генерала, продолжала Полянская.— Вспоминаю и думаю, что, пока твоя нога стоит на земле родины, ты человек. Без родины ты — ничто, это хуже смерти.

Генерал нахмурился, проговорил сердито:

— Все вы — жалкие нытики. Нужно бороться с большевиками, а не ныть. Русский интеллигент всегда был горазд ныть, потому и прошляпил Россию.

— А как бороться? — угрюмо поинтересовался поручик.

— Очень просто,— жестко ответил Черновский.— Винтовку в руки и ать, два...

— На службу, в волонтеры? — усмехнулся Жужубов.

— Да хоть к черту! Не все ли равно? Лишь бы против большевиков...

В словах генерала сквозила ненависть.

— Да, мы слишком заблагодушествовали,— поддержал его полковник.

— Господа, перестаньте...— умоляюще проговорила жена полковника.— Давайте лучше пить шампанское.

Все развеселились. Полянская стала рассказывать анекдоты, связанные с балетным миром. Она вся была в прошлом. Беспрестанно повторяла имена знаменитостей, названия партий, которые танцевала. Постепенно все как-то расчувствовались и стали наперебой вспоминать все дорогое, утраченное в жизни. Вспоминали свои живописные усадьбы, уютные квартиры, балы, карнавалы, родные березки и все сокрушались о том, что не отстояли Россию от большевиков.

Анна слушала и думала про себя: «А мне-то чего вспоминать? Постылых Поповых? То, как работала на них с утра до ночи, засучив рукава и подоткнув юбчонку?» И вдруг острая неприязнь пронзила ее сердце против вот этих чистеньких, в прошлом богатых, на которых тоже небось ломили такие, как она, Нюрки, Дуньки, Ваньки... «Правильно сделали большевики, что прогнали вас. Я бы своими руками душила таких мироедов, как Поповы».

Разговор перешел на знакомых, на жизнь в эмиграции.

— Интересная встреча произошла у меня на днях,— начал генерал Черновский.— Иду это я по Банду, а навстречу мне очень знакомый человек, шагает тяжело, словно волочит привязанные к ногам гири. Небрит, в каких-то коротких, вспученных на коленях брюках и засаленном пиджаке. На голове старая кепка, а стоптанные ботинки перевязаны обрывками шнурков. Всматриваюсь попристальнее: ба! полковник Шумилин! Он меня тоже узнал, остановился и с этакой угрюмой фамильярностью проговорил: «А! Генерал... В мундире... Забавно, забавно...» — «Что за маскарад? — спрашиваю.— На секретной службе, что ли?» Он безнадежно махнул рукой: «Да нет, говорит, это не маскарад, а самая натуральная нищета...» Подумать только! Полковник Шумилин! Дво-

рянин, блестящий офицер, гаер и дуэлянт... Мы служили с ним в одном полку. «Как же это вы так?» — бормочу смущенный. «А так, говорит, все на свете меняется — и люди тоже. А вы, мол, преуспеваете, как видно? Нет ли у вас какой службы? Я мог бы и дворником, если нет ничего другого». Мне стало ужасно горько за нас, за Россию, и я подумал: «Не-ет... Я не сдамся. Буду мстить, мстить...» Мы не можем ныне жить воспоминаниями, не имеем права! Русь распята! Мы должны ее спасать...

Все удрученно молчали, несколько смущенные пафосом генерала.

— Как страшен мир нужды! — произнесла трагическим голосом Полянская.— Со мной тоже был случай... Во время сезона я посещаю все постановки русского балета в Шанхае. В театре часто встречала одну довольно немолодую даму, одетую всегда одинаково: в черное платье с необыкновенно широкими рукавами. Дама всегда занимала первое место от входа. Я приняла ее за любительницу балета, за родственную, так сказать, душу. Придя в театр, невольно искала ее глазами, а найдя, говорила себе: «Все в порядке, значит, есть с кем разделить свой молчаливый восторг». Потом я стала замечать, что дама незадолго до окончания последнего действия всегда уходит. Это меня заинтересовало, и я начала за ней наблюдать. Однажды она села рядом со мной. Мне захотелось заговорить с ней, но что-то меня удержало.

Шел балет «Дафнис и Хлоя» Равеля. Кто видел эту вещь, тот, конечно, помнит волнующие картины античной эпохи, когда судьбой пастуха и пастушки интересовались небожители. Дафниса танцевал Лифарь. Его прыжки, взлеты, пируэты были великолепны. Краем глаза я иногда наблюдала за своей соседкой: как она реагирует на искусство прославленного танцовщика? И вдруг в самый торжественный момент кульминации танца она встает и уходит... Хочу взять платок из сумочки, чтобы вытереть слезы восторга, а сумочки нет. Шарю на полу — нет! И тут меня осенило: широкие рукава! Я сейчас же выскочила из зала и увидела в дверях ее спину. «Задержите!» — крикнула я швейцару. Позвали полицейского. Сумочка моя была при ней. Она не успела ее извлечь из широкого рукава платья. В полиции я узнала, кто она такая,— бывшая фрейлина двора. В эмиграции стала проституткой, а позже — театральной воровкой...

— Анекдот какой-то,— мрачно проговорил Дашков.

— Так ей и надо! Привыкли паразитировать,— проворчал поручик.

— Как вы можете так говорить! — возмутился генерал.— Плакать надо, что большевики довели до такого состояния цвет России.

— Как же! — насмешливо воскликнул Жужубов.— Сейчас зарыдаю, стану безутешно оплакивать этих проституток, которые валялись под Распутиным и продавали Россию немцам оптом и по частям...

— Фи, поручик,— поморщилась Полянская.

А хозяйка дома сердито воскликнула:

— Перестаньте, господа! Как вам не стыдно! Неужели нельзя спорить прилично?

— Неправда, что ли? Там были проститутки и здесь пошли по проторенной дорожке. Голубая кровь... Хе, хе-с...

— Ну уж вас-то, поручик, не заподозришь в принадлежности к голубой крови,— съязвил Черновский.

— И слава богу,— усмехнулся Жужубов — Я здорового купеческого звания. Если бы дохлое дворянство отдало власть в наши руки...

— Власть не отдают, ее отбирают. Вы попробовали отобрать, да не сумели удержать, ротозеи, отдали большевикам... Ваш Керенский просто болван...

— Он такой же наш, как и ваш. Вместо того чтобы провести земельную реформу, он пытался сохранить ваши поместья, на чем и погорел...

Жужубов говорил странно срывающимся, хриплым голосом, и женщины испуганно посмотрели на хозяйку.

— Господа,— поспешил на помощь хозяйке молчавший до этого капитан Кучимов,— господа, к чему эти запоздалые споры? Будем бодро смотреть вперед! Давайте поднимем бокалы за матушку-Русь. Я лично оптимистически смотрю на ее будущее, хотя и не знаю — кому из нашего поколения найдется там место.

— Браво! — иронически сказал Черновский и трескуче похлопал сухими ладонями.

Все эти споры и разговоры для Анны не были новостью. Бродяга-полковник, фрейлина-проститутка... Все они погрязли в трясине эмиграции. Хулиганят, злобствуют, бьют окна в советском посольстве и мечтают въехать в Россию на белом коне. И ее муж туда же. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней... Коммерсант...

Ее мучила затаенная тоска. Как странно сложилась

судьба... Эмигрантка, наравне с этими... Хотя что ей большевики? Могла бы жить на родине.

— И все же, господа,— продолжал между тем Кучимов,— в России происходит что-то любопытное... Я часто встречаюсь в порту с советскими моряками — они рассказывают удивительные вещи.

— Судя по договору с Китаем, «удивительные»...— насмешливо произнес Черновский.— Советская Россия отказывается от всех контрибуций, прав и привилегий царской России в Китае... Скажите пожалуйста, как щедры большевики! Да и то сказать — не ими завоевывалось, не жалко!

— Дипломатия — штука тонкая,— неопределенно возразил капитан.

— Однако ваши встречи с советскими моряками не прошли бесследно,— возвысил голос Черновский, неодобрительно поглядев на капитана.

— Возможно,— несколько вызывающе ответил Кучимов и демонстративно отвернулся от генерала.

«Какой симпатичный человек,— подумала Анна, исподтишка рассматривая капитана.— Какие умные, проницательные глаза...»

Ночью Анна долго не могла заснуть. Она ворочалась, вздыхала и все думала о своей странной судьбе, которая свела ее с людьми, совершенно чуждыми ей.

Муж наконец поинтересовался, отчего ей не спится.

— Да так...— ответила нехотя, не желая почему-то делиться с ним своими мыслями.

— А у этого рыжебородого, видать, денег куры не клюют,— после некоторого молчания неожиданно произнес муж.— Нужно его потрясти...

Анне был противен этот разговор, и она промолчала, притворившись засыпающей.

Муж сумел-таки занять крупную сумму денег у Федорченко. Кто-то из эмигрантов свел его с дельцами судоремонтной фирмы, и через некоторое время Валениус открыл лесопильный завод на улице Байкал, где обосновались одни русские, сибиряки.

И снова по вечерам он щелкал на счетах, подсчитывал барыши и мечтал разбогатеть.

Анна вдруг почувствовала, что не может больше жить

с Валенпусом, он ей опостылел. Опостылели его нечестные махинации, вечные разговоры о деньгах. Они часто ссорились последнее время. Анна упрекала его за нечестность в делах, за то, что занимает деньги, не намереваясь их отдавать. Муж злился: мол, подумаешь, какая честная... А в последней ссоре он довольно резко сказал ей: «Можешь оставаться при своих убеждениях, и пусть тебе помогут благотворительные комитеты».

Анна почувствовала, что тупеет, теряет интерес к жизни. И однажды за завтраком объявила:

— Я ухожу от тебя.

Может, это было неожиданно для нее самой. Но мысль уйти, убежать от этой жизни овладела ею давно. Пусть нужда, голод, чужбина,— она больше не может! Душа жаждет освобождения...

Муж изумленно посмотрел на нее, язвительно спросил:

— Куда, позвольте узнать?

— Неважно...— упрямо ответила Анна.

— Значит, надоели мои заботы? Надоела сытая жизнь? — продолжал язвить муж.— На панель захотела? Муж староват стал...

— Прекрати! — вспылила Анна, она не хотела выслушивать еще и пошлости.

— Что ж, уходи,— мстительно проговорил Валенпус.— Только без документов ты далеко не уйдешь, а развода я тебе не дам.

— Ну и ладно...— ответила пренебрежительно.

Встала из-за стола, прошла в спальню. В страшном возбуждении, почти не сознавая, что делает, стала кидать из шкафа на кровать какие-то вещи. Запихала все в чемодан, огляделась. Сердце невольно сжалось от тоски и тревоги. Господи, что же это она делает? Но остановиться уже не могла. Какая-то неведомая злая сила влекла ее из этого дома.

Вышла на улицу. Город шумел враждебно и отчужденно. Куда же идти? Вспомнила о Кучимовых. Эти не прогонят. Она почему-то верила в них. Из всех знакомых они казались ей наиболее порядочными.

Взяла такси и поехала на улицу Хэйг, где жили Кучимовы. Дома была одна жена капитана. Выслушав взволнованный рассказ Анны о ссоре с мужем, о том, что больше не вернется к нему, Кучимова призадумалась.

— А не погорячились ли вы, милочка? — обратилась

она к Анне.— Пока не поздно, может, помириться вам?

— Нет,— твердо сказала Анна.— К Валенпусу я больше не вернусь.

Она заплакала.

— Ну, ну, успокойтесь,— начала утешать Кучимова.— Живите у нас сколько хотите. Только вот я думаю о превратностях эмигрантской жизни — трудно вам придется.

— Жилье я себе найду,— обрадовалась Анна,— и работу найду... Я всего на несколько дней... Буду вам помогать по хозяйству, я ведь все умею делать...

— Ну, хорошо, хорошо, только не плачьте,— улыбнулась Кучимова.

Две недели она прожила в семье капитана. Устроиться на работу оказалось делом нелегким. Пошла в финское консульство, попросила отдельный паспорт. Но ей ответили, что без разрешения мужа паспорт выдать не могут. Нужно развестись.

Валенпус не давал ей развода, надеясь тем самым принудить к возвращению. Без паспорта не брали на работу. Вот тогда-то она и нанялась посудомойкой в кабаре «Кристалл» на рю Чу Пао Сан. Приняли без всяких документов, потому что мало кто задерживался в этом страшном месте.

И жилье нашла — жалкий угол у русского домовладельца-эмигранта.

Иногда к ним в кабаре заходил полицейский харбинец выпить кружку пива — он часто дежурил на рю Чу Пао Сан. Он-то и научил ее, как обзавестись документом. Пойди, мол, в русское эмигрантское бюро и попроси выдать тебе как эмигрантке удостоверение личности.

Так она и сделала. Сказала, что бежала от большевиков из России без всяких документов. Удостоверение выдали.

И хотя в Шанхае было очень трудно найти приличную работу, ей все же удалось поступить в магазин русских купцов Дарановских. У Поповых она научилась разбираться в мехах, и это ей очень помогло.

Двадцать пять долларов в месяц у Дарановских было слишком мало — едва на хлеб. Анна стала искать другую работу. А потом с помощью капитана устроилась на двухмесячные курсы госпитальных работников в профессиональную школу, которую содержало благотворительное общество, возглавляемое дочерьми английского короля. По совету капитана стала изучать разговорный англий-

ский язык. «Всегда легче устроиться на работу, если знаешь язык»,— сказал он Анне.

По окончании курсов ее направили в английский госпиталь сиделкой в инфекционное отделение. Кроме того, ходила по частным квартирам по госпитальному обслуживанию. Платили хорошо, и она воскресла.

Пять лет живет одна. За эти пять лет много испытала горя, своего и чужого, но ни разу не пожалела о том, что ушла от Валенпуса. Анна очень сдружилась с семьей капитана, стала для них своим человеком. У капитана было два взрослых сына, старший служил в английской полиции, младший учился в американской школе. Оба проявляли глубокий интерес к жизни в Советской России. Была еще дочь, которая вышла замуж за инспектора английской полиции и жила отдельно от родителей.

— Так уж получилось,— развела руками Кучимова.— Любовь...

И все-таки Анну мучило одиночество. Неужели так и будет всю жизнь одна?..

Теперь ей отказывают в квартире, а у нее бронхит, самочувствие неважное, особенно в такую ненастную погоду. Вот уже несколько месяцев ее донимает эта коварная болезнь.

Сейчас бы на родину, в Сибирь с ее чистым, звонким воздухом, напоенным ароматом тайги. Или в уральскую степь, сухую, душистую, насквозь прокаленную знойным солнцем.

Да, одиннадцать лет беженской жизни не отучили Анну от России. Вернуться бы... Но как?

Дождь усилился, он разогнал праздных зевак и пешеходов. Анна тоже поспешила под крышу автобусной остановки. Надо ехать домой. Объяснение с хозяйкой все равно неизбежно. Ехать далеко, за город, в Гонкио, а нужно еще отдохнуть после ночного дежурства.

И тут Анна подумала: а не поговорить ли ей с самим немцем?

Она представила себе рыжего, мутноглазого толстяка, страдающего одышкой от ожирения. Вряд ли с таким договоришься!

Но все получилось не так, как воображала Анна.

Он постучался. Вошел в ее комнату, внимательно оглядел убогое жилище. Стол, кровать, два старых облез-

лых стула, на одном из них чемодан, а из него, будто нарочно, чтобы подчеркнуть все это убожество, до самого пола свисала ярко-розовая лента. Анна рылась в чемодане и едва успела его захлопнуть.

— Макс Клаузен, живу под вами. Зашел поговорить насчет комнаты,— сказал он по-английски.

Как ни смущена была Анна,— перед ней стоял симпатичный молодой человек, сероглазый, темноволосый, стройный,— она сразу же ринулась в бой.

— Ничего не выйдет,— ответила она сердито.— Вам жарко, а мне жить негде... Вы из-за непонятного каприза богача вышибаете на улицу бедную женщину. Стыдитесь!

Говоря эти слова, она яростно, словно гадюку, запихивала под крышку чемодана злополучную ленту. А он стоял и улыбался.

— Кто вам сказал, что я вас «вышибаю»? — все с той же улыбкой спросил он, без приглашения усаживаясь на скрипучий стул.— Я предлагаю вам обмен. У меня прекрасная комната.

— А чем я буду платить за эту «прекрасную» комнату? Вы думаете, я миллионерша? — вызывающе спросила Анна, задвигая под кровать чемодан. Всем своим видом она выражала пренебрежение к «пустому разговору».— Чтоб тебе провалиться,— проворчала тихо по-русски.

— Как бы не так! — ответил он ей тоже по-русски и громко захохотал, забавляясь ее смущением.

Анна невольно рассмеялась.

— Интересно получается...

— Еще бы! — продолжал он на довольно сносном русском языке.— Я предлагаю вам обмен, а разницу в оплате беру на себя!

Анна растерянно поглядела на его улыбающееся лицо. Что за чудак? Так настойчиво обеспечивает себе прохладу. Здесь что-то кроется...

— Нет,— твердо сказала она.

Ее упорство удивило его и огорчило.

— Тогда извините...— Поднялся со стула, подумал и вдруг опять улыбнулся.— Но, я надеюсь, вы разрешите иногда по соседству заходить к вам?

— Что ж, заходите,— милостиво разрешила Анна.

Странный разговор на смеси плохого английского и русского! Коммерсант? Непохож. Скорее всего моряк. На рю Чу Пао Сан Анна научилась угадывать моряка с пер-

вого взгляда. И это знание русского языка. Кто, кроме моряка, может разговаривать на всех языках мира?

На следующий день сосед опять позвонил в дверь Анны.

— Можно? — учтиво спросил он по-русски, а сам уже смело входил в комнату.— Скучно одному. Я приглашаю вас на чай, ведь русские любят чай, не так ли?

«А вот возьму и пойду!» — озорно подумала Анна, с любопытством поглядев на немца. Она честно призналась себе, что он понравился ей с первой встречи.

Его комната показалась ей прямо-таки роскошными апартаментами по сравнению с ее чердачной клетушкой. Приличная мягкая мебель, туалетный столик с большим зеркалом, на окнах нарядные шторы. Особенно Анну привлекла маленькая, сверкающая белым кафелем ванная комната.

— Хорошо? — весело спросил он

— Очень, очень хорошо! — закивала она головой.

— Тогда — обмен. Вам здесь хорошо, мне — там. Я снимаю весь чердак у госпожи Буклай.

— Нет,— упрямо возразила Анна. — Вы за меня будете платить, это нехорошо. Я такой подарок не могу от вас принять.

— О! Это пусть вас не волнует. Я коммерсант и могу вам помогать,— он умоляюще смотрел на Анну.

— Нет, нет,— решительно отказывалась Анна, направляясь к двери.

— А чай? — растерянно спросил он.

— В другой раз.

Анна поняла, что чай был лишь предлогом, чтобы залучить ее к себе и показать ей свою комнату. На его лице отражалась явная досада, кажется, он даже сердился.

— Хорошо,— будто пересиливая себя, заговорил он опять.— Я вас накажу — сам приду к вам на чай.

Они подружились. Он стал называть ее просто Анни, а она его — Максом.

Макс часто заходил к ней в гости. Он с интересом выслушивал все, что она рассказывала о себе, о своей жизни в Сибири.

— Знаете, Макс, иногда такая тоска по родине одолевает... Хочется в ночь под рождество сесть на тройку и очутиться в своем родном Новониколаевске. Пушистый

снег, от мороза захватывает дыхание. Лошади мчатся во всю прыть. Звенят колокольцы, бренчат балалайки, запорашивает снегом глаза. Хорошо! А первые весенние дни? Солнце. С крыш каплет. Масленица... Блинный дух, переборы гармошки, на площади — карусели, качели, балаганы... Вы когда-нибудь ели русские блины, Макс? Нет? Я вас обязательно угощу.

— Вы так хорошо рассказываете, Анни, что я готов вас слушать хоть до утра. А блины... Я, конечно, с удовольствием...

— Мой отец Георгий Аркадьевич Попов любил поесть. «Анна, подай там настоечки по моему рецептику. А затем простых гречневых блинов,— говорил он, потирая руки.— Но чтобы свежей амурской паюсной — гора! И маслица со сметанкой — море».

Собирались гости, и начиналась пьянка. Тогда я незаметно убегала из дома на площадь, на каруселях кататься с девчатами.

А на красную горку — праздник весны, багульник горит на холмах, появляются первые цветы. Собирается молодежь, девчата и парни, все нарядные. Играют в гармонь, поют песни, хороводы водят, в горелки играют...

— Вы такая русская, Анни, зачем вам Шанхай, почему вы эмигрировали? — поинтересовался Макс.

— Обстоятельства жизни, Макс, больше ничего. Если бы не обстоятельства... Когда-нибудь я все вам расскажу...

— А я родился на острове,— начал свой рассказ Макс.— На острове Нордштранде в Северном море у побережья округа Шлезвиг-Гольштейн. Это на самом севере Германии. Там много островов, и больших и маленьких. Нордштранде — один из наиболее крупных островов. В нашем местечке, где я родился, была даже церковь и ремесленная школа, в которой обучали разному мастерству. Мы, островитяне, жителей материка презирали — они казались нам слишком крикливыми. У нас на острове жизнь протекала тихо, спокойно, без происшествий, каждый знал, чего хотел. А хотел каждый разбогатеть, заиметь хорошую многовесельную лодку, снасти, ловить рыбу и продавать ее. На острове в основном жили рыбаки.

Вы спрашиваете, Анни, пробовал ли я русские блины? А вы пробовали сушеную камбалу, копченую корюшку или свежую жареную навагу, только что пойманную? То-то же!

Я любил свой остров. Этот вечный гул океана, дневное сияние, белые ночи, оглушительный гомон птиц. Мы, молодежь, развлекались почти так же, как и вы, только танцевали под губную гармонь. Собирались у кого-нибудь дома на праздник. Девушки знакомились с парнями, выбирали себе по сердцу милого. Старались выйти за того, кто побогаче. Пожалуй, практичность всегда брала верх над чувствами.

Мой отец слыл богатым и уважаемым человеком, потому что имел лавочку. Лавочка была крошечная, с разной мелочью: нитки, иголки, пуговицы, кружевца для девушек, но на взгляд жителей местечка считалась роскошным магазином.

Кроме того, отец был хорошим механиком, то есть ценным человеком в местечке. Умел починить велосипед, лодочный мотор, какой-нибудь нужный механизм на рыболовном судне. Я тоже пристрастился к механике. Вечно мы с отцом возились в сарае, все в масле, что-нибудь чинили.

По окончании школы сначала помогал отцу в лавке, а потом меня отдали в ученье кузнецу. По вечерам занимался еще в ремесленной школе. Мне хотелось стать моряком. По ночам я с завистью смотрел на огни кораблей в открытом море. «Вот изучу механику и сам буду водить такие корабли», — мечтал я.

— Я сразу угадала, что вы моряк, — сказала Анна.

— Верно, моряк! Но почему вы так подумали?

Анна засмеялась и ничего не ответила. Макс продолжал свой рассказ:

— В семнадцатом году меня призвали в армию. Я попал в корпус связи и служил на Западном фронте, воевал с французами. Неделями жили в земле, подчас по колено в грязи, каждый день теряли то того, то другого товарища...

Войне и конца не предвиделось. Залегли в окопы по всем фронтам: и на Западе, и на Востоке, вроде обессилели все, а прекратить кровавую игру не знают как. А тут революция в России... Солдаты братаются, немцы кричат: «Frieden!» Французы кричат: «Paix»! Дисциплина к чертям. «Долой войну! Пора по домам!» Особенно активными были солдаты, вернувшиеся с Восточного фронта, они сеяли антивоенные настроения.

Многие сочувствовали русской революции. Отец пи-

сал, что жизнь стала очень трудной, все забирают на фронт — и хлеб, и скот.

Два года я проторчал в окопах. Потом вернулся домой. Вернулся и пошел работать к своему прежнему мастеру-кузнецу.

«Ну как, Макс, навоевался? — спрашивает.— Небось чувствуешь себя героем, патриотом?»

«По горло сыт»,— отвечаю... Чудной был старик, хороший человек. Кроме ремесла я многому у него научился.— Макс загадочно усмехнулся.

— А как вы моряком стали? — спросила Анна.

— Уехал в Гамбург и устроился механиком на торговое судно. Мечта моя исполнилась. Но у меня была и вторая мечта — разбогатеть. Макс лукаво посмотрел на Анну.— Я стал приторговывать и заделался коммерсантом. Сейчас сотрудничаю с немецкой фирмой по продаже мотоциклов «Цундап».

Анне было по сердцу, что оба они трудовые люди, он так же, как и она, боролся с суровостью жизни.

Макс все чаще и чаще заходил на чашку чаю. Анна чувствовала, что нравится ему. Они становились добрыми друзьями. Встречи, длительные беседы стали потребностью с той и другой стороны. Анна с тоской думала о том дне, когда он закончит свои дела в Шанхае и уедет в свой фатерлянд, а она снова останется совершенно одна.

Шанхай бурлил беспрестанными забастовками, битвами, Анну это не волновало — у китайцев свои дела, сам черт не разберется, кто против кого воюет. Эмигранты жили своей обособленной жизнью. Макс объяснял:

— Китай — «золотое дно», из-за которого дерутся такие страны, как Япония, Америка, Англия. Каждая из этих стран борется за свое влияние. Все это может в конце концов привести к новой мировой войне.

— А кто такие коммунисты и чего они хотят? — спросила однажды Анна. Ее давно уже мучил этот вопрос.

Макс посмотрел на нее с нескрываемым интересом.

— Коммунисты — это люди, которые хотят счастья для всех.

— Да? — недоверчиво удивилась Анна.— Как это понимать?

Макс пояснил:

— Я, например, коммерсант и борюсь только за свое счастье и благополучие. Ваш папаша, купец, тоже бо-

ролся за свое личное счастье, приумножая свои капиталы, а эти чудаки коммунисты хотят, чтобы все на земле были равны и счастливы.

— Разве такое возможно? — усмехнулась Анна.

— Они считают, что возможно, у них есть свое учение — марксизм.

— Если коммунисты такие добрые, зачем же они расстреливают людей?

— Кто сказал, что расстреливают?

— Эмигранты рассказывают. В России, мол, сейчас террор, расстреливают невинных людей.

— Эмигранты... Они же ничего не знают

— А вы, Макс, знаете?

— Откуда же,— усмехнулся он.— Я — честный коммерсант и с коммунистами не якшаюсь.

— А мне почему-то кажется, что они вам по душе, а, Макс?

Макс хохотал и обращал все в шутку

Однажды сказал:

— Хватит серьезных разговоров! Что вы собираетесь делать сегодня вечером?

— А что вы предложите? — Анна немножко кокетничала, снова почувствовав себя молодой женщиной.

— Сегодня пойдем в кино.

Макс взял билеты на лучшие места, купил ей коробку шоколаду, словом, «ухаживал».

После кино зашли к Анне на чай.

В этот вечер между ними возникли какие-то особо интимные отношения.

— Знаете, Анни,— говорил Макс,— мне показалось, вот, наверно, думает: скуки ради ищет этот немец какое-нибудь приключение. Покраснели? Значит, думали так? Нет?

Анна отрицательно качала головой и беспричинно смеялась.

— Правда? — допытывался он.— Ну, если — нет, то я очень рад. Потому что совсем это не то... Просто мне с вами... Вы...— он запнулся,— мне с вами очень хорошо.

Смущенно посмеиваясь, она ответила:

— Вот теперь, Макс, когда мы стали друзьями, я готова поменяться с вами комнатами, раз уж вам этого так хочется...

— Да? — обрадовался он.— Ловлю вас на слове.

На другой день Макс отнес ее вещи на второй этаж,

а свой — на третий. Анна стала обладательницей чудесной комнаты с ванной, а Макс снял у мадам Буклай весь чердак.

В один из воскресных дней он пригласил ее в ресторан.

— Я хочу познакомить вас со своим другом.

— Что это вы придумали, зачем? — застеснялась она.

— У вас очень усталый вид,— сказал он серьезно.

— Спасибо...

— Значит, вам нравится идея встряхнуться? — обрадовался Макс.

Анна действительно чувствовала себя усталой — госпиталь высасывал все силы, особенно трудно приходилось в ночные дежурства. Донимала жара, влажная, душная. Свежекрахмальное платье сразу превращалось в мокрую тряпку. Больные стонали, беспрестанно просили пить, требовали специального внимания.

После его ухода заглянула в зеркало. Оттуда навстречу ей посмотрело отражение — осунувшееся лицо, синева под глазами и уже тонко наметившаяся вертикальная морщинка на лбу.

Стоя среди комнаты, задумалась: что надеть? Давно уж ничего себе не покупала. Перебрала в шкафу свой скромный гардероб. Остановилась на простом черном шелковом платье. Пожалуй, наиболее приличное из всех имеющихся, но какое старомодное! Разве можно пойти в ресторан с мужчиной в таком платье? Анна чуть не плакала от огорченья. И вдруг вспомнила... Она совсем забыла про шаль, про черную кашемировую шаль в алых розах. Кинулась к чемодану. Вынула шаль, бережно развернула ее, набросила на плечи. «Именно то, что надо!» — обрадованно подумала она, любуясь на себя в зеркало. Шаль была подарена ей Поповыми к свадьбе, когда Анна должна была венчаться с Мишкой Афанасьевым. Каким-то чудом сохранилась!.. У нее где-то есть шелковые чулки и пара вполне приличных туфель.

Макс ничего не сказал по поводу шали, но по его одобрительному взгляду Анна поняла, что одета вполне прилично.

Робко ступила в сверкающий огнями зал ресторана.

Гремел джаз-банд, и нарядные пары кружились в вихре танца. Макс подвел ее к столу, за которым сидел мужчина. При виде Анны он тут же встал.

— Рихард,— представил своего друга Макс.

Рихард понравился Анне — он был очень представительный со своими прямыми плечами, высокой фигурой и мужественным лицом. Его серо-голубые глаза улыбались и, казалось, видели все сразу.

— О, вот это экзотика! Русская шаль...— воскликнул он.

Анна смутилась, не зная, как расценить его восклицание. Робко спросила:

— Она вам нравится?

— Конечно! Очень красивая и очень вам к лицу.

Он пригласил ее на танец.

Анна сразу определила, что Рихард не простой человек. Подметила также, что хоть Макс и обращался с ним запросто, по-товарищески, но с оттенком особого уважения. И еще она подметила, что оба они мало походили на коммерсантов. Рихард был очень оживлен и весел. Макс сказал, что он в прошлом моряк, а сейчас, мол, занялся коммерцией. Анна танцевала то с Рихардом, то с Максом. Давно она не испытывала такого удовольствия.

Они наперебой ухаживали за ней.

— Вы должны заказать любимое блюдо,— обратился к ней за столом Рихард.— В китайском ресторане так принято.

— Спасибо, здесь всего достаточно,— скромно ответила Анна.

— А знаете ли вы, как называется самое изысканное китайское блюдо? — Рихард посмотрел на всех смеющимися глазами.— «Битва тигра с драконом», готовится из мяса кошки и змеи.

— Ты ел? — поинтересовался Макс.

— А как же! Быть в Китае и не попробовать коронного блюда?

— Ты смелый парень!

— Хотите попробовать? — не унимался Рихард.

— В другой раз,— засмеялась Анна.

А Макс добавил:

— Чересчур экзотично...

По дороге домой Макс сказал Анне, что она очень понравилась его другу.

— А он тебе понравился?

— Очень славный. Только Рихард хоть и кажется рубахой-парнем, однако все это напускное.

—Почему ты так думаешь? — озадаченно спросил Макс.

— Не знаю... Но мне так показалось. Он тоже коммерсант?

— Угу. Глава фирмы.

— Тогда все ясно: хотел казаться попроще.

По обыкновению они зашли к ней. И тут за чашкой чая Макс взял ее за руку и тихо заговорил:

— Анни, помните, я сказал вам, что мне с вами очень хорошо?

— Помню...— дружески улыбнулась она.

— Так вот... Я хотел бы, чтобы мы всегда были вместе...

От неожиданности она не находила слов. Потом спросила с таким достоинством, какое могла придать себе, чувствуя, однако, что щеки ее горят:

— Как это понимать — «вместе»?

— Я предлагаю вам стать моей женой,— торжественно проговорил Макс.

Наверное, он что-то уловил в ее взгляде — сомнение, внезапно мелькнувшую тень? Потому что спросил с горечью в голосе:

— Вы сомневаетесь во мне, Анни? Ведь вам тоже со мной хорошо, правда?

— Правда, Макс,— честно призналась она.

— Спасибо.— Он поцеловал ей руку.— Я не требую немедленного ответа. Обдумайте мое предложение...

Он встал, смущенный не меньше, чем она.

И когда дверь за ним закрылась, Анна еще долго сидела в оцепенении, а потом, не отдавая себе отчета в том, что с ней, стала плакать. Слезы катились из глаз, и она даже не пыталась их унять, потому что от них становилось легче. Казалось, слезы уносят ее страх, ее горе, неприятности, смывают прошлое.

Совершенно разбитая усталостью, но счастливая, легла она наконец в постель. Но сон не приходил, лежала с открытыми глазами, вспоминала все подробности этого чудесного вечера и думала, думала о Максе...

...Они стали жить вместе. Анна привела в порядок их маленькое хозяйство. Было огромным счастьем заботиться о Максе, доставлять ему всякие маленькие радости. Какой нелепой казалась ей теперь жизнь с Валенпусом, ради которой она пожертвовала всей своей молодостью.

Однажды встретилась на улице с Кучимовыми. Увидя ее, они очень обрадовались, кинулись целоваться по русскому обычаю.

— Вы выглядите счастливой,— заметила жена Кучимова.

— Я вышла замуж! — ликующим голосом сказала Анна.

Супруги сердечно поздравили ее, пригласили в гости. Разговорились. Анна узнала, что генерал Черновский прошлой осенью погиб на КВЖД. Он командовал белогвардейскими частями.

«Туда ему и дорога»,— с неприязнью подумала Анна, вспоминая неприятного чванливого генерала. Но как гром среди ясного неба прозвучала для нее новость — умерла Полянская... Хотела уехать в СССР. Уже оформила документы, но в день отъезда была сбита какой-то машиной. Жужубов подался к генералу Семенову.

Смерть Полянской потрясла Анну. Неужели сбили нарочно, чтобы запугать других? И кто это сделал? Может быть, тот же Жужубов по заданию белогвардейцев? Полянская была известной балериной, и ее отъезд в СССР имел бы резонанс среди эмигрантов.

Макс не отказался от чердачных комнат. Он сказал, что они нужны ему как рабочие помещения. К нему, мол, будут приходить клиенты, деловые люди. Однако не старался обставить эти комнаты поприличней — все оставалось по-прежнему: старые скрипучие стулья, убогие столы, диваны не первой свежести. «Успеется»,— сказал он Анне. Свои частые отлучки объяснял поездками по делам фирмы. Из поездок возвращался усталым. По вечерам иногда уединялся и просил ее никого не принимать, будто его нет дома.

Все это наводило Анну на мысль, что Макс занимается чем-то запретным. Помня, как Валёниус торговал опиумом, она очень волновалась — не занимается ли и Макс чем-то подобным? Однажды прямо спросила его об этом. Он рассмеялся, но смех его показался ей не вполне искренним.

— Успокойся, Анни, твой муж самый положительный человек и никогда не будет заниматься плохими делами,— полушутя-полусерьезно сказал он ей. А вскоре объявил, что уезжает в Кантон, и, возможно, надолго. Но пусть она не волнуется и терпеливо ждет.

...Душное шанхайское лето было уже на исходе, а Макс все не возвращался. И хотя он часто писал, присы-

лал деньги, Анна была в тревожном сомнении относительно своей дальнейшей семейной жизни. Он уехал в апреле, а сейчас подходил к концу уже август.

Уезжая, Макс советовал ей уйти из госпиталя: работа, мол, трудная, опасная и незачем рисковать, уж он о ней сумеет позаботиться. Но Анна, с таким трудом получившая эту работу, боялась ее оставить, она давала ей полную самостоятельность.

Работа была действительно очень трудная и опасная, особенно летом, когда в госпиталь поступало много больных инфекционными болезнями — тропической дизентерией, холерой. Были случаи, когда сиделки заражались и даже умирали. И все-таки Анна не хотела терять восемьдесят долларов в месяц — где еще столько заработаешь?

Шанхай жил своей обычной жизнью,— днем демонстрации рабочих, студентов, перестрелка с полицией, ночью — бредовый пламень вывесок, огни ночных кафе, истерические выкрики, гремящие джаз-банды, бегущие автомобили и люди, гоняющиеся за несбыточным и далеким и забывающие о том, что близко и дорого.

Иногда Анна наведывалась в порт и подолгу ждала пароход в надежде встретить Макса. На реке, у самого берега, качались на воде сампаны, в которых семьями ютилась китайская беднота. Пьяные американские матросы покупали у родителей несовершеннолетних девочек и с хохотом волокли их на свои корабли. Анна с ненавистью и омерзением провожала глазами этих здоровенных, красномордых парней, в руках которых бились худенькие, плачущие подростки. Хотелось пристыдить их, закричать: «Что же вы делаете, негодяи?!»

У причалов и складов толпились сотни безработных китайцев. Иногда между ними возникали жестокие, кровавые побоища.

Он приехал совершенно неожиданно. Два коротких знакомых звонка заставили Анну задрожать от радости — так звонил только Макс! Не помнила, как распахнула дверь, даже не спросив кто. В дверях стоял Макс, ее Макс, целый и невредимый, улыбающийся во весь рот.

— Рискованно открываешь, а вдруг злой человек? — шутливо сказал он, роняя на пол чемодан и заключая Анну в крепкие объятия.

Минуту разглядывали друг друга. Он выглядел все таким же сильным и здоровым, но лицо его осунулось и вроде постарело. На висках пробилась легкая седина, а в уголках глаз появились тонкие лучики морщин.

— Соскучилась? — весело спрашивал он.

— Ох, Макс, не то слово... Я просто не жила без тебя...

— Я — тоже...

Анна в счастливом порыве ухитрялась делать все сразу: чистила и убирала вещи Макса в шкаф, искала ему свежее белье, готовила ванну. Мимоходом заглянула в зеркало, подмигнула себе, засмеялась.

— Анни, я приехал за тобой. Теперь мы будем жить в Кантоне,— несколько позже сообщил ей Макс.

— Да?! — удивилась Анна.

— Завтра уезжаем.

— Так скоро? — растерялась она.

— Дела. Сама понимаешь, для коммерсанта время — деньги.

— А как же с работой?

— Ты не ушла из госпиталя, как я тебя просил?

— Нет...

— Разве тебе мало было тех денег, что я присылал?

— Что ты, Макс! Они же все целы!

Анна открыла шкаф.

— Вот они, эти деньги,— показала Максу солидную пачку.

— Майн готт! — воскликнул он.— Зачем же ты их копила? Истратила бы на покупки, тебе давно пора купить себе что-нибудь новенькое. Ты очень скупишься для себя...

— Я подумала... Да мне ничего и не надо, все есть...

— Ты подумала, что если я, паче чаяния, не вернусь, — деньги пригодятся на черный день. Так-то ты веришь своему лучшему другу?

— В жизни всякое бывает, Макс,— сказала Анна трезвым голосом.

— Ах ты, мой бедный философ,— улыбнулся он,— нет уж, теперь ты от меня никуда не денешься, я тебя не отпущу...

— До завтра я не успею взять расчет,— сказала Анна жалобно.

— Так и быть — поедем послезавтра, но не позже!

— Мы больше не вернемся в Шанхай? — спросила она.

— Возможно, вернемся, дела покажут.

— А как же квартира? Жаль оставить — так трудно найти, а мы с тобой славно устроились.

— Насчет квартиры не волнуйся, найдем, если понадобится. В Кантоне мы будем жить в огромном, шикарном доме. Скучно тебе не будет, в доме живет еще мой помощник с женой. Очень милая пара. Между прочим, русские.

— Из эмигрантов?

— Да, он белогвардейский офицер, бежал от большевиков в восемнадцатом году. Сильно бедствовал. Ходил по ресторанам, играл на мандолине и пел песни, этим и зарабатывал на жизнь. У него еще старуха мать и сын, они живут здесь, в Шанхае.

— Игрой и пением зарабатывал? Я знавала одного такого, тоже бывший офицер.

— Хороший человек, между прочим,— продолжал рассказывать Макс,— только очень больной. Много лет был офеней — торговал вразнос мелким товаром. Исколесил всю Маньчжурию, Северный и Южный Китай, хорошо знает жизнь страны, говорит по-французски, по-английски, по-китайски и даже по-японски. Представляешь себе? Целыми днями бродил со своим коробом в любую погоду, сильно простудился, заболел. Теперь — чахотка. Мечтает вернуться в Россию, но трусит, боится большевиков. Он хороший помощник, очень честный.

На следующий день Анна взяла расчет. Без сожаления покинула госпиталь,— прощайте ночные горшки, судна, клизмы, страдальческие лица больных, пусть кто-нибудь другой просиживает здесь бессонные ночи. Она достаточно повидала в этих стенах чужих страданий, слез, смертей. Пожалуй, с нее действительно довольно.

Рассчитались и с мадам Буклай. Венгерка лицемерно жалела, что «теряет таких порядочных, уважаемых жильцов».

Путь в Кантон лежал через Гонконг.

— В молодости каждый моряк мечтает увидеть Гонконг, мечтал и я,— рассказывал Макс.— Бывалые моряки восторженно расписывали тамошнюю жизнь, всякие увеселительные места, портовых экзотических красавиц, встречи с моряками всего мира. Я ведь плавал по строго ограниченному маршруту: Гамбург — порты Балтийского мо-

ря. Серые, холодные краски, будничная деловая обстановка. А там — океан, пальмы... Одним словом, мечта...

Сказочный остров действительно превзошел все мои ожидания. Ты сама увидишь, только вот насчет веселой жизни... В порту беспрестанные столкновения китайских грузчиков с английскими войсками и полицией, пьяная матросня, проститутки, все та же беднота, живущая в сампанах...

Что такое Гонконг? Английская колония, военно-морская база Британской империи, ворота Англии в Китай. А веселые гонконгские моряки устроили тут в двадцать втором году такую стачку вместе с грузчиками, что и у нас в Европе всех матросов подняли на ноги.

— Ты говоришь словно красный! — изумлялась Анна.

— Да? — спохватывался он. Но ему хотелось рассказать Анне все, что он знал о Гонконге.— Раньше это был китайский остров Сянган. В девятнадцатом веке в Китай начали проникать иностранцы, главным образом англичане. Они стали ввозить в страну опиум. Китайское правительство распорядилось уничтожить запас опиума английских купцов. Это послужило поводом к войне между китайцами и англичанами, англичане победили и заставили китайцев подписать всякие кабальные договора. Остров Сянган они сделали своей колонией и военно-морской базой, назвали его Гонг-Конг. Позже прихватили еще полуостров Коулун, который отделяется от Гонконга проливом, да полосу материка километров тридцать. В Коулуне нас будут трясти английские таможенники.

Пароход качался на могучих прозрачно-синих волнах беспредельного океана. Было жутко смотреть в эту волнующуюся беспредельность, то неправдоподобно синюю, то изумрудно-зеленую.

— Для Балтийского моря такие волны уже шторм, а для батюшки Тихого океана всего-навсего жалкая рябь! — восхищался Макс.

Когда-то Анна совершила длинное путешествие по Северному морю в Финляндию в обществе другого человека...

Тогда была война, но до нее, семнадцатилетней женщины, как-то не доходила мысль об опасности этого путешествия. Она чувствовала себя счастливой, радовалась тому, что вырвалась от Поповых, что у нее такой солидный муж, ученый человек. Каким нелепым и смешным казалось ей сейчас ее прежнее понятие о счастье.

В сущности, ее никто никогда не любил, всю жизнь окружали постылые люди. Если бы не Макс, она, пожалуй, утратила бы веру в людей.

На подходе к Гонконгу пароход медленно лавировал среди рифов и скал.

— Вот и Гонконг!

Макс указал Анне на огромную скалу-остров. У подножия красных холмов, на выбитых в скале террасах раскинулись белые дома и утопающие в зелени виллы города Виктории. Широкий пролив, отделяющий остров от пирса на материке, был усеян многочисленными судами — пароходами, джонками, иностранными крейсерами. К берегу беспрестанно приставали и отваливали маленькие катера, чисто выскобленные сампаны, совсем не похожие на шанхайские с их «рыбьими глазами».

Пароход остановился, спустили трап, и Анна с Максом сошли на набережную.

День склонялся к вечеру, но было невыносимо душно — здесь чувствовались тропики. Всюду сновали полуголые грузчики и рикши, женщины-кули перетаскивали на коромыслах и на грузовых платформах с колесами разные тяжести. Было шумно и очень людно. С важным видом расхаживали полицейские-индусы и английские военные.

До Кантона можно было ехать пароходом по реке Сицзян или на поезде, что было значительно быстрее.

Поезд на Кантон отправлялся прямо из порта поздно вечером. Из окна вагона виднелось море и огни пароходов. Поезд то и дело нырял в туннели, словно проваливался в преисподнюю, выскакивал и снова бежал по самому берегу моря. Иногда он так изгибался, что Анна видела весь состав, сверкающий огнями окон.

— Мы будем жить на территории английской концессии Шамянь,— сообщил ей Макс.— Это небольшой островок на реке Чжуцзян в самом центре города. Там находятся все консульства, иностранные фирмы, шикарные магазины, так что тебе будет где истратить сбереженные деньги! В общем, район аристократический. Дом очень большой, сама увидишь. Мы сняли его у одной богатой индийской фирмы.

Квартира была подавляюще шикарная. Холл, картины, камин... Анна робко ходила по комнатам, боясь присесть на нарядную мягкую мебель. Осторожно справилась:

— Наверно, очень дорогая квартира?

— Сто семьдесят пять долларов в месяц...

— Сто семьдесят пять долларов! — ахнула Анна.

— Эту нашли с большим трудом,— сказал Макс.— На второй половине дома живут Мишины, так что полная изоляция!

На другой день Макс познакомил ее с Мишиными. Анна глазам своим не поверила, когда в Мишине узнала человека с улочки рю Чу Пао Сан. Это он играл на гитаре и пел романсы! Господи, как же он сделался помощником Макса?

Несколько дней Зина, жена Мишина, знакомила Анну с городом. В отличие от колониального Шанхая, где на каждом шагу маячили английские вывески магазинов, Кантон был чисто китайским торговым городом. Вдоль набережной тянулась главная улица, шумная, оживленная, переполненная народом. Днем и ночью здесь шла бойкая торговля всевозможными товарами, которые лоточники разносили на коромыслах в легких бамбуковых корзинах. В ярко освещенных магазинах всегда толпился народ. Грубо накрашенные проститутки, еле прикрытые цветными тряпками, густо фланировали по набережной. На реке, так же, как и в Шанхае, жили в лодках целые семьи бедноты — речные кули.

Зато на острове Шамянь жизнь протекала тихо и спокойно. Здесь была Европа в миниатюре, представленная главным образом англичанами. Остров Шамянь всей своей обстановкой жизни символизировал господство Англии в Южном Китае.

Через несколько дней Макс с озабоченным видом сказал Анне, что ему очень нужно поговорить с ней. Анна удивилась и встревожилась.

— Что-нибудь случилось, Макс? — испуганно спросила она.

— Нет, нет, успокойся. Просто я должен кое-что рассказать тебе.

Он усадил ее на диван, сам устроился напротив в глубоком кресле.

— Видишь ли, Анни,— начал Макс напряженным голосом,— я работаю нелегально для СССР. В Китай прибыл по особому заданию.

Анна словно онемела от изумления и только смотрела на него широко открытыми глазами. Ее Макс красный! Невероятно...

— А тот, с которым ты познакомил меня в ресторане? — наконец хрипло произнесла она.

— Он — тоже. Рихард со дня на день должен приехать в Кантон.

— Значит, ты тоже хочешь счастья для всех людей? — проговорила она с насмешливой отчужденностью.

— Да, Анни. И прежде всего я не хочу новой мировой войны. Для того я и мои товарищи приехали сюда.

— Только этого мне не хватало! — сказала она разочарованно.

— Пойми, я не мог признаться тебе сразу, не имел права...

— Ну да, ты изучал меня, словно подопытную крысу... Теперь я понимаю, почему ты женился на мне,— из-за квартиры! Тебе нужен был чердак для нелегальной работы.— Анна чувствовала себя глубоко несчастной — опять обман...

— Ты не права, Анни. Я бесконечно счастлив, что встретил тебя. Мне показалось, что я нашел именно то, что до сих пор искал,— верную подругу жизни, готовую разделить со мной нашу общую судьбу... Если я ошибся — прости...

— Не знаю, Макс,— в растерянности пролепетала Анна. Господи боже мой, только бы он действительно любил ее...— И ты был в СССР? — уже с любопытством спросила она, внимательно разглядывая его, будто впервые видя.

— Не только был, но и жил там некоторое время.

— Расскажи мне все по порядку, Макс,— попросила она.

— Война всему причиной. Началось еще там, на фронте. После одной жестокой атаки, когда почти весь наш батальон полег за какую-то высоту, я вдруг задумался: за что мы воюем? Ради чего месяцами гнием в мокрых земляных пещерах? Отец писал о повальном голоде там, в тылу, о болезнях, которые косят ослабевших людей, о том, что сутками простаивает за скудными продуктами, а я воюю за какие-то колонии для богачей, за рынки сбыта, чтобы всякие Круппы еще больше разбогатели, за чужие земли для помещиков. И я сделал открытие для себя: нас просто надули! Купили высокими словами: «нация», «отечество», «Германия превыше всего»!

И когда в России произошла революция, мне стало ясно, за какое отечество нужно драться: за свое, трудовое, а не за кайзеровское и крупповское. Но не только я

один оказался таким догадливым. Возмущение бессмысленной бойней уже охватило всю армию. Дисциплина полетела к черту. Солдаты разоружали офицеров, срывали с них погоны. В городах бастовали рабочие. А в ноябре восемнадцатого года разразилась революция. Мы еще воевали, когда до нас дошла весть о победе рабочих, о том, что кайзер удрал за границу. Солдаты ликовали: конец войне! Вся власть рабочим и солдатским Советам! Но оказалось, ликовать было рано,— нашлись влиятельные предатели, которые передали власть буржуазии, восстание берлинских рабочих было подавлено. Коммунистическая партия только еще организовывалась и не смогла возглавить революцию.

Мы были разбиты Антантой. Война завершилась, я наконец вернулся домой. Отец совсем разорился, обветшал, впал в уныние. Да и как было не впасть — в стране черт знает что творилось: голод, безработица, бесконечные забастовки, полная неразбериха во всем. Никто не знал, что делать. Вся молодежь в нашем округе полегла на войне, а кто и вернулся, так калекой. Пришлось мне стать во главе семьи. Пошел опять к кузнецу,— возьми, мол, в помощники. Взял, хотя сам кое-как перебивался. «Перекуем мечи на плуги?» — пошутил я. «Да нет, говорит, пока еще рано. Тебе, говорит, Макс, нужно в город подаваться, чего тут сидеть? Ты молодой, сильный. Найдешь там себе хороших друзей, которые научат тебя, где приложить свои силы». И я уехал в Гамбург.

Мне посчастливилось устроиться механиком на торговое судно. Я вступил в Союз германских моряков, участвовал в забастовках механиков. Отсидел за это три месяца в тюрьме, а потом опять за свое... Предатели уговаривали: «Хотите американского сала, тушенки, папирос — кончайте с беспорядками». Но мы не продавались! Нам нужна была вся наша Германия. Наша! — понимаешь, Анни?

Макс перевел дух, жадно затянулся сигаретой и продолжал, то расхаживая по комнате, то садясь в кресло напротив Анны.

— Ты спрашиваешь, как я попал в Советский Союз? Конечно, не без помощи своих друзей. Меня взяли механиком на шхуну, которую нужно было перегнать в Мурманский порт. Эту шхуну Советский Союз купил у Германии для своего промыслового флота. Представляешь,

Анни, мою радость, мое волнение, когда я узнал, что еду «туда», увижу все собственными глазами...

Советские моряки встретили нас как друзей. По нашей просьбе показали нам порт, подробно рассказали об условиях труда. Нас поразила величина порта и хорошая оснащенность. На рейде стояло много судов с разными грузами. А как они гордились своим портом, своими успехами! Все ведь было разрушено войной. Четыре года войны да три года внутренней междоусобицы, интервенция. Рассказывали, какие трудности пришлось переживать. Голод, нехватка всего. А теперь, мол, прочно стоим на ногах! Пригласили нас в клуб моряков. Музыка, танцы, веселье... Люди хорошо одеты, шутят, смеются. Совсем другая, чем у нас, атмосфера, атмосфера свободы. А главное — всеобщий энтузиазм: на себя работают, на свое государство! Очень меня вдохновила эта поездка, словно глотнул свежего воздуха в ясный морозный день. Я понял тогда, что только такая система может восстановить Германию, обеспечить мир. Через год у меня появилась возможность поехать в Москву. Это соответствовало моему давнему желанию. В Москве поступил на курсы радистов. А когда на КВЖД возник инцидент, я согласился стать советским военным разведчиком и поехал в Китай.

Анна сидела, опустив голову на руки, и молча слушала. Она вдруг с ясной определенностью поняла, что перед ней человек трудной судьбы и жизнь с ним будет нелегкой.

— Как все это неожиданно, Макс! — задумчиво сказала она, поднимая на него глаза.— Не ошибся ли ты, выбрав именно меня в свои подруги?

— Думаю, что нет, Анни! — горячо возразил он.— Я верю в тебя, верю в то, что ты можешь стать моим истинным другом на всю жизнь.

— Спасибо, Макс. Я тоже верю в тебя, верю, что ты не поведешь меня по плохому пути. Я всегда с тобой...

— Спасибо, Анни. С тобой я чувствую себя вдвое сильней...

Он ушел. Анна подошла к окну, раздвинула занавески. Над крышами домов чуть-чуть оранжевел закат. Под окнами шелестели листья платанов. Она чувствовала себя безумно усталой. Ее жизнь... Какая она запутанная! Все эти годы она словно блуждала в тумане. Только сейчас вдруг осознала оторванность и бедность своей человече-

ской судьбы. Но теперь у нее есть Макс, и она пойдет за ним до конца...

Ночью долго не могла уснуть. Лежа неподвижно с закрытыми глазами, обдумывала все рассказанное Максом. Как-то сразу, совершенно неожиданно вспомнились Поповы, их жестокость по отношению к ней, бедному приемышу, вспомнила компанию «бывших» у Дашковых и то, как они жалели о своей прошлой жизни, вспомнила желчного, злобного генерала Черновского, с его ненавистью к большевикам, к Советской России, и насмешливо-презрительные слова Полянской насчет какого-то сапожника, который стал «первым человеком». Мучительный жизненный опыт давно подсказывал ей, что в мире не все справедливо. Но она считала, что, очевидно, так уж устроена жизнь и с этим ничего не поделаешь. А Макс вдруг распахнул перед ней двери в какой-то сказочный мир справедливости. И этим миром оказалась ее родина, ее страна. А такие, как Макс, Рихард, оберегали этот мир от войны, от врагов. А они ведь иностранцы, так неужели она, русская, останется в стороне?

Когда-то в поисках истины и справедливости она пришла в христианскую секту евангелистов. По их вероучению человека спасает только бог. Всякие жизненные переживания, как и сам человек, имеют временный, преходящий характер, а потому нужно переносить все страдания безропотно и покорно. Но вся ее жизнь опровергла это вероучение.

В Кантон приехал Рихард, но к Клаузенам не зашел, Анна поняла — конспирация. Япония, пользуясь тем, что в Китае сложная политическая обстановка, стремилась расчленить Китай на отдельные автономные провинции и поставить во главе таких провинций подкупленных ею китайских генералов-марионеток. Англия намеренно не препятствовала Японии в военных приготовлениях.

— Хотят подсунуть СССР опасного соседа, а потом спровоцировать войну с Советским Союзом,— говорил Макс.— Провокация на КВЖД не удалась, так они делают ставку на японских милитаристов.

Кантон бурлил забастовками и демонстрациями. Улицы были наводнены полицией, которая не стеснялась в расправах. Слышались частая перестрелка, рокот мотоциклов и вой сирен. Здесь еще жила память о трагических событиях кантонской коммуны, когда восставших рабочих вешали на деревьях, сотнями расстреливали на

улицах города. У Макса сохранились фотографии, на которых были видны повешенные.

Мишин очень страдал от влажной кантонской жары. Он таял на глазах, и его жена была в постоянной тревоге. Зина, как видно, не очень одобряла деятельность своего мужа, но он добросовестно помогал Максу и настойчиво овладевал радиоделом.

— Мишин красный? — спросила Анна у Макса.

— Патриот, так сказать. Верю, мол, в свою Россию, в свой русский народ. Одним словом, романтик со здравым смыслом... Хороший мужик

И действительно, однажды в разговоре Мишин так высказался: «Только дураки думают, что Россия пропадет. Гадают, гадают, какова же ее будущность. Всюду печатают свои прогнозы, мечтают о возврате к старому... Нет, господа, народ, вкусивший свободы, обратно ее не отдаст. А Россия вечна».

Связь с Центром из Кантона была очень плохой, удавалось связаться лишь поздно ночью, и все же очень трудно было безошибочно передать радиограмму. Иногда приходилось передавать бо́льшую часть текста по два-три раза. В такие ночи не спала и Анна — она приносила в комнату холодные напитки, пиво, что-нибудь из еды.

А вскоре Макс получил приказ покинуть Кантон и вернуться в Шанхай...

Прежде всего нужно было незаметно провезти аппаратуру через английские таможни. Это больше всего волновало Макса.

— Может, ее легче уничтожить, а в Шанхае приобрести новую? — предложила Анна.

— Для того чтобы приобрести другую аппаратуру, потребуется масса времени,— наставительно заметил Макс.

— Почему? — удивилась Анна.

Макс терпеливо объяснил:

— Потому что я не могу сразу в одном магазине закупить все детали — это вызовет подозрение, значит, в Шанхае мне придется ходить по всем магазинам и покупать по одной детали. А Центр ждать не может.

— Поняла,— коротко сказала Анна.

— А не могла бы ты, Анни, провезти часть аппаратуры? — Макс испытующе поглядел на нее.

— Надо, так провезу...— просто ответила она.

— Надо, Анни, ох как надо...— обрадовался он.— В данном случае твоя помощь просто необходима.

Стали думать, куда спрятать детали аппаратуры. Макс и Мишин предлагали всякие сложные варианты.

— Нужно проще,— решительно сказала Анна.— Я повезу в двух ящиках посуду, туда и упакуем детали. Не будут же контролеры перекладывать все кастрюли и тарелки?

— Верно! — одобрил Мишин.— Женщины страшно изобретательный народ.

Так все и сделали. Анна ловко упаковала посуду, спрятав между тарелками и кастрюлями детали аппаратуры.

Первыми уехали Мишин с Зиной. Макс должен был на некоторое время задержаться в Кантоне, чтобы ликвидировать кое-какие дела и сдать дом. Он посадил Анну на английский пароход, отплывающий в Шанхай. По реке Жемчужной пароход спустился в порт Коулун, где была английская таможня.

Анна наблюдала за контролерами, которые проверяли багажи пассажиров. Они неумолимо продвигались к ее ящикам. Она ждала их и старалась овладеть собой. Сердце ее колотилось, руки стали влажными.

— Что в ящиках? — строгим, служебным голосом спросил долговязый рыжий контролер, бегло взглянув на Анну.

— Посуда,— как можно безразличней ответила она и стала медленно перечислять по памяти, старательно выговаривая английские слова:— Плейтэ, сосез, франнпенс...

— Придется открыть,— нетерпеливо перебил ее контролер. Он позвал матроса и велел ему принести инструменты. Тот со всех ног кинулся выполнять приказание.

«Спокойно!» — строго сказала себе Анна, подавляя волнение.

Ящики вскрыли. Наверху лежали тарелки, блюдца, чайные чашки. Контролер начал перебирать мелочи. Лицо Анны выразило озабоченность, мол, не побейте посуду. Контролер взглянул на ее озабоченное лицо, спросил:

— Скажите правду, что лежит в ящиках?

— Кроме посуды — ничего! — заверила Анна.

Контролер распорядился забить ящики. Поставил печать. Все! Пронесло...

Через лабиринт маленьких коридоров Анна пробралась на верхнюю палубу. Узкая полоса воды уже отделяла пароход от берега. По палубе прогуливалась богатая ки-

тайская публика, одетая по-европейски: элегантные мужчины, нарядные женщины, сильно накрашенные, причесанные по последней моде. С берега доносилась музыка, Гонконг провожал пароход песнями: «Типперэри» и «Rule, Britania». Прощай, беспокойный, бурный Кантон! Прощай, Гонконг! На душе у Анны было легко и весело.

В Шанхае встретил Мишин и отвез на заранее приготовленную квартиру во французском секторе.

Через несколько дней приехал Макс. Он сказал Анне, чтобы она пока не распаковывала багаж, так как, возможно, им придется срочно ехать в Маньчжурию.

— Но там японцы! — испугалась Анна.

— Ну и что же? Немецкому коммерсанту это только на руку,— насмешливо ответил Макс.— У меня хороший контакт с немецкой фирмой «Мельхерс и К°» здесь, в Шанхае. Поеду как представитель от этой фирмы.

Макс явно устал. Полтора года напряженной работы в Кантоне в тяжелых климатических условиях не прошли даром. Он стал нервным, быстро утомлялся, иногда жаловался на сердце. Анна старалась помогать ему — закупала в магазинах нужные для работы мелочи, охраняла их с Мишиным, прогуливаясь возле дома, когда они вели радиопередачи. Ходила на связь с курьером. Она чувствовала себя нужной в большом ответственном деле, и сознание этого наполняло ее гордостью, делало жизнь богаче, целеустремленней.

— Как легко и удобно мне с тобой работать, Анни! — благодарно говорил Макс.— Ты незаменимый помощник и самый верный друг...

— Ну, ну! — смущалась польщенная Анна.— Что я такого делаю...

Среди своих знакомых в доме она рассказывала, что муж ее техник, очень способный человек, имеет связь с немецкой фирмой, хорошо зарабатывает на мотоциклетном деле. Они выглядели солидной немецкой четой и ни у кого не возбуждали подозрений.

Неожиданно к ним приехал Рихард. Анна сразу узнала его, хоть и видела всего однажды.

— Мне необходимо исчезнуть дня на три,— сказал он Максу.— Придется у вас пожить, не возражаете?

С Анной он как-то сразу нашел общий язык. Предложил ей говорить только по-русски, и она забавлялась его неправильным произношением.

— Читать читаю, а произношение подкачало, хотя наполовину русский,— признался он.

— То есть как русский?! — изумилась Анна. Макс никогда ничего не рассказывал ей о Рихарде, а она не расспрашивала.

— Моя мать, Нина Семеновна Кобелева, русская, а отец — немец. Родился я в России, в Азербайджане. Но когда мне исполнилось три года, родители уехали в Германию. Все же я от матери научился говорить по-русски. Отец мой был техник-нефтяник. Разбогател в Азербайджане. Его первая жена умерла там, в России, от холеры, и он женился на совсем простой девушке, дочери железнодорожного рабочего Нине Кобелевой.

Все это для Анны явилось чистейшим откровением. В чем-то их судьбы схожи: у нее отец русский, мать финка. Но Рихард по воспитанию все же немец, а она — чистейшая русская. Может быть, это и привлекало к ней Рихарда, делало его таким откровенным с ней. Он считал Россию своей родиной.

За те три дня, которые он у них скрывался, они очень подружились. Вспоминали первую встречу в ресторане, шутили, смеялись.

— Это были смотрины, Анни. Не могу, говорит, без нее, женюсь.

— Смотрины были что надо! — посмеивался Макс.— А ты завидовал мне, старый холостяк...

— Завидовал, честное слово, завидовал, прямо-таки черной завистью...— смеялся и Рихард.— Завидовал и в то же время радовался за тебя, Макс, мол, хоть один прибьется к тихой гавани, и нам будет где голову иногда приклонить...

Все три дня Рихард что-то писал, закрывшись в рабочей комнате Макса. А когда собрался уходить, попросил Анну выйти на улицу, посмотреть, не крутятся ли возле дома подозрительные типы или полицейские.

— Будьте осторожней, Анни. Берегите себя и Макса,— сказал он ей на прощание.

В начале сентября Макс получил приказ срочно выехать в Циндао. Он поручил Анне покончить со всеми делами в Шанхае, затем приехать к нему в Циндао, где предполагался для них трехнедельный отпуск.

На английском пароходе Анна добралась до Циндао. Город встретил их ароматом белых акаций, которыми было обсажено прекрасно вымощенное шоссе. Улицы утопали в зелени, повсюду росли высокие зонтичные сосны. Аккуратные дома в готическом стиле под ярко-красными черепичными крышами напоминали Максу Германию.

Макс снял комнату на вилле богатой немецкой четы. Комната Анне очень понравилась. Она была обставлена чисто по-немецки: все удобно, практично, солидно. Огромная кровать с горой подушек и перинами, мягкое кресло, дубовый столик, шкаф с зеркалом, резные стулья. В прогалины между деревьями мелькало море.

— Полный пансион! — похвастался Макс.— Утром кофе, молоко, масло.

Достали купальные вещи и сразу побежали на пляж.

Золотым потоком заливало солнце голубое море, белые скалы. Выбрали укромное местечко и с наслаждением бросились в прозрачную зеленую воду. Хорошо качаться на тяжелой, густой волне, ни о чем не думать, не тревожиться. Впервые за много месяцев они наслаждались жизнью. Как все отдыхающие, посещали фешенебельное «Циндао-кафе», пляж Странд-бич, Яхт-клуб. До войны китайская провинция Шаньдун была немецкой колонией, и в Циндао осталось много немецких колонистов. Макс заходил в немецкие бары выпить настоящего немецкого пива и поболтать с барменом на родном диалекте. Анна понимала, что он тоскует по родине.

По ночам, сидя на веранде, любовались огромной, красной луной, висящей над морем. Древняя луна, ночное море, отливающее сталью, навевали чувство глубокого покоя. Не верилось, что впереди снова напряженная, полная опасности жизнь.

По всему приходит конец, настал конец и их чудесному отпуску.

Япония оккупировала Маньчжурию, за двенадцать часов заняла все главные города: Мукден, Харбин, Чанчунь, Цицикар...

Макс получил указание поехать в Харбин, выяснить обстановку и наладить в новых условиях радиосвязь с Центром. Анна последовала за ним.

Харбин напоминал Новониколаевск: русские право-

славные церкви, деревянные дома, русские вывески магазинов, русские названия улиц и в толпе русский говор. Анне стало даже не по себе — вот сейчас выйдет из магазина ее названый отец Георгий Аркадьевич Попов и строго скажет: «Явилась, пропащая душа! Уж я тебя...» И действительно, из магазина под вывеской «Чурин. Меха, меховые вещи» выскочил молодой приказчик в плисовой жилетке, похожий на всех приказчиков сразу, постоял в дверях, поскреб пятерней русый чуб и снова скрылся. Приказчик чем-то напомнил Анне Мишку Афанасьева, ее сердце вдруг тоскливо сжалось. Видно, прошлое не уходит бесследно. Где-то теперь Поповы, может быть, здесь, в Харбине, может, удрали в Монголию. Этот жох, Георгий Аркадьевич, не стал бы ждать, когда разворошат его гнездышко. Несколько дней она колесила по городу, опасливо вглядываясь в лица прохожих. Улицы: Гоголевская, Сквозная, Участковая, Новоторговая, Большой проспект, Биржевая... Вдоль улиц деревянные и каменные двухэтажные дома, совсем как в Новониколаевске. Святой Николаевский собор с резным деревянным входом... Русские ребятишки играют в лапту. У заборов, на вкопанных в землю скамейках, сидят взрослые и с интересом наблюдают за игрой.

Среди русских явное оживление. По улицам ватагами расхаживали пьяные казаки в полной амуниции, при саблях, громко орали «Банзай!», «Смерть большевизму!».

— Обрадовались, сволочи,— ругался Макс,— рассчитывают на новую интервенцию. Появилась, видишь ли, «российская фашистская партия», а попросту — семеновские бандиты, шпионский резерв для засылки шпионов и диверсантов на советскую сторону.

В Харбине они пробыли недолго. Макс помог новому радисту наладить связь, затем получил указание выехать в Мукден и заново организовать там радиостанцию.

Мукден был похож на все китайские города. Он состоял из четырех частей: старого Мукдена, обнесенного полуразвалившейся глинобитной стеной с четырехугольным «кремлем» в центре, Нового Мукдена, Мукденского арсенала и Тецуниси.

Старый город — Шэньян — был сплошным базаром. С утра до поздней ночи не затихал шум толпы, слышались пронзительные выкрики торговцев. Шэньян с его узкими, кривыми улочками и базарами напоминал Анне и Урумчи, и Пекин, и шанхайский Чапэй.

Новый город резко отличался от старого Шэньяна, он [illegible] вполне по-европейски: широкие, асфальтированные улицы, многоэтажные дома, большие магазины, иностранные консульства, банки, конторы. Многие здания европейской архитектуры были под крышами в китайском стиле пагод, это создавало какой-то особый колорит улиц. Оккупанты, как видно, не терялись: на многих улицах уже зажглись характерные японские рекламы, вывески магазинов, кафе, кабаре. Всюду по-хозяйски разгуливали японские военные, в городе чувствовалось напряженное положение.

В тихом [illegible], на [illegible] Нового города сняли небольшой [illegible] во все стороны простирался [illegible]

— Что и [illegible] приговаривал Макс, осматривая [illegible] комнаты.— Уют уж потом [illegible] Только имей в виду — [illegible] части,— обратился [illegible] помещение под магазин.

Купили подержанную, но вполне приличную мебель и [illegible] преобразился,— Анна умела создавать [illegible] уют, который сразу делал дом «своим».

Ближе к центру [illegible] Макс нашел помещение и для магазина. Он [illegible] как представитель шанхайской фирмы [illegible] и К°. Компания должна была за соответствующий [illegible] присылать для магазина Макса определенное количество мотоциклов. Вскоре прибыли из Шанхая мотоциклы, и Макс выставил пять штук на продажу.

— Вот, Анни, и у нас с тобой фирма,— посмеивался он. Торговля шла плохо — кто в такое смутное время хотел покупать мотоциклы!

В Мукдене они прежде всего явились в немецкую колонию. Консул, узнав, что Макс играет в скат, очень обрадовался. Он оказался страстным игроком и искал себе достойного партнера. Два раза в неделю консул приходил в клуб, и они часами состязались в игре.

Анну приняли в свой круг немецкие фрау — жены коммерсантов, мелких торговцев, консульских работников. Через этих добродетельных, по-немецки расчетливых, дрожавших над каждым пфеннигом фрау Анна знакомила Макса с их мужьями, деловыми людьми, которые давали

ему заработать комиссионные на продаже всякой мелочи. Немецкая колония насчитывала всего около трехсот человек, поэтому в клубе существовала довольно интимная обстановка.

Вскоре представилась возможность перебраться в немецкую колонию и занять более удобную для работы квартиру. На верхнем этаже Макс развернул радиостанцию, а внизу Анна устроила что-то вроде гостиной, где можно было принимать гостей. Кстати, не замедлил появиться и первый гость — японский генерал, который, оказывается, поселился по соседству с ними. Генерал решил нанести визит вежливости своим милым соседям. Он был очень любезен, все время почтительно кланялся, «шипел». После его ухода Анна долго хохотала над обескураженным видом Макса.

— Нашли квартиру! — приговаривала она.— Прямо волку в пасть...

Некоторое время пристально следили за домом генерала, за ним самим. Пришли к выводу, что дома он почти не бывает и вообще ему до них нет никакого дела. Макс успокоился.

Несколько дней Анна без всяких приключений ездила в Харбин на связь, отвозила пленки, документы, привозила деньги. Паспорт русской эмигрантки обеспечивал ей полную безопасность.

Советское правительство держалось строгого нейтралитета относительно событий в Маньчжурии. Макс объяснил:

— Если бы Советский Союз ввязался в конфликт против Японии, вспыхнул бы крупный военный инцидент, который мог превратиться в мировой пожар. Англия на это и рассчитывала, потому и вела себя так пассивно на юге, в Гонконге.

В середине июня Клаузены поехали в Дайрен — Макс должен был выполнить какое-то поручение шанхайской фирмы.

В Дайрене русская эмиграция отмечала годовщину обороны Порт-Артура. Был удобный момент увидеть всех главарей эмиграции и солидных представителей из японской военщины. Макс и Анна поехали на военное кладбище, куда устремилось чуть ли не все русское население города.

Делегацию для возложения венков возглавлял началь-

ник бюро эмиграции генерал Кислицын. Он был при полном параде, в мундире с аксельбантами. Много было других белогвардейских генералов, тоже при параде.

— Сколько их, однако! — удивилась Анна.

Вдруг Макс крепко схватил ее за руку.

— Видишь вон того толстенького кургузого японца с мохнатыми бровями? — зашептал он ей на ухо.— Запомни его, это глава японской разведки генерал Доихара!

На военном кладбище царила благоговейная тишина и образцовый порядок, и о прошлом говорили только надписи на могильных крестах.

— 17 822 праха! — ужаснулась Анна, увидев цифру на одном кресте.— А таких могил здесь десятки... Сколько же русских людей полегло за Порт-Артур!

— Думаешь, японцы зря пришли сюда? — спросил Макс.— Эти могилы — гордость их победы над Россией, смотрите, мол, на что способна Япония! Здесь же сейчас присутствуют представители всей западной прессы. Это своеобразная угроза англичанам и американцам.

Началась торжественная панихида. Все тихо возносили молитвы за сынов былой императорской России, положивших живот свой за веру, царя и отечество.

В конце лета 1932 года Макс уехал в Шанхай. Он должен был встретиться с Рихардом, передать ему деньги и забрать пленки.

Вернулся расстроенный — умер Мишин.

— Жена его рассказывала, что работал он до самого конца. Ему бы лечиться... Говорят, в Калгане есть хороший санаторий для легочников,— сокрушался он.

— Что теперь говорить...— печально возразила Анна. Она представила себе Зину, еще довольно молодую, обреченную на долгое одиночество, с ребенком и старой матерью на руках.

— Перед смертью настойчиво предлагал ей уехать в Россию, мол, у сына должно быть будущее, иначе его ждет жалкая, нищенская эмигрантская жизнь.

— А она? — спросила Анна, имея в виду Зину.

— Струсила. У меня, говорит, там никого нет, а здесь я вроде обжилась, друзья, знакомые.

— На что же она рассчитывает?

— Рихард помог ей купить овощную лавку, дал денег,— будет торговать помаленьку. Жаль мальчишку...

Япония объявила Маньчжурию самостоятельным государством Маньчжоу-Го во главе с наследником маньчжурской династии императором Пу И. Императора якобы похитили из его резиденции в Тяньцзине и торжественно возвели на престол. Все японские газеты вопили о том, что японские войска введены в Маньчжурию по просьбе императора для охраны Маньчжурского государства от китайского посягательства.

Портреты Пу И были во всех газетах, на обложках иллюстрированных журналов. Молодой человек в огромных очках. Он не был похож ни на японца, ни на китайца — это был чистокровный маньчжур.

Столицей Маньчжоу-Го с резиденцией Пу И стал город Чанчунь.

Маленькую немецкую колонию в Мукдене потрясли январские события 1933 года — к власти в Германии пришли фашисты во главе с Гитлером. Общество резко разделилось: одни сразу стали нацистами, другие были настроены недоверчиво, третьи резко выражали свое неприятие. Клуб бурлил в криках, спорах, говорили друг другу очень резкие вещи.

— Что вы можете понимать? — кричал толстый краснолицый коммерсант, брызжа слюной в лицо приглаженного, миниатюрного господина.— Германия должна взять реванш! Мы — великая нация! Наша страна, обогатившись за счет побежденного, увеличит свою армию и побьет другого соседа, побьет третьего и так далее, может быть, до владычества над всем миром!

Миниатюрный господин, утираясь белоснежным платочком, иронически улыбался:

— Вы забываете пословицу: самого сильного не бывает, всегда найдется сильнейший.

— Ты коммунист! — вытаращив белесые глаза, орал толстяк, снова оплевывая лицо противника.— Коммунисты — злейшие враги всего человечества. Мы должны помнить, что спасение от коммунизма только в новой войне...

Толстяк что-то еще кричал о нации, об ее воле к жизни и победе, о подвиге и долге. А по углам шептались о том, что в фатерлянде сейчас еврейские погромы, и кто не дурак — обогащается, делает карьеру.

Генеральный консул Тикес глубокомысленно помалкивал и только яростнее сражался в скат с Максом. Максу нравился такой молчаливый партнер.

Прошла вся зима и почти все лето. В июле Макс неожиданно объявил:

— Все, Анни, уезжаем в Советский Союз, в Москву...

— Как? — не поняла она.

— Совсем. Наша миссия здесь закончена.

— Ты шутишь? — не поверила Анна.

— Вовсе нет, уезжаем в Советский Союз, понимаешь?

— Ой... Я так ждала этого дня... Неужели он настал? — Анна даже прослезилась от радости.— Хоть одним глазком взглянуть на родную землю...

От волнения Анна не спала всю ночь. Сразу припомнились дорогие сердцу родные картины, память о которых столько лет жгла душу. «Живи хоть всю жизнь на чужбине, все равно будешь думать, что это временно»,— думала она про себя. Разом все как-то отодвинулось далеко-далеко, будто и не было всех этих лет в Китае.

По версии Макс якобы возвращался в Германию через Советский Союз. Эмигрантка Анна Валениус не имела заграничного паспорта и не могла ехать с Максом. Нужно было особое разрешение немецкого консула.

— Неужели мы с тобой должны расстаться? — волновалась Анна.

— Без тебя не уеду...— успокаивал Макс.— Пойду за содействием к генеральному консулу Тикесу.

— Ты уезжаешь в фатерлянд? — удивился консул.

— Когда-нибудь надо же уезжать...— уклончиво ответил Макс и объяснил цель своего прихода.

— Задал ты мне задачу,— проворчал Тикес.— Я-то паспорт выдать не могу, не правомочен, нужно обращаться к генеральному консулу в Харбине.

— Без вашей помощи, герр консул, нам не обойтись,— смиренно проговорил Макс.— В Харбине нас и слушать не станут. Вот если бы вы написали рекомендацию... Этакий проект на получение паспорта...

Тикес задумался.

— Ладно,— решительно сказал он,— так и быть, по старой дружбе... Жаль, теряю такого партнера по скату.

— Мне тоже жаль,— улыбнулся Макс.

Надежда вновь окрылила Анну. И хотя день отъезда еще не был обозначен, она уже начала складывать вещи. Один за другим выставлялись в переднюю упакованные

чемоданы, их квартира принимала какой-то опустевший вид.

Наконец распрощались со всеми знакомыми.

— Правильно делаете,— подмигивали Максу нацисты.— Германии сейчас нужны такие крепкие парни.

— Богатеть едете? — иронизировали другие.

Макс отшучивался, стараясь не задеть ни тех, ни других, он строил из себя лояльного немца.

В Харбине Клаузен пошел к генеральному консулу насчет заграничного паспорта для Анны. Отдал ему проект документа и рекомендации от Тикеса.

— Придется делать запрос на Вильгельмштрассе,— официально сказал консул.

Макс знал: Вильгельмштрассе — улица в Берлине, где находилось министерство иностранных дел.

— Так и за год не получишь паспорта! — воскликнул он.

— Вполне вам сочувствую, но таковы правила,— красноречиво развел руками консул.— Она как иностранка должна получить разрешение на въезд в Германию.

— Нам нужно ехать,— решительно сказал Макс.— Я рвусь в фатерлянд. Германии нужны солдаты. Хайль Гитлер!

Против такого аргумента консул не стал возражать. Он хитро поглядел на Макса мудрыми, старыми глазами, сказал добродушно:

— Только благодаря рекомендации Тикеса...

И оформил Анне паспорт как иностранке для проживания в Германии в течение шести месяцев.

— И скат сыграл свою роль,— весело говорил Макс, помахивая паспортом перед глазами Анны.

В тот же день Макс сделал запрос в Центр и получил разрешение на въезд Анны в Советский Союз.

Теперь уже ничто не задерживало их в Харбине.

На пограничной станции Маньчжурия японские таможенники долго и тщательно осматривали их багаж. Перебрали, что называется, все до нитки. Наткнулись на фотографии, которыми Макс очень дорожил. Снимки были сделаны в разных городах: в Кантоне, Шанхае, Мукдене. Это были документальные подтверждения жестокости колонизаторов в Китае. Расправа англичан с демонстранта-

ми. Убитые китайцы на улицах Шанхая. Повешенные на улицах Кантона. Японские солдаты в Мукдене.

Низкорослый, тщедушный таможенник в форменной фуражке вздел огромные очки и стал внимательно рассматривать фотографии. Его узкие глазки за очками зажглись интересом. Отложив последнюю фотографию, он, не глядя на Макса, лаконично сказал по-немецки:

— Es ist verboten (это запрещено).

— Но позвольте...— возмутился Макс.

— Man darf nicht (нельзя), — строго остановил его таможенник и бросил фотографии в ящик стола.

— Черт,— ругался потом Макс.— Как я не догадался запрятать их подальше? Такие фотографии.— Он был сильно раздосадован.

На советской стороне их встретили очень быстро. Молоденький, румяный пограничник, отдавая им паспорта, вежливо взял под козырек.

За окном купе международного вагона как бесконечный зеленый сон тянулась великая сибирская тайга. Анна и Макс занимали отдельное купе. Большую часть времени Анна проводила у окна. Тихо плыли мимо поезда мохнатые шапки сопок, бежали кусты, обгоняя друг друга, растворялись в ночном спокойствии города... Поезд стремился вперед, к ее родному Новониколаевску. Сердце замирало от радости — неужели это не сон и она на родной земле?

В соседнем купе ехала пожилая английская чета, он — холеный, толстый господин с седыми усами, она — длиннолицая, зубастая дама. Англичанка при встрече благосклонно улыбалась Анне и слегка наклоняла голову. Познакомились в вагоне-ресторане, оказавшись за одним столиком.

— Москва? — как бы между прочим спросил англичанин.

— Берлин,— просто ответил Макс.

— Дойч? — обрадовался толстяк, взгляд его утратил остроту, стал мягким и дружелюбным.

— Дойче коммерсант,— отрекомендовался Макс.— Едем с женой из Шанхая в свой фатерлянд.

— О, очень хорошо...— Лицо англичанина расцвело улыбкой.— Я тоже коммерсант, а это моя жена, леди Кросби.

Леди показала в улыбке свои длинные зубы.

— Ваш Гитлер, несомненно, великий человек,— продолжал мистер Кросби.— Он широко мыслит. А главное,— мистер Кросби оглянулся и, заговорщически подмигнув Максу, тихо продолжил:— А главное — непримиримый враг России и большевизма!

— Да, да,— согласно улыбался Макс.

— Я ненавижу свое правительство за крохоборство, Гитлеру надо помогать! — убежденно продолжал мистер Кросби.

— Ну, положим, ваше правительство гораздо щедрее по отношению к нам, немцам, чем это может показаться с первого взгляда,— возразил ему Макс.— Гитлеру нужна прежде всего моральная поддержка. И тут он на Англию обижаться не может. Я иногда просматриваю английские газеты. Так, совсем недавно ваша «Дейли мейл» писала, что переход политического влияния в Германии в руки наци выгоден остальной Европе: он воздвигает еще один оплот против большевизма.

Мистер Кросби рассмеялся, шутливо погрозил Максу пальцем.

— Теперь убеждаюсь, как вы, немцы, пристально следите за каждым нашим шагом. Мы всячески поддержим Гитлера! — воскликнул он с жаром.— Большевиков нужно загнать в тиски. Японцы сделали свое дело: оккупировав Маньчжурию, они вышли к границам СССР! Я приветствую такой шаг. Гитлер и японцы — вот те самые тиски, которые раздавят СССР!

— Согласен с вами,— добродушно, как политический дилетант, откликнулся Макс.— Британское правительство поддержало Японию. «Таймс» заявила, что Япония может не считаться с Китаем, который даже не представляет собой «целостного государства»...

— Правильно... э..?

— Клаузен.

— Правильно, мистер Клаузен! Именно не представляет собой целостного государства, здорово, черт возьми, сказано!

Он рассмеялся довольным смехом.

После Макс возмущался:

— Так хотелось достойно ответить этому толстому лорду.

А поезд стремился вперед... И однажды утром проводник объявил: «Новосибирск! Стоянка пятнадцать минут...»

Анна прилипла к окну. До боли знакомый вокзал. Все такой же, только название станции изменено: вместо «Новониколаевска» «Новосибирск». На перроне встречающие. Молодо машет соломенной шляпой пожилой мужчина, парень с пестрым букетом цветов напряженно всматривается в проплывающие окна вагонов.

— Я выйду, подышу,— быстро говорит Анна еще сонному Максу и устремляется к выходу.

Она хочет побыть одна в эти короткие минуты свидания со своим родным городом. Поезд замедляет ход, скрипнув тормозами. Анна быстро спускается по ступенькам, прыгает на перрон. Она идет по перрону и пристально всматривается в каждое лицо — земляки... А за вокзалом город, и она знает там каждую улочку. Вон и колокольня собора виднеется — уцелел, а говорили, что большевики все церкви разрушили. Кто-то живет теперь в доме Поповых?..

Все, что было плохого с ней в этом городе, уже не бередило душу, осталось только дорогое чувство родины.

Зазвонил станционный колокол. Анна поднялась на площадку вагона. На площадке пахло угольным дымом от паровоза и тайгой, или это так казалось. Родина всегда имеет какие-то свои запахи.

Поезд тронулся. Искры, погасая, бежали по откосу насыпи. Вот и свершилось. Куда же она теперь едет? А не все ли равно? Ведь она на родине!

Макс умел покорять людей, покорил он и мистера Кросби. Англичанин пригласил его сотрудничать в свою фирму, которая выполняла какие-то военные заказы Германии.

— Будете моим представителем в Берлине,— решил Кросби и дал свою визитную карточку.

Макс сделал вид, что страшно доволен и счастлив.

— Они уже вкладывают свои капиталы в Германию. Натирают Гитлера силовыми мазями против СССР,— задумчиво говорил он потом Анне.

— Неужели опять война? — тревожно спрашивала она.

— Что-то зреет...

В Москве мистер Кросби долго тряс руку Макса, потом наклонился и тихо сказал ему на ухо: «Хайль Гитлер!» Так они и расстались, как два заговорщика. Кросби поехал в Ленинград, чтобы оттуда плыть в Англию. Клаузенов усадили в машину и отвезли в гостиницу «Москва»

Пока Макс улаживал служебные дела, Анна осматривала столицу. Какая она величественная и... русская. После затейливых китайских храмов глаз отдыхал на древних соборах Кремля. Несмотря на августовскую жару, на улицах было шумно и людно. По карнизам многоэтажных зданий аршинными буквами кричали лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!», «Да здравствует Коммунистический Интернационал!» Можно было свободно прогуливаться по улицам, не боясь, что из-за угла дома в тебя прицеливаются, не опасаясь ни английских полицейских, ни военных, которые в Китае торчат на каждом шагу. Здесь же не часто встретишь даже милиционера.

Сразу после возвращения из Китая они получили длительный отпуск, который провели на Черном море под Одессой. Целых шесть недель жили самой беззаботной жизнью. Их окружали друзья, товарищи... У Макса еще с войны была на ноге рана, которая никак не заживала и причиняла ему большие страдания. В Шанхае он долго лечился у очень дорогого врача, но безуспешно. Вода Черного моря избавила его от недуга.

Далекими и нелепыми казались ей рассказы белоэмигрантов о зверствах большевиков, о красном терроре. Она с удовольствием произносила слово «товарищ», такое теплое, сердечное и вместе с тем уважительное. «Товарищ»... Удивительное слово!

После краткого пребывания в Москве они уехали на жительство в Республику немцев Поволжья, в город Красный Кут.

Маленький степной городишко вызвал целый рой воспоминаний. Семипалатинск, мельница, вся их с Валеннусом жизнь... Как давно это было! Какая она была наивная и легковерная... Какой длинный жизненный путь проделала, чтобы снова вернуться туда, откуда этот путь начался. Как она была молода, неразвита и доверчива. С грустной усмешкой смотрела она из своего далека на прежнюю Анну.

Макс устроился слесарем в Краснокутскую МТС. Затем его назначили инструктором политотдела в колхоз «Розенфельд». Он решил воспитывать людей не только

словом, но и делом. Освоил трактор и выполнял на нем по три-четыре рабочие нормы в день. Его портрет повесили на Доску почета. Он весь отдавался работе. Анна даже протестовала против такой нагрузки, опасаясь за его здоровье. Он только посмеивался.

— Ты представляешь, где мы находимся? В Советском Союзе! Всю жизнь мечтал об этом! Я приехал сюда строить социализм, вот и строю, своими руками...

Однажды он пахал тридцать шесть часов подряд. Его премировали крупной денежной суммой. На премию Анна купила целый выводок инкубаторских цыплят, овцу, корову. Давно мечтала о такой простой, спокойной жизни. В ней проснулась крестьянская жилка.

— Оказывается, в тебе сидит крупная собственница! — шутил Макс.

Анне нравилось выгонять по утрам свою буренку в стадо, когда из-за кромки горизонта едва показывался алый край солнечного диска и зябкая ночная прохлада сменялась приятной утренней свежестью. Пахло отсыревшей пылью, парным молоком, кизячным дымом. Просторно орали петухи. Все дышало миром и покоем... Потом она провожала Макса на работу. Он садился на мотоцикл и, распугивая на улице кур и гусей, мчался в колхоз «Розенфельд».

С разрешения директора МТС Макс организовал школу радистов. В кабинете директора установил селектор и наладил связь с тракторными бригадами.

Слава о делах нового инструктора политотдела докатилась до Энгельса — столицы республики. Секретарь Энгельсского обкома вызвал его к себе и поручил ему радиофикацию всего Немецкого Поволжья. Анна хоть и ворчала для виду, что муж совсем ее забыл, скитаясь по командировкам, но втайне гордилась им — ее Макс сумел стать необходимым человеком по всей республике.

И вдруг... Ох уж это пугающее «вдруг»! Телеграмма — срочно выехать в Москву, явиться в управление.

— Не хочу больше, я устала,— решительно сказала Анна.— Откажись, Макс, нам здесь так хорошо...

— Не могу, Анни,— возразил он,— я антифашист, и мой долг быть там, где во мне нуждаются. Не забывай, что я был военным разведчиком.

И он уехал в Москву.

Вернулся строгий, озабоченный.

— Угадай, кого я встретил в Москве,— интригующе спросил он Анну.

— Мистера Кросби,— неожиданно для себя выпалила она.

— Тьфу,— засмеялся Макс,— я встретил Рихарда Зорге!

— Да?! — изумилась и встревожилась Анна.

— Он был страшно рад нашей встрече. Затащил меня к себе в номер гостиницы, и мы целый вечер болтали, вспоминали старые времена.

— Господи, да скажешь ты наконец, зачем тебя вызывали в Москву?

— Едем в Токио, Анни! Вместе с Рихардом.

Анна почувствовала такую слабость в ногах, что вынуждена была присесть.

— В Токио! — прошептала помертвевшими губами.— Опять туда...

— Рихард сказал, что только со мной он может коечто сделать,— гордо продолжал Макс, не замечая мрачного вида Анны.— Так и заявил в управлении, что будет работать только со мной, и ни с кем больше. Ты чем-то недовольна? — заметил он наконец унылое выражение ее лица.

Анна видела, как Макс гордится доверием Рихарда, и, не желая омрачать его боевое настроение, сдержанно ответила:

— Все в порядке. Когда едем?

— Завтра же увольняюсь, и мы немедленно уезжаем в Москву. Так что укладывайся!

— Немедленно? А как же корова?

— Какая корова? — не понял Макс.

— Наша. И куры?

Макс расхохотался:

— С коровой придется распрощаться, сдадим в колхоз. Не горюй! — шутливо хлопнул он ее по плечу.— Вернемся — заведем еще лучше...

— Да уж с тобой заведешь,— добродушно проворчала Анна.

В Москве решили, что Клаузен поедет в Токио пока один, устроится там и вызовет жену.

Всю зиму Анна жила в столице, ожидая выезда в Токио, и только в марте ее вызвали в управление. Она

почти бежала по длинному бульвару с радостной надеждой на то, что, может быть, настал конец ее мучительному ожиданию. Глубокая весенняя синева затопила город. Ветки тополей с набухшими коричневыми почками густо облепили звонкие воробьи. «Все будет хорошо!» — подбадривала себя Анна, с наслаждением вдыхая влажный весенний воздух, и вдруг подумала, что этот день останется в ее памяти, останется каким-то своим особенным ощущением.

В управлении ее встретили очень сердечно.

— Готовьтесь к длительному путешествию,— дружелюбно поблескивая длинными восточными глазами, сказал ей генерал Урицкий.

Анна впервые была у такого высокого начальства. От волнения она не могла вымолвить ни слова и только согласно кивнула головой.

— Ну, ну, не волнуйтесь,— с улыбкой проговорил генерал.— Скоро увидитесь с мужем. Поездом поедете до Владивостока, а оттуда на советском пароходе поплывете в Шанхай. В Шанхае в туристическом бюро на ваше имя будет письмо, в котором ваш муж сообщит вам о дне и месте встречи.

Ей выдали ее просроченный немецкий паспорт, объяснили, как с ним поступить в Шанхае, снабдили транзитным билетом до Владивостока, деньгами.

Ярким весенним днем Анна снова ступила на китайскую землю.

Шанхай жил своей обычной беспокойной жизнью колониального города. Глухо гудели огромные океанские пароходы, возле которых шла суета торопливой погрузки. Слышался заунывный, ритмический, своеобразный напев грузчиков. На рейде стояли иностранные крейсера с развевающимися по ветру флагами. У причалов важно расхаживали английские патрули. Все до тошноты знакомо и постыло. Вернется ли она когда-нибудь снова на родину?

В гостинице «Эмбаси», где она остановилась, служащие были русские, говорящие по-английски. Представительный портье, с явной военной выправкой («из белогвардейцев»,— определила Анна), повертел в руках ее паспорт, спросил:

— Дойч?

— Я, я...— нетерпеливо закивала она головой, показывая этим, что очень устала.

— Фрау?..

— Анна Клаузен.

Портье записал в книгу ее имя, вернул паспорт и выдал ключ от номера.

«Везет же тебе, фрау Клаузен! — ликовала Анна, поднимаясь по лестнице к себе в номер.— Если бы портье понимал по-немецки...»

Нужно было исчезнуть из гостиницы. Но куда? «Кучимовы!» — подумала обрадованно.

Жена капитана была в глубоком трауре — недавно похоронила мужа. Она искренне обрадовалась Анне. Вместе поплакали, отвели душу в разговорах. Кучимова жаловалась на трудности жизни, сетовала на детей.

— Что мне с ними делать? Они бредят Россией. Может, они и правы. Муж постоянно твердил, что оторванность от родины принижает дух, измельчает человека, развивает болезнь души.

«Как это верно! — подумала Анна.— Побыв на родине, я будто заново родилась». Вслух ничего не сказала, просто не имела права признаться, что прибыла из России. Сообщила, что жили в Мукдене.

Узнав, что Анна в ожидании приезда своего мужа из Японии живет в гостинице, Кучимова тут же предложила ей переселиться к ним.

От Кучимовых Анна поехала в туристическое бюро в полной уверенности, что ее ожидает письмо Макса.

Девушка за конторкой перебрала всю корреспонденцию и отрицательно покачала головой.

Анна в каком-то тупом недоумении отошла от конторки.

Не помнила, как очутилась на улице. Улица шумела, кричала ревом автомобилей, захлебывалась голосами толпы, но она ничего не слышала, совершенно отключившись от внешнего мира. «Господи, господи...» — бессмысленно шептала она, выражая этим свой страх за Макса, за себя, оставшуюся в одиночестве на чужбине, без надежды получить какую-нибудь весточку со стороны. Кто мог сообщить ей что-нибудь о Максе? Никто... Связаться с Центром не было никакой возможности. Анна чувствовала себя так, словно очутилась в холодной жуткой пустоте, лицом к лицу с жизнью, которая утратила

для нее весь смысл. Зачем ей жизнь без Макса, без того, что наполняло ее? До щемящей тоски ощутила вдруг всю полноту утраченного счастья. Все глубинное в ее душе протестовало против такой несправедливости судьбы. Неужели ей на роду написано терять самое дорогое?

Бесцельно побрела по улице, погруженная в мрачные думы. Незаметно перешла мост там, где река Сучжоу впадает в Вамиу, и остановилась перед зданием советского консульства. Красный флаг с серпом и молотом приветливо развевался над входом. Сразу стало как-то легче на душе. «Почему я должна предполагать самое худшее? — подумала она. — Мало ли какие случайности?»

Ее страх куда-то исчез. Возбуждение и порыв к действию подавили его. «Надо раздобыть новый паспорт! И тогда можно будет спокойно ждать Макса». Он обязательно найдет ее...

Медленно прошла вдоль здания, провожаемая острым взглядом полицейского. Накануне произошли столкновения между китайскими рабочими и полицией. Была пролита кровь. По городу расставлены патрули. То и дело проезжали в автомобилях полицейские. В самом воздухе, казалось, была разлита тревога. Анна снова вышла на Банд. Нужно было добраться до эмигрантского бюро.

Начальник эмигрантского бюро, типичный белогвардеец, равнодушно кивнул ей, указал на стул. И когда Анна рассказала вымышленную историю, что-де проживала в Мукдене по чужому паспорту и что ему как эмигранту это должно быть понятно, он без обиняков сказал:

— Пятьдесят долларов, и ты будешь с паспортом.

Анна молча выложила деньги. Через несколько минут вышла из бюро с паспортом на имя Юхлиной Анны Георгиевны, родившейся в Шанхае. Это была крупная удача, и она очень подбодрила ее, придала уверенности.

Поздно вечером вернулась в гостиницу, незаметно проскользнула в номер.

Всю ночь ее мучили кошмары. Воображение рисовало картины одну страшнее другой. То она представляла себе Макса одинокого, больного, заброшенного, то видела, что его окружают полицейские, один из них стреляет в него из револьвера, и он, Макс, падает.

За окном едва забрезжил рассвет, а она была уже на

ногах. Решила до завтрака покинуть отель, опасаясь какой-нибудь неожиданности.

Сама снесла свой чемодан вниз, расплатилась за номер. Швейцар с любопытством посмотрел на нее красными от бессонных ночей глазами, услужливо распахнул дверь.

Город уже проснулся. С грохотом катили переполненные трамваи с вагонами, окрашенными в два цвета: белый для европейцев, зеленый — для китайцев. Монументальные регулировщики-индийцы в высоких чалмах стояли на перекрестках. Торопливо шагали китайцы-поденщики в синих до колен рубахах с застежкой на боку, в синих, доходящих до щиколоток шароварах, ковыляли на изуродованных ногах плоскогрудые китаянки. Напротив еще горела ночным малиновым огнем реклама парфюмерного французского магазина фирмы «Forvil».

От всего веяло холодом чужбины и тоской. А где-то была Москва с ее веселой сутолокой улиц, наполненных по утрам оживленным говором спешащих на работу людей, молодым, беззаботным смехом студентов, радостным гомоном бегущих в школу детей...

Услужливо подкатило такси. Анна назвала адрес Кучимовых.

Шла неделя за неделей, а от Макса не было никаких известий. Анна чувствовала себя растерянной и подавленной, не знала, что и думать. Девушка из туристбюро неизменно отвечала: «Нет!»

В глубине души Анна не верила в гибель Макса, — не мог он вот так исчезнуть из ее жизни. По ночам ее бесконечные думы летели к нему. Вспоминала их жизнь в родном краю, такую мирную, незатейливую внешне, но полную внутреннего содержания. Думала, если Макс погиб, если все они погибли, она обязательно вернется в Советский Союз и будет работать там, не жалея сил, и за себя и за Макса. По-другому она уже не сможет жить.

Кучимовой сказала, что получила от мужа письмо — он немного задерживается, но, должно быть, скоро приедет за ней. На всякий случай просматривала все эмигрантские газетки на русском языке. Эти злобные сплетники наверняка не пропустили бы ни одно сенсационное сообщение, а разоблачение советских разведчиков было бы громкой сенсацией.

Все радостное, так же как и страшное, приходит неожиданно. Был самый обыкновенный, ничем не примечательный день. Анна вернулась из туристического бюро, еще раз испытав разочарование. Позвонила. Дверь распахнулась, и перед ней собственной персоной предстал Макс! Она покачнулась — такая волна радости захлестнула ее.

— Макс! — прошептала одними губами, уткнувшись в его плечо.— Макс! — плача и смеясь повторяла она.

— Как только получил сообщение, первым же пароходом выехал в Шанхай. Мне прямо-таки везло.

— Как только получил сообщение? — удивленно и недоверчиво переспросила Анна.

— Ну да! А что?

— Ох, Макс, я уже три недели жду тебя в Шанхае, не дай бог никому того, что пережила я.

— Три недели! — ужаснулся Макс.— Представляю, как ты волновалась. Виноваты прежние радисты, не могли наладить связь.

В это время вошла хозяйка. Увидев Анну, заулыбалась.

— Этот молодой человек едва не покалечил меня. Я хотела пошутить, мол, не дождалась, уехала, а он как схватит меня за руку, как закричит: «Куда!» — чуть руку мне не оторвал.

Макс и Анна состояли в гражданском браке. Для того чтобы выехать в Японию, нужно было по всем правилам узаконить брак в германском консульстве и получить заграничные паспорта. Макс боялся осложнений — в Германии у власти были нацисты во главе с Гитлером, и в консульстве могли не зарегистрировать брак немца с «расово неполноценной» русской. Но все обошлось. В Шанхае, вероятно, еще не прониклись духом нацизма. Лишь потребовали трех свидетелей.

С помощью жены капитана нашлись и свидетели. Брак зарегистрировали. Консул хотел записать Анну в паспорт мужа, но Макс уговорил его выдать жене отдельный паспорт.

Анна была радостно возбуждена тем, что все ее мучения кончились. Она снова с Максом и на правах законной жены, фрау Клаузен, выезжает с ним в Японию.

Пароход медленно и осторожно входил в переполненную судами и плавучими доками гавань Йокохамы. Вдали синели горы, а ниже, на плоской равнине, вытянулся вдоль берега одноэтажный город. Лишь на переднем плане громоздились высокие каменные здания.

Маневрируя между судами, пароход постепенно сбавлял скорость, пока не остановился совсем. Непрерывно гудели пароходы, ожидая причала, на рейде слегка дымили трубы огромных лайнеров.

Порт Йокохамы показался Анне грандиознее шанхайского.

Клаузены без особых хлопот покончили с таможенным досмотром, немецкие паспорта избавляли их от садистской придирчивости японских чиновников.

— Уже за своих считают,— иронизировал Макс.— С Гитлером альянс намечается...

Коренастый носильщик в черных штанах и белой распашонке с иероглифами на спине подхватил их чемодан, вынес на набережную.

...Электропоезд мчал их в Токио. Мелькали черно-зеленые ступени рисовых полей, синие изломы горных хребтов, четырехногие столбы телеграфа, причудливо изогнутые сосны с красными стволами, поселки с тесно прильнувшими друг к другу бумажными домишками.

Здесь, как и в Китае, был тщательно возделан каждый клочок земли. Рисовые поля маленькими террасками карабкались на склоны гор. Но если жизнь китайской деревни спрятана за высокой глинобитной стеной, которой она окружена, то здесь все было на виду. Стены легких домиков раздвинуты, и их внутренняя жизнь видна как на ладони. И все это — миниатюрные поля, бумажные домишки, низкие, кривые деревья — производило впечатление какой-то искусственной жизни.

Через час с небольшим электропоезд въехал под своды громадного токийского вокзала Стэшен.

— Вот мы и дома,— весело сказал Макс.

Едва успели выйти из вагона, как сейчас же к ним прицепился полицейский в черном мундире с погонами и саблей на боку. Анна испуганно дернула Макса за руку.

— Не обращай внимания, здесь следят за каждым иностранцем,— тихо предупредил он ее.

Полицейский проводил их до самого такси; нахально осклабился на прощанье. Анна едва успела охватить

взглядом привокзальную площадь с ее громадами билдингов и пестрым многолюдьем.

Они мчались по нарядной Гинзе, сплошь увешанной вертикальными полотнищами вывесок, исписанных гигантскими иероглифами, украшенной яркими рекламами, цветными фонариками. Мимо них проносились роскошные лимузины, между машинами ловко лавировали велосипедисты и рикши. От пестрых зонтиков фланирующей публики рябило в глазах.

После сдержанных тонов Китая, где на улице преобладал сине-черный колорит, подобное буйство красок ошеломило Анну, приведя в какой-то детский восторг.

Макс посмеивался:

— Это тебе не Шанхай, а Токио! Здесь ты редко встретишь англичанина или американца, здесь все японцы и все японское...

И вдруг... Что это? Исчезли билдинги, прямые магистрали улиц. Машина катит по каким-то немыслимо запутанным лабиринтам среди приземистых, двухэтажных деревянных домиков. Анна испуганно смотрит на Макса, он смеется.

— Вот такой он и есть, Токио. Билдинги только в центре, а в основном деревянные домишки без конца и края...

Китайские города имеют строгую квартальную планировку, и хаотичность Токио озадачила Анну.

— Темный лес какой-то,— удивилась она,— как же здесь можно найти адресата?

— Как-то находят. Здесь по районам ориентируются. Наш район называется Адзабу-ку, а улица Синрюдё-тё.

Водитель остановил машину возле двухэтажного каменного особняка.

— Приехали,— сказал Макс.

Дом был довольно просторным и очень понравился Анне. Внизу прихожая, кухня и гостиная, наверху, куда вела крутая деревянная лестница,— спальня, кабинет Макса, ванная комната и туалет. В кабинете стены были облицованы деревянными панелями, над письменным столом висел портрет Гитлера.

— А это зачем? — изумленно подняла брови Анна.

— Для конспирации,— улыбнулся Макс.— Рихард, когда заходит сюда, первым делом плюет на портрет.

— Может, слишком, а? Терпеть такую образину.

— Настоящему немцу положено иметь портрет своего

обожаемого фюрера. Хайль Гитлер! — дурашливо закричал он.

В окно виднеется высокая, длинная глинобитная стена. Анна испуганно спрашивает:

— Тюрьма, что ли?

— Хуже,— смеется Макс.— Казармы гвардейского полка.

— Везет как утопленникам! В Мукдене хоть один генерал был, а здесь целый полк солдат.

— Обнаружил после вселения. Но мы друг другу не мешаем! Зато я теперь наизусть знаю национальный гимн.

И он, смешно открывая рот, поет басом:

— «Нихон кими га ё» (Япония всегда впереди!). Не горюй,— шутливо говорит он,— Рихард снял квартиру под самым боком у районной инспекции полиции! Вид с его балкона открывается как раз на это прелестное учреждение... Такая же глинобитная стена. Полицейские его признали и каждый раз низко кланяются.

В первый же воскресный день к ним зашел Рихард.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогая Анни,— с искренней радостью приветствовал он ее, широко улыбаясь и по-братски чмокая в щеку.— А мы уж заждались вас!

— Три недели жила в Шанхае, а я ничего не знал! — сообщил ему Макс.

— Надеюсь, все обошлось благополучно? — заботливо спросил он Анну.

— Как видите! — улыбнулась она.

Анну поразил вид Рихарда — как изменился! Уже не было того блеска молодости, как в Шанхае, он словно бы слинял. Черты лица стали резкими, лоб избороздили крупные морщины, рот совсем изменил рисунок, стал суше и строже, от ноздрей к углам рта залегли глубокие складки. А главное — глаза холодноватые, мудрые и в то же время острые.

— Ну что? Постарел? — усмехнулся он, перехватив ее внимательный взгляд.— Совсем старый ворон.

— Что вы?! — смутилась Анна.— Просто возмужали...

Рихард снисходительно рассмеялся.

— Возмужал! А? Макс, что ты на это скажешь?

— Я скажу, что мы сейчас будем обедать. Анни приготовила нам что-то чертовски вкусненькое!

— Да, да,— обрадовалась Анна,— пирожки, борщ...

— Борщ?! Вот это да! С удовольствием... А то меня моя старая Оина-сан уморила сушеными каракатицами и сырой рыбой в сахаре.

— Кто это — Оина-сан? — спросила Анна.

— Приходящая прислуга, старая японка. Варит обед и убирается, готовит ванну. Да, кстати, Анни, вам тоже придется иметь прислугу, здесь так положено. Постарайтесь нанять приходящую.

— Я уже думал над этим,— сказал Макс.— Дело в том,— обратился он к Анне,— что японская прислуга вся на службе у полиции и докладывает обо всем.

— Что-нибудь придумаем,— серьезно отозвалась Анна.— А сейчас прошу в [illegible]

— Но прежде я вручу вам подарок как новоселам,— таинственно улыбнулся Рихард и вышел в прихожую.

Вернулся с большим [illegible] пакетом. Содрал бумагу, и Анна увидела [illegible] вазу из керамики с нежной росписью,— по светло-коричневому фону ветка цветущей розовой сакуры.

— Какая прелесть! — Анна залюбовалась вазой.

— Правда, красивая? Очень люблю всякие японские штучки, у японцев обостренное чувство красоты.

Вазу Анна поставила на самое видное место, и комната сразу же приобрела особый уют.

За обедом Рихард расспрашивал Анну о Москве.

— А хорошо у вас! — без всякого перехода сказал он.— По-настоящему отдыхаешь, расслабляешься. Страшно устаешь от этой проклятой двойной жизни, поэтому и стареешь...

— Приходите к нам почаще,— живо отозвалась Анна,— мы будем только рады... Наш дом — ваш дом...

— Спасибо,— просто ответил Рихард и вдруг улыбнулся хорошей, светлой улыбкой.— А знаете, Анни, я ведь в последнюю поездку в Москву женился...

— Да?! — искренне изумилась Анна.

— Ее зовут Катя, Катюша...— Он с удовольствием произнес это имя, и глаза его при этом обрели особую темную глубину. «Влюблен»,— отметила про себя Анна внутренне улыбаясь.

— Так берите ее сюда! — со всей непосредственностью выпалила она.

Рихард грустно усмехнулся:

— Если бы было возможно! Придется ждать и ей и мне...

— А пока ухаживай за фрау Отт,— пошутил Макс.

— Как! Вы ухаживаете за какой-то женщиной! — с негодованием воскликнула Анна.

— Это она за ним ухаживает,— засмеялся Макс.— И не «какая-то», а высокопоставленная дама, жена военного атташе Эйгена Отта.

— Меня от нее тошнит,— с отвращением проговорил Рихард.— Но приходится быть внимательным, чего не сделаешь, если надо. Вам, Анни, я советую вступить в женское немецкое общество при немецком клубе и заделаться активной нацисткой. Председательствует там этакая рыжая гадина, ярая нацистка фрау Этер, постарайтесь ей понравиться, для пользы дела, как вы понимаете.

В тот же вечер Анна попросила Макса рассказать ей все о Рихарде.

— О, это большой человек,— сказал Макс.— Как ты уже, наверное, догадываешься, он — глава нашей организации...

— Глава фирмы, как ты выразился однажды...

— Вот-вот,— без тени улыбки согласился Макс.— Из буржуазной семьи. Отец сначала был обыкновенным техником-нефтяником на Апшероне в России, затем стал владельцем нефтеперегонного завода,— видно, парень был не промах. Он тебе уже рассказывал, что родился в России, и мать у него русская, из очень бедной семьи, по бедности и вышла за отца с четырьмя детьми, Рихард был пятым ребенком в их семье. Разбогатев, папаша решил вернуться в фатерлянд с молодой женой и детишками. Как верноподданный немец, воспитал Рихарда в духе германофильства. В четырнадцатом году, поддавшись националистической пропаганде, Рихард прямо из школы убежал на фронт, даже не поставив в известность родителей. Был ранен,— хромота у него с войны осталась. А потом, как многие из нас, понял, что такое война и кто и для чего ее развязывает.

После фронта учился в университете. Он ведь доктор права и социологических наук, до всего докопался, изучал философию, марксизм, революционное рабочее движение в Германии. Сам работал шахтером в Аахене, чтобы снизу, изнутри постичь жизнь рабочих. Стал активным подпольщиком. Неоднократно встречался с Эрнстом Тельманом. Как видишь, война многих просветила. Большое значение, конечно, имела русская революция.

После поражения революции в Германии Зорге начала

преследовать полиция. Поэтому, когда в 1924 году его пригласили в Советский Союз референтом в Институт Маркса — Энгельса, он с радостью уехал в Москву. А потом тогдашний начальник советской разведки Берзин предложил ему стать военным разведчиком. Вот все, что я знаю о Рихарде Зорге.

Он говорил мне, что женился. Жена его — бывшая актриса, очень красивая женщина, я видел у него фотографию. Была замужем за каким-то известным артистом, потом этот артист умер, а она почему-то покинула сцену, ушла на завод работать. Сейчас — начальник цеха, и Рихард очень гордится ею, мечтает о возвращении в Москву.

Здешние консульские дамы проходу ему не дают,— самый интересный кавалер, блестящий, остроумный, много знает, а им скучно, вот они его и [illegible]. В интересах дела он иногда вынужден волочиться за какой-нибудь высокопоставленной особой, вроде этой жены Отта. Отт — военный атташе, и через его жену Рихард сумел подружиться с ним, войти в полное доверие. Вот такие дела... А ты небось думала, что ему нужна эта глупая бабенка...

— Ничего я не думала! — рассердилась Анна.

Макс занялся конструированием нового, более совершенного передатчика, который можно было бы носить в портфеле. Сделал тайник под портретом Гитлера, куда прятал все детали и части. Работа подвигалась медленно, так как детали приходилось покупать очень осторожно,— за каждым иностранцем в Токио велась неусыпная слежка. Макс ездил даже в Йокохаму за деталями.

По совету Рихарда Анна записалась в женское немецкое общество при клубе. К этому времени она уже в совершенстве овладела немецким языком, и в обществе ее принимали за настоящую немку.

Фрау Этер оказалась громкоголосой, пышногрудой немкой с копной рыжих волос на мощной голове. Это была настоящая немецкая «муттер». На собраниях она произносила высокопарные речи, очевидно подражая своему фюреру.

— Мы, немцы, являемся благородной арийской расой,— победно гремел ее голос.— Нам суждено владычествовать над всем миром! Что требуется от нас, немецких матерей? Дать стране больше детей. Ведь чтобы завоевать

весь мир, нужны солдаты, так говорит наш фюрер. Он учредил многодетным матерям особый орден, вот, посмотрите.

Она пустила по рукам иллюстрированный журнал, где был изображен крест. Он напоминал свастику. В середине — медаль, по краю которой было вычеканено: «Дойче муттер».

— А кто из вас может похвастаться количеством детей? — властно спрашивала между тем фрау Этер.— Вот вы, новенькая,— она заглянула в список,— фрау Клаузен, сколько у вас детей?

— У меня их совсем нет,— вспыхнув до корней волос, призналась Анна.

— Ай, ай, ай,— укоризненно покачала мощной головой фрау Этер,— такая молодая, цветущая... Вы не патриотка. Обязательно обзаведитесь детьми, не теряйте времени. Наши дети будут иметь счастливое будущее.

Анне было и смешно и досадно. Смешно от всей этой прямолинейной фашистской мистерии и досадно, что такие грубые руки задели самую больную струну ее души. Дети! Она, конечно, хотела бы иметь ребенка, но они с Максом не могут себе этого позволить, так как все время ходят по краю лезвия. Кто-то должен жертвовать своим личным счастьем во имя счастья других.

Макс давно искал подходящее занятие для прикрытия, наконец ему повезло. Владелец ресторана «Фледермаус» немец Кеттель познакомил его с неким Фёрстером, тоже немцем, который имел между Токио и Йокохамой небольшую мастерскую, где делались английские гаечные ключи и другие инструменты для мотоциклов. Фёрстер прогорал, и ему нужен был компаньон с деньгами. Макс внес в дело несколько сотен долларов и предложил Фёрстеру торговать мотоциклами «Цундап». Фирму назвали «Инженерная компания Ф. и К.» Макс возобновил свои связи с шанхайской фирмой и получил образцы. Первый мотоцикл купил для себя Рихард.

Каждый день Макс вынужден был ездить на электропоезде в контору и заниматься делами фирмы. Это поглощало большую часть его времени, хотя и служило отличным прикрытием.

Надвигались важные события: парламентские выборы. От того, кто захватит власть,— влиятельные политики уме-

ренного направления или фашиствующая военщина, зависели отношения между СССР и Японией.

«Умеренные», являющиеся представителями помещиков и крупной буржуазии, хотели мирно торговать с Советским Союзом, Америкой и странами Запада. Их завоевательские планы были направлены на Китай и Юго-Восточную Азию. Фашисты стремились подчинить всю экономику Японии войне против СССР, контролировать концерны и монополии. Захватить весь Уссурийский край и двигаться на Урал — таковы были их планы.

Рихард торопил Макса с передатчиком.

— Придется найти другое прикрытие, Макс,— озабоченно сказал он, забежав однажды вечером к Клаузенам.— Торговля мотоциклами — хорошее дело, но мне нужен радист.

— Найди попробуй,— проворчал Клаузен.— Я и сам понимаю, что «Инженерная компания Ф. и К.» не находка, одна езда чего стоит.

— А ты поищи,— настаивал Рихард.— Коммерсант должен быть изворотливым человеком.

Потом Рихард жаловался на какую-то Эдит, которая от страха за своего ребенка превратилась в законченную неврастеничку.

— А не познакомить ли ее с Анной? — вдруг сказал он.— Анни, могли бы вы помочь нам? Тут жена одного нашего товарища захандрила. Нужно подбодрить ее, как-то успокоить.

— Если смогу,— осторожно ответила Анна.

— Сможете! — обрадовался Рихард.— У вас исключительный дар покорять людей, я на себе это испытал, честное слово.

— Шутник вы, Рихард,— смутилась Анна.

— Я совершенно серьезно... Вы даже такого медведя, как Макс, приручили...

— Ну, ну, полегче! — с притворной строгостью проворчал Макс.

Рихард был как-то по-особому оживлен и порывист. Иногда он посмеивался каким-то своим радостным мыслям и рассеянно начинал перекладывать разные предметы на письменном столе Макса.

— Что с вами? — спросила Анна.— Вы сияете, как новый пятиалтынный.— Она сказала это по-русски, и Рихард искренне рассмеялся.

— Я же говорил, что от вас ничего не скроешь... Получил письмо от Кати. Вот...— Он вытащил из потайного кармашка брюк аккуратно сложенное письмо и, нарочито ровным голосом, без выражения, начал читать:

— «Спасибо, дорогой Ика, за твое письмо, полученное мной сегодня. Благодарю тебя также за новогодние пожелания. И я надеюсь, что это будет последний год нашей разлуки, но как долго он еще протянется... Мои дела идут хорошо. Я весела и здорова. С работой дело обстоит также хорошо. Жаль только, что нет тебя. Не беспокойся обо мне, живи хорошо, но не забывай меня. Желаю тебе всего хорошего и крепко тебя целую. К.». Как видите, Анни, меня еще не забыли и ждут с нетерпением. Бедная моя Катюша... Она надеется, что это последний год нашей разлуки. Как бы я хотел этому верить...— Глаза его сделались печально-задумчивыми. Он зажег спичку и поднес к маленькому, дорогому клочочку. Письмо почернело, свернулось и рассыпалось в прах.

Наконец передатчик был смонтирован, и Макс решил его опробовать из квартиры Бранко Вукелича, с женой которого, Эдит, предстояло познакомиться Анне.

Вукеличи жили далеко, к ним нужно было ехать чуть ли не через весь город на электричке.

Стояла поздняя осень — прекрасная пора в Японии, когда спадает влажная духота и устанавливается сухая и солнечная погода. В парках цветут осенние, особенно яркие хризантемы — розовые, кирпично-красные, бронзовые. Пламенеют листья кленов.

Из окна электрички Анне был виден весь Токио — море серых деревянных домишек до самого горизонта. Мелькали горбатые мостики через многочисленные каналы, строения под загнутыми крышами, красные тории — нечто вроде ворот перед синтоистскими храмами. Тории считались национальным символом Японии.

Европейским был только центр с его деловой частью Маруноути, где в великолепных билдингах и уродливых каменных зданиях под тяжелыми загнутыми крышами сосредоточились банки, конторы, ведомства. На массивных дверях золотые дощечки с названиями, написанные иероглифами и по-английски. Крошечный парк Уэно кишит людьми. Главная улица Гинза очень оживлена, на тротуарах толпы людей. Здания густо увешаны горизонтальными и вертикальными полотнищами реклам, которые по

вечерам сверкают разноцветными огнями. Улица вся горит, пылает, создавая феерическую картину. Говорят, что в Токио самая богатая реклама, богаче даже, чем в Нью-Йорке.

Стоит немного удалиться от центра, как попадаешь в лабиринт старых торговых улиц, похожих на китайские: те же двухэтажные домишки, в которых наверху живут, а внизу содержат лавочки. Приглушенно светятся окна многочисленных ночных клубов, кабаре, ресторанчиков. Здесь гнездятся тайные опиекурильни под видом невинных харчевен. Наркомания такой же страшный бич, как и в Китае. Нередко где-нибудь в глухом переулке можно было увидеть беспомощных, словно мертвых людей, одурманенных опиумом.

За торговыми кварталами лепятся один к одному бумажные домишки и бараки. По тесным переулкам — грязные канавы с вонючей, позеленевшей водой. Нет ни канализации, ни водопровода. Нечистоты выливают в канавы, а воду берут из каналов, проложенных от реки. Город расположен на холмах, и домишки взбираются по ним до самого верха, создавая впечатление огромных черных муравейников. Здесь такая же суровая борьба за существование, как и всюду.

Дом Вукеличей стоял на холме. Это был типичный двухэтажный японский домик с верандой и раздвижными стенами.

Их встретил сам Бранко, высокий, стройный молодой мужчина с тонким лицом и обаятельной, дружески приветливой улыбкой. Он как-то очень просто и естественно поздоровался с Анной, и она невольно подумала: «Есть же люди, с которыми сразу чувствуешь себя очень легко».

Бранко позвал жену. К ним вышла худощавая, светловолосая женщина в пестром японском кимоно. Увидя Макса, она равнодушно кивнула ему и выжидательно поглядела на Анну светлыми, какими-то прозрачными глазами.

— Моя жена, Анна,— представил Макс.

— Эдит,— с тем же равнодушием сказала женщина и, не протянув руки, пропустила Клаузенов в гостиную.

— Ну, вы тут побеседуйте пока, а мы пойдем наверх,— сказал Бранко.

Женщины остались одни. Анна неловко присела на диван, развязала фуросики, достала подарки: коробку конфет, смешную заводную обезьянку.

— Это вам и сыну,— неуверенно сказала она, смущенная нелюбезностью хозяйки.

— Спасибо.

Эдит равнодушно взяла подарки, положила на низкий лакированный столик.

В комнату вбежал резвый мальчик лет семи, очень похожий на Бранко. Он сразу заметил игрушки и вопросительно поглядел на мать.

— Тебе от тети,— Эдит подала ему игрушку.

— Спасибо,— тихо поблагодарил мальчик, не глядя на Анну.— Мам, можно мне пойти к Абэ? — просительно проговорил он.

— Иди,— разрешила мать.— Гулять только в саду, Рауль! — уже вслед ему прокричала она.— Беда с ним, товарищей нет, играет с японскими детьми, научился болтать по-японски. А у вас есть дети?

— Нет,— коротко ответила Анна, этот вопрос ей был всегда неприятен.

— Тогда вам легче, вы отвечаете только за себя, а тут...— На лице Эдит появилось страдальческое выражение.— Вечный страх перед полицией. Совершенно не сплю ночами, каждый шорох пугает, вгоняет в дрожь. Бранко говорит, что я сумасшедшая. Может, правда? — Она сжала пальцами виски и устало смежила веки.

— Ну зачем же заранее так волноваться? — с ласковой укоризной проговорила Анна.— Ваш муж в такой же степени отвечает за благополучие сына, как и вы...

— Отвечает...— вяло усмехнулась Эдит.— У него идеалы... Душу прозакладывает за них. Весь в мать, фанатичку. Она-то и толкнула своих сыновей на гибельный путь... Старший сражается теперь в Испании, в интернациональной бригаде, Бранко — извольте радоваться — военный разведчик. Зачем? Что ему этот Советский Союз, в котором он и не бывал никогда...— Эдит снисходительно усмехнулась и посмотрела на Анну своими прозрачными глазами. «Странные глаза! — подумала Анна.— Через них все насквозь видно, а в них самих — ничего не разглядеть. Рот упрямый, решительный». Вслух поинтересовалась:

— А как же вы познакомились с Бранко?

— Так, случайно... На курорте. На курортах ведь легко знакомятся, легко влюбляются,— с легким ироническим смешком ответила Эдит.— И я влюбилась в Бранко. Он

был веселый, общительный, отлично танцевал и очень настойчиво ухаживал... Одним словом, мы не на шутку увлеклись друг другом. Однако чего же мы так сидим? — спохватилась она.— Давайте хоть чай пить.

Пока Эдит готовила чай, Анна рассматривала гостиную — небольшую комнату в чисто японском духе: с раздвижными шкафами, с толстыми соломенными циновками-татами на полу, с традиционной нишей, где висела длинная, вертикальная бумажная картина с изображением Фудзи и каллиграфически нарисованными тушью иероглифами. Перед картиной стояла высокая фарфоровая ваза с поздними хризантемами. Все как в японском доме. Внимание Анны привлекли отлично сделанные цветные фотографии на стенах, в основном это были храмы — вычурные японские постройки с многоярусными пагодами.

— Бранко увлекается японской архитектурой,— сказала вошедшая Эдит, увидя, с каким интересом Анна рассматривает снимки.— В юности он учился на архитектора в своем родном городе Загребе — это в Югославии. Бранко по национальности хорват. Возможно, из него вышел бы неплохой архитектор, если бы не мамочка. В Париже он от нужды занялся фотографированием, сотрудничал в журналах.

Она поставила на низкий лакированный столик поднос с чаем и сладостями.

— Пододвигайтесь,— указала на кресло,— хорошо, что вы зашли. Я чувствую себя здесь такой одинокой... Иногда так хочется излить перед кем-нибудь душу... Пыталась устроиться на работу, но увы! Я преподавательница физкультуры по японским упражнениям, оказалось, что здесь своих преподавателей некуда девать.— Эдит несколько оживилась.

Они уселись в удобные низкие кресла.

— Так вот...— продолжала она, разливая по чашкам душистый зеленый чай.— Бранко подавал большие надежды в архитектуре, но мадам Вильма (это его мамочка) сделала из него политика. Ее коньком была русская революция. Даешь свободную республику! Все как в России. Своими бредовыми идеями она и сыновей заразила. Кончилось тем, что Бранко посадили в тюрьму как студента-марксиста, такая же судьба ожидала и старшего сына, Славомира. А муж просто сбежал от нее...

— Сбежал? — удивилась Анна.

— Ну да,— как само собой разумеющееся подтверди

ла Эдит.— Не мог же полковник королевской армии жить с такой сумасбродкой! Она его просто позорила...

— И она уехала во Францию? — догадалась Анна.

— Не уехала, а позорно бежала, выцарапав каким-то образом из тюрьмы Бранко. Бежала, увлекая за собой всех четверых детей в эмиграцию. У Бранко еще две сестры в Париже.

— Она была богата? — спросила окончательно заинтригованная Анна.

— Если бы! — презрительно воскликнула Эдит, обрадовавшись возможности позлословить о свекрови.— В том-то вся и трагедия, она лишила детей обеспеченной жизни, будущности, обрекла их на нищенскую эмигрантскую жизнь, и все из-за чего? Из-за своих эгоистических целей. Вы думаете, она в Париже опомнилась? Как бы не так! Целыми днями строчила какие-то статьи. Вечно в нашем доме толпились югославские эмигранты, кричали, спорили, обсуждали статьи Вильмы. Я только теперь поняла, что это были за люди,— политические эмигранты! Они втянули в политику и Бранко со Славомиром. Все бредили Советским Союзом, кричали, что это великий эксперимент и его нужно всячески охранять, и еще что-то в таком же роде. Иногда мне казалось, что все они сумасшедшие.

Анна хотела сказать, что она была в Советском Союзе и ей там очень понравилось, но, посмотрев в прозрачные глаза Эдит, раздумала. Спросила только:

— Вы немка? Так хорошо говорите по-немецки...

— Нет. Я датчанка. В Дании многие говорят по-немецки. Я выросла в провинции, на ферме, любила природу, спорт. Окончила спортивное училище и стала преподавать физкультуру в местной школе. А однажды летом поехала в Поттаяк, на западное побережье Франции,— захотелось поплавать в Атлантическом океане. Там и нашла свою судьбу.— Эдит тяжело вздохнула, взяла сигарету, протянула коробку Анне.

— Спасибо, я не курю,— отказалась Анна.

— А я здесь стала курить, это как-то успокаивает.— Она затянулась, окутывая себя голубым облачком дыма.— Я была самой обыкновенной здоровой девушкой, мечтала о тихом семейном счастье с кучей детей, уютным домом,— она доверительно улыбнулась: — А все получилось наоборот... Бранко учился в Сорбонском университете на юридическом. Учился и работал юристом в одной париж-

ской электрической компании. Денег не хватало, кое-как перебивались. А потом грянул кризис, и Бранко потерял работу. Пришлось мне с ребенком на время уехать к отцу в Данию.

— А Вильма? Как она относилась ко всем трудностям? — заинтересованно спросила Анна.

— Очень спокойно,— сказала Эдит, гася в пепельнице окурок и зажигая новую сигарету.— Она обращалась со своими детьми как с товарищами. Когда Славко женился на русской девушке, дочери советских специалистов, приехавших в командировку в Париж, и решил уехать с ней в СССР, Вильма одобрила этот его шаг. Я уверена, что и поездка Бранко в Японию была благословлена его авантюристкой мамочкой. Она же типичная авантюристка,— повысила голос Эдит.— Теперь вот с какой-то гордостью сообщила Бранко, что Славомир уехал добровольцем в Испанию. Ей, наверное, и в голову не приходит, что его могут убить. Я таких женщин не понимаю. Не жалеть своих детей! Подумаешь, деятельница... Без нее бы не обошлось. Писательницей заделалась! Воображаю, чего она там пишет. По-моему, она просто тщеславная, как вы думаете?

Вопрос застал Анну врасплох. Она, конечно, была не согласна с Эдит. Но сказать ей, что Вильма Вукелич вызывает в ней восхищение, хорошую зависть к ее мужеству, ее целеустремленности, значит обидеть Эдит, оттолкнуть от себя. И Анна ответила довольно туманной фразой:

— Кто знает. Ведь люди такие разные...

— Как бы там ни было, но я попала в скверную историю,— сердито сказала Эдит, недовольная ответом Анны. По-видимому, она хотела какого-то оправдания для себя, для своего задуманного бегства, моральной поддержки, что ли...— Бранко обманул меня,— продолжала она упрямо.— Он вовлек меня в опасное дело, и я узнала об этом только здесь. Говорил, что едем в Японию от силы на год: он заключил контракт с иллюстрированным журналом «Вю». А мы торчим здесь почти четыре года в этом ужасном Токио, где летом нечем дышать, где все проплесневело и пропахло старой вонючей пылью. Если бы не Рауль, я давно бы сошла с ума...

— Так нельзя,— мягко сказала Анна.— Возьмите себя в руки. Подумайте о Бранко, вы очень осложняете ему жизнь.

— Осложняю?— удивилась Эдит.— Скажете тоже. Вам легко рассуждать...— глаза ее стали сердитыми и утратили пугающую прозрачность.— А мне-то каково? С ребенком? Представьте себе, что нас хватают и бросают в тюрьму, а он, такой маленький, беспомощный, мой Рауль, остается один в этой ужасной азиатской стране... О-о-о...

Она в отчаянии заломила руки, очевидно поддавшись навязчивому видению.

— Нет, я больше не могу. Уеду к сестре в Австралию. Буду спокойно воспитывать сына,— решительно проговорила она.

Анне и жаль ее было, и в то же время все в ней протестовало против такой откровенной слабости. Вильма была ей понятней, ближе. Ведь она принадлежала к той же породе людей, что и Рихард, Бранко и... и Макс! И вдруг она как-то по-новому увидела Макса, оценила его мужество и, может быть, впервые так ясно поняла всю значимость того дела, которому он служил. С гордостью за него подумала, что постарается быть достойной его помощницей.

— Вам нужно хорошо отдохнуть. Поезжайте куда-нибудь в горы или на побережье. Здесь есть чудесные места,— посоветовала она.

— Нет, нет, это не поможет,— холодно возразила Эдит. Она почувствовала, что Анна ее не поддерживает и не одобряет.— Я нормальная женщина, мать и хочу только счастья своему сыну. Надеюсь, вы знаете, чем они там занимаются? — указала она пальцем на потолок.

— Конечно,— серьезно ответила Анна.

— Та-та-ти-та... А служба пеленгации не дремлет, и полиция может внезапно ворваться в дом. Каждая такая передача — нервный шок для меня.

Когда возвращались домой, Анна сказала Максу:

— Не выполнила я задание Рихарда. Эдит не та женщина, на которую можно как-то повлиять. У нее свои понятия обо всем, свои взгляды на жизнь.

— Ты права,— ответил Макс.— Бранко мне признался, что между ними очень сложные отношения.

По инициативе посольских нацистов и председательницы женского общества фрау Этер в немецком клубе был устроен новогодний костюмированный бал.

Просторный зал клуба, красиво убранный цветами, яркими драпировками и японскими панно, был переполнен нарядной публикой. Всюду висели портреты Гитлера и японского императора Хирохито. По залу группами фланировали японские офицеры, очевидно приглашенные в качестве гостей.

Было много разных киосков: «Цветочный», «Счастливый базар», «Тайный стол», «Военный крюшон» и просто «Крюшон». В киосках торговали дамы из женского общества, одетые в пестрые маскарадные костюмы. Гости охотно покупали цветы, бамбуковые веера, цветные фонарики, жемчужные запонки и ожерелья, маленькие бюстики фюрера.

Анну фрау Этер определила в крюшонный киоск, имеющий вид шатра. Драпировки над входом скреплялись огромной черной свастикой. Председательница похвалила ее за красочный костюм немецкой крестьянки. Сама фрау была одета в какой-то широкий лиловый капот с огромным бутафорским орденом «Дойче муттер» на груди. Ее мощная фигура с головой, похожей на пылающий факел, беспрестанно мелькала по всему залу, появляясь то тут, то там. Она встречала гостей, поддерживала непринужденное веселье, следила за порядком.

Возле «Военного крюшона», который был рядом с киоском Анны, толпились немецкие и японские офицеры. Среди них Анна заметила военного атташе Эйгена Отта, который был довольно редким гостем клуба. Значит, что-то очень важное побудило его прийти сегодня на этот вечер. Эйген Отт был в военной форме с каким-то крестом на груди. Он держал под руку высокую белокурую даму в черном шелковом платье с низким вырезом. Дама была выше его, и напрасно Отт задирал свою длинную арийскую голову — он казался перед ней смешным лилипутом. «Тереза, его жена! — догадалась Анна.— Недаром она бегает за Рихардом!» И тут же увидела Зорге, веселого, элегантного. Он хотел подойти к Оттам, но его опередил какой-то важный японский генерал, который уже раскланивался с ними. Фрау Тереза коротко ответила на поклон японца и устремилась навстречу Рихарду, оставив мужа наедине с генералом.

— А! Доктор Зорге! Рада вас видеть,— кокетливо пропела она, протягивая ему руку для поцелуя.— Как вам нравится бал?

— Вы всегда прелестны, фрау Тереза,— целуя ей руку,

сказал Рихард.— Бал замечательный, много японских гостей. И портреты Хирохито... Что здесь происходит? Просветите меня, пожалуйста.

— Я? Вас?! Ай-яй-яй,— укоризненно покачала головой Тереза.— Первоклассный журналист-международник — и не знает... Этот бал дан в честь сближения молодого японского офицерства с немецкими национал-социалистами. А тот японец, с которым разговаривает Эйген, их вождь, генерал Араки.

— Ага, вот оно что...— отрывисто произнес Зорге.— Они пришли поблагодарить немецкий вермахт за помощь в военной подготовке их армии... Что ж, Эйген Отт первый достоин такой благодарности.

— Вы несносны, доктор Зорге,— капризно сказала Тереза.— Угостите меня лучше крюшоном.

Они подошли к стойке, и Анна смогла близко рассмотреть фрау Отт. Типичная немка. Волосы очень светлые, а брови темные и глаза темно-голубые. На очень белом холеном лице легкие веснушки. Ничего, красивая женщина, такая может произвести на свет целую роту будущих солдат...

— Добрый вечер, фрау,— вежливо приветствовал Анну Рихард, как совсем незнакомую.— Два крюшона, пожалуйста.

Они тянули холодный крюшон и весело болтали о пустяках. Улучив момент, Рихард лукаво подмигнул Анне.

Мимо киоска меланхолично прошествовал Макс. Ему было явно скучно. Он вообще не любил ходить в клуб, считая, что это сфера Рихарда.

Грянул духовой оркестр. Он исполнил «Германия превыше всего» и «Кими га ё!» После этого фрау Этер по микрофону пригласила всех в зрительный зал на официальное открытие бала. Все ринулись занимать места. Фрау Тереза увлекла Рихарда в веселый поток публики. Женщины-киоскерши, закрыв свои киоски, тоже пошли в зрительный зал. Анна отыскала Макса, и они сели рядом.

В глубине сцены красовались два огромных портрета: Гитлера и Хирохито, осененных знаменами — немецким, со свастикой, и японским, с красным диском посредине.

На сцену бравой военной походкой поднялся Эйген Отт. В зале воцарилась тишина.

— Дамы и господа! — раскатисто прозвучал по микрофону голос Отта.— Сегодня здесь происходит дружеская

встреча представителей двух великих народов, призванных владычествовать над всем миром. Перед народом Ямато стоит та же благородная задача, что и перед Германией,— уничтожить коммунизм. Уничтожением коммунизма в собственной стране фюрер преградил ему путь в Западную Европу, а потому Германия может по праву считаться бастионом Запада против коммунизма. «Путь на север!» — девиз наших друзей японцев. «Дранг нах остен!» — наш девиз.

Отт закончил свою речь под дружные аплодисменты всего зала.

На сцену поднялся генерал Араки, сопровождаемый переводчиком, молодым японским офицером.

— Мина-сан! — начал он слегка визгливым голосом, показывая длинные, выступающие вперед зубы. — Япония всегда стояла за дружбу с тысячелетним германским рейхом. Японская армия слишком многим обязана Германии в военном отношении, и я считаю своим долгом выразить этой великой стране нашу благодарность.

Так же, как и Германия, мы стремимся сегодня к национальному обновлению, а потому многое перенимаем у Германии, изучаем важные принципы ее национального обновления.

У Германии есть гениальный фюрер, у нас — божественный император Хирохито. Большевизм, являясь худшим врагом монархии, является и заклятым врагом нашей системы — системы божественной императорской власти. На кого может опереться император? Только на армию как на наиболее решительный и преданный инструмент его величества.

Эти слова Араки сопроводил весьма энергичными жестами.

— Северный Китай нужен Японии для форсирования войны против Советского Союза и китайских коммунистов!

Араки сделал глубокую паузу, чтобы зал мог подумать и по достоинству оценить это важное заявление. Анна посмотрела на Макса, он сидел хмурый, с плотно сжатыми губами.

— Нам необходима прочная дружба,— начал опять Араки.— От этого зависит дело покорения Европы и Азии. Единство оружия и воли! — вот девиз молодого офицерства.

Этой патетической фразой, провозглашенной на очень высокой ноте, генерал Араки закончил свою речь и под дружные аплодисменты сошел со сцены.

После выступлений Отта и Араки начали показ документальных фильмов.

Под характерную музыку военного марша на экране четко отбивали шаг солдаты рейха. Они шли правильными каре, вызывая ощущение чего-то мощного, непреодолимого. «Ein Reich! Ein Volk! Ein Führer!» — громко скандировали они в такт своим шагам. Сверлящая музыка марша проникала в самое сердце, вселяя чувство тревоги. Анна зябко прижималась к плечу Макса. А ровный, бесстрастный голос диктора уверенно сообщал: «Великогерманский рейх создает твердое как сталь ядро немецкого могущества».

В небе зарокотали мощные немецкие бомбардировщики с черными свастиками на крыльях и фюзеляжах. С пронзительным воем посыпались на раскинувшийся внизу город бомбы. Оглушительные взрывы, и вот уже дымящиеся развалины, разбитые улицы, заваленные обломками зданий.

— Мадрид! — взволнованно прошептал Макс.

И в подтверждение его слов голос диктора возвестил: «Над Испанией возникла угроза коммунизма, которая несет смерть западной цивилизации. Уничтожив коммунизм в Испании, мы нанесем поражение мировому коммунизму».

На экране возник толстенький, кургузый человек в военной форме в тесном окружении каких-то штатских лиц.

«Немецкие и итальянские дипломаты приветствуют главу испанского правительства генерала Франко», — сообщил диктор. Анна почувствовала, как напряглись плечо и рука Макса.

Фильм закончился выступлением фюрера перед многотысячной толпой берлинцев. Фюрер был точно такой же, как на портрете. Из-под низко надетой военной фуражки неистово сверкали злобные глаза, глаза фанатика. Лающим голосом, сопровождаемым судорожной жестикуляцией, он вещал: «Нет в мире такой силы, которая могла бы помешать созданию Великогерманской империи! Мы должны настаивать на равноправии с другими народами, чтобы занять принадлежащее нам место в мире».

«Хайль Гитлер!» — ревела толпа на экране.

«Хайль! Хайль! Хайль!» — громко скандировали в зале. По спине Анны побежали холодные мурашки. Ей стало страшно от такого мощного единодушия.

Молча вышли с Максом из зала, обменялись какими-то незначительными фразами. Анна пошла в свой киоск, а Макс затерялся в веселой, возбужденной толпе. Начался бал.

Оркестр заиграл танцевальные мотивы, и все закружились в радужном вихре.

Когда веселье было в полном разгаре, началась выдача призов за лучшие костюмы. Перед жюри, которое возглавляла фрау Этер, проходили танцующие пары.

Первый приз получило красное чудовище в страшной маске с оскаленными зубами — костюм символизировал мировой коммунизм. Вторую — самурай. Многие получили призы за художественность своего костюма. Все это породило веселый ажиотаж, внесло в общество необыкновенное оживление и непринужденность.

Среди танцующих Анна заметила Рихарда, который был в паре — конечно же! — с фрау Терезой.

В киосках шла бойкая торговля. Кавалеры дарили дамам цветы, разные безделушки, духи.

Разомлевшие от духоты гости поглощали неимоверное количество крюшона. Бал удался на славу, как сказала бы фрау Этер.

Веселье завершилось выступлением хорошеньких японских танцовщиц. В красочных национальных костюмах, с громоздкими, словно лакированными прическами, они исполнили танец с веерами.

Разъезжались поздно ночью. До смерти уставшая Анна буквально висела на руке Макса (весь вечер простояла на ногах за крюшонным столиком!). Макс взял такси, и они доехали до дома в полном молчании. Макс был мрачен и сосредоточен.

Дома Анна спросила:

— Что же происходит, Макс, растолкуй мне, пожалуйста.

— Происходят довольно невеселые дела,— ответил он задумчиво.— Кажется, надвигается вторая мировая война. Видела, какие у вермахта бомбардировщики? Они испытывают их на Испании...

— А в Испании воюет в интернациональной бригаде старший брат Вукелича Славомир,— вспомнила Анна.

— Да?! — удивился Макс.
— Эдит сказала.
— Я бы тоже поехал,— после некоторого молчания отозвался он.— Сегодняшний бал настораживает. Германия склоняет Японию к союзу против СССР. Япония, мол, пойдет на Сибирь, Германия двинет свою армию на Центральную Россию. Хотят взять в клещи, сволочи. Война, по сути, уже началась в Испании.

— Не понимаю, почему немцы хотят воевать? Мало им войны четырнадцатого года? — Анна вопросительно поглядела на Макса.

— Воевать хотят не немцы, а те, у кого в руках все богатства страны, следовательно, и власть. А народ обманывают все так же, как и в четырнадцатом году: «Великая Германия», «Национальное самоопределение», «Единство всех немцев», и так далее. Кроме того, Гитлер разрешил открыто грабить евреев, инакомыслящих, пообещал всем богатые земли на Востоке и рабов, этих «славянских свиней», которые будут работать на них, немцев, представителей высшей расы. То есть развязал все темные инстинкты — грабь, убивай, насилуй, в ответе один я, Гитлер...

Макс умолк и задумался. Он сидел в кресле босой, в пижаме, приготовившись ко сну, и смотрел в одну точку. Казалось, он видит нечто такое, чего не видно ей, Анне.

В эти посленовогодние дни в городе чувствовалось особое оживление. Всюду говорили о войне с Китаем как о деле уже решенном. Многие из гражданского населения, подражая военным, были одеты в пиджаки и куртки военного покроя с прикрепленными к лацканам знаками фашистских и националистических организаций. По нескольку раз в день по радио транслировали националистический гимн «Кими га ё!».

Улицы вечернего Токио заливал ослепительный свет реклам. Всюду шла бойкая торговля. Рабочие, служащие, чиновники тратили свои премиальные, которые им выдали в конце года. Бесчисленные японские лавочки соревновались друг с другом в способах зазывания покупателей: били в барабаны, дудели, трещали трещотками, запускали граммофоны с записями американского джаза. Улицы были затоплены огромными толпами народа.

Анну тоже иногда влекло в эту пеструю мешанину людей торгового Токио. Она заходила в лавочки, универмаги, по-женски любопытная ко всякой всячине. Однажды пришла домой усталая и возбужденная, с маленьким смешным щенком на руках.

— Правда, хороший? — спросила она Макса, отпустив щенка на пол.— Эрдельтерьер...

Щенок испуганно дрожал и тоненько поскуливал. Он был светло-коричневый, с уморительной длинной мордой и маленькими светлыми глазками.

— Славный, славный,— ласково проговорил Макс и стал гладить щенка по волнистой шерстке.— Что это за фантазия пришла тебе в голову, Анни?

— Это не фантазия, Макс,— серьезно ответила Анна.— Просто мне с собакой будет удобней наблюдать на улице за домом, когда ты работаешь. С ней я могу гулять где угодно и выбрасывать ненужные тебе детали, когда ты чинишь аппаратуру.

— Ты умница, Анни,— сердечно проговорил Макс,— всегда только обо мне...

Поздно вечером зашел Рихард, чтобы отдать Максу срочное донесение. Это означало, что Макс будет всю ночь вести передачу в Центр.

У Рихарда был довольно утомленный вид, он устало опустился в глубокое кресло, не сразу найдя место своим длинным ногам.

Анна принесла кофе, и все трое уютно устроились за маленьким столиком.

— Видела, видела я вашу пассию,— шутливо сказала Анна Рихарду, намекая на фрау Терезу.

— А!..— махнул рукой Зорге.— Она мне до смерти надоела. Вы представить себе не можете, Анни, как я страдаю от одиночества. Теперь бы в Москву, к моей Катюше... Она получила комнату в новом доме. Я пытаюсь представить себе все это, но это не так-то легко...

По тону Рихарда больше, чем по его словам, Анна поняла, что он очень устал.

— Мне кажется, жизнь течет страшно медленно,— прихлебывая кофе, говорил Рихард.— Все-таки здесь очень трудно, да еще в одиночестве. Ведь когда все переживаешь вдвоем, как вы с Максом, все получается иначе.

— Как ты думаешь, Рихард, когда нам разрешат уехать отсюда? — спросил Макс.

— Не знаю,— честно ответил Зорге.— Дело в том, что никто не может нас здесь заменить, а международная обстановка настолько сложна, что наше присутствие здесь просто необходимо.

Он на минуту задумался. А когда заговорил снова, в его голосе уже не чувствовалось никакой расслабленности, в нем была холодная деловая решимость:

— Нам во что бы то ни стало нужно узнать планы фашистской Германии о выступлении против Советского Союза.

Нет, Рихард был не прав, когда сказал, что жизнь течет страшно медленно. Просто он тосковал по своей Кате. Для Анны события развивались с катастрофической быстротой. Информация нарастала. Антикоминтерновский пакт. Парламентские выборы, на которых фашисты потерпели поражение. Путч молодых офицеров, пытавшихся произвести государственный переворот. Мятежники убили министра финансов и ряд других влиятельных деятелей. Мятеж был подавлен, и к власти пришло новое, близкое к фашистам, правительство Хироты. Макс беспрестанно радировал в Центр. Анна охраняла его. Время от времени она выходила на улицу как будто бы гулять с собакой и осматривала все подозрительные места, где могли укрыться полицейские. Щенок подрос и превратился в солидного добродушного пса. Его назвали Джеком. «Ну, Джек, пошли погуляем»,— ласково говорила Анна, и пес начинал радостно лаять и визжать от восторга.

Иногда Максу приходилось работать целыми ночами. От нагрузки свет в комнате начинал мигать, и Анна завешивала окна плотными шторами. В комнате становилось так душно, что Макс вынужден был снимать с себя всю одежду и в таком виде работать. Анна предусмотрительно запасала в большом количестве холодное пиво.

Опасность пеленгации заставляла Макса вести передачи из разных квартир: из квартиры Бранко, Рихарда. Иногда он садился в машину и ехал далеко за город, чтобы оттуда вести передачу.

Эдит еще не уехала в Австралию,— в Мельбурне, где жила ее сестра, был период депрессии, и надежда на какую-нибудь работу там лопнула. С Бранко они жили как чужие, Макса Эдит встречала каждый раз с молчаливой

ненавистью, и он чувствовал себя в ее присутствии каким-то преступником.

Однажды глухой ночью, когда Макс работал у Бранко, Анна проснулась от страшного грохота и звона разбитых стекол. Ей показалось, что дом рушится. «Землетрясение!» — с ужасом подумала она и кинулась к окнам. На улице творилось что-то невообразимое: ураганный ветер валил деревья, гремел сорванными с домов крышами. А потом начался ливень, и в квартире случилось настоящее наводнение — вода лила с потолка, мутными потоками стекала по стенам. Анна в панике бегала по квартире, спасая вещи, за ней с лаем носился испуганный Джек. Потом погас свет, и квартира погрузилась в густую темноту. Было холодно и жутко. Нашлись какие-то старые огарки свечей, и при их трепетном свете Анна собрала вещи в чемоданы. Утром, когда пролетел тайфун, выяснилось, что с дома снесло часть крыши.

Наконец пришел Макс. Он рассказал о такой же катастрофе в доме Бранко. С Эдит случилась истерика — насилу успокоили, а потом начали вставлять стекла и наводить в доме порядок. Связь с Центром так и не состоялась.

Осмотрев квартиру, Макс решил, что придется искать другую.

— Нет худа без добра,— сказал он,— наконец-то мы избавимся от соседства с гвардейским полком!

Уставшая, измученная Анна улыбнулась ему сонной улыбкой.

Они наняли квартиру в другом районе, неподалеку от парка Уэно. Квартира мало чем отличалась от старой, а близость парка очень устраивала Анну.

На новой квартире к ним пожаловал полицейский, низенький плосконосый тип с узкими подозрительными глазами. Звали его Аояма. Он сразу же справился: есть ли у них прислуга? Узнав, что нет, вежливо, но настойчиво предложил взять ее и сам «любезно» потом прислал крепкую, молодую девицу, как видно, из крестьян. Анна объяснила ей, что свободной комнаты для нее у них нет, поэтому вечером она должна уходить домой.

Обычно Анна выпроваживала Хамако (так звали прислугу) пораньше, чтобы обеспечить Максу свободу действий.

Рихард все чаще заходил к ним, чтобы передать Мак-

су тексты телеграмм. Макс по ночам вел передачи. Радиограммы становились все длиннее. Однажды в телеграмме содержалось до двух тысяч слов. Макс передал сначала одну половину, а на следующий день — другую. Нагрузка была колоссальная, да еще приходилось уделять время делам «Инженерной компании Ф. и К.», поддерживать связи с шанхайской фирмой, поставляющей мотоциклы «Цундап».

Материала накопилось сто́лько, что пора было отправить его в Шанхай к курьеру Центра. И тут встал вопрос: кто же поедет?

— Я поеду,— решительно заявила Анна.

— Пожалуй, Анни права,— после некоторых колебаний сказал Зорге.

— Но там война! — заволновался Макс, и по страдальческому выражению его лица Анна увидела, как трудно ему согласиться с таким решением.

— Ничего, Макс, не волнуйся,— мягко сказала она,— я ловкая и сильная...

Зорге улыбнулся и дружески обнял Анну за плечи.

— Хотел бы я, чтобы меня любила такая женщина, как вы, Анни,— растроганно сказал он.

Для Анны составили вымышленную биографию: Юхлина Анна Георгиевна, дочь купца, имеет родственников в Шанхае, едет к ним в гости.

Анна зашила в тонкую тряпку фотопленки и повязала на животе под платьем. Ехала на японском пароходе. Все обошлось благополучно, женщин не обыскивали, только спрашивали, не везет ли кто запрещенных вещей, и осматривали багаж.

В Шанхае была в полном разгаре война. Японцы бомбили город с воздуха, обстреливали из орудий. В захваченных районах происходили грабежи, творились неслыханные зверства и насилия. С большим трудом, опасаясь быть убитой или ограбленной, Анна добралась до квартиры Кучимовых. Они рассказывали, как японцы состязаются в зверствах над мирным населением.

В тот же день Анна встретилась с курьером, сдала пленки. В Токио вернулась немецким пароходом.

На набережной перед ней остановился грохочущий и трясущийся как в лихорадке мотоцикл. На нем — Макс.

— Дня три уже встречаю,— крикнул он ей, устремляясь навстречу.— Из конторы прямо сюда! А сегодня немного замешкался...

— Все в порядке, Макс! — поспешила она успокоить его.

— Ты-то как? Я страшно волновался за тебя...

— Ну и напрасно! — несколько бравируя, сказала Анна.

Наконец Клаузен нашел для себя подходящее дело, которое позволяло ему свободно распоряжаться временем. Он случайно познакомился с одним немецким коммивояжером, который имел мастерскую по копированию с помощью светящихся красок. Он спрыскивал стеклянные пластинки разного формата этими красками и затем копировал книги. Макс пригласил его к себе и хорошо угостил. Они подружились, и коммивояжер открыл секрет своего производства, продав Максу краску по очень дорогой цене.

Вскоре коммивояжер надумал уехать в Германию, и Макс купил у него мастерскую, забрав свой вклад у Фёрстера. Ему удалось заинтересовать этим делом одного японца по имени Сиока-сан, связанного с книжным делом. Сиока-сан демонстрировал пластинки перед профессорами в университетах, показывал, как с их помощью копировать старые книги. Начали поступать заказы, и Макс организовал фирму «М. Клаузен — Сиока» с конторой в одном из билдингов в центре города. Фирма изготовляла и продавала прессы для печатания фотокопий на синьку, а также флюоресцентные пластинки. Макс связался с берлинской фирмой «Шеринг», которая стала поставлять ему краску по более дешевой цене.

Дело начинало приносить хороший доход. Фирма получала заказы от таких солидных японских фирм, как «Мицубиси», «Мицуи», «Накадзаки» и «Хитачи». Клаузен предложил Зорге отказаться от денег Центра.

— Организация может обходиться своими средствами, — сказал он Рихарду. — Каждый из нас имеет свой заработок на жизнь, а фирма обеспечит все расходы организации.

Зорге вполне с ним согласился.

С чисто немецкой скрупулезностью Макс определил бюджет своей семьи на месяц.

— Вот, Анни, наш лимит, посмотри, — передал он счет своему домашнему «казначею».

Анна серьезно его изучила: 175 иен за квартиру, 80 — на такси, 60 иен прислуге, 250 иен на питание и 370 — на одежду.

— Да мы с тобой капиталисты, Макс! — восторженно сказала она.— Куплю себе котиковое манто и кольцо с бирюзой.

Макс дико посмотрел на нее, закинул голову и расхохотался. Он смеялся до тех пор, пока она тоже не засмеялась. Потом лицо ее сделалось серьезным.

— Напрасно смеешься, Макс, мы теперь люди состоятельные и должны хорошо одеваться, ведь это тоже своего рода конспирация.

— Ты бесподобна, Анни! — продолжая смеяться, ответил Макс.

Солидная фирма давала Клаузену очень надежное прикрытие, и они с Анной были вне всяких подозрений. Фабрика находилась рядом с домом Клаузенов. Чтобы не выдать секрета, Макс опрыскивал красками пластинки сам. Он занимался этим один раз в две недели, и у него оставалось много свободного времени на организацию.

Международная обстановка становилась все напряженнее. Под видом антикоминтерновского пакта образовался Тройственный союз: «Берлин — Рим — Токио». Пакт давал возможность этим странам вмешиваться в дела других стран, якобы для оказания помощи в борьбе с коммунизмом. Германия открыто бомбила города Испании. Были варварски разрушены Герника и Альмерия. О жестокости этих разрушений трубила прогрессивная печать всего мира.

В немецком клубе открыто пропагандировали войну и прославляли Гитлера как величайшего вождя, которого когда-либо имели немцы. Говорили о «Срединной империи», которая объединит все страны Европы под главенством Германии. Фрау Этер внушала своим подопечным: «Женщина вообще — хранительница очага. Немецкая женщина — верная подруга воина».

Зорге все чаще забегал к Клаузенам с текстами радиограмм для Центра. Они с Максом подолгу обсуждали положение дел на Дальнем Востоке. Японские газеты трубили о том, что безопасность японской островной империи обеспечивается присоединением новых территорий.

Радиограммы становились все длиннее, и однажды от переутомления Макс свалился от сердечного припадка. Перепуганная Анна пригласила врача, пожилого, ироничного немца.

— Как давно у вас такое состояние сердца? — спросил он у Макса.

— Что вы хотите сказать? — насторожился Макс.

— Как давно вас осматривал какой-либо доктор?

— Лет десять тому назад.

— А-а! — Доктор покачал головой.— Ну, герр Клаузен, единственная вещь, которая может помочь вам, это — отдых и полный покой.

Он порылся в своем врачебном чемоданчике, вынул оттуда шприц, приготовил его и набрал в него какой-то жидкости из склянки.

— Давайте вашу руку, я сделаю вам укол.

Закатав рукав сорочки Макса, доктор сделал ему укол.

— Покой, только покой, и лед на сердце, если будет хуже,— строго сказал он Анне, складывая в чемодан все принадлежности.— Я поищу вам сиделку.

— Нет, нет,— бурно запротестовал Макс,— не выношу никаких сиделок, они мне действуют на нервы, заранее чувствуешь себя покойником.

— Но вам необходима сиделка,— настаивал врач.

— Не беспокойтесь, доктор,— вмешалась Анна,— я тоже сиделка, много лет проработала в госпитале, так что справлюсь сама.

— Тем лучше,— решил доктор. Уходя, он пообещал регулярно навещать больного.

Макс попросил не говорить Зорге о его болезни.

— Заменить меня все равно некому,— рассуждал он,— а события таковы, что отлеживаться некогда.

— Ну как же, Макс,— заплакала Анна,— ты так болен!

— Ничего! — как говорят русские,— отшучивался он.

— Разреши мне носить аппаратуру в условленное место,— попросила Анна.

Макс помолчал, обдумывая ее предложение, потом сказал одобрительно:

— Пожалуй, это ты хорошо придумала, дружище, спасибо тебе... Черт знает, свалишься где-нибудь с аппаратом на улице...

В течение трех месяцев врач не разрешал вставать Максу с постели, регулярно делая ему уколы. Зорге, ко-

лечно, узнал о его болезни и был страшно огорчен. Предлагал Максу поехать в горный санаторий, но тот наотрез отказался:

— Нужно работать, Рихард, без меня организация безгласна, а времена такие, что нужно быть начеку.

— Это само собой,— согласился Зорге,— но лучше бы отдохнуть.

Чтобы работать в кровати, Клаузен заказал в своей мастерской специальную полку. Анна научилась собирать и устанавливать передатчик, антенну. Лежа в постели, Макс готовил на этой полке радиопередачу. Затем Анна устанавливала возле кровати на двух стульях передатчик и приемник. Начиналась передача.

Зорге в это время приносил только самые важные сообщения. А после болезни все-таки настоял на том, чтобы Макс уехал на несколько недель в Арконе, на горячие воды в горах. Два раза в неделю Клаузен приезжал в Токио для работы.

Анна знала, что японская полиция следит за каждым шагом любого иностранца почти в открытую. Она долго думала, как сделать свои походы с аппаратурой в разные районы города вполне естественными и безопасными. Наконец придумала. Пошла на рынок, где продавали всякую живность, и купила полдюжины кур и петуха. Все это хозяйство она принесла домой в большой круглой плетушке с крышкой.

— Вначале пес, теперь куры,— озадаченно проговорил Макс.— Не думаешь ли ты завести и корову, Анни?

— Понадобится — заведу и корову,— с нарочитой бравадой ответила Анна, но тут же расхохоталась над его обескураженным видом.

Джек с любопытством обнюхал плетушку и улегся на безопасном расстоянии — мало ли что можно ожидать от этого загадочного вторжения.

— Ты только взгляни, какие куры, Макс.

Анна слегка приоткрыла крышку. Притихшие в темноте куры заволновались, Джек навострил уши.

— Куры что надо,— согласился Макс.— Жаркое будет отличное!

— Обжора,— рассердилась Анна.

С кухни прибежала прислуга и с чисто крестьянской деловитостью одобрила покупку.

Вечером, когда прислуга ушла домой, Анна объяснила Максу, зачем нужны куры.

— Для кур нужен корм, так?

— Так.

— Я беру чемоданчик с блоками радиостанции, сверху ставлю корзиночку, завязываю все это в платок-фуросики и еду искать корм для кур.— Анна победоносно посмотрела на Макса.

— Обратно возвращаешься с кормом! — докончил Макс.— Ну, Анни, поистине твоей изобретательности нет предела.

В Токио куры не редкость, они водились во многих японских домах. По утрам их выпускали на улицы как санитаров — они склевывали всякие отбросы. Поэтому куры Анны никакого недоумения у местных полицейских не вызвали. Полицейские иногда останавливались у дома Клаузенов, смотрели на породистых кур и восхищенно цокали языками. Польщенная хозяйка озабоченно справлялась у них, где бы ей купить корм для своих несушек. Полицейские давали адреса магазинов, с готовностью объясняли, как туда доехать или дойти. Анна горячо благодарила, а потом ехала с узелком в назначенное Максом место. Подобный узелок ни у кого не вызывал подозрений, так как японцы имеют обыкновение носить все в таких узелках. Постепенно местные полицейские привыкли, что Анна часто ходит с узелком, и перестали обращать на нее внимание. Они знали, что госпожа носит корм для своих кур. Возвращаясь домой, Анна заходила в лавочки, чтобы купить продукты, опускала узел с чемоданчиком на пол, на него сверху клала покупки, в общем, держалась так, будто ничего не опасалась.

— Осторожнее, Анни!— предупредил ее как-то Макс.— Все до поры до времени,— нарвешься на слишком любопытного полицейского.

— Полицейские ищут тех, кто прячется больше, чем надо,— успокоила она его.

Зорге, узнав о выдумке Анны, весело сказал:

— Женщина, оберегая любимого мужа от его врагов, бывает изобретательна и беспощадна.

Эдит с ребенком уехала-таки к сестре в Австралию. Бранко остался один в большом осиротевшем доме. Однажды не выдержал, пожаловался Анне:

— Не могу... Все время чудится, что меня зовет Рауль.

Его голос оборвался, и на глазах появились слезы. Иногда среди разговора он вдруг умолкал и при этом останавливал взгляд на какой-нибудь точке. В такие минуты Анна понимала, что мысли его далеко. Она пыталась развлечь его разговором, он ласково улыбался ей, но глаза оставались замкнутыми.

— Нелегко ему,— сочувственно говорила она Максу.

— Да уж, не позавидуешь! — соглашался он.

Последнее время на улицах города Анна наблюдала одну и ту же картину: проводы уходящих на фронт солдат и призывников. Процессии родственников, товарищей по работе, школьников, патриотических организаций сопровождали солдат и призывников от одного синтоистского храма к другому. Боги синто — воинственные, веселые боги. Все радостные события отмечаются в синтоистских храмах. Все печальные — в буддийских. Следовательно, проводы на фронт считались радостным событием. Призывники шли в красных шарфах, с яркими вымпелами в руках. Под хлопанье ладоней и громкие крики «банзай» пели воинственные песни. Провожающие сгибались в низком поклоне перед солдатами.

А жизнь становилась все дороже. Цены росли, как говорится, не по дням, а по часам. Все стало дефицитным. В магазинах исчезли многие импортные товары, а изделия из натуральных материалов заменились эрзацами.

— Думали, закончат войну в Китае инцидентом, да, видимо, подавились! — сказал однажды Зорге.— Япония слишком бедна ресурсами для такой войны...

Рихард все чаще оставался обедать у Клаузенов.

— Моя Онна-сан даже каракатиц перестала варить, говорит, исчезли, а в ресторанах подают такую гадость! — жаловался он, с аппетитом уплетая яичницу с салом.

— А куры-то выручают по всем статьям,— посмеивался Макс.

— Анни — наш добрый гений,— благодарно отзывался Рихард.

Анна с материнским чувством смотрела на этих двух больших мужчин и радовалась тому, что может скрасить им жизнь теплом домашнего очага.

Рихард посоветовал Клаузенам купить дачу где-нибудь

за городом, на побережье Тихого океана. Городская духота плохо действовала на Макса — сердечные приступы не прекращались.

Дачу купили в местечке Тигасаки в восточной части побережья. Маленькое бамбуковое бунгало с крошечным садиком, в котором буйно цвели красные азалии и лиловые глицинии.

Деревня Тигасаки раскинулась у подножия нависших зеленых гор. Июньская зелень сверкала своей новизной и, казалось, пламенела в ярких лучах солнца. В тени деревьев скрывались храмы под тяжелыми, ребристыми крышами, напоминавшими доисторических чудовищ. Сумрачные вулканические озера с пугающей мрачностью глядели из густых зарослей трав и цветов. По склонам гор лепилась зеркальная мозаика рисовых полей. Все вокруг было подавляюще красиво и дико. А впереди — беспредельная синь океана, золотой пляж, сосны на прибрежных скалах.

Мягкий климат побережья благотворно действовал на Макса, сердечные приступы совсем прекратились.

Иногда приезжал Зорге. Ему нравилось все — и деревня, и бунгало Клаузенов. Здесь он становился самим собой, отдыхал от двойной жизни.

«Вот она где, настоящая-то Япония! — восхищался он пейзажем и впадал в лирическое настроение.— Если удастся выбраться отсюда живым, буду считать, что побывал в раю. Трудно представить себе на земле более совершенную красоту!» Но Анна думала по-своему. Она любила степь, горячую, сухую, без конца и края раскинувшуюся в дрожащем, знойном мареве.

Рихард приезжал с новостями. Эйген Отт стал германским послом в Токио вместо Дирксена, который сменил Риббентропа в Англии. Отт предложил Зорге должность пресс-атташе посольства с окладом в пятьсот иен, но Рихард отказался.

— Почему? — изумился Макс. — Такие возможности...

— Возможности — да. Но я опасался излишней проверки — где-нибудь в архивах гестапо хранится-таки дело Рихарда Зорге.

— Да, это опасно,— согласился Макс.

— Я пообещал Отту неофициально занимать эту должность, без оклада. Мол, не хочу терять драгоценную свободу журналиста. Он согласился. Так что можешь поздравить меня, я теперь внештатный сотрудник посольства и

тайный советник посла Отта! — Рихард от души расхохотался.

— Здорово! — восхищенно сказал Макс.

Зорге диктовал Максу тексты радиограмм.

— Передавай не спеша, кое-что можешь пока отложить. Главное — не переутомляйся,— советовал он.

Но однажды приехал взволнованный — японцы собираются напасть на советское Приморье в районе озера Хасан. Нужно немедленно сообщить в Центр.

— Хотят затеять войну с СССР? — спросил Макс, бледнея.

— Прежде всего хотят сорвать военную помощь СССР Китаю и поднять свой пошатнувшийся международный авторитет,— ответил Зорге.

Эта весть взволновала и Анну,— война может затянуть их пребывание в Японии, а ей так хотелось поскорее домой!

— Как ты думаешь, Рихард, это надолго? — спросил Макс.

— Думаю, нет,— уверенно ответил Зорге.

— Тогда давай работать!

Запершись в рабочей комнате, они долго готовили телеграмму, а ночью Макс передавал ее в Центр. Мешал внезапно разразившийся тайфун. На улице лил дождь, ветки деревьев хлестали по окнам, и бамбуковый домик раскачивался от ветра. Макс промучился всю ночь, по нескольку раз передавая одно и то же. А утром свалился с жесточайшим сердечным приступом. Испуганная Анна побежала на станцию и позвонила лечащему врачу. Врач приехал очень быстро со своим чемоданчиком.

— Странно, странно...— бормотал он про себя, тщательно выслушивая больного.— Эти резкие ухудшения... Непонятно. У вас неприятности? — как бы между прочим спросил он Анну.

— Почему вы так подумали? — удивилась она.

— Только от чрезмерного нервного напряжения могут быть такие перепады.

Анна, пряча глаза от всевидящего взора врача, уверила, что все в порядке.

И снова лед, постельный режим, полный покой.

В конце июля японцы действительно совершили нападение на советских пограничников, но были разгромлены советскими войсками.

Зорге ликовал:

— И мы с тобой, Макс, кое-чего стоим! Но каков подлец Чан Кайши! Отблагодарил, что называется, Советский Союз за помощь. Как только японцы перешли советскую границу, он немедленно предложил им заключить мир, чтобы вместе бить русских!

В конце лета снова назрела необходимость ехать в Шанхай на связь с курьером. Кроме Анны, ехать было некому.

— Не волнуйся, у меня уже есть кое-какой опыт,— утешала она расстроенного Макса. Он проводил ее в порт и долго прощался, глядя на нее затуманенными тревогой глазами. У Анны тоскливо заныло сердце — увидятся ли вновь?

Пароход был японский, но это вовсе не исключало опасности. Анна знала, что опасность для нее существует все время, пока она не сойдет с парохода в Шанхае.

На пароходе собралась самая разнообразная публика: англичане в белых шортах и пробковых шлемах, молчаливые и важные китайские купцы в кремовых чесучовых пиджаках и белых панамах, малайцы, похожие на маслины, японские офицеры при всей амуниции, несмотря на жару.

Англичане держались обособленно, с независимостью хозяев. Их элегантные дамы в легких полотняных платьях целыми днями просиживали в шезлонгах под зонтиками, вытянув длинные ноги.

Нижняя палуба кишела японской солдатней. Оттуда слышался непрерывный гомон и смех.

На пароходе было жарко, как в печке, и все толпились на палубе, ловя прохладный морской ветерок.

Анна вела себя просто и свободно — не пряталась по своему обыкновению, раскланивалась с соседями по каютам. С боем разговаривала только по-немецки, так же и с теми, кто к ней обращался.

Море было на редкость тихим. Жаркие дни сменялись прохладными вечерами с луной, такой необыкновенной над морем. Все путешествие проходило благополучно, если не считать японские сторожевые корабли, встреча с которыми бросала Анну и в жар и в холод. Их пароход могли в любой момент остановить, а пассажиров обыскать. На этот раз Анна везла на себе много фотопленок, спрятанных под платьем. Но патрульные свой пароход не

задерживали, на это и рассчитывал Макс, заказывая ей билет на японский пароход.

То, чего она так боялась, случилось перед самым Шанхаем. По радио всех пассажиров попросили собраться в салон первого класса. «Вот оно!» — вся похолодев, подумала Анна.

В дверях салона стали два контролера-японца. Начали обыскивать мужчин. Их ощупывали, выворачивали им карманы. Особенно придирались к китайцам, которых заставляли вспарывать подкладку одежды и обуви.

Когда пропустили всех мужчин, пришли четыре японки и стали ощупывать женщин. Анна медленно, словно загипнотизированная, подвигалась к выходу. Старалась быть спокойной, но ноги в коленках дрожали, лицо горело так, словно горели волосы. Она всецело была занята мыслью, как спастись,— ведь трудность положения не исключала какого-нибудь выхода... Но мысли скакали вразнобой, и невозможно было сосредоточиться. Ее охватил невыразимый ужас. Все погибло! Макс. Рихард. Организация. Что делать?! Что?! И вдруг с ясной решимостью подумала: «Не даться в руки живой. Прыгнуть за борт в море». Сразу стало как-то легче, хотя внутри все дрожало.

Вот уже пропустили почти всех женщин. Осталось четверо — три англичанки и она, Анна. Англичанки громко роптали, и японки замешкались, не решаясь их обыскивать. Но главный контролер кивнул, и женщин стали ощупывать — бока, живот... Анна продвинулась поближе к выходу. Она вся напряглась, готовая к активному сопротивлению. Англичанок пропустили. Осталась одна она... В это время весь контроль двинулся внутрь салона. Японец, карауливший у выхода, крикнул что-то и указал на Анну. Но главный контролер махнул рукой: мол, пропусти. Японец поклонился ей и ушел. Анна чуть не задохнулась от радости, не знала, верить ей в такое чудо или нет. Через минуту охватила слабость. Она чувствовала себя так, словно из нее вытряхнули душу. По лицу ручьями лил пот, приходилось то и дело утираться платочком. На ослабевших ногах еле дотащилась до своей каюты и рухнула на койку.

Наконец пароход, продираясь между военных кораблей английского и американского флота, вошел в желтые воды реки Хуанпу. Анна благополучно сошла на берег и,

очутившись на набережной, почувствовала себя в полной безопасности.

Кучимова встретила ее тревожным возгласом:

— Как?! Вы осмеливаетесь путешествовать в такое время? Опять срочные дела фирмы? Что там себе думает ваш муж! Ах, мужчины, мужчины — легкомысленный народ...

«Интересно, что бы ты сказала, если бы знала, что я пережила?» — с внутренней усмешкой подумала Анна, сердечно целуя приятельницу. Она вручила ей японские подарки, передала тысячу приветов от Макса.

— Ну, задам же я ему перцу! — продолжала возмущаться Кучимова.— Пусть только заявится, я ему все выскажу, какой он эгоист...

— К чему, к чему, а к войне привыкнуть невозможно,— жаловалась позже Кучимова.— Мне кажется, война физически давит мне на плечи. Не живешь, а перемогаешься. Не поймешь, кто здесь против кого воюет. Недавно японцы разбомбили с самолета американский военный корабль. Вот шуму было в газетах! Англичан начали преследовать — избивают, бросают в тюрьмы. По-моему, все хотят нагреть руки в Китае, а Япония больше всех, вот и грызутся, как собаки из-за лакомого куска. Несчастная страна! Уехать бы куда... Но куда? Всюду жизнь одинаково трудна, а здесь вроде работа есть.

— А в Советский Союз не хотите? — шутливо спросила Анна.

— В Советский Союз? Да хоть сейчас! Но кто нас туда пустит...

На следующий день Анна встретилась в условленном месте со связным. В тот же вечер передала материалы.

Возвращалась домой на японском же пароходе без всяких приключений. Ей уже не страшны были ни сторожевые японские суда в море, ни контролеры. Она сделала свое дело. Максу решила не рассказывать о своем приключении, чтобы не переживал в следующую ее поездку. Прошлый раз он злился неизвестно на кого. Пусть будет спокоен. Она давно, вполне сознательно, считает себя полноправным членом организации, следовательно, должна делать свою долю работы. И если раньше она делала ее больше из-за любви к Максу, то теперь старается ради самого дела. Все-таки жизнь не обделила ее!

Она вернула ей родину и подарила настоящую любовь. Теперь она не понимала, как могут жить на свете женщины, не зная, что такое любовь, дружеское товарищество с любимым человеком.

Не успела Анна опомниться от поездки в Шанхай, как ей позвонила фрау Этер.

— Фрау Клаузен, вы так давно не были в клубе,— послышался ее укоризненный голос.— Вы здоровы?

— Да, да, конечно. Спасибо,— поспешно ответила Анна.— У меня был муж сильно болен.

— Очень сочувствую. А у нас большие новости: наш клуб теперь называется клубом японо-германской дружбы. Много работы. Так что приходите, мы вас ценим за активность.

— Непременно приду, фрау Этер,— как можно любезнее ответила Анна.— Признаться, я порядком соскучилась по немецкому клубу.

А про себя подумала: «Провалиться бы ему вместе с тобой», у Макса спросила:

— Что там за японо-германская дружба в немецком клубе?

— А! Да, да, Рихард говорил,— живо отозвался Макс.— Он там теперь завсегдатай. Собираются немецкие и японские фашисты, пьют пиво и сакэ, играют в скат и в открытую говорят о войне.

— Они давно говорят,— скептически усмехнулась Анна.

— Дело гораздо серьезнее, чем ты думаешь,— возразил ей Макс.— Пахнет военным союзом. К власти пришел барон Хиранума, ярый противник СССР. Помнишь мистера Кросби, который говорил про «тиски»? Мол, Япония с востока, а Германия с запада? Хиранума тоже думает о «тисках».

— Мистер Кросби еще спохватится! — снова усмехнулась Анна.— В Шанхае японцы уже нападают на англичан — мол, вон из Китая, избивают их, бросают в тюрьмы.

— Это интересно! Рихарду расскажи поподробней.

В первый же клубный день Анна действительно увидела Зорге в кругу японских журналистов.

Фрау Этер буквально набросилась на нее с кучей всяких поручений по организации очередного бала.

— Кому же, как не вам, дорогая, принимать деятельное участие? У всех дети...

И Анна принимала: выколачивала иены из расчетли-

вых немок то на покупку подарков для японских солдат, то на цветы, бегала по магазинам, закупала всякую всячину для лотерейного киоска. Фрау Этер была неистощима в своих выдумках. Один за другим следовали балы, вечера дружбы с выступлениями самых известных гейш Токио, которые развлекали публику пением и танцами.

В клубе царил культ Японии. Многие немки приходили в изящных кимоно, некоторые пытались вместо туфель носить гэта — деревянные скамеечки, но вскоре бросили эту затею — портится походка. Зато вошел в моду макияж «под японку» — черным карандашом удлиняли разрез глаз, красили волосы в черный цвет, мода есть мода, дай только повод.

Большой зал клуба убирали в японском стиле, чайные и закусочные буфета изобиловали японскими закусками: ломтиками сырой рыбы в сахаре, рисовыми колобками, скияки — жареным мясом.

В общем-то балы как две капли воды походили друг на друга: танцы, ларьки, крюшоны, лотереи, шумные сборища немецких и японских офицеров. Но за всем этим крылась определенная политика: воспитывать немецкую колонию в Токио в духе дружбы к Японии как к будущему союзнику Германии в войне против СССР.

Но однажды Анна вернулась из клуба в полном недоумении.

— Что случилось? — обратилась она к Максу.— В клубе ни одного японца, и фрау Этер хвалит советские колхозы! Прямо светопреставление какое-то...

— О, тут такие дела...— многозначительно проговорил Макс.— Советский Союз заключил с Германией договор о ненападении. Японцам это не понравилось. Они считают Гитлера предателем, мол, в самый трудный момент для Японии Германия вонзила ей нож в спину.

— Но ведь это здорово! — радостно воскликнула Анна.

— Что «здорово»?

— Войны с Германией не будет?!

— Как сказать...— неопределенно ответил Макс. Прошелся по комнате, остановился перед портретом Гитлера и снова задумчиво повторил: — Как сказать...

Зашел Зорге.

Весь вечер они с Максом говорили о том, что срок их пребывания в Токио кончается и хоть сейчас можно складывать чемоданы. Но обстановка такова, что уезжать

никак нельзя — заменить их некому. Следовательно, они должны остаться в Японии еще на неопределенное время.

— Как вы, Анни? Не возражаете? — Рихард посмотрел на нее очень серьезно. Она, не задумываясь, ответила:

— Как Макс, так и я.

Зорге молча поцеловал ей руку.

В ту же ночь Макс передал в Центр:

«Пока не беспокойтесь о нас здесь. Хоть нам здешние края крайне надоели, хотя мы устали и измождены, мы все же остаемся все теми же упорными и решительными парнями, как и раньше, полные твердой решимости выполнить те задачи, которые на нас возложены великим делом».

В связи с событиями в МНР на реке Халхин-Гол Анна снова собиралась в Шанхай. Нужно было везти документы и фотопленки. Пленки она, как обычно, зашила в тонкую тряпку и спрятала на себе под платье. Предстояло выполнить ряд поручений товарищей: Бранко попросил ее купить в Шанхае фотоаппарат «Лейку» — его фотоаппарат пришел в негодность, а в Японию, в числе других импортных товаров, перестали ввозить фотоаппаратуру. Кроме того, в Шанхае нужно было приобрести части к передатчику.

Пароходы в Шанхай стали ходить нерегулярно, и Анну решили отправить на самолете.

Фирма «Клаузен — Сиока» выполняла кое-какие заказы для военного ведомства, и билет на самолет Макс достал без особого труда через это ведомство.

Было раннее утро, когда Макс и Анна прибыли на аэродром. При расставании они внимательно посмотрели друг на друга. Глаза Макса были затуманены тревогой.

— Смотри там, будь умницей...— тихо проговорил он.

— Не беспокойся,— бодро ответила Анна.— Не впервой... все сделаю как надо.

— Подальше прячь детали к передатчику.

Она кивнула с молчаливой улыбкой.

Пассажирами были почти одни военные — японские генералы, офицеры. Место Анне досталось у самого иллюминатора. Забросив на сетку свое пальто и ручной саквояж, она решила спокойно вздремнуть в дороге. Но

ее внимание остановил толстый, коренастый генерал, который навис над ней, усаживаясь на соседнее место.

Увидя молодую даму, генерал учтиво поклонился, с шипением втягивая в себя воздух.

«Какое знакомое лицо...— подумала Анна.— Где я его видела? Эти кустистые брови, раскосые глаза...» Она заволновалась, ей почему-то обязательно нужно было вспомнить, при каких обстоятельствах произошла когда-то встреча с этим человеком. С ним была связана какая-то опасность. И не могла заставить себя быть спокойной и безразличной, пока наконец не вспомнила... Дайрен. Русское кладбище, где покоится прах героев Порт-Артура. Возглас Макса: «Смотри, это генерал Дохихара! — глава японской разведки. Запомни его!» Сердце сразу провалилось куда-то вниз: конечно же это Дохихара!

Самолет поднялся в воздух. Стюардесса, очень милая японская девушка, начала разносить завтрак. Генерал любезно, все с тем же шипением, помог Анне поставить на откидной столик поднос с завтраком.

Кусок не лез ей в горло, хотя всеми силами старалась держаться как можно непринужденнее. Про себя думала: «Судьба смеется надо мной, подсовывая такие сюрпризы».

Когда завтрак кончился и подносы были убраны, генерал достал из портфеля журнал с красочной обложкой и протянул Анне:

— Дозоо (пожалуйста).

— О, данке шён, данке шён,— дрожащим голосом пролепетала Анна.

Это был иллюстрированный журнал с видами Японии. Анна листала его, закрыв им лицо, чтобы генерал не заметил ее волнения. Мысль, что рядом с ней сидит глава японской разведки, парализовала ее, повергала в ужас. А минутами ей становилось смешно. Надо же, какое стечение обстоятельств! Нарочно не придумаешь. Рихард с Максом не поверят.

Решив, что она немка, Дохихара удвоил к ней свое внимание. Когда самолет приземлился на шанхайском аэродроме, он предупредительно достал с сетки ее саквояжик и пальто, любезно помог одеться. На прощанье раскланялся, сказал по-немецки:

— Спасибо за приятное общество.

Анна постаралась ответить ему самой очаровательной улыбкой.

Шанхай был полностью оккупирован японцами, в го-

роде установилась относительная тишина. Анна благополучно встретилась с курьером, купила все, что требовалось, даже радиодетали. Фотоаппарат для Бранко она передала, как было условлено, во французское посольство по данному ей адресу.

Старший сын Кучимовой купил ей билет на японский пароход, проводил ее. Не знала она тогда, что виделась со своими друзьями последний раз.

Радиодетали спрятала в банку с печеньем и оставила ее открытой на столе каюты парохода. Несколько таких же банок с печеньем она положила закрытыми в общий багаж. Закрытые банки привлекли внимание контролера, он спросил, что в них находится. Анна спокойно кивнула на открытую банку, из которой только что взяла печенье, и сказала, что в остальных банках то же самое. Ее оставили в покое.

Лето сорок первого года выдалось необычайно ранним и жарким. Беспрестанно лили дожди, и в Токио нечем было дышать. Сердечные приступы у Макса участились. Анна умоляла его уехать в Тигасаки, он сопротивлялся, ссылаясь на срочность работы. С началом второй мировой войны в Европе количество информации резко возросло, и Максу приходилось целыми ночами вести длиннейшие передачи. Опасаясь пеленгации, он переходил с квартиры на квартиру, Анна переносила радиоаппаратуру. Радиограммы были такими длинными, что Максу приходилось передавать их в два, три приема.

С некоторых пор в дом Клаузенов повадился ходить районный полицейский Аояма. Он приходил обычно в то время, когда Макса не было дома, снимал у порога свои башмаки, уютно и надолго устраивался в кресле и заводил с Анной разговор о всякой всячине. Нудно, словно жуя солому, рассказывал какую-нибудь историю или расспрашивал Анну о незначительных пустяках. Анна для виду поддерживала разговор, а сама потихоньку наблюдала за полицейским, за его бегающим по комнате взглядом: что ему надо? Зачем он приходит к ней чуть ли не каждый день и часами разглагольствует, не считаясь с ее временем?

Однажды за обедом сообщила об этом Максу и Рихарду. Рихард слегка нахмурился, быстро взглянул на Макса, сказал беспечным голосом:

— Не обращайте внимания, Анни, этот полицейский просто дурак. Ему скучно торчать на посту, жарко, а тут он отдыхает в прохладе. Как говорит русская пословица: солдат спит — служба идет.

Рихард произнес пословицу по-русски, и Анна невольно рассмеялась. Однако от ее внимания не ускользнул ни его быстрый взгляд, которым он перекинулся с Максом, ни нарочито беспечный тон. Она затаила тревогу. Уж не следят ли за их квартирой? Не засекла ли их служба пеленгации? От таких мыслей холодело в груди.

Они по-прежнему вели передачи из разных мест. Анна ехала в назначенное место с узелком-фуросики, в котором была спрятана аппаратура, а через некоторое время вслед за ней приезжал Макс.

В середине мая, после очередного сердечного приступа у Макса, Анна все же уговорила его уехать в Тигасаки. Но это не избавляло Макса от напряженной работы.

Однажды Зорге пришел со станции сильно запыхавшийся, и наметанный глаз Анны сразу заметил, что что-то произошло. Рихард выглядел очень встревоженным, и голос его слегка охрип от быстрой ходьбы. Он не шутил, как обычно при встрече с Анной, а сразу прошел с Максом в его рабочую комнату. Позже отказался даже от обеда и очень быстро уехал.

Анна долго ждала Макса в столовой, не дождавшись, заглянула к нему в комнату. Он сидел на стуле, уставившись в одну точку.

— Что случилось, Макс? — тревожно спросила она.

— Плохие дела, Анни...— тихо ответил он, поднимая на нее какие-то больные глаза.

А жизнь продолжалась. Год тому назад Бранко Вукелич женился на японской девушке, журналистке Иосико Ямасаки. У них родился сын Хироси. Бранко был счастлив. Несмотря на тревожное время, он весь так и светился счастьем. И может быть, Анна лучше других понимала его, пройдя через собственный опыт неудачной жизни с Валениусом.

Рихард писал книгу о Японии. Недостаточно хорошо владея японским, он взял себе в помощницы молодую секретаршу Исии Ханако, владеющую английским. Исии переводила для него нужные материалы. С какой-то без-

дежной тоской и отчаянием Рихард иногда говорил с Анной о своей Кате.

— Прошлый год осенью мы собирались поехать с ней в отпуск вместе. Куда-нибудь на юг, к морю...— мечтательно говорил он. И, словно оправдываясь перед самим собой, перед Анной, жаловался: — Не мог я сдержать своего обещания, не мог... Но я верю, что скоро мы с ней увидимся, если, конечно, она захочет меня видеть после стольких лет разлуки...

Что могла сказать ему Анна? Какие слова утешения? И вообще, вырвутся ли они когда-нибудь отсюда? Во всяком случае, мало верилось в скорую встречу Рихарда с его Катей.

В немецком клубе вновь возобновилась дружба между японской и немецкой военщиной. Но фрау Этер больше не произносила горячих речей в защиту войны, не прославляла обожаемого фюрера,— в Польше погибли оба ее сына. Она по-прежнему активно участвовала во всех мероприятиях, носила какие-то необыкновенные вещи, которые прислали ей сыновья в качестве трофеев с фронта, но во всем ее облике чувствовалась глубокая, трагическая усталость, будто из нее выпустили воздух. Однажды призналась Анне:

— Лучше уж не иметь детей, как вы, чем терять их...

«А как же насчет их счастливого будущего?» — чуть не спросила Анна, но смолчала, щадя поверженного врага. Только посмотрев на бриллианты, сверкавшие в ушах фрау (подарок сыновей с фронта!), подумала о возмездии.

В клубе царило заметное оживление. Горячо обсуждались дела третьего рейха, и говорили о возможности войны с Советским Союзом.

Каждый день Анна трепетной рукой отрывала очередной листок календаря.

А 22 июня все вечерние газеты — «Асахи», «Майнити» и другие — на первых полосах извещали о войне. «Германо-советская война!» — кричали огромные, черные иероглифы заголовков. Токийское радио каждые пять минут вперемежку с маршевой музыкой сообщало о наступлении немецких войск, о налетах авиации на советские города.

— Ух, как жаль, что я не могу сейчас быть там, на фронте, чтобы своими руками...— Макс в бессильной ярости сжимал кулаки.

— Я не верю в победу фашистов! — убежденно говорил Рихард.— Историю нельзя повернуть вспять.

Но все сознавали, что Советский Союз в опасности, и мучились от бессилия чем-нибудь помочь.

В немецком клубе было сплошное ликование, все точно с ума посходили — обнимались, целовались, поздравляли друг друга с успешным наступлением немецких войск на советские территории. Немки вихрем налетали на Анну, тискали в жарких, потных объятиях, захлебывались словами радости и восторга. Анну била нервная дрожь от этих бурных излияний, к горлу подступал истерический крик. Но приходилось улыбаться, хотя ее улыбку искажала гримаса плача.

— Что с вами, фрау Анна? — недоуменно спрашивали немецкие «муттер».

— Это от радости...— смахивая невольную слезу, отвечала Анна.

Они вернулись в Токио. Зорге сказал, что в такое тревожное время лучше быть всем в сборе. Боялись нападения Японии на Советский Союз. По циркулировавшим слухам, вся Квантунская армия приведена в боевую готовность и ждет сигнала, чтобы ринуться «на север». На площадях города в открытую происходили учения. Новобранцы учились поражать штыками соломенные чучела, на груди которых были прикреплены красные звездочки. Они с ревом кидались на чучела, стараясь точно в звездочку поразить цель. Анну пугала их воинственная ненависть к мнимым красноармейцам, их готовность умереть за своего божественного императора.

А полицейский Аояма по-прежнему продолжал заходить к ней в отсутствие Макса. И если раньше он вел себя с некоторой долей нахальства, то теперь был иезуитски вежлив, долго кланялся, шипел, растягивая в улыбке толстые губы.

— Гитлер — великий человек! Большевикам теперь капут,— говорил он, и его хитрые, узкие глазки вонзались в Анну, как два блестящих отточенных лезвия.

Анне хотелось закричать, затопать на него ногами, но она вынуждена была поддакивать ему и улыбаться. «Издевается? Или хочет мне, как немецкой гражданке, сделать приятное? — думала, холодея от страха.— Хоть бы уехать куда... Чего они медлят?»

Однажды невольно подслушала разговор между Максом и Рихардом. Вернее, конец какого-то разговора. Говорил Рихард:

— Ты знаешь, Макс, нам отсюда уже не выбраться... [illegible] остается только успешно работать до конца, если [illegible]йдут какие-нибудь решающие изменения, для того [illegible] мы все-таки победили!

Потом отрывочная фраза:

— ...и ты поговоришь с Анни ..

Анна на цыпочках прошла мимо двери кабинета в [illegible] спальню. Тихо присела на кровать. «Не выбраться? Что Рихард имел в виду? — [illegible] она догадкой.— Переждать войну в Японии? И о [illegible] со мной нужно поговорить?»

За обедом обсуждали [illegible] вопрос: нападет Япония на СССР или нет? [illegible]т, то когда это может случиться?

— Нужно спросить [illegible] — пошутил Макс.

— Спросим и у [illegible] бодро ответил Зорге.— За нами не заржавеет! Пра[illegible] я говорю по-русски, Анни?

— Совершенно прави[illegible], — без тени улыбки ответила она, накладывая на большое блюдо пирожки.

— А наша хозяйка сегодня что-то невеселая,— заметил Зорге.— Опять приходил полицейский?

— Приходил.. — нехотя сказала Анна.

— Хочешь избавиться от этого типа? — обратился к ней Макс.

— Конечно, хочу! Но как?!

— Уезжай в Шанхай. Я приеду несколько позже.

— Да, Анни,— подхватил беспечным тоном Зорге,— почему бы вам не уехать в Шанхай? У вас, кажется, есть там друзья...

Анна смотрела на них во все глаза: чего удумали, а?! Чтобы она в такое время бросила Макса одного, а сама спасала свою шкуру?

— Нет! — решительно заявила она.

— Все же будет лучше, если вы уедете, Анни,— мягко, но настойчиво повторил Рихард.— Вы считаете себя членом организации?

— Да, конечно! Добровольным, не забывайте...

— Все равно вы должны подчиняться приказу.

— Делайте со мной, что хотите, но этот приказ я выполнять не буду...— Помолчала секунду, усмехнулась:— Чепуха какая-то...— Голос ее оборвался, на глазах выступили слезы.

Мужчины растерялись.

— Ну хорошо, хорошо,— поспешно ретировался Ри-

хард.— Поступайте как знаете, в конце концов! — В его голосе звучало недовольство. Но губы тут же дрогнули улыбкой: — Этого и следовало ожидать!

Все облегченно засмеялись. Рихард принялся за пирожки.

— О, русские пирóги! — смешно делая ударение на «о», воскликнул он по-русски.— Русские пирóги — это вещь!

— Пи-ро-гѝ,— поправила Анна.

— Спасибо, Анни. С вашей помощью я овладею русским языком. Когда приедем в Советский Союз, буду заказывать вам пироги.

Лето подходило к концу, наступило осеннее полнолуние, но жара не спадала, даже от луны как будто разливался зной. Клаузены все лето прожили в городе, их домик в Тигасаки пустовал.

Жили только одним: как идет война в Советском Союзе. Вести были неутешительными. Токийское радио вопило о падении Смоленска, Киева, о блокаде Ленинграда. Фашисты рвались к Москве.

По радио в открытую говорили о том, что, как только Москва падет, Япония выступит против СССР на Дальнем Востоке. Газеты изображали дело так, что агрессором является не Германия, а Советский Союз. «Стараясь привлечь на свою сторону СССР, европейские демократии надеялись, по-видимому, предотвратить войну. Но руководители политики СССР предпочли войну, несомненно надеясь, что в результате ожидающихся потрясений вновь подымется призрак мировой революции!»

— Как бы узнать действительное положение на фронтах,— меряя шагами комнату, говорил Макс.— Что бы они тут ни болтали, а «блицкриг» провалился! Значит, советские войска держатся!

Но иногда Макс впадал в мрачное уныние.

— Над миром нависла большая опасность, Анни, фашизм — самая черная страница в истории человечества. Некоторые сравнивают его со средневековым варварством. Куда там! В средневековье сжигали отдельных людей, так называемых «еретиков», а германский фашизм хладнокровно истребляет целые города невинных людей.

— Какая еще дикая на земле жизнь,— «философ-

...вала» Анна.— Люди убивают друг друга, из-за че... Чтобы властвовать.

— Их заставляют убивать, Анни.

— А почему они подчиняются? Их же много. Скрутили бы всех негодяев, сказали бы: «Нет!»

— Может, когда-нибудь так и случится,— серьезно отвечал Макс.

И только Зорге не поддавался никакой панике. Несмотря на жару, он всегда выглядел бодрым и энергичным. Анна восхищалась его самообладанием. От него они узнавали точную информацию о войне в Советском Союзе.

— А гитлеровцы-то завязли под Москвой! Так-то... Бьют их и в хвост и в гриву! Вот тебе и молниеносное наступление,— весело сказал зашедший к ним Рихард.

Сообщение Зорге несколько ослабило душевное напряжение. Выпили немножко за победу и тихонько спели «Катюшу», любимую песню Рихарда.

— Считаю, что мы здесь сделали все, что было в человеческих силах. Пора нам позаботиться о собственной безопасности,— как бы подводя итоги, сказал Зорге.— Конечно, всем сразу покидать страну нельзя, это вызовет у полиции подозрение, и нас снимут с первого же парохода или самолета. Будем рассеиваться постепенно. Ты, Макс, как торговый человек, свободный коммерсант, можешь сослаться на какой-нибудь выгодный контракт и уехать в Китай, а оттуда — во Владивосток. Устраивает?

— Вполне! — обрадовался Макс.— А ты, Рихард? Куда ты?

— У меня грандиозные планы. Как ты думаешь, Макс, насчет того, чтобы поработать со мной в Германии? — загадочно спросил он.

— Очень положительно, Рихард! — живо ответил Макс.

— У него есть покровитель,— вспомнила Анна, не поняв смысла их разговора.— Мистер Кросби, который предлагал ему работу в Берлине.

— Дался тебе этот Кросби! — засмеялся Макс.

...Они явились в дом рано утром. Их было двое: знакомый Анне полицейский Аояма и с ним еще один из управления, противный тип с вывороченными губами.

— Муж дома? — после краткого приветствия спросил Аояма.

— Зачем он вам понадобился в такую рань? — удивилась Анна.

— Спит, значит? — усмехнулся полицейский.

— Спит.— Она указала наверх:— Разбудить?

Аояма не ответил. Прямо в ботинках быстро стал карабкаться наверх, в спальню. Анна удивилась — обычно он оставлял обувь у порога. Вопросительно поглядела на второго полицейского. Его скуластое лицо осклабилось в улыбке: ничего, мол, особенного. Он зевал, ерзал на стуле, всем своим видом выражая скуку и равнодушие, но глаза его неотрывно следили за Анной. Ей стало страшно. «Все это неспроста»,— тревожно подумала она.

Сверху спустился Макс и полицейский Аояма. Макс выглядел несколько обескураженным.

— Говорят, я накануне сбил своим авто какого-то мотоциклиста,— обратился он к Анне.— Вызывают в полицейское управление для выяснения дела...

— Да, да,— подтвердил Аояма.— Он скоро вернется. И они ушли.

Поведение полицейских показалось Анне очень подозрительным. Аояма был всегда любезен, а сегодня едва кивнул и чуть ли не бегом устремился наверх. Второй полицейский явно сторожил ее, чтобы она куда не ушла... Анна заволновалась. Она вдруг ясно осознала опасность. Конечно же частые посещения Аоямы за последние три недели как-то связаны с сегодняшним днем, а история с мотоциклистом лишь предлог. «Случилось что-то ужасное,— подумала она,— нужно спрятать сундук с аппаратурой и что-то сделать с документами...»

Анна поспешила к лестнице, ведущей наверх, но тут с грохотом распахнулась входная дверь — и в прихожую вломились полицейские. Один из них бросился к ней, поймал за руку, тут же подскочили другие полицейские и вцепились в нее, крепко держа, словно какое-то чудовище.

Они трясли ее за плечи, громко допытывались, нет ли в доме адской машины.

— Нет,— сказала она, взволнованно думая в это время о Максе. «Значит, его забрали... А у него плохо с сердцем».

Полицейские осторожно приступили к обыску. Их

набилось в квартиру не меньше двадцати человек во главе с прокурором.

Высокий, тщедушный прокурор, со странно маленькой, вытянутой головой на тонкой шее, смешно подпрыгивал и тыкал своими кулаками в лицо Анны.

— Говори правду, я тебе покажу! — верещал он.

Полицейские открывали шкафы, чемоданы и вот открыли сундук, в котором была спрятана радиоаппаратура, фотоаппарат и деньги. Прокурор издал торжествующий клич и прыгнул к сундуку.

— Назад! — властно крикнул пожилой коренастый сержант.— Возможно, заминировано,— объяснил он прокурору.

Все замерли на месте и словно онемели. Анна увидела, как побелели их физиономии, превратившись из желтых в зеленые. Они долго молча смотрели друг на друга, даже руки Анны отпустили. Она мигом воспользовалась их замешательством: прислонилась спиной к шкафу, загородив маленький выдвижной ящичек, где хранились катушки с фотопленками.

— Так и будем стоять? — нетерпеливо сказал прокурор сержанту.

Тот осторожно приблизился к сундуку и начал тщательно его обследовать. Пот градом катился по его лицу. Анна не без любопытства наблюдала всю эту сцену. «Шакалы трусливые»,— презрительно думала она.

— Можно осматривать,— сказал наконец сержант, вытирая лицо бумажным платочком.

Все ожили, словно марионетки, которых дернули за веревочки. Прокурор первый прыгнул к сундуку.

— Те-те-те...— заверещал он, осматривая содержимое сундука.— Несите все в машину,— распорядился он и снова приступил к Анне.— Говори, где спрятано остальное? — прокричал он громко и отрывисто.

Анна как можно спокойнее ответила:

— Больше нигде ничего нет.

— Говори! — ревел прокурор.— Дальнейшее укрывательство не поможет, мы все знаем и все равно все найдём.

Анна молча пожала плечами — ищите, мол.

Прокурор попрыгал возле нее и, ничего не добившись, отстал.

Полицейские забрали все, что нашли, и уехали, оставив в квартире засаду из четырех человек.

Было это 18 октября 1941 года — в день рождения императора Японии Хирохито, большого национального праздника.

На ночь Анне приказали оставаться в спальне и не выходить в другие комнаты. Прямо в одежде, до смерти измученная, но внутренне натянутая, как струна, свалилась на кровать. У открытой двери в кресле устроился полицейский.

«Катушки с пленками... Надо уничтожить во что бы то ни стало...» — лихорадочно думала она. Лежала тихо, не шевелясь, и сквозь опущенные ресницы зорко наблюдала за полицейским. Вскоре он начал клевать носом, испуганно вздрагивая при каждом шорохе. Наконец голова его беспомощно свесилась на грудь — он крепко спал. Внизу, вероятно, тоже спали. В доме стояла мертвая тишина. Анна тихо поднялась с кровати и, замирая от страха, стала пробираться по своей квартире, как по темному лесу, полному хитрых и хищных зверей. Через вторую дверь, которая вела в ванную и туалет, прокралась в комнату, где лежали катушки с пленками. В ящике она обнаружила какую-то бумагу, подписанную Рихардом. Забрав пленки и бумагу, быстро проскользнула в ванную. Бумагу порвала на мелкие кусочки и спустила в унитаз, а катушки с пленками запихала в газовую колонку. Зажечь не успела, наверное, шум воды в туалете разбудил полицейского. Он быстро вскочил с кресла и резко распахнул дверь ванной комнаты. Увидя Анну, шарахнулся обратно и снова уселся в кресло.

Ночь длилась невероятно долго. По полу медленно крался лунный свет. Было жутко и ужасно тоскливо. Анна думала о Максе. Где он теперь? Куда его увели? В какую бросили тюрьму... Она была наслышана об ужасах японских тюрем, о жестоких пытках, которые там применяли. При мысли, что Макса подвергают пыткам, ей делалось дурно.

Две недели Анну день и ночь охраняли в квартире полицейские. Иногда в дом заходил Аояма. Она пыталась узнать у него что-нибудь о Максе, но он молча крутил головой: мол, ничего не знаю.

Неизвестность совсем измучила Анну. Она почти не

спала по ночам. Безумная тревога за Макса истерзала ее. Она обращалась то к одному полицейскому, то к другому, надеясь хоть по каким-нибудь намекам узнать что-то о Максе, но они лишь грубо хохотали над ней, издевательски приговаривая:

— Всех вас пук, пук — и в яму...

Через две недели охрана покинула дом, но обыск производился целый месяц. Полицейские с фотоаппаратами снимали все подряд. Специалисты в лупу рассматривали все предметы, каждую бумажку, искали отпечатки пальцев посторонних людей. Когда эксперты просмотрели все, что нашли нужным просмотреть, полицейские начали увозить кое-что из квартиры. Увезли электропатефон, радиоприемник, все книги.

А утром 17 ноября пришла новая группа полицейских. Они были в форме и при саблях.

«За мной,— вся похолодев, подумала Анна. Ею вдруг овладело странное спокойствие.— Может, увижу Макса...» — мелькнула благая мысль. Ради этого она отправилась бы куда угодно, хоть к черту в пекло.

Все же, когда одевалась, руки противно дрожали, а ноги стали как ватные, зато голова работала ясно, отчетливо.

Под конвоем полицейских Анна медленно сошла вниз. На улице ждала машина.

Ее привезли в полицейское управление и черным ходом куда-то повели.

— Куда вы меня ведете? — сопротивляясь грубым тычкам полицейских, спросила Анна.

— Сейчас узнаешь...— хмыкнул низенький, кривоногий полицейский, похожий на краба.

Перед темной дырой подвала полицейские расступились и толкнули Анну на узкую каменную лестницу. Она чуть не упала, поскользнувшись на мокрой, осклизлой ступеньке. Внизу чернела жуткая тьма. Где-то глубоко-глубоко слабо светилось желто-красное пятно электрической лампочки. Снизу веяло затхлой, промозглой сыростью. Холодная дрожь пробежала по телу Анны. «Господи, спаси и помилуй»,— непроизвольно прошептала она, инстинктивно схватившись за руку полицейского.

— Испугалась?! — насмешливо сказал грубый голос.— Ну, иди, иди...

Ступеней было довольно много, они спускались и спускались, пока не уперлись в дверь. Один из полицейских

открыл ее, и Анна очутилась в полутьме. Рядом, лязгая саблями, молча сопели полицейские, ждали, наверное, как она будет реагировать на обстановку.

Только через несколько минут Анна могла разглядеть, что находится в яме. По обеим ее сторонам у стенок чернели клетки, а в них, плотно друг к другу, сидели люди. При виде Анны и полицейских они не издали ни единого звука, словно были не люди, а каменные изваяния. Только глаза их слабо мерцали в красноватом сумраке. Это было так страшно, что Анна невольно попятилась к двери. Ее с грубым хохотом толкнули обратно и начали срывать с нее платье, белье, туфли, чулки... Кто-то запустил свои пальцы в ее волосы и, дико визжа, растрепал их. Остальные глумливо хохотали.

Полуживую от страха ее втолкнули в камеру, бросив вслед только белье. Дверь захлопнулась, загремел замок. Анна задохнулась от нестерпимого зловония. Казалось, от вдоха в груди остался осадок. Осмотрелась. Камера была маленькая, темная. Под самым потолком скупо светилась лампочка. На каменном полу, посредине лежала мокрая, прогнившая циновка. В дальнем углу была дыра — параша. Анна долго стояла без движения, к горлу подступала тошнота, дышать было абсолютно нечем. Ее охватило безграничное отчаяние. «Это конец»,— подумала она и почти без чувств рухнула на мокрую циновку. Ее трясло как в лихорадке, голова горела. Слезы сами собой текли по щекам. Это приносило ей какое-то облегчение.

«Что же я плачу? — спохватилась она.— Разве не предполагала, что так может случиться?» Пусть конец, она ни о чем не жалеет. Все было правильно. Ее жизнь не прошла даром. Она изведала большое, настоящее счастье — счастье любви, своей причастности к большому, справедливому делу.

Со злорадством вспомнила, как ей удалось под самым носом полицейских, охранявших ее, уничтожить восемь катушек снимков и какую-то бумагу, подписанную Рихардом.

Постепенно она впала в забытье...

Грезилось ей небо, блеклое от зноя, в нем плавают словно застывшие птицы, а внизу струится, колышется горячий воздух. Зной палит ее, и она жадно пьет ледяную воду из кувшина, который держит в руках смеющийся Макс.

Весь день ей не приносили ни еды, ни питья. Да она не смогла бы и есть — от дурного воздуха ее мутило. Хотелось пить.

Поздно вечером загремела дверь. Вошли двое полицейских.

— Встать! — раздался над ней повелительный голос.

Анна попыталась встать — ноги не слушались.

— Симулянтка! — взвизгнул тот же голос, и нога в тяжелом ботинке больно пнула в бок.

Грубые руки подхватили ее под мышки, пытаясь поставить на ноги. Она не смогла сделать ни шагу — ноги были словно не ее, голова кружилась, все кувыркалось перед глазами.

«Заболела»,— в страхе подумала она.

Босую и раздетую ее поволокли наверх по грязной мокрой лестнице. Втолкнули в ярко освещенную комнату, полную жандармов. Анна увидела уже знакомого прокурора. Его глаза пристально остановились на ее лице, а рот искривился насмешливой, злой улыбкой.

— Надеюсь, теперь ты будешь сговорчивей? — произнёс он начальственным тоном.

Ее усадили в облезлое, жесткое полукресло. Лица полицейских колыхались перед глазами, расплывались бесформенными пятнами. Один из них приблизился к ней и стал ее осматривать. Оттянул веки, пощупал пульс, потрогал руки и ноги. Это был полицейский врач.

— Ничего не выйдет,— обратился он к прокурору.

Снова ее стащили в яму, бросив вслед какую-то подстилку. Это была почерневшая, старая циновка. Она упала на нее, словно подкошенная, и, задыхаясь, потеряла сознание.

...И снова ей виделась степь, охваченная огнем заката. Она бежит навстречу Максу, раскинув руки. Ветер всклокочил ее волосы. Какой он горячий, этот степной ветер!

— Макс! — кричит она.— Макс!

Он не видит и не слышит ее, уходит все дальше и дальше, к той черте горизонта, за которую закатилось раскаленное огромное солнце. Но она не могла его потерять, не могла! С последним отчаянием позвала:

— Макс! Макс!

Он не оглянулся. И тогда она, задохнувшись от быстрого бега, упала в жесткую степную траву и зарыдала горько и безутешно.

Очнулась от какой-то боли. Перед ней на корточках сидел полицейский врач.

— Все в порядке,— сказал он, поднимаясь.— Шесть уколов привели ее в чувство. Можно брать.

Ей бросили платье, велели надеть и вновь потащили на допрос совершенно больную и разбитую.

Полицейские во главе с прокурором (его фамилия была Иосикава) приступили к допросу. Анна не могла выговорить ни слова: язык словно присох к гортани. И немудрено: ей три дня не давали ни пить, ни есть.

Ее молчание привело прокурора в бешенство. Он стучал кулаками по столу, размахивал руками и кричал:

— Ты хитрая, я тебя знаю! Но я заставлю тебя говорить.

Анна продолжала молчать. Врач что-то шепнул ему на ухо, и допрос прекратили.

Полицейские вывели ее на улицу. Яркий солнечный свет полоснул по глазам. В грудь вливался прохладный свежий воздух, и Анна жадными глотками пила его. Как все-таки хорошо на воле! Как прекрасна жизнь! Какое неизъяснимое блаженство дышать живительным воздухом! Она нарочно замедлила шаги, хотя и без того ноги почти не слушались ее и она опиралась на руки полицейских. Но ее сунули в машину и отвезли в тюрьму. Закрыли в камере на втором этаже.

Здесь было гораздо сноснее, чем в той ужасной яме, хотя камера напоминала мусорный ящик и воздух отнюдь не отличался свежестью. Анна чувствовала себя так плохо, что сразу легла. Вскоре пришел тюремный врач, пожилой, благообразный японец. Он сделал ей укол и приказал надсмотрщику принести ей молока и немного рису.

— У вас нервное потрясение,— сказал ей врач.— Мы будем вас лечить.

Несколько дней ее не трогали, и она немного пришла в себя. Ползком собрала по камере мусор — обрывки бумаги, пустые банки, какие-то грязные тряпки. Сложила в угол возле двери. Откуда-то лезли отвратительные, жирные мокрицы. Приподняла циновку и тут же опустила с отвращением — там был целый рой этих мокриц. Запахло гнилью. Замызганные стены камеры были исписаны иероглифами, и Анна подумала о судьбах тех людей, которые здесь перебывали,— вероятно, их было немало, су-

ля по количеству надписей. Возможно, здесь томились японские коммунисты...

Начались тюремные будни. За Анной установили усиленный надзор. Возле ее камеры всегда торчала надзирательница. Причем надзирательниц часто меняли, чтобы не могла, паче чаяния, развратить их своими разговорами о Советском Союзе и тем самым подкупить.

При аресте она взяла с собой некоторую сумму денег. Теперь ей через надзирательниц разрешили покупать, хоть и в микроскопических дозах, пищу — молоко, рис.

Тюремный врач делал ей уколы, и она понемножку стала ходить. Несмотря на плохое состояние, ее каждый день водили на допрос. Допрашивал инспектор Накамура, низенький, толстый человек с цепкими глазами, угрюмо сосредоточенный и злой. Он ловко наводил разговор на нужные ему темы и делал это с дьявольской хитростью. Вопросы были совершенно невинные, и Анна давала прямые ответы. Но затем она подумала, так ли уж наивны вопросы, на которые она отвечала? И стала более осмотрительной.

...— Так, так... Значит, в МТС вы хорошо жили? — безразличным голосом спросил инспектор. На короткую долю секунды его цепкие глаза отпустили Анну. Она глубоко вздохнула. Сказала просто:

— Очень хорошо.

— Расскажите,— кратко приказал он, снова гипнотизируя ее взглядом.

— У нас было свое хозяйство: корова, куры, овца. Муж получал приличную зарплату. В магазинах было все очень дешево.

— Только вы жили так хорошо? Надо полагать, к вам было особое отношение?

— Почему же? — удивилась Анна.— Там все жили хорошо, все имели собственных коров, овец, хорошие дома.

— Ты врешь! — вскочил с места инспектор.— И здесь вздумала заниматься красной пропагандой? Берегись, коммунистка!

«Ага, боишься, что расскажу другим?» — злорадно подумала Анна.

Позже он действительно спросил ее, рассказывала ли она кому-нибудь из японцев раньше такие сказки.

— Нет, не рассказывала, думаю, японцы и помимо

меня узнают правду о жизни в СССР,— дерзко ответила Анна.

— На вашем месте я бы опасался разговаривать в таком тоне,— повысил голос Накамура.— Нет больше СССР! И вашей МТС нет. Москва давно пала, немцы на Волге.

— Неправда,— спокойно возразила она.

Допросы продолжались по семь часов кряду. Допрашивающие, как пауки, высасывали из нее все относящееся и не относящееся к делу. Анна старалась изворачиваться как могла, тщательно обдумывая свои ответы.

— Я уже говорила, что мало чего знаю. Я — необразованная и в политике ничего не смыслю,— отвечала она.

— Что произойдет с тобой дальше, всецело зависит от той правдивости и искренности, с какой ты будешь отвечать на вопросы,— сердился инспектор, переходя на невежливое «ты».— Итак, не будем тратить времени! Назови фамилии людей, причастных к организации.

— Я не знаю никаких фамилий.

— Тогда опиши их внешность.

— Кого «их»? — невинно спрашивала Анна.

— Может быть, вы и этих не знаете? — он показал ей фотографии Зорге и Бранко.

«Значит, всех...» — испуганно подумала она. Отрицать свое знакомство с ними было бессмысленно, и она отвечала:

— Этих знаю: Рихард Зорге, Бранко Вукелич — друзья моего мужа. Чем они занимались, не ведаю.

— Назовите этих людей,— он показывал ей другие фотографии.

— Я их не знаю,— отрицала Анна,— мой муж — торговый человек, и к нам приходило много людей.

— Ваш муж — советский шпион,— повышал голос инспектор.

— Это не моего ума дело,— спокойно парировала Анна,— я занималась своими, женскими, делами.

— Как часто вы встречались с этим человеком?

Анна внимательно всматривалась в фотографию: да, лицо ей знакомо, она действительно встречалась с ним.

— Я не помню этого человека. У меня плохое зрение и плохая память на лица.

Инспектор выходил из себя.

— Мне с тобой церемониться надоело. Если бы я имел власть, я задушил бы вас всех собственными руками.

— Хорошо, что вы не имеете такой власти,— усмехнулась Анна.— У вас руки коротки.

— Молчать! — заорал Накамура.— В карцер захотела?

Допрос велся через переводчика, пожилого, интеллигентного на вид японца. Это был профессор из какого-то токийского университета, как поняла Анна, фашист, фанатик, ненавидящий Советский Союз. Он форсил своим знанием русского языка и ругался всякими грубыми словами.

— Что вас заставило, гражданку такой великой страны, как Германия, связаться с советскими шпионами? — приставал он к Анне в короткие минуты передышек.— Вам, наверное, хорошо платили?

— Я не знаю, о чем вы говорите,— наивно отвечала Анна. А то и вовсе не удостаивала его ответом, она не обязана была отвечать на все его глупые вопросы.

Иногда инспектор, чтобы запутать ее, заставлял снова повторять одни и те же показания.

— Мне не нравятся ваши ответы,— говорил он.— Лучше начните с самого начала.

Анна настораживалась: улики против нее не очень серьезны. Однако надо быть осмотрительней. Для таких опытных полицейских каждое ее слово может иметь значение, а в волнении она способна обронить что-нибудь такое, что наведет их на какие-нибудь нежелательные догадки или предположения.

Так изо дня в день Анну вымучивали допросами. После каждого допроса чувствовала себя совершенно обессиленной и долго не могла отдышаться, лежа на циновке в своей камере. В такие минуты она погружалась в какое-то равнодушное отчаяние, и единственным теплом, гревшим ее где-то глубоко внутри, были мысли о Максе.

По ночам донимали жуткие боли. Болело все, каждая клеточка организма. Сердце билось гулкими, неровными толчками, а иногда обрывалось, словно проваливалось куда-то. Голова кружилась, все тело покрывалось липким потом, и руки дрожали от слабости. Сна не было, а если засыпала, то грезились фантастические видения. Это были сны — то страшные, то счастливые, сны, в которых неизменно присутствовал Макс.

Анне хотелось узнать что-нибудь не только о Максе, но и о Зорге, о Бранко. Что сталось с ними? Судя по допросам, которые снимали с нее, она заключила, что они живы.

Спустя много месяцев, на одном из прокурорских допросов, прокурор сказал ей:

— Будете умницей — скоро увидитесь с мужем.

Не знал он, какие силы вливают в нее эти слова! Он подал ей надежду, ради которой стоило жить! Эта надежда сделала ее более хладнокровной к допросам, более собранной и изворотливой.

Она попросила у прокурора разрешение на переписку с мужем и получила отказ. Но это не лишило ее мужества. Главное, Макс был жив!

Следствие продолжалось полтора года. Анне разрешили взять адвоката. Это был еще довольно молодой человек, тонколицый, с мягкими глянцево-черными глазами и вкрадчивыми манерами. Очевидно, профессия защитника выработала у него соответствующее поведение. Фамилия его была Асанума.

— Много не обещаю,— предупредил он Анну.— Что смогу — сделаю.

В эти дни она часто размышляла о своей жизни. Какая все-таки сложная у нее судьба! Всех ее перипетий хватило бы на добрый десяток человек. И все-таки жаловаться было грешно. Она жила по высокой мерке и втайне гордилась тем, что ее муж не какой-нибудь мелкий торгаш, наподобие Валениуса, а человек большой цели. Он сделал ее жизнь осмысленной и целеустремленной. Через Макса она смогла принять участие в непосредственной борьбе против фашистской Германии и хоть в некоторой степени быть полезной своим трудом Родине.

Как ни строг был за ней надзор, все-таки до нее доходили обрывки разговоров тюремной прислуги. Из них она делала вывод: война в СССР затянулась.

Настал день суда. Анну одели в красное кимоно, на голову надвинули соломенный остроконечный колпак, закрывший все лицо, и под усиленным конвоем отвезли на машине в здание суда.

Перед этим Асанума сообщил ей, что всех членов ор-

…их судят поодиночке в закрытых заседаниях. …то надеялась увидеться с Максом!

— Увидитесь позже, когда будут объявлять окончательный приговор,— обнадежил ее адвокат.

Не без волнения вступила Анна в судейский зал. Похожее на сарай помещение было совершенно пусто. Лишь за судейским столом сидело человек семь судей в черных с сиреневой вышивкой накидках, в высоких черных шапочках-скворечниках, да на передней скамье было несколько каких-то людей, среди них она заметила Асануму, одетого так же, как и судьи.

Переводчик — все тот же профессор, значит, ее будут судить на японском и русском языках.

Началась судебная процедура.

Прокурор нудно и долго зачитывал обвинительный акт. Анна почти не слушала. И только последняя фраза заставила ее напрячь внимание:

«...причастна к шпионской деятельности организации Зорге».

— Признаете вы себя виновной? — задал вопрос судья.

— Не признаю,— твердо ответила Анна.— Я не совершила никакого преступления против Японского государства.

Поднялся адвокат Асанума:

— Я считаю, что у правосудия нет достаточных улик в преступной деятельности Анны Клаузен. Здесь ей предъявили обвинение в том, что она помогала своему мужу Максу Клаузену. Вы судите ее по японским законам, а по этим законам жена должна быть послушной своему мужу.

Начался допрос. Все было давно известно, приходилось с самого начала повторять одно и то же.

Был август 1944 года. В окна зала вливался веселый солнечный свет, еще больше подчеркивая мрачность обстановки, отчужденность от шумной жизни на воле. И Анна грустно подумала: кого касается, что сердце ее колотится от волнения, а по спине бегут струйки пота?

После допроса обвинитель произнес заключительную речь:

— Господа! Уважаемый защитник подсудимой Анны Клаузен Асанума-сан, опираясь на японские законы, пытался оправдать свою подопечную. Но Анна Клаузен не японка. Мы судим ее как большевичку, коммунистку, а

по отношению к коммунистам в нашей стране законы очень суровы. Я требую для подсудимой семи лет тюремного заключения и принудительного труда без учета предварительного заключения..

Он сел, поправляя на носу огромные очки в тяжелой роговой оправе. Его аскетически худое лицо дышало непреклонностью, а огромные очки придавали всему облику особую важность.

Переведя обвинительную речь, переводчик от себя добавил, обращаясь непосредственно к Анне:

— Радуйтесь такому легкому наказанию,— вы заслужили быть повешенной.

Речь обвинителя потрясла своей ненавистью не к ней лично, а к коммунистам вообще. Все они тут — судьи, этот фанатик переводчик и даже так называемый защитник Асанума,— все ненавидят коммунистов и с удовольствием выместят на ней свою [illegible] злобу.

— Это несправедливо! — [illegible] крикнула она, но крик ее сиротливо замер [illegible] молчания. Только переводчик, усмехнувшись, [illegible] по-русски, специально для нее:

— Гм, она еще и недовольна...

Через несколько дней ее снова привезли в суд для объявления окончательного приговора.

И тут она увидела Макса.

Он сидел рядом с Бранко на скамье для осужденных. По обеим сторонам и за их спиной стояла стража. Ее посадили напротив, и она жадно впилась глазами в лицо Макса. Какой он худой и бледный! Воротник красного арестантского кимоно был слишком просторен для его шеи, волосы тусклые и словно посыпаны серым пеплом. И Бранко... Острая материнская жалость пронзила ее сердце...

Она заметила, что Макс ее рассматривает с не меньшей жалостью. Его лицо отражало довольно сложные чувства: оно было хоть и радостным от встречи с ней, но каким-то виноватым. Может быть, сейчас он сожалел о том, что вовлек ее в эту историю? И напрасно... Ах, Макс, Макс...

Когда судьи уселись на свои места, Макс встал и поклонился сначала ей, Анне, а потом уже суду.

Судья начал объявлять приговор:

— Именем закона... Макс Готфрид Фридрих Клаузен... к пожизненному тюремному заключению.

Вся кровь отхлынула от лица Анны, она схватилась за сердце. В глазах у нее потемнело, и только огромным усилием воли она удержалась на скамейке, не упала. Смутно увидела перед собой застывшее лицо Макса.

— Именем закона... Бранко Вукелич... к пожизненному тюремному заключению...— откуда-то очень издалека зазвучал опять голос судьи.

— ...Анна Георгиевна Клаузен...

Окончательно пришла в себя, когда осужденных уже уводили из зала суда.

Макс и Бранко были в наручниках. Поравнявшись с ней, Макс довольно внятно произнес по-немецки:

— Выше голову, Анни! Война скоро кончится, и мы увидимся с тобой!

Она провожала его полными слез глазами. Прощай, Макс, дружище... Прости, если что было не так между нами. Даже в такую минуту ты нашел для меня слова утешения. Верю тебе и буду жить надеждой на скорую встречу...

СРЕДИ БУРЬ И УРАГАНОВ

Было уже за полночь, а Берзин все сидел в своем кабинете, обложившись книгами, и, охватив голову руками, читал сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. На кресле, на диване и даже на полу грудами лежали книги, журналы, газеты.

Да, политическая обстановка на Дальнем Востоке очень сложная. Между Америкой, Англией и Японией идет тайная и явная грызня за сферы влияния в Китае. Каждая из этих стран стремится превратить Китай в свою колонию. Возникает опасная военная ситуация.

Япония в прошлом году оккупировала Шаньдун. Еще в 1915 году она предъявила Китаю Двадцать одно требование. Нота была написана на бланке военного министерства, с водяными знаками, изображающими дредноуты и пулеметы. Попробуйте, мол, не выполнить наши требования! До войны Шаньдун была германской колонией, и теперь между Японией и Германией как бы пробежала черная кошка.

Политически в Китае главенствуют американцы. Конфликт на КВЖД их рук дело. Хотели прощупать крепость советских границ. Маньчжурский диктатор Чжан Сюэлян закуплен ими, как говорится, на корню. Сам он не посмел бы затеять такую драку. Решил сразиться с Блюхером оружием, купленным на американские деньги. Забыл, как видно, что такое Блюхер, вот и получил по зубам.

Берзин усмехнулся. Он вспомнил передовую статью в английском журнале «Чайна ревю», которую читал незадолго до событий на КВЖД. Она называлась: «Галин возвращается на Дальний Восток». В ней выражалось явное беспокойство по поводу того, что на Дальний Восток возвращается Блюхер, известный в Китае под именем генерала Галина.

В связи с Блюхером мысли Берзина перескочили на Чан Кайши. Коварный, изворотливый политик. Как ловко он использовал силы Народного фронта и помощь Советского Союза! Три года длилась борьба народных сил Китая против иностранного засилья. Чан Кайши командовал всеми войсками Народно-освободительной армии, а Блюхер был главным советником национально-революционного правительства. Тогда Чан Кайши кричал о мире и земле, призывал народ к борьбе с иностранными и китайскими поработителями. А когда победа уже была выиграна, он пошел на сговор с иностранными державами и предал Народный фронт. Полмиллиона революционных рабочих и крестьян были уничтожены в результате этого предательства! Оказывается, Чан Кайши и не собирался строить в Китае социализм, он с самого начала имел в виду буржуазную республику и во главе ее — себя, единовластного диктатора Китая.

Летом этого года Чан Кайши уже заявил: «Красный империализм является более опасным, чем белый, и кто не борется против Советской России, тот не может считаться китайцем». Так-то... Просто и ясно. Берзин вспомнил свою встречу с ним в 1923 году, когда Чан Кайши возглавлял военную делегацию, которой поручено было вести переговоры с Реввоенсоветом о плане военных операций в Китае.

Он сразу не понравился Берзину. Во всем его облике было что-то неверное, зыбкое, ускользающее от точного определения и потому вызывающее тревогу. На худом, удлиненном лице особо выделялись умные, хитрые глаза и усики бабочкой над короткой верхней губой. Казалось, он с трудом натягивает эту губу на крупные, неровные зубы. Его приторная, чисто восточная учтивость не вязалась с внешностью, и это особенно раздражало Берзина. Он подумал тогда про себя, что его впечатления, возможно, всего-навсего индивидуальная антипатия. Теперь он еще раз порадовался своей безошибочной интуиции. Возможно, Чан Кайши как политик хотел для себя лично,

ну и для Китая, полной независимости от иностранцев, но все было не так-то просто: китайские компрадоры давно запродали себя японскому, английскому, американскому капиталу. Надежды Чана на их поддержку равны нулю. Милитаристские клики вовсе не заинтересованы в развитии национального капитала — гораздо выгоднее продавать Китай по частям крупным державам и быть под их защитой.

Япония, претендующая на полное господство в Китае, отказалась поддерживать Чана и нанкинское правительство. Чан откровенно обратился к дяде Сэму за помощью. Есть сведения, будто американские банки предоставили нанкинскому правительству свыше двух миллионов долларов, но потребовали за это устроить провокацию на КВЖД.

Страницу за страницей внимательно изучал Берзин книгу документов. Договоры, ноты... Сколько доброжелательности, истинного терпения со стороны Советского правительства, стремящегося установить дружественные отношения с правительством Чан Кайши в пользу Китая. И что же?.. За все отплатили кровавой провокацией.

Конечно, белокитайцам надавали по зубам. Труднее справиться с белогвардейцами, из которых готовят шпионов и диверсантов все страны и пачками засылают в Советский Союз. В Маньчжурии — банды генерала Хорвата, атамана Семенова и других недобитых беляков.

Только вчера Берзину пришлось «беседовать» с одним из таких типов. Перед ним сидел бывший воспитанник хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса, самого последнего из тридцати кадетских корпусов России, закончившего свое существование на ее территории. В 1922 году корпус был эвакуирован на захваченных беляками судах Дальневосточного флота в Шанхай (белогвардейцы распродали бандитски захваченный флот). Бывший кадет вел себя довольно нагло. Долгое время он жил в Шанхае. Со злорадством рассказывал об английских крейсерах и дредноутах в портах Шанхая, о богатых иностранных концессиях, об английской военно-морской базе в Вэйхайвее.

— Моя карта бита,— говорил этот рыжеватый, хлипкий господин, страдающий нервным тиком.— Но я уверен, что Россия не останется большевистской. Разве вы

можете выстоять против Англии, Франции, США? — правая щека его резко дернулась.

— Мы уже выстояли,— усмехнулся Берзин.— А вам никогда не приходило в голову, что ваши хозяева, завоевав (предположим) Россию, в лучшем случае отведут вам место в лакейской?

— Лучше быть лакеем у цивилизованных народов, чем у вчерашних дворовых, трактирщиков и половых, прислуживать красному хамью,— с непередаваемым презрением ответил бывший кадет.

— Однако это «хамье» выбросило вас из России как ненужный мусор. Не помогли вам ни английские крейсера, ни американские доллары, и не помогут. Народ защищает свое родное достояние, свою русскую землю.

— Защищает...— Кадет улыбнулся с выражением какого-то превосходства над собеседником.— Да этот народ просто гонят на убой большевики, как бессловесную скотину. Прикажет красная власть до центра земли добраться — сотни тысяч Иванов и Матрен станут землю рыть.

Берзин снова усмехнулся:

— Вы не логичны. Значит, красная власть пользуется доверием и уважением у народа, если он с готовностью ей повинуется. Власть-то своя, рабоче-крестьянская...

— Узурпаторская,— с ненавистью сказал кадет.— Большевики опутали народ обещаниями, тут же запугали всякими Чека. А народ что? Каким был при Петре Великом, таким и остался.— Бывший кадет высокомерно отвернулся.

Берзин увидел, как часто и мелко задергалась его щека. Кадет зажал одну губу другой, стараясь остановить искажавший его лицо тик. «Ишь какой идейный»,— холодно подумал Берзин, ощутив в сидящем перед ним человеке смертельного врага. Однако из любопытства решил продолжить «дискуссию».

— Вы так полагаете? — насмешливо спросил он.— А кто же все строит, как не народ? Всюду экономический кризис, капиталисты сокращают производство, выбрасывают тысячами людей на улицу. А у нас — подъем. Вон даже дядя Сэм завидует успехам нашей первой пятилетки...

Кадет помолчал и, не найдя подходящих возражений, пренебрежительно изрек:

— Возможно, и есть какие-то временные достиже-

ния...— Подумав, добавил: — И то лишь потому, что у русского человека неиссякаемый запас энергии.

Бывший кадет чем-то неуловимо напоминал Берзину директора учительской семинарии Страховича. Прохаживаясь между столами, за которыми сидели притихшие семинаристы, он «философствовал» примерно в таком плане: «Социалисты кричат о равенстве и братстве. Не верьте им, они просто морочат вам головы, чтобы получше одурачить в своих целях. Да разве возможно всеобщее равенство между людьми? Всеобщее равенство такой же абсурд, как мечтания, чтобы, предположим, в океане вся рыба стала одинаковой. Даже среди животных равенства не существует. Одна собака умней, другая глупей». Как ненавидел тогда четырнадцатилетний семинарист Петер Кюзис этого русского царского чиновника. Ненавидел и где-то в душе был даже согласен с его словами — разве могли быть братьями латыши и угнетавшие их русские и немецкие богачи. Гнать их всех надо со своей земли! И немецких баронов, и русских богачей... Гнать, гнать... И только позже он, юный Петер Кюзис, член РСДРП, слушатель экономических курсов в Риге, понял, как ловко господин Страхович подменял социальную суть вопроса биологией и направлял юные умы по ложному руслу размышлений...

И вот сейчас сидит перед ним обломок бывшего мира Страховичей. Возможно, где-нибудь в Херсоне у него было родовое поместье. Он чего-то еще хочет, на что-то надеется.

Берзин бросил на кадета тяжелый, неприязненный взгляд.

— Да вы философ, как я послушаю,— сказал он с издевкой.— Только лучшие сыны Родины при всех обстоятельствах оставались на Родине, помогали сделать ее лучше, сильней. Блока любите небось? Вот он не сбежал. И Павлов не сбежал... А вы, русский интеллигент, продали свою шпагу жадным чужеземным коммерсантам. Где ваше национальное достоинство? Вы — человек без Родины. И у вас, и у ваших детей нет будущего. В лучшем случае на заработанные предательством сребреники вы купите пивную лавку... Ваш удел — одиночество.

В концов концов бравый кадет оказался больше чем сговорчивым. В Харбине у него осталась семья, и он не хотел терять надежду на встречу с ней. Он сообщил Бер-

зиду немало ценных сведений. Уже сам факт того, что бывший кадет оказался агентом японской разведки (а не чанкайшистской, как предполагал Берзин), давал немалую пищу для размышлений. Кадет рассказал, что в Харбине организовалось общество российских эмигрантов под началом генерал-лейтенанта Кислицына. Общество тесно сотрудничает с японской разведкой. Задача общества — на первых порах помочь японцам завоевать Россию по Урал, а потом уже японцы помогут белоэмигрантам завоевать Центральную Россию. Значит, Япония не оставила своих притязаний на советский Дальний Восток. Ей нужны сырьевые ресурсы — нефть, железная руда, уголь, цветные металлы и многое другое, чтобы освободиться от американской зависимости и вышибить США из Китая. Ведь сейчас вся промышленность Японии строится на привозном сырье, и львиная доля импорта приходится на американское сырье. Все свои надежды на экономическую независимость Япония сейчас связывает с советским Дальним Востоком. Конфликт на КВЖД лишь прелюдия к каким-то большим событиям.

Ясно одно, что советские границы на Дальнем Востоке в опасности. Нужны точные данные о замыслах милитаристов, о намерениях врагов нашей страны, утвердившихся в Китае. А для этого нужен человек исключительных качеств, который сочетал бы в себе трезвый аналитический ум ученого с политической страстностью, с умением анализировать обстановку на месте. Конечно, он должен иметь большой опыт подпольной работы. И кажется, такой человек найден — доктор Зорге. Ян Карлович давно присматривался к этому худощавому, стройному немцу с умным волевым лицом. Он познакомился с ним еще в 1926 году. Оба они состоят на учете в Хамовническом райкоме партии и часто встречаются на партконференциях. Но чаще всего они видятся в клубе немецких коммунистов, председателем которого является Зорге. Каждый вторник Берзин ходит в этот клуб на семинары по международным вопросам. Ян Карлович хорошо владел немецким языком, и, случалось, Зорге просил его выступить с оценкой политических событий. Берзин никогда не отказывался. Однажды на вопрос, успевает ли товарищ Берзин при той громадной работе, которую он ведет, повышать свой политический уровень, Ян Карлович ответил, что сама работа, которую он исполняет, заставляет его повышать свой уровень. Что же

касается международной обстановки, то приходится разбираться в ней основательно, поскольку это вопросы его непосредственной работы.

Клуб объединяет немецких коммунистов, которые после поражения Гамбургского восстания в 1923 году и запрещения КПГ вынуждены были выехать в Советский Союз. Берзину было очень любопытно слушать выступления очевидцев, прямых участников событий. Иногда такие семинары превращались в настоящие потасовки. Дело в том, что в клубе свили гнездо «ультралевые», которые навязывали коммунистам дискуссии. Здесь Берзин увидел Зорге во всем блеске ораторского таланта. Привлекала политическая страстность его выступлений. С карандашом в руках Берзин прочитал все его статьи, которые печатались на страницах журнала «Коммунистический Интернационал»: «Своеобразный характер возрождающегося германского империализма», «Империалистическая политика на Дальнем Востоке», «Позиция II Интернационала в отношении послевоенного империализма», «Дипломатия доллара». Берзин подивился политическому предвидению автора, глубине анализа международной обстановки. Зорге беспощадно обнажил замыслы США и Англии, которые решили воссоздать военно-промышленный потенциал Германии и направить его против Советского Союза. В работе «Национал-фашизм в Германии», которую Берзин прочитал с большим интересом, доктор Зорге предсказывал конечную цель национал-социалистов: насильственное и правовое подавление революционного рабочего движения и установление открытой диктатуры фашизма.

Критикуя в своих статьях политику вождей II Интернационала, Зорге издевается над их попыткой представить Англию и США этакими миротворцами, которые, якобы уравновесив свои силы, сделали невозможным возникновение второй мировой войны. Он высказывает ряд ценных соображений о колониальной политике великих держав и о развивающихся между Америкой и Японией противоречиях в Китае, противоречиях, которые могут привести ко второй мировой войне.

Да, доктор Зорге знал удельный вес каждой капиталистической страны в мировом хозяйстве и мировой политике, основные империалистические противоречия. Социолог, страстный политик, журналист международного класса. В нем нет ни грана мелкобуржуазности, беспо-

чественного идеализма. В его работах сила и напряженность оригинального, целенаправленного ума. Марксист-ленинец. Захочет ли он, крупный ученый-теоретик, исследователь, от теорий перейти к практическим делам? Согласится ли поехать в Китай?..

Ян Карлович зябко передернул плечами, посмотрел на странно посветлевшее окно. Неужели рассвет? Его часы показывали четыре утра... Расправил занемевшие плечи — устаешь больше, чем от самой тяжелой физической работы. Голова не то что отяжелевшая, а какая-то предельно тупая, неспособная уже выдать ни единой мысли.

Он не слыхал, как вошла Лиза, осторожно ступая мягкими туфлями.

— Ты конечно же еще не ложился?! — строго спросила она.

Он взъерошил волосы, улыбнулся виновато.

— Кончаю, кончаю... А ты что не спишь? Я, пожалуй, лягу на диване здесь, в кабинете, чтобы утром не беспокоить вас с Андрейкой...

— Как хочешь,— сухо сказала Лиза и так же тихо вышла, осторожно прикрыв дверь.

Последнее время в связи с дальневосточными событиями он совсем отбился от семьи — рано уходил и очень поздно возвращался, осторожно открывая дверь квартиры своим ключом. Лиза сердится. Внешне все остается по-прежнему, но он чувствует ее отчуждение.

Утром впервые за много недель они завтракали все вместе. Ян Карлович смотрел на сына, на его темный чубчик и испытывал радостное чувство от мысли, что Андрейка совсем уже взрослый и очень похож на него. Иногда Лиза смотрела на них с открытой радостной улыбкой и ласково говорила: «Ах вы мои Берзины...»

Сын чутко улавливал отношения между родителями и молча страдал от их размолвок — ведь он любил их в одинаковой степени.

Ян Карлович медленно шел по улице, с наслаждением вдыхая уже зимний воздух. Свежо и остро пахло только что выпавшим снегом, на ветках деревьев по-утреннему звонко трещали воробьи. Несмотря на ранний час, на улицах было шумное оживление. Газетные киоски то и дело обрастали подвижными очередями. Люди читали газеты на ходу, собирались группами и что-то радостно и горячо обсуждали. Часто слышались ставшие привычными названия чужих городов: Хайлар, Чжалайнор, Фугдин... Маль-

чишки размахивали портфелями, задорно выкрикивали песню:

Стоим на страже всегда, всегда.
Но если скажет страна труда:
Винтовки в руки! В карьер! В упор!
Товарищ Блюхер! Даешь отпор!

Уличные громкоговорители создавали ту особую, оживленную атмосферу, когда люди не стесняются вслух выражать свои чувства.

Взяты главные укрепрайоны: Чжалайнор и Маньчжурия — это огромная победа! Макс Клаузен, с весны обосновавшийся в Харбине, информировал Берзина о событиях на КВЖД. «Великолепный радист! Просто клад»,— с удовлетворением подумал Берзин. Он вспомнил, как совсем недавно пришел к нему в кабинет молодой коренастый крепыш добродушного вида с чуть развалистой походкой бывалого моряка. Клаузен был черноволос, с широким твердым лицом и низкими густыми бровями. Он сразу же покорил Берзина своей обстоятельностью, умением внимательно слушать.

Макс Клаузен уехал в Маньчжурию в марте. Его сообщения помогали Берзину четче уяснить расстановку политических сил в Маньчжурии. Но этого все же недостаточно...

На углу старая женщина с маленьким морщинистым лицом торговала самодельными, ядовито раскрашенными деревянными игрушками. Берзин вспомнил о просьбе сына подарить ему на Новый год игрушечный пистолет, похожий на настоящий,— и чтобы стрелял. Право, за этими бесконечными делами иногда действительно забываешь, что ты отец и муж.

Когда Берзин подходил к шоколадного цвета особняку управления, мысли его автоматически переключились на дела. Он тут же забыл и о семейных неприятностях, и о всяких мелочах быта, которые иногда больно ранили сердце. Ему не терпелось усесться за свой обширный стол и, пока не начался рабочий день, просмотреть массу газет и журналов на многих языках.

Тусклый, сумеречный свет ноябрьского утра скупо освещал просторный кабинет Берзина — рабочий стол, заваленный толстыми папками дел, массивные резные шкафы, удобные кресла, пеструю карту на стене.

На столе дожидалась утренняя почта. Берзин удобно уселся в свое рабочее кресло, и его охватила привычная деловая озабоченность. Он просматривал газету за газетой, энергично подчеркивая особо заинтересовавшие его строчки.

Итак, конфликт на КВЖД можно считать ликвидированным. Погашен опасный очаг. Империалисты не зря беспокоились: Особая Дальневосточная под командованием Блюхера, можно сказать, уничтожила Чжан Сюэляна как полководца, хотя армия белокитайцев по численности превосходила советские войска почти в двадцать раз! Не помогают им ни новейшие чехословацкие пулеметы «Шкода», ни германские пушки Круппа, ни английские самолеты и бронепоезда (когда речь заходит о Советском Союзе, империалисты сразу забывают свои распри и объединяются). Трехсоттысячная армия плюс семьдесят тысяч белогвардейцев, возглавляемых такими опытными бандитами, как генерал Хорват, Калмыков, Шилинг, превращены Красной Армией в деморализованную орду. Ставка японцев на Чжан Сюэляна бита.

Страницы газет были заполнены сообщениями о боях Особой Дальневосточной. Многочисленные корреспонденции рассказывали о подвигах красноармейцев, строчки пестрели именами героев, цифрами пленных и трофеев. В результате разгрома белокитайцев в Чжалайноре и Маньчжурии взято в плен восемь тысяч китайских солдат вместе с их командующим генералом Лян Чжуцзяном и штабными офицерами. Захвачена почти вся артиллерия, два бронепоезда, множество военного имущества. Отступая в глубь страны, белокитайцы грабили и убивали мирное население. Берзин с отвращением читал о мародерстве, о жестоких убийствах и зверских издевательствах. Вот во что выродилась армия Чан Кайши — в фашистскую банду, стремящуюся террором запугать свой народ.

Берзин был счастлив. Дела идут неплохо, в сегодняшних успехах Особой Дальневосточной есть доля участия и его учеников. Пусть косвенного, но отнюдь немаловажного.

В кабинет вошла Наташа Звонарева, его давний, бессменный секретарь, и молча положила перед ним аккуратную папочку.

— Зорге? — кратко спросил Берзин, приветливо кивнув головой.

— Да,— так же кратко ответила она. Оба давно уже понимали друг друга с полуслова.

Он неторопливо открыл темно-зеленую папку, с намерением по скупым данным документов составить хотя бы общее представление о прошлом человека, которому собирался поручить исключительно ответственное дело. Если говорить откровенно, он почему-то больше полагался на свою интуицию старого подпольщика, чем на бумажки, как бы высоко они ни характеризовали то или иное лицо.

Биография Зорге... Как она похожа на биографии многих революционеров-профессионалов, хотя тут есть и неожиданности. Родился Зорге в 1895 году в поселке Сабунчи, неподалеку от Баку. Мать — Нина Семеновна Кобелева. Русская, дочь подрядного рабочего на железной дороге Баку — Сабунчи — Черный город. Отец — Адольф Зорге, техник-нефтяник. Немец. С 1898 года проживает в Германии, в пригороде Берлина. Рихард учился в повышенной средней школе в Берлине. В 1914 году, восемнадцатилетним юношей, не окончив школы, уходит на фронт. Был дважды ранен. В 1918 году поступил в университет, стал членом социал-демократической партии. В университете увлекся трудами Маркса, Энгельса, Ленина. По заданию партии создал в Кильском университете социалистическую студенческую организацию, возглавил кружок политического самообразования.

Вел нелегальную лекционную работу среди матросов и портовых рабочих по проблемам социализма. В ноябре 1918 года участвовал в подготовке восстания кильских военных моряков. В 1919 году знакомится с Эрнстом Тельманом. Ведет нелегальную партийную работу в Гамбурге. 15 октября 1919 года официально вступает в Коммунистическую партию Германии. Руководил подпольной студенческой организацией, активно занимался нелегальной партийной работой среди грузчиков. Считался партработником высокой квалификации. По заданию партии работал среди горняков Аахена, сам трудился с киркой и лопатой в шахте.

В марте 1922 года вместе с рабочими участвовал в подавлении контрреволюционного капповского путча. В 1921 году — главный редактор коммунистической газе-

ты «Бергише арбайтерштимме» в Золингене. Был арестован. Отсидел срок в тюрьме Эльбенфельда и снова занялся подпольной партийной работой.

Журналистская деятельность в партийной печати — целая полоса жизни Рихарда Зорге. Он — блестящий публицист, автор многих трудов, посвященных исследованию сущности современного империализма. Да, он глубоко ненавидит его.

В 1924 году по заданию партии охранял советских делегатов, прибывших в Германию на Девятый съезд КПГ: Мануильского, Лозовского, Куусинена, Пятницкого. Был участником, делегатом съезда. В конце декабря 1924 года приехал в Москву, работал в советских учреждениях. Знает немецкий, английский, читает по-французски, по-русски. В Германии остались родственники: мать, две сестры, брат, занимающийся коммерцией. Буржуазная семья... Ну и отлично!

Сохранилась записка Мануильского: «Знаю т. Зорге с 1921 года по работе в Германии и считаю его товарищем, заслуживающим доверия. Д. Мануильский. Москва 19/VII—27».

За каждым фактом биографии Зорге старый подпольщик Берзин видел ясную линию поведения, удивительную целеустремленность, верность избранному пути, твердость характера... Записка лишний раз подтверждала правильность ориентации Берзина при подборе людей, кроме того, она являлась блестящей характеристикой Зорге. Берзин окончательно утвердился в мысли, что Рихард Зорге именно тот человек, нравственные и психологические качества которого вполне отвечали требованиям, нужным разведчику для выполнения ответственного задания.

В то время когда Ян Карлович думал о Зорге, в приемную вошел молодой командир в форме летчика. Он сердечно поздоровался с Наташей Звонаревой как со старой знакомой и, кивнув в сторону кабинета Берзина, негромко спросил:

— Ну как сегодня Старик? Глаза голубые?

Наташа улыбнулась:

— Глаза ничего, в норме, и настроение хорошее, но не велел никого пускать.

— Жаль, мне хотелось с ним повидаться. Может быть, подождать?

— Ладно уж,— сказала Наташа,— будь что будет.

Летчик не успел даже запротестовать, как она уже скрылась за дверью кабинета.

— Там в приемной Маневич,— сказала она Берзину извиняющимся тоном.— Он хочет вас видеть.

— Зови, зови,— поспешно проговорил Берзин.— Лев Ефимович, входи! — громко крикнул он в приемную.

Летчик вошел в кабинет. Его несколько тяжеловатое лицо с круглыми карими глазами южанина было освещено приветливой улыбкой. Он по-военному отдал честь, прищелкнув каблуками. Берзин встал ему навстречу, дружески протянул руку.

— Ну, ну, отвыкать надо от военных привычек, господин коммерсант.— Оба рассмеялись. Маневич сел в пододвинутое Берзиным кресло.— Ну как, Лев Ефимович, дело подвигается?

— Да, все получается весьма убедительно. Богатый коммерсант мистер Кертнер, спортсмен-авиатор, к вашим услугам.

— Обстановка в Европе очень сложная,— озабоченно проговорил Берзин.— Германские монополии резко увеличили помощь гитлеровцам. Вдохновителем является король «стального треста» Тиссен. Я получил сообщение о том, что Тиссен пригласил Гитлера в Дюссельдорф и представил его сборищу трехсот крупнейших промышленников Рура. Правление Рурского угольного синдиката приняло решение: с каждой проданной тонны угля пять пфеннигов отчислять в кассу гитлеровской партии. А американский миллионер Уорбург передал гитлеровцам десять миллионов долларов. То же делают английские монополисты. Представляешь себе, чем это пахнет для СССР?

— Представляю,— усмехнулся Маневич.— Войной.

— Вот именно. Они хотят руками немцев расправиться с Советской Россией. Гитлер принимает в свою партию бандитов, профессиональных убийц и громил, сексуальных маньяков, морфинистов. Ужасно то, что это становится чуть ли не государственной политикой — политикой открытого разбоя. Какая должна быть ненависть у мирового капитала к нашей стране, если они развязывают руки всякому преступному элементу. Кто такой сам Гитлер?

Родился в 1889 году в маленьком австрийском городке Браунау в семье мелкого таможенного чиновника Алоиза Шикльгрубера. Провинциальная, мелкобуржуазная чи-

новичья семья, в которой царили шовинистические, националистические взгляды. В школе любимым героем был Фридрих Великий. После реального училища пошел в Венскую академию изобразительных искусств. Не выдержал экзамена. Работал чертежником, чернорабочим на стройках, маляром. Родители умерли рано, и он скитался по ночлежкам. Из Вены переехал в Баварию. В 1914 году вступил добровольцем в кайзеровскую армию. Был дважды ранен и награжден Железным крестом. Получил звание ефрейтора. Прославился своим ярым антисемитизмом и выступлениями против социал-демократов. Был замечен высшим начальством и повышен в должности — стал осведомителем контрразведки мюнхенского военного округа. В дни Ноябрьской революции 1918 года действовал как предатель, за что в мае 1919 года был приговорен к расстрелу революционными рабочими, но каким-то образом спасся. Участвовал в расстрелах рабочих Баварской советской республики. В 1919 году стал членом так называемой «немецкой рабочей партии», которой руководил Дрекслер. Политические тенденции партии: крайний национализм, жажда реванша, ненависть к революционному рабочему движению, безудержная агрессивность. Гитлер ловко отстранил Дрекслера и стал во главе партии. Политический авантюрист, исключительно честолюбив, интриган, позер. В 1925 году издал книжку «Майн кампф», в которой призывал немцев воскресить походы тевтонских рыцарей, получивших в истории наименование «Дранг нах Остен», то есть «Движение на Восток».

В настоящее время ему 40 лет. Недавно вступил в связь с семнадцатилетней Евой Браун, но жениться на ней отказался, заявив, что он уже женат на Германии.

Каков, а? — усмехнулся Берзин.— А вот его окружение: Рем — капитан рейхсвера, извращенец. Экарт — неудавшийся поэт, морфинист и пьяница. Гесс — сын купца, бывший однополчанин Гитлера. Розенберг — прибалтийский немец, белоэмигрант, идейный вдохновитель фашистской партии. Эсер — бездарный журналист, сутенер. Глава СС Генрих Гиммлер — сын католического профессора. Владелец куриной фермы близ Мюнхена (любитель курятины!). Гейдрих — помощник Гиммлера — бывший морской офицер. Отчислен из армии за какие-то грязные дела. Герман Геринг — летчик-истребитель, служил в знаменитой эскадрилье Рихтгофена. В 1922 году уволился из армии. Морфинист, крупный авантюрист.

Хорошенькая компания, не правда ли? Гитлер ловко использует тяжелое экономическое положение в стране, безработицу, ослабление рабочего движения. А главный упор делает на реванш.— Берзин встал из-за стола и взволнованно заходил по кабинету. Маневичу казалось, что Старик думает вслух.— Он не скупится на обещания перед массами, безработным обещает работу, рабочим — более высокую зарплату и лучшие условия труда, мелким торговцам и ремесленникам — снижение налогов, бывшим офицерам — новую армию и славу. Именно такая фигура, как Гитлер, и нужна сейчас империалистам, и они щедро субсидируют его партию. Особенно усердствуют американцы — они закабаляют Германию своими займами. План Дауэса, план Юнга... Американские монополисты вкладывают свои деньги в военную промышленность Германии, осуществляя полный контроль над прибылями. Таким образом США хотят убить сразу двух зайцев: нажиться на военных поставках Германии и создать из нее мощный кулак против Советского Союза. А германские монополисты тоже не теряются: формально подчиняясь Версальскому договору, Крупп, Тиссен, Фиглер и другие тайно производят оружие в нейтральных странах. Есть сведения, что в Италии несколько фирм строят военные самолеты и изготовляют новейшее авиационное оборудование. Так что, дорогой мистер Кертнер, коммерсант и спортсмен-авиатор, вам придется здорово поработать...— Берзин вздохнул и после минутного раздумья просто, по-товарищески сказал: — Нелегко тебе придется, Лев Ефимович. Как жена реагирует?

— Ничего... Она у меня не из слабонервных, одним словом мать-командирша.

— Да, у нас чертовски мало времени, а угроза второй мировой войны с каждым днем нарастает.— Берзин снова сел за стол, устало потер глаза и дружелюбно посмотрел на Маневича.— Ходи больше в штатском, приобретай аристократические манеры, в общем, перевоплощайся.

— Да уж стараюсь,— улыбнулся Маневич,— купил себе на днях шляпу.

— Берегись молодчиков ОВРА[1] в Италии. Есть све-

---

[1] ОВРА — тайная полицейско-шпионская и террористическая организация.

дения, что эта организация держит всю страну под контролем. Окружение Муссолини, его приспешники нисколько не лучше гитлеровцев, такие же авантюристы. Старачче, второе лицо режима, самый приближенный дуче. Очень честолюбив. Не брезгует никакими средствами для достижения своих целей. Он один из активных организаторов фашистских ячеек в разных пунктах Италии, сумел завоевать симпатии Муссолини. В 1921 году стал генеральным вице-секретарем партии и показал себя преданным фашизму на все сто процентов. Пока на вторых ролях, но рвется на первые.

Роберто Фариначчи — это, как говорят французы, «анфан террибль»[1] фашизма. Из железнодорожных служащих. Был связан с социалистами, благодаря предательству оказался около Муссолини. Принимал личное участие во всех начинаниях дуче.

Вирджинио Гайджа — журналист. В войну был советником итальянского посольства в Петербурге. В 1919 году написал грязную книжонку о России. Сейчас он возглавляет профашистскую газету «Джорнале д'Италия». Слепо предан Муссолини. Он — автор всех передовиц своей паршивой газетенки. А так как газеты всего мира называют его верным толкователем мыслей дуче и зеркалом мыслей министра иностранных дел Италии графа Чиано, то ты внимательно прочитывай при случае эти передовицы, чтобы быть во всеоружии.

Артуро Боккини — глава ОВРА, ее организатор и вдохновитель. После четвертого покушения на Муссолини взбешенный дуче отдал приказ своему министру внутренних дел Федерцони найти такого человека, который мог бы наладить дело охраны нацистских вождей и искоренить в стране всех антифашистов. Федерцони нашел такого человека. Это был некий Артуро Боккини, префект полиции в Генуе. «Хорошо,— сказал он, выслушав дуче.— Отныне ничто не нарушит вашего спокойствия. Вся Италия будет под контролем. Но для этого мне потребуется миллиард лир».— «Ты спятил!» — завопил Муссолини. Но, поразмыслив, миллиард все же дал — жизнь дороже! Боккини нанял целую армию отборных головорезов. Так возникла ОВРА — секретная политическая террористическая полиция. Они берут на заметку каждое новое лицо, независимо от его звания и положения.

---

[1] Анфан террибль — ужасный ребенок (франц.).

Так что, дорогой коммерсант, имей это в виду. Они бросили в тюрьму Грамши и многих его соратников. Боччини исключительно ревностный служака. Кроме его непосредственных подчиненных, почти никто в Италии не знает его в лицо. Он холостяк и проводит все свое время в служебном кабинете в палаццо Виминаль. Он никогда не берет отпуска, никуда не ездит, но его молодчики вездесущи.

— Что ж, риск всегда существует, всегда что-нибудь может случиться,— философски заметил Маневич и с усмешкой закончил: — Но я солдат, этим все сказано.

— Сейчас, как ты знаешь, в Италии положение несколько изменилось,— продолжал Берзин.— Ввиду экономического кризиса участились рабочие забастовки. Антифашистское движение активизировалось. ОВРА донимает своими провокаторами. Ты должен быть исключительно осторожен.

День расставания приближался, и они попрощались сердечнее обычного. Оба понимали сложность и ответственность задания, его исключительную важность и меру риска, которому подвергался разведчик. Ценой могла быть жизнь. Берзин был исключительно чуток к людям и всячески старался обеспечить им безопасность в работе. Он строго требовал соблюдения всех правил конспирации. В разведчике ценил прежде всего дисциплину, преданность делу, сурово карал за эмоциональную «отсебятину». До сих пор помнят, как исключительно сдержанный Старик однажды пришел в неописуемую ярость. Он узнал, что один из разведчиков, находясь на задании за рубежом, поддался азарту и проиграл в рулетку деньги. Незадачливый разведчик тут же был отозван.

Берзин возлагал большие надежды на Маневича: бывший комиссар бронепоезда, воспитанник Военно-воздушной академии, специалист в сфере самолетостроения. Интеллигентен, владеет шестью иностранными языками. На немецком и итальянском говорит безукоризненно. Обаятелен и скромен. Настоящий военный разведчик!

Берзин засиделся в управлении до поздней ночи. Вернувшись домой, тихо прошел в свой кабинет, улегся на диване и сразу же крепко заснул. Но утомленный мозг продолжал, по-видимому, бодрствовать, и ему приснился странный сон...

Полыхал огнем помещичий замок. Было душно и жарко. Он, Петерис Кюзис, вместе с какими-то очень знакомыми людьми бежал по широкой мраморной лестнице наверх. В обширном зале с сияющим паркетом он остановился, пораженный великолепием окружающего. Всюду ковры, золоченая мебель, огромные картины на стенах, сверкающие в зареве пожара хрустальные люстры. На минуту ему стало жаль всей этой красоты, но, охваченный общим экстазом разрушения и ненависти, он вместе со всеми стал срывать со стен картины, ломать золоченую мебель и грудой сваливать посреди зала. Вдруг эта груда запылала ярким пламенем. Пламя взметнулось до самого потолка, и Петерис задохнулся от едкого дыма. А пламя уже растекалось по окнам, и стекла громко трескались от невыносимого жара. Кругом бестолково метались люди, они громко кричали, широко открывая рты. Кто-то крепко схватил его за плечо и зашипел в самое ухо: «Ага! Попался, голубчик! К расстрелу! К расстрелу!» Петерис попытался вывернуться из цепких пальцев, но не тут-то было. Тогда он громко крикнул и проснулся.

В комнате было очень жарко, и его душил кашель. Сердце билось громко, неровными толчками. «Переработал»,— подумал он. Была глубокая ночь. Фонарь, освещавший улицу, бросал через окно мутноватые блики на пол и стены. Берзин приподнялся, нащупал на письменном столе коробку с таблетками и положил одну под язык. От сердечной боли левое плечо словно бы онемело. Сон удивил его своей определенностью, яркостью, и Берзин почти вслух сказал: «А жизнь очень длинная штука» — и тут же с уверенностью подумал, что, если бы у него в запасе была вторая жизнь, он постарался бы прожить ее так же.

Сон слегка взволновал его, странным образом вернул ему забытые ощущения пережитого и как бы осветил всю жизнь. Он увидел батрацкий барак из красного кирпича с длинным, узким коридором, в который с обеих сторон выходили двери комнат, словно двери тюремных камер. Комнат было много — окно к окну, так они были тесны, лишены малейших удобств. В одной из таких комнат ютилась их семья — отец, мать, старший брат Ян, он, Петерис, сестры: Паулина и Кристина. Спали на широких полатях, кинув под себя какой-нибудь старый кожух, укрывались всяким тряпьем. Он ощутил душный запах барачного коридора — запах прачечной, кухни, люд-

ского пота. Услышал голос матери: «Для нас бога нет. Он только для богатых». Мать разрывалась между детьми и работой. Она осталась в памяти Берзина вечно куда-то бегущей, придавленной страхом — как бы не отказали в работе, не выбросили среди зимы из барака. Хозяин был беспощаден, чуть что — расчет, иди куда хочешь. Отец с утра до ночи пропадал на баронской усадьбе, а летом не появлялся домой неделями. Берзин увидел его больше, корявые ладони, его тяжелую, неуклюжую походку крестьянина.

Отец был православной веры, и дети получили возможность учиться. Он и Паулина за много километров, через лес, стали бегать в сельскую школу. И опять, как прежде, Берзина захватила сумрачная красота родного края с его лесами, голубыми озерами и могучими реками. В повседневной жизни он редко вспоминал о Латвии, разве только в связи с политическими событиями. Иногда ему казалось странным, что он принадлежит к определенному народу, у которого свои традиции, своя культура и свой быт. Но, оказывается, родина всегда была где-то рядом и давала о себе знать неожиданными снами и воспоминаниями.

Они шли с Паулиной по лесной дороге и жевали сухой горох. За плечами сестры болталась сума, в которой были их книги и немного продуктов на неделю: краюха хлеба, кусок вареного мяса, картофель — все, что могла наскрести мать от скудного стола семьи. Школа была далеко, и они уходили на целую неделю.

Учиться Петерис любил, его даже хвалили и называли способным. Особенно ему нравились гуманитарные науки: литература, история, география. Летом, когда Петериса отдавали в подпаски, он запоем читал все, что попадется. Книги откуда-то приносил Ян — это были сказки, стихи, народные песни. Он прочитывал от корки до корки все новые учебники за будущий класс. Петерис охотно шел в подпаски. Уйдешь с хозяйских глаз подальше — ни тебе грубых окриков, ни тычков, ни подзатыльников. Лежишь на теплом белом песке и читаешь. Как бы ни было бедно и убого детство, все равно оно прекрасно.

Он никогда не знал лучшей жизни, поэтому жизнь в Юргенсбургском поместье казалась ему, мальчишке, вполне естественной. Такой же естественной была и всев-

шаяся в кровь ненависть к хозяевам, немецким баронам фон Крейшам, на которых работала вся семья Кюзисов, начиная с деда. Для хозяев они, латыши, были грязными дикарями, вахлаками и варварами. Старший брат Ян часто говорил: «Нам остается одно: камень да красный петух, камень — в молотилку, петух — под стреху сарая». От Янниса Петерис уже знал, что немецкие бароны отняли у крестьян землю и превратили латышей в своих рабов. В бараке часто напевали старинную латышскую дайну:

Есть далеко в море камень,—
Рожь молола там змея.
Той мукой господ накормим,
Что нас долго мучили.

После окончания школы двенадцатилетнего Петериса Кюзиса, как самого способного ученика, устроили в Прибалтийскую учительскую семинарию в городе Кулдиге, на казенный кошт. Тихий городок Кулдига весь утопал в садах. Он стоял на реке Венте, воды которой, падая с двух с половиной метров высоты, образовывали возле города водопад «Вентас румба». Водопад был местом паломничества богачей и туристов.

На первый взгляд жизнь в этом городе казалась очень тихой, патриархальной. По воскресеньям обыватели посещали кирху и развлекались, как могли. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле тихие улочки Кулдиги часто оглашались боевыми революционными песнями. Бастовали рабочие мастерских, студенты, интеллигенция. Они не желали идти на войну за батюшку российского царя, не желали воевать в Маньчжурии за интересы царской России. Демонстранты несли плакаты: «Долой самодержавие!», «Свободу союзов и стачек!», «Свободу собраний!», «Да здравствует революция!» У Петериса дух захватывало от таких смелых призывов. Он не был националистом в дурном понимании этого слова. На фон Крейшов работали батраки разных национальностей — латыши, литовцы, русские, эстонцы, а его мать была немкой из бедных колонистов.

Общаясь с многонациональной детворой батрацкого барака, Петерис с детства научился говорить на разных языках: на эстонском, немецком, литовском, ну а русский язык был языком закона, и на нем говорили многие. Поэтому он рано понял, кто является истинным врагом латышей: конечно же царское самодержа-

ние и помещики всех национальностей. Это им нужно, чтобы латыши забыли свой родной язык, свою историю и культуру и превратились в их бессловесных рабов.

Если в школах латышских ребят стремились онемечить, то в семинарии вся система обучения была построена на основах русификации. Их заставляли говорить только на русском языке, все предметы читались по-русски, им внушали верноподданнические чувства к российскому царю. Тот, кто осмеливался критиковать порядки семинарии, жестоко наказывался. На всю жизнь Берзин запомнил директора семинарии Страховича, толстого, мордатого, с большими залысинами на вечно блестевшем от пота лбу, с залихватски закрученными усами. Типичный держиморда от министерства просвещения, Страхович до бешенства ненавидел социал-демократов с их лозунгами свободы, равенства, братства, называя их «жидомасонами». Он слыл по всей Прибалтике ярым реакционером-черносотенцем, на левой стороне форменного мундира, возле самого сердца, носил значок «СНР» — Союз народа русского. Говорили, что подобный значок носят сам Николай II и его сын Алексей. Из истории Петер Кюзис знал, что название «черная сотня» заимствовано из эпохи Московского государства, — так назывались в старину мещанские ополчения, набиравшиеся в слободах и посадах в защиту царя. Позже ознакомился и с программой «СНР» — спасение самодержавия и династии Романовых путем массового и индивидуального террора. Лидерами союза являлись все те же немцы, выходцы из Германии: фон дер Лауниц, фон Раух, Грингмут, Буксгевден, Нейгарт, а также бессарабский помещик Пуришкевич и многие другие. Фон Краммер и Пуришкевич с трибун Государственного совета и Государственной думы обличали «мировой жидомасонский заговор». Черная сотня организовалась из мещанско-кулацких подонков, готовых за плату по приказу своих господ расправиться с кем угодно. Это была шайка наемных хулиганов и убийц.

Чтобы оградить семинаристов от вредных «жидомасонских влияний», Страхович ввел в семинарии казарменный режим, систему пропусков на выход со двора. Он создал целую сеть доносчиков, которых всячески поощрял. Семинаристы протестовали против установлен-

ных правил: не ходили на занятия, бойкотировали наиболее черносотенных преподавателей.

В памяти Берзина возник какой-то день, мутный, серый. За окном, похожий на плац, обширный семинарский двор. Аудитория. За столами сидят семинаристы, а на стуле, прислонившись спиной к теплой голландке,— преподаватель истории. Преподавателю не больше тридцати, но у него огромная лысина, багровая по краям, воротник и плечи мундира густо обсыпаны перхотью. В аудитории тишина, в ней — поединок чувств. Сражаются двое: он, Петерис Кюзис, и преподаватель.

— Ну-с, чего же вы не отвечаете? Повторяю: в каком году и каким образом дом Романовых породнился с домом Гольштейн-Готторпов? — Преподаватель сверлит Петериса маленькими злыми глазками.

Внутри у Петериса холодеет, но он сохраняет на лице сосредоточенно-спокойное выражение. А черт его знает, когда они породнились. Да и какое Петерису до этого дело? Помнится, что был какой-то немецкий герцог Карл Петер Ульрих, который в 1761 г. стал русским царем, Петром III. Он женился на немецкой же принцессе Софии Фредерике. Отравив своего мужа, Петра III, она превратилась в русскую императрицу Екатерину II.

— Садитесь,— сердится преподаватель и ставит в дневник Петериса жирный кол.— Какой из вас получится народный учитель, если вы не можете запомнить основное.

«Основное?» — думает Петерис и не замечает, как его губы растягивает ироническая усмешка. Это окончательно выводит из себя преподавателя, и он, переходя на «ты», кричит фальцетом:

— Вон! Чтобы духу твоего здесь не было, наглец...— Багровая кайма на его голове становится шире.

Петерис медленно удаляется из класса, провожаемый сочувственным молчанием товарищей.

Позже вызывал Страхович, скрипучим голосом корил казенным коштом и грозился выгнать из семинарии за непочтение к царской фамилии. Однако Петерис сам заинтересовался русскими царями и сделал поразившее его открытие. Начиная с Петра III, который в 1761 году стал русским царем, все последующие цари, кончая Николаем II, были немцами! Все крупные сановники в государстве — были немцы. И уж конечно немецкие поме-

щики в Латвии уверенно опираются на царское самодержавие. Почему русский народ все это терпел столько времени? Такой многочисленный и сильный народ? Но, кажется, настал конец терпению, вся Россия поднимается на борьбу с абсолютизмом, и его родная Латвия тоже.

В семинарии бредили свободной Латвией, национальной самобытностью, патриотизмом. Приносили откуда-то «листы», в которых проповедовалась необходимость конституции и всяких мелких реформ. Вся эта либеральная болтовня выдавалась за социал-демократическую литературу.

Осенью 1904 года в семинарии вспыхнул бунт. Семинаристы потребовали, чтобы преподавание велось на латышском языке. Были и другие требования: улучшение материального положения, отмена казарменного режима. Бунт, конечно, был быстро подавлен. Из семинарии исключили 26 человек. Напуганные семинаристы разделились на «оппозиционеров», «центральных» и любимчиков. Он, разумеется, был в числе «оппозиционеров». Было и жутко и радостно сознавать себя «бунтовщиком», «революционером». Только ему претил националистический дух этого оппозиционерства. Позже он говорил об этом с Яном. Тот с любопытством посмотрел на младшего брата и одобрительно сказал:

— А голова у тебя работает. Настоящие социал-демократы выступают за солидарность всего пролетариата России. Если мы не объединимся с пролетариями России против баронов и белого царя — Латвия так и останется захудалой германской провинцией.

Ян снабдил Петериса настоящей нелегальной литературой. Помнится, среди них были работы Маркса и Ленина. Конечно, он не во всем тогда разобрался, но главное понял — существуют классы: класс угнетенных — рабочих и крестьян — и класс угнетателей — помещиков и капиталистов, живущих чужим трудом. Между ними ведется классовая борьба не на жизнь, а на смерть. Он относится к классу угнетенных. Его отец, мать, брат и сестры обречены на рабство и унижение. Для барона фон Крейша они всего лишь рабочая скотина. Последнее время барон все больше закупал машин: тракторов, сеялок, молотилок — и лишних батраков выбрасывал на улицу. Отец и мать жили под вечным страхом лишиться работы. Он ясно увидел отца, большого, грузного,— настоящий

Лачплесис! — и такого беспомощного перед обстоятельствами. Было что-то унизительное в этой беспомощности большого и сильного человека. Мать состарилась раньше времени — вялое лицо, стылый взгляд, безнадежность во всем облике. Бедная мама... На память приходили слова любимого поэта:

Так не останется, так оставаться не может,
Глупо надеяться, что пронесется вода,
Реки спадут, иссякая, и день будет прожит
Так же, как прежде... О нет, никогда, никогда!

Лед, как ни крепок, упорства уже не умножит,
Сердце, что рвется к свободе и жизни,— сильней!
Так не останется, так оставаться не может!
Все переменится в мире до самых корней!

Но чтобы все переменилось, нужно было действовать сейчас же, немедленно. И Петерис начал действовать.

В деревне, куда он приехал на летние каникулы, проходили митинги и демонстрации. Над толпами колыхались красные флаги, и самый воздух казался наэлектризованным. Напуганные помещики выхлопотали для охраны своих поместий отряды казаков. Казаки пьянствовали и бесчинствовали вовсю: являлись в бараки и крестьянские дома с неожиданными обысками, избивали людей, глумились над женщинами. Сделали обыск и у Кюзисов. Мать с помертвевшим лицом смотрела, как бесцеремонно ворошат казаки их жалкий скарб.

— Тоже мне, революционеры... Хамье, дикари вшивые,— ворчал усатый, лупоглазый унтер.— Себя образить не могут, а туда же лезут...— Казаки ушли, а возмущенные жители барака долго еще обсуждали это происшествие.

А через несколько дней Петериса пригласили принять участие «в одном деле». Решили отомстить казакам — устроить на них нападение. Днем от баронской прислуги узнали, что казаки ночью поедут на ближайшую станцию за продуктами. Договорились поджидать их в густом ельнике у дороги, верстах в пяти от имения. Боевиков собралось человек пятнадцать, все с охотничьими берданками, а некоторые с револьверами. Запомнился нетерпеливый молодой азарт, подогреваемый сознанием того, что он, Петерис, принимает личное участие в революции. Он был полон юношеского порыва и боевой отваги.

Никого тогда не убили и даже не ранили, были ранены лошади, но внезапное нападение так напугало казаков, что они ускакали, даже не обстреляв боевиков. Но Петерис чувствовал себя героем — он перешагнул какую-то грань в своем сознании, отделившую его от всей прежней жизни, стал на реальный путь борьбы. Это было его первое боевое крещение.

Тем летом в волости было много пожаров. Горели баронские замки. Ветер нес удушливые волны гари и звуки далеких тревожных набатов. Напуганные помещики уезжали из усадеб. По всем дорогам и проселкам ехали вереницы экипажей с чемоданами, с детьми, с собаками. Крестьяне радовались, что «людоедов» выкуривают с земли.

17 октября царь издал манифест. Разрешалась свобода слова, свобода собраний, организаций, обществ, союзов, обещалась неприкосновенность личности. Семинаристы в открытую читали запрещенную литературу и без разрешения уходили на городские митинги. По рукам ходили стихи Райниса:

Победа, наша победа!
Блестящая в искрах света,
Трещит ледяная гора.
Ее мы долбили, и грызли, и рыли
Упорно, с утра до утра...
Она зашаталась в громе боев,
Тает чудище льдов.

Занятия в семинарии совершенно прекратились. «С[illegible]та» снова подняла голову. Снова Страховичу были переданы в письменной форме прежние требования — преподавание на латышском языке, улучшение материального положения учащихся, увольнение нелюбимых преподавателей.

Требование семинаристов Страхович отослал попечителю округа. Приехал директор народных училищ и, выслушав семинаристов, распорядился закрыть семинарию на неопределенное время.

Проездом через Ригу Петерис остановился на несколько дней у Яна, который с весны работал на рижском пивном заводе у Кунцендорфа. Ян долго смеялся над легковерием и наивностью семинаристов, которые поверили в царский манифест. Петерис узнал от брата много интересных новостей. Оказывается, царь по[illegible]

9 января решил быть «добрым». На заводах отобрали три десятка так называемых благонадежных рабочих, а проще говоря — хозяйских прихвостней, и привели их к царю как «депутатов от народа». Царь сказал им, что он прощает рабочим «вину» 9 января, ибо знает об их любви к нему и о том, что действовать «скопом» их подстрекали революционеры-мятежники. Но если, мол, подобные беспорядки возникнут вновь, то он, царь, опять прикажет стрелять.

Николай II пожертвовал 50 тысяч рублей для раздачи вдовам и сиротам лиц, убитых 9 января.

— В общем, подлейшая комедия,— возмущался Ян и тут же с недоброй усмешкой добавил: — Ну, этим «депутатам» дали жизни! Они вынуждены были уволиться с предприятий, где работали.. А ты говоришь «манифест»... Такое, брат, творится... Одним словом, революция!

От брата Петерис узнал о Всеобщей всероссийской политической забастовке, о мощных восстаниях в Латвии: в Тукумсе, в Талси, Айзпуте, Руиене, Вентспилсе.

— Партизанскую войну надо организовать против помещиков и баронов,— говорил Ян. — В Юргенсбурге есть хорошие, надежные ребята. Передашь им от меня кое-какую литературу.

Петерис рассказал брату о летних событиях в Юргенсбурге и не без тайной гордости сообщил о своем участии в нападении на казаков. Ян неопределенно заметил, что Петерис еще слишком молод, чтобы ввязываться в такие опасные дела.

Но жизнь сама диктовала поведение. В эту же осень Петерис вступил в народную милицию и принял самое деятельное участие в деревенских событиях.

А события развивались в необычайно стремительном темпе. Волостное правление занималось распорядительными комитетами, покинутые баронами имения перешли под контроль крестьян, конфисковывались пасторские земли, из школ были удалены реакционные учителя и на их место поставлены новые.

Это время отпечаталось в памяти необычайным ощущением свободы. Он видел, как неуклюжие крестьяне с заскорузлыми от вечной работы руками, с робким взглядом исконных рабов превращались в непримиримых бойцов, сильных, напористых, смелых, готовых драться до последнего дыхания.

В одном из отрядов волостной милиции Петерису пришлось участвовать в двух серьезных стычках с поли- цией и карательным отрядом казаков, которыми коман- довал опытный в военном деле барон Кампенгаузен. Были убитые и раненые.

Движением в районе руководили два приезжих това- рища — Рупис и Берзон. Позже они оба погибли в схват- ке с полицейскими. Петерис вступил в местный социал-де- мократический кружок «Спригулис». Кружок установил связь с одной из организаций Латышской социал-демо- кратической рабочей партии. Сколько настоящих боє- вых товарищей, пламенных коммунистов погибло в этой борьбе за большую идею, идею революции... Товарищ Петр Пидриксон, или Чирпата, как называли его под- польщики, расстреляли в 1908 году полевым судом. Тим- рот погиб вместе с Рупнсом и Берзоном — застрелились, будучи окруженными полицией. Карл Балод расстрелян в 1906 году полевым судом в Кокенгаузене. Петр Балод был осужден на пожизненную каторгу. Апалуп расстре- лян полевым судом летом 1906 года в имении Нитау. Карл Калнынь был осужден на каторгу... Да, он знал их всех, со многими был тесно связан партийной работой. И вот их нет... В письмах к родным Дзержинский писал о по- добных революционерах: «В душах таких людей есть святая искра, которая дает счастье даже на костре».

Два месяца в их районе торжествовала народная власть. А потом пошли слухи о приближении каратель- ных экспедиций генерала Орлова. Так как милиция бы- ла еще очень слаба, решили в бой с карателями не всту- пать. Наиболее видные партийные работники и мили- ционеры скрылись, перешли на положение партизан, «лес- ных братьев».

Их маленький отряд был измучен бесконечными пе- реходами, отсутствием продовольствия и невозможностью выспаться. Темные ночи и холодный ветер лишали му- жества. В конце концов решили, что каратели угомо- нились и можно тайно вернуться по домам, отогреть- ся, передохнуть, а в случае опасности вновь уйти в лес.

Петерис пригласил с собой двух товарищей. Мать трясущимися руками прятала их оружие, ставила на стол скромную снедь. Никогда еще Петерис не испыты- вал большего блаженства, как в ту ночь. Одеяло каза- лось ему теплым и невесомым. Он сразу согрелся и по-

степенно погрузился в дремоту, хотя слух его чутко улавливал все звуки. Около полуночи в дверь постучали. Не успели они опомниться, как в комнату ворвались уланы. Их привел крестьянин, предатель из местных (позже они рассчитались с ним!). Стали искать оружие, но не нашли — ведь его прятала мать... Их избили, а потом бросили в подвал имения. Там уже было полно арестованных, избитых и испоротых шомполами. У некоторых спина и бедра представляли одну сплошную рану. Наутро на глазах Петериса и его товарищей расстреляли двух арестованных. Это были известные всей округе люди, партийные работники. Знал их и Петерис.

Когда он пришел немного в себя от ужаса и мог что-то соображать, его вдруг схватили, грубо содрали с него одежду и бросили на ледяные ступени барского крыльца. Голое тело ожгло шомполами. Очнулся от холода в снежном сугробе, рядом барахтался кто-то еще, голый и окровавленный. Их подобрали и доставили по домам служащие замка.

Мать билась в истерике и кричала истошным голосом: «Нет бога! Нет!» А придя в себя, бросила в огонь библию.

После этой порки он провалялся две недели — вся спина была сплошь покрыта гнойной коростой. А было ему пятнадцать лет...

Весной 1906 года он снова подался к «лесным братьям». И снова память услужливо воскрешала эпизод за эпизодом.

...Их отряд медленно отступал в глубь леса, отстреливаясь от казаков. Иногда жестоко дрались с наседающими карателями, дрались не на живот, а на смерть. Отступая, тащили с собой раненых. Многие умерли по дороге, и их наскоро похоронили в белых песках. Весна стояла холодная, дождливая. Каратели прижали их к широко разлившейся реке Огре. Группе партизан, куда вошел и Петерис, поручили прикрывать огнем отступающий отряд. Они лежали в кустах на сыром песке, насквозь промокшие и грязные, и стреляли, стреляли словно одержимые в упорно ползущих казаков. И когда люди отряда, благополучно переправившись через реку, скрылись в лесу, их поредевшая группа стала отступать. Казацкие пули, ядовито посвистывая, шлепались вокруг

Петериса. Тупо толкнуло в левое плечо, мгновенно онемевшая рука выронила винтовку. Сгоряча не понял, что вторая пуля насквозь прошила ногу. Почувствовал это в воде, когда, неуклюже загребая одной рукой, устремился к противоположному берегу. Нога была тяжелая, словно чужая. Плыл, минутами теряя сознание от боли. И когда, изнемогая, добрался уже до берега, земля вдруг раскололась вдребезги — и все померкло...

Из всей группы их осталось тогда всего три человека. Двоих тут же расстреляли рассвирепевшие казаки. (Оказывается, в перестрелке партизанами был убит урядник и ранено несколько стражников.) Хотели пристрелить и его, Петериса, но при обыске нашли у него документы, свидетельствующие о том, что он прибыл в отряд из Риги (он действительно некоторое время жил у Яна, который передал с ним для партизан важные указания). «В целях раскрытия организации» его не расстреляли, а отправили в жандармское отделение Вендена. Все это он узнал потом, когда после долгого пребывания в лазарете его начали донимать бесконечными допросами. Он был ранен в голову. Пуля так и осталась в черепе и часто дает о себе знать жестокими головными болями...

Военно-полевой суд в Ревеле приговорил его к расстрелу. Недели, проведенные в камере смертников, оставили в волосах серебряные нити. О чем думал тогда перед лицом смерти семнадцатилетний мальчишка? Помнится, страшно было так рано расставаться с жизнью. Словно впервые увидел солнце, голубое небо, ощутил ласковое прикосновение ветра, услышал птичий гомон. Но чувство исполненного перед Родиной долга приносило нравственное удовлетворение, рождало высокие мысли о героизме, о неизбежности жертв во имя свободы и счастья своего народа.

И когда по несовершеннолетию смертную казнь заменили ему тюремным заключением, он мысленно дал себе клятву посвятить всю свою жизнь делу освобождения родной Латвии от поработителей.

В тюрьме он расстался со своим мальчишеским романтизмом и вышел оттуда сознательным революционером, большевиком, думающим не только о судьбе Латвии, но и о судьбе всей России.

Он в совершенстве овладел искусством конспирации и целых два года был самым активным партийным про-

пагандистом среди рабочих. Выступал под разными конспиративными именами: «Малииетис» (Далекий), «Скуя» (Хвоя), «Саша» и «Павел». Но все-таки охранка выследила его. Снова суд и суровый приговор — вечная ссылка в Иркутскую губернию. Да его судьба, собственно, ничем не отличалась от судеб многих революционеров — тюрьмы, ссылки, побег...

К побегу начал готовиться, едва переступив порог тюрьмы. Через ссыльных достал документы на имя Яна Карловича Берзина. Но совершить побег удалось лишь весной 1914 года.

В тот ненастный день до самых сумерек он вместе с другими арестантами таскал из лесу бревна для каких-то построек. Зазевавшийся конвойный не заметил, как высокий парень метнулся за деревья и, пригнувшись, ходко побежал в глубь тайги. Его, очевидно, хватились, но слишком поздно! Слышалась далекая стрельба.

Как он не умер тогда от разрыва сердца, когда бежал по какому-то оврагу, проваливаясь по колени в сыром рыхлом снегу? Помнится, он выбился из сил и почти без памяти упал в этот мокрый снег прямо лицом. Холод и тишина привели его в чувство. Спасли непроглядная темень и непогода: вдруг повалил крупными, мокрыми хлопьями снег — и солдаты прекратили преследование. Вероятно, они решили, что арестант далеко не уйдет — кругом тайга да болота. Но он ушел...

С нечеловеческой настойчивостью пробирался к ближайшей железнодорожной станции, делая длинные переходы верст по тридцать в день через болота, через колючий сухой бурелом, по звериным тропам. Спасали охотничьи заимки — низкие бревенчатые избушки, где в продуктовых клетях — «завозннях» — можно было найти муку, крупу, спички. Обычно все это хранилось в огромной деревянной колоде, накрытой такой же крышкой. Зверя он не боялся — боялся встречи с человеком и все же не миновал одной такой встречи...

...Простуженный, выбившийся из сил, с жестокой головной болью, петлял он между деревьями, тщетно стараясь отыскать подходящее место для ночлега. И вдруг совершенно неожиданно увидел теплый огонек. Минута — и он уже был в избушке, где словно мотор гудела железная печка с открытой дверцей, наполняя жилье теплом и светом. Он не сразу обратил внимание на боро-

датого старика, который сидел на лавке и растирал руками ногу.

— Кто таков? — испуганно крикнул старик, хватаясь за берданку, но тут же успокоился, увидя больного, безоружного человека.— Ходют тут всякие,— ворчал он про себя, настороженно поглядывая на непрошеного гостя.— Ну садись, коль пришел...

Но Петерис не помнит, как свалился прямо на пол без чувств. Очнулся он в теплой постели и почувствовал, что не может от слабости поднять руку. Старик обрадовался:

— Очухался? Вот и хорошо, вот и ладно... Целую неделю без памяти лежал, простыл, видно, здорово. А я тебе лекарство привез, в соседнюю заимку скатал... Да тут всего верст пятьдесят. Мазь у них хорошая. Бабушка Матрена сама варит ее на разных травах, на медвежьем сале... Вот разотрем тебя покрепче, оно, глядишь, хворь-то как рукой снимет. А сейчас похлебочки из зайчатинки, чайку... Мигом тебя поднимем. Ты из каких же будешь? Не русский, видать. В бреду-те все чего-то не по-нашенски лопотал... Чухонец? А? Чухонцы, говорят, народ работящий, только бедный уж очень... У тебя своя домашность-то есть? Ну, изба, скот, птица там и прочее. Одним словом, хозяйство?

Узнав, что Петерис из батраков, старик сочувственно сказал:

— Вот оно как, стало быть... Несчастливая линия тебе выпала.... Просторна матушка Расейская земля, а мужик наш еще досыта хлеба не едал. Царя, говоришь, скидать надо? Эк куда хватил! В пятом году попробовали, а что из того вышло? Царь, он, брат, есть царь! Что захочет, то и делает... Говоришь, народ сильнее? Тоже верно... Он, народ-то, терпит, терпит, а потом за вилы да топоры... На том и стоит Расея... В пятом году у нас мужички здорово осерчали. Гнали нас тогда, прости господи, как скотину в Маньчжурию. Ешелон туда, ешелон оттуда — уже без рук, без ног. Японцы все «банзай» да «банзай», а наши — «господи, помилуй». Вот мужики и осерчали, пощекотали кое-кого из богатеев основательно. Ходил ли я на тако дело? А как же? От обчества нельзя отбиваться...— Старик хитро посмотрел на Петериса блекло-голубыми глазами.— Царь-то тогда зело испугался, всякие «высочайшие милости объявил».

Благодаря заботам старика Петерис быстро поправлялся. Они подолгу беседовали у гудящей печки, попивая чай, который черпали прямо из котла. Киприян Иннокентьевич рассказывал про свою жизнь, и была она так же многотрудна и безрадостна, как жизнь латышского крестьянина. Одно тогда крепко запомнилось Петерису: ничего народом не забыто и не прощено царскому самодержавию — ни бессмысленная маньчжурская война, ни расстрелы рабочих в 1905 году.

На прощанье старик сказал:

— Ну, бывай, чухонец. Храни тебя господь. Я ведь сразу догадался, что ты за птица. Вдругорядь не попадайся... А насчет народа ты все правильно сказывал...

И когда Петерис, закинув за плечи мешок с продуктами, которыми щедро снабдил его старик, тронулся в путь, дед Киприян внезапно крикнул:

— Обожди, паря, вернись-ка на пару слов! — Петерис вернулся. Старик смущенно пробормотал:— Вот ведь како дело, что-то хотел сказать тебе и позабыл, старый хрен...— И вдруг порывисто обнял Петериса, перекрестил и хриплым от волнения голосом проговорил: — Иди своей дорогой, сынок, иди... Только если взялся за гуж, не говори, что не дюж, как говорят у нас на Руси.

Сколько раз вспоминал он потом напутствие Киприяна и думал о том, что он, революционер, обязан пробуждать сознание прав человека и гражданина в миллионах таких Киприянов, чтобы наконец они разрушили, по выражению поэта, «жизни проклятой страданья». Он считал себя рядовым революции и гордился этим — только мужество и самоотверженность рядового бойца обеспечивает окончательную победу. «Все мы — инвентарь революции»,— сказал однажды Берзин своей сотруднице. Той и невдомек было, какое самоотречение заключали в себе эти слова...

С бьющимся сердцем постучал он ночью в окно родного дома — живы ли? Открыла мать. Она сразу же узнала своего Петериса. Ее руки, которые она протянула ему навстречу, дрожали, а в поблекших глазах, сквозь изумление и ночную тревогу, лучилась радость. Жив! А она уже (по старой привычке!) в своих молитвах за упокой души упоминала не только отца, но и его, Петериса. Да, отец умер, не дождался его. Ян арестован недавно, сидит в тюрьме. Паулина и Кристина живут ка-

кой-то своей, неведомой ей жизнью. Все разбежались, осталась она одна.

Мать долго плакала, перебирая пальцами его густые, поседевшие волосы. Двадцать четыре года, а седины словно в пятьдесят... Петерис ласково утешал мать:

— Ничего, мама, ничего... Ты за нас не беспокойся, мы все молодые, сильные. Ну и что же, что седой, а силы у меня — ого! — он сгибал руку и заставлял мать щупать его бицепсы. Она улыбалась сквозь слезы.— Ты себя береги,— тихо говорил Петерис, а сердце его сжималось от тоски и жалости.

Но жизнь это долг, и долг прежде всего перед самим собой,— если ты не сделаешь, то кто же за тебя сделает? В ту же ночь он уехал в Ригу.

Снова началась его напряженная работа агитатора-пропагандиста. Заводы, мастерские, и люди, люди... Вероятно, из него вышел бы незаурядный педагог — его всегда слушали с большим вниманием и интересом. Может быть, слушателей покоряла его искренность, страстная убежденность в том, о чем он говорил? А может быть, они чувствовали в нем своего, рабочего человека. Как бы там ни было, но его любили и всячески оберегали «товарища Папуса» от полицейских ищеек.

Этот период его деятельности характерен борьбой против националистических выпадов различных «партийных деятелей». Приходилось разъяснять рабочим, что только сообща многонациональный пролетариат России сумеет победить царский строй, прогнать помещиков и капиталистов. Только при этих условиях Латвия получит свободу и независимость в общей семье народов свободной России.

Летом 1914 года поползли тревожные слухи о надвигающейся войне между Россией и Германией. В газетах ругали кайзера Вильгельма, обвиняя его в том, что он мечтает о всемирной монархии. Газеты вопили о том, что император Вильгельм не имеет никакого представления о реальности жизни и свои собственные иллюзии принимает за действительность. Но кайзер был не так глуп и знал, чего хотел. Не довольствуясь Африкой, Германия прочно обосновалась и в Азии. В 1898 году она отвоевала у Японии Циндао на Шаньдунском полуострове, заключив договор с Китаем об аренде области Киао-Чао из 99 лет. Этим она нажила себе в лице японского импе-

риализма смертельного врага. В стране пропагандировались идеи пангерманизма. «Наша цивилизация должна воздвигнуть свои храмы на горах трупов, океанах слез, на телах бесчисленного множества умирающих. Иначе быть не может»,— прямо заявлял один из лидеров пангерманизма граф Готлиб.

Германия увеличивала число судов не только торговых, но и военных. Кайзер заявил, что будущее Германии на воде («Unser Zukunft auf dem Wasser»). Началось соревнование между Англией и Германией в сфере военного судостроительства. Англия уже беспокоилась не за колонии, а за собственную территорию, которой угрожали дредноуты и «цеппелины» Германии.

Благодаря отторжению от Франции Эльзаса и Лотарингии германская промышленность стала бурно развиваться и перегнала английскую. Германии понадобились новые рынки сбыта, и она нацелилась на Ближний Восток, мечтая захватить Константинополь и часть турецких владений. Но царская Россия тоже посматривала на Ближний Восток и вовсе не заинтересована была пускать туда Германию. Так завязывался тугой узел противоречий в Европе, и нужен был лишь предлог, чтобы вспыхнула мировая война. И такой предлог вскоре представился.

В конце июня 1914 года весь мир как громом поразило известие об убийстве в Сараеве австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги — герцогини Софии Гогенбург. В газетах описывались все подробности убийства. Преступником оказался девятнадцатилетний юноша, гимназист восьмого класса Гаврила Принцип, серб по национальности. Через месяц Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Россия заступилась за славянское государство. Тогда Германия 19 июля 1914 года объявила войну России.

Россия выступила в этой войне как защитница прав и справедливости угнетенных малых славянских народов. На самом же деле это была война империалистических хищников за передел мира, за колонии, за мировое господство. Кроме того, Россия, напуганная революцией 1905—1907 годов, надеялась на то, что война отвлечет массы от революционных настроений.

Все-таки его мобилизовали в царскую армию. Мещанин Берзин Ян Карлович, без определенных занятий, был

схвачен во время облавы на улице Риги и отправлен на фронт. Но всюду в анкетах он пишет, что не служил в царской армии, и очень гордится этим. Ему удалось сразу же удрать (опыт побега с каторги пригодился!) — сначала в Псков, а оттуда — в Петроград.

На Петроград навалилась жара. По улицам мрачно шагала пехота в лагерной пропыленной форме. Не слышно было ни музыки, ни команд. На станциях священники кропили новобранцев святой водой. На зданиях развевались трехцветные царские знамена с черным двуглавым орлом в желтом квадрате.

По случаю всеобщей мобилизации Петерису сразу же удалось устроиться слесарем-металлистом на знаменитый франко-русский завод Радлова. Завод был огромный, и жизнь в нем кипела словно в котле. Петерис сразу же связался с социал-демократической организацией и принялся за свое дело агитатора-пропагандиста. Ему приходилось сдерживать патриотические порывы некоторой части рабочих, которые считали, что Россия должна воевать до победы и поставить Германию на колени,— в этом, мол, заключается национальная гордость русских. Пришлось читать рабочим Ленина «О национальной гордости великороссов», где Ленин разъяснял, что большевики выступают не против отечества вообще, а против грабительской войны во имя интересов помещиков и буржуазии, за социалистические интересы не только великорусских, но и всех иных пролетариев.

Опасаясь агентов охранки, Берзин переходил с одного завода на другой и всюду организовывал социал-демократические кружки, был главным застрельщиком в организации забастовок. А их становилось все больше и больше. Рабочая среда была для него родной стихией. Он очень гордился своей принадлежностью к рабочим-металлистам. И если уж быть честным перед самим собой, то он с удовольствием приобрел бы какую-нибудь техническую специальность и работал на заводе. Кстати, он об этом написал в одной из анкет, чем немало изумил начальство. Он и потом не порывал связь с заводами. А его миссия, по-видимому, в другом — быть всегда на переднем крае революции, и всю свою жизнь, начиная с 1905 года, он рассматривает как служение революции.

Империалистическая война затягивалась. Народ уже многое понял, и, когда в июле 1916 года председатель Го-

сударственной думы Родзянко выступил с призывом не щадить ни сил, ни времени для работы на войну, отдать свой труд в сокровищницу народной мощи, его речь вызвала среди рабочих бурю протеста! Начались массовые забастовки и революционные выступления. В февральскую революцию он уже был членом райкома партии и выполнял массу всяких партийных поручений, в том числе был заведующим латышской партийной типографией в Петрограде и членом редакции газеты «Пролетариата циня». В Петроградском исполкоме он впервые встретился с Дзержинским. Это было в конце июля 1917 года. Дзержинский приехал в Петроград на VI съезд РСДРП(б).

Берзин много слыхал о Дзержинском. О нем с восхищением говорили политкаторжане как о настоящем революционере. А настоящий революционер, в их понимании, это такой человек, который, несмотря ни на какие обстоятельства, является хозяином истории. Соратник Ленина, Дзержинский был одним из активнейших руководителей партии. На всех каторгах знали о каждом его шаге, прислушивались к каждому его слову. Все партийное подполье охраняло и оберегало его от полиции и жандармов.

После очередного побега из сибирской ссылки здоровье Дзержинского окончательно расшаталось, и по личному настоянию Ленина он вынужден был уехать в калмыцкие степи на кумысолечение. В Петроград Феликс Эдмундович приехал отдохнувшим и несколько окрепшим, но впалые щеки и лихорадочный блеск глаз говорили о разрушительной работе коварной болезни.

Встреча с Дзержинским произвела на Берзина огромное впечатление. Прежде всего поразила его энергия, его удивительная дотошность в проверке исполнения заданий. Причем Дзержинский ценил творческий подход к исполнению, заставлял думать, развивать в себе революционную интуицию.

Феликс Эдмундович поручил Берзину как члену исполкома обеспечить охрану съезда. Берзин связался с латышскими стрелками и с рабочими-красногвардейцами Путиловского завода. Охрана получилась очень надежной. Дзержинский лично похвалил его за четкое и оперативное выполнение задания. Может быть, с того самого времени Феликс Эдмундович и приметил его, Берзина? Он заходил к нему в редакцию, интересовался отноше-

нием рабочих к Латышской социал-демократической партии. Феликс Эдмундович придал исключительное значение тому факту, что Берзин долгое время сам был рабочим-металлистом и, как говорится, шел к революции снизу.

На VI съезде было принято решение о подготовке партией вооруженного восстания пролетариата, беднейшего крестьянства и солдат, о последней битве с буржуазией за социалистическую революцию.

Рядовому революции Яну Берзину не довелось быть на этом историческом съезде, но он счастлив тем, что охранял его высоких делегатов от контрреволюции, способствовал нормальной работе съезда в полулегальных условиях.

Да, если вспоминать жизнь только крупными эпизодами, то и тогда она окажется очень длинной, а если разматывать ее день за днем, словно клубок пряжи,— получится какая-то бесконечность. В общем-то, пожалуй, вся она состоит из крупных планов, и не было в ней ничего мелкого, наносного, чего бы он мог стыдиться. Вся его жизнь связана с партией, с революцией. Он вынес революцию на своих плечах.

Участвовал в подавлении левоэсеровского мятежа в Ярославле, который возглавлял Савинков. А когда в декабре 1918 года его родная Латвия была провозглашена Советской республикой, он стал заместителем наркома внутренних дел Северной Латвии. Матери уже не было в живых. Та памятная встреча после ссылки оказалась последней. Так и не довелось матери хотя бы на короткий срок изведать счастье свободы. Да, на короткий... В мае 1919 года белогвардейцы захватили Ригу, и он, замнаркома внутренних дел, снова бился с врагами в строю рижского рабочего батальона.

Даже его любовь вспыхнула мгновенно и ярко на фоне крупных событий. Летом 1919 года войска Юденича двинулись на Петроград. Его, Берзина, назначили начальником политотдела одиннадцатой стрелковой дивизии, но дрался он, как рядовой боец. Под городом Островом их дивизия наголову разбила врага и отбросила его от Петрограда. В Острове он встретил ее, Лизу Нарроевскую, тоненькую маленькую девушку. Помнится, любовь сделала его решительным и отчаянным, готовым на любой подвиг. Совершенно неожиданно для самого себя он вдруг

открыл в себе особые стратегические способности, изобретательность, ловкость... Да, любовь великая вещь...

В начале декабря 1920 года он неожиданно получил приказ Дзержинского прибыть в Москву, в распоряжение Регистроуправления. Феликс Эдмундович помнил о нем!

По воле Дзержинского он, Ян Берзин, стал главой военной разведки молодой Красной Армии.

Павел Иванович — так называют его сотрудники по одному из его прежних партийных псевдонимов. А еще — Старик. Прозвали, черти, Стариком... Вероятно, как руководителя, как старшего... Он с благодарностью подумал о своих сотрудниках: Василий Васильевич Давыдов, или просто Вася, его заместитель. Васе нет еще и тридцати! Отчаянная голова. Участвовал в уничтожении банды Дутова, награжден за эту операцию орденом Красного Знамени. Очень толковый работник. Василий Васильевич душа всего коллектива, остроумный, веселый, жизнерадостный...

Наташа Звонарева — его бессменный секретарь. Кажется, научилась понимать его без слов. Отличный, чуткий товарищ, исключительно дисциплинированна и выдержанна.

Кароль Сверчевский, Иван Винаров, Хаджи Мамсуров — все они его воспитанники, его верные помощники. С ними начинал он работать и, пожалуй, сам многому у них научился...

Берзин твердо решил поговорить с Рихардом Зорге и для этой цели в ближайший вторник отправился в немецкий клуб.

Увидев Берзина, Зорге помахал ему рукой как близкому знакомому.

На этот раз Берзин был самым невнимательным слушателем очередных споров и дискуссий. Он снова и снова (в который раз!) обдумывал предстоящий разговор с Рихардом. Ведь Зорге, в сущности, ничего не знает о нем, Берзине, и еще неизвестно, как отнесется к его предложению. В конце концов Ян Карлович решил, что зато он знает о Рихарде достаточно много, чтобы начать ответственный разговор.

Когда народ стал потихоньку расходиться из клуба, Зорге сам подошел к Берзину и взволнованно заговорил

об успехах Красной Армии. Из клуба они вышли вместе, продолжая разговор о событиях на Дальнем Востоке.

— Да, война снова тревожит мир,— задумчиво констатировал Зорге.— Мы все время являемся свидетелями попыток захвата территорий, социальных недовольств и других причин, приводящих нации к войне. Живем как на вулкане.

— Вы думаете, Германия будет воевать? — спросил Берзин.

— Как не воевать, если все деньги, взятые у американцев, ушли на литье пушек и постройку субмарин,— иронично ответил Зорге и после короткой паузы серьезно продолжал: — Мир стонет под бременем неслыханных, небывалых в истории расходов на вооружение. Один лишь пушечные короли потирают от удовольствия руки. Даже самые миролюбивые державы вынуждены пересматривать свои бюджеты и выделять на нужды обороны гораздо больше, чем на все остальные нужды государства. А что им остается делать? Италия нацеливается на Албанию, Германия спит и видит [illegible], Восточную Европу своей колонией.

— Вы так мрачно смотрите в будущее? — усмехаясь, спросил Берзин.

— Да, мои прогнозы не из веселых,— серьезно ответил Зорге.— Быть войне или не быть? — вот вопрос трагичнее гамлетовского. Прежние миллионные военные бюджеты давно сменились миллиардными. Я где-то вычитал недавно, что на вооружение весь мир тратит свыше миллиарда франков в день, или шесть миллионов фунтов стерлингов! Вообразите, сколько нужного и полезного для всех можно было бы создать на эти миллионы в день! — Зорге оживился: — Можно было бы покрыть весь земной шар железными дорогами, построить множество благоустроенных домов, заводов, фабрик, научных лабораторий. Да мало ли чего можно было бы сделать!

Постройка гигантского французского парохода «Нормандия» вызвала сенсацию... Смешно! Сотни «Нормандий» можно было бы построить на те средства, которые расходуются теперь в течение только одного года на вооружение держав!

Берзин слушал, давая возможность Рихарду высказать до конца все, что у него наболело.

— Самое страшное в том,— продолжал Зорге с во-

одушевлением,— что новое поколение Германии воспитывается в сознании неизбежности и благодетельности войны. Фашисты кричат о реванше и тут же расстреливают рабочих.— Он с возмущением и болью начал рассказывать о зверском расстреле первомайской демонстрации в Берлине, о погибших товарищах.

— Я чувствую, что все ваши мысли там. Тоскуете по Германии? — спросил Берзин.

Зорге улыбнулся.

— Не то слово. Я принадлежу к тем неспокойным душам, которые предпочитают активные действия. Свое теперешнее существование считаю прямо-таки идиллическим. Это несколько угнетает.

— Понимаю,— сочувственно усмехнулся Берзин.— Хочется большой драки?

— Вот-вот... Ужасно надоели словесные битвы с троцкистами и ультралевыми.

Разговор принял нужный оборот, и Берзин прямо спросил:

— Хотите поехать в Китай?

Зорге озадаченно посмотрел на Берзина, и Ян Карлович заметил, как вздрогнули уголки его губ, а лицо стало строгим, почти замкнутым.

— Я вас слушаю,— мягко, но серьезно произнес он.

— Я читал все ваши статьи и работы и пришел к выводу, что дело, которое я имею в виду, вам по плечу.

Берзин подробно изложил свой план: знать о замыслах врагов СССР, чтобы своевременно предупреждать о грозящей военной опасности первое в мире социалистическое государство.

Зорге выслушал Берзина очень внимательно. После довольно продолжительного молчания он сказал:

— Вы сделали мне интересное предложение. Китай — страна больших возможностей. Пожалуй, узел противоречий завязывается сейчас именно на Дальнем Востоке. Решается вопрос о гегемонии американского, японского и английского капитала в Китае. Дальний Восток — опасный очаг войны. Японцы выдвинули лозунг «Азия — азиатам». Американцы молча соглашаются, но делают свое дело — упорно расширяют сферу влияния, оттеснив Японию, Англию, Францию...

Зорге снова надолго замолчал, видно обдумывая предложение Берзина. В его глазах появилось глубокое, со-

средоточенное выражение. Ян Карлович не мешал ему — пусть как следует переварит. Так в глубоком молчании они прошли значительный отрезок пути. Наконец Рихард заговорил:

— Лестно, что вы оказываете именно мне такое доверие... Но вы уверены в том, что я справлюсь?

Обычная в таких случаях, почти стереотипная фраза! Но в тоне, каким она была произнесена, Берзин чутко уловил искреннюю заинтересованность.

— Абсолютно! — горячо ответил он Рихарду.

— Спасибо... Я поеду в Китай, но мне нужен помощник, радист, хорошо знающий свое дело.

— У меня есть такой человек, — быстро и отчетливо сказал Берзин, обрадованный согласием Зорге.— Это Макс Клаузен, ваш соотечественник. Отличный специалист. Кстати, он находится сейчас в Маньчжурии. Зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. В прошлом моряк торгового флота, надежный, исполнительный товарищ, не женат.

— Хорошо,— просто отозвался Зорге.

Он не стал задавать Берзину лишних вопросов, понимая, что тот сказал ему для первого знакомства столько, сколько нужно было сказать. Они условились о новой встрече в кабинете Берзина.

Был канун Нового года. Радиовещательные станции Москвы сообщали о полной победе Красной Армии над китайскими интервентами. 22 декабря в Хабаровске обе стороны подписали протокол о восстановлении статус-кво на КВЖД. Возобновились консульские отношения. На границах Китая и СССР была тишина — войска обеих сторон отошли на мирные позиции в глубь своих территорий.

Нервное напряжение последних дней спало, и Берзин почувствовал себя бесконечно усталым.

Новый год решили встретить в доме отдыха. Андрей заранее радовался возможности покататься на лыжах, поиграть с отцом в снежки и особенно пострелять в тире. Никто так метко не стрелял, как его отец,— все частные содержатели московских тиров панически боятся его посещений. Высокий военный уносит буквально все трофеи.

За город приехали как раз к обеду. На бледном небе

ярко горело солнце, а снег был прорезан синими тенями, и по нему к зданию столовой шли веселые праздничные люди.

После обеда Елизавета Константиновна занялась своими делами, а отец и сын пошли в лес на лыжах.

Лесные великаны, закутанные в белые снеговые шубы, молчаливо расступались перед ними. Иногда на них неожиданно обрушивался целый каскад искрящегося снега, и Андрейка вскрикивал от удовольствия. Берзин учил сына правильно ходить на лыжах, иногда они оба падали и звонко смеялись, пугая больших черных ворон.

После долгой работы в кабинете, где пахло старой бумагой, в лесу дышалось особенно легко. Вокруг была добрая, солнечная тишина, и Берзин подумал, как редко выпадают на его долю вот такие минуты полнейшего покоя.

Он иногда скучал по Латвии, по ее лесам и озерам, по деловито шумящему, холодному бледному морю. Как же это случилось, что его родная Латвия [illegible] по ту сторону советской границы?

Оскар Стигга, только что вернувшийся из Латвии, привез нерадостные вести. Страну [illegible] экономический кризис, основа внутренней политики — [illegible] террор. Все осталось по-прежнему: [illegible] рабский труд. В их бараке, наверное, живут какие-то люди... В одной из комнат этого убогого жилища умерли его отец и мать... На родной земле остались их дорогие могилы.

Ульманис мечтает о фашистской диктатуре. Промышленность совсем заглохла, страна превратилась в поставщика сырья для Германии и Англии. Когда-то Ян так и пророчил. Аграрный придаток для других стран Европы — вот что такое сейчас Латвия. Партия сельской буржуазии «Крестьянский союз» вскормила военную организацию айзсаргов, что-то наподобие немецких штурмовиков. Германия смотрит на Латвию как на военную базу против СССР.

Единственное, что утешало Берзина,— это острая революционная обстановка в стране. Коммунистическая партия делает свое дело, хотя и с большими потерями. Буржуазия беспощадно расправляется с коммунистами, комсомольцами, революционно настроенными рабочими. Умер в тюрьме замечательный пролетарский поэт Леон Паэгле.

Рихард Зорге выехал в Шанхай, и Берзин терпеливо ждал от него радиограмму.

Берзин думал о том, как молода еще Советская республика. Всего каких-то двенадцать лет со дня революции. А на Дальнем Востоке и того меньше. Но поди возьми ее голыми руками! И напрасно капиталистический мир лелеет надежду на разгром большевизма.

Ян Карлович всегда испытывал гордость от мысли, что латыши занимают видное место в борьбе за Советскую республику. Латышских стрелков называли авангардом революции. Выходцы из рабочих и батраков, они доказали, что пролетариат является ведущей силой революции.

Латышские полки были сформированы царским правительством в 1915 году и брошены на фронт против немцев. Правящие классы искусно использовали ненависть латышей к своим поработителям — немецким баронам. В ходе войны латышские воины поняли, кто их истинный враг, и с первого же дня революции перешли на сторону революционных сил. Позже они как регулярные части вошли в состав Красной Армии.

Своими боевыми действиями латышские стрелки доказали свою исключительную преданность революции. В 1917—1918 годах они выполняли самые сложные боевые задания Военно-Революционного комитета, ВЧК, Совнаркома и ВЦИК.

Латышские красные стрелки охраняли Смольный в Петрограде и Кремль в Москве, участвовали в подавлении ярославского белогвардейского мятежа, храбро сражались на фронтах гражданской войны.

Благодаря охране латышских стрелков было предотвращено покушение на Ленина в 1918 году в Петрограде.

Латышский народ выдвинул из своей среды такие незаурядные личности, как П. Стучка, Ян Берзин (Зиемелис), Я. Лацмайис, Р. Эйхе, Э. Звирбулис, Я. Германис, Мартин Лацис, Я. Рудзутак, И. Вацетис, К. Петерсон и многие, многие другие.

В памяти Берзина возникли слова старинной народной песни:

Люди русские, литовцы —
Все друзья мои и братья...

Эту песню любил напевать отец, когда в праздники бывал немного навеселе. Старые люди говорят, что она

родилась чуть ли не в XII веке, когда латыши совместно с литовцами при поддержке русских воевали против немецких крестоносцев. Удивительно долговечна народная память на дружбу!

«Свободная Латвия в свободной России!» — этот лозунг, с которым шли в бой латышские красные стрелки, пока не осуществлен... Но он будет осуществлен! Они с Андрейкой поедут на родину. В окне вагона будут мелькать сосновые леса, а потом вдруг блеснет холодным светом бледно-голубое, залитое солнцем море... Жизнь невероятно сложна, и сложен сам человек, но его частная судьба в конечном счете сливается с судьбой его народа.

Интересно, понравилось бы Андрюшке море? Ян Карлович посмотрел на сына, который смело штурмовал большой сыпучий сугроб. Щеки его горели румянцем, варежки были мокрыми от снега, а шапка сдвинулась на самый затылок.

— Ох и попадет же нам, Андрейка, от матери! — сокрушенно сказал Ян Карлович, поправляя на сыне шапку и ощупывая его штаны.— Совсем мокрый, бесенок,— с притворным недовольством констатировал он, но глаза его смеялись — в конце концов в кои-то веки ребенок вырвался на волю...

— Ну и пусть! — чувствуя хорошее настроение отца, ответил Андрейка и снова ринулся на штурм сугроба.

Вернулись уже в сумерках, довольные и счастливые своей прогулкой.

Ночью занепогодило. На улице крутила январская метель, по обледенелым камням мощеного двора, словно дым, стелилась поземка. А в зале было тепло, уютно и очень многолюдно. В центре обширного зала сверкала мишурными украшениями елка в свете электрических лампочек. Большие часы с круглым циферблатом отстукивали последние минуты 1929 года.

Играла музыка, и многие танцевали. Танцевал и Берзин с женой. В стройном молодом человеке с обаятельной белозубой улыбкой едва можно было узнать сурового начальника. Елизавета Константиновна Нарроевская, маленькая, тоненькая, словно девочка, выглядела очень красивой в своем нарядном новогоднем платье. Ее выразительное лицо с неправильными чертами было оживленно, глаза радостно блестели.

Минутная стрелка часов дрогнула на круглом циферблате и незаметным скачком передвинулась на цифру 9. Распорядитель вечера, сверкая белоснежной манишкой, громким голосом провозгласил:

— Товарищи, прошу всех к столикам.

В ресторане с интимным полусветом было не менее уютно, чем в зале. Когда старинные часы солидно пробили двенадцать раз, все дружно подняли бокалы. Тост был один: за победу Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, за здоровье ее главнокомандующего Блюхера.

Никто не обратил внимания на мужчину в штатском и его подругу в скромном вечернем туалете. Их почтительно усаживал за столик в самом центре зала распорядитель вечера. И вдруг кто-то из командиров с непередаваемым выражением испуга и удивления в голосе тихо, но внятно выдохнул: «Блюхер!..»

— Где, где? — послышались любопытные возгласы женщин. Но командиры сорвались со своих мест и с криками «Ура! Блюхер!» окружили его столик. Начались бесконечные объятья, послышались радостные возгласы:

— Василий Константинович! Какими судьбами?!

— Да вот, в тревоге мирской суеты, можно сказать,— смеялся Блюхер, отвечая на объятья, крепко пожимая руки окружавшим его командирам.— Ба, кого я вижу! — радостно воскликнул он, увидя пробирающегося к нему Берзина. Они крепко обнялись.

— На отдых? — спросил Ян Карлович.

— Ну что ты, голубчик,— весело усмехнулся Блюхер,— настоящая работа только еще начинается... Вызвали в наркомат с докладом.

Женщины наперебой старались завладеть вниманием Блюхера. Был он красив, привлекателен, а главное — окружен романтикой. Его серые глаза под темными густыми бровями лукаво щурились.

— Приезжайте, боевые подруженьки, к нам на Дальний Восток. Чернобурки у нас прямо на задворках бегают. Выйдешь рано утречком — пих-пах! И воротник...

Женщины недоверчиво посмеивались.

— Я не шучу. Экзотика такая, что дух захватывает. Тайга, сопки, море...

— Тигры, медведи... Как у Арсеньева,— насмешливо продолжила одна из женщин

— О нет,— поспешно парировал Блюхер, поднимая

ладони и как бы отталкиваясь ими от насмешницы — Ни- какой дичи. Народищу понаехало тьма-тьмущая! Молодые, красивые... Города и поселки растут, словно грибы после дождя...— Он обвел взглядом смущенных женщин.— Жаль мне вас. Сидите небось в своих душных конторах, на третьестепенных должностях, унылые, скучные... А там — размах! Сразу командные должности. «Твори, выдумывай, пробуй!» Так что, если ваших мужей будут посылать на Дальний Восток, вы ни в коем случае не отставайте...— Он заговорщически подмигнул всем.

— Ну и хитрый же вы, Василий Константинович! — продолжила одна из женщин.

— А разве я не прав? — весело отозвался Блюхер.— Жена военного — женщина особой категории, она не должна теряться ни при каких обстоятельствах. «Боевые подруги!» — звучит-то как, а?

— Правильно, Василий Константинович! — хором поддержали его командиры.

— Выходят за нас замуж — клянутся в любви до гроба, а чуть что, и шапки врозь.

— Ну, ну, среди присутствующих, я думаю, таковых не имеется...— шутливо-примирительным тоном ответил Блюхер.

Командирам не терпелось расспросить Блюхера о событиях, узнать все из первых рук. Они увели его в гостиную, усадили в уютное мягкое кресло и буквально набросились с вопросами, торопясь и перебивая друг друга.

— Ну что вам сказать, товарищи? — начал Блюхер со снисходительной полуулыбкой человека, знавшего такое, чего не знали эти штабники, сидевшие здесь, в Москве.— Мы им, конечно, здорово врезали, долго помнить будут, но и нам, откровенно говоря, досталось. На них весь империализм работал — Япония, Англия, дядюшка Сэм. А мы своими силенками.

— Ну и как же вы?..— задал кто-то вопрос.

— А вот так... Благодаря воинской выучке бойцов, их высокому моральному духу, готовности умереть во имя победы. А их солдаты, по-моему, просто не знают, за что воюют, отсюда дикое мародерство, отсутствие инициативы, взаимовыручки. Орут, беснуются, стращают, а стреляют в божий свет, в «копеечку». Дикая орда, а не армия. События показали, что организация войск Дальневосточ-

13 М. Колесникова

ной армии — дело первостепенной важности. Основа основ это, конечно, политическое воспитание воинов. Воевали мы хорошо, но должны воевать еще лучше. Сейчас нам нужны хорошие политработники, комиссары. Надеюсь на вашу помощь, товарищи штабники, а? — Блюхер насмешливо оглядел притихших командиров.— Спокойной жизни не обещаю, нет... А вот роскошную охоту — да! — И уже совершенно серьезно продолжал: —Край чудесный, товарищи, что и говорить. Недаром враги лязгают зубами. Куда там какому-то Клондайку перед нашим Дальним Востоком! Но его нужно охранять, и охранять крепко...

— Неужели затеют большую войну? — раздумчиво сказал один из командиров. Блюхер усмехнулся:

— Кто-то из буржуазных философов выразился по поводу войны, что она является локомотивом мировой истории. Но если нарушается предельная скорость, то это приводит обычно к катастрофе. Современное положение в мире таково, что можно опасаться катастрофы. Со стороны Маньчжурии империализм, несомненно, перейдет к новым нападениям, которые они готовят против СССР.— Он улыбнулся с видом человека, знающего больше, чем говорил.

Берзин невольно залюбовался Блюхером. На вид Василий Константинович был очень прост и сдержан, но под этой сдержанностью угадывалось кипение чувств, неуемная энергия.

«Хорош!» — непроизвольно улыбаясь, подумал Берзин и вспомнил, как впервые познакомился с Блюхером в 1922 году на сессии ВЦИК, проходившей осенью в Москве. О Блюхере ходили легенды — талантливый полководец, начдив прославленной 51-й стрелковой дивизии, которая успешно громила Врангеля; организатор побед Народно-революционной армии на Дальнем Востоке.

Их кто-то представил друг другу. Стройный, невысокого роста, комкор с орденом Красного Знамени на груди крепко пожал руку Берзина, обнаруживая этим рукопожатием искренний, доброжелательный характер (Берзин терпеть не мог твердых, негнущихся ладоней, напоминающих плоские деревянные дощечки. Обладатель такой руки всегда настораживал его).

— В Крыму, случаем, не воевали в Латышской дивизии? — быстро спросил Блюхер.

— Нет. К сожалению, нет,— ответил Берзин.

— Отличная была дивизия! Все ребята как на подбор: высокие, плечистые, вроде вас...

Они оба засмеялись, и разговор стал живым и непринужденным.

— Когда-то моей заветной мечтой было стать слесарем-лекальщиком,— сказал Блюхер.

— Представьте себе, моей — тоже,— ответил изумленный Берзин.

Выяснилось, что оба работали слесарями на франко-русских заводах, только в разное время, Блюхер в 1905-м, а Берзин — в 1914 году. Оба были изгнаны за большевистскую пропаганду среди рабочих. В начале войны обоих призвали в царскую армию. Берзин дезертировал и стал профессиональным революционером, а Блюхер в первых же боях под Тернополем получил тяжелое ранение и был с почестями (два Георгиевских креста и Георгиевская медаль за храбрость!) отчислен из армии.

— И пошел я опять слесарить...— рассказывал он.— Приезжаю в Самару, в 1917 году, прихожу в самарский ревком. Так, мол, и так, прошу трудоустроить меня слесарем на Трубочный завод. А меня спрашивают: «Ты грамотный?» — «В размере церковноприходской школы»,— отвечаю. «Ладно, хватит и этого. Парень ты, видать, шустрый, пойдешь пропагандистом в армию». А вскоре вызывает меня к себе председатель Самарского военно-революционного комитета Куйбышев и говорит: «Товарищ Блюхер, ревком решил послать вас в качестве комиссара вооруженного отряда для освобождения Челябинска от банды Дутова».

Я, конечно, растерялся, но решил, что отказываться от назначения неудобно... Вот так постепенно и стал командующим.

— Выходит, судьбы ведут того, кто хочет, и тащат того, кто не хочет? — засмеялся Берзин.

С тех пор они поддерживали между собой тесную связь, часто переписывались, особенно последнее время в связи с событиями на ДВ.

— Будет война или нет — это, в конце концов, решают не Гитлер, не его окружение, не император Японии Хирохито, а те люди, которые живут в других странах и даже на другом континенте,— донесся до Берзина голос Блюхера.— Они не проливают крови, не сбрасывают бомбы на мирные города и села, но именно они отпускают на все

это нужные деньги. Имя им — миллиардеры. По их приказанию в одной из стран уничтожают огромные запасы зерна, когда соседняя страна голодает. Или вдруг они запрещают покупать нефть в той стране, которая только и жила экспортированием нефти, и страна начинает нищать. По их тихому слову ряд стран заключает ту или другую страну в кольцо экономической блокады — и население вынуждено бедствовать... Конечно, капиталистам хочется уничтожить большевизм, и в этом они едины. Но все же на первом плане у них собственные прибыли, и тут они не постесняются — перегрызут друг другу глотки. Нам остается лишь зорко наблюдать за их действиями и усиленно готовиться к обороне...

Блюхер посмотрел на всех с какой-то извиняющейся полуулыбкой (мол, все, что я говорил, вы и сами отлично знаете) и развел руками.

Было уже далеко за полночь. Музыка в зале затихла. Послышался говор, женский смех. Блюхер посмотрел на часы.

— Ох, уже второй на исходе! Пойдемте искать своих боевых подруг...

Он встал, и все с явным сожалением поняли, что нужно расходиться.

Блюхер пошел рядом с Берзиным.

— Спасибо, Ян, за оперативные сообщения,— дружески сказал он.— Твои разведчики работают как часы.

— На том стоим,— усмехнулся Берзин.

— Ну, не скажи... Тут особая выучка чувствуется.— В голосе его прозвучали уважительные нотки.

Они помолчали тем молчанием, которое так легко между двумя старыми друзьями.

— А знаешь, о чем я сейчас подумал, Ян? — внезапно спросил Блюхер Берзина.

— О чем?

— Мне бы такого помощника, как ты.

— Я и так твой помощник, Василий Константинович.

— Нет, я не о том. Мне нужен хороший начальник политотдела армии.

Берзин удивленно посмотрел на Блюхера.

— Ты серьезно?

— Очень серьезно, Ян. Очень серьезно. Положение на Дальнем Востоке, как ты знаешь, весьма сложное, сложнее некуда. Нужно готовить армию к большой войне.

Синим мартовским утром, сидя за рабочим столом в кабинете, Берзин внимательно просматривал иностранные журналы: немецкие, английские, итальянские. За окном слышался перезвон весенней солнечной капели. С грохотом срывались с крыш сосульки и рассыпались хрупкими, звенящими брызгами.

Но Берзин забыл уже и про солнце, и про весну, и про замерзшие утренние лужицы, тревожно хрустевшие под ногами, когда он шел на работу. На него снова навалился весь мир, безумствующий, страшный, таящий опасные неожиданности для молодой Советской республики, требующий к себе постоянного, пристального его внимания.

В американском журнале «Либерти» он увидел знакомое лицо: царь всея Руси! Николай II был в обществе своей дочери, великой княжны Ольги. Оказывается, когда ей исполнился год, она уже была первой кандидаткой в невесты принцу Уэльскому. Принцу тогда было два года. «Да, революция явно помешала этому интересному альянсу,— с иронией подумал Берзин.— А мировая война так напугала принца Уэльского, что он до сих пор ходит в холостяках, вызывая недоумение всех политиканов мира. Принц в свое время отверг восемь красивейших принцесс, претендовавших на его внимание... Ай-яй-яй! Интересно, если бы у Гитлера была дочь, монополисты, пожалуй, предложили бы принцу жениться на ней... Диктатор! Спаситель капиталистического мира от большевизма. Тем более что принц Уэльский сторонник профашистской политики».

«Муссолини в клетке со львами — характерный для дуче шаг»,— прочитал Берзин под довольно плохо сделанным снимком. Смирный и, видимо, очень старый лев меланхолично сидел на обрубке толстого бревна и совершенно не реагировал на вторжение человека в фашистском мундире и громоздких сапогах, боязливо стоявшего в дверях его клетки.

«Жалкий позер... Вот уж если авантюрист по натуре, то и авантюрист в политике»,— с горьким сарказмом подумал Берзин.

В начале марта Муссолини представил на конференцию по разоружению в Женеве так называемый «Пакт четырех». Поскольку, мол, Лига Наций неспособна обеспечить мир в Европе, этим должны заняться четыре ве-

дущие державы: Италия, Германия, Англия и Франция. СССР как великой европейской державы будто и не существовало. «Интересно, кто является подлинным автором пакта? Во всяком случае, не этот жалкий позер Муссолини. Не иначе как здесь замешаны Англия или Франция»,— думал Берзин, продолжая перелистывать журналы. И вдруг среди реклам женских шляпок от Жана Пату, среди сенсационных сообщений из жизни голливудских актеров его внимание остановил заголовок: «Торжественное открытие нового рейхстага в гарнизонной церкви Потсдама». Небольшое сообщение было проиллюстрировано фотоснимком, который запечатлел рукопожатие президента республики Гинденбурга и нового премьера Гитлера перед гробом Фридриха Великого. Престарелый маршал как бы благословлял Германию в лице Гитлера на новые завоевательные походы.

«Да, Гитлеру удалось под лозунгом реванша и проповеди самого оголтелого национализма консолидировать определенную часть рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии,— размышлял Берзин.— Понимая, что без опоры на массы он ничего не добьется, Гитлер провозгласил снизу национал-социализм для немецкого народа, чего не смогла бы сделать буржуазия. Народ не поверил бы ей и не пошел за ней. Однако основная масса быстро раскусила Гитлера как ставленника крупных монополий.

На президентских выборах в июле прошлого года большинство голосов получил кандидат демократической партии маршал Гинденбург. Нацистская партия, выдвигавшая Гитлера, получила при голосовании незначительный перевес перед коммунистической партией, лидером которой был Эрнст Тельман.

За Тельмана голосовало почти пять миллионов!

Президентом был выбран Гинденбург. Но крупных монополистов, таких, как Тиссен, Кирдорф, Феглер, подобная политическая ситуация, очевидно, не устраивала. Они, конечно, заставили Гинденбурга передать власть Гитлеру. Победила не национал-социалистская партия, а золото монополий...»

В немецких журналах британская фирма «Фэйери» рекламировала новые военные бомбардировщики. А почему бы и нет? Еще в ноябре 1930 года был отмечен запрет германского самолетостроения. «Будущее Германии — на воде»,— заявил в начале этого века кайзер Виль-

рииг. А в декабре прошлого года конференция пяти держав: Англии, США, Франции, Италии и Германии — в Женеве санкционировала равенство Германии в вооружениях.

Версальский договор, лишивший Германию ее армии и военного снаряжения, оказался иронической шуткой истории: утратив старое вооружение, Германия принялась создавать и приобретать самое новейшее вооружение.

Снова заработали пушечные заводы Круппа, те самые заводы, которые в мировую войну изготовили семь гигантских орудий под названием «большая Берта». Из этих орудий немцы в 1918 году обстреляли Париж.

Получено сообщение, что в водах Балтийского моря появились германские субмарины.

Добыты документы о предполагаемом строительстве так называемой «линии Зигфрида» вдоль западной границы Германии и план этого строительства (Берзин с нетерпением ждал расшифровки документов).

Под видом многочисленных и разнообразных союзов, клубов, спортивных обществ Германия явно ведет военное обучение молодежи, готовя солдат для будущей войны.

«Дранг нах Остен!» — воинственно провозглашает Гитлер. «Просторы России являются нашей Индией».

Европейские державы только радуются такой воинственности фюрера. В конечном счете, как бы ни грызлись они между собой из-за сфер влияний и прибылей, их объединяет сейчас одна «глобальная» задача: уничтожить рассадник коммунизма — красную Россию.

Да, локомотив истории набирает опасную скорость. Недавно в одном из своих интервью американский государственный секретарь Хэлл сказал, что в течение ближайших двух — десяти лет всеобщая война более вероятна, чем мир. Корделл Хэлл знает, что говорит. Он сам — один из главных подстрекателей войны, сторонник гитлеризма.

Америка расширяет свои старые базы в Тихом океане: на островах Самоа, на острове Гуам, на Гавайях, удваивая сферу контроля своего флота на Тихом океане.

Громадное внимание американцы уделяют Панамскому каналу и его защите, считая его чрезвычайно важным в стратегическом отношении: канал позволяет Штатам сосредоточить в случае нужды весь свой флот в любом из океанов — Атлантическом или Тихом. Зона Панамского ка-

нала защищена с обеих сторон фортификационными сооружениями, армейскими, морскими и авиабазами...

Англия не отстает от Америки. После того как Америка закончила свое строительство базы Пирл-Харбор на Гавайях в 1924 году, Англия начала ответное строительство военно-морской базы в Сингапуре. Строительство продолжается...,

После вторжения в Маньчжурию японские милитаристы на ее территории провели огромные фортификационные работы. Беспрерывно поступают сведения о строительстве шоссейных дорог, аэродромов, укреплений.

В основу своей политики японские милитаристы и гитлеровцы кладут националистическую идеологию. Раса Ямато,— утверждают они,— происходит от богини солнца Аматэрасу Омиками, следовательно, только она имеет право владеть всем миром. К мировому господству японцев должна привести политика крови и железа.

Завоевать Маньчжурию и Монголию, Китай, Индию и страны южных морей... Затем двинуться на СССР... И чтобы сохранить потом свою независимость, скрестить оружие с Америкой!

Япония отказалась заключить с СССР пакт о ненападении. На границе между Маньчжоу-Го и СССР снова участились столкновения и инциденты. В Испании возникла партия типа гитлеровской, так называемая Испанская фаланга, которая выступает против республики. Над страной нависла угроза фашистской диктатуры.

Берзин внимательно следил за обстановкой. У него возник план перенести деятельность организации Зорге из Китая в Японию.

Кстати, Зорге блестяще выполнил свою миссию в Китае. Поскольку Китай является средоточием экономических интересов всех ведущих стран, Берзин благодаря информации Зорге имел довольно полную картину их взаимоотношений и агрессивных замыслов.

Теперь же главная задача — знать о замыслах Германии по отношению к Советскому Союзу и о развитии взаимоотношений между Германией и странами Востока.

Берзин получил сообщение, что Бранко Вукелич изъявил желание работать на Дальнем Востоке.

Вукелич в совершенстве владеет французским и немецким языками. Это может пригодиться.

Но особо большие надежды возлагались на японца

Ходзуми Одзаки, с которым Зорге сработался еще в Китае. Ходзуми Одзаки может давать исчерпывающую информацию о проникновении Германии на Восток. Радистом, конечно, поедет Макс Клаузен.

Василий Васильевич Давыдов советует отправить Зорге в Японию под собственным именем как немецкого журналиста, газетчика нацистского толка. Зорге, по его мнению, должен заручиться доверием влиятельных газет, стать их корреспондентом.

Сам Зорге согласился с Давыдовым.

— Рискованно, конечно,— сказал он Берзину.— В полиции непременно хранится дело на коммуниста, подпольщика Рихарда Зорге. Но, как говорят русские, риск — благородное дело.— Он улыбнулся.— Нацистам теперь не до меня, они делят между собой власть.

— Кстати, читали о скандальной истории с Геббельсом?

— Нет. А что случилось?

— Геббельс отнял жену у крупного банкира Квандта, да еще заставил мужа заплатить ей два миллиона марок «за моральный ущерб», который якобы нанес ей акт развода. После этого он засадил банкира в тюрьму, продержал несколько месяцев и выпустил за крупный выкуп. Вот что значит быть в фаворе у Гитлера! — Рихард сдержанно засмеялся.— Кстати, Магда Квандт — ярая нацистка. Она да еще племянница композитора Вагнера, Винифрид Вагнер, настоящие нацистские мегеры, которые занимаются вербовкой в нацистскую партию.— И уже с серьезной иронией продолжал:— Дела у нацистских вождей идут неплохо. Знаете, кто сейчас является крупнейшим монополистом мира? Геринг... На его предприятиях работает больше полумиллиона рабочих. А сам Гитлер баснословно разбогател на своей мерзкопакостной книжонке «Майн кампф», которую немцев заставляют покупать в принудительном порядке. Сейчас фюрер является владельцем целого фашистского книгоиздательства.

Берзин знал, что Зорге работает над книгой о Китае, и попросил его высказать свое основное впечатление о стране.

— Мое впечатление таково, что Китай еще не сформировался в единое целое, и трудно сказать, когда это наконец произойдет,— очень серьезно ответил Зорге.

В тот день Зорге сказал Берзину, что он женился.

— Да, да! — радостно смеялся Рихард, бережно вынимая из бумажника фотокарточку.

— О, у вас великолепный вкус! Говорю вам это как мужчина мужчине,— с веселой искренностью воскликнул Берзин, внимательно рассматривая на фото лицо молодой женщины: правильные черты, классически гладкая на прямой пробор прическа. Но главная прелесть была в выражении глаз — огромных и, по видимому, очень темных.

— Кто же она? — спросил Берзин, возвращая фотографию.

— Катя Максимова,— ответил Рихард.— Работает мастером на заводе «Точизмеритель». Ударница.

Берзин любил посещения Зорге. Всегда располагающий большой информацией, Рихард был гибок и интересен как собеседник. После его посещения с лица Яна Карловича долго не сходила улыбка.

В конце месяца положили на стол Берзину папку с документами «Линия Зигфрида». Текст снабжен графическими пояснениями. «Редкая удача!» — подумал Берзин, нетерпеливо разворачивая листы.

Приказав Наташе никого к нему не пускать, Берзин углубился в изучение документов.

То, о чем говорили эти документы, ошеломило его беспрецедентными экспансионистскими планами нацистской Германии.

«Линия Зигфрида» намечалась вдоль границ с Голландией, Бельгией и Францией до Альп. Она планировалась как непрерывная стена бетонированных укреплений и являлась сложной, хорошо продуманной системой фортов и бастионов, занимающей в глубину страны от границы полосу шириною в 25, а местами и до 50 километров! Сплошная крепость, состоящая из 17 000 отдельных фортов, планирующихся главным образом под землей и представляющих собой железобетонные сооружения, которые будут так замаскированы, что их очень трудно обнаружить не только с недалекого расстояния с поверхности земли, но и с воздуха!

Форты эти совершенно неуязвимы для воздушных бомбардировок как разрушительными, так и газовыми снарядами.

Эти мощные форты, каждый из которых представляет

как бы отдельную неприступную крепость, планировались в разных пунктах по всей зоне «линии Зигфрида» в шахматном порядке, так что огонь немецкой артиллерии и пулеметов может быть сосредоточен в любом пункте между ними, если туда каким-либо образом прорвется противник. Не обстреливаемого фортами пространства нет совершенно.

Каждый форт будет представлять собою отдельную боевую единицу, имеющую все необходимое снаряжение и амуницию в находящемся при нем складе, помещение для гарнизона, кухню, баню, запасы воды и провианта, электростанцию с дизельмоторами, госпиталь для больных и раненых.

Все эти жизненные центры форта будут расположены в подземных бетонных убежищах в несколько этажей, связанных между собой системой лестниц и подъемных машин.

Если бы даже в силу какой-либо причины такой форт оказался отрезанным от других фортов — он может долго держаться против врага, имея при себе все необходимое.

Впрочем, отрезать какой-либо форт или целую группу их от других фортов «линии Зигфрида» - дело нелегкое, так как все они соединены между собой сетью тоннелей, проходящих глубоко под землей, и снабжены проложенными в них узкоколейными железными дорогами для доставки необходимых припасов и военного снаряжения. Благодаря этим подземным ходам смена частей в фортах и бастионах может производиться беспрепятственно в любое время боевых действий.

Для защиты от танковых атак в передовой полосе «линии Зигфрида» планируются сплошные полосы противотанковых заграждений, представляющих собой непроходимые для танков бетонные зубцы, расположенные в несколько рядов.

Мало того, за ними на плане обозначены рвы с водой шириною до 130 футов! В промежутках между ними намечены проволочные заграждения и огромные ямы против неприятельской пехоты.

Все сооружения на «линии Зигфрида» — форты, бастионы с находящимися в них орудиями, пулеметные гнезда и наблюдательные пункты — будут связаны между собой телефоном.

В тылу «линии Зигфрида» намечена сеть защиты против вражеской авиации: в бетонных углублениях должны находиться зенитные орудия, неподалеку от них — мощные прожекторы, звукоулавливатели, которые сообщат о неприятельских аэропланах.

Гарнизон всех фортов «линии Зигфрида» — «защитников» западной границы Германии — предполагается в полмиллиона солдат.

«Неужели этот бесноватый фюрер взаправду решил осуществить свой поход на Восток? — думал Берзин, изучая план «линии Зигфрида».— Он хочет славы Александра Македонского? Англия, Франция, США думают, что, осыпая Германию золотом займов, они используют ее как ударную силу против СССР. Они воображают, что это будет новый поход Антанты, тогда как германский империализм давно ведет самостоятельную политику, явно используя эти державы в своих завоевательских целях.

Гитлер занес свой кулак над Францией?! Но чтобы ее взять, ему сначала придется завоевать Чехословакию, Польшу... Это ясно как дважды два.

В «Майн кампф» Гитлер недвусмысленно заявляет: «Нам нужен миллион квадратных километров земли... Найти эту землю мы можем только на Востоке. Я буду беспощаден к полякам. Я изгоню их. Пусть те идут и устраиваются в Сибири, если хотят». Почему именно в Сибири?

По-видимому, эти бредовые идеи фюрера принимают за демагогию. И напрасно».

Берзин вспомнил интервью Гитлера в одной из французских газет, где фюрер клянется в любви к французам и обещает воздвигнуть на берегах Рейна огромный памятник в честь павших французов и немцев. «Если бы Саарская область была возвращена Германии, исчез бы всякий повод для исправления границ»,— заявил фюрер. Он предлагал единение стопроцентных немцев и стопроцентных французов. А между тем, как сообщают разведчики, на митингах в Германии он возбуждает ненависть немцев к «негроидной расе» французов, призывает к реваншу, к восстановлению великой Германии любыми путями. Немцы должны, мол, подчинить себе вселенную и установить новый порядок.

В общем, Гитлер усыпляет бдительность стран обманом и наглой ложью. А сам исподволь готовит удар по

Франции. А потом, когда будет взята Франция? Поход на Россию? «Но почему я решил, что Гитлер [illegible]мет Францию? Франция сейчас хорошо вооружена, у нее первоклассный подводный флот. Она, например, обладает самой крупной в мире субмариной, настоящим подводным крейсером «Сюркуф», в 3000 тонн водоизмещением. Субмарина вооружена крупнокалиберными орудиями и большим количеством минных аппаратов. Это свидетельствует о ее военной мощи. У нее развита авиация.

Наконец, у Франции довольно значительная, хорошо обученная и закаленная в колониальных войнах армия. Так что взять ее будет нелегко, разве что благодаря какому-нибудь предательству со стороны правительства, которое пойдет на сговор с Гитлером.

А может быть, «линия Зигфрида» задумана для устрашения Европы? Смотрите, мол, какая мощная страна Германия, и не вздумайте напасть с тыла...

Нужно немедля выяснить, началось строительство этого вала или нет?»

Зазвонил внутренний телефон. Сообщили об очень важном и срочном донесении.

— Немедленно ко мне,— приказал Берзин и пошел открывать дверь.

— От Маневича,— ровным голосом сказал вошедший сотрудник.

Берзин буквально выхватил из его рук донесение и сделал знак удалиться.

Маневич сообщал, что у немцев появился тяжелый трехмоторный бомбовоз «Юнкерс-52-3». Скорость небольшая: 260 километров в час, вследствие чего он может предпринимать налеты только в сопровождении эскадрильи истребителей и на не слишком далекое расстояние от своей базы. Рекомендован к серийному выпуску.

«Юнкерс-52-3»... А перед этим Маневич сообщал об истребителе системы «Хейнкель» — «Хе-51». Германская авиация набирает силу...

...Однажды Берзин отметил про себя, что его жизнь течет каким-то сплошным однообразным потоком. Находясь с утра до ночи на службе, он почти перестал замечать смену времен года. И только когда начинал подытоживать результаты пройденного пути, невольно изумлялся быстротечности времени.

Казалось, вот только что был снег на тротуарах, а

глядь, его уже нет. Всюду сухо, и тонкая пыль из-под колес автомобилей неприятно щекочет ноздри. Разве что крошечные букетики подснежников, которые продают иногда прямо на улицах, напомнят внезапно о весне, да запах сырости в уже неотапливаемых помещениях.

Но весна 1935 года оказалась для Берзина особой. Внезапно вызвал к себе нарком Ворошилов.

— Получай новое назначение,— сказал он после краткого приветствия.

— Какое? — удивился Берзин.

— На Дальний Восток, в Особую Краснознаменную, помощником Блюхера.— И тут же поспешно добавил:— Мы подумали и решили, что ты самая подходящая кандидатура. Кстати, сам Блюхер просил именно тебя.

Берзин был приятно польщен доверием прославленного командарма. Он тут же припомнил памятный разговор с ним в новогоднюю ночь 1930-го.

— Мы посылаем тебя на должность заместителя командующего ОКДВА товарища Блюхера,— говорил между тем Ворошилов.— Приказ я уже отправил к месту твоей новой службы

— Есть, товарищ нарком!— скупо улыбнулся Берзин.— Приказ не обсуждают. Кому передать дела?

— Урицкому Семену Михайловичу.— И, прочитав в глазах Берзина немой вопрос, бодро сказал: — Не беспокойся, человек подходящий.

«Что ж, назначение вполне закономерное»,— размышлял Ян Карлович, выйдя от наркома.

Кому же как не ему, Берзину, знавшему во всех тонкостях происки империалистов на Дальнем Востоке, где не затухает очаг войны, быть помощником Блюхера? Откровенно говоря, его давно привлекал Дальний Восток сложностью своих проблем, и вот теперь ему представился случай практически принять участие в их решении.

Япония, выйдя из состава Лиги, развивает свои вооруженные силы. А 14 декабря 1933 года из Лиги ушла Германия. Мирная организация явно теряла свое значение. Итальянская агрессия в Абиссинии окончательно скомпрометировала Лигу.

Риббентроп на весь мир заявил, что Лига Наций должна по достоинству оценить мудрость немецкого правительства, которое уничтожило остатки Версальского договора, подрывающего европейский мир.

Гитлер стремится объединить недовольные державы и потребовать пересмотра мирных договоров. В этот своеобразный синдикат он усиленно вербует Японию.

Нужно готовить армию к защите мирных рубежей. Берзин имел огромный опыт организационной и воспитательной партийной работы, и Блюхер знал об этом. Командарм придавал первостепенное значение политическому воспитанию красноармейцев. Ведь Красная Армия не только носительница силы, но и носительница идей. Потому она и непобедима.

Дальний Восток! Он действительно оказался очень дальним: десять дней мчал Берзина экспресс до Хабаровска.

— Вас куда, сразу на квартиру или в штаб? — спросил встречавший его на вокзале шофер.

— В штаб,— коротко ответил Берзин.

Блюхер встретил его крепкими объятиями.

— Вот за это люблю! — прочувствованно басил он.— Ровно в срок прибыл, без опоздания...

Василий Константинович за пять лет заметно изменился, «подался», как говорят в простонародье,— отяжелел, несколько расплылся, брови стали мохнатыми, на висках проступила благородная седина. Зато во всем облике появилась особая уверенность, присущая человеку, облеченному большой властью.

— Ты свои апартаменты видел? — спросил он Берзина.

— Нет еще. С вокзала прямо в штаб, чемодан за дверью твоего кабинета.

— Тогда отпускаю тебя, но... только до обеда!

Блюхер посмотрел на часы и поднял телефонную трубку.

— Рафушка, тут у меня один чудак в кабинете сидит, я его пригласил к обеду... Какой чудак? Довольно молодой и очень симпатичный. Из Москвы. Не подкачаешь? Вот умница! Ну целую...

— Зачем это, Василий Константинович,— запротестовал Берзин.— Лишние хлопоты жене. Прекрасно бы пообедал в офицерской столовой.

— Ну нет, голубчик. Сегодня ты мой гость. Кроме того, мне хочется послушать московские новости.

— Слушаю и повинуюсь,— улыбнулся Берзин.

«Апартаментами» оказалась одна довольно обширная комната в комсоставском доме. Вероятно, дом раньше принадлежал какому-нибудь богатому промышленнику или купцу. Все здесь было прочно и основательно. Высокие, метра четыре, потолки, массивная двустворчатая дверь с медной ручкой, внушительная, обитая черной жестью, голландка, огромное сводчатое окно. Комната была обставлена типичной «кэчевской» мебелью: солдатская железная койка, заправленная серо-зеленым байковым одеялом, простые деревянные стулья с прямыми спинками, такой же, далеко не новый, письменный стол. И только большое овальное зеркало в кокетливой ореховой раме на такой же кокетливой подставке вносило неожиданный диссонанс в это суровое, солдатское жилище.

«Вот ты и дома»,— мысленно произнес Берзин и тоскливо посмотрел в затянутое мутной пеленой непогоды окно.

В Хабаровском крае была в разгаре весна. Она врывалась в таежный город с шумом ручьев, с треском ломающегося льда на Амуре, с неумолчным гомоном птиц. Небо словно обрушилось на город, затопив его синим туманом.

Хабаровск показался Берзину очень уютным. Город на девяти холмах был в основном пока одноэтажным, но уже всюду поднимались новостройки многоэтажных домов, предприятий. Просторные улицы заросли ольхой и огромными вязами, их кроны казались легкими зелеными облачками в густом весеннем воздухе.

Не успел Берзин отдышаться после дороги, как Блюхер повез его по воинским частям и гарнизонам.

— Отдыхать, голубчик, будем там! — смеялся Василий Константинович, указывая на небо.

Объезжая с Блюхером гарнизоны, Берзин увидел, что работы непочатый край. Не хватало жилищ, и красноармейцы строили для себя казармы. Командиры ютились с семьями в землянках, в «копай-городках». Многие еще не имели возможности забрать свои семьи и писали рапорт за рапортом о переброске в военные округа средней полосы России. Попробуй повоспитывай таких!

— А что делать? — разводил руками Блюхер.— Нюни распускать? Нужно засучить рукава и работать. Новая техника поступает, а некоторые командиры вместо боевой и

политической подготовки вынуждены заниматься [illegible]ным строительством. Ведь со времени инцидента на КВЖД Дальневосточная армия возросла в шесть раз. А когда приходилось драться, танков было мало. Запомнил один критический момент во время боя. Надо было как-то воодушевить красноармейцев. Кричу: «Бросайте в атаку танк!» А мне отвечают: «Он неисправен».— «Черт с ним, говорю, надо вытащить — пусть бойцы его хоть увидят, и это будет иметь моральное значение».

Блюхер весело посмеивался.

— А теперь у нас вон какие кони! — он показал Берзину новые танки.— Пожалуй, японские милитаристы не только ноги — головы не унесут. Но чтобы победить врага малой кровью, надо уметь использовать технику, уметь взаимодействовать с ней во время боя.

Берзин технику любил и с удовольствием осматривал танки, пушки, гаубицы, минометы. Его радовало обилие техники,— значит, боеспособность армии выше!

Вскоре Берзин убедился, что милейший Василий Константинович, так и не окончивший никакой академии, был высокообразованным военачальником, отлично знающим военную историю, глубоко изучившим природу и законы революционных войн.

Он удивил Яна Карловича своей богатой эрудицией в вопросах военной педагогики.

— Политико-воспитательная работа — дело тонкое, деликатное,— говорил он Берзину.— Здесь нужно быть не только талантливым педагогом, хорошим психологом, но и обладать некоторым артистизмом поведения, умением осуществлять индивидуальный подход в воспитании. А знаешь, какая сейчас господствует теория в буржуазной военной психологии?

— Нет,— откровенно признался Берзин.

— Бихевиоризм, что значит поведение. Если мы стараемся воспитать в бойце самостоятельность личности, высокую политическую сознательность и коммунистическую убежденность, то бихевиоризм основан на голой муштре, натаскивании, на автоматическом воспитании определенных привычек. А все, в конечном счете, сводится к подавлению личности, беспрекословному повиновению. Вся наша система направлена на воспитание человека коллектива, у них же, наоборот, поощряется индивидуализм, чтобы, значит, не объединялись против правящих классов.

— Все эти буржуазные теории ты, Василий Константинович, как мне известно, на собственной спине испытал, когда служил в царской армии. Потому легко и запоминаешь мудреные словечки, наподобие этого самого бихевиоризма,— рассмеялся Берзин.

— Так-то оно так, а командиру не вредно и теории знать, чтобы по-научному воспитывать молодых командиров,— серьезно сказал Блюхер.

Берзин начал свою деятельность с проверки политического аппарата армии, с анализа его работы, с проверки его классового состава — не затесались ли в политический аппарат чуждые классовые элементы. Обновил политсостав частей и подразделений, выдвигая наиболее инициативных и политически зрелых, отстраняя белоручек и людей, не понимающих своих задач на современном этапе развития армии.

Почти не бывая на своей хабаровской квартире, он все дни проводил в политотделах, в штабах, в частях, создавая комиссии по проверке и анализу работы.

Главное внимание его было направлено на воспитание бойцов и командиров.

Он требовал от низовых работников досконального знания своих людей. Обращал их внимание на боеготовность частей, дисциплину, учил практическому проведению занятий по боевой и политической подготовке.

Однажды политработник, получивший от Берзина нагоняй за несвоевременно представленный план работы, обиженно сказал: «Надоело. С тридцать второго года твердим: напряженное, напряженное положение, а войны все нет и нет! Сколько времени это напряженное положение будет продолжаться?»

— Значит, вы считаете, что ваши труды пропадают даром? — иронически спросил его Берзин.

— Да нет,— растерялся политработник.

Берзин рассказал об этом случае Блюхеру, и они от души посмеялись. Потом Блюхер тяжело вздохнул и серьезно произнес:

— Все это отголоски партизанщины, непонимание конечного результата своей работы. Мол, зачем вся эта учеба, учения всякие... Придет время воевать — будем воевать.

Ян Карлович был постоянным гостем у Блюхеров то на городской квартире, то на даче под Хабаровском. Он лю-

был этот гостеприимный дом, где жена Блюхера Глафира Лукинична относилась к нему как к родному.

С Лизой у них жизнь не сложилась — он понял это окончательно только здесь. Бывает так, сойдутся два хороших человека и всю жизнь ищут путь один к другому. Иногда находят, а иногда так и расходятся в разные стороны, не открыв друг друга.. Так случилось и у них с Лизой.

Он жестоко тосковал о сыне, вспоминал его вытянувшуюся мальчишескую фигуру, тоненькую, голенастую, его трогательный ребячий затылок, пахнущий перьями неведомой птицы. В своем бумажнике он постоянно носил несколько любительских фотографий, на которых был запечатлен вместе с Андрейкой: он помогает сыну решить задачу, он обучает его стрельбе, а вот они с Андрейкой в лодке на прогулке в Парке культуры и отдыха имени Горького.

Всю свою нежность он изливал на детей Блюхера: Всеволода и крошку Ваиру. Дети платили ему искренней привязанностью. Блюхер знал о его любви к сыну, о молчаливой размолвке с женой и однажды затеял странный разговор на эту тему.

— Личная жизнь военного очень сложная штука, — начал он слегка шутливым тоном. — Мы, военные, требуем подчас от своих жен настоящего самоотречения. И до того привыкаем к этому их самоотречению, что начинаем принимать его как должное. А ведь рядом с тобой шагает какая-то индивидуальность, у которой свои запросы, свои интересы, свое понятие обо всем...

И Блюхер рассказал Берзину о своей размолвке с первой женой Галиной Павловной. После довольно продолжительного молчания закончил:

— Что делать... Военная служба тяжелая. Вся жизнь в дороге, в походах. И все-таки надо брать себя в руки и работать.

Да уж в трудолюбии Блюхеру нельзя было отказать. Каждую свободную минуту он отдавал учебе и военно-научной работе. «Нужно учиться командовать современной армией, оснащенной первоклассной техникой»,— говорил он.

Кроме своих прямых обязанностей, Блюхер много внимания уделял освоению края: занимался переселенцами, принимал участие в жилищном и коммунально-быто-

том строительстве, разрабатывал способы снабжения края собственным продовольствием и фуражом.

«Мы не только охраняем Дальний Восток, но меняем его лицо, превращаем его из края каторги и несчастья в край большой индустрии, край, насыщенный техникой»,— писал он в одной из своих статей.

Берзин всегда изумлялся: как его хватало на все! И он еще находил время поохотиться!

Летом Ян Карлович побывал на маневрах. Они проходили в условиях, близких к боевой обстановке,— таежная чаща, крутые сопки, полное бездорожье. Бойцы взбирались по крутым тропинкам на гребни сопок, поросших дубняком и орешником. Иногда хребет тянулся версты четыре и вдруг оканчивался крутым ребристым склоном, и только узенькая звериная тропа сбегала по нему вниз. Иногда между сопками извивалась маленькая речка и на влажной земле можно было увидеть кабаньи следы. А вокруг — первобытные дебри, фантастически яркие цветы: огненные лилии, темно-синие и пурпурные ирисы, розовые и темно-красные пионы величиной с добрую чашку, лиловые цветы орхидей...

Ночевали в лесу или в сопках, разводя костры.

Берзин все больше убеждался в хорошей боевой выучке красноармейцев и командиров, которые в таких сложных условиях показали высокую способность вести бой.

В армии полюбили Берзина, он стал своим человеком не только среди командиров, но и среди красноармейцев. Он особое внимание уделял младшим командирам, часто бывая в ротах, интересовался досугом бойцов, их бытом, присутствовал на политзанятиях.

Вместо пустых развлекательных фильмов с участием Дугласа Фербенкса и Гарольда Ллойда в частях появились новые советские фильмы, библиотеки пополнились томами классиков, лучшими произведениями современных писателей.

Берзин неустанно контролировал работу младших политработников, оказывал им помощь по конкретным вопросам.

Как-то Блюхер сказал ему:

— Вижу, нарком не зря хвалил тебя в приказе.

— Разве хвалил? — удивился Ян Карлович.

— Вот возьми почитай. Надеюсь, тебе небезынтересно мнение наркома о твоей особе?

Берзин взял текст приказа и быстро пробежал его глазами. «Преданный большевик-ленинец, на редкость скромный, глубоко уважаемый и любимый и своими подчиненными и всеми, кто с ним соприкасался по работе, тов. Берзин все свое время, все свои силы и весь свой богатый революционный опыт отдавал труднейшему и ответственнейшему делу, ему порученному. За долголетнюю упорную работу, давшую очень много ценного делу укрепления Рабоче-Крестьянской Красной Армии и обороны Советского Союза, объявляю тов. Берзину Яну Карловичу благодарность, уверен, что и в будущей своей работе тов. Берзин вполне оправдает свой заслуженный авторитет одного из лучших людей Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

В конце ноября 1935 года Блюхеру, одному из первых присвоили высшее воинское звание — Маршала Советского Союза.

Но Берзину недолго пришлось быть заместителем маршала: летом 1936 года его отозвали в Москву. Отозвали срочно.

— В Испанию поедете? — без всяких предисловий спросил его Ворошилов.

— Поеду,— твердо ответил Берзин.

Уж кто-кто, а он-то понимал, чем грозят миру испанские события: фашизмом в Европе и второй мировой войной.

— Ваш ответ мне нравится,— улыбнулся маршал.— Социалист Ларго Кабальеро, который сейчас возглавляет испанское правительство, согласился включить в состав парламента коммунистов. Правительство обратилось к нашей стране с просьбой прислать республике военных советников. Вы проявили незаурядные организаторские способности в Дальневосточной армии, поэтому решили послать в Испанию вас. Нужно помочь республике сформировать регулярную армию.

Берзин внимательно следил за событиями в Испании. С тех пор как в апреле 1931 года в стране была провозглашена республика, кто только не возглавлял испанское правительство! Перекрашенные в республиканцев монархисты, политические авантюристы, умеренные буржуазные республиканцы, социалисты... И только коммунистов не допускали в парламент. Премьер-министры менялись с калейдоскопической быстротой. И когда фашистские мятеж-

ники начали с юга наступление на Мадрид, возникла необходимость единого фронта борьбы. На пост премьер-министра Народный фронт выдвинул главу социалистической партии Ларго Кабальеро, так как эта партия имела наибольшее влияние в народе.

Дома восприняли известие по-разному: жена коротко спросила, устраивает ли его новое назначение. Получив утвердительный ответ, она со стоическим спокойствием стала собирать его в дальнюю дорогу. И только глаза выдавали ее внутреннюю тревогу. Он был благодарен ей за сдержанность и немногословие — качества, которые он ценил в ней всегда.

Андрей искренне позавидовал отцу — Испания! Вот это здорово! В газетах сейчас только и пишут об Испании. «Но пасаран!» Он смотрел на отца с восторгом и уважением, как на героя. Четырнадцать лет — самый романтический возраст...

— На этот раз я уж точно привезу тебе настоящий пистолет! — пошутил Берзин и тихо, почти на ухо, прибавил: — Только ты будь умницей, береги маму, хорошо учись, ладно?

— Будь спокоен,— ломающимся, петушиным голосом ответил сын.

Он проводил отца на Курский вокзал, откуда поезд должен был увезти Берзина в Севастополь. Долго махал рукой вслед уходящему поезду. «Едва свиделись, и снова разлука»,— расстроенно думал Берзин, далеко высунувшись в окно и ответно махая рукой... «Ничего, мой мальчик, ты у меня настоящий мужчина, и я могу на тебя положиться».

Как человек, разбирающийся во всех тонкостях международной политики, он понимал всю ответственность возложенной на него миссии. Первый советский военный советник Испанской республики! Он был горд таким доверием своего правительства и в то же время испытывал тревожное волнение. Что ожидает его в неведомой Испании и как справится он с таким ответственным заданием?

В порту Картахены Берзина встретил представитель советского посольства. После долгой изнурительной качки на пароходе земля уходила из-под ног, на голову обрушилось беспощадное южное солнце.

Короткая передышка — и с утренним поездом в Мадрид!

Не отрываясь от окна, Берзин всматривался в проплывающий пейзаж. Вот она какая, Испания! Похожа на Южный Крым. Сухая земля, ярко-красные маки по обочинам дороги, лохматые кусты тамариска, высокие тонкие стволы агав, поднимающиеся из мясистых колючих листьев. На горизонте розовеют горы. Все четко высвечено горячим солнцем, небо голубое, без единого облачка. Серебрятся на ветру листья приземистых маслин. На память пришли стихи Лорки:

Испания.
В матовом небе
Светло и пустынно.
Усталые реки,
Сухая и звонкая глина.

Поля раскроены на мелкие аккуратные клочки. У каждого такого клочка свой хозяин. Редко разбросаны крестьянские усадьбы, похожие на маленькие крепости. Каждый дом обнесен высокой каменной стеной. Внутри — дворик с обязательной пальмой и садиком. Сидит в этой маленькой крепости хозяин с семьей, отторгнутый от всего мира, отстреливается от бандитов. В его доме-крепости есть все необходимое для жизни, и он редко прибегает к общению с другими людьми. Единственный интерес — клочок земли, который он яростно защищает от всяких посягательств. «Вот он откуда, анархизм-то,— думал про себя Берзин.— Мелкие хозяйчики, разобщенность. Поди внуши такому идеи солидарности».

Помещичьи усадьбы-гасиенды имели веселый, привлекательный вид. Их окружали пышные сады, оливковые рощи, которые иногда тянулись на многие километры. Словно миражи возникали на пригорках ослепительно белые поселки — пуэбло — с небольшими островерхими церквушками.

— Обратите внимание на стада бычков,— сказал сопровождающий Берзина консульский работник.— Их выращивают здесь для корриды. Это специальные хозяйства. Как ни странно — молочных коров в Испании мало, и у населения плохо с молочными продуктами.

— А почему так много необработанной земли? — поинтересовался Берзин. Он давно приметил огромные пустующие пространства, заросшие жесткой травой.

— Это помещичьи земли,— пояснил сопровождающий.— Помещики уехали куда-нибудь в города или другие страны, а земля осталась. А так как она является их собственностью, никто не имеет права к ней прикасаться. Здесь капиталистический мир, где собственность охраняется законом. Земля пустует, а крестьяне вынуждены голодать, наниматься в батраки.

Поезд медленно тащится от станции к станции. На перронах обычная станционная сутолока, куда-то бегут, что-то выкрикивают.

В Мадриде на привокзальной площади уже ждала посольская машина. Вежливый сотрудник советского посольства передал Берзину извинение посла, который не мог встретить его лично, и приказал шоферу ехать на улицу Короля Альфонса XI в английский отель «Гейлорд».

В отеле ему отвели шикарные апартаменты. Нарядная гостиная со старинной мебелью, роскошная спальня, ванная комната. Ну что же! Вполне приличное жилье для главного советника республики! Он с улыбкой вспомнил свою скромную комнату в Хабаровске, офицерские «копай-городки», заливаемые во время дождя водой.

Как ни устал Берзин с дороги, как ни манила его постель с белоснежным бельем, он все же решил посмотреть город. Гостиница находилась в самом центре на тихой, спокойной улочке рядом с огромным городским парком Ретеро. По ней можно было выйти на площадь Пуэрто-дель-Соль с фонтаном, увенчанным бронзовой скульптурой Сивиллы, едущей в коляске на львах, и на шумную, фешенебельную улицу Алькала. Тут же рядом был музей Прадо, старинный монастырь святого Иеронима, огромное здание кортесов — испанского парламента — с массивными белыми колоннами. Завтра ему предстоит побывать в этом здании, где заседает правительство.

Он любовался многолюдной Алькала, ее пышными дворцами, старинными зданиями, фонтанами, уникальными памятниками скульптуры и изумлялся красоте города, четкости его планировки. Чувствовалось, что это город древней культуры, неповторимо своеобразной. Город жил так, как будто не было войны, и это очень удивляло Берзина. Кафе были переполнены, бойко торговали магазины, огромное круглое здание цирка «Плато де торос», где проходила коррида, осаждали толпы народа. А ведь всего две недели тому назад в городе происходили жестокие бои с

мятежниками, которые рассчитывали на молниеносную победу. Но народ дружно вышел на защиту своей столицы. Вместе с отрядами милиции рабочие дружины выбросили мятежников с высот Гвадаррамы. Это были успехи, нашумевшие на весь мир. А на юге бушует война. Фашисты расстреливают мирное население. Под Гранадой расстрелян Гарсиа Лорка. Он приехал на лето к родителям в деревушку Фуенто Вакерос, близ Гранады. Когда Гранаду захватили фашисты, Лорка решил спрятаться в доме брата своего школьного товарища Росалеса. Он знал, что фашисты не пощадят его, свободолюбивого поэта, ненавидящего всякий деспотизм, воспевающего любовь к людям и ненависть к поработителям. По-видимому, его предали. Он был арестован и в кандалах отправлен в городок Иснар, где его допрашивал губернатор. В ту же ночь Лорку расстреляли в овраге. Ему было всего тридцать восемь лет.

Ветром крик повторился.
Эхо — тень кипариса.
(Оставьте меня в этом поле
плакать.)

Рухнуло все, и хлынули волны
безмолвья.
(Оставьте меня в этом поле плакать.)

Лорку называли душой Испании, ее ароматом. Берзин знал и любил его стихи.

Мадридцы беспечно упиваются своей победой. Но Берзин знал, что опасность не миновала. Германия и Италия тайно вооружают мятежников.

Ларго Кабальеро возглавлял не только правительство, но и военное министерство. Навстречу Берзину поднялся господин с холеным аристократическим лицом и любопытно-внимательным взглядом. Берзин по привычке мысленно делал быстрые выводы. Самоуверен. С повадками диктатора. Сквозь любопытство проглядывает снисходительное высокомерие — а ну, мол, что за птица этот «красный» советник? После краткого официального приветствия премьер-министр неестественно громко и безапелляционно заявил, что республика многого ждет от советского военного советника.

Берзин попытался выяснить, есть ли у правительства какая-нибудь определенная программа борьбы с фалан-

гистами. Но получил довольно туманный ответ: мол, правительство будет вести борьбу до тех пор, пока в его руках останется хотя бы пядь земли. Ответ не удовлетворил Берзина. Он почувствовал внутреннее раздражение и разочарование — вместо серьезного разговора напыщенные фразы!

Зато он как-то сразу сошелся с начальником генерального штаба подполковником Висенте Рохо. Крепко скроенный, с умным «профессорским» лицом, он просто и дружелюбно воспринял знакомство с Берзиным. Берзин владел немецким, Рохо — тоже, и они сразу же разговорились о положении на фронтах. Рохо действительно оказался профессором Военной академии в Толедо, читал историю военного искусства. До войны служил в ударной бригаде в Марокко. С начала мятежа тут же перешел на сторону республиканцев. Его рабочий кабинет был обставлен с предельной простотой: большой стол с набором телефонных аппаратов, два кресла, обитых коричневой кожей. На стене рельефная карта Мадрида.

С первых же дней Берзин убедился в том, что никакой армии пока не существует и надо начинать все, как говорится, с нуля. С чего же начинать? Как из этих стихийных отрядов, состоявших из самых разных по своим политическим взглядам и убеждениям людей, организовать крепкую, боеспособную армию?

Он собрал в памяти весь известный ему опыт гражданской войны. Партизанские отряды Блюхера, политические комиссары у Чапаева... Да и сам он был у Блюхера на Дальнем Востоке заместителем... «Нужно начать именно с этого — ввести в отрядах институт политических комиссаров, которые будут правильно ориентировать людей в данной обстановке, приучать их к строгой дисциплине».

Берзин доложил о своем плане подполковнику Рохо. Тот одобрил такое начинание, но сказал, что это предложение должен утвердить Кабальеро.

Шли дни, а военный министр не говорил ни да ни нет. Рохо пожимал плечами: мол, Кабальеро окружил себя офицерами и генералами бывшей королевской армии, которые явно мешают созданию армии народной. Сам военный министр очень самолюбив и ревниво относится ко всяким предложениям.

Рохо явно осуждал Кабальеро. Офицер старой армии,

он был за республику и охотно сотрудничал с коммунистами. Но ему, военному теоретику, не хватало практического опыта.

Что мог сделать в таких условиях Берзин? Положение советника было очень щекотливым, он не имел права настаивать. Он мог лишь очень деликатно советовать.

В Испанию из всех стран Европы прибывали добровольцы. Им было разрешено собираться в старинном городке Альбасэте неподалеку от Валенсии. Они рвались в бой, но Кабальеро не разрешал им создавать бригады и участвовать в событиях, считая, что все они коммунисты и это даст повод Франко открыто использовать помощь Германии и Италии.

Берзин побывал в отрядах так называемой народной армии и поразился полной неразберихой. Отряды были организованы по принципу партийной и профсоюзной принадлежности. Отряды коммунистов, республиканцев, анархистов. Каждый отряд подчинялся лишь приказам своего командира. Только пятый полк, которым командовал коммунист Энрике Листер, был образцом организованности и дисциплины. Сюда приходили все, кто хотел сражаться с фашистами. Молодой, смуглый, с черными атласными бровями и живым, лукавым взглядом прищуренных глаз, Энрике пользовался особой любовью и уважением. Очень доступный, любящий шутку и в то же время умеющий быть официальным, он совмещал в себе и командира, и политического комиссара. Энрике хорошо говорил по-русски. В одну из рекогносцировочных поездок он кратко рассказал Берзину о себе.

Сын каменотеса и сам каменотес. Изъездил полсвета в поисках работы. Участвовал в астурийском восстании в 1934 году. А перед этим отсидел четыре года в тюрьме за революционную деятельность. После расстрела астурийского восстания рабочих убежал от жандармов в Советский Союз. Был проходчиком на строительстве московского метро. В клубе Осоавиахима обучался военному делу. «Счастливое было время!» — закончил он со вздохом.

Они ездили тогда в Толедо. Разведчики его полка донесли, что фашисты окопались по реке Тахо со стороны Португалии, вероятно, метят захватить Толедо и оттуда двинуть на Мадрид. От Толедо до Мадрида всего 70 километров по ровной местности.

Их машина, словно стрела, со свистом мчалась по асфальтированному шоссе. Дорога делила надвое широкую, плоскую долину с редкими поселками. На западе лиловели Толедские горы и хребты Сьерры-де-Гредос.

— Обратите внимание на местность — зацепиться не за что. Если фашисты прорвутся к Толедо, им рукой подать до Мадрида,— говорил Энрике Берзину, и в его голосе была неподдельная тревога.

— Почему мадридцы так беспечно относятся к событиям? — поинтересовался Берзин.

— Наверное, потому, что испанцы по-настоящему никогда не воевали, если не считать народной войны 1808 года против Наполеона. Народ собирался в стихийные дружины и с остатками разбитой королевской армии гнал врага. Это народное движение получило название «герильи». Анархисты и сейчас ратуют за такие вольные дружины, а регулярная армия, мол, буржуазный пережиток. Дисциплина ограничивает мужество и чувства революционера.

Листер помолчал, потом задумчиво продолжал:

— В правительстве много предательства, а наша интеллигенция слишком тугодумна. Она любит все обсуждать, упиваясь собственным красноречием, но совершенно неспособна возглавить серьезную борьбу в решительные моменты истории.

Толедо был вознесен над долиной, как на пьедестал, на крутой каменистый холм. По древнему каменному виадуку, построенному еще римлянами, переехали реку Тахо, глубоко зажатую в узком ущелье, и через массивные ворота, оставшиеся от арабских завоевателей, въехали в город.

Берзин почувствовал себя так, будто машина времени забросила его в глубокое средневековье. Узкие улочки, выстеленные звонкой, отполированной до блеска, синеватой брусчаткой, низкие каменные дома в арабском стиле, крошечные площади, на которых рядом с машинами мирно дремали пузатенькие ослики...

Одна к одной тесно лепились лавочки, создавая длинные торговые ряды. В них продавалось одно и то же: замысловатая керамика, инкрустированные золотом женские украшения из толедской стали, серебро, шпаги, пистолеты, изделия из кожи.

Город был похож на единый каменный монолит с про-

рубленными в нем ходами-улочками. Над всем главенствовал древний кафедральный собор XV века.

Почти на въезде в город одиноко возвышался старинный дворец-крепость Алькасар, в котором с 1882 года размещалась военная академия. Дворец был сильно разрушен артиллерией.

В первые же дни мятежа слушатели военной академии примкнули к фалангистам и подняли восстание. Но подоспевшие из Мадрида отряды милиции и рабочие дружины вместе с толедцами осадили крепость, где в подземных убежищах укрывались около двух тысяч мятежников и их семьи. Город взяли, но крепость не сдавалась. Перебежчики сообщили, что в крепости умирали от жажды и голода, гниющие трупы отравляли воздух, но фашисты не позволяли никому сдаваться, угрожая расстрелом.

Зашли в сводный штаб формирований, разместившийся в одной из гостиниц города. Все радостно приветствовали командира прославленного пятого полка Листера. Берзин был представлен как советник. К посланцам СССР могло быть разное отношение: отряды состояли из людей различных убеждений, здесь, в Толедо, главенствовали анархисты. Их представителем был знаменитый Дурутти.

Жалобы были одни: мало оружия. Не хватает винтовок, не говоря уже о пулеметах и артиллерии. Жаловались на анархистов, которые совершенно не признают дисциплины, уходят с постов, когда им вздумается, и вообще требуют восьмичасового рабочего дня. Это звучало так нелепо, что Берзин даже растерялся.

— Вот так и воюем,— горько усмехнулся Листер.

За штабным столом долго изучали карту. Пришли к общему выводу: если поставить крепкий заслон у входа в долину реки Тахо, фашисты не пройдут. Вход с обеих сторон окаймляли горные хребты: Толедо и Сьерра-де-Гредос. Берзин видел, что закрыть этот вход можно было даже малыми силами.

— Конечно, здесь нужна хорошая организация, единое командование и твердая дисциплина,— говорил потом Берзин Листеру.— Вот когда нужны политические комиссары!

— А мы не будем ждать разрешения министра, а начнем действовать по своему усмотрению,— лукаво подмигнул Энрике и признался: — В моем полку давно уж действуют такие комиссары, все коммунисты. Хосе Диас помог мне подобрать людей.

Хосе Диас... Берзин еще не встречался с ним. Как главный военный советник правительства Кабальеро он пока воздерживался от встречи с генеральным секретарем ЦК КПИ.

— Он очень болен,— сообщил Энрике.— В тюрьмах нажил язву желудка. Ему бы серьезно лечиться, а он работает из последних сил. Только благодаря его энергии и был создан пятый полк. Он сделал все возможное, чтобы сплотить воедино представителей различных рабочих партий. Долорес — его верный помощник. Она тоже из рабочей семьи. Отец ее горняк из Астурии.

Они зашли в кафедральный собор. Листеру хотелось посмотреть, какие там разрушения.

— Мы стараемся щадить уникальные памятники культуры,— говорил он.— Но что поделаешь? Война есть война. Вон фашисты побили ценные витражи прямой наводкой. Четырнадцатый век! Таких уже не будет...

Собор был колоссальный. Мощные колонны поддерживали готические своды. Многочисленные часовни сияли позолотой.

В часовне Христа висели картины Эль Греко: огромное полотно «Поругание Христа» и портреты двенадцати апостолов. Выразительные лица, отмеченные духовными страданиями. Холодные сине-зеленые, лилово-розовые тона, тона Эль Греко. Только Христос одет в пурпурную тогу.

В часовне были картины знаменитых мастеров итальянского Возрождения, но после Эль Греко они почему-то не смотрелись.

— Нужно бы вывезти куда-нибудь в надежное место,— посоветовал Берзин. Было страшно за бесценные сокровища, которые могут разграбить или уничтожить фашисты.

— Да, да, я уже думал над этим. Все ценное нужно спрятать, вывезти в глубокий тыл,— согласился Энрике.

Почувствовав искреннюю заинтересованность Берзина, Листер предложил ему посетить музей Эль Греко и его дом.

— Здесь всюду Эль Греко. Он жил в этом городе до самой смерти.

В музее Берзин долго стоял перед огромной картиной «Похороны графа Оргаса». Вокруг фигуры графа собрались видные люди того времени. Среди них Сервантес и сам художник. Было много других его полотен, и Берзин

удивлялся своеобразию манеры: кроме него, так никто не рисовал. Возвышенный реализм характеров в сочетании с мистическими сюжетами, вытянутые фигуры и только ему одному присущий колорит.

Дом Эль Греко — в полумавританском стиле — был совсем разрушен, но один богатый маркиз восстановил его в том духе, в каком он был в XVI веке, когда в нем жил художник. Второй этаж опоясывала узкая галерея. Комнаты уютные, прохладные, с каменными полами. Окна комнат выходили во внутренний дворик с садом и фонтаном. Мебель и все предметы домашнего обихода были самыми примитивными. Несмотря на свое исключительное трудолюбие, художник жил довольно скромно. Он не был признанным художником при жизни,— его открыли только 200 лет спустя, когда в искусстве научились ценить психологизм. Грек по национальности — его имя Доменико Теотокопули,— он приехал в Мадрид, чтобы попробовать счастья при дворе короля Филиппа IV, но не имел успеха как живописец. Его манера не понравилась королю. Теотокопули уехал в Толедо и поселился там до конца своей жизни. Жители города прозвали его эль Греко (грек), под этим именем он стал писать свои картины. Эль Греко не был официально женат, но у него была подруга и сын.

В маленькой студии висели рабочие варианты портретов апостолов и копия с картины Эль Греко «Святое семейство», сделанная испанским художником Хуаном Сейдедосом. Сам подлинник находился в Америке, в частной коллекции. Это и была семья Эль Греко. В центре — подруга, прекрасная молодая еврейка Хиронима с младенцем на руках. Справа сам художник в образе счастливого отца, слева мать Хиронимы, склонившаяся над младенцем. Берзин долго не мог оторваться от картины, дивясь психологической точности художника. Как можно было так точно выразить на полотне человеческие чувства в определенный момент!

Эль Греко жил в старом еврейском квартале. Почти рядом с домом находилась синагога XII века, построенная в мавританском стиле. Весь Толедо был древней историей. От римлян остались развалины цирка и виадук через реку Тахо, который и сейчас исправно служил горожанам. Монументальные арабские ворота IX и XII веков, остатки крепостной стены, дома и церкви в мавританском стиле свидетельствовали о долгом арабском владычестве.

А кафедральный собор и монастырь Сан Хуан хранят память эпохи мрачного католицизма. Это был город-музей, и в нем не разрешали строить современные здания.

Служитель при доме охотно рассказывал историю своего города и легенды об Эль Греко. Старый испанец, влюбленный в свой город, он сам уже был историей...

Разрозненные отряды народной милиции были не в силах сдерживать натиск фашистских войск, и они настойчиво продвигались к Мадриду. Берзина удивляла неопределенная политика Ларго Кабальеро. Как военный министр он не предпринимал никаких шагов для организации обороны Мадрида. В отрядах по-прежнему царила полная неразбериха, никто никому не подчинялся, и только пятый полк Энрике Листера представлял собой реальную силу. Мало того, Кабальеро запретил строить оборонительные сооружения вокруг города, мол, испанцы предпочитают сражаться не в окопах и за укреплениями, а в открытом поле, с открытой грудью. Берзин не знал, что и подумать. Полная некомпетентность или предательство? Решил — и то, и другое.

Двигаясь с юга, фашисты взяли город Бадахос, затем Касерес. Марокканцы, которых навербовал в свою армию Франко, творили неслыханные зверства в завоеванных районах. На аренах для корриды тысячами расстреливали людей, города предавались разграблению.

4 сентября пала Талавера, важный опорный пункт республиканцев. Это почти под Мадридом. Напуганное быстрым продвижением фашистов, правительство наконец зашевелилось. Вокруг Мадрида начали возводить оборонительные укрепления, рыть окопы. Но время было упущено.

Под нажимом коммунистов премьер-министр подписал декрет о земле, который гласил: ни одного безземельного крестьянина! И сразу же в отряды влились новые силы, силы деревни.

Коммунисты убедили наконец Кабальеро использовать рвущиеся в бой интернациональные бригады. Берзин посоветовал Рохо укрепить этими бригадами, как лучшими силами, Центральный фронт Мадрида.

Был подписан и указ о политических комиссарах. В отрядах ввели строгую дисциплину. Коммунисты добились приказа о всеобщей мобилизации.

Город на глазах менял свой облик. Здания были увешаны лозунгами: «Все на фронт!», «Мадрид должен стать могилой фашизма», «Но пасаран!» Улицы, перегороженные баррикадами из мешков с песком, придавали городу мрачный вид. Кафе пустовали. Одиночные прохожие торопились по своим делам, будто забыли сделать что-то самое важное перед роковым событием.

...Берзин только что вошел в кабинет Рохо, чтобы изложить ему свою идею об организации подвижных диверсионных отрядов, как дежурный по штабу доложил, что какой-то офицер требует немедленно принять его.

— Он из Толедо,— добавил дежурный.

— Немедленно пропустить! — заволновался Рохо.

В кабинет стремительно вбежал молоденький лейтенант-республиканец и трагическим голосом выкрикнул:

— Толедо пал! — Его пропыленное лицо исказилось гримасой плача.

Берзин увидел, как побледнел Рохо. Лейтенант буквально валился с ног, и Рохо предупредительно подвинул ему стул. Делая невероятные усилия, чтобы не разрыдаться, лейтенант начал что-то быстро рассказывать.

Рохо выслушивал донесение очень сдержанно, хотя Берзин чувствовал, что он весь охвачен вспыхнувшим возмущением. Руки нервно переплетались, губы плотно сжались. Под впалыми щеками заиграли желваки.

— Мерзавцы!— коротко произнес он (это Берзин понял!).

Дежурному было приказано обеспечить лейтенанту отдых. Когда они ушли, Рохо рассказал о случившемся.

В самый тяжелый момент анархисты покинули свои позиции, увлекая за собой другие отряды. Город был взят фашистами почти без боя. Отряды милиции, защищавшие город, оказались в ловушке: с одной стороны в них стреляли франкисты, с другой — покинувшие наконец свое убежище в Алькасаре слушатели военной академии. Защитники города погибли. Лейтенанту удалось вырваться из окружения, и он сумел добраться до Мадрида. Было 27 сентября 1936 года.

— А могли бы и не сдать...— возмущался Рохо, имея в виду Толедо.— Такая удобная была позиция для обороны! Нет, коммунисты правы, без регулярной армии мы ничего не сделаем.

— Слишком много упущено времени,— сказал Бер-

[illegible] и [illegible] отря-
ды, подвижные [illegible], чтобы забрасывать их в тыл врага.

— [illegible] совещание штабистов и обсудим все назревшие [illegible],— предложил Рохо.

На том и порешили.

Берзин вернулся с [illegible] в полном унынии. На совещании присутствовали [illegible]ы генерального штаба во главе с Висенте Рохо, представители разных партий.

На повестке дня был [illegible]альный вопрос: разработка [illegible] — крупных боевых операций [illegible] организованного противника.

Берзин [illegible]го времени, а [illegible]

— [illegible] он,— регулярной армии [illegible], а есть не[illegible], что такое по[illegible]ной техникой [illegible] подвижные партизанские отряды. [illegible] выдвинет из своей среды талантливых ком[illegible], которых в армии катастрофически не хватает.

Вы же прекрасно знаете,— убеждал он,— что после начала генеральского мятежа на стороне республики осталось не более десяти процентов командного состава.

Берзина горячо поддержал присутствующий на совещании Энрике Листер.

Листеру запальчиво возражал представитель от анархистов Сиприано Мера. Между ними даже произошла перебранка. Мера обвинил Листера в гегемонистских устремлениях его партии.

Выступил и представитель от партии социалистов. Он насмешливо заявил, что русский советник ничего нового не предлагает: партизанские отряды — это все та же герилья.

— Не совсем так,— спокойно возразил Берзин.— Партизанская война даст нам возможность в практических условиях организовать армию, привить солдатам дисциплину, в процессе вооружения армии за счет противника обучить их владеть современным оружием.

В конце концов Рохо сказал, что доложит об этом совещании военному министру, и тем самым положил конец перебранке. На этом совещание и кончилось.

Взволнованно расхаживая по кабинету, Берзин пытался понять сопротивление штабников его предложению. В чем дело? Сами события говорят в пользу партизанской войны.

«Они боятся народа,— вдруг ясно подумал он.— Боятся, что народная волна сметет и анархистов, и клерикалов, и фалангистов. Ларго Кабальеро хоть и включил в правительство коммунистов, но не хочет их влияния на массы, боится, что коммунистическая партия придет к власти».

Все же Берзин решил отстаивать свое предложение о партизанской войне. В этом вопросе он обращался к трудам Блюхера, в которых был обобщен боевой опыт Красной Армии в гражданскую войну.

Боевая деятельность Блюхера началась с организации красногвардейских отрядов на Урале и на Дону против белогвардейской контрреволюции. С партизанскими отрядами он совершил легендарный поход по тылам контрреволюционных войск на Южном Урале. Партизанские отряды организовывались в крупные соединения, превращались в регулярную армию. Из партизанских отрядов им была создана Народно-революционная армия на территории Дальневосточной республики в 1921 году.

И не испанскую вольницу-герилью имел в виду Берзин, когда предлагал призвать народ Испании к партизанской войне, а испытанный в боях метод Блюхера в гражданскую войну.

Через несколько дней Берзину позвонил подполковник Рохо и коротко сообщил, что его предложение о партизанской войне министр пока отклонил.

Берзин собирался расспросить, что означает это «пока», но в трубке щелкнуло и раздались гудки. Озадаченно посмотрев на трубку, холодно блестевшую никелем, он с сердцем бросил ее на рычаг.

Да, Рохо не удалось, как видно, убедить военного министра, который не хочет ни регулярной армии, ни партизанских отрядов. А что может он, Берзин? Он не имеет права ничего навязывать, а только советовать, осторож-

но, вежливо, дипломатично. И не отдавать предпочтения коммунистам. Но как трудно на практике выполнять такие условия, когда все тебе стало близким, хватающим за сердце...

Одно только радовало: Рохо горячо поддерживает коммунистов. С ними такие генералы старой армии, как Идальго де Сиснерос, Луис Бартело, Хосе Мария Галан, Буэно, Антонио Кордон... Из них можно было бы организовать центральное руководство обороной. Но Кабальеро всем связал руки. Он ненавидит коммунистов, всячески ограничивает их действия, частям, которыми командуют коммунисты, он приказал не давать оружия. В первую очередь это относилось к мадридской армии.

— Оружие раздают анархистам, а они его прячут,— жаловался Энрике Листер.— Приходится специально охотиться на их склады и таким образом вооружаться.

— Так ведь это же явное предательство! — возмущался Берзин.

— Конечно,— соглашался Листер.— Но когда коммунисты начинают об этом говорить, Кабальеро обвиняет их в попытке создать правительственный кризис. А народ еще верит ему, считая социалистов и анархистов сверхреволюционерами.

Ян Карлович рассказал Листеру о заседании, о том, что правительство Кабальеро боится народа.

— У нас на этот счет давно уже нет никаких иллюзий,— горько усмехнулся Листер.— Социалисты и анархисты лишь делают вид, что сообща борются за единый фронт прогрессивных сил, а на самом деле дерутся между собой за власть.— И он вкратце познакомил Берзина с положением дел в стране.

После того как в 1931 году на муниципальных выборах в кортесы решительную победу одержали республиканские партии и король Альфонсо XIII вынужден был отречься от престола, в Испании была объявлена буржуазно-демократическая республика.

Из многочисленных партий, возникших после падения монархии, самыми влиятельными оказались партии социалистов и анархистов.

Социалисты провозгласили себя рабочей партией, хотя все ее руководители являются типичными представителями либеральной буржуазии (Асанья, Кирога, Альборис, Доминго). Они всеми силами стремятся сохранить буржуазный строй и боятся революции, как черт ладана.

— Политика правительства Асаньи — это политика спокойствия и умеренности,— говорил Листер.

Вокруг анархистов объединяются разорившиеся крестьяне, люмпен-пролетариат и мелкая буржуазия, то есть все те, кто не признает организованную политическую борьбу, а уповает на стихийные вооруженные восстания и индивидуальный террор. Внешняя революционность анархистов привлекает к ним и некоторую часть рабочих. Ведь республика не выполнила перед трудовым народом своих обещаний — земля как была у помещиков, так и осталась, права рабочих не увеличились, полиция та же, и колонии управляются так же, как при короле.

Пока эти две партии делили между собой власть, испанская реакция объединилась в единый блок СЭДА («Испанская конфедерация автономных правых»). Одновременно возникли фашистские партии — Испанская фаланга и Испанское обновление.

С помощью демагогии, заимствованной у гитлеровцев, а также прямых подкупов правые республиканцы осенью 1933 года сумели войти в состав правительства. Испании грозила фашистская диктатура.

В знак протеста по всей стране вспыхнули восстания рабочих. А в Астурии забастовка горняков перешла в вооруженное восстание. В дни октябрьских событий 1934 года погибли тысячи рабочих, многие были брошены в тюрьмы. В разгроме восстания активное участие принял генерал Франко, который вызвал из Марокко Иностранный легион.

И социалисты и анархисты предали восставших. Социалисты, имевшие большой запас оружия, не раздали его рабочим. Анархисты вообще отказались участвовать в восстании. Да, да! Они, как всегда, боялись народа...

Коммунистическая партия, находившаяся в то время в подполье, бросила воззвание: всем партиям, всем профсоюзам и рабочим организациям объединиться и создать Народный фронт. Социалисты и анархисты вынуждены были положить конец своим распрям и войти в Народный фронт. Туда же вошла и компартия во главе с Хосе Диасом.

Социалистическая партия провела ряд реформ в интересах народа, чем активизировала Народный фронт.

В результате борьбы правые потерпели поражение в

последующих выборах в кортесы, их антидемократический блок развалился.

Но реакция не примирилась с поражением. Начались убийства, провокационные поджоги церквей, открытые столкновения фашистов с народной милицией. Возглавлял весь этот фашистский сброд, состоявший из сынков крупных феодалов, так называемой «золотой молодежи», уголовников, убийц, сутенеров, Примо де Ривера, бывший военный диктатор Испании.

В армии все командные должности оставались в руках реакционных генералов. Франсиско Франко был начальником генерального штаба. Он и возглавил фашистский заговор против республики вместе с другими генералами-«африканистами».

Президент республики Асанья и раньше знал о фашистских взглядах Франко, но, следуя своей политике «мира и согласия», оставил его в армии.

— Франко в армии среди офицеров славился своей высокой нравственностью,— рассказывал Листер. — Верность его своей жене Кармен стала в армии поговоркой. «Не поддающийся страху и недоступный для женщин»,— говорили про него. Этот кровавый генерал, сделавший свою карьеру в Африке благодаря своей жестокости и беспощадности к туземному населению, оказался, видите ли, верным мужем и нежным папашей. Говорят, он прямо-таки боготворит свою восьмилетнюю дочь, тоже Кармен. Ну как же можно было выставить из армии такого генерала! — иронизировал Листер.

— Что ж, говорят, Гитлер вегетарианец, а проповедует истребление целых народов,— усмехнулся Берзин.

— А про Франко говорят, что он немецкий шпион, завербованный лично Канарисом.

В 1935 году гитлеровское правительство доверило Канарису руководство управлением разведки и контрразведки сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил, получившим сокращенное название «абвер».

Этот маленький, щуплый человек, полугрек-полунемец, являлся одной из опаснейших фигур германского рейха. Ярый националист, антикоммунист, он сумел организовать мощную разведывательную сеть во всех странах.

Их методы: пропаганда, компрометация, провокации, попытки похищения, убийства, нелегальная торговля оружием, саботаж, экономический шпионаж.

Канарис признается, что очень трудно, почти невозможно работать агентам в СССР, получать какую-либо информацию. Очень хорошо, мол, работает советская контрразведка.

По своему обыкновению тщательно изучать своих противников, Берзин ознакомился с биографией Франко.

Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Баамонде родился в 1892 году в Эль-Ферроле — в городе-порте на берегу Атлантики.

Все поколения фамилии Франко были морскими офицерами. Франсиско Франко первый нарушил эту традицию и ушел в армию, а не на флот, поступив четырнадцати лет в Пехотную академию, так как Морская академия после испано-американской войны была закрыта.

Семнадцати лет Франко окончил Пехотную академию в чине второго лейтенанта и по собственному желанию отправился делать карьеру в Марокко, где испанцы вели беспрерывную колониальную войну против национально-освободительного движения марокканских племен рифов и кабилов, возглавляемых известным вождем Абд Эль Кримом.

В двадцать лет он уже был капитаном в туземном мавританском отряде в Тетуане. Прославился своей исключительной жестокостью.

В одном из боев был ранен и за боевые успехи произведен в майоры.

В Марокко он встретился с лейтенант-полковником Мильяном Астраем, авантюристом и проходимцем, и помог ему организовать Иностранный легион.

Этот легион состоял из уголовных преступников разных национальностей, бежавших от правосудия. Девизом легиона и его основателя Астрая было: «Долой разум, да здравствует смерть!»

Сначала Франко был адъютантом Астрая, а затем стал командиром легиона. Карьера его была сказочной. В 32 года он уже имел чин бригадир-генерала и вторую медаль за «храбрость», а вернее, за кровавую беспощадность в войне с туземцами. С 1927 по 1931 год Франко занимает пост начальника военной академии в Сарагосе.

Будучи начальником академии, он неоднократно посещал военные школы в Берлине и Дрездене, перенимая опыт подготовки офицерских кадров. А в 1929 году прошел курс военных наук для полковников и бригадир-генералов в Версале.

Оставив Франко в армии, Асанья назначил его сначала командиром бригады в Ла Корунья, а затем — военным губернатором Балеарских островов.

После кровавых октябрьских событий 1934 года, когда коммунисты потребовали засадить Франко в тюрьму, Асанья назначил его военным губернатором Канарских островов, или, проще говоря, отправил в почетную ссылку.

По приказу главы мятежников генерала Санхурхо (тоже «африканиста») Франко переправился в Марокко и поднял там мятеж против республики.

А 18 июля по радиосигналу «Над всей Испанией безоблачное небо. Никаких новостей» — фашисты распространили мятеж по всей Испании.

Франко принял на себя командование всеми войсками Испанского Марокко. Туда же должен был прибыть из Лиссабона генерал Санхурхо, но при взлете самолет потерпел аварию и Санхурхо погиб. Главой мятежников стал Франко. Есть версия, что это он устроил аварию, чтобы погубить своего соперника.

— Вы видели Франко? — спросил Берзин у Листера.

— Много раз! Низенький, толстенький, лысый, глаза как у гиены, несколько выпуклые, неприятно влажные, на губах всегда блуждает лицемерно-сладкая улыбка.

Никто и не помышлял, что этот невзрачный, короткий человек, в котором и военного-то ничего нет, заварит такую кашу. Офицеры тихонько подсмеивались над ним, считая, что он под крепким башмаком своей Карменситы.

Политика республиканского правительства была так туманна, что Берзин решил не ждать, пока этот туман рассеется, а действовать по своему усмотрению. У него окончательно созрел план организовать партизанские отряды и пустить их по тылам противника. Своими планами он решил поделиться с Хосе Диасом.

С тяжелым сердцем думал он о своей ответственности перед Испанской республикой.

Главный военный советник правительства республики... А советы его игнорируются.

Они хотят от него мгновенного чуда. Почему, мол, почему. Будто не знают, что мятежные генералы путем запугивания и жестоких мер увели большую часть армии за собой, что Франко бросил против республики Иностранный легион. Что пока правительства таких стран, как

США, Англия, Германия, Италия, Франция, уговаривают друг друга не вмешиваться в дела Испании (а то, мол, разгорится вторая мировая война), война в Испании принимает зловещий характер.

Правители республики все, конечно, знают и понимают, но им вовсе не улыбается победа Народного фронта, кроме того, они всеми силами стремятся скомпрометировать советника из красной России, доказать, что он ни на что не способен. А что можно сделать в подобной ситуации? Нужно заново создавать регулярную армию, а для этого требуется длительное время и большие материальные затраты. А времени нет, и средств нет.

Берзина удивляла политика невмешательства основных империалистических держав. Что это, заговор? Неужели Франция не понимает, что Гитлер задумал окружить ее со всех сторон? Ведь Испания — это ее тыл.

Война в Испании уже показала, на что способны мятежники. Они организовали тотальное истребление испанского населения, не щадят ни женщин, ни детей, ни стариков. Страшные пытки, перед которыми бледнеют пытки средневековья, насилия над гражданами, безрассудные массовые убийства, пожары, грабежи, разрушения целых городов, храмов — вот что такое фашизм. Варвары XX века, для которых нет ничего святого...

И все-таки Народный фронт героически отстаивал республику. На всех участках мадридского фронта враг был отбит. Подавлен мятеж слушателей военной академии в Толедо.

Плохо вооруженные партизаны выбили с ряда высот Гвадаррамы хорошо обученные подразделения генерала Мола. Были освобождены от мятежников Барселона, Каталония. Большая часть военно-морского флота перешла на сторону республики.

«Но пасаран!» — провозгласила в те дни Долорес Ибаррури. «Они не пройдут!» Противник был ошеломлен и растерян.

«О народ! Если бы знал, что ты можешь!» — сказал когда-то великий Гойя. А государственный секретарь США Корделл Хэлл недоволен: мол, напрасно испанское правительство раздало оружие и боеприпасы безответственным левым. Для Хэлла вооруженный народ более опасен, чем вооруженные фашисты... Американцы не вмешиваются в испанские события, но все их симпатии на стороне фашистов.

Сейчас были бы в самый раз организованные действия отрядов по тылам противника. Эти отряды должны быть очень подвижны и многочисленны. Не давать фашистам покоя, деморализовать их диверсиями и внезапными нападениями.

Поскольку коммунисты входили в парламент, Берзин имел право обратиться к их содействию. После неудачи на совещании у Рохо он решил поехать в ЦК КПИ к Хосе Диасу. Листер предупредил его, что Диас большую часть времени проводит на позициях, выступает на митингах и вместе с солдатами роет окопы. С ним можно увидеть и Долорес Ибаррури.

Но Берзину повезло — он застал Диаса в кабинете. За столом сидел скромный на вид, очень симпатичный, молодой человек, худощавый, смуглый, с густым ежиком черных волос.

Узнав, что перед ним главный военный советник из Москвы, он искренне обрадовался и сразу стал расспрашивать, хорошо ли Берзин устроился, не нуждается ли в чем.

— Нельзя пренебрегать мелочами,— серьезно сказал он,— иногда они очень много значат для нормальной жизни и работы.

Хосе Диас хорошо говорил по-русски. Берзин знал, что он целый год учился в Москве в Ленинской школе при Исполкоме Коминтерна. И потом много раз нелегально приезжал с делегациями испанских коммунистов в Москву на конгрессы Коминтерна.

Биография Диаса чем-то напоминала Берзину его собственную. Он родился в Севилье 3 мая 1895 года (на целых пять лет позже Берзина) в семье потомственного пекаря. Отец не очень разбирался в политике и не примкнул ни к одной рабочей партии. Однако активно участвовал в рабочих забастовках.

Мать Хосе работала на табачной фабрике (на той самой, на которой работала знаменитая Кармен из новеллы Мериме). В семье было четверо детей: сыновья Хосе и Хуан и дочери Кармен и Консепсьон.

Нужда заставила Хосе в одиннадцать лет оставить школу и пойти работать в пекарню. В шестнадцать лет он уже был квалифицированным пекарем. Работал в тяжелейших условиях по 12—14 часов в сутки возле огнедышащих печей, без выходных и праздников. Вступил в

профсоюз пекарей и проявил незаурядные организаторские способности во время забастовок. А забастовки следовали одна за другой. Протестовали против нищенской зарплаты, ночных смен, бесконечных штрафов и плохого обращения с рабочими.

Так же как и Берзин, он с юношеских лет включился в политическую борьбу, участвовал в крупных рабочих забастовках, в схватках с полицейскими. В Испании исторически была очень сложная обстановка. В испано-американской войне 1898 года монархия потеряла свои колонии: Кубу, Филиппины, остров Гуам и Пуэрто-Рико. США, выступившие якобы в поддержку восставших против колониального гнета Испании кубинцев, захватили испанские колонии. Намереваясь как-то возместить свои потери, Испания затеяла колониальную войну в Марокко. Это вызвало в стране бурю протестов, которые перешли в грандиозные народные восстания

Хоть Испания и не принимала непосредственного участия в первой империалистической войне, все же она испытала на себе ее последствия. Голод, дороговизна, инфляция, резкое падение производства и как следствие — безработица. Все это активизировало народные массы, поднимало на борьбу. Начались забастовки в городах и борьба крестьян за земельную реформу.

В это сложное время Диас примыкал к анархистам и анархо-синдикалистам, которые признавали только экономическую борьбу. Их лозунгом было: долой партии, долой авторитеты, да здравствует абсолютная свобода человека. Они признавали террор против государственных и политических деятелей, крупных предпринимателей. Их духовными отцами были Кропоткин и Бакунин. Анархисты призывали к революционному свержению существующего строя и созданию «свободного» коммунизма без государственности, так называемого либертарного коммунизма.

— Меня привлекала «сверхреволюционность» анархистов. Я стал активным членом партии. Полиция охотилась за мной. Однажды мне и моему товарищу по партии Кобеньи поручили убить короля Альфонса Тринадцатого. Мы поехали в Мадрид. Там нас опознала полиция, и мы были брошены в тюрьму. В камере я познакомился с коммунистами, которые, по сути, спасли меня от голодной смерти. В тюрьме кормили очень плохо, они по-братски делились со мной продуктами...

В тюрьме Диас начал читать марксистскую литературу — и в его убеждениях произошел крутой поворот. Войдя в тюрьму анархистом, он вышел из нее сочувствующим коммунистической партии человеком.

В 1927 году он вступил в коммунистическую партию. А в конце мая 1930 года Диас по решению руководства партии был направлен на учебу в Москву.

— Я не верил сам себе, что хожу по улицам Москвы, столицы СССР,— рассказывал Диас.— Упорно учил русский язык, чтобы самому разговаривать с советскими людьми, с рабочими на заводах, куда нас водили, постичь характер советского человека, понять, как удалось рабочим и крестьянам России [illegible] нить с властью помещиков и буржуазии. Ве[illegible], которую мы изучали, и другое дело живая [illegible] было ощутить, «пощупать» своими [illegible]

В 1932 году Хосе Ди[illegible] в ЦК КПИ и возглавил партию

Берзин пож[illegible] поведение Ларго Кабальеро.

— Наполеон [illegible] Диас. — Взял себе еще и портфель военного мини[illegible], хотя ничего не смыслит в военном деле.

Он рассказал Берзину, как по поручению Исполкома Коминтерна Жак Дюкло три дня уговаривал Кабальеро принять предложение КПИ о [illegible] борьбе за создание Народного фронта.

Идея создания подвижных диверсионных отрядов очень понравилась Диасу. Он заверил Берзина, что будет настаивать перед военным министром о немедленном разрешении на организацию таких отрядов.

Они еще долго обсуждали другие вопросы относительно создания Народной армии, обучения ее частей, организации политической работы.

На прощанье договорились о более тесном контакте.

Вскоре Диас по телефону попросил Берзина срочно зайти к нему. Берзин поехал на улицу Серрано, где в одном из зданий помещался ЦК.

— Приступайте к организации спецшколы,— с улыбкой сказал Диас.

— Договорились?! — изумился Ян Карлович.

— Конечно. Если на Кабальеро как следует нажать, то что-нибудь да выжмешь! На мой прямой вопрос, чем

ему не нравится идея диверсионных отрядов, он важно заявил: «Позвольте мне иметь свои мысли на этот счет. Возможно, они отличны от ваших, но время покажет, кто прав...» Как всегда, ответ был очень туманным. Тогда я перечислил ему все, чего он не хочет. Оказалось, что он ничего не хочет. Это его несколько смутило, и он понемногу начал сдаваться...— Диас снисходительно рассмеялся.— В общем, я загнал его в угол...

«Да-а... Это не Рохо»,— подумал Берзин, любовно глядя на Диаса.

Диас, однако, выглядел неважно — лицо серое, под глазами отеки, иногда его лоб внезапно покрывался испариной, будто он перемогал какую-то боль. «Язва»,— догадался Ян Карлович.

Рохо воспринял известие об организации спецшколы довольно сдержанно, мол, Кабальеро испугался, как бы коммунисты не начали разоблачать перед народом его предательскую политику. Он как бы оправдывался за свои неудачные переговоры с министром.

Обсудили вопрос, где, в каком пункте разместить спецшколу. Остановились на маленьком городке Хаэне в Андалусии, почти в тылу у противника.

Бесконечным потоком шли через штабы республиканской армии добровольцы, заявляя о своем желании драться с фашистами до последнего дыхания. Немцы, итальянцы, французы, поляки, венгры, шведы, англичане... Все они были из разных слоев общества: рабочие, интеллигенты, батраки, люди разного интеллекта, но Берзина поражало их единство, ответственность каждого из них за судьбы человечества. И он как-то подумал, что, очевидно, удовлетворение гражданского чувства приносит человеку наивысшее счастье.

Все эти люди пробирались в Испанию нелегальными путями под вымышленными именами. Многие из них были коммунистами.

Однажды у Берзина вышел интересный разговор с немецким профессором, историком, ярым антифашистом. Профессору оказалось далеко за сорок, но его моложавое лицо, чистые, блестящие глаза и высокая, сильная фигура говорили о жизненной энергии.

— Вероятно, нашему поколению грозит печальная

судьба быть свидетелем, а многим и участником второй мировой войны,— сказал он Берзину.

— Почему вы так думаете? — заинтересовался Ян Карлович.

— Потому что ответственные за судьбы народов лица не принимают никаких мер против того, чтобы роковые события не разразились в катастрофу... А катастрофа будет ужасной. Война в Европе более страшна, чем война в других частях света.

— Да, пожалуй,— согласился Берзин.

— В Европе на небольшой сравнительно территории живут сотни миллионов людей, сосредоточены огромные, накопленные веками ценности материальной и духовной культуры. В 1933 году я был уже свидетелем неслыханного варварства, когда в Берлине на площади Оперы нацисты по приказу Гитлера жгли книги. Они свозили их на машинах из частных библиотек и книгохранилищ. Вся площадь была завалена штабелями книг. Повсюду стояли штурмовики. А когда запылал гигантский костер из книг, оркестр заиграл: «Германия, Германия превыше всего...» — Глаза профессора подернулись печальной влагой, в них отражались горечь и боль.— А потом,— продолжал он,— нацисты выбросили из Цвингера в Дрездене полотна «неарийца» Рембрандта, взорвали в Мюнхене памятник Рихарду Вагнеру, а Бизе и Сен-Санса объявили расово неполноценными. Теперь у нас в Германии есть один музей — мюнхенский погребок «Бюргербрейкеллер», колыбель мюнхенского путча.

Берзин помедлил с ответом, как бы подыскивая подходящие слова, потом сказал:

— В данном случае я могу только повторить слова Георгия Димитрова: фашизм — власть свирепая, но непрочная.

— Завидую вашему оптимизму,— усмехнулся профессор.— Вам бы побывать у нас в Германии, она стала совершенно неузнаваемой. В стране царит культ силы. Печально то, что чем больше разгораются военные страсти, тем ожесточеннее становятся люди. Иссякает последняя капля гуманности, начинается торжество неудержимого вандализма. Когда в начале прошлой мировой войны мы читали о том, что разрушен музей в Лувене, или о том, что происходит бомбардировка собора в Реймсе, то это вызывало негодование и ужас. А когда сейчас разрушают

...ческие ценности в Испании, к этому относятся уже более спокойно.

— Ну, не скажите! — горячо возразил Берзин.— Вот вы, например, почему ринулись защищать Испанскую республику? Ведь вас и убить могут... Но вы, вероятно, об этом и не думали, когда сюда ехали. Вами владел справедливый гнев против вандалов двадцатого века, желание остановить движение темной силы, угрожающей всему человечеству. И так каждый из нас. Именно здесь, в Испании, как никогда в истории, проявилась человеческая солидарность, самопожертвование.

— Да, да! Вы правы... Я буду беспощадно бить эту сволочь! — жестко сказал профессор, и слова его прозвучали торжественной клятвой.— Война с фашистами — это война не с людьми, а с организованным стадом негодяев...

Разговор с профессором как то приподнял настроение Берзина. «Вот ведь,— думал он, улыбаясь про себя,— обыкновенный интеллигент и, наверное, в прошлом пацифист, но и его фашисты пропяли, заставили драться. Значит, человечество на страже. «Но пасаран!»

Прибыли добровольцы и из Советского Союза. Однажды, к великой радости Берзина, к нему в кабинет ввалилась целая компания соотечественников. Среди них оказались близкие друзья, товарищи по работе: Кароль Сверчевский, Хаджи Мамсуров, Оскар Стигга.

— И вы сюда! — растроганно говорил Берзин, горячо обнимая товарищей.

— Неужели мы хуже других?! — радостно отвечали они, любовно оглядывая Старика со всех сторон,— изменился, конечно, глаза стали строже, лицо — суше. Государственные заботы!

Они были так непохожи внешне! Высокий, носатый, с лицом, изрытым крупными морщинами, ироничный Кароль Сверчевский, смуглый, черноволосый, крайне сдержанный Хаджи Мамсуров, обстоятельный Оскар Стигга.

— Вас-то мне как раз и не хватало! — возбужденно говорил Берзин, организовывая чай прямо в кабинете.

За чаем он много расспрашивал о делах в управлении, о новом начальнике Урицком.

— Умница,— единодушно ответили друзья.— Очень деловой. Как-то сразу вошел в коллектив.

У Берзина отлегло от сердца — управление в надежных руках. Помнится, на него самого Урицкий произвел

очень хорошее впечатление. В нем была та основательность, которая чувствуется при первом же общении.

За чаем друзья выложили кучу новостей — всего-то месяц с лишним, как Берзин в Испании, а ему казалось, что прошла целая вечность! Он с пристрастием расспрашивал обо всем: о московской погоде, о рабочих митингах солидарности Испании, о заводской молодежи, с которой он поддерживал дружбу, и даже о том, что сейчас идет в московских театрах и в кино. Ему казалось, что он слышит гул московских улиц, ощущает знакомые запахи родной столицы... .

Но вот Оскар Стигга поднял на Берзина встревоженные глаза и заговорил приглушенным глухим голосом:

— Последние сведения. В [illegible] порту пароходы грузятся огромными ящиками, в которых упакованы отдельные части самолетов. [illegible] предназначены для Испании, пароходы пойдут через Португалию...

— Самолеты? Но почему через Португалию? — встревоженно спросил он.

— Видно, Муссолини решил оказать помощь испанским фалангистам в обход [illegible] невмешательства, — сделал предположение Сверчевский.

— Да, да, вполне возможно, — задумчиво сказал Берзин и зашагал по кабинету.— Значит, между фашистами существует тайный сговор,— констатировал он.— Скверно, очень скверно. Это уже не гражданская война, а война фашистов против республики. Нужно немедленно предупредить воинские части о возможных налетах авиации. У нас есть надежные люди. Нужно немедленно с ними связаться. Я поручаю это тебе, Оскар,— обратился Берзин к Стигге.— Они должны следить за всеми пароходами, в Лиссабон, и сообщать.

— Мятежники хотят использовать Португалию как перевалочный пункт,— заметил Сверчевский.

— Боятся все-таки международного общественного мнения, заметают следы,— угрюмо проговорил Мамсуров.

Берзин рассказал им о встрече с Диасом, о том, как тот одобрил его предложение о создании спецшколы.

— Вот ты и возглавишь эту школу,— обратился он вдруг к Мамсурову.

— Это считать как предложение или как приказ? — лукаво спросил Хаджи.

— Как приказ.— Берзин серьезно посмотрел на Мамсурова.

— Есть, товарищ генерал! — засмеялся тот.— Сразу нашлось мне дело...

Поговорили о Листере, о пятом коммунистическом полке.

— Листер отличный парень! Настоящий пролетарий. Он как снежный ком обрастает регулярными частями, которые формирует на ходу. И помощник у него отличный — Хуан Модесто.

Они еще долго не расходились. Ругали политику невмешательства; Гитлера, Муссолини, скрывая за словами тревогу не только за дела Испанской республики, но и за судьбу своей Родины.

В одно яркое солнечное утро, когда Берзин был занят изучением боевых сводок со всех фронтов, ему доложили, что люди из отряда Мамсурова доставили в штаб пленного мятежника и пакет, который Мамсуров строго наказал передать в руки самого Берзина.

— Введите пленного,— коротко приказал Ян Карлович.

Дверь кабинета медленно отворилась, и солдат с винтовкой в руках пропустил вперед себя узкоплечего, худощавого человека в пыльной форме легионера. Видимо, пленный не брился несколько дней, и на его загорелом до черноты лице заметно проступала очень светлая щетина, а правую бровь пересекал огромный свежий, захватывающий часть щеки шрам.

Человек пристально посмотрел на Берзина и вдруг интригующе улыбнулся.

— Что, не узнаете? — насмешливо проговорил он на чистейшем русском языке.— А я вас сразу узнал. Приехали коммунизм в Испании строить? Не выйдет! — и он засмеялся неприятным желчным смехом.

— Садитесь,— строго официальным тоном сказал Берзин, принимая из рук бойца письмо, которое оказалось от Мамсурова.

Мамсуров сообщал, что пленный утверждает, будто прилетел на днях из Тетуана вместе с марокканцами на транспортном немецком самолете «Юнкерс-52», и что таких самолетов по этой линии летает множество. Берзин уже знал достоинства самолета «Юнкерс-52»: из транспортного он легко превращался в бомбардировщик. Понимал он и то, что означает появление немецких «юнкерсов» в небе Испании,— фашистскую интервенцию. «Кажется, пророчества немецкого профессора о серьезной вой-

не в Европе начинают сбываться»,— тревожно подумал он.

— Ну, рассказывайте, кто вы, откуда и когда явились в Испанию,— обратился он к пленному, пододвигая к нему пачку папирос.

Тот с жадностью затянулся табачным дымом и, сделав вид, что не понимает вопроса, высокомерно переспросил:

— То есть?

— Почему «то есть»? Вы ведь отлично понимаете, о чем вас спрашивают.

Берзин строго посмотрел на пленного и увидел, как дернулась в нервном тике его щека. «Кадет!» — вдруг вспомнил он и с чисто человеческим любопытством стал рассматривать сидящего перед ним человека.

— Узнали? — злобно засмеялся пленный, очевидно уловив в лице Берзина невольное изумление.— Да, да, тот самый кадет... Я ведь тогда ловко сбежал из-под самого носа охранников. Оказывается, и среди ваших есть ротозеи.— Кадет, довольный, нагло похохатывал.

— Докатились до Иностранного легиона? — презрительно сказал Берзин.

— Что значит «докатился»? — каким-то истерическим голосом выкрикнул кадет.— Я добровольно пошел в легион, чтобы хоть здесь, в Испании, набить морду красным!

— Пока вышло наоборот, как я вижу. Республиканцы, что ли, угостили? — в голосе Берзина не было злорадства, скорее в нем звучало сочувствие, и это почему-то вызвало у пленного необыкновенную вспышку злобы. Лицо его исказила ужасная гримаса.

— Ничего, скоро вашей республике крышка. Да и красной России тоже. Испания это только оселок, на котором Гитлер оттачивает свое оружие. И напрасно вы заигрываете с Францией и Англией — они вас не поддержат...

— Фюрера называют бесноватым. Уж не заразились ли и вы его бесноватостью? — насмешливо спросил Берзин.

— Лучшая часть русской интеллигенции, которая вынуждена была эмигрировать из России, сражается сейчас на стороне франкистов,— не обращая внимания на слова Берзина, запальчиво говорил кадет.— Они преисполнены благородной решимости пресечь распространение большевистской заразы...

— Международный мусор, а не лучшая часть интеллигенции,— спокойно возразил Берзин.— Может быть, и вы

интеллигент? Да вы никогда им и не были, а только строили из себя интеллигента. В вас всегда сидел жалкий раб, мелкий хозяйчик. Теперь вы притворяетесь идейным борцом, а на самом деле стали пособником бандитов. Вы врываетесь в испанские деревни, убиваете мирных жителей, насилуете малолетних девочек...

Берзин задыхался от гнева. Перед ним все еще стоял образ Марии, двенадцатилетней испанской девочки, над которой надругались фашисты. Вначале они расстреляли ее отца, мэра деревни, а потом и мать. Над Марией долго издевались. Отрезали ей косы. Затем заткнули ей косами, словно кляпом, рот и изнасиловали. Марию привез в Валенсию Хаджи Мамсуров. Он подобрал ее в опустевшей деревне, куда на короткое время заходил его отряд. Он и рассказал Берзину всю эту ужасную историю.

— Война есть война,— с вызовом проговорил кадет.

— Хватит философствовать. Ближе к делу,— оборвал его Берзин.

— Вы меня расстреляете? — после некоторого молчания спросил кадет.

— Все зависит от вас.— Голос Берзина был холоден и ровен.

— Спрашивайте...

Кадет рассказал, что из Тетуана в Кадикс очень часто летают немецкие самолеты «юнкерсы». Каждый самолет совершает 5—6 рейсов в день. Самолет, с которым прибыл он из Африки на испанскую сторону, вез солдат Иностранного легиона. В Хересе очень много марокканцев. Есть слухи, что их перебросят на мадридский фронт.

Все эти сведения подтвердили потом разведчики. Кроме того, они сообщили, что в Севилье свободно разгуливают итальянские и немецкие летчики. А вскоре три итальянских самолета разбились на территории Алжира и Французского Марокко. Прогрессивная печать всего мира возмущенно разоблачала Муссолини как злостного нарушителя международного договора о невмешательстве в испанские дела.

Народ Франции потребовал от своего правительства, во главе которого стоял социалист Блюм, немедленного оказания военной помощи испанским патриотам. Правительства Франции и Англии хранили странное молчание. А через некоторое время разведчики донесли, что в Сеуте бросили якоря германские военные корабли.

Берзин знал, что буквально на второй день граждан-

ской войны республиканское правительство Испании обратилось к Блюму с просьбой отгрузить оружие в их страну. Дело в том, что еще в прошлом году между Испанией и Францией был заключен договор о поставке Испании вооружения и боеприпасов на двадцать миллионов фунтов стерлингов. Деньги для оплаты вооружения были переведены в Париж. Блюм торжественно обещал немедленную помощь. Но вскоре он уехал в Лондон с официальным визитом, а по возвращении оттуда до сих пор хранит таинственное молчание.

Берзина не удивляла политика Чемберлена, этого врага коммунизма, но Блюм! Неужели он пошел на поводу Лондона...

Испании могла бы помочь Америка, но ее государственные деятели в печати лицемерно сожалеют об испанской ситуации и тут же выступают за политику невмешательства.

Ни одна страна не хочет продавать оружие республиканской Испании, к СССР испанское правительство, вероятно, не решается обращаться за помощью, правители боятся, как бы их не обвинили в симпатиях к коммунистам. «Испанскую республику предают холодно и безжалостно»,— с возмущением думал Берзин.

В довершение всего формирование регулярной армии республиканцев подвигалось очень медленно. Слишком сильно было влияние анархистов, которые не признают ни дисциплины, ни единоначалия. Солдаты предпочитают сами выбирать себе командиров, а командиры — советников.

Однажды Мамсуров, зайдя в кабинет Берзина, с комичной серьезностью доложил:

— Поздравьте меня, я теперь советник анархистской бригады известного Дурутти.

— А как же партизанские отряды? — спросил Берзин.

— По совместительству. Не мог же я отказаться от должности советника при Дурутти!

— Хватишь ты с ними горя,— тяжело вздохнул Ян Карлович.

И действительно хватил. В самый ответственный момент сражения в одной очень важной операции солдаты Дурутти потребовали отдыха. А когда он под влиянием Мамсурова попробовал сопротивляться, солдаты убили его.

Дурутти был одним из главных анархистских лидеров Испании. Он люто ненавидел фашистов и был предан рес-

ублике, но анархизм погубил его. «Коммунизмо либертарио» — «Свободный коммунизм» — вот лозунг анархистов, а что это такое, они не представляли себе. Анархисты врывались в деревни, насильно сгоняли крестьян в коммуны, обобществляли землю, скот. Этим они отталкивали крестьян от Народного фронта.

Но зато партизанские отряды распространились. Берзин с самого начала сумел оценить обстановку, угадал наиболее приемлемую на первых порах форму организованной борьбы с фашистами. Теперь было много регулярных частей, интернациональных бригад, которыми командуют такие опытные командиры, как Энрике Листер, генерал Лукач (Матэ Залка), генерал Вальтер (Кароль Сверчевский) и многие другие, а отряды продолжают свое существование внутри армии. Они успешно действуют по тылам противника на всех фронтах, до самой Португалии. Взрывают мосты, эшелоны с войсками, уничтожают боевую технику, делают налеты на аэродромы.

Над городами Испании появились немецкие и итальянские самолеты. Они сыпали свой смертоносный груз, оставляя после себя развалины. Сильно пострадала Малага. Разрушены и разграблены фашистами ее прекрасные древние храмы: церковь Сан-Хозе, Кафедральный собор, церковь Сан-Хуана, дворец маркиза де Ларнос и другие старинные дворцы, хранившие в себе бесценные произведения искусства.

— Целые улицы Севильи превращены в руины,— жаловался Диас.

Он с восторгом и болью рассказывал Берзину о своем родном городе, где прошли его детство и юность. О Кафедральном соборе, о прилепившейся к нему древней башне Хиральде, оставшейся от арабской мечети, о доме Пилата, о площади Испании, о том, как они, босоногие ребятишки рабочих кварталов, любили играть под стенами Золотой башни на берегу Гвадалквивира.

Берзин знал, что Севилью называют самым изумительным и самым оригинальным из городов Европы, где причудливо переплетались между собой Восток и Запад.

И вот теперь Франко на городах своей страны позволяет фашистским интервентам испытывать оружие, превращает эти города в военные полигоны. Нет, к этому никогда не будешь равнодушным. Эта война не оправдана ни высокими целями, ни идеалами. Она жестока и бессмысленна. Именно здесь, в Испании, перед Берзиным

встал зверский лик современной тотальной войны во всей ее ужасной неприглядности. Танки, авиация, тяжелая артиллерия... Он увидел, что современная война ставит задачей военных сил не только уничтожение армии противника, но и разрушение источников его материального снабжения, и дезорганизацию тыла. Поселить ужас среди мирного населения, расстроить его работу.

Уже первые недели фашистской интервенции показали, какое значение придает Германия своей авиации и какое она в действительности имеет значение.

«Вероятно, Гитлер возлагает на авиацию исключительные надежды в будущей войне с СССР»,— думал Берзин. Благодаря разведчикам и специалистам он уже знал, какими типами самолетов обладают Германия и Италия и насколько они сильны.

Из «юнкерсов» сильной машиной был тяжелый трехмоторный бомбовоз «Юнкерс 53». Очень силен также бомбовоз Хейнкеля с одним мотором «Хе-70». Над Теруэлем недавно сбит «Хе-111» с двумя моторами. Из истребителей хорош аппарат «мессершмитт» — «Ме-109». Долгое время «Ме-109» был загадкой для специалистов: сбитый артиллерией или истребителем, он неизменно взрывался в воздухе, и на землю падали только обломки, не позволяющие установить характерные черты его конструкции.

Лишь недавно тяжело раненный летчик совершил на «Ме-109» посадку в районе Мадрида и на допросе рассказал, что Геринг издал суровый приказ, по которому подбитый на «Ме-109» летчик не должен выбрасываться на парашюте до того, пока не приведет в действие прибора, взрывающего самолет, если даже промедление с прыжком с парашютом грозит летчику неминуемой гибелью. Но на этот раз летчик был тяжело ранен и не нашел в себе силы ни выпрыгнуть, ни выполнить бесчеловечный приказ фашистского маршала — взорваться вместе с самолетом.

Франция наконец ответила Испании, что не может в данный момент выполнить договор о поставке вооружения, так как не располагает достаточным арсеналом и, следовательно, не имеет права ослабить обороноспособность своей страны.

Это была довольно грубая увертка. Все же французский министр авиации Пьер Кот, горячо сочувствовавший Испанской республике, распорядился начать поставки са-

налетов Испании. Но что это были за самолеты! Против сверхсовременных немецких бомбардировщиков в воздух поднялись старые «калоши» времен 1914—1918 годов, летчики называли их «телятами на пяти ногах». А вскоре Комиссия по иностранным делам запретила и эти поставки.

Некоторые республиканские части имели самое минимальное количество оружия — два-три пулемета, несколько винтовок, тем не менее республиканцы держались своим энтузиазмом и даже отбивали атаки противника. Германская артиллерия полностью моторизована. Их гаубицы делают один выстрел в минуту, а снаряды поднимаются в высоту до двух миль и оттуда падают в обстреливаемое место, находящееся в 3—4 милях, почти отвесно, разрываясь при падении со страшной силой.

Даже Ватикан, этот оплот всего католичества, выступает против Испанской республики и защищает фашистов! В мировую печать просачиваются сведения о том, что Ватикан щедро финансирует мятежников.

Одному иностранному журналисту довелось побывать в Ватикане, и он с восторгом рассказал Берзину о его сокровищах.

Ватикан — это целый город с роскошными дворцами, прекрасными садами. Есть даже своя, так называемая швейцарская, гвардия, одетая в красочную средневековую одежду и вооруженная алебардами.

— Так живет папа, наместник бога на земле, духовный апостол церкви, о котором пишут, что он равнодушен к жизненным интересам и удобствам! — закончил свой рассказ журналист.

Армия мятежников усиливалась за счет хорошо обученных немецких и итальянских регулярных частей. Германия и Италия продолжали поставлять вооружение испанским мятежникам, совершенно игнорируя договор о невмешательстве.

В октябре правительство СССР сделало официальное заявление в Комитет по невмешательству о несправедливой дискриминации Испанской республики, о том, что не будет считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей степени, чем другие его участники.

Правительство Испании обратилось к Советскому Союзу с просьбой продать Испанской республике вооружение и направить в Испанию советских летчиков, танкистов, артиллеристов и военных советников.

Стоял октябрь. Жестко шелестели пальмовые листья, с апельсиновых деревьев прямо на тротуары сыпались оранжевые плоды. «Вот так сыплются теперь последние листья с деревьев в московских парках»,— грустно думал Берзин, стоя у окна своего кабинета в Валенсии. И вспомнился ему какой-то далекий счастливый день. Они идут с Лизой по мокрому осеннему парку. Небо тяжелое, хмурое, все в тучах. Иногда [illegible] вдруг откроется в нем [illegible] ное [illegible] и тут же [illegible]

[illegible]
и от этого [illegible] свет [illegible]
[illegible]
Он не помнил, [illegible] И [illegible]
удивительн [illegible]
сти бытия. [illegible]
[illegible],— подумал [illegible] последн [illegible]
Лизой конфликт, [illegible] о нем думала. И он понял то [illegible] минуем.

[illegible]
то неотложные [illegible]
вспомнил, что [illegible],— [illegible] предупредила его, что они приглашены в гости.

Лиза [illegible]
лучших платьев, [illegible] окну.

— Я опоздал,— робко, как бы извиняясь, сказал он, целуя жену и втайне любуясь ею.

— Да,— как-то вяло, почти равнодушно ответила она и взглянула на золотые часики на своей руке.

— Ну ничего,— сказал он бодрым голосом.— Еще не все потеряно, пойдем в следующий раз.

— Ян, я давно хотела тебе [illegible], но так [illegible] нельзя,— бледные щеки Лизы [illegible]

Его охватило раздражение.

— Я так дьявольски устал, у меня разыгралась моя невралгия. Честное слово, будь милосердна.

— Нет, Ян, нет. Дело ведь не в твоем опоздании...

— А в чем?

— В том, что мы стали [illegible] чужими.

Он сделал протестующий жест, но она настойчиво продолжала каким-то пониженным, глухим голосом:

— Каждый из нас живет какой-то своей отдельной жизнью. Да и вообще, если быть честными, мы с тобой

очень разные люди. Ты хороший, ты даже слишком хороший, но ты хороший до автоматизма...

— Ну, это уж совсем чепуха какая-то... Что же ты хочешь: чтобы я был плохим?

— Да нет,— сказала она, досадливо махнув рукой.— Не то, совсем не то...

— Ты просто раздражена, тебе надо успокоиться,— мягко сказал он.

— Вот-вот,— отозвалась она с горькой усмешкой.

Они тогда помирились, но он понял, что Лиза никогда не будет ему другом, товарищем, а он, вечно занятый, отдающий себя на разрыв, очень нуждался в этом.

Мысли о родине возникли, по-видимому, в связи с ожиданием первого советского теплохода, который доставит в Испанию самолеты.

В штабе армии волновались — дойдет ли? В водах Средиземного моря начали разбойничать немецкие подводные лодки.

На мадридском фронте очень напряженное положение. Фашисты рвутся к Мадриду. Над городом сыплются листовки, в которых генерал Мола похваляется въехать в Мадрид 7 ноября и угостить там друзей в кафе на Гран Виа — центральной улице столицы.

В конце октября было получено сообщение, что теплоход благополучно пришвартовался в Аликанте.

Берзин и начальник авиации республики Игнасио Идальго де Сиснерос поехали в Аликанте встречать новоприбывших добровольцев — советских летчиков.

При виде советского теплохода Берзина охватило необыкновенное волнение — это была частица родины.

Он горячо обнимался и с летчиками, и с командой экипажа, поздравлял с благополучным прибытием.

Среди летчиков были Рычагов, Хользунов, Баланов, Десницкий, Минаев и другие.

На душе сразу стало легче.

Теплоход встречали рабочие, республиканская милиция, революционные бойцы, женщины, дети. Все радостно кричали:

— Вива Руссиа, вива!

Враг уже стоял в предместьях Мадрида, когда над городом взлетели советские истребители «И-15», «И-16» (испанцы прозвали их «чатос» — курносые, и «моска» — мошка) и двухмоторные бомбардировщики «СБ», полу-

чившие прозвища «катюши», со скоростью 424 километра в час.

Следующим пароходом, пришвартовавшимся в Картахене, был «Туркестан». Он привез танки «БТ-5» и «Т-26».

Снова на Берзина навалилась огромная ответственность как на главного военного советника. Нужно было разрабатывать оперативные планы ведения боевых действий с использованием танков и авиации.

Современная война требовала новой техники. Военачальники республиканской армии никакого опыта в ведении такой войны не имели, бойцы не знали оружия и не умели грамотно применять его на поле боя. Приходилось все тактические задачи решать советским военным советникам по разным родам войск. А отвечал за все Берзин.

29 октября под Мадридом, у деревни Сесеньи, впервые принимали участие в боях советские добровольцы на танках «Т-26».

Взяв Толедо, Франко организовал там свой штаб. Фашисты быстро продвигались четырьмя колоннами к Мадриду. Они открыто похвалялись, что рассчитывают не только на свои силы, но и на «пятую колонну» в самом Мадриде.

В городе было полно предателей. Иностранные посольства укрывали у себя сотни фалангистов. Особенно отличалось чилийское посольство.

В начале ноября Рохо сообщил Берзину о решении правительства переехать из Мадрида в Валенсию.

— Покинуть в такой ответственный момент Мадрид? — возмутился Берзин.— Это похоже на бегство.

— Город бомбят, правительство не может работать в таких условиях,— резонно возразил Рохо.— Нам с вами тоже приказано эвакуироваться.

— Но кто же будет руководить обороной Мадрида? — спросил Берзин.

— Генерал Миаха,— иронически усмехнулся Рохо.— Сам Кабальеро передал ему приказ о назначении его главой Хунты обороны столицы.

— Миаха? — удивился Берзин.

Он знал, что генерал Миаха не пользовался уважением ни в армии, ни в правительстве. Его называли генералом-неудачником. В начале мятежа он был назначен военным министром, но пробыл на этом посту всего несколько часов. Миаху просто игнорировали, и он в тот же день подал в отставку. Кабальеро назначил его начальни-

ком мадридского гарнизона. Миаха по-испански «крошка». Он действительно был маленький, невзрачный, но очень самолюбивый, старался поднять свой авторитет пышными выездами по гарнизону.

— Да вы не расстраивайтесь,— поспешно сказал Рохо, видя, как хмурится Берзин.— Вряд ли мы будем отсиживаться в Валенсии.

Через несколько дней они действительно вернулись в Мадрид, в свое старое убежище в подвале министерства финансов в самом центре города.

Германская авиация сильно покалечила город. Много старинных зданий было разрушено, улицы завалены грудами кирпича и камня. А совсем недавно этот прекрасный город пленил Берзина своим особым величием. «Война безобразна, как смерть»,— подумал он.

Энрике Листер рассказал, что после бегства правительства в штаб Народного фронта заявился генерал Миаха. Он был в полной растерянности. Передал в штаб конверт с приказом Кабальеро, в котором Миахе поручалось возглавить Хунту по обороне Мадрида и отстаивать от фашистов столицу любой ценой.

— Никакой Хунты я не обнаружил,— лепетал Миаха.— Ее просто не существует... Это что же, насмешка?

На конверте было написано: «Не вскрывать до шести часов утра 7 ноября 1936 года».

— А генерал Мола по радио похвалялся взять столицу именно 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции!— возмущался Листер. Начальник штаба глубокомысленно отмалчивался.

Бегство правительства развязало руки коммунистам. По инициативе Центрального Комитета партии во главе с Хосе Диасом и Долорес Ибаррури срочно была создана Хунта (Комитет) обороны из представителей всех партий. Комитет возглавил Висенте Рохо. Был издан приказ о всеобщей мобилизации.

По распоряжению Энрике Листера была организована комиссия, которая занялась эвакуацией из Мадрида художественных ценностей. Советы Берзина не пропали даром.

Вокруг Мадрида возвели три пояса обороны. Центральный фронт по совету Берзина был укреплен лучшими силами интернациональных бригад. И хотя они насчитывали всего три с половиной тысячи человек (тогда как

в одном соединении Листера было семьдесят тысяч), эти бригады активизировали не только фронт, но и возбудили мировое общественное мнение.

Гостиница «Гейлорд» была разрушена, и Берзину пришлось переселиться в свой кабинет в штабе. Там уже давно жили русские советники по разным родам войск.

В полночь с шестого на седьмое ноября фашисты начали жестокий артиллерийский обстрел города со стороны загородного парка Касо де Кампа, где они окопались.

Земля сотрясалась от грохота канонады, и в подвале это особенно ощущалось. Мелко дрожали стаканы на столе, подпрыгивали коробки телефонов. Рохо то и дело хватался за трубку, слушая донесения.

Ни седьмого, ни двенадцатого, ни двадцать пятого ноября, как планировали мятежники, Мадрид не был взят фашистами.

В середине декабря армия республиканцев во взаимодействии с интернациональными бригадами при поддержке авиации и танков прорвали фронт противника под Толедо и начали контрнаступление.

В начале ноября в Лиссабоне был потоплен большой немецкий пароход «Кап-Анкония» с военными грузами для фашистов.

Всю зиму 1937 года шли ожесточенные бои за Мадрид, мятежники отступали. Война обещала быть долгой...

В конце мая 1937 года Берзина отозвали в Москву. Ему на смену посылали другого советника. Он свою задачу выполнил блестяще, подготовив основательный фундамент для работы последующих советников.

Республиканская армия стала обстрелянной, дисциплинированной, подлинно регулярной армией с такими прославленными, талантливыми полководцами, как генералы Энрике Листер и Хуан Модесто.

Жарким летним днем Берзин покидал Испанию на очередном теплоходе, доставившем продовольствие и вооружение республиканцам.

Поезд пришел на Курский вокзал утром. Выйдя на перрон, Ян Карлович огляделся. Все было своим, давно знакомым, будто и не отлучался. Черный сверкающий паровоз обдал его шумным теплом. Вдоль перрона прямо на Берзина бежал высокий тонкий подросток.

— Папа! — и сейчас же уверенные руки сына крепко

обхватили шею.— Приехал! Приехал! — радостно смеялся Андрейка.

— Получил мою телеграмму из Севастополя? — жадно оглядывая сына, спрашивал Ян Карлович. Вырос-то как! А в основном все такой же: темные смеющиеся глаза — его глаза, чуб ежиком, тоже как у него...

Андрейка пытается отобрать у отца чемодан:

— Дай мне, а то тебе тяжело.

— Ну, ну, я еще далеко не старик,— смеется Берзин.

Сын сбивчиво рассказывает обо всем сразу: о домашних (мама здорова, дядя Ян и тетя Паулина — тоже), о школьных делах, о том, что он решил быть военным, как отец.

Они ехали в автомобиле, и Берзин впервые подумал, что Москва огромный и очень своеобразный город. Всюду цвела сирень. Простые березы бежали вдоль скверов. Было много новостроек: строились дома, метро, расширялись старые улицы. И во всем облике столицы было что-то веселое, молодое.

...Советское правительство высоко оценило заслуги Берзина. «За проявленное мужество и умелое руководство боевыми действиями в республиканской Испании» он получил высшую награду Родины — орден Ленина.

Вскоре армейский комиссар второго ранга Ян Карлович Берзин был снова назначен на должность начальника Разведывательного управления Красной Армии.

С волнением зашел он в свой рабочий кабинет. Здесь все было по-старому: большая карта на стене, разные шкафы, набитые папками, уютные кресла.

Нужно было немедленно приниматься за дела. Он теперь наверное знал, что война мчится на всех парусах, и нельзя было терять ни минуты драгоценного времени.

СОДЕРЖАНИЕ

Колесникова М. В.

Гадание на иероглифах: Повести.— М.: Советский писатель, 1986.—432 с.

Книга М. Колесниковой объединяет три повести о Дальнем Востоке. В первой повести, давшей название книге, рассказывается о военном крахе Японии и о Международном военном трибунале в Токио над военными преступниками; во второй — «Венец жизни» — автор рассказывает об Анне Клаузен, соратнице Р. Зорге; третья повесть посвящена видному советскому военному деятелю Берзину (Кюзису Петерису), одному из организаторов и руководителей советской разведки.

ББК 84.Р7

К $\frac{4702010200—453}{083(02)—86}$ 69—86

Мария Васильевна Колесникова

ГАДАНИЕ НА ИЕРОГЛИФАХ

М., «Советский писатель», 1986, 432 стр.
План выпуска 1986 г. № 69.

Редактор Е. В. Леонова
Худож. редактор Е. Ф. Капустин
Техн. редактор Г. В. Климушкина
Корректор Т. Н. Гуляева

ИБ № 5430

Сдано в набор 28.06.85. Подписано к печати 17.12.85. А 06564. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 25,42. Тираж 100 000 экз. Заказ № 449. Цена 1 руб. 70 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

кова
ФАХ
2 стр.
ии
на
печати
га тип.
печать.
Тираж
Ордена
лиса-
Туль-
Госу-
ельств,
Тула,

ГАДАНИЕ НА ИЕРОГЛИФАХ

1 р. 70 к.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190